

Иванъ Сергѣевичъ ТУРГЕНЕВЪ.

ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ.

Сборникъ историко-литературныхъ статей.

СОСТАВИЛЪ

В. Покровскій.

Изданіе второе, дополненное.

Цена 60 коп.

МОСКВА.

Складъ въ книжномъ магазинѣ В. СПИРИДОНОВА и А. МИХАЙЛОВА.

Тверская, Столешниковъ пер., д. Лянозова.

Телефонъ 120—95.

1908.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Во второмъ изданіи помѣщены слѣдующія новыя статьи:

✓Смерть Тургенева, проводы его останковъ на родину и рѣчи, произнесенныя въ Парижѣ, *Евстаѳіева*. — ✓Встрѣча тѣла на русской границѣ и похороны въ Петербургѣ, изъ «*Новостей*». — ✓Памяти И. С. Тургенева, *Анненкова*. — Основная идея «Записокъ охотника» и художественное ея воплощеніе, *Венерова*. — И. С. Тургеневъ и крестьянскій вопросъ, *Гутьяра*. — Причины, вызвавшія появленіе «Записокъ охотника» и условія мѣста и времени, отразившіяся на нихъ, *его же*. — Свѣтлый образъ Лукерьи, взятый изъ родника народной жизни въ разсказѣ «Живыя мощи», *М.* — Люди 40-хъ годовъ и Рудинъ, какъ типичный представитель этой эпохи, *Овсяннико-Куликовскаго*. — Генетическая связь Рудина съ современной ему эпохой, *Венерова*. — Содержаніе повѣсти: «Дворянское гнѣздо», простота интриги и художественность ея колорита, *Пятковскаго*. — Живая вѣра, любовь къ Богу, вѣчныя начала, воспринятыя изъ религіи и роднящія съ народомъ — обаятельныя черты Лизы, *Николаева*. — Лиза какъ величавый образъ русской женщины, съ ея смиреніемъ, добровольнымъ мученичествомъ и жаждою искупительнаго добра, *Де-Пуле*. — Основное содержаніе повѣсти «Наканунѣ» и созданныя въ ней типы, *Н. К-аго*. — Лиза и Елена (сравнительная характеристика), *Карпова*. — ✓Особенности приѣма Тургенева въ изображеніи женщины, *Иванова*. — ✓Творчество Тургенева, его процессъ и приемы, *Гутьяра*. — Отношеніе Тургенева къ искусству, наукѣ, народности и русскому языку, *Сухомлинова*. — Тургеневъ и народное образованіе, *Ашевскаго*. — Тургеневъ — любимецъ крестьянъ своего села, *Анненкова*.

В. Покровскій.

Первоначальное воспитаніе Тургенева въ связи съ впечатлѣніями и вліяніями ранняго дѣтства.

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ родился въ гор. Орлѣ 28 октября 1818 года въ старинной дворянской семьѣ. По обычаю того времени, воспитывался дома подъ присмотромъ гувернеровъ — нѣмцевъ или швейцарцевъ, людей малообразованныхъ, забитыхъ нуждою, — которые, со дня поступленія въ богатый домъ, становились въ положеніе раболѣпныхъ слугъ, а не воспитателей, способныхъ оказать благотворное вліяніе на своихъ питомцевъ.

Вся ихъ роль ограничивалась тѣмъ, что дитя научилась бѣгло болтать на иностранныхъ языкахъ.

Въ 1822 году Тургеневы всей семьей отправились за границу, побывали въ Германіи, Швейцаріи, Франціи. Путешествіе совершалось самымъ грандіознымъ образомъ: въ собственныхъ дорожныхъ каретахъ, съ массой всякой поклажи и цѣлой вереницей крѣпостной челяди.

Объ этомъ путешествіи у четырехлѣтняго И. С. сохранилось лишь смутное воспоминаніе, за исключеніемъ двухъ случаевъ, едва не стоившихъ ему жизни. Разъ въ Бернѣ, вмѣстѣ съ родителями осматривая яму, въ которой содержали городскихъ медвѣдей, мальчикъ упалъ бы къ звѣрямъ, если бѣ отецъ во-время не подхватилъ его. А затѣмъ, — тяжелая болѣзнь, когда жизнь ребенка висѣла на волоскѣ, и съ минуты на минуту ожидая смерти, снимали уже мѣрку для гроба.

По возвращеніи изъ-за границы, Тургеневы снова поселились въ своемъ Орловскомъ имѣніи, „Спасскомъ“. Здѣсь-то протекли дѣтскіе годы жизни И. С. въ весьма мрачной и печальной обстановкѣ. „Мнѣ нечѣмъ помянуть моего дѣтства, — съ горечью въ сердцѣ говорилъ онъ впоследствии, — ни одного свѣтлаго воспоминанія. Въ нашемъ домѣ царила непомерная строгость, — матери я боялся „какъ огня“. Меня наказывали за всякій пустякъ, однимъ словомъ, муштровали, какъ рекрута. Рѣдкій день проходилъ безъ розогъ, а когда я отваживался спросить, за что меня наказывали, мать категорически заявляла: „тебѣ объ этомъ лучше знать, догадайся“¹⁾. Когда ребенку случалось обмолвиться словомъ, за нимъ немедленно слѣдовало „возмездіе“.

¹⁾ Полонскій, слушая воспоминанія И. С., спросилъ: „Неужели же твой отецъ никогда не вступался за тебя?“ — „Никогда! отвѣтилъ И. С. — Отецъ думалъ, что если меня такъ часто наказываютъ, то не иначе, какъ я это вполне заслужилъ“.

„Не могу надивиться, какъ это случилось, — говоритъ самъ И. С., — что разъ я избѣгнулъ наказанія.

„Однажды у насъ обѣдали гости, и рѣчь за столомъ зашла о томъ, какъ правильнѣй звать діавола: „вельзевуломъ“, „сатаню“ или „мефистофелемъ“. Заинтересованный споромъ старшихъ, я не утерпѣлъ и крикнулъ на весь столъ: „А я знаю, какъ его зовутъ!“

„— Ты! — воскликнула моя мать, бросая на меня молніеносный взоръ.

„— Да, я знаю...

„— Такъ скажи намъ!

„— Его зовутъ „Мемъ“.

„— Мемъ! почему же такъ?

„— Я слышалъ за обѣдней говорятъ: „вонмемъ“; я думаю, что это діавола прогоняють изъ церкви¹⁾.

„Мое ребяческое объясненіе вызвало общій хохотъ, и я легко отдѣлался на этотъ разъ — меня не наказали“.

Не зная съ ранняго возраста материнской горячей любви и ласки, которыхъ такъ жаждало его мягкое сердце и которыхъ онъ вполне заслуживалъ, доведенный почти до отчаянія ежедневной муштровкой и наказаніями, — мальчикъ задумалъ бѣжать изъ родительскаго дома.

И. С. самъ говоритъ объ этой страшной для него минутѣ: „Дождавшись наступленія ночи, когда все въ домѣ уснуло, захвативъ узелокъ съ провизіей и необходимымъ бѣльемъ, я, какъ кротъ, осторожно крался темнымъ коридоромъ, — откуда ни возьмись, мой нѣмецъ-гувернеръ!...

„Взявъ меня за руку, онъ отвелъ въ дѣтскую, журилъ, уговаривалъ, стараясь доказать всю неблаговидность моего поступка. На другой день онъ долго оставался въ комнатѣ моей матери, и хотя содержаніе ихъ бесѣды осталось для меня тайной, но съ того дня наказанія не повторялись уже такъ часто“.

Въ нѣжномъ возрастѣ, когда всего необходимѣе ласка и добрый примѣръ, мальчику, наоборотъ, доводилось не разъ быть свидѣтелемъ жестокихъ сценъ и беспощадной расправы съ дворовыми и крестьянами²⁾.

И это въ такую пору жизни, когда душа ребенка особенно воспримчива для внѣшнихъ впечатлѣній, которыя неизгладимыми чертами западаютъ въ дѣтскую душу.

Такимъ-то образомъ въ душѣ шестилѣтняго мальчика зародились первыя сѣмена глубокаго состраданія и жалости къ несчастнымъ рабамъ. Эти чувства не оставляли И. С. во всю его послѣдующую

1) „Вонмемъ“ — церковно-славянскій возгласъ (т.-е. слушайте), но когда произнести слово раздѣльно, то выйдетъ вон (уйди) и мемъ.

2) Тургеневъ говоритъ: „Мнѣ случалось видѣть, какъ къ матери, сидѣвшей у окна, подходили понура голову, ссылаемые ею дворовые за какую-нибудь провинность и обязанные передъ отъѣздомъ явиться на поклонъ къ барынѣ“.

жизнь, а съ лѣтами нравственныя страданія за крѣпостной людѣ все усиливались и надрывали это наболѣвшее сердце¹⁾.

Почти одинокій въ родной семьѣ, часто оставляемый безъ надзора, предоставленный самому себѣ, впечатлительный ребенокъ проводилъ часы, свободные отъ уроковъ, въ кругу дворовыхъ и крестьянъ и такимъ образомъ сроднился съ ними, и воочію позналъ всѣ тяжелыя стороны ихъ жизни.

Но самымъ любимымъ мѣстомъ уединенія въ дѣтствѣ для И. С. былъ старинный огромный садъ, скорѣе похожій на паркъ или рощу. Садъ былъ раскинутъ на высококомъ мѣстѣ и круто спускался къ пруду. Безчисленныя березовыя и липовыя аллеи, узкія и длинныя, прохладныя даже въ самые знойные дни, пересѣкались по всѣмъ направленіямъ узенькими, извилистыми дорожками, скрытыми подъ густо разросшимися кустами и почти непримѣтными для глаза. Однообразіе сада нарушалось разбросанными тамъ и сямъ кучами старыхъ елей, лиственницъ, огромныхъ дубовъ, а спускъ къ пруду, — окаймленный съ двухъ сторонъ орѣшникомъ, рябиной, жимолостью и терновникомъ, изъ-подъ которыхъ выглядывалъ верескъ и папортникъ, — придавалъ особенную красоту и живописность саду. Мѣстами открывались лужайки, покрытыя шелковистой изумрудно-зеленой травой, изъ которой робко выглядывали фіолето-розоватыя, темныя головки грибовъ и желтыя цвѣточки цикорія. Весной въ саду заливались соловьи, свистѣли дрозды, куковали кукушки. Въ пруду водилось много рыбы, не только караси и пескари, но и болѣе крупная, которая въ настоящее время совсѣмъ перевелась. „Въ это-то зеленое царство убѣгалъ я, — говоритъ И. С., — отъ зноя и людей, въ свои излюбенныя уголки, считая ихъ въ то время невѣдомыми для другихъ“.

Уже съ семилѣтняго возраста И. С. обращалъ на себя вниманіе старшихъ своимъ не по лѣтамъ серіознымъ видомъ; онъ вообще мало походилъ на дѣтей его возраста, преждевременно казался взрослымъ.

У него были очень большая голова²⁾, большіе серіозные глаза; мальчикъ зорко присматривался къ окружающему, приставалъ съ вопросами, всѣмъ интересовался. Игрушки его не забавляли, и до дѣтскихъ игръ былъ небольшой охотникъ, но зато страстно любилъ птицъ, ловилъ ихъ сѣтями, западней или на птичій клей, сажалъ въ садокъ, окрашенный въ зеленый цвѣтъ и устроенный въ одной изъ комнатъ въ Спасскомъ. Обязанность доставлять кормъ и ходить за

¹⁾ „Когда мнѣ случилось бывать на кладбищѣ, я безъ содроганія не могъ войти въ склепъ Лутвиновыхъ (предки его матери)“, говоритъ И. С. Полонскому въ бытность ихъ въ Спасскомъ въ 1887 г.

²⁾ Въ дѣтствѣ я думалъ, — говоритъ И. С., — что человѣческой мозгъ покрытъ только кожей и волосами, а у меня кости черепа были такъ тонки и чувствительны, что, когда товарищамъ случилось хлопнуть меня по головѣ, со мной дѣлалось дурно. И позже говоря объ этомъ съ Полонскимъ, И. С. съ сожалѣніемъ сказалъ ему: „Дотронуся до моего теменя, — у меня до сихъ поръ не срослись кости черепа. Мнѣ бы слѣдовало завѣщать мой черепъ въ анатомическій музей Академіи“. И дѣйствительно, при вскрытіи тѣла И. С. въ Буживалѣ въ 1883 г., доктора подтвердили, что кости черепа такъ тонки, что гнутся при нажимѣ пальцемъ.

пернатыми была возложена на лѣснаго сторожа съ прозвищемъ „Борзой“ за его высокій ростъ и сильную худобу при очень тонкихъ ногахъ.

Кромѣ того, съ разрѣшенія матери И. С. — Варвары П. около террасы были раставлены столы, на которые въ опредѣленные часы слеталась стая голубей, и маленькій Ваня собственноручно кормилъ ихъ зерномъ.

Лѣсники и охотники Спасскаго, желая потѣшить любознательнаго мальчика, сообщали ему много интереснаго о жизни пернатыхъ, о перелетѣ птицъ, характерѣ и привычкахъ бекасовъ, куропатокъ, перепелокъ, дикихъ утокъ, иногда приносили ихъ выводки, указывая на особенности породъ. Мальчикъ, — упоенный охотничьими рассказами, — упрашивалъ ихъ взять съ собою на охоту, и отправлялся съ ними и ребятами въ лѣсъ и на болото. Тутъ же онъ научился стрѣлять изъ ружья лѣснаго сторожа: сначала цѣлился въ сидящую птицу, а потомъ уже ловко убивалъ на лету.

Съ лѣтами И. С. сдѣлался искуснымъ стрѣлкомъ и страстнымъ охотникомъ. Бродя цѣлыми днями по лѣсамъ и окрестностямъ, онъ страстно полюбилъ природу, всѣми силами души наслаждаясь ея красотами, знакомился съ русской деревней, — которую такими яркими красками нарисовалъ впоследствии, которую такъ поэтически воспѣла его „муза“, доказавъ въ немъ тонкаго наблюдателя-художника. Первый же, кто познакомилъ И. С. съ народной поэзіей, былъ не кто иной какъ крѣпостной его матери В. П., самоучкой научившійся грамотѣ. Позже И. С. вывелъ его въ своемъ разсказѣ „Пунинъ и Бабуринъ“ (1874 г.).

Пунинъ декламировалъ мальчику Ломоносова, Державина, Хераскова.

Мы приводимъ тѣ прекрасныя строки, въ которыхъ Тургеневъ съ наслажденіемъ и благодарностью вспоминалъ о своихъ свиданіяхъ и бесѣдахъ съ своимъ доморощеннымъ наставникомъ:

„Не могу выразить тѣхъ чувствъ, которыя я испытывалъ, когда, улучивъ удачную минуту, Пунинъ являлся — подобно баснословному отшельнику или доброму духу — съ большимъ томомъ подъ мышкой, подавая мнѣ таинственные знаки своими кривыми пальцами и подмигивая глазами. Онъ давалъ мнѣ понять головой, плечами, разными тѣлодвиженіями, въ какомъ укромномъ мѣстечкѣ сада онъ меня будетъ ждать и гдѣ насъ не найдутъ....

„Вотъ, наконецъ, намъ удалось выйти изъ дома незамѣченными, мы въ укромномъ мѣстечкѣ... сидимъ рядкомъ... книга раскрывается, издавая запахъ сыростью старой бумаги, но даже этотъ терпкій запахъ казался мнѣ тогда удивительно пріятнымъ. Я дрожалъ, волновался, въ глубокомъ молчаніи слѣдя за его губами, ожидая съ замираніемъ сердца, когда польются сладкіе звуки... Наконецъ, начиналось чтеніе! Все исчезало у меня изъ глазъ... или скорѣе умахалось, уничтожалось... заволакивалось туманомъ, оставляя въ душѣ умильное доброе чувство!... Пунинъ, большею частью, выбиралъ для чтенія звучныя и торжественныя стихи, онъ влагалъ въ нихъ всѣ силы

своей души. Онъ скорѣе декламировалъ, чѣмъ читалъ, говорилъ съ паѳосомъ, нѣсколько гнусава, какъ бы опьянѣвшій... или пивея!... Начиналъ бормоча, скороговоркой — это значило читать „начерно“, потомъ снова повторялъ и читалъ уже „набѣло“ громко, размахивая при этомъ руками или поднимая ихъ съ мольбой или съ грознымъ жестомъ.

Такъ мы съ нимъ прочли не только Ломоносова, Кантемира (чѣмъ стихи были древнѣе, тѣмъ они ему болѣе нравились), но и „Россиаду“ Хераскова. Въ этой поэмѣ фигурируетъ женщина-татарка, истинная героиня, имя которой я забылъ теперь, но тогда при малѣйшемъ объ ней упоминаніи я весь холодѣлъ. Признаюсь откровенно, что „Россиада“ увлекала меня тогда больше всего. „Да, — говаривалъ при этомъ Пунинъ, качая головой: — Херасковъ не даетъ спуска! Иногда у него вырываются такіе стихи, что чуть устоишь на ногахъ. Только хочется тебѣ прочувствовать всю ихъ глубину, а онъ ужъ несется дальше, гремитъ, звучитъ какъ „кимваль“. И какое славное имя — „Херрасковъ“!

„У Ломоносова Пунинъ находилъ слогъ слишкомъ простымъ и свободнымъ, а къ Державину относился нѣсколько непріязненно, считая его болѣе царедворцемъ, чѣмъ поэтомъ, сочинителемъ. „У насъ дома, — говоритъ Тургеневъ, — съ презрѣніемъ относились къ русской литературѣ и поэзій, а русскіе стихи считали за что-то нескромное и даже пошлое. Покойная моя бабушка называла русскіе стихи не иначе какъ „пѣснями“, и по ея мнѣнію, каждый русскій поэтъ былъ непременно или пьяница, или дуракъ.

„Воспитанному въ такихъ понятіяхъ, мнѣ предстояло одно изъ двухъ: или отвернуться отъ Пунина — онъ дѣйствительно былъ крайне грязенъ и неряшливъ, что нѣсколько претило моимъ аристократическимъ привычкамъ, — или послѣдовать его „страсти къ поэзій“. Послѣднее взяло верхъ. Я принялся декламировать или, говоря языкомъ бабушки, „пѣть пѣсни“ и даже рискнулъ писать стихи. Первымъ опытомъ моей ребяческой поэзій было описаніе „Шарманки“. Пунинъ нашелъ подражаніе довольно гармоничнымъ, но не одобрялъ сюжета, находя его слишкомъ вульгарнымъ, низменнымъ, не стоящимъ быть воспѣтымъ „на струнахъ лиры“.

Вмѣстѣ съ И. С. росъ и учился старшій братъ Николай, который для меньшого брата переводилъ повѣсти съ англійскаго языка. Третій — Сергій Сергѣевичъ умеръ въ ранней молодости.

Вѣроятно, въ своихъ „Запискахъ охотника“, а именно въ „Гамлетѣ Щигровскаго уѣзда“, И. С. упоминаетъ о меньшомъ братѣ, страдавшемъ англійской болѣзнію, говоря: „У меня сохранилось смутное воспоминаніе о младшемъ братѣ, который по болѣзни не могъ ходить, а ползалъ, какъ „червякъ“, и умеръ очень молодымъ“.

Мурье.

Пребываніе И. С. Тургенева въ пансіонѣ и университетахъ.

Въ 1827 году Тургеневы переѣхали на жительство въ Москву, въ собственный домъ на Остоженкѣ¹⁾. И. С. отдали въ пансіонъ Винденгаммера. Въ то время дворяне-помѣщики не рѣшались отдавать сыновей въ гимназію, боясь для нихъ товарищества разночинцевъ. Но не долго пробылъ И. С. въ пансіонѣ, его перевели пансіонеромъ въ семью директора Лазаревского института г. Краузе. Здѣсь онъ учился подъ руководствомъ хорошихъ преподавателей, каковы: Ключниковъ, Погорѣльскій и другіе. Впослѣдствіи онъ съ особенной любовью и уваженіемъ отзывался о преподавателѣ Дубенскомъ. Это былъ въ высшей степени благородный человекъ, добросовѣстный педагогъ старой школы, основательно учившій своихъ питомцевъ, воспитывая ихъ на произведенія Карамзина, Батюшкова, Жуковского. Пушкина онъ не долюбливалъ за его „вольности“, — какъ говорилъ Дубенскій, порицая поэта за то, за что и самъ Пушкинъ укорялъ самъ себя впослѣдствіи — что онъ унижаетъ поэзію, воспѣвая низменные предметы, недостойные самаго „духа“ поэзіи. Пребываніе въ домѣ г. Краузе принесло много пользы И. С. Онъ сдѣлалъ большіе успѣхи въ иностранныхъ языкахъ, особенно въ англійскомъ, прошелъ всеобщую литературу, такъ что — съ прежнимъ знаніемъ французскаго и нѣмецкаго языковъ — вынесъ большой запасъ свѣдѣній по иностранной литературѣ. Ему вообще легко давались иностранные языки, и онъ впослѣдствіи совершенно свободно владѣлъ ими.

Въ 1833 году И. С. вступилъ въ Московскій университетъ, гдѣ слушалъ лекціи профессоровъ: Павлова, Погодина, Побѣдоносцева, но, спустя годъ, а именно 30 октября 1834 года, получивъ извѣстіе о смерти отца, уѣхалъ въ Спасское.

Въ академическомъ 1834—35 году онъ перешелъ въ Петербургскій университетъ. Чтò заставило его избрать Петербургъ, а не Москву, — тогда какъ мать В. П., похоронивъ мужа, поселилась въ Москвѣ, — этотъ вопросъ остается открытымъ. Можно предполагать, что онъ желалъ вырваться на свободу и быть подальше отъ требовательной матери и родныхъ.

Въ тѣ годы Петербургскій университетъ не славился профессорами, а студенты мало отдавались наукѣ, а проводили время въ картежной игрѣ и пирушкахъ. Чтобъ составить вѣрное понятіе о томъ, какъ строго осуждалъ И. С. образъ жизни учащейся молодежи и какія тяжкія воспоминанія вынесъ онъ объ этомъ времени, стоитъ прочесть его негодующія рѣчи о „Клубѣ студентовъ“ въ „Гамлетѣ Щигровскаго уѣзда“.

За исключеніемъ ректора университета — П. А. Плетнева, писателя и друга Пушкина и его сотрудника по изданію „Современника“, не было ни одного выдающагося профессора, достойнаго упоминанія.

¹⁾ Біографы И. С. расходятся въ своихъ указаніяхъ о мѣстѣ жительства — Остоженка или Самоотека.

Лекціи читались больше по книгамъ или по запискамъ на русскомъ или нѣмецкомъ языкѣ, вышедшимъ изъ-подъ строгой редакціи начальства. Студенты записывали лекціи и зубрили ихъ къ экзаменамъ. Наука не пользовалась большою симпатіей ни у учащихся ни у учащихся.

Плетневъ, читавшій русскій языкъ и всеобщую литературу, — по словамъ И. С. — хотя читалъ нѣсколько узко, но изящнымъ слогомъ, внятно и съ одушевленіемъ. Онъ умѣлъ передать свои симпатіи и заинтересовать аудиторію. Къ тому же въ глазахъ студентовъ онъ стоялъ высоко, какъ одинъ изъ литературной плеяды, другъ Пушкина, Жуковского, Бярятинскаго, Гоголя — ему же Пушкинъ посвящалъ своего „Евгенія Онѣгина“.

Плетневъ былъ одинъ изъ людей „невозвратной эпохи“, профессоръ прежней школы: образованный, но не специалистъ, хотя чело-вѣкъ своеобразнаго ума.

Философію преподавалъ нѣкто Фишеръ, австріецъ родомъ, за незнаніемъ русскаго языка читавшій по-латыни. Исторію читалъ профессоръ Куторга, еще молодой чело-вѣкъ, только что вернувшійся изъ поѣздки въ Германію, страстный поклонникъ критической школы Нибура. Шульгинъ читалъ однообразно и неясно освѣщалъ свой предметъ. Проф. Устряловъ передавалъ факты съ патріотической окраской, и, наконецъ, Гоголь, который въ началѣ задумалъ посвятить себя научной дѣятельности. Онъ преподавалъ весьма оригинально, — говорить И. С., — во-первыхъ изъ трехъ лекцій пропускалъ двѣ, затѣмъ, взойдя на кафедру, говорилъ что-то скороговоркой, а больше занималъ студентовъ, показывая гравюры на стали съ видами св. Земли и Востока, при чѣмъ во все продолженіе лекціи казался крайне смущеннымъ. Студенты вывели изъ этого, что лекторъ не обладаетъ достаточными свѣдѣніями по своему предмету, да и самъ Гоголь, кажется, сознавалъ всю неловкость своего положенія, и въ 1835 г. подалъ въ отставку. Русскую литературу читалъ проф. Никитенко. Кромѣ посѣщенія университета, И. С. занимался подъ руководствомъ Вальтера, извѣстнаго латиниста, преподавателя нѣмецкой Петропавловской школы (служившаго въ Императорской Публичной библіотекѣ). Съ нимъ онъ читалъ и переводилъ Горация, Тацита, Софокла, Фукидида и др., но древніе языки не легко давались И. С., и, когда онъ вступилъ въ Берлинскій университетъ, ему снова пришлось засѣсть за латинскій и греческій.

Плетневъ, — чело-вѣкъ прекрасной души, — относился къ студентамъ запросто, вполне отечески, такъ что они посвящали его въ свои литературные опыты. „И я, — говорилъ Тургеневъ, — рѣшился отдать на его усмотрѣніе мою первую пробу пера“ или „плоды музы“, какъ говорили въ былыя времена. Эта была фантастическая драма въ стихахъ подъ названіемъ „Стеніо“.

„На слѣдующей же лекціи Плетневъ, не называя автора, принялся за разборъ моего произведенія съ обычнымъ ему благодушіемъ.

Произведеніе, — долженъ признаться, — крайне глупое, бессмысленное, не что иное какъ плоское подражаніе Байроновскому „Манфреду“ и доказавшее полное невѣжество автора.

„По окончаніи лекціи, уходя изъ университета, ректоръ позвалъ меня съ собой, дорогой ласково журиль за пустое времяпрепровожденіе, но сказалъ, что во мнѣ есть „кое-что“. Эти слова такъ ободрили меня, что черезъ нѣсколько времени я опять передалъ ему на просмотръ нѣсколько стихотвореній, изъ которыхъ онъ выбралъ два и спустя годъ напечаталъ въ „Современникѣ“ (1838 г.). Одно изъ нихъ подъ названіемъ „Старый дубъ“ было тоже не болѣе, какъ „лепеть ребяческой поэзіи“.

Съ этого времени Плетневъ приглашалъ Тургенева на свои литературные вечера, гдѣ послѣдній имѣлъ случай познакомиться съ болѣе или менѣе извѣстными писателями, между прочимъ, съ Козловымъ. Здѣсь же онъ встрѣтилъ Пушкина, Бѣлинскаго и др. Но всѣ эти литературныя встрѣчи въ домѣ ректора были, большею частью, случайны для молодого студента и будущаго великаго писателя и ограничивались лишь нѣсколькими словами съ Плетневымъ, съ Бѣлинскимъ, который не одинъ добрый совѣтъ далъ начинающему писателю, нѣсколькими вскользь брошенными страстными взглядами на обожаемаго Пушкина, котораго я, какъ и всѣ современники, почиталъ за „полубога“, предъ которымъ мы положительно благоговѣли.

Какъ сынъ старинной дворянской фамиліи, И. С. имѣлъ свободный доступъ въ высшій кругъ столицы, но онъ чуждался свѣтскаго общества, а больше вращался въ литературной средѣ. Онъ, видимо, увлекался литературой, писалъ самъ и читалъ въ оригиналѣ лучшія произведенія иностранной литературы.

Лѣто онъ проводилъ обыкновенно въ Спасскомъ. Здѣсь снова имъ овладѣвали вопросы о крѣпостномъ правѣ; онъ много читалъ, ходилъ на охоту, а иногда, захвативъ ружье, пропадалъ на цѣлые дни въ лѣсу.

Мурье.

Путешествіе Тургенева за границу и возвращеніе на родину. Первые его литературные труды.

Не разъ И. С. порывался ѣхать за границу, но мать В. П. препятствовала выполнить это завѣтное желаніе. Наконецъ, послѣ долгихъ настояній, удалось ему получить ея согласіе и послѣ долгихъ сборовъ въ дорогу сѣсть на пароходъ „Николай I“, идущій въ Любекъ. Легко себѣ представить, какъ радостно билось сердце 20-лѣтняго молодого человѣка, цвѣтущаго здоровьемъ и вырвавашагося на свободу. Первымъ дѣломъ И. С. направился въ Берлинъ — тогдашній центръ всемірной науки, мыслителей и философовъ.

Но во время плаванія онъ чуть не погибъ: на пароходѣ вблизи Траvemюнде произошелъ пожаръ, и пассажиры едва спаслись на лод-

кахъ. Этотъ случай послужилъ сюжетомъ для художественнаго разсказа „Пожаръ на морѣ“, который И. С. написалъ за мѣсяць до своей смерти въ 1883 году.

Въ Берлинъ онъ пріѣхалъ весною 1838 года и немедленно за-сѣлъ за серьезное чтеніе — читалъ чуть не до ожесточенія¹⁾. Онъ изучалъ древніе языки, исторію и особенно философію Гегеля подъ руководствомъ профессора Вердера. Вообще въ Германіи жилось ему весело и отрадно. Русскіе студенты сходились тѣснымъ кружкомъ въ семьѣ Фроловыхъ, гдѣ ихъ всегда встрѣчали ласка и радушіе. Тургеневъ сдружился съ Грановскимъ, Станкевичемъ — горячимъ поклонникомъ Запада, — Бакунинымъ и вообще съ „западниками“, какъ ихъ называли въ отличіе отъ „славянофиловъ“.

Но, живя за границей и усердно посѣщая Берлинскій университетъ, И. С. часто возвращался мыслью къ дорогой родинѣ, сравнивая общественное положеніе и относительное благосостояніе нѣмецкаго крестьянина съ полнымъ невѣжествомъ и печальнымъ положеніемъ крѣпостныхъ въ Россіи, и глубокая скорбь наполняла это чуткое, благородное сердце.

А вскорѣ посѣтило его другое горе: умеръ горячо любимый Станкевичъ!

Въ 1841 году И. С. вернулся изъ-за границы въ Петербургъ, а оттуда проѣхалъ въ Москву навѣстить мать, здоровье которой за послѣдніе годы сильно пошатнулось. Отношенія и прежде были натянуты, а теперь И. С. скоро убѣдился, что пока онъ жилъ за границей, она не забыла еще ничего прежняго, и что они — люди совершенно разныхъ характеровъ и убѣжденій — никогда не могутъ сойтись.

Онъ, поживя на чужбинѣ, во многомъ измѣнился; она, старѣясь, оставалась та же съ своей холодностью, бездушіемъ, и напрасно было стараться поколебать ея убѣжденія.

Хотя они вмѣстѣ отправились въ Спасское, но тамъ не замедлила разыгратъ бурная сцена между матерью и сыномъ. Поводомъ къ ссорѣ послужило дурное обращеніе съ крѣпостными. Иванъ Сергѣевичъ, не медля ни минуты, уложился и уѣхалъ въ Петербургъ.

Безъ гроша денегъ, ничего не захвативъ изъ дома, Тургеневъ принужденъ былъ искать работы, и не разъ будущій великій писатель голодалъ по цѣлымъ днямъ.

Онъ толкнулся къ Вл. Далю — директору канцеляріи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ — въ то время довольно извѣстному писателю. Послѣдній далъ ему мѣсто въ своей канцеляріи. Даль былъ человѣкъ честный, дѣятельный, исполнительный чиновникъ, но крайне требовательный начальникъ. На первыхъ же порахъ И. С. получилъ замѣчаніе отъ директора за опозданіе на службу. Тургеневъ съ удивленіемъ поднялъ глаза на начальника, какъ бы спрашивая себя, неужели это тотъ же самый Вл. Даль, съ которымъ онъ не далѣе какъ наканунѣ

¹⁾ Чтѣ не мѣшало ему рисовать карикатуры, которыми пестрѣли поля его замѣтокъ и лекцій.

провелъ пріятный вечеръ у Плетнева, а за день до того — у Жуковского. Спустя немного, послѣдовало вторичное строгое замѣчаніе по тому же поводу, а на третій разъ — И. С. подалъ въ отставку, давъ себѣ слово никогда не служить.

Во время своего пребыванія въ Петербургѣ, И. С. близко сошелся съ Бѣлинскимъ, ему читалъ свои первыя стихотворенія, которыя печатались въ „Современникѣ“, издававшемся Некрасовымъ, за подписью Т. Л. (Тургеневъ-Лутовиновъ).

Бѣлинскій снисходительно отнесся къ первымъ литературнымъ опытамъ И. С., да и онъ самъ скоро понялъ, что не поэзія составитъ ему имя въ литературѣ¹⁾, что онъ еще въ потемкахъ, но не палъ духомъ, а въ 1843 году отдалъ въ печать свою поэму „Параша“.

Это произведеніе ничѣмъ не отличалось въ литературномъ отношеніи, и нельзя было по немъ предугадать нарождающійся талантъ.

Однако поэма вызвала шумную полемику, такъ какъ въ ней ярко выражались горячія симпатіи юнаго автора къ Западу. Злобная критика не пощадила ни человѣка ни писателя (называя), окрестивъ его первые опыты въ литературѣ подъ названіемъ „Чудеса европейскаго развитія“.

Бѣлинскій, напротивъ, открылъ въ „Парашѣ“ признаки рѣдкаго таланта наблюдательности и говорилъ: „Тотъ, кто сумѣлъ написать Парашу, — тотъ сумѣетъ исправиться отъ недостатковъ“.

Отдавъ въ печать „Парашу“, И. С. уѣхалъ въ Спасское, гдѣ, большею частью, проводилъ время на охотѣ, съ нетерпѣніемъ ожидая выхода слѣдующей книжки „Отечественныхъ Записокъ“ со статьей Бѣлинскаго. Онъ задумалъ пока прочесть поэму матери, но В. П. только качала головой, зѣвала, удивляясь, что сынъ ея находитъ удовольствіе писать „пѣсни“.

— Не понимаю, что тебѣ за охота быть писателемъ! Развѣ это дворянское дѣло?... По моему мнѣнію, что писатель, что писецъ — одно и то же. Оба мараютъ бумагу за деньги. Дворянинъ обязанъ служить, составить себѣ имя на службѣ, а не марать бумагу. Да и кто же читаетъ „русскіе стихи“?!...

— Ты сама! — отвѣтилъ Тургеневъ. — Вѣдь ты же любила и уважала Жуковского!

— Ахъ, это другое дѣло, Жуковскій! Его нельзя не уважать. Ты знаешь, какъ его любятъ при Дворѣ!

Варвара Петровна не безпокоилась о сынѣ, она была увѣрена, что эта болѣзненная фантазія пройдетъ сама собой. Отчего не подурачиться въ двадцать-пять лѣтъ! Дурачества были присущи дворянамъ.

Но вотъ наступилъ май, и такъ нетерпѣливо ожидаемый номеръ „Отечественныхъ Записокъ“ вышелъ. И. С. поспѣшно разрѣзалъ листы книжки — это было „огненное крещеніе“.

¹⁾ Онъ самъ говорилъ: „Миѣ крайне антипатичны мои первыя стихотворенія, у меня даже не сохранилось ни одного экземпляра — и я много бы далъ, чтобы ихъ не было ни у кого“.

Какой несказанной радостью наполнилось его сердце, читая похвальный отзывъ Бѣлинскаго!

„Эти строки удесятерили мои силы, — говорилъ Тургеневъ, — я готовъ былъ полюбить весь міръ, а особенно Бѣлинскаго! Я далъ себѣ слово сдѣлаться его другомъ, его ученикомъ!“

Поэма „Параша“ сыграла большую роль въ жизни Тургенева, хотя не имѣетъ почти значенія въ исторіи русской литературы.

Лѣтомъ 1843 года, вернувшись изъ Спасскаго въ Петербургъ, И. С. немедленно посѣтилъ Бѣлинскаго, въ то время уже больного чахоткой, и настолько сдружился съ нимъ, что почти ежедневно бывалъ у него, пока въ 1848 году смерть не сразила этого мужественнаго страдальца. И. С. глубоко цѣнилъ эту дружбу, а Бѣлинскій, съ своей стороны, платилъ ему такой же сердечной привязанностью.

Подъ руководствомъ великаго критика, — имѣвшаго большое влияние на И. С., — вполне опредѣлилось направление всей его будущей литературной дѣятельности.

Мурье.

Тургеневъ за границей среди русской интеллигентной молодежи 40-хъ годовъ.

Въ Берлинѣ Тургеневъ въ два пріѣзда пробылъ около двухъ лѣтъ. Изъ числа русскихъ, слушавшихъ университетскія лекціи, особенно близко сошелся онъ съ Грановскимъ и Станкевичемъ, которые, какъ всякій это знаетъ, оба были горячими западниками, а нѣсколько позже — съ М. Бакунинимъ, ярымъ гегелианцемъ и даже пророкомъ гегелизма въ Россіи. Самъ онъ занимался философійю, древними языками, исторіей и съ особеннымъ рвеніемъ изучалъ Гегеля подъ руководствомъ профессора Вердера. Подъ влияніемъ впечатлѣній заграничной жизни онъ сталъ ярымъ западникомъ.

Въ Берлинѣ Тургеневу жилось весело и хорошо. Извѣстно, что никогда, ни раньше ни позже, русская интеллигентная молодежь не занималась такъ много разговорами и словопреніями, какъ въ періодъ трицатыхъ и сороковыхъ годовъ. Возлѣ разговоровъ сосредоточивались зачастую весь смыслъ и интересы бытія. Затрогивались и рѣшались *tant bien, que mal* огромнѣйшіе и отвлеченнѣйшіе вопросы о Богѣ, безсмертіи души, особенностяхъ народовъ, назначеніи челоуѣка, правахъ и особенностяхъ личности. Всѣ даровитые люди отличались поразительной словоохотливостью и пристрастіемъ къ спорамъ. Споры продолжались цѣлыми днями и ночами, а иногда и сутками — безъ перерыва! — тянулись же недѣлями и мѣсяцами. Много тутъ было, разумѣется, комическаго, ненужнаго, напоминавшаго лепетъ ребенка, только что научившагося говорить и лепечущаго безъ усталости обо всемъ; много и важнаго, интереснаго, такъ какъ во время преній слагались убѣжденія, которымъ люди оставались вѣрными порою въ теченіе всей своей жизни. Разговорами отводили душу, тѣмъ болѣе,

что все вело къ разговорамъ. Мерзость настоящаго, неопредѣленность будущаго, отсутствіе какого бы то ни было жизненнаго дѣла, полная матеріальная обезпеченность лучшихъ интеллигентовъ того времени (за исключеніемъ Бѣлинскаго), изобиліе шампанскаго, безъ котораго не обходилась ни одна вечеринка, потребность свободы, хотя бы только у себя въ дружескомъ кружкѣ, самая легкость разговора, основывавшагося не на фактахъ, а на принципахъ и аксіомахъ гегелевской философіи, — все это вдохновляло, горячило, дѣлало слово, споръ сущностью жизни, ея прелестью и красотой. Нѣтъ, мы даже не умѣемъ говорить такъ искренно, съ такимъ увлеченіемъ, какъ наши дѣды, намъ совѣстно было бы говорить такъ много, съ такимъ азартомъ; какъ 50 лѣтъ тому назадъ. Но перенеситесь въ ту эпоху, и вы увидите, что нельзя было не говорить, надо было говорить, чтобы хотя на минуту отвести душу. Вотъ Бакунинъ развалился на диванѣ и занялъ его весь своей огромной фигурой; онъ гремитъ своимъ раскатистымъ голосомъ, наизусть цитируетъ цѣлыя страницы изъ Гегеля, не задумываясь, рѣшаетъ великіе и малые вопросы; что-то богатырское есть въ его фигурѣ, голосѣ, жестахъ; — гдѣ-нибудь у окна присѣлъ тихій, прекрасный Станкевичъ, съ доброй улыбкой на больномъ лицѣ, съ восторженными глазами; онъ ждетъ минуты, чтобы вставить свое задушевное слово; — вотъ и самъ Тургеневъ, тоже гигантъ ростомъ и умомъ, но тогда еще ученикъ, покорно выслушивающій поученія старшихъ; — Грановскій съ своимъ задумчивымъ, неопредѣленно устремленнымъ взглядомъ, своей изящной рѣчью, своимъ серебристымъ подкупающимъ голосомъ. Пройдетъ не много лѣтъ, и за тѣми же разговорами мы застанемъ новыхъ лицъ, хотя и не увидимъ уже прекраснаго лица Станкевича и не услышимъ больше его задушевнаго голоса. Сверкая глазами и бѣгая изъ угла въ уголъ по комнатѣ, будетъ волноваться Бѣлинскій и нападать съ комической яростью на барщичей, въ родѣ Тургенева, за ихъ бездѣлье, за привязанность къ чистой красотѣ и размахивая руками, кричать своимъ тонкимъ голоскомъ, волнуясь и спѣша.

Въ Берлинѣ, повторяю, Тургеневу жилось хорошо, весело. Въ семейство Фроловыхъ часто собирались русскіе студенты и встрѣчали здѣсь всегда ласковый, задушевный пріемъ. Самъ Тургеневъ поселился на квартирѣ съ однимъ изъ своихъ товарищей русскихъ, увлеченныхъ по модѣ того времени Гегелемъ. Товарищъ заставлялъ его штудировать философію и отечески слѣдить за его нравственностью.

Такъ прошло два года, во время которыхъ случилось только одно поистинѣ грустное событіе — смерть Станкевича. Вотъ, что писалъ по этому поводу Тургеневъ Грановскому: „Насъ постигло великое несчастье, Грановскій. Едва я могу собраться съ силами писать. Мы потеряли человѣка, котораго мы любили, въ кого мы вѣрили, кто былъ нашей гордостью и надеждой. 24-го іюня въ Нови скончался Станкевичъ. Я бы могъ, я бы долженъ здѣсь кончить письмо. Что остается мнѣ сказать — къ чему вамъ теперь мои слова? не для васъ,

болѣе для меня продолжаю я письмо: я сблизился съ нимъ въ Римѣ, я его видѣлъ каждый день и началъ цѣнить его свѣтлый умъ, теплое сердце, всю прелесть его души. Тѣнь близкой смерти уже тогда лежала на немъ... Я оглядываюсь, ищу напрасно. Кто изъ нашего поколѣнія можетъ замѣнить нашу потерю?... Кто достойнѣе приметъ отъ умершаго завѣщаніе его великихъ мыслей и не дастъ погибнуть его влиянію, будетъ итти по его дорогѣ, въ его духѣ, съ его силой?... Но нѣтъ, мы не должны унывать и преклоняться. Сойдемтесь — дадимъ другъ другу руки, станемъ тѣснѣе: одинъ изъ насъ упалъ быть можетъ лучшей. Но возникаютъ, возникаютъ другіе: рука Бога не перестаетъ сѣять въ души зародыши великихъ стремленій, и рано или поздно свѣтъ побѣдитъ тьму“.

Какъ ни риторична форма этого письма — оно несомнѣнно искренне.

Соловьевъ.

Тургеневъ въ кружкѣ молодыхъ литераторовъ на родинѣ.

Тургеневъ скоро и близко сошелся также и съ кружкомъ молодыхъ литераторовъ, который группировался вокругъ Бѣлинскаго. Къ этому кружку принадлежали Панаевъ, М. А. Языковъ, Кульчицкій, П. В. Анненковъ; здѣсь же бывалъ прежде Бакунинъ и Катковъ; бывалъ одно время Герценъ; нѣсколько позже къ этому дружескому кругу присоединились К. Д. Кавелинъ, Некрасовъ, И. А. Гончаровъ, Д. В. Григоровичъ и др. „Отечественныя Записки“, въ которыхъ всѣ эти писатели принимали живое участіе, приобрѣли въ лицѣ Тургенева замѣчательнаго сотрудника. Онъ приступалъ къ литературной дѣятельности, будучи многосторонне образованнымъ человѣкомъ, познакомившись въ подлинникѣ съ лучшими европейскими писателями и въ самомъ источникѣ усвоивъ себѣ результаты философскаго знанія того времени. Не преувеличивая, можно сказать, что въ началѣ 40-хъ годовъ онъ былъ однимъ изъ самыхъ образованныхъ русскихъ литераторовъ и, сближаясь съ передовыми людьми своего времени, тогда же имѣлъ на нихъ влияніе своимъ многостороннимъ знакомствомъ съ западной наукой и литературой.

„Возвратившись въ Петербургъ изъ Спасскаго (лѣтомъ 1843 г.), — пишетъ Тургеневъ, — я отправился къ Бѣлинскому, и знакомство наше началось. Онъ вскорѣ уѣхалъ въ Москву — жениться, и потомъ поселился на дачѣ въ Лѣсномъ. Я также нанялъ дачу въ первомъ Парголовѣ и до самой осени почти каждый день посѣщалъ Бѣлинскаго. Я полюбилъ его искренно и глубоко; онъ благоволилъ ко мнѣ...

„Когда я познакомился съ нимъ, его мучили сомнѣнія. Эту фразу я часто слышалъ и самъ примѣнялъ ее не однажды, но дѣйствительно

и вполне онъ примѣнялась къ одному Бѣлинскому. Сомнѣнія его именно мучили его, лишили его сна, пищи, неотступно жгли и грызли его; онъ не позволялъ себѣ забытья и не зналъ усталости; онъ денно и ночью бился надъ разрѣшеніемъ вопросовъ, которые самъ задавалъ себѣ. Бывало, какъ только я приду къ нему, — онъ исхудалый, больной (съ нимъ сдѣлалось тогда воспаленіе въ легкихъ и чуть не унесло его въ могилу), тотчасъ вставалъ съ дивана и едва слышнымъ голосомъ, безпрестанно кашляя, съ пульсомъ, бившимъ сто разъ въ минуту, съ неровнымъ румянцемъ на щекахъ, начнеть прерванную накануне бесѣду. Искренность его дѣйствовала на меня, его огонь сообщался и мнѣ, важность предмета меня увлекала; но, поговоривъ часа два-три, я ослабѣвалъ, легкомысліе молодости брало свое, мнѣ хотѣлось отдохнуть, я думалъ о прогулкѣ, объ обѣдѣ, сама жена Бѣлинскаго умоляла и мужа и меня хотя немножко погодить, хотя на время прервать эти пренія, напоминала ему предписаніе врача... но съ Бѣлинскимъ сладить было не легко. „Мы не рѣшили еще вопроса о существованіи Бога, — сказали онъ мнѣ однажды съ горькимъ упрекомъ, — а вы хотите ѣсть!...“

„Сознаюсь, — продолжалъ Тургеневъ, — что, написавъ эти слова, я чуть не вычеркнулъ ихъ при мысли, что они могутъ возбудить улыбку на лицахъ иныхъ изъ моихъ читателей... Но не пришло бы въ голову смѣяться тому, кто самъ бы слышалъ, какъ Бѣлинскій произнесъ эти слова, и если при воспоминаніи объ этой небоязни смѣшного улыбка можетъ прійти на уста, то развѣ улыбка умиленія и удивленія.

„Лишь добившись удовлетворившаго его въ то время результата, Бѣлинскій успокоился и, отложивъ размышленія о тѣхъ капитальныхъ вопросахъ, возвратился къ ежедневнымъ трудамъ и занятіямъ. Со мною онъ говорилъ особенно охотно потому, что я недавно вернулся изъ Берлина, гдѣ въ теченіе двухъ семестровъ занимался гегелевскою философіей и былъ въ состояніи передать ему самые свѣжіе, послѣдніе выводы“.

Лѣто 1843 г. закрѣпило дружескія отношенія, конецъ которымъ былъ положенъ лишь смертью Бѣлинскаго. Несомнѣнно, что онъ имѣлъ на Тургенева большое нравственное вліяніе, все равно какъ и на другихъ членовъ своего кружка, — Некрасова, напримѣръ. Напомню, что сказали однажды послѣдній: „заняться своимъ образованіемъ у меня не было времени, надо было думать о томъ, чтобы не умереть съ голоду. Я попалъ въ такой литературный кружокъ, въ которомъ скорѣе можно отупѣть, чѣмъ развиться. Моя встрѣча съ Бѣлинскимъ была для меня спасеніемъ... Что бы ему пожить подольше!... Я бы былъ не тѣмъ человѣкомъ, какимъ теперъ“... Спасать Тургенева было не отъ чего, но такіе люди, какъ Бѣлинскій, закрѣпляютъ правду въ сердцахъ всѣхъ, кто сходится съ ними. Любопытно, между прочимъ, что къ Тургеневу Бѣлинскій относился по-отечески и зачастую журилъ его за барскія замашки, за юношескую хвастливость, подчасъ и за фразерство.

Разумѣется, на нагоняи, получаемые отъ Бѣлинскаго, никто никогда не обижался, хотя порою онъ пробиралъ довольно сердито. Разъ онъ жестоко набросился на Тургенева, когда узналъ, что тотъ въ „великосѣтскихъ салончикахъ“ увѣряетъ „дамъ и кавалеровъ“, будто бы не беретъ литературнаго гонорара и помѣщаетъ свои произведенія даромъ. „Да какъ вы рѣшились сказать такую пошлость, вы — Тургеневъ!... Да развѣ постыдно брать деньги за собственный трудъ? Или по вашимъ понятіямъ только тунеядецъ можетъ быть порядочнымъ человѣкомъ?“ волновался Бѣлинскій, нагоняя на лицо умнаго русскаго барича краску стыда и раскаянія.

„Я, — продолжаетъ Тургеневъ, — часто ходилъ къ нему послѣ обѣда отводить душу. Онъ занималъ квартиру въ нижнемъ этажѣ, по Фонтанкѣ, недалеко отъ Анчиковскаго моста, — невеселая, довольно сырая комната. Не могу не повторить: тяжелыя тогда стояли времена; нынѣшнимъ молодымъ людямъ не приходилось испытать ничего подобнаго. Пусть читатель самъ посудить: утромъ, быть можетъ, возвратили твою корректуру, всю исполосованную, обезображенную красными чернилами, словно окровавленную; можетъ-быть, даже тебѣ пришлось сѣздить къ цензору и, представивъ напрасныя унижительныя оправданія, объясненія, выслушать его безапелляціонный, часто насмѣшливый приговоръ... Бросишь вокругъ себя мысленный взоръ: взяточничество процвѣтаетъ, крѣпостное право стоитъ какъ скала, казарма на первомъ планѣ... Ну, вотъ и придешь на квартиру Бѣлинскаго, придетъ другой-третій пріятель, затѣется разговоръ, и легче станетъ. Общій колоритъ нашихъ бесѣдъ былъ философски-литературный, критически-эстетическій и, пожалуй, социальный, рѣдко историческій. Иногда выходило очень интересно, даже сильно; иногда нѣсколько поверхностно и даже легковѣсно.

„Какъ во всѣхъ людяхъ съ пылкой душой, во всѣхъ энтузиастахъ, въ Бѣлинскомъ была большая доля нетерпимости. Онъ не признавалъ, особенно сгоряча, ни одной частицы правды во мнѣніяхъ противника и отворачивался отъ нихъ съ тѣмъ же негодованіемъ, съ которымъ покидалъ собственные мнѣнія, когда находилъ ихъ ошибочными. Но его можно было „прошибить“, какъ я сказалъ ему однажды и чему онъ много смѣялся, — истина была для него слишкомъ дорога; онъ не могъ окончательно упорствовать. Въ собственныхъ промахахъ Бѣлинскій признавался безъ всякой задней мысли: мелкаго самолюбія въ немъ и слѣда не было. „Ну, вралъ же я чушь!“ бывало говаривалъ онъ съ улыбкой — и какая эта въ немъ была хорошая черта!... Ничего не было для него важнѣе и выше дѣла, за какое онъ стоялъ, мысль, которую онъ защищалъ и проводилъ: тутъ онъ на стѣну готовъ лѣзть, и бѣда тому, кто ему попался подъ руку! Тутъ и смѣлость являлась въ немъ — отвага отчаянная, на зло его физикѣ и нервамъ; тутъ онъ всѣмъ готовъ жертвовать! При такой сильной раздражительности, — такая слабая, личная обидчивость... Нѣтъ! подобнаго ему человѣка я не встрѣчалъ ни прежде ни послѣ!...“

Лѣтомъ 1847 г. Бѣлинскій попалъ въ первый и послѣдній разъ за границу. Тургеневъ встрѣтилъ его въ Штеттинѣ и прожилъ съ нимъ нѣсколько недѣль въ Зальцбрунненѣ, маленькомъ силезскомъ городкѣ, славившемся своими водами, будто бы излѣчивающими отъ чахотки. Потомъ друзья въ послѣдній разъ увидѣлись въ Парижѣ, когда Бѣлинскому оставалось жить нѣсколько мѣсяцевъ, когда онъ уже усталъ и охладѣлъ ко всему.

Для Тургенева образъ Бѣлинскаго навсегда остался въ сердцѣ путеводной звѣздой. „И вотъ уже двадцать лѣтъ слишкомъ прошло со смерти Бѣлинскаго, — читаемъ мы въ литературныхъ воспоминаніяхъ, написанныхъ въ 1869 г. — и я вызвалъ его дорогую тѣнь. Не знаю, насколько мнѣ удалось передать читателямъ главныя черты его образа, но я уже доволенъ тѣмъ, что онъ побылъ со мною въ моемъ воспомнаніи... „Человѣкъ онъ былъ!...“

Соловьевъ.

Пребываніе Тургенева за границей въ 1847 г.

Въ 1845 году въ Петербургѣ Иванъ Сергѣевичъ познакомился съ знаменитой въ то время пѣвицей, французенкой Віардо-Гарсія. До самой смерти онъ оставался въ самыхъ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ съ нею и ея семействомъ. Онъ прикрѣпился, по его собственному выраженію, къ этимъ чужимъ для него людямъ, остался холостякомъ и прожилъ съ ними и для нихъ большую половину своей жизни.

Въ 1847 году Тургеневъ поѣхалъ за границу и оставался тамъ до 1850 года, до смерти матери. Въ послѣдніе годы ея жизни мать и сынъ были въ тяжелой ссорѣ. Варвара Петровна недовольна была сыномъ за то, что онъ не служитъ, за его отношенія къ Віардо и за то, что онъ не хочетъ жениться на какой-нибудь богатой невѣстѣ по выбору матери, за то, наконецъ, что онъ сталъ писателемъ. Она находила это занятіемъ совсѣмъ недворянскимъ. Русскихъ книгъ она вообще не читала, точно также не заглянула и въ „Записки охотника“. Да она и не нашла бы въ нихъ ничего пріятнаго для себя: она, вѣдь, считала свои права на владѣніе людьми и на издѣвательство надъ ними навѣки нерушимыми. Притомъ изъ-за крѣпостныхъ въ Спасскомъ и такъ очень часто случались споры и ссоры между матерью и сыномъ, который напрасно пытался убѣдить ее быть съ людьми помягче.

Властную, гордую госпожу Варвара Петровна разыгрывала и предъ дѣтьми. Старшій братъ Ивана Сергѣевича женился, противъ желанія матери, на ея бывшей воспитанницѣ. Варвара Петровна недовольна была этимъ бракомъ, слишкомъ невыгоднымъ по ея расчетамъ; она отказалась видѣть невѣстку и дѣтей и съ досады не выдавала сыновьямъ даже отцовской доли ихъ наслѣдства. Иванъ Сергѣевичъ пере-

бывался еще кой-как литературнымъ трудомъ, но старшій братъ порою бѣдствовалъ. Какъ ни любила Варвара Петровна Ивана Сергѣевича, но разсорилась и съ нимъ, когда онъ вступился за брата. Предъ смертью гордая женщина, всю жизнь бывшая врагомъ и окружающимъ и самой себѣ, хотѣла примириться съ дѣтьми. Иванъ Сергѣевичъ успѣшилъ изъ-за границы, но матери уже не засталъ въ живыхъ.

По прїѣздѣ въ родовое имѣніе, доставшееся Тургеневу пополамъ съ братомъ, онъ немедленно отпустилъ на волю всѣхъ своихъ дворовыхъ, перевелъ съ барщины на оброкъ всѣхъ крестьянъ, кто только пожелалъ этого, — чѣмъ могъ содѣйствовать впослѣдствіи успѣху общаго освобожденія. Въ 1861 году при выкупѣ онъ вездѣ уступилъ крестьянамъ пятую часть, а въ главномъ имѣніи ничего не взялъ за усадебную землю; это составило довольно крупную сумму. „Другой, — говорилъ потомъ Иванъ Сергѣевичъ, рассказывая про это, — можетъ-быть, на моемъ мѣстѣ сдѣлалъ бы больше и скорѣе, но я обѣщаль сказать правду, и говорю, какова она есть. Хвастать ею нечего, но и безчестія она я полагаю, принести не можетъ“.

Въ началѣ 1852 года въ Москвѣ умеръ Гоголь. Его кончина глубоко огорчила Тургенева, и вотъ онъ написалъ небольшую статью, въ которой выражалъ общее чувство печали при горестномъ извѣстіи, называлъ Гоголя великимъ писателемъ, славою Россіи... Но горькая правда сочиненій Гоголя не всѣмъ была по праву. Въ Петербургѣ, гдѣ жилъ тогда Тургеневъ, не позволяли напечатать этой статейки. Тогда Тургеневъ отослалъ ее въ Москву, и тамъ статейку напечатали въ газетѣ „Московскія Вѣдомости“, съ надлежашаго, конечно, разрѣшенія мѣстной цензуры. Люди, враждебно относившіеся къ Гоголю и къ Тургеневу за его „Записки охотника“, представили дѣло такъ, будто Тургеневъ совершилъ цѣлое преступленіе. Нежданно-негаданно Тургенева посадили на мѣсяць на „сѣзжую“. Этотъ срокъ ему пришлось бы просидѣть среди пьяныхъ, приводимыхъ въ чижовку для прогрезвленія. Къ счастью, дочери частнаго пристава какъ-то узнали, что на ихъ сѣзжей сидитъ никто иной, какъ сочинитель „Записокъ охотника“. Барышни обрадовались случаю познакомиться съ интереснымъ писателемъ и уговорили отца помѣстить Тургенева на ихъ квартирѣ. Здѣсь Тургеневъ и прожилъ ~~два-три недѣли~~. На досугѣ онъ написалъ рассказъ „Муму“.

Съ весны 1852 года Тургеневъ ~~безвыѣздно жилъ~~ въ Спасскомъ до конца 1854 года. „Пребываніе въ деревнѣ принесло мнѣ несомнѣнную пользу, — вспоминалъ онъ впослѣдствіи; — оно сблизило меня съ такими сторонами русскаго быта, которыя, при обыкновенномъ ходѣ вещей, вѣроятно, ускользнули бы отъ моего вниманія“.

Въ 1855 году Тургеневъ опять уѣхалъ за границу, къ друзьямъ, съ которыми не видѣлся такъ долго. Съ этого времени онъ жилъ за границей больше, чѣмъ въ Россіи. На родину онъ возвращался обыкновенно лѣтомъ и проводилъ нѣкоторое время въ Спасскомъ. Но жизнь за границей сама по себѣ не отрывала его мыслей отъ родины:

что онъ ни думалъ, что ни писалъ, гдѣ бы ни былъ, Россія всегда у него была въ мысляхъ на первомъ мѣстѣ. Въ концѣ 1856 г. онъ писалъ, напримѣръ, своимъ друзьямъ изъ Парижа: „Пребываніе во Франціи произвело на меня обычное свое дѣйствіе: все, что я вижу и слышу, какъ-то тѣснѣе и ближе прижимаетъ меня къ Россіи, все родное становится мнѣ вдвойнѣ дорого“.

Онъ внимательно слѣдилъ за всѣмъ ходомъ законодательныхъ работъ, которыми съ 1857 года подготовлялось освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Такіе люди, какъ самъ Тургеневъ и его немногіе друзья, тѣ изъ образованныхъ людей, кто понималъ и цѣнилъ хоть, „Записки охотника“, — съ восторгомъ ждали конца вѣковой несправедливости. Зато, большинству помѣщиковъ очень не нравилось предстоящее уменьшеніе ихъ правъ. Иванъ Сергѣевичъ думалъ, что дѣлу освобожденія, какъ и всякому общественному дѣлу, могла бы помочь полная и широкая гласность. Зимѣ 1857—1858 годовъ онъ жилъ съ нѣсколькими друзьями въ Римѣ. Они много толковали о предстоящемъ преобразованіи, и Тургеневъ придумалъ съ ними издавать газету. Сторонники освобожденія крестьянъ доказывали бы въ ней всѣмъ и каждому, какъ необходимо уничтожить крѣпостное право, и такимъ образомъ помогли бы правительству въ его стремленіи къ общему благу.

„Не станемъ себя обманывать, — писалъ Иванъ Сергѣевичъ: — невѣжество — вотъ наша бѣда и наше горе, малая образованность нашего дворянскаго сословія будетъ едва ли не главнымъ препятствіемъ къ приведенію въ исполненіе предполагаемыхъ мѣръ“.

Тургеневъ справедливо жаловался на малую образованность тогдашняго русскаго дворянства. Для темнаго крестьянскаго люда онъ, конечно, считалъ образованіе столь же необходимымъ. Въ 1858 году Иванъ Сергѣевичъ составилъ уставъ „общества для распространенія грамотности и первоначальнаго образованія“. Членами этого общества могли бы быть, по мысли Тургенева, люди всѣхъ сословій безъ исключенія, отъ крѣпостного до богатаго и знатнаго человѣка, и даже цѣлыя крестьянскія общины, если бы онѣ пожелали того. „Обучая грамотѣ тѣхъ самыхъ людей, которыхъ правительство освобождаетъ, мы продолжаемъ его дѣло, — говорилъ Тургеневъ: — мы также освобождаемъ ихъ отъ другого рабства — отъ рабства невѣжества“. Общество должно бы было заводить школы повсемѣстно въ Россіи, издавать хорошо составленныя книги для людей, обучающихся грамотѣ или только что обучившихся ей, и т. д. Однѣ книги служили бы для первоначальнаго обученія грамотѣ, другія — знакомили бы читателя изъ простаго народа съ законами, съ правами и обязанностями сословій, съ науками, съ усовершенствованными земледѣліемъ, скотоводствомъ и т. д. Предполагалось печатать книжки по исторіи, описанія жизни замѣчательныхъ людей, путешествія въ чужія страны. Всякія шутки и зубо-скальство Тургеневъ считалъ лишними. „Съ народомъ должно обращаться искренно, честно и съ полнымъ уваженіемъ“, твердилъ онъ.

Ни газета ни общество для распространения грамотности, однако, не осуществились в то время. Только позже появились подобные общества, стали устраиваться чтения для народа и т. п.

В начале 1861 года Тургенев жил в Париже. 5-го марта в Петербурге был объявлен Высочайший манифест 19-го февраля об освобождении, и один из близких друзей Тургенева дал ему знать об этом событии по телеграфу. Иван Сергеевич поспешил поделиться этим известием со всеми своими парижскими знакомыми из русских. На другой же день, 6-го марта, он радостно писал другу: „Спасибо за депешу, от которой у нас всех головы кругом пошли... Ради Бога, пишите мне, что и как у вас это происходит... Я знаю, вы молодой теперь, и вам не до того; но время ведь необыкновенное. Передавайте все ваши впечатления — все это теперь вдвойне дорого... Обнимаю вас от души и поздравляю и с вашей личной и с нашей общей радостью. Не могу ни о чем другом писать. Я весь превратился в ожидание“. В ближайшее воскресенье русские парижане отслужили благодарственный молебен в церкви русского посольства.

„Священник Васильев, — рассказывал Иван Сергеевич об этом молебне в письме к другу, — произнес нам очень умную и трогательную речь, от которой мы всплакнули... Предо мною стоял Н. И. Тургенев и тоже утирал слезы: для него это было в роду: „Нынче отпускаешь раба Твоего“. „Дожили мы до этого великого дня — было на уме и в устах каждого“.

Иван Сергеевич, так радостно встретивший великое преобразование 19-го февраля, был искренно привязан ко многим из деятелей этого преобразования. Особенно он любил и уважал Николая Алексеевича Милютина, который горячо принимал к сердцу нужды крестьян и защищал их в тех редакционных комиссиях, что составляли новое крестьянское положение. „Пока будут существовать на Руси свободные люди, — говорил Тургенев, — в числе немногих имен, составляющих гордость России, имя Николая Милютина будет произноситься с особенным чувством благодарности и почета“. 18 февраля 1869 года Тургенев писал ему: „Именно сегодняшний день — в годовщину конца старого и начала нового порядка вещей — я много думал о вас“. Так, писатель и государственный деятель были близки друг другу духом, любовью к народу и стремлением работать для него.

Вятринский.

Тургенев на юбилей Пушкина.

Приближались пушкинские дни. Открытие памятника Пушкину являлось для Тургенева личным праздником в полном смысле слова. Сердечные связи соединяли великого художника с памятью обожаемого учителя, и среди всех современных писателей, среди

всѣхъ искреннѣйшихъ цѣнителей пушкинскаго таланта, Тургеневу принадлежало первое мѣсто у памятника, какъ преданнѣйшему и достойнѣйшему ученику поэта.

Тургенева особенно глубоко занималъ одинъ вопросъ. Онъ хотѣлъ, „чтобы вся литература единодушно сгруппировалась на этомъ пушкинскомъ праздникѣ“.

Пушкинскіе дни лично для Ивана Сергѣевича должны были оставить воспоминаніе о непрерывныхъ оваціяхъ. Всюду, гдѣ показывался любимый писатель, публика встрѣчала его восторженными привѣтствіями. Всѣ другіе участники празднествъ, за исключеніемъ Достоевскаго, и то лишь на одинъ моментъ, заняли второй планъ. Не только рѣчь самого Тургенева сопровождалась единодушными рукоплесканіями, даже въ рѣчахъ другихъ публика искала предлога выразить Тургеневу свое благодарное чувство. Стоило Достоевскому въ своей рѣчи только намекнуть на героиню Дворянскаго гнѣзда, — и зала огласилась привѣтствіями. Ораторамъ необходимо было прерывать рѣчи, когда въ залу входилъ Тургеневъ: публика ждала его прихода, встрѣчала и провожала аплодисментами, несмотря ни на чье краснорѣчіе. Кликы и киданіе шапокъ происходили даже на улицахъ, неизмѣнно скромному писателю приходилось спасаться отъ овацій, уходить изъ залъ собраній другими выходами.

Никогда ничего подобнаго не видѣла русская публика. Тургеневъ вызывалъ шумные восторги даже у такихъ соотечественниковъ, которые чувствовали вообще крайне незначительный интересъ къ литературнымъ событіямъ, никогда въ жизни не посѣщали собраній въ родѣ засѣданій Общества любителей словесности. Такіе слушатели, затаивъ дыханіе, слушали рѣчь Тургенева о Пушкинѣ... Очевидцы единодушно приходятъ къ убѣжденію, что только искренно чтимый и дѣйствительно вліятельный общественный дѣятель могъ удостоиться такого приема.

Замѣчательно, Тургеневъ невольно явился на праздникъ представителемъ русской дѣйствующей литературы. Первостепенные иностранные писатели на его имя присылали свои поздравленія русскому обществу съ литературнымъ праздникомъ. Такъ были получены письма Ауэрбаха, Теннисона, Виктора Гюго...

Вышимъ моментомъ тургеневскаго триумфа была, конечно, его рѣчь, произнесенная въ засѣданіи Общества любителей словесности седьмого іюня.

Тургеневъ говорилъ: „Самая сущность, всѣ свойства его поэзіи совпадаютъ со свойствами, сущностью нашего народа. Не говоря уже о мужественной прелести, силѣ и ясности его языка — эта прямодушная правда, отсутствіе лжи и фразы, простота, эта откровенность и честность ощущеній — всѣ эти хорошія черты хорошихъ русскихъ людей поражаютъ въ твореніяхъ Пушкина не однихъ насъ, его соотечественниковъ, но и тѣхъ изъ иностранцевъ, которымъ онъ сталъ доступенъ“.

Въ заключеніе авторъ рѣчи высказывалъ скромныя, но на самомъ дѣлѣ великія надежды, на завоеваніе цѣлаго міра русскимъ „всечеловѣкомъ“, а распространеніе „освободительныхъ“ и „возвышающихъ“ идеаловъ пушкинской поэзіи среди русскаго народа, на то будущее, когда сыновья крестьянъ сознательно стануть повторять: „это памятникъ учителю“.

Ивановъ.

Послѣдніе годы жизни Тургенева.

Изъ Москвы Тургеневъ уѣхалъ за границу, лѣто и осень провель въ Буживаль, зиму въ Парижѣ, а въ іюнѣ былъ въ Спасскомѣ. Послѣднее лѣто Иванъ Сергѣевичъ проводилъ въ своей любимой деревнѣ: больше ему не суждено было вернуться въ Россію.

Сначала время шло ровно и весело. Тургеневъ писалъ „Пѣснь торжествующей любви“, обдумывалъ планы новыхъ произведеній, гулялъ съ дѣтьми, рассказывалъ имъ сказки, по временамъ въ разговорахъ и общихъ разсужденіяхъ всплывали давнишнія безотрадныя мысли, но родина по прежнему вѣяла свѣжестью и энергіей на истомленную душу писателя. Только извѣстія о приключеніи съ г-жой Віардо, укушенной какой-то злокачественной мухой, и о холерѣ въ Брянскѣ разстроили было Тургенева. Но безпокойства прошли, и до конца лѣта жизнь текла спокойно. Съ августа погода стала мѣняться къ худшему, приходилось думать о путешествіи въ Парижъ, и Тургеневъ, будто предчувствуя недалекую смерть, на этотъ разъ особенно тяжело разставался съ родиной, все чаще принимался мечтать объ окончательномъ переселеніи въ Россію, не сообщалъ при этомъ никакихъ подробностей о своей жизни въ семьѣ Віардо, но не щадилъ французъ вообще въ своихъ отзывахъ. Въ концѣ августа Тургеневъ уѣхалъ за границу, обѣщая вернуться въ Россію даже раньше лѣта.

Осенью, въ октябрѣ, Тургеневъ посѣтилъ Англію и участвовалъ въ обѣдѣ, устроенномъ въ честь его англійскими писателями и художниками, въ ноябрѣ окончилъ рассказъ „Отчаянный“, собирался приняться за „Клару Миличъ“, а нѣмецкія и англійскія газеты извѣщали даже о большомъ романѣ. И романъ былъ задуманъ и, можетъ-быть, уже готовъ въ умѣ автора, по крайней мѣрѣ въ одномъ письмѣ Тургенева встрѣчается крайне рѣдкое у него радостное чувство на счетъ будущаго:

„Неужели изъ стараго, засохшаго дерева пойдуть новые листья и даже вѣтки? Посмотримъ“.

Съ января слѣдующаго 1882 года начались испытанія. Въ первыхъ числахъ апрѣля Тургеневъ извѣщаетъ о болѣзни — грудной жабѣ, и съ этого времени подобныя извѣстія уже не прекращаются: жизнь писателя превращается въ непрерывную страшную агонію, его письма — настоящая исторія мученичества и отнюдь не по его

жалобамъ, а по простымъ медицинскимъ фактамъ. Тургеневъ менѣе всего былъ склоненъ занимать другихъ своей особой. Въ самые тяжелые періоды болѣзни онъ проситъ друзей не говорить съ нимъ объ его здоровьи и въ его письмахъ „обходить сей предметъ молчаніемъ“. Его общіе интересы нисколько не падаютъ. Онъ, по обыкновенію, слѣдитъ за литературой, привѣтствуетъ новые таланты, глубоко волнуется по поводу общественныхъ вопросовъ своей родины, принимаетъ самое горячее участіе въ судьбѣ даже невѣдомыхъ ему людей. Въ этомъ отношеніи любопытенъ фактъ, взволновавшій Тургенева лѣтомъ, въ іюлѣ.

Здоровье его было настолько безнадежно, что онъ заявлялъ друзьямъ о прекращеніи своей *личной* жизни, его существованіе приняло „желтенькій цвѣтъ“, писать онъ не въ силахъ, послѣ пятой строчки начинаетъ чувствовать боль и колики въ плечѣ, безъ морфія глазъ закрыть не можетъ... И вотъ въ это время его извѣщаютъ о желѣзнодорожной катастрофѣ недалеко отъ Спасскаго. Тургеневъ сосредоточиваетъ все свое вниманіе на несчастіи. „Ужасныя слова“, пишетъ онъ, „стены слышались подъ землей до 10 часовъ утра — такъ и засѣли гвоздемъ въ голову. Неужели же не было сейчасъ приступлено къ раскопкѣ?“ Въ слѣдующемъ письмѣ: „Какъ меня измучила Батыевская катастрофа — вы представить не можете. Мнѣ постоянно мерещатся эти несчастные, задохнушіеся въ тинѣ, и хотя отрытіе ихъ теперь уже, конечно, ничему не поможетъ, но я весь горю негодованіемъ при мысли, что въ теченіе нѣсколькихъ дней ничего не было сдѣлано“. Онъ упрощаетъ друзей, живущихъ въ его деревнѣ, сдѣлать для родственниковъ погибшихъ путешественниковъ „все, что бѣ онъ сдѣлалъ, если бѣ находился на мѣстѣ“.

Съ особой силой Тургеневъ говорилъ о Спасскомъ. Оно стало для него теперь еще дороже. Онъ посылаетъ поклоны старымъ слугамъ, любимымъ мѣстамъ, памятнымъ съ дѣтства, дому, саду, молодому дубу. Слезы звучатъ въ его словахъ, когда онъ отчаивается увидѣть родину, и бывшее доброе чувство къ крестьянамъ вновь вспыхиваетъ въ его письмѣ къ нимъ.

У высшихъ натуръ физическія страданія постоянно усиливаются нравственными муками и волненіями. Тургеневъ — одна изъ такихъ натуръ, до конца не могъ успокоиться и отдаться исключительно заботамъ о своемъ положеніи. Даже совершенно естественный эгоизмъ безнадежно больного, умирающаго человѣка не находилъ мѣста въ нравственномъ мірѣ художника. Онъ привѣтствуетъ чужую живучесть и силу, напутствуетъ Григоровича „съ Богомъ! въ дальнюю дорогу“, когда тотъ задумываетъ новый романъ, жалѣетъ Гончарова именно потому, что самъ страдаетъ и, слѣдовательно, „ближе принимаетъ къ сердцу“ чужія страданія, съ смертнаго одра посылаетъ безпримѣрное въ литературной исторіи письмо къ гр. Толстому... Такъ могъ страдать и умирать только истинный подвижникъ мысли, обладавшій великой благородной душой и истинно-человѣческимъ сердцемъ... Для лич-

ной жизни въ это время Тургеневъ находить только одно вполне подходящее выраженіе. Ровно за годъ до смерти онъ сравниваетъ себя съ устрицей, приросшей къ скалѣ, потому онъ постоянно возвращается къ этому сравненію. Въ срединѣ октября 1882 года онъ пишетъ: „Оказывается, что можно отлично существовать, не будучи въ состояніи ни стоять, ни ходить, ни ѣздить. Живутъ же такъ устрицы! А у меня есть много развлеченій, недоступныхъ устрицамъ“. Въ концѣ того же мѣсяца: „Всѣмъ молодецъ — только ни стоять ни ходить! И представь, я съ этимъ примирился. Сажу или лежу цѣлыхъ 24 часа сряду и — баста! Моллюскъ, такъ моллюскъ. Живутъ же они и даже многіе годы, и никакого желанія и перемѣщенія не ощущаютъ“.

Въ такомъ положеніи неопѣненно общество близкихъ людей. Было ли оно у Тургенева? Нѣкоторымъ друзьямъ казалось, — нѣтъ, и они даже предлагали пріѣхать къ нему. До нихъ доходили слухи о заброшенномъ, одинокомъ положеніи Ивана Сергѣевича, о неудобствахъ комнаты, гдѣ ему приходилось лежать, о постоянномъ грохотѣ музыки, о равнодушіи окружающихъ къ его страданіямъ. Эти рассказы шли отъ очевидцевъ, и Тургеневу стоило не малыхъ усилій опровергать ихъ. Насчетъ этого онъ неутомимъ. Онъ не въ силахъ допустить, чтобы люди, имъ облагодѣтельствованные, казались другимъ — недостойными благодѣяній.

Это обычная психологія всѣхъ добрыхъ и сердечныхъ людей. Безупречность ихъ избранниковъ является для нихъ вопросомъ личнаго самолюбія. И Тургеневъ настойчиво отклоняетъ всякое вмѣшательство въ его парижскую жизнь, описываетъ свое помѣщеніе, перечисляетъ комнаты; по поводу своей низкой и тѣсной спальни сообщаетъ, что парижскія спальни вообще таковы, а насчетъ музыки совершенно успокаиваетъ друзей. Вообще, по его словамъ, онъ „какъ сыръ въ маслѣ“, а что касается главнаго попрека объ одиночествѣ, то онъ остается одинъ только тогда, когда самъ этого желаетъ.

Намъ трудно разобраться въ утвержденіяхъ и отрицаніяхъ, какъ бы глубоко ни интересовалъ насъ предметъ. Будущее, несомнѣнно, броситъ истинный свѣтъ и на эту полосу тургеневской жизни. Мы можемъ съ извѣстной достовѣрностью рѣшить послѣдній только что указанный вопросъ.

Альфонсъ Додэ, искренно вѣровавшій въ счастье Тургенева въ нѣдрахъ французской семьи, посѣщалъ его во время болѣзни и рисуетъ неизмѣнно одну и ту же картину.

Когда бы онъ ни приходилъ къ своему русскому другу, внизу въ роскошныхъ залахъ неумолкаемо звучала музыка и пѣніе, а въ третьемъ этажѣ, въ крохотномъ полутемномъ кабинетѣ лежала на софѣ молчаливая, согбенная фигура больного старика.

По его письмамъ можно подробно прослѣдить его жизнь осенью и зимой 1884 года. Лѣто семья Віардо жила съ нимъ въ Буживальѣ. Въ сентябрѣ предсталъ вопросъ о переселеніи, и Тургеневъ соглашался остаться на дачѣ одинъ, забывая ради этого свой страхъ оди-

ночества. Теперь, когда всё Віардо должны уѣхать въ Парижъ, ему „одинокество по вкусу“, и „что бы я сталъ дѣлать въ Парижѣ, при невозможности движенія? Здѣсь, по крайней мѣрѣ, не тянетъ никуда“. Сначала Віардо испугались было тифа, свирѣпствовавшего въ Парижѣ, но скоро все-таки уѣхали, и на жалобы другихъ Тургеневъ пишетъ: „Насчетъ одиночества я съ вами не согласенъ. Вотъ я теперь совершенно одинокъ „аки перстъ“ — и ничего!“ Это заявленіе, очевидно, исходило изъ такого же чувства, какъ и довольство жизнью устрицъ и моллюсковъ.

Но, мы видѣли, больной говорилъ о радостяхъ, недоступныхъ устрицамъ. Онъ разумѣлъ печальныя радости, ихъ только съ горечью въ сердцѣ можно было называть развлеченіями. О нихъ поэтъ оставилъ два прелестнѣйшихъ стихотворенія. Темы стихотвореній тождественны, но предметы ихъ совершенно различны. И въ томъ и въ другомъ рѣчь идетъ о грезахъ. Одно написано зимой, въ февралѣ 1878 г., другое — весной, въ маѣ того же года. Одно — „Старуха“, исторія о томъ, какъ поэтъ встрѣтилъ въ полѣ маленькую скорбленную старушку, и какъ она пошла по слѣдамъ его и какъ онъ не могъ уйти отъ нея, какъ отъ своей судьбы... Другое стихотвореніе называется „Просвѣщеніе“. Оно рассказываетъ о томъ, что случилось „раннимъ утромъ перваго мая“. А случилось то, что происходило съ поэтомъ всю жизнь въ минуты вдохновеннаго творчества. Въ раскрытое окно влетѣла крылатая маленькая женщина, одѣтая въ тѣсное, длинное, книзу волнистое платье, съ вѣнкомъ изъ ландышей на разбросанныхъ кудряхъ, съ павлиньими перьями надъ красивымъ выпуклымъ лобикомъ, съ цвѣтнымъ „царскимъ жезломъ“ въ рукахъ, со смѣхомъ въ огромныхъ черныхъ, свѣтлыхъ глазахъ. Поэтъ узналъ гостью: это была богиня фантазіи!...

Миръ видѣній, живой невольной игры воображенія, былъ другимъ царствомъ поэтическаго духа Тургенева, когда дѣйствительность налегала на него невыносимымъ бременемъ физическихъ и нравственныхъ испытаній. И Тургеневъ покорно отдавался во власть богинѣ фантазіи, до самаго конца прилетавшей къ нему и приносившей вереницу образовъ и впечатлѣній, никому еще невѣдомыхъ. Очевидецъ, посѣщавшій Тургенева не задолго до смерти, слышалъ отъ него множество чудныхъ фантастическихъ сказокъ, навѣянныхъ грезами во время болѣзни, и эти сказки напоминали слушателю лучшія „стихотворенія въ прозѣ“. Муза, слѣдовательно, оставалась неизмѣнно вѣрной подругой своего любимца до самаго конца. Это была муза страданій, безотчетныхъ видѣній, умирающему могли чаще грезиться образы, похожіе скорѣе на *старуху* чѣмъ на *богиню фантазіи*, но и надъ самыми мрачными видѣніями носилась эта богиня въ томъ же вѣнкѣ изъ ландышей и съ тѣмъ же жезломъ изъ степного цвѣтка и обвѣвала все той же поэтической красотой и оригинальной прелестью созданія смертельно страдающей, но высшей природы...

Мы не станемъ подробно пересказывать заключительный актъ драмы: онъ для всѣхъ смертныхъ во существу одинаковъ. Мы только напомнимъ одну изъ сценъ этого акта, рассказанную очевидцемъ: такихъ сценъ бываетъ немного не только наканунѣ конца, но и въ самый расцвѣтъ счастливейшихъ человѣческихъ существованій.

За нѣсколько дней до смерти Ивана Сергѣевича навѣстили въ Бу-живалѣ нѣкоторые изъ его соотечественниковъ, проживающихъ въ то время въ Парижѣ. Умирающій принималъ гостей съ обычной привѣтливостью, сердечно бесѣдовалъ съ ними и, наконецъ, обратился къ нимъ съ такими словами: „Въ послѣдній разъ прощайте!...“

Это были страшныя слова. А между тѣмъ блѣдное, изможденное многолѣтними недугами лицо писателя слишкомъ краснорѣчиво свидѣтельствовало, что прощаніе происходитъ дѣйствительно въ послѣдній разъ... Одинъ изъ присутствовавшихъ наклонился — поцѣловать руку любимаго наставника... Иванъ Сергѣевичъ быстро отдернулъ руку и произнесъ: „Живите и любите людей, какъ я ихъ всегда любилъ“. Благороднѣйшій завѣтъ, какой только писатель можетъ оставить своимъ соотечественникамъ. Двадцать второго августа, въ понедѣльникъ, въ два часа пополудни, Тургенева не стало. Г-жа Віардо такъ извѣщала о событіи Пича:

„За два дня до своей смерти онъ совершенно утратилъ всякое сознание. Онъ уже не страдалъ болѣе: жизнь его медленно угасала, и послѣ двухъ всхлипываній онъ скончался... Мы всѣ были при немъ. Онъ опять сталъ такъ же красивъ, какъ былъ нѣкогда, въ царственномъ покоѣ смерти... Въ первый день послѣ его смерти замѣчена была еще глубокая морщина между бровями, образовавшаяся подъ вліяніемъ судорожной боли. Это придавало ему строгій и энергичный видъ. На второй день на его лицѣ появилось прежнее доброе, пріятное выраженіе: были моменты, когда можно было ожидать, что онъ улыбнется. О! Боже, какое ужасное горе!...“

Мы не знаемъ, насколько глубоко и искренно было чувство г-жи Віардо, но то же самое восклицаніе въ самыхъ разнообразныхъ рѣчахъ, статьяхъ, стихотвереніяхъ пронеслось по всему просвѣщенному міру и съ особенной болью отозвалось въ осиротѣвшемъ отечествѣ гениальнаго художника. Парижане были изумлены громадною толпой русскихъ, собравшихся проводить гробъ Тургенева въ Россію. Знаменитѣйшіе представители французской литературы и науки напутствовали русскаго писателя восторженными рѣчами. Ренанъ говорилъ надъ его гробомъ: „Онъ поистинѣ обладалъ словомъ вѣчной жизни, словомъ мира, справедливости, любви и свободы“. Абу выразилъ идею памятника Тургеневу: „Кусокъ разбитой цѣпи на бѣлой мраморной плитѣ всего лучше шелъ бы къ вашей славы и удовлетворилъ бы, я увѣренъ въ томъ, ваше скромное самолюбіе“.

На родинѣ покойнаго ждалъ неслыханный триумфъ, если только это выраженіе уместно въ виду гроба. Но иначе нельзя назвать, единодушный, страстный и вмѣстѣ съ тѣмъ торжественный откликъ

общества, науки, литературы, искусства, молодежи и стариковъ — различныхъ націй и сословій — на печальное событіе. Гробъ сопровождали до двухъ сотъ восьмидесяти депутацій, погребальная колесница утопала въ вѣнкахъ; начальныя школы, гимназіи, лицеи, академія наукъ и университеты отдавали послѣднія почести великому борцу за просвѣщеніе; крестьяне, женскіе курсы, представители далекихъ провинціальныхъ захолустій несли дань благоговѣнія мужественному защитнику народной свободы, общественной равноправности и культурной гражданственности; періодическія изданія, консерваторіи, театры сошлись на поклонъ къ гениальному подвижнику благороднаго русскаго слова и художественнаго творчества; французы, нѣмцы, поляки, болгары привѣтствовали прахъ бессмертнаго вождя своего народа по пути національной терпимости и всемірной цивилизаціи...

И самое отдаленное будущее не отниметь у Тургенева права на эти привѣтствія, почести и вѣнки. Чѣмъ шире будетъ развиваться самосознаніе русскаго народа, чѣмъ глубже будутъ проникать въ среду русскаго общества идеи умственного свѣта и нравственнаго совершенствованія, чѣмъ прочнѣе русскій человѣкъ усвоитъ идеалы гражданина и человѣка, — тѣмъ выше поднимется слава Тургенева, тѣмъ тщательнѣе и благоговѣйнѣе станутъ изучать его жизнь, личность и творчество. Это будетъ только законная дань духовныхъ дѣтей своему отцу, и она, конечно, явится неизмѣримо достойнѣе его генія и подвига, чѣмъ нашъ скромный и неполный трудъ. *Ивановъ.*

Смерть Тургенева, проводы его останковъ на родину и рѣчи, произнесенныя въ Парижѣ.

При вѣсти о смерти Тургенева „все образованное общество почувствовало, что вдругъ какъ будто оборвалась одна изъ послѣднихъ нитей, связывающихъ наше время съ тою эпохою вѣры въ общечеловѣческіе идеалы просвѣщенія, представителемъ которой былъ Тургеневъ“. И весь образованный міръ призналъ, что смерть его составляетъ тяжкую, незамѣнимую утрату для всѣхъ литературъ. Парижъ прежде всѣхъ выразилъ свою любовь и благодарность почившему писателю. Продолжительная и торжественная церемонія отпѣванія тѣла Тургенева въ русской церкви въ Парижѣ совершилась (^{26 августа}_{1 сентября}) въ присутствіи русскаго посла и членовъ посольства, а также — всей русской колоніи въ Парижѣ, многочисленныхъ друзей и почитателей покойнаго. Цвѣтъ французской мысли, науки, литературы, искусства собрался сюда — воздать честь великому писателю, который своими сочиненіями пріобрѣлъ европейскую славу. Величественное и трогательное прощаніе благородной французской націи съ Тургеновымъ не окончилось въ русской церкви, оно съ новымъ,

знаменательнымъ порывомъ еще повторилось на станціи сѣверной желѣзной дороги, гдѣ была, нарочно для этого случая, устроена особая траурная часовня и откуда уже останки поэта должны были отправиться на родину. Сюда, на станцію, собралась многочисленная публика, въ томъ числѣ — изящные представители и представительницы высшаго общества, русскіе художники и учащаяся въ Парижѣ русская молодежь, представители французской литературы, науки и прессы, до двадцати представителей общества драматическихъ писателей. Послѣ панихиды сказаны рѣчи. Первымъ говорилъ Эрнестъ Ренанъ — отъ имени друзей покойнаго. Вотъ его рѣчь, въ извлеченіи: „Мы не отпустимъ безъ прощальнаго слова этотъ гробъ, который возвратитъ отчизнѣ гениальнаго гостя, котораго намъ дано было знать и любить въ теченіе долгихъ лѣтъ. Мастеръ въ оцѣнкѣ произведеній ума откроетъ вамъ тайну его чудныхъ твореній, очаровавшихъ наше поколѣніе. Тургеневъ былъ знаменитымъ писателемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и великимъ человѣкомъ. Отъ таинственнаго предопредѣленія, управляющаго человѣческими призваніями, Тургеневу данъ былъ высокій даръ благородства: онъ былъ рожденъ, такъ сказать, отрѣшеннымъ отъ личныхъ вкусовъ. Душа его не была душой отдѣльной личности, болѣе или менѣе богато одаренной природой, — то была, нѣкоторымъ образомъ, совѣсть цѣлаго народа. Ни одинъ человѣкъ не воплощалъ въ себѣ такъ полно цѣлой народности. Въ немъ жилъ цѣлый міръ и говорилъ его устами. Молчаливому гению коллективныхъ массъ нуженъ выразитель, пророкъ, который говорилъ бы за нее. Кто будетъ ихъ выразителемъ? Ихъ выразитъ великій человѣкъ, но только если онъ въ то же время человѣкъ гениальный и человѣкъ съ сердцемъ. Вотъ почему великій человѣкъ наименѣе свободенъ изъ всѣхъ людей. Онъ дѣлаетъ и говоритъ не то, что хочетъ. Его устами глаголетъ Богъ. Вѣка народныхъ страданій и надеждъ вдохновляютъ его и руководятъ имъ. Иной разъ съ нимъ случается, какъ съ библейскимъ пророкомъ, что призванный проклинать, онъ благословляетъ; его языкъ повинуется духу свыше. Честь и слава великой славянской расѣ, появленіе которой на первомъ планѣ въ исторіи міра есть самый поразительный феноменъ нашего вѣка; честь и слава ей, что она нашла себѣ выразителя въ такомъ несравненномъ художникѣ. Никогда тайны сознанія, еще темнаго и полнаго противорѣчій, не были раскрыты съ такой удивительной пронизательностью. Тургеневъ чувствовалъ и творилъ непосредственно и въ то же время сознавалъ себя; онъ былъ вмѣстѣ и народомъ и избранниковъ народа. Онъ чувствителенъ, какъ женщина, и невозмутимъ, какъ анатомъ, чуждъ предрасудковъ, какъ философъ, и нѣженъ, какъ ребенокъ. Счастлива та народность, которая въ самыхъ начаткахъ своей сознательной жизни могла быть представлена въ такихъ образахъ, вмѣстѣ и наивныхъ, и глубокомысленныхъ, — и реальныхъ и мистическихъ. Когда будущее покажетъ намъ мѣрку для оцѣнки неожиданностей, которыя готовитъ намъ этотъ удивительный

славянскій геній, съ его пылкой вѣрой, съ его глубокимъ чутьемъ, съ его особыми возрѣніями на жизнь и смерть, съ его жаждой идеала, — тогда картины Тургенева будутъ безцѣнными документами, чѣмъ-то въ родѣ того, напримѣръ, какъ портретъ гениальнаго чело-вѣка въ его дѣтствѣ. Тургеневъ сознавалъ опасную трудность этой роли — выразителя одной изъ великихъ семей человѣчества. Онъ чувствовалъ, что на немъ лежитъ отвѣтственность за много душъ, и какъ честный чело-вѣкъ, онъ взвѣшивалъ каждое свое слово, онъ дрожалъ за все, что говорилъ и чего не говорилъ. Его миссія была, такимъ образомъ, вполне умиротворяющей. Онъ былъ какъ Богъ въ книгѣ Іова „творящій миръ на высяхъ“. То, что въ другихъ случаяхъ производило разладъ, то у него становилось основой гармоніи. Въ его широкой груди примирялись противорѣчія; проклятія и ненависть обезоруживались волшебнымъ обаяніемъ его искусства. Вотъ почему онъ — общая слава и гордость всѣхъ партій, между коими господствуетъ такая рознь. Эта великая раса, разъединенная именно потому, что она такъ велика, въ немъ находитъ снова свое единство. Братья-враги, которыхъ раздѣляетъ столь различный способъ пони-манія идеала, придите всѣ къ его могилѣ; всѣ вы имѣете право любить его, ибо онъ принадлежалъ всѣмъ, всѣхъ васъ онъ вмѣщалъ въ сердцѣ своемъ. Чудная привилегія генія! Отталкивающія стороны вещей для него не существуютъ. Въ немъ все примиряется; партіи самыя враждебныя сходятся, чтобы сообщая восхвалять его и восхищаться имъ. Въ той области, куда онъ переноситъ насъ, слова, которыми раздражается обиденный міръ, теряютъ свой ядъ. Геній совершаетъ въ одинъ день то, надъ чѣмъ работаютъ вѣка. Онъ создаетъ атмосферу высшаго мира, гдѣ даже тѣ, кто были против-никами, подъ конецъ находятъ, что они были лишь сотрудниками; онъ открываетъ эру великаго всепрощенія, гдѣ сражавшіеся между собою на аренѣ прогресса успокоиваются рядомъ, подавъ другъ другу руки. И дѣйствительно, выше племени стоитъ человѣчество. Тургеневъ принадлежалъ къ одному племени; но онъ принадлежитъ всему человѣчеству въ силу высшей философіи, смотрящей яснымъ взглядомъ на условія чело-вѣческой жизни и старающейся, безъ предвзятой мысли, познать дѣйствительность. Эта философія соединялась въ немъ съ кротостью, съ любовью къ жизни, съ состраданіемъ къ живымъ существамъ, въ особенности къ несчастнымъ жертвамъ. Онъ горячо любилъ это бѣдное чело-вѣчество, онъ сочувствовалъ его стремленію къ добру и къ истинѣ. Онъ не преслѣдовалъ его иллюзій, онъ не сѣтовалъ на его жалобы. Никакое разочарованіе не останавливало его. Подобно вселенной, онъ готовъ былъ тысячу разъ начинать сызнова неудавшееся дѣло; онъ зналъ, что справедливость можетъ ждать, въ концѣ концовъ все же обратятся къ ней. Онъ, по истинѣ, обладалъ словомъ мира, справедливости, любви и свободы. — Прости же, великій и дорогой другъ! Удалится отъ насъ лишь одинъ прахъ твой. Но то, что было въ тебѣ бессмертнаго, духовный твой

образъ останется съ нами. Да будетъ гробъ твой для тѣхъ, кто придетъ цѣловать его, — залогомъ единенія въ одной и той же вѣрѣ въ свободный прогрессъ!“ Заключительныя слова рѣчи Ренана особенно трогательны полнотою благороднаго чувства какъ къ Тургеневу, такъ и къ его родинѣ: „Et quand tu reposeras dans ton pays natal, que ceux qui viendront pieusement saluer ta tombe se souviennent avec sympathie du pays lointain pour ceux où tu avais trouvé tant de coeurs qui ont su te comprendre et te chérir. И когда будешь ты покоиться въ твоёмъ отечествѣ, пусть всѣ тѣ, которые придутъ поклониться твоей могилѣ, вспомнятъ съ симпатіей о той далекой землѣ, гдѣ ты находилъ столько сердець, умѣвшихъ понимать и любить тебя“. — Послѣ Ренана произнесъ рѣчь Эдмонъ Абу — отъ лица французскихъ литераторовъ. Приводимъ извлеченіе изъ этой рѣчи: „Иванъ Сергѣевичъ, вы перестали страдать, но вы не умерли вполне. Теплая и благодатная кровь течетъ еще въ вашихъ книгахъ; добро, какое вы дѣлали, выбито на металлѣ болѣе несокрушимомъ, чѣмъ мѣдь, — на признательности честныхъ людей. Вотъ почему мы не плачемъ, слѣдя за вашимъ гробомъ; развѣ оплакиваютъ безсмертныхъ? Но мы сопровождаемъ васъ съ благоговѣніемъ, какъ гостя любезнаго и любимаго, который отправляется теперь въ свое послѣднее странствованіе. Здѣсь именно, на порогѣ Парижа, передъ этой широкой вдерью, открытой на сѣверъ, тѣ, кто уѣзжаетъ, и тѣ, кто остается, обмѣниваются прощальнымъ поцѣлуемъ. Дорогой путникъ, намъ нѣтъ нужды вызывать вашъ образъ, чтобъ васъ снова видѣть такимъ же, какимъ вы были вчера. Вашъ благородный образъ напечатлѣнъ у всѣхъ насъ. Мы видимъ эту могучую голову, покоющуюся на дюжихъ плечахъ, эту бороду и волосы, посѣдѣвшіе преждевременно отъ труда и страданія, эти необыкновенно ласковые глаза, эти олимпійскія брови, улыбающіяся и въ то же время меланхолическія уста, эту фізіономію, запечатлѣнную изяществомъ и добротою, какъ самъ геній вашъ. Вы провели среди насъ двадцать лѣтъ, почти треть своей жизни. Наши искусства, наша литература, наши утонченныя развлеченія сдѣлали для васъ потребностью эту парижскую дачу. Вы не только любили Францію, но вы ее любили изящно, такой любовью, на какую она предъявляетъ свои права! Она усыновила бы васъ съ гордостью, если бъ вы того пожелали, но вы всегда оставались вѣрнымъ Россіи, и хорошо поступали, ибо тотъ, кто не любитъ своего отечества всецѣло, слѣпо, безумно, останется навсегда чело-вѣкомъ только на половину. Ваше сердце принадлежало всему чело-вѣчеству, но Россія занимала въ немъ всегда первое мѣсто“. (Эти послѣднія мысли въ подлинникѣ сильнѣе и образнѣе передаютъ намѣреніе оратора. Вотъ онѣ: „La France vous aurait reconnue avec orgueil pour un des siens si vous l'aviez voulu, mais vous êtes toujours resté fidèle à la Russie. Vous avez bien fait, car celui qui n'aime point sa patrie sans réserve, aveuglément, follement, n'est homme qu'à moitié! Votre coeur appartenait à l'humanité tout entière,

mais la Russie y gardait la première place“.) „Я не знаю, какое мѣсто вы занимали въ общественной іерархіи, родились ли вы богачомъ, или бѣднякомъ, занимали ли вы какія-либо должности, получали ли какія-либо отличія. Это не имѣетъ большой важности: какъ въ глазахъ современниковъ, такъ и въ глазахъ потомства вы были и всегда будете только авторомъ повѣстей. Повѣсти, — въ этомъ, повидимому, нѣтъ большой важности, и ничтожнѣйшій изъ педантовъ въ нѣмецкихъ университетахъ смотритъ съ высоты на этотъ вздоръ, достойный развѣ того, чтобы наполнить бездѣлье женщинъ. Но когда рассказчикъ, живой и пріятный, становится классическимъ писателемъ, проницательнымъ наблюдателемъ, глубокимъ мыслителемъ, съ сердцемъ апостола, ему иногда удается завоевать себѣ мѣсто, вопреки педантамъ, — среди великихъ людей вѣка и благодѣтелей рода человѣческаго. Почему русскій народъ заранѣе готовитъ вамъ почести, о какихъ не осмѣлился бы и мечтать какой-либо изъ великихъ политиковъ? Прежде всего потому, что расы охотно воплощаются въ индивидуумы, которые являются представителями ихъ типа въ совершеннѣйшемъ видѣ, а вы — славянинъ изъ славянъ, одинъ изъ красивѣйшихъ отпрысковъ этой семьи ласковой и гордой, смѣлой и сентиментальной, которая не сказала еще своего послѣдняго слова и которая едва лишь въ послѣднее столѣтіе выступила на театрѣ исторіи. Вы открыли ей самой Россію, которая не знала себя. Жизнь русскаго крестьянина, его бѣдность, его невѣдніе, его самоотреченіе, его доброта впервые стали доступны всеобщему интересу и состраданію по вашимъ *Запискамъ охотника*. Наконецъ, потому еще, что великая душа Александра II вдохновлялась этой небольшой книжкой, когда она рѣшалась уничтожить рабство и однимъ почеркомъ пера сокрушала несправедливость, столь же старую, какъ и міръ. Никогда еще сильные міра сего не утверждали столь достославно царство разума на землѣ. Итакъ, вы опять увидите эту великую страну, которую и мы знаемъ, благодаря вамъ. Какой памятникъ воздвигнетъ вамъ отчизна въ своей глубокой признательности? Въ иныхъ странахъ, великимъ людямъ ставятъ мѣдные монументы, поддерживаемые группами побѣжденныхъ, отягощенныхъ цѣпями; наилучшимъ украшеніемъ бѣломраморной плиты на вашей могилѣ будетъ обрывокъ разбитой цѣпи“.) (И это заключительное мѣсто лучше передать подлинными словами оратора: „Dans d'autres pays, les grands hommes auront des monuments d'airain soutenus par des vaincus enchaînés; le meilleur ornement de votre blanche tombe sera un tronçon de chaîne brisée“.) — Изъ говорившихъ русскихъ выдается художникъ Боголюбовъ. Онъ сказалъ свою рѣчь по-русски. Онъ прежде всего, въ немногихъ теплыхъ словахъ, выразилъ, какое глубоко-благотворное вліяніе имѣлъ Тургеневъ, какъ художникъ-писатель, вообще на среду художниковъ, которыхъ онъ такъ горячо любилъ и которымъ покровительствовалъ. Подъ конецъ рѣчи Боголюбовъ охарактеризовалъ силу и поэтическую красоту творчества Тургенева. Вотъ это мѣсто рѣчи: „Золотое перо

его, подобно кисти при богатой палитрѣ художника, изображало ясно и вѣрно въ его твореніяхъ словами ту неуловимую прелесть природы, доступную только такому мастеру, какимъ былъ Тургеневъ. Фонъ картинъ его всегда вѣренъ, никогда не вымученъ излишнею выработкою, но законченъ настолькоъ, чтобы читающій усвоилъ прямо идущія въ душу подробности. Кто изъ насъ не дышалъ свободно полной грудью, читая описаніе деревенскаго туманнаго утра съ дрожащею какъ алмазы, на листьѣхъ рососою? А его безпредѣльныя нивы, тѣнистыя рощи, его болота и пруды, поросшіе водорослью... и въ этомъ-то, знакомомъ намъ, пейзажѣ двигались и жили такъ же вѣрно и сильно созданные имъ народные типы; это живые люди, это нашъ край родной съ его подчасъ грустной прелестью, но ведущею къ свѣтлой будущности. И вотъ въ этомъ-то творествѣ онъ является истиннымъ добрымъ гениемъ, указывающимъ художнику тотъ вѣрный, изящный путь къ изображенію родныхъ бытовыхъ сценъ, по которому уже идетъ наше молодое поколѣніе и пойдетъ всегда, тѣмъ же честнымъ трудомъ своего учителя, упрочивая славу и вѣчную память Ивана Сергѣевича Тургенева“.

Евстафьевъ.

Встрѣча тѣла на русской границѣ и похороны въ Петербургѣ.

Тѣло И. С. Тургенева прибыло въ Вержболово 23-го сентября, въ пятницу, рано утромъ, и оставалось въ церкви до утра воскресенья. Въ воскресенье надобно было собираться въ путь, чтобы выѣхать утромъ въ понедѣльникъ и прибыть во вторникъ въ Петербургъ, а потому проводы тѣла изъ церкви въ траурный вагонъ, стоявшій поблизости на рельсахъ, назначены были предъ обѣднею. Населеніе Вержболова, безъ сомнѣнія, долго не забудетъ этого дня. Дождливая и холодная погода предыдущей ночи внезапно смѣнилась теплымъ и яркимъ солнечнымъ утромъ. Въ 8 час. 15 мин., по утру, отошелъ изъ Вержболова обычный пассажирскій поѣздъ въ Петербургъ; всѣ служащіе сдѣлались на время свободными, а потому въ 8½ часовъ назначены были послѣдняя панихида и прощаніе съ дорогимъ гостемъ нашего небольшого пограничнаго посада. Затѣмъ явилась таможенная артель, одѣтая по-праздничному, въ темно-зеленыхъ кафтанахъ съ свѣтло-зеленымъ поясомъ; одни понесли вѣнки, которымъ былъ окруженъ катафалкъ; за ними выступалъ псаломщикъ съ большимъ стариннымъ крестомъ; настоятель церкви, съ кадиломъ въ рукахъ, шелъ впереди гроба, несомого тою же артелью, и, наконецъ, за гробомъ попарно тянулись мѣстная публика и нѣкоторые изъ служащихъ въ таможнѣ и на станціи. Похоронный звонъ колоколовъ и голоса пѣвчихъ дополняли эту трогательную картину послѣднихъ проводовъ тѣла Тургенева въ сельской ея обстановкѣ.

Послѣ панихиды настоятель церкви обратился къ присутствовавшимъ съ теплымъ, душевнымъ словомъ, которое было, въ дѣйствительности, первымъ русскимъ привѣтомъ усопшему на его родной землѣ. Постараемся передать, какъ можно ближе, содержаніе этого слова:

„О славныхъ мужахъ древности, — такъ началъ почтенный настоятель, — сказалъ Премудрый: „Тѣлеса ихъ въ мирѣ погребены быша, а имена ихъ живутъ въ родѣ: премудрость ихъ повѣдаютъ людие и похвалу ихъ исповѣсть Церковь“. Предъ нами бранные останки великаго нашего соотечественника, прославившаго и себя и свою родину своими дивными твореніями; они стяжали ему вѣнецъ неувядаемой славы и поставили его, а вмѣстѣ съ нимъ и наше родное слово, на ряду съ величайшими современными писаніями и писателями не только у насъ въ Россіи, но и далеко за ея предѣлами. Кто изъ васъ, читая его дивныя творенія, не восхищался свѣжестью, легкостью, изяществомъ и, такъ сказать, благоуханіемъ его слова, а вмѣстѣ и его свѣтлою, незлобивою душою, его добрымъ, кроткимъ сердцемъ и вообще его высокою, симпатичною личностью, которая вся отражалась въ его твореніяхъ? Кому изъ васъ неизвѣстно также, съ какимъ лестнымъ для нашей національности сочувствіемъ отнеслись къ покойному всѣ лучшіе и просвѣщеннѣйшіе люди Запада, поставившіе Тургенева на ряду съ величайшими современными поэтами! Итакъ, слава Тургенева есть слава нашей родины, и потому она не можетъ быть чужда никому изъ насъ. Такіе люди не умираютъ въ памяти потомства: „имена ихъ живутъ въ родѣ, премудрость ихъ повѣдаютъ людие и похвалу ихъ исповѣсть Церковь“.

„Слава и честь всякому дѣлающему благое“ — учитъ насъ св. вѣра; слава и честь нашему незабвенному соотечественнику, за всю ту славу, за все то добро, какое онъ совершилъ для родной земли. А для васъ да будетъ величайшимъ утѣшеніемъ то, что вы на рубежѣ отечества сподобились встрѣтить и въ своемъ скромномъ, сельскомъ храмѣ молиться надъ прахомъ дорогаго вамъ лица. Да воздастъ ему Господь Вседержитель вѣнецъ правды за всѣ добрыя его дѣла и да не помянетъ ему грѣховъ и слабостей, столь свойственныхъ каждому человѣческому естеству.

„Вѣчная память да будетъ тебѣ отъ всѣхъ насъ, твоихъ скорбящихъ о тебѣ, соотчичей, доблестнѣйшій мужъ земли русской!“

Все воскресенье ушло на изготовленіе траурнаго вагона въ дорогу, а въ понедѣльникъ утромъ, какъ то было назначено, пассажирскій поѣздъ отошелъ, ожидаемый нетерпѣливо всѣми городами, лежащими на пути, какъ о томъ можно было судить по многочисленнымъ телеграммамъ, полученнымъ на станціи отовсюду, съ вопросомъ о времени проѣзда тѣла...

Когда гробъ И. С. по прибытіи въ Петербургъ, при многочисленнѣйшемъ стеченіи публики (провожило до 400000 чел.), опустили въ могилу на Волковомъ кладбищѣ, начались рѣчи. Первымъ говорилъ С. А. Муромцевъ. Приводимъ его рѣчь цѣликомъ:

„Въ ряду представителей русской мысли московскій университетъ отдастъ послѣднюю дань праху великаго писателя родины. Съ гордостью вспоминаетъ онъ, что считалъ Ивана Сергѣевича въ числѣ своихъ учениковъ, что первыя стремленія Тургенева, остановленныя не по его волѣ, были направлены къ научной дѣятельности въ стѣнахъ родного университета. Еще съ большею гордостью вспоминаемъ мы, что въ этихъ самыхъ стѣнахъ великій писатель нашелъ нравственную поддержку тогда, когда онъ наиболѣе нуждался къ ней, и съ тѣхъ поръ московскій университетъ признавалъ для себя за особую честь считать Тургенева въ ряду своихъ почетныхъ членовъ. Великій представитель высочайшаго творчества въ области мысли — творчества художественнаго, Тургеневъ былъ дорогъ русской наукѣ. Но намъ, москвичамъ, онъ былъ дорогъ еще и потому, что въ творческой дѣятельности его сказывалась та самая живительная струя, которая, въ свое время, дала новую силу наукѣ. Идеи гуманности и справедливости, которыя одушевляли людей кафедры, Тургеневъ выражалъ съ несравненною силою и съ несравненнымъ вліяніемъ въ своихъ художественно-поэтическихъ произведенияхъ. И эту сторону своей дѣятельности признавалъ самъ Иванъ Сергѣевичъ, когда, отвѣчая на московскій привѣтъ, онъ, какъ всегда, скромный въ оцѣнкѣ своихъ заслугъ, приписывалъ сочувствіе къ нему, главнымъ образомъ, тому обстоятельству, что до послѣднихъ лѣтъ своей жизни онъ сумѣлъ остаться вѣренъ убѣжденіямъ своей молодости. Въ этомъ — источникъ благотворнаго вліянія Тургенева до послѣднихъ дней его, въ этомъ — залогъ того, что его вліянію послѣ смерти суждено расти и расти. Спасибо, глубокое, сердечное спасибо плетъ великому ученику своему его alma mater, — спасибо и вѣчная память!“

Вторая рѣчь произнесена была ректоромъ петербургскаго университета Бекетовымъ. Онъ сказалъ:

„Я приблизился къ этой дорогой могилѣ, — говоритъ Бекетовъ, — для того, чтобы сказать послѣднее „прости“ отъ лица своихъ товарищей и всего нашего университетскаго юношества. Но, прощаясь съ успокоившимся поэтомъ, не могу говорить о немъ, какъ о почившемъ навѣки, ибо никогда еще не былъ онъ такъ могучъ, какъ теперь. Силы, какія онъ въ себѣ хранилъ, передавая ихъ по временамъ въ своихъ произведеніяхъ, не только не погибли, но развились еще съ большею энергіею, потрясая сильнѣе, чѣмъ когда-либо сердца всѣхъ способныхъ чувствовать и мыслить. У гроба Тургенева, въ умѣ, постоянно занятомъ изученіемъ природы, невольно и съ особою яркостью возникаютъ великія представленія о вѣчности силъ и о преемственности жизни.

„Въ небесныхъ вышинахъ есть столь отдаленныя отъ насъ свѣтила, что свѣтъ, ими изливаемый, несмотря на едва вообразимую быстроту своего движенія, доходить до насъ только черезъ сотни тысячъ лѣтъ. Свѣтъ этихъ міровъ поражаетъ нашъ взоръ въ то время, когда они сами давно исчезли въ недосыгаемыхъ наблюденію простран-

ствахъ, а можетъ и вовсе перестали существовать. Тѣмъ не менѣе, мы не хотимъ считать тѣ свѣтила погибшими, ибо волны эѳира, поражающія наше зрѣніе, всколеблены ими. Матерія распалась, но силы, ее оживляющія, продолжаютъ дѣйствовать, потрясая эѳиръ въ безпредѣльныхъ и безвременныхъ пространствахъ.

„Воспринятый свѣтъ, въ свою очередь, не пропадетъ, онъ только превращается въ новыя силы, переходящія опять въ другія, — такъ безъ конца.

„Такое физическое представленіе о безсмертіи. Не то ли являютъ намъ силы духовныя, которыя колеблютъ миллионы сердець долго и долго послѣ распадѣнія сдерживавшей ихъ матеріальной оболочки?

„Если бы даже имя нашего поэта перестало когда-либо повторяться, то поэтическіе аккорды, внесенные имъ въ психическую жизнь человѣчества, никогда не минуть; развиваясь, входя въ составъ болѣе сложныхъ симфоній, пропасть они не могутъ никогда. Таковы послѣдствія великаго закона силъ, и въ немъ, на ряду съ утѣшеніями, предлагаемыми намъ религіей, мыслящій человѣкъ можетъ искать утѣшенія, провожая въ послѣднее земное жилище останки великаго таланта.

„Отвлекаясь еще и еще отъ заботъ суетнаго свѣта, мы усматриваемъ приложеніе закона сохраненія силъ и въ величавомъ явленіи преемственной жизни, дающемъ намъ опять возможность схватываться за край ризы удаляющагося отъ насъ поэта

„Свѣтовая солнечная энергія, передаваясь матеріи, даетъ толчокъ органической жизни, на полѣ которой возникло и само человѣчество. Всѣ живыя творенія, Божіей волею, давшей первый импульсъ всемірному движенію, связаны между собою непрерывною цѣпью. Отъ зеленѣющаго растительнаго покрова, черезъ длинный рядъ движущихся и чувствующихъ организмовъ, солнечный огонь, все болѣе и болѣе концентрируясь и усложняясь, передается человѣчеству. Оно составляетъ послѣднее звено жизни, собравшее въ себѣ сумму энергіи всего прошедшаго бытія.

„Та же преемственность, то же постепенное пополненіе и совершенствованіе усматриваются и въ развитіи духа человѣчества. Священное пламя науки и искусства все ярче и ярче пылаетъ на землѣ, а собирателями и настоящими хранителями драгоцѣннаго наслѣдія являются избранники Божества, одаренные геніальнымъ умомъ и талантомъ. Однимъ изъ такихъ избранниковъ былъ и тотъ, котораго мы теперь оплакиваемъ. Вѣреннаго ему частица божественнаго огня теперь освободилась отъ своихъ оковъ и вольными струями будетъ разливаться между людьми. Не мнѣ, естествоиспытателю, братья за характеристику дѣятельности Тургенева. Въ надгробныхъ рѣчахъ и заявленіяхъ печати всѣхъ просвѣщенныхъ странъ, нашъ поэтъ оцѣненъ по достоинству.

„Прибавлю только одно. Если бы всѣ такъ чувствовали и мыслили, какъ чувствовалъ И. С. Тургеневъ, то мирное теченіе нашихъ судебъ по пути къ прогрессу не было бы прерываемо ни на одинъ

мигъ, ибо его произведенія отличаются спокойствіемъ, рѣдкою объективностью, здравомысліемъ въ оцѣнкѣ всякаго рода соціальныхъ явленій. Покойся въ мирѣ, и пусть твоя кончина побудитъ насъ обратиться съ новою силой къ наукѣ, передъ которой ты такъ благоговѣлъ, къ искусству, которому ты служилъ съ такимъ самоотверженіемъ. Въ этомъ находимъ мы настоящее утѣшеніе въ скорби, причиненной твоею утратою“.

Третья рѣчь вылилась изъ устъ его друга и товарища Д. В. Григоровича. Онъ разстроеннымъ и дрожащимъ голосомъ сказалъ: „Трудно прибавить къ тому, что было говорено и написано о Тургеневѣ со дня его кончины и до настоящей минуты. Но личности избранныя, личности исключительно одаренныя, къ какимъ принадлежалъ Иванъ Сергѣевичъ, заключаютъ въ себѣ всегда такую глубину содержанія, что сколько ни черпай, все останется, останется какъ въ живомъ родникѣ, который изъ вѣка въ вѣкъ поить цѣлое населеніе, и все-таки продолжаетъ бить живымъ ключомъ.“

„Вспомните всѣ вы, окружающіе теперь могилу Тургенева, вспомните, съ какимъ единодушіемъ отозвался весь образованный міръ на Западѣ и у насъ въ Россіи, когда пронеслась горестная вѣсть о его кончинѣ! Чѣмъ же былъ Тургеневъ, чтобы кончиной своей вызвать въ сотняхъ тысячъ людей столько сожалѣній, столько слезъ, столько истиннаго горя? По какому поводу десятки тысячъ его соотечественниковъ сердцемъ рвутся теперь къ его могилѣ, и всѣ мы здѣсь стоящіе такъ глубоко потрясены и взволнованы? Почему мы здѣсь? Приказа никакого не было! Но произнесено было имя Тургенева, — и со всѣхъ концовъ Россіи лица разныхъ сферъ, и старый и молодой, какъ одинъ человѣкъ, пожелали почтить это имя! Отчего же такое единодушное воодушевленіе? Тургеневъ былъ литераторъ, другого званія у него нѣтъ и никогда не было... Не доказываетъ ли это знаменательно, что даръ поэзіи въ связи съ творческой силой, т.-е. способностью выражать чувства и мысли въ живой, пластической формѣ, — не есть даръ эфемерный, заурядный, какъ еще многіе думаютъ! Если бъ это было такъ, ничего бы, конечно, не было изъ этого, что происходило цѣлый мѣсяцъ и что сегодня, теперь происходитъ; а происходитъ торжество великое, тѣмъ болѣе великое, что въ немъ нѣтъ ничего заказнаго, ничего вынужденнаго, оно внушено сердцемъ, внушено глубокой признательностью къ человѣку, который силой своего таланта умѣлъ пробуждать въ душѣ нашей лучшія чувства.“

„Въ этомъ торжествѣ есть много поучительнаго для цѣлаго русскаго общества. Благодаря Тургеневу, въ глазахъ всѣхъ русскихъ людей — свидѣтелей этого торжества, и тѣхъ, кто объ немъ узнаетъ, — вырастаетъ, возвышается значеніе литературныхъ заслугъ, разумѣя здѣсь такого писателя, который, какъ Тургеневъ, служа прежде всего искусству и вѣруя въ его могущество, дѣйствовалъ на своихъ соотечественниковъ словами правдивыми и мыслями благородными. Значеніе литературнаго труда, значеніе званія литератора завѣщано

Тургеневымъ русскимъ писателямъ. На нихъ лежитъ отвѣтственность поддерживать завѣщанное достоинство, служить литературѣ такъ же правдиво, благородно и честно, какъ служилъ ей Тургеневъ въ теченіе всей своей жизни! Этими только литераторы могутъ достойнымъ образомъ почтить память знаменитаго собрата.

„Намъ, старикамъ, сверстникамъ Тургенева, его друзьямъ и товарищамъ, — остается сказать: прощай, дорогой, незабвенный другъ, прощай, до скорого свиданья“. Маститый поэтъ Я. П. Полонскій надъ разверзтой могилой въ такихъ строфахъ начерталъ возвышенный духовный обликъ усопшаго друга — поэта:

Онъ не нуждается ни въ лаврахъ ни въ цвѣтахъ,
И оміамъ земли недужной и растлѣнной
Не долетитъ къ тому, кто въ страшныхъ глубинахъ
Вселенной ищетъ путь къ Источнику вселенной.
Нѣтъ, бюсты и вѣнки, и этотъ оміамъ
Не намъ и не его благословенной тѣни,
А родинѣ,—за то, что подарила намъ
Истолкователя трехъ нашихъ поколѣній,
Поэта русскихъ думъ;—за то тепло и свѣтъ,
Что пролилъ намъ въ сердца ея вѣщунъ-поэтъ.
Не намъ и не ему сей оміамъ пахучій,
Цвѣты и лавры, нѣтъ! Пусть эти всѣ цвѣты
Отчизна милая вплететъ въ свой тернь колючій,
Чтобъ обновить свои надежды и мечты.
Тѣнь друга нашего, тѣнь генія невольна
Какъ бы въ одну семью соединяетъ насъ
Не потому, что намъ разстаться съ нимъ такъ больно,
Такъ жаль, что на землѣ огонь его погасъ,—
А потому, что Русь какъ бы себя вѣщаетъ
Вѣнцомъ того пѣвца, котораго терять.

Изъ „Новостей“.

Памяти Ивана Сергѣевича Тургенева.

Тяжелое впечатлѣніе, производимое смертью великаго писателя — тяжело даже тогда, когда онъ „свершилъ въ предѣлахъ земли все земное“. Смерть Гёте глубоко потрясла Германію, несмотря на его восьмидесятилѣтній возрастъ, несмотря на то, что послѣднія его произведенія ничего не прибавляли къ его славѣ; смерть Гоголя была громовымъ ударомъ для русскаго общества, хотя оно перестало ожидать отъ него многого послѣ „Переписки съ друзьями“. Есть что-то утѣшительное въ мысли, что изъ нашей среды не отошелъ еще тотъ, кому всякій изъ насъ такъ многимъ обязанъ, что онъ живетъ еще нашею жизнью, сознаетъ тѣсную связь, соединяющую его съ нами. Эта связь не зависитъ отъ мѣста, не ослабляется продолжительною

разлукой; въ Баденъ-Баденѣ, въ Парижѣ Тургеневъ былъ болѣе близкимъ къ Россіи, чѣмъ многіе, никогда не выѣзжавшіе за ея границу. Потерять Тургенева мы могли только съ его смертью — и всѣ чувствуемъ себя точно осиротѣвшими. Онъ былъ намъ дорогъ не однимъ своимъ прошедшимъ; мы видѣли въ немъ силу, далеко еще не угасшую, дарованіе, по прежнему крѣпкое и полное блеска. Въ „Пѣсни торжествующей любви“, въ „Кларѣ Миличъ“, выступалъ передъ нами не старый атлетъ, съ болѣзненнымъ усиліемъ возвращающійся на сцену своихъ прежнихъ успѣховъ — не Корнель „Атилы“ или „Агезилая“, не Гёте „Западно-восточнаго дивана“, не Фредерикъ Леметръ, едва слышный въ театрѣ, который онъ нѣкогда наполнялъ своимъ мощнымъ голосомъ. Въ каждой строчкѣ произведеній, почти предсмертныхъ, слышался мастеръ-художникъ, преодолѣвшій всѣ трудности слова и вызывающій восторженное удивленіе даже въ между народныхъ сферахъ искусства. „Стихотворенія въ прозѣ“ были не прощальнымъ, блѣднымъ лучемъ таланта, а оригинальной страницей въ творчествѣ писателя; не нуждавшагося въ стихѣ, чтобы быть поэтомъ, не нуждавшагося въ просторѣ, чтобы бы быть великимъ. Въ скорби, возбуждаемой смертью Тургенева, есть, поэтому, нѣчто общее съ тѣми горькими ощущеніями, которое испытывало русское образованное общество передъ могилами Грибоѣдова, Пушкина, Лермонтова, Бѣлинскаго, Добролюбова. Тургеневу дано было больше времени, чѣмъ этимъ предшественникамъ или современникамъ его; они умерли въ цвѣтѣ лѣтъ, онъ дожилъ почти до старости — но, подобно имъ, онъ не сказалъ своего послѣдняго слова. Судьба не была къ нему жестока — но все-таки разорвала нить, когда клубокъ не весь еще былъ размотанъ.

Не будемъ, однако, слишкомъ жаловаться на судьбу; богато, драгоценно и то наличное наслѣдство, которое оставилъ намъ Тургеневъ. Всѣ главныя сочиненія его являлись *во-время*, отвѣчали на вопросъ, носившійся въ воздухѣ, ставили его, иной разъ, прежде чѣмъ онъ самъ собою успѣлъ сложиться — и всѣ сохраняютъ до сихъ поръ свою свѣжесть, какъ будто бы ни въ чемъ не зависѣли отъ минуты, ихъ создавшей. Мы помнимъ тотъ таинственный свѣтъ, которымъ блестяли въ темнотѣ, лѣтъ тридцать тому назадъ, „Записки охотника“, помнимъ, какъ въ интимныхъ бесѣдахъ, въ кружкахъ молодежи, иногда даже съ кафедръ, робко, осторожно, но съ глубокимъ сочувствіемъ къ автору доказывалась основная мысль, соединявшая ихъ въ одно животрепещущее цѣлое. Крѣпостное право болѣе не существуетъ, зловѣщій его отблескъ не освѣщаетъ больше борца, вступившаго съ нимъ въ смертный бой, — но „Записки Охотника“ сохранили свое обаяніе, свою прелесть, уцѣлѣли почти одни изъ массы нѣкогда прославленныхъ, теперь давно забытыхъ повѣстей и рассказовъ той же тенденціозной окраски. Прошло уже болѣе двадцати лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Добролюбовъ, въ статьѣ о „Наканунѣ“, провозгласилъ окончаніе періода „лишнихъ людей“ — а образы Гамлета Щигровскаго

узда, Рудина, Лаврецаго, все еще стоятъ передъ нами, какъ живые. Базаровскій нигилизмъ остался далеко позади насъ — но „Отцы и дѣти“ написаны точно вчера, и не совсѣмъ еще замерли отголоски возбужденнаго ими спора. Временная, скоропреходящая обстановка налагала на произведенія Тургенева отпечатокъ настолько рѣзкій, что они были событіями дня — но не настолько исключительный, чтобы днями же измѣрялось и ихъ существованіе. Таковъ характеръ не всѣхъ, конечно, по весьма многихъ истинно-художественныхъ твореній — тѣхъ твореній, авторы которыхъ жили въ смутныя, бурныя эпохи и не замыкались отъ ихъ вліяній. Въ „Вертерѣ“ выразилась съ необыкновенной типичностью душевная тревога молодого поколѣнія, только что вступившаго въ свою Sturm-und Drangperiode — и вмѣстѣ съ тѣмъ прозвучали такія ноты, къ которымъ нельзя равнодушно прислушиваться и въ наше время. „Донъ-Карлосъ“ былъ гимномъ идеальной, отвлеченной любви къ свободѣ — молодой любви, возможной только на зарѣ политической жизни; но до полного торжества свободы далеко и теперь — далека, слѣдовательно и минута, когда будетъ совершенно забытъ маркизъ Поза. „Манфредъ“ — родной братъ Лары и Корсара, но онъ пережилъ ихъ и переживетъ надолго, потому что съ мимолетными чертами законченнаго историческаго момента въ немъ соединенъ откликъ на вѣчныя загадки жизни. То же самое, до извѣстной степени, можно сказать и о „Героѣ нашего времени“. Тургеневъ нашелъ доступъ къ той дорогѣ, которая носить на себѣ слѣды шаговъ Гёте, Шиллера, Байрона, Лермонтова. Подобно имъ онъ бросался, по временамъ, въ самый разгаръ борьбы — и подобно имъ, не отдавался ей весь безъ остатка, подобно имъ, сохранялъ въ ней всю силу громаднаго художественнаго таланта. Красота формы, необходимая для устойчивости поэтическаго произведенія, у него какъ и у нихъ, часто доходитъ до совершенства.

Бросаться въ разгаръ борьбы — не значить ли это, однако, спуститься съ той высоты, на которой всегда должно оставаться искусство? Не грѣшимъ ли мы противъ памяти Тургенева, низводя его съ чисто-артистическаго пьедестала въ шумъ и пыль дѣйствительности? Возможна ли тенденція въ истинно-художественномъ произведеніи, совмѣстимо ли *намыреніе* съ творчествомъ, практическая цѣль — съ вѣрнымъ воспроизведеніемъ жизни? „Талантъ, подобный тургеневскому“, слышали мы еще недавно, „не можетъ быть тенденціозенъ безъ привитой извнѣ порчи“; тенденціозность „Записокъ Охотника“ — не что иное какъ выдумка „критики шестидесятыхъ годовъ“. Спорный вопросъ въ данномъ случаѣ разрѣшается весьма просто, свидѣтельствомъ самаго Тургенева. „Я не могъ“, — говоритъ онъ въ вступленіи къ „Литературнымъ и житейскимъ воспоминаніямъ“, объясняя свой первый отъѣздъ за границу, — „я не могъ оставаться рядомъ съ тѣмъ, что я возненавидѣлъ. Мнѣ нужно было удалиться отъ моего врага затѣмъ, чтобы изъ самой моей дали сильнѣе напасть на него. Въ моихъ глазахъ врагъ этотъ имѣлъ опредѣленный образъ, носилъ извѣстное имя:

врагъ этотъ былъ — крѣпостное право. Подъ этимъ именемъ я собралъ, сосредоточилъ все, *противъ чего я рѣшился бороться до конца — съ чѣмъ я поклялся никогда не мириться*. Это была моя Аннибалова клятва; я и на Западъ ушелъ для того, чтобы лучше ее исполнить“. Рѣшимость бороться, бороться до конца и непримиримо — это ли еще не тенденціозность? И дѣйствительно, въ „Запискахъ Охотника“ тенденція сказывается на каждомъ шагу — и въ выборѣ предметовъ, и въ освѣщеніи ихъ, и въ обрисовкѣ характеровъ, и въ общемъ колоритѣ. Художественность цѣлаго и отдѣльныхъ частей не страдаетъ отъ этого нисколько; напротивъ того, насъ точно поднимаетъ могучая волна, мы отдаемся въ ея власть, слышимъ ея удары, чувствуемъ ея неотразимую силу. Тенденція и искусство слиты здѣсь въ одно неразрывное цѣлое; первая нигдѣ не бьетъ черезъ край, художественная форма облекаетъ ее со всѣхъ сторонъ, не скрывая ея очертаній. Въ „Запискахъ Охотника“ нѣтъ чудовищныхъ фигуръ, нѣтъ злодѣевъ въ родѣ Куролесова „Семейной Хроники“, холодной, спокойной злой Пѣночкинъ (въ „Бурмистрѣ“) стоитъ почти одинокимъ посреди такихъ заурядныхъ, иногда даже добрыхъ людей, какъ Полутыкинъ („Хоръ и Калинычъ“), Звѣрковъ („Ермолай и Мельничиха“), Мардарій Аполлонычъ („Два помѣщика“). Лизавета Прохоровна („Постоялый дворъ“), старая барыня въ „Муму“. Источникъ гнета, ломающаго человѣчeskія существованія, часто отступаетъ на задній планъ, едва видѣется изъ-за главныхъ картинъ фигуры (назовемъ, для примѣра, „Малиновую воду“, „Льговъ“, „Контору“, „Петра Петровича Каратаева“) — но это только усиливаетъ впечатлѣніе, ставя насъ лицомъ къ лицу не съ людьми, а съ цѣлымъ общественнымъ строемъ. Обезличиваетъ Степу и Сучка, душитъ и давитъ Власа, Арину, Акима не жестокость, не свирѣпый деспотизмъ, а привычка, слѣпая вѣра въ мнимое право, наивное игнорированіе чужой жизни. Господинъ Звѣрковъ, распорядясь на счетъ „провинившейся горничной“, серьезно съ полнымъ убѣжденіемъ, считаетъ обиженными себя и жену, а не Арину и Петрушку лакея. Для него, какъ и для всѣхъ ему подобныхъ, *душа* крѣпостного человѣка — нѣчто реальное только на бумагѣ при залогѣ имѣнія въ опекунскій совѣтъ или при исчисленіи барщинныхъ дней, оброчныхъ копеекъ. *Правда*, будничная, обычная, но тѣмъ болѣе ужасная правда — вотъ почва, на которой стоитъ Тургеневъ въ своихъ охотничьихъ рассказахъ. Ему не было надобности искать рѣзко выдающихся фактовъ, искусственно усиливать краски, преувеличивать дѣйствительность; явленія, поразившія его, окружали его со всѣхъ сторонъ, и трагизмъ ихъ заключался именно въ томъ, что они не были поразительными для массы. Отсюда отсутствіе всего того, что *иногда* соединяется съ тенденціей и ошибочно возводится на степень необходимой принадлежности ея — отсутствіе натяжекъ, бѣлыхъ нитокъ, притянутыхъ за волосы эффектовъ. Нехудожественность тенденціи — почти всегда синонимъ ея поверхности и узкости. Чѣмъ глубже ея основы, чѣмъ полнѣе воплощается въ ней идея, широкая и плодо-

творная, тѣмъ легче она можетъ сдѣлаться не только спутникомъ, но и опорой искусства. Тенденціозность „Записокъ Охотника“ не имѣетъ ничего общаго съ обличительнымъ паѳосомъ, направленнымъ противъ отдѣльныхъ злоупотребленій; она коренится въ самой натурѣ автора, въ его гуманности, въ его уваженіи къ человѣку, въ защитѣ чело- вѣческаго достоинства, чѣмъ бы оно ни попіралось. Въ позднѣйшей дѣятельности своей Тургеневъ не былъ, по преимуществу, заступни- комъ „униженныхъ и оскорбленныхъ“, но первыя его копья поломаны въ бою за нихъ — въ томъ бою, который служитъ сигнатурой соро- ковыхъ годовъ не только у насъ въ Россіи. Его возмущаетъ не одно его барина надъ мужикомъ; онъ возстаетъ противъ всякой грубой силы, противъ безсмысленнаго обычая, противъ порабощенія женщины, противъ поклоненія богатству и успѣху („Однодворецъ Овсянниковъ“, „Мой сосѣдъ Радилловъ“, „Свиданіе“, „Гамлетъ щигровскаго уѣзда“). Онъ останавливается съ любовью на всякомъ искреннемъ чувствѣ, на всякомъ характерѣ, помятомъ, но не сломанномъ жизнью; онъ по- казываетъ намъ человѣка и въ испошлившемся, повидимому, провин- ціалѣ („Уѣздный лѣкарь“), и въ угрюмомъ, ожесточенномъ „Бирюкѣ“, и въ завсегдателѣхъ притыннаго кабачка („Пѣвцы“), и въ „Юро- дивцѣ“ съ Красивой Мечи. Широко раздвигается горизонтъ „Запи- сокъ Охотника“ — почти такъ же широко, какъ горизонтъ русской рав- нины. Авторъ не удерживаетъ насъ въ одномъ уголкѣ, мрачномъ и душномъ, не преслѣдуетъ насъ длиннымъ рядомъ вариаций на одну и ту же тему; какъ и Некрасовъ, онъ не проходитъ мимо спокойныхъ, мирныхъ, даже веселыхъ картинъ русской природы и русской жизни. Основной мотивъ умолкаетъ иногда совершенно — и тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ его возвращеніе. Вслушайтесь въ него — и вы найдете, что далеко не все въ немъ принадлежитъ прошедшему. Не только Моргачи и Оболдуи, не только Павлуши и Касьяны, Ермолаи, Кали- нычи, Арины, даже Степушки, не исчезли еще безслѣдно съ лица русской земли. Ихъ можно найти не только между могиканами крѣ- постной эпохи, но и въ рядахъ болѣе молодыхъ поколѣній, — можно найти уже потому, что „вмѣсто сѣтей крѣпостныхъ люди придумали много иныхъ“. Приниженность и подавленность, зависящія отъ по- выхъ причинъ, сплошь и рядомъ выражаются въ старыхъ формахъ.

Вторая эпоха въ творествѣ Тургенева, начинающаяся „Дневникомъ лишняго человѣка“ (1850) и оканчивающаяся „Дворянскимъ гнѣздомъ“ (1850), представляетъ собою галерею портретовъ, срисованныхъ съ русскаго образованнаго общества сороковыхъ и пятидесятихъ го- довъ. Между этими портретами, первообразъ которыхъ былъ данъ уже въ „Гамлетѣ щигровскаго уѣзда“, есть, болѣею частью, нѣкоторое фамиліное сходство — но кому же неизвѣстно, что такое сходство не исключаетъ самыхъ глубокихъ различій? „Лишний человѣкъ“, Пасын- ковъ, Рудинъ, Лаврецкій — отнюдь не разновидности и не ступени одного и того же типа. Добролюбову нужно было доказать, съ поли- тической цѣлью, что между героями Тургенева, вплоть до „Наканунѣ“,

была преемственная связь, что „сущность, основа ихъ характера и всякаго ихъ существованія была одна и та же“, что они всѣ были „просвѣтителями“, людьми слова, отличными, умными, но „бездѣльными“ людьми, что пѣсенка ихъ спѣта и имъ пора сойти со сцены. Доля правды въ этомъ взглядѣ, проведенномъ съ свойственной Добролюбову послѣдовательностью и силой, безспорно есть — но теперь, по прошествіи четверти вѣка, не трудно замѣтить и слабую его сторону. „Для лишннихъ людей не должно быть болѣе мѣста въ нашей жизни“ — вотъ настоящая мысль великаго критика-публициста, вотъ категорическій императивъ, съ которымъ онъ обратился къ русскому обществу. Чтобы лучше отгѣнить типъ будущаго, намѣченный Тургеневымъ въ Инсаровѣ, нужно было подвести всѣ прежніе тургеневскіе образы подъ одну общую мѣрку — и это было сдѣлано безъ колебаній, безъ подробной повѣрки, безъ очной ставки между фигурами, отодвигаемыми гуртомъ въ область безвозвратнаго прошедшаго. Многія изъ нихъ не подчинились суровому приговору и продолжаютъ жить до сихъ поръ, не только на страницахъ тургеневскихъ произведеній, но и въ дѣйствительности. Сличая ихъ между собою, мы невольно вспоминаемъ этюдъ Тургенева о Гамлетѣ и Донъ-Кихотѣ. „Въ этихъ двухъ типахъ“, — такова основная мысль этюда, „воплощены двѣ коренныя, противоположныя особенности человѣческой природы. Къ одному изъ нихъ принадлежатъ болѣе или менѣе всѣ люди; почти каждый изъ насъ сбивается либо на Донъ-Кихота, либо на Гамлета“. Какъ бы мы ни смотрѣли на эту мысль вообще, къ большинству тургеневскихъ типовъ мы должны признать ее безспорно примѣнимой. Яковъ Пасынковъ — настолько же прямой потомокъ рыцаря печальнаго образа, настолько родственны датскому принцу Рудинъ или герой „Переписки“. Пасынковъ полонъ любви и самоотверженія, чуждъ развѣдающаго анализа, простъ и рѣшителенъ въ своихъ дѣйствіяхъ; его мѣсто — отнюдь не между „лишнимъ человѣкомъ“ и Рудинымъ, а въ сторонѣ отъ нихъ, на совершенно другой дорогѣ. Гораздо ближе къ Донъ-Кихоту, чѣмъ къ Гамлету, и Ларецкій, безповоротно отдающій себя во власть одного чувства. „Просвѣтителями“ „пропагандистами хоть для одной женской души“ ни Пасынковъ ни Ларецкій названы быть не могутъ; первый даже не пытается подойти къ женщинѣ, которую любить, послѣдній не трогаетъ міросозерцанія Лизы, не трогаетъ его даже тогда, когда оно грозитъ разбить и дѣйствительно разбиваетъ ихъ счастье. Фигуры другого, гамлетовскаго пошиба также не выстраиваются въ тотъ рядъ, въ которомъ видѣлъ ихъ Добролюбовъ. Рудинъ — вовсе не „лишній человѣкъ“, „высказавшійся смѣлѣе и полнѣе“; это особый типъ, иначе сложенный природой, иначе развившійся подъ вліяніемъ обстоятельствъ. Рудина долго несла волна успѣха — къ „лишнему человѣку“ судьба повернулась сценой съ самаго начала. Рудинъ былъ героемъ и баловнемъ фразы; по выраженію Пигасова, его, какъ китайскаго болванчика, всегда перевѣшивала голова. У „лишняго человѣка“ былъ „замочекъ внутри“, заставлявшій его часто по-

вторять самому себѣ: „а вотъ мы лучше помолчимъ немножко“. Рудинъ былъ общественнымъ дѣятелемъ, насколько можно — въ особенности при извѣстныхъ политическихъ условіяхъ — быть дѣятелемъ съ помощью одного слова; изъ „лишнихъ людей“ дѣятелей нигдѣ и никогда не выходитъ. Подобно отдаленнымъ своимъ прототипамъ — Гамлету и Донъ-Кихоту — Рудины и „лишніе люди“, Пасынковы и Лаврецькіе не могутъ быть приурочены *всецѣло* къ одной опредѣленной эпохѣ, не могутъ исчезнуть вмѣстѣ съ однимъ опредѣленнымъ моментомъ народной жизни. Рядомъ съ людьми дѣла всегда и вездѣ стоятъ люди мысли и люди слова, рядомъ съ идеалистами — скептики, рядомъ съ энтузіастами — эгоисты. Эпоха, наступленіе которой сигнализировало своихъ Донъ-Кихотовъ — Маркеловыхъ, своихъ Гамлетовъ — Неждановыхъ, подобно тому, какъ эпоха іюльской монархіи во Франціи произвела Гамлетовъ-Орасовъ, Донъ-Кихотовъ-Ларавильеровъ¹⁾. Великіе писатели тѣмъ, между прочимъ, и велики, что въ создаваемыхъ ими типахъ случайныя черты не вытѣсняють вѣчныхъ, сквозь элементъ временной и мѣстной просвѣчиваетъ элементъ постоянный и общій. Въ Гамлетѣ есть много англійскаго, въ донъ-Кихотѣ — испанскаго, оба отмѣчены печатью своего вѣка — но это не помѣшало имъ пережить столѣтія, сдѣлаться достояніемъ всего образованнаго міра. Въ тургеневскихъ фигурахъ, названныхъ нами выше, чувствуются русскіе, русскіе извѣстной эпохи — но этимъ не ограничивается ихъ значеніе, и интересъ, возбуждаемый ими, не можетъ быть названъ ни чисто-историческимъ ни чисто-національнымъ. Отсюда близость Тургенева ко всѣмъ поколѣніямъ, теперь живущимъ и растущимъ у насъ въ Россіи; отсюда роль, завоеванная имъ въ общественной литературѣ.

Новая жизнь, закипѣвшая въ Россіи, начиная съ половины пятидесятихъ годовъ, не могла сразу создать новыхъ людей и новыхъ положеній. Отраженіе ея у Тургенева становится замѣтнымъ лишь въ „Наканунѣ“, которымъ и открывается послѣдняя эпоха его творчества. Четыре главныя произведенія этой эпохи (кромѣ „Наканунѣ“ — „Отцы и дѣти“, „Дымъ“ и „Новь“) соотвѣтствуютъ четыремъ моментамъ нашей исторіи, но не исчерпываются ими — и, въ свою очередь, не исчерпываютъ ихъ, но претендуютъ на изображеніе *всего* совершающагося или совершившагося въ данную минуту. Печальныя недоразумѣнія, вызванныя „Отцами и дѣтьми“ и повторившіяся въ меньшей степени послѣ появленія „Нови“, объясняются, отчасти, именно невѣрнымъ пониманіемъ задачи, которую преслѣдовалъ Тургеневъ. Художникъ, даже художникъ-мыслитель отвѣчаетъ только за вѣрность схваченнаго имъ типа; обставлять его всѣми другими, существующими рядомъ съ нимъ, онъ не обязанъ — это дѣло историка, а не поэта. Нарисовать Базарова, не значило еще олицетворить въ немъ цѣлую общественную группу; вывести на сцену Нежданова, Маркелова, Ма-

¹⁾ Мы имѣемъ въ виду извѣстный романъ Ж. Занда „Ногасе“.

шутину, Остроумова, не значило еще сказать, что кромѣ нихъ и нѣтъ больше никакого въ извѣстной сферѣ. Обобщеніе, навязанное Тургеневу — и навязанное ему, притомъ, съ двухъ противоположныхъ сторонъ — было ему совершенно чуждо. Онъ изобразилъ Базарова, потому что жизнь дала ему матеріалы для того образа; весь вопросъ сводится къ тому, *какъ* онъ воспользовался данными жизни. Теперь, по прошествіи двадцати лѣтъ, ожесточенныя нападенія, выпавшія на долю „Отцовъ и дѣтей“, кажутся просто непонятными; обвинительный приговоръ — и тогда, впрочемъ, встрѣтившій сильный отпоръ въ средѣ радикальнаго лагеря — кассированъ уже давно, и та же судьба, мы въ этомъ убѣждены, постигла или постигнетъ главныя обвиненія противъ „Нови“. Въ каждомъ изъ четырехъ романовъ, появившихся между 1860 и 1877 г., есть слѣды тенденціи — и ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть названъ вполне тенденціознымъ. Жизнь сдѣлалась запутаннѣе, сложнѣе; передъ авторомъ не стоитъ больше во весь ростъ, все наполняя и на всемъ отражаясь, одинъ опредѣленный врагъ — тотъ врагъ, противъ котораго была произнесена его Аннибалова клятва. Онъ не исчезъ еще безслѣдно, этотъ врагъ, его духъ, еще живетъ, измѣненный только въ проявленіяхъ и формахъ — и при каждой съ нимъ встрѣчѣ въ душѣ писателя воскресаетъ прежняя вражда, ничуть не смягченная годами. Отсюда желѣзные страницы, брошенные въ лицо, какъ перчатка, Ратмировымъ и Каломѣйцевымъ — этимъ усовершенствованнымъ Пѣночкинымъ новѣйшей формаціи. Передъ другими фигурами Тургеневъ часто стоитъ въ раздумьѣ, онъ наблюдаетъ ихъ ростъ, слѣдитъ за первыми ихъ шагами, колеблясь между различными чувствами и не всегда дѣлая между ними окончательный выборъ. Требовать отъ художника такого выбора мы не въ правѣ; довольно, если въ его картинахъ отразилась, со всѣми переливами свѣта и тѣни, неподписанныя еще страницы современной жизни. Интересъ картинъ не зависитъ, впрочемъ, и здѣсь отъ одной только ихъ современности. Второстепенныя фигуры, выражающія эту уродливую утрировку мимолетной моды въ родѣ Кукшиной или Ситникова, Ворошилова или Суханчиковой могутъ — нѣсколько устарѣть, но Шубиныхъ, Берсеневыхъ, Карнатовыхъ, Кирсановыхъ, Литвиновыхъ Паклиныхъ никакъ не пріурочили къ этой данной минутѣ. Елена и Маріанна, Одинцова и Ирина, такъ же мало принадлежатъ къ прошедшему, какъ и Наталья Ласунская, Ася, Лиза. Исканіе „настоящаго“ дѣла, антагонизмъ между старымъ и молодымъ, сближеніе интеллигенціи съ народомъ — все это и теперь такіе же жгучіе вопросы, какъ двадцать, десять лѣтъ тому назадъ. Мы все еще стоимъ „наканунѣ“ чего-то, все еще многого не видимъ или худо видимъ изъ-за „дыма“, все еще страдаемъ отъ распри между „отцами“ и „дѣтьми“.

Параллельно съ главными произведеніями Тургенева, отъ начала до конца пройденной имъ длинной дороги, разстилается цѣлый рядъ небольшихъ повѣстей, очерковъ, рассказовъ, всегда художественныхъ, часто мастерскихъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Мечта, сновидѣ-

ніе, воспоминаніе, заурядный фактъ, случайная встрѣча — все принимаетъ подъ рукой Тургенева поэтической колоритъ, своеобразную прелесть. Артистическая сдержанность, свойственная Тургеневу — та сдержанность, благодаря которой онъ никогда не расплывался, нигдѣ не прибавлялъ лишней черты — позволяла ему быть одинаково сильнымъ въ широкомъ размахѣ и въ едва замѣтномъ мановеніи руки. Высшимъ выраженіемъ способности сказать многое въ немногихъ словахъ — „Стихотворенія въ прозѣ“. „Un sonnet sans défaut vaut seul un long poëme“, сказалъ, кажется, Буало; эпитетъ: sans défaut подходитъ вполне къ такимъ вещамъ, какъ „Фаустъ“, „Ася“, „Пѣснь торжествующей любви“, „Клара Миличъ“. Безукоризненныя со стороны формы, наравнѣ съ лучшими новеллами Мюссе или Мериме, онѣ превосходятъ ихъ глубиною психологическаго анализа и драматизмомъ положеній. Иногда передъ нами проходитъ только картина или серія картинъ, дѣйствующія лица занимаютъ не больше мѣста, чѣмъ въ пейзажѣ („Три встрѣчи“, „Призраки“), иногда наоборотъ, нашимъ вниманіемъ овладѣваетъ именно лицо, освѣщенное то рѣзкимъ, то мягкимъ свѣтомъ („Степной король Лиръ“, „Пунинъ и Бабуринъ“, „Бригадиръ“, „Отчаянный“); иногда мы точно слышимъ отрывокъ изъ лирическаго стихотворенія, весь проникнутый однимъ глубокимъ чувствомъ („Довольно“). Даже тогда, когда въ основаніи разсказа лежитъ анекдотъ или шутка, изъ легкихъ штриховъ слагается иной разъ характерный образъ, въ родѣ Давыда въ „Часахъ“ или раскольниковъ, выведенныхъ на сцену въ „Собакахъ“. Драгоцѣнны небольшія произведенія Тургенева еще тѣмъ, что во многихъ изъ нихъ, какъ и въ крупныхъ его романахъ, разсѣяны впечатлѣнія его личной жизни, отголоски его міросозерцанія. Въ группировкѣ и оцѣнкѣ какъ тѣхъ, такъ и другихъ необходима, однако, крайняя осторожность. Всѣ біографическія свѣдѣнія о Тургеневѣ остаются неполными и скудными, пока не обнародована его переписка съ друзьями, до тѣхъ поръ весьма легко приписать самому автору взгляды, вложенные имъ только въ уста своего героя, или принять случайное, временное настроеніе за окончательный, послѣдній выводъ чувства и мысли. Возьмемъ, для примѣра, „Переписку“ и „Фауста“, отдѣленные другъ отъ друга весьма короткимъ, годичнымъ или полуторагодовичнымъ промежуткомъ. И тамъ и тутъ критика старалась уловить практическую философію самого Тургенева, — а между тѣмъ, согласить заключенія обоихъ произведеній едва ли возможно. „Жизнь только того не обманываетъ, — говоритъ, умирая, Алексѣй Петровичъ („Переписка“), — кто не размышляетъ о ней и, ничего отъ нея не требуя, принимаетъ спокойно ея немногіе дары и спокойно пользуется ими. Идите впередъ, пока можеге, а подкосятся ноги, сядьте близъ дороги да глядите на прохожихъ безъ досады и зависти: вѣдь и они не далеко уйдутъ!“ „Жизнь не шутка и не забава, — такъ заканчиваетъ свое послѣднее письмо Павелъ Александровичъ въ „Фаустѣ“, — жизнь даже не наслажденіе... жизнь тяжелый трудъ. Отреченіе, отреченіе постоянное — вотъ ея тайный

смыслъ, ея разгадка“ (припомнимъ эпитафъ „Фауста“: „entbehren sollst du, sollst entbehren“). Не ясно ли, что оба эти взгляда такъ же несомвѣстимы, какъ взгляды стойка и эпикурейца? „Пользуйтесь жизнью, не мудрствуя лукаво“, говоритъ одинъ, „жизнь дана намъ не для того, чтобы пользоваться ею“, отвѣчаетъ другой — и оба остаются вѣрными самимъ себѣ, оба не могли разсуждать иначе; герой „Переписки“ не похожъ на героя „Фауста“, и Тургеневъ не могъ быть похожъ въ одно и то же время на нихъ обоихъ.

Одна черта въ творествѣ Тургенева давно уже обратила на себя вниманіе и русскихъ и иностранныхъ критиковъ его: эта мысль о смерти, какъ о чемъ-то постоянно близкомъ, всегда висящимъ надъ головою всего живущаго, мысль о безпомощности и беззащитности человека передъ вѣчными, равнодушными силами природы. Она выражается такъ же ярко въ одномъ изъ сравнительно раннихъ произведеній Тургенева („Поѣздка въ Польшу“, 1855 года), какъ и въ „Призракахъ“, стоящихъ почти въ зенитѣ его дѣятельности, какъ и въ „Стихотвореніяхъ въ прозѣ“, названныхъ самимъ авторомъ „старческими“ (Senilia), но полныхъ свѣжести и силы. Слѣдуетъ ли отсюда, что главнымъ, руководящимъ мотивомъ всего творчества Тургенева былъ, какъ полагаетъ одинъ критикъ, *страхъ передъ жизнью*? Нѣтъ: страхъ передъ жизнью, аскетическое пренебреженіе ея дарами, исканіе абсолютнаго покоя, буддійской нирваны, ни въ силахъ были бы создать столько гармонически-художественныхъ произведеній. У Тургенева слышится иногда *страхъ передъ смертью*, т.-е. чувство, прямо противоположное страху передъ жизнью; но и оно не достигаетъ исключительной, преобладающей силы, и оно является только однимъ изъ состояній, черезъ которыя проходитъ впечатлительная, нервная, вдумчивая натура. Раскроемъ „Стихотворенія въ прозѣ“, прочтемъ величественный „разговоръ“ между Юнгфрау и Финстерааргорномъ, поразительное олицетвореніе „Природы“ — мы почувствуемъ холодъ вѣчности, чудовищную громадность слѣпой, невозмутимой силы. Не все, однако, въ этомъ чувствѣ насъ принижаетъ и подавляетъ; и сама природа призываетъ насъ къ самозащитѣ (вспомнимъ ея послѣднія слова: „а ты, пока, защищайся — и не мѣшай мнѣ!“). Въ „Старухѣ“ въ „Концѣ свѣта“, въ „Черепьяхъ“, въ „Насѣкомомъ“ образъ смерти является передъ нами во всемъ своемъ ужасѣ, во всей своей неумолимости — но передъ кѣмъ же онъ не вставалъ именно такимъ, не только на склонѣ, но и на разсвѣтѣ жизни, не только въ минуты тяжелаго раздумья, но и въ минуты высшаго счастья? Гете, свѣтлый, спокойный, олимпіецъ - Гете — и тотъ выразилъ, устами Фауста, отчаянное сознаніе человѣческаго ничтожества, отчаянную боязнь разрушенія: „Den Göttern gleich' ich nicht! Zu tief ist es gefühlt: dem Wurme gleich' ich, der den Staub durchwühlt, den, wie er sich im Staube nährend lebt, des Wand'ers Tritt vernichtet und begräbt“¹⁾. Если

¹⁾ „Да, отрезвился я — не равенъ я богамъ! Пора сказать: прости, безумнымъ тѣмъ мечтамъ! Во прахъ я лежу, какъ жалкій червь, убитый пятою путника, и смятый и зарытый“ (переводъ г. Холодковского).

мысль, неотступно стерегущая каждого изъ насъ, тяготѣла надъ Тургеневымъ съ особенною силой, то разгадку этому слѣдуетъ искать, можетъ быть, въ заключительныхъ словахъ одного изъ „Стихотвореній въ прозѣ“ (Голуби“): „я одинъ... одинъ какъ всегда“. Тамъ же, въ этой богатой сокровищницѣ, мы встрѣчаемъ картины совершенно другого рода — картины, поражающія бодростью, свѣжостью духа. „Мы еще повоюемъ!“ восклицаетъ поэтъ при видѣ семейки воробьевъ, прыгавшей бойко, самонадѣянно, несмотря на близость ястреба. „Я поглядѣлъ, разсмѣялся, встряхнулся — и грустныя думы тотчасъ отлетѣли прочь: отвагу, удаль, охоту къ жизни почувствовалъ я. И пускай надо мной кружить *мой* ястребъ — мы еще повоюемъ, чортъ возьми!“ Еще характеристичнѣе стихотвореніе въ прозѣ, озаглавленное „Воробей“. Собака угрожаетъ птенчику-воробью; старый воробей кидается спасать свое дѣтище, отдавая себя на съѣденіе собакъ. „Какимъ громаднымъ чудовищемъ должна была ему казаться собака! И все-таки онъ не могъ усидѣть на своей высокой безопасной вѣткѣ... Сила, сильнѣе его воли, сбросила его оттуда... *Любовь сильнѣе смерти и страха смерти*. Только ею, только любовью держится и движется жизнь“. Есть еще другая сила, также не боящаяся смерти, потому что она сама бессмертна — это сила искусства, олицетворенная въ стихотвореніи: „Стой!“ Кто вѣритъ, *такъ* вѣритъ въ эти силы, для того не мыслимъ ни вѣчный ужасъ передъ жаломъ смерти ни страхъ передъ жизнью, дающею и любовь, и искусство.

Остановимся еще на одной чертѣ міросозерцанія Тургенева, немного оставляющей мѣста для недоразумѣній, но особенно важной въ виду споровъ настоящей минуты. Тургеневъ, говорятъ намъ, смолodu отдалъ себя въ плѣнъ, „въ послушаніе вѣрѣ“ — слѣпой, безусловной вѣрѣ въ западно-европейскую цивилизацію. Болѣе узкаго, болѣе односторонняго взгляда нельзя себѣ и представить. Тургеневъ былъ и самъ называлъ себя западникомъ, въ томъ специальномъ смыслѣ, какой получило это слово со времени памятной борьбы мнѣній въ сороковыхъ годахъ; но это ничуть не связало его умственной свободы, не помѣшало ему быть русскимъ, быть самимъ собою. „Неужели мы такъ мало самобытны, такъ слабы, — говоритъ онъ въ вступленіи къ „Литературнымъ и житейскимъ воспоминаніямъ“; — „что должны бояться всякаго посторонняго вліянія и съ дѣтскимъ ужасомъ отмахиваться отъ него, какъ бы оно насъ не испортило? Я этого не полагаю: я полагаю напротивъ, что насъ хоть въ семи водахъ мой — нашей, русской сути изъ насъ не вывести. Да и что бы мы были, въ противномъ случаѣ, за плохенькій народецъ!“ Отсутствие свободы, плѣненіе мысли свойственно, по справедливому замѣчанію Тургенева, именно славянофильству, приверженцы котораго, „несмотря на несомнѣнныя дарованія, не создали никогда ничего живого“. Западничество становится фальшивымъ только тогда, когда обращается въ безцвѣтный, безсодержательный космополитизмъ, когда провозглашаетъ необходимость безусловнаго, рабскаго подражанія — но противъ

такого космополитизма, и противъ *такого* копированія Европы Тургеневъ *всегда* протестовалъ и косвенно и прямо. Приведемъ слова Лежнева: „виѣ народности ни художества, ни истины, ни жизни, ничего нѣтъ“; припомнимъ побѣду Лаврецаго надъ Паншинымъ, на которую указываетъ, въ доказательство своего безпристрастія, самъ авторъ „Литературныхъ и житейскихъ воспоминаній“. А Потугинъ, — скажутъ намъ, можетъ быть, — развѣ это не чистѣйшій космополитъ, и развѣ его устами не говоритъ Тургеневъ? Мы отвѣтимъ на это, во-первыхъ, что Тургеневъ едва ли когда-нибудь отождествлялъ себя *вполнѣ* съ однимъ изъ созданныхъ имъ лицъ, и ужъ, конечно, не отождествилъ себя съ Потугинымъ, отрицающимъ русское искусство и выдающимъ въ „мѣшковатомъ ухорствѣ“ художественный идеаль русскаго народа; во-вторыхъ, что даже потугинскій космополитизмъ далеко не тотъ, который осужденъ Лежневымъ, осужденъ за незнаніе Россіи и нежеланіе знать ее. „Кто же заставляетъ перенимать зря?“ спрашиваетъ Потугинъ. „Вѣдь вы чужое берете не потому, что оно чужое, а потому, что оно вамъ пригодно; стало быть, вы соображаете, вы выбираете. А что до результатовъ — такъ вы не извольте беспокоиться: своеобразность въ нихъ будетъ въ силу мѣстныхъ, климатическихъ и прочихъ условій. Вы только предлагайте пищу добрую, а народный желудокъ ее переваритъ по-своему; и со временемъ, когда организмъ окрѣпнетъ, онъ дастъ *свои* сокъ... Весь вопросъ въ томъ, крѣпка ли натура? а наша натура — ничего, выдержать: не въ такихъ была передрыгахъ“. Послѣднее слово мы оставляемъ и здѣсь за „Стихотвореніями въ прозѣ“, настоящимъ завѣщаніемъ Тургенева. Онъ видитъ передъ собою сфинкса, глаза котораго что-то говорятъ — „но одинъ лишь Эдипъ умѣетъ разрѣшить загадку и понять ихъ безмолвную рѣчь“. Внезапно египетскія черты сфинкса уступаютъ мѣсто другимъ, болѣе знакомымъ. „Бѣлый, низкій лобъ, выдающіяся скулы, носъ короткій и прямой, красивый бѣлозубый ротъ, мягкій усъ и борода курчавая — и эти широко разставленные небольшіе глаза... а на головѣ шапка волосъ, разсѣченная проборомъ... Да это ты, Карпъ, Сидоръ, Семень, ярославскій, рязанскій мужичокъ, соотчичъ мой, русская косточка! Давно ли попалъ ты въ сфинксы? Или и ты тоже что-то хочешь сказать? Да; и ты тоже — сфинксъ. И глаза твои — эти безцвѣтные, но глубокіе глаза говорятъ то же... И также безмолвны и загадочны ихъ рѣчи. Только гдѣ твой Эдипъ? Увы! не довольно надѣтъ мурмолку, чтобы сдѣлаться твоимъ Эдипомъ, о всероссійскій сфинксъ!“ Тутъ нѣтъ уже ничего потугинскаго; за русскимъ народнымъ сфинксомъ признается способность говорить *свои слова* — только не тѣ, которыя нашептываютъ ему самозванные Эдипы въ мурмолкѣ. Нужно стараться прочесть ихъ въ „глубокихъ“ глазахъ, прочесть ихъ съ помощью знанія и любви — обѣихъ силъ, столько разъ воспѣтыхъ нашимъ великимъ художникомъ. Эдипъ, сразу разгадывающій загадку, можетъ быть, не придетъ, да онъ и не нуженъ; загадка разъяснится, мало-по-малу, сама собою, когда заговоритъ сфинксъ, теперь

безмолвный. Ручательствомъ въ этомъ служитъ заключительный аккордъ „Стихотвореній въ прозѣ“ — одинъ изъ самыхъ звучныхъ и сильныхъ, несмотря на всю свою краткость. „Во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ моей родины, — ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ! — Не будь тебя — какъ не впасть въ отчаяніе, при видѣ всего, что совершается дома? Но нельзя вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу!“ Чтобы написать эти строки, нужно было быть не только мастеромъ языка, но и человѣкомъ народа, соединеннымъ съ нимъ неразрывною духовною связью.

Кто не знаетъ Тургенева, тотъ не знаетъ, какія чудеса силы и красоты таятся въ русскомъ языкѣ, не даромъ утѣшавшемъ и ободрившемъ поэта въ послѣдніе трудные годы его жизни. Чѣмъ были Пушкинъ и Лермонтовъ для русскаго стиха, тѣмъ сталъ Тургеневъ для русской прозы. Чуждый изысканности и дѣланности, слогъ Тургенева всегда своеобразно-красивъ, всегда изященъ — тѣмъ изяществомъ, которое зависитъ отъ мѣткаго выбора словъ, отъ гармоническаго ихъ сочетанія, и нисколько не исключаетъ ни простоты ни силы. Всего болѣе мастерство языка замѣтно въ описаніяхъ, въ которыхъ едва-ли кто-либо превосходитъ Тургенева, какъ у насъ, такъ и за границей. Они способствовали успѣху „Записокъ Охотника“ — и бросаются въ глаза даже въ „Стихотвореніяхъ въ прозѣ“, гдѣ разсыяно столько красотъ разнаго рода (назовемъ, для примѣра, „Голуби“, „Посѣщеніе“, „Деревню“). Ничего лишняго, ничего безразличнаго, ничего растянутаго, — вотъ девизъ тургеневскихъ описаній; въ нихъ нѣтъ расплывчивости Диккенса, болтливости Бальзака, утомительной подробности Зола, искусственной сухости Флобера. Они невелики, но къ нимъ нечего прибавить; они всегда достигаютъ высшей цѣли литературнаго описанія, заставляя насъ смотрѣть глазами автора или его героя, испытывать его настроеніе, переживать его чувства. Стройности языка соответствуетъ стройность плана, въ цѣломъ и въ отдѣльныхъ частяхъ; вездѣ господствуетъ пропорціональность, сдержанность, мѣра, эпизоды не мѣшаютъ главному дѣйствию, нѣтъ ни повтореній ни ненужныхъ остановокъ. Чтобы убѣдиться въ томъ, какую силу это придаетъ произведеніямъ Тургенева, стоитъ только сравнить ихъ съ романами Достоевскаго — даже лучшими, — въ которыхъ читатель съ такимъ трудомъ долженъ расчищать себѣ дорогу, въ которыхъ превосходное такъ часто чередуется съ слабымъ, главная нить такъ часто теряется среди отступленій. Тургеневъ никому не подражалъ самъ и не желалъ имѣть, да и не имѣлъ подражателей; но сочиненія его могутъ сдѣлаться для нашей литературы чѣмъ-то похожимъ на то, что составляютъ древне-греческія статуи для скульптуры, итальянскія картины XVI вѣка для живописи — образцомъ красоты, вѣчнымъ предметомъ изученія. Можно быть реалистомъ въ искусствѣ — и все-таки извлечь величайшую пользу изъ созерцанія Фидіаса или Рафаэля; можно держаться какой угодно литературной манеры — и все-таки многому

научиться у Тургенева. Читать и перечитывать его, значитъ понять силу слова, могущество формы, музыку языка, значитъ оцѣнить глубокое значеніе призыва, которымъ заканчиваются „Литературныя воспоминанія“ Тургенева: „берегите нашъ языкъ, нашъ прекрасный русскій языкъ, этотъ кладъ, это достояніе, переданное намъ нашими предшественниками!“ Тургеневъ, во всякомъ случаѣ, не былъ рабомъ невѣрнымъ и лѣнивымъ: кладъ, доставшійся ему въ руки, передается преемникамъ его значительно умноженнымъ и обогащеннымъ.

Въ лицѣ Тургенева сошелъ въ могилу послѣдній *дѣйствовавшій до конца* представитель той литературной группы, средоточіемъ которой служилъ незабвенный учитель — Бѣлинскій. Не чувствуется ли теперь съ особенною силой громадное значеніе этой группы, положившей свою печать на все послѣдующее развитіе русской мысли? Ея заслуги не всегда находили справедливую оцѣнку, какъ не всегда находилъ ее и самъ Тургеневъ; но теперь, въ минуту общаго горя, она выступаетъ передъ нами во всемъ своемъ неугасимомъ свѣтѣ. Чествуя память Тургенева, мы чествуемъ память всѣхъ тѣхъ, кто боролся вмѣстѣ съ нимъ, среди глубокой темноты, за гуманность, знаніе, свободу, за права общества и человѣка.

Среда и природа въ „Запискахъ охотника“.

Середина 40-хъ годовъ нашего столѣтія была важнымъ моментомъ въ развитіи русской литературы: выступилъ рядъ новыхъ писателей съ блестящими дарованіями, явились новыя направленія творчества. Одно изъ этихъ направленій обратилось къ народу, занялось изображеніемъ деревенскаго быта. Честь и слава перваго начала въ этомъ прекрасномъ дѣлѣ принадлежитъ уважаемому современному писателю Д. В. Григоровичу. Въ 1846 году появилась въ свѣтъ „Деревня“. Это не художественное созданіе въ строгомъ смыслѣ слова, но оно важно тѣмъ, что признало крестьянскую жизнь достойной сочувственнаго вниманія.

Послѣ появленія „Деревни“ Григоровича въ 1847 году русское общество прочитало первый Тургеневскій очеркъ изъ народнаго быта — „Хорь и Калинычъ“.

„Записки охотника“ замѣчательны во многихъ отношеніяхъ, и прежде всего тѣмъ, что русское общество узнало по нимъ душу русскаго крестьянина, узнало, какъ много прекраснаго, свѣтлаго и чистаго въ простонародной жизни. Тургеневъ нарисовалъ намъ цѣлый рядъ личностей, вызывающихъ наше полное сочувствіе, и нарисовалъ рукою мастера, вполне живо и художественно.

Какъ разнообразна жизнь, такъ разнообразны и личности тургеневскаго деревенскаго міра. Такъ, „Хорь и Калинычъ“ прямо противоположны другъ другу, хотя ихъ и соединяетъ сильное взаимное

расположеніе. Первый, по опредѣленію поэта, былъ человѣкъ положительный, практической, административная голова, рационалистъ; Калинычъ, напротивъ, принадлежалъ къ числу идеалистовъ, романтиковъ, людей восторженныхъ и мечтательныхъ. Хорь понималъ дѣйствительность, т.-е. обстроился, накопилъ деньжонку, ладилъ съ барининомъ и съ прочими властями; Калинычъ ходилъ въ лаптяхъ и перебивался кое-какъ... Хорь насквозь видѣлъ г-на Полутыкина (его помѣщика); Калинычъ благоговѣлъ передъ своимъ господиномъ“.

Такъ говоритъ поэтъ. Продолжимъ его сравненіе. Хорь — человѣкъ ума, здраваго смысла, онъ порой даже скептикъ, иронически смотрящій на жизнь. Калинычъ — человѣкъ сердца, чувства, вѣры. Хорь рассуждаетъ толково и здраво и прекрасно устроилъ и свое хозяйство (у него въ домѣ довольство и порядокъ, чистота), и свою семью. Калинычъ — мечтатель и почти безпріютный странникъ; но во всемъ и всюду проявляется нѣжность его сердца, — такъ, авторъ былъ свидѣтелемъ, какъ „Калинычъ вошелъ въ избу съ пучкомъ полевой земляники въ рукахъ, которую онъ нарвалъ для своего друга Хоря“. Противоположность этихъ людей особенно выразилась въ ихъ бесѣдѣ съ поэтомъ о заграничной жизни; чужія земли заняли обоихъ, въ обоихъ возбудили любопытство; „но Калиныча (говоритъ авторъ) болѣе трогали описанія природы, горъ, водопадовъ, необыкновенныхъ зданій, большихъ городовъ. Хоря занимали вопросы административные и государственные. Онъ перебиралъ все по порядку: „Что, у нихъ тамъ это есть такъ же, какъ у насъ, аль иначе?... Ну, говори, батюшка, какъ же?...“ „А!... ахъ, Господи, твоя воля!“ восклицалъ Калинычъ во время разсказа. Хорь молчалъ, хмурилъ брови и лишь изрѣдка замѣчалъ, что „дескать это у насъ не шло бы, а вотъ это хорошо, это — порядокъ“.

Бесѣда съ Хоремъ привела поэта (по его словамъ) къ убѣжденію, „что Петръ Великій былъ по преимуществу русской человѣкъ, русской именно въ своихъ преобразованіяхъ. Русскій человѣкъ такъ увѣренъ въ своей силѣ и крѣпости, что не прочь и поломать себя: онъ мало занимается своимъ прошедшемъ и смѣло глядитъ впередъ. Что хорошо — то ему и нравится, что разумно — того ему и подавай, а откуда оно идетъ — ему все равно. Его здравый смыслъ охотно подтрунитъ надъ сухопарнымъ нѣмецкимъ разсудкомъ; но нѣмцы, по словамъ Хоря, любопытный народецъ, и поучиться у нихъ онъ готовъ“.

Замѣчательно, что Хоря и Калиныча сблизила не одна противоположность характеровъ; мы видимъ много общаго въ воззрѣніяхъ и симпатіяхъ этихъ, повидимому, совершенно несходныхъ людей: поэтическое свидѣтельство, что въ русскомъ простомъ народѣ нѣтъ крайняго раздвоенія жизни, сохраняется ея живое единство даже въ рѣзкихъ различіяхъ типовъ. Калинычъ, совершенно согласно съ его характеромъ, „заговаривалъ кровь, испугъ, бѣшенство, выгонялъ червей; пчелы, ему дались, рука у него была легкая“. Хорь, при всемъ своемъ скептицизмѣ, признавалъ эти способности своего друга. „Хорь при мнѣ попросилъ его (т.-е. Калиныча, рассказываетъ поэтъ) ввести

въ конюшню новокупленную лошадь; Калинычъ съ добросовѣстною важною исполнилъ просьбу стараго скептика“.

Еще одно сближало ихъ — общая любовь къ музыкѣ: „Калинычъ пѣлъ довольно пріятно и поигрывалъ на балалайкѣ. Хорь слушалъ, слушалъ его, загибалъ вдругъ голову на бокъ и начиналъ подтягивать жалобнымъ голосомъ. Особенно любилъ онъ пѣсню: „Доля ты моя, доля!“ Отя не упускалъ случая подтронуть надъ отцомъ. „Чего, старикъ, разжалобился?“ Но Хорь подпиралъ щеку рукой и продолжалъ жаловаться на свою долю“.

Хоря напоминаетъ нѣсколько герой другого разсказа — однодворецъ Овсянниковъ. Это тоже человекъ здраваго смысла, ума. Поэтъ говоритъ про него, что онъ „своею важною и неподвижною, смышленною и лѣвною, своимъ прямотушемъ и упорствомъ напоминалъ... русскихъ бояръ допетровскихъ временъ... Ферязь бы къ нему пристала. Это былъ одинъ изъ послѣднихъ людей стараго вѣка“.

Но, несмотря на это, несмотря и на свою старость, Овсянниковъ не стоитъ за старое время; онъ признаетъ, что прежде „спокойнѣе жили; довольства больше было.“ однако прибавляетъ: „а все-таки теперь лучше, а вашимъ дѣткамъ еще лучше будетъ, Богъ дастъ“. „Душа у него была... свободная“, говоритъ авторъ. Замѣчательно, что онъ былъ друженъ съ иностранцемъ Леженемъ (оставшимся въ Россіи солдатомъ наполеоновской арміи). Спокойствіе, самообладаніе (не покинувшее его даже тогда, когда онъ свалился съ понесимъ его конемъ въ оврагъ), доброта — составляютъ его отличительныя свойства: онъ почитаетъ грѣхомъ продавать хлѣбъ, и въ голодный годъ роздалъ его даромъ нуждающимся; онъ покровительствуетъ и помогаетъ своему племяннику, который занимается писаніемъ просьбъ для бѣдныхъ людей и, по мѣрѣ своихъ знаній, ходатайствуетъ за нихъ въ судахъ и защищаетъ ихъ отъ богатыхъ и властныхъ, хотя практической смыслъ и заставляетъ его предостерегать этого племянника: „не сдобровать ей, твоей головѣ... человекъ ты сумасшедшій вовсе“.

Нѣсколько подходитъ къ типу Калиныча, хотя гораздо замѣчательнѣе его, — „Касьянъ съ Красивой Мечи“, герой очерка того же имени. Касьянъ — юродивецъ, человекъ слабый и хилый отъ рожденія, „неразумный съ малства“ (какъ онъ самъ опредѣлилъ себя), но съ поэтической душой, съ нѣжнымъ любящимъ сердцемъ. Красота природы, древнихъ городовъ съ ихъ Божьими храмами, поэтическія повѣрья старыхъ временъ, надежда встрѣтить правду между людьми — сдѣлали Касьяна непосѣдомъ, любителемъ скитаній.

„Да и что! много ли дома-то высидишь? (разсуждаетъ онъ). А вотъ какъ пойдешь, какъ пойдешь... и полегчить, право. И солнышко на тебя свѣтитъ, и Богу-то ты виднѣй, и поется-то ладнѣе. Тутъ смотришь, — трава какая растетъ; ну, замѣтишь — сорвешь. Вода тутъ бѣжитъ, напр., ключевая, родникъ: святая вода; ну, напьешься — замѣтишь тоже. Птицы поютъ небесныя... И не одинъ я грѣшный... много другихъ крестьянъ въ лаптяхъ ходятъ, по міру бродятъ, правды

ишуть... да! А то что дома-то, а? Справедливости въ человѣкѣ нѣтъ,— вотъ оно что...”

Касьянъ считаетъ грѣхомъ охоту, убіеніе Божіей твари.

„— Баринъ, а баринъ!... Ну, для чего ты пташку убилъ?— говорилъ онъ охотнику.

„— Какъ для чего?... Коростель— это дичь: его ѣсть можно.

„— Не для того ты убилъ его, баринъ: станешь ты его ѣсть! Ты его для потѣхи своей убилъ.

„— Да, вѣдь, ты самъ, небось, гусей или куриць, напр., ѣшь?

„— Та птица Богомъ опредѣленная для человѣка, а коростель— птица вольная, лѣсная. И не одинъ: много ея, всякой лѣсной твари, и полевой, и рѣчной твари, и болотной, и луговой, и верховой и низовой— и грѣхъ ее убивать, и пускай она живетъ на землѣ до своего предѣла... А человѣку пищу положена другая, пища ему другая и другое питье: хлѣбъ— Божья благодать, да воды небесныя, да тварь ручная отъ древнихъ отцовъ... Святое дѣло— кровь! Кровь солнышка Божія не видитъ, кровь отъ свѣта прячется... великій грѣхъ показать свѣту кровь, великій грѣхъ и страхъ... Охъ, великій!”

Слабый тѣломъ и умомъ, Касьянъ ничѣмъ не промышляетъ, какъ самъ говоритъ; „отъ рукъ отбился... отъ работы“, по замѣчанію кучера Ерооѳея. Онъ весь погруженъ въ созерцаніе природы, собираетъ травы и лѣчитъ (онъ— „лѣкарка“, слушаетъ пѣніе птицъ и подражаетъ имъ, ловитъ соловьевъ, „не на муку... не на гибель ихъ живота (поясняетъ онъ), а для удовольствія человѣческаго, на утѣшеніе и веселье“. Онъ живетъ въ своихъ мечтахъ и грезахъ, любитъ пѣть и поетъ хорошо (по словамъ того же Ерооѳея); онъ даже сочиняетъ пѣсни.— Касьянъ человѣкъ безсемейный, — „задачи въ жизни не вышло“, какъ говоритъ онъ; но у него есть дочка, молоденькая дѣвушка. Авторъ былъ свидѣтелемъ встрѣчи Касьяна съ дочкой въ лѣсу, и видѣлъ— какъ горячо старикъ ее любитъ; онъ замѣтилъ, что „въ долгой усмѣшкѣ“, съ которой Касьянъ проводилъ уходившую дѣвушку, „въ немногихъ словахъ, сказанныхъ имъ Аннушкѣ (такъ ее звали), въ самомъ звукѣ его голоса, когда онъ говорилъ съ ней, была неизъяснимая, страстная любовь и цѣнность“.

Нѣжной и поэтической личности Касьяна противоположна суровая, но великодушная натура Бирюка. Это тоже хорошій человѣкъ, хоть и грубый съ виду. Онъ живетъ одинъ въ лѣсу, въ избѣ „закопѣлой, низкой и пустой, безъ палатей и перегородок“, съ двумя дѣтьми, покинутыми женою, сбѣжавшей съ прохожимъ мѣщаниномъ, — должно-быть семейное горе и сдѣлало его угрюмымъ. Онъ лѣсникъ, и про него говорятъ, „что вязанки хворосту не дасть утащить... и ничѣмъ его взять нельзя: ни виномъ ни деньгами, ни на какую приманку не идетъ“.

„— Я, братъ, слыхалъ про тебя (ведетъ съ нимъ бесѣду авторъ). Говорятъ ты никому спуска не даешь.

„— Должность свою справляю, — отвѣчалъ онъ угрюмо: — даромъ господскій хлѣбъ ѣсть не приходится“.

Автору довелось быть свидѣтелемъ, какъ этотъ неподкупно-честный человѣкъ отпустилъ пойманнаго имъ въ лѣсу вора, мужика, срубившаго дерево, отпустилъ, потому что почувствовалъ своимъ честнымъ и великодушнымъ сердцемъ безысходное горе бѣдняка, рѣшившагося съ отчаянья на опасное дѣло. Поэтъ прекрасно рисуетъ въ этой сценѣ весь ужасъ бѣдности, до которой иногда доходитъ крестьянинъ.

Между рассказами „Записокъ охотника“ очень видное мѣсто занимаютъ „Пѣвцы“ и „Смерть“. Въ этихъ чудныхъ очеркахъ авторъ показываетъ намъ отношенія русскаго человѣка къ двумъ важнѣйшимъ явленіямъ бытія: къ искусству и къ смерти. И въ томъ и въ другомъ случаѣ русская душа, по неподкупному свидѣтельству поэзіи, стоитъ очень высоко.

Мы видѣли уже въ нѣсколькихъ изъ названныхъ выше личностей, въ Хорѣ, Калинычѣ, Касьянѣ, сердечное расположеніе къ музыкѣ, къ пѣснѣ. Въ „Пѣвцахъ“ поэтъ изображаетъ потрясающее дѣйствіе этого искусства на самыхъ разнородныхъ по характерамъ своихъ русскихъ людей. Въ неприглядной обстановкѣ кабака происходитъ состязаніе двухъ пѣвцовъ, и чистое вѣяніе искусства все очищаетъ и просвѣтляетъ вокругъ. Состязаются рядчие изъ Жиздры и Яшка Турокъ, и слушатели съ замирающимъ сердечнымъ участіемъ слѣдятъ за исходомъ благородной борьбы. Побѣдителемъ оказывается Яковъ. Вотъ какими поэтическими чертами рисуетъ Тургеневъ его пѣніе: „понемногу разгорячаясь и расширяясь, полилась заунывная пѣсня. „Не одна во полѣ дороженька пролегала“, пѣлъ онъ, и всѣмъ намъ сладко становилось и жутко... Русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала въ немъ, и такъ и хватала васъ за сердце, хватала прямо за его русскія струны. Пѣснь росла, разливалась. Яковымъ видимо одолѣвало упоеніе: онъ уже не робѣлъ, онъ отдавался весь своему счастью; голосъ его не трепеталъ болѣе — онъ дрожалъ на той едва замѣтной, внутренней дрожью страсти, которая стрѣлой вонзается въ душу слушателя, и безпрестанно крѣпчалъ, твердѣлъ и расширялся... Онъ пѣлъ, совершенно позабывъ и своего соперника, и всѣхъ насъ, но видимо поднимаемый, какъ бодрый пловецъ волнами, нашимъ молчаливымъ, страстнымъ участіемъ. Онъ пѣлъ, и отъ каждаго звука его голоса вѣяло чѣмъ-то роднымъ и необозримо широкимъ, словно знакомая степь раскрывалась передъ нами, уходя въ безконечную даль“.

Слушатели всѣмъ сердцемъ отозвались на вдохновенное пѣніе: авторъ чувствовалъ, что у него „закипали на сердцѣ и поднимались къ глазамъ слезы“; онъ видѣлъ, что „жена цѣловальника плакала, припавъ грудью къ окну“; цѣловальникъ Николай Иванычъ потупился: легкомысленный и несообразный Оболдуй, „весь разнѣженный, стоялъ глупо разинувъ ротъ“; посторонній и случайный свидѣтель состязанія — „сѣрый мужичекъ тихонько всхлипывалъ въ уголку, съ горькимъ шопотомъ покачивая головой“; и самъ суровый „Дикій баринъ“ былъ растроганъ: „по желѣзному лицу“ его, „изъ-подъ совершенно надви-

нувшихъ бровей, медленно прокатилась тяжелая слеза“. Соперникъ Якова — рядчикъ первый призналъ себя побѣжденнымъ: „ты... твоя... ты выигралъ“, произнесъ онъ съ трудомъ и бросился вонъ изъ комнаты.

Чуткой и нѣжно-отзывчивой на впечатлѣнія искусства изображена Тургеневымъ въ „Пѣвцахъ“ русская душа, и тонко подмѣтилъ поэтъ народныя особенности, народныя черты широкой и вольной русской пѣсни.

Можетъ быть, еще болѣе замѣчателенъ рассказъ „Смерть“, гдѣ поэтъ изобразилъ, какъ умираетъ русскій человекъ. Онъ смерть встрѣчаетъ спокойно и просто, безъ внутренней борьбы тревогъ и колебаній, безъ отчаянія и страха. Въ этомъ сказывается здоровая цѣльность, простота и правдивость русской души. — Умираетъ подрядчикъ Максимъ, пришибленный деревомъ.

„— Батюшка, — заговорилъ онъ едва внятно (обращаясь къ наклонившемуся къ нему помѣщику): — за попомъ... послать... прикажите... Господь меня наказалъ... ноги, руки, все перебито... сегодня... воскресенье... а я... а я... вотъ... ребятъ-то не распустилъ.

„Онъ молчалъ. Дыханіе ему спирало.

„— Да деньги мои... женѣ... женѣ дайте... за вычетомъ... вотъ Онисимъ знаетъ... кому я... что долженъ.

„— Мы за лѣкаремъ послали, Максимъ, — заговорилъ мой сосѣдъ: — можетъ быть ты еще не умрешь.

„Онъ раскрылъ было глаза и съ усиліемъ поднялъ брови и вѣки.

„— Нѣтъ, умру. Вотъ... вотъ подступаетъ, вотъ она, вотъ... Простите мнѣ, ребята, коли въ чемъ...

„— Богъ тебя проститъ, Максимъ Андренчъ, — глухо заговорили мужики въ одинъ голосъ и шапку сняли: — прости ты насъ“.

Столько же самообладанія, если не болѣе, выказываетъ мельникъ, пріѣхавшій смертельно больной къ фельдшеру полѣчиться. Когда онъ узнаетъ безнадежность своего положенія, онъ не хочетъ остаться въ больницѣ, а ѣдетъ домой распорядиться и дѣла устроить. „Ну, прощаясь, Капитонъ Тимоѳеичъ“ (говоритъ онъ фельдшеру, не слушая убѣжденій того остаться): „не поминайте лихомъ, да сиротокъ не забывайте, коли что... „Эй, останься, Василій!“ — Мужикъ только головой тряхнулъ, ударилъ вожжей по лошади и съѣхалъ со двора. Я вышелъ на улицу и поглядѣлъ ему въ слѣдъ“ (рассказываетъ авторъ). „Дорога была грязная и ухабистая; мельникъ ѣхалъ осторожно, не торопясь, ловко правилъ лошадыю и со встрѣчными ракланивался... На четвертый день онъ умеръ.

Такъ умираютъ простые русскіе люди, мужики. Но замѣчательно, что въ очеркѣ „Смерть“ поэтъ рассказываетъ о подобномъ же спокойномъ отношеніи къ кончинѣ и людей барской и интеллигентной среды, — старушки помѣщицы, недоучившагося студента Авенира Сорокоумова. Старушка хотѣла сама заплатить священнику за свою отход-

ную и, приложившись къ поданному имъ кресту, засунула было руку подъ подушку, чтобъ достать приготовленный тамъ цѣлковый, да неуспѣла, — „и испустила послѣдній духъ“.

Бѣднякъ учитель Сорокоумовъ, больной чахоткою и зная о близкой смерти, — „не вздыхалъ, не сокрушался, даже ни разу не намекнулъ на свое положеніе“... Авторъ рассказываетъ, что, когда онъ посѣтилъ его, то бѣднякъ, „сбравшись съ силами, заговорилъ о Москвѣ, о товарищахъ, о Пушкинѣ, о театрѣ, о русской литературѣ; вспоминалъ наши пирушки, жаркія пренія нашего кружка, съ сожалѣніемъ произнесъ имена двухъ-трехъ умершихъ пріятелей“.

Онъ даже шутилъ передъ смертью, даже высказалъ довольство своей судьбою (забывъ, по сердечной добротѣ, какъ неприглядна была его жизнь въ домѣ тяжелаго шутника помѣщика Гура Крупянникова, дѣтей котораго Фофу и Зѣю онъ училъ русской грамотѣ).

„— Все было ничего, — сказалъ онъ своему собесѣднику послѣ мучительнаго приступа кашля... — кабы трубочку выкурить позволили... А ужъ я такъ не умру, выкурю трубочку! — прибавилъ онъ, лукаво подмигнувъ глазомъ. — Слава Богу, пожилъ довольно; съ хорошими людьми знался“...

Одинаковое отношеніе къ смерти и простаго мужика и образованнаго человѣка свидѣтельствуетъ, по поэтическому указанію Тургенева, о томъ, что въ русскомъ обществѣ живы народныя начала, что нѣтъ у насъ на Руси страшной внутренней розни между простымъ народомъ и культурными его слоями, по крайней мѣрѣ тѣмъ изъ нихъ, который стоитъ ближе къ народу, живетъ въ деревнѣ, или сочувствуетъ народному быту, народной нуждѣ. О томъ же отсутствіи розни свидѣтельствуетъ, и то обстоятельство, что Тургеневъ, какъ увидимъ, не подмѣтилъ, не нарисовалъ въ своихъ „Запискахъ охотника“ вражды, ненависти крестьянина къ помѣщику, хотя и изобразилъ всю тяжесть для перваго крѣпостнаго права.

Самъ русскій человѣкъ и стоящій въ „Запискахъ охотника“ на народной почвѣ, на народной точкѣ зрѣнія, Тургеневъ чуждъ тенденціозности и вовсе не хочетъ противопоставлять крестьянина помѣщику въ томъ смыслѣ, что первый вполне хорошъ, а послѣдній совсѣмъ худъ. Нарисовавши рядъ прекрасныхъ личностей изъ простаго народа, онъ рисуетъ намъ и нѣсколько симпатичныхъ типовъ дворянъ; таковы, напр., Каратаевъ, Татьяна Борисовва, взбалмошный Чертопхановъ, уѣздный лѣкарь (въ рассказѣ того же имени).

Человѣкъ малообразованный, но съ сердцемъ, съ живымъ и прямымъ, открытымъ характеромъ, помѣщикъ Каратаевъ полюбилъ чужую крестьянскую дѣвушку. Вслѣдствіе неосторожной прямоты и, пожалуй, нѣкоторой рѣзкости права, ему не удалось выкупить ее отъ изнѣженной, капризной и высокомѣрной ея помѣщицы. Онъ было увезъ Матрену (такъ звали эту дѣвушку); но дѣло кончилось тѣмъ, что онъ принужденъ былъ разстаться съ нею. Чувство его было искреннимъ и сильнымъ — и разлука разбила его жизнь. Авторъ встрѣчаетъ

его въ Москвѣ, въ кофейной, въ нетрезвомъ видѣ. Но Каратаевъ не погибъ нравственно; сквозь непривлекательный внѣшній обликъ его жизни просвѣчиваетъ благородная душа: его поддерживаетъ вѣра въ людей, любовь къ поэзии, къ театру.

„Здѣсь житье хорошее (говоритъ онъ про Москву, обрадованный встрѣчею съ знакомымъ), народъ здѣсь радушный. Здѣсь я успокоился.

„— Служите? — спросилъ его авторъ.

„— Нѣтъ-съ, еще не служу, а думаю скоро опредѣлиться. Да что служба?... люди — вотъ главное. Съ какими я здѣсь людьми познакомился!..

„— Чѣмъ же вы жить будете, Петръ Петровичъ?

„— А не умру съ голоду, Богъ дастъ! денегъ не будетъ — друзья будутъ. Да что деньги? — прахъ. Золото — прахъ!

„Онъ зажмурился, пошарилъ рукой въ карманъ и поднесъ ко мнѣ на ладони два пятиалтынныхъ и гривенникъ.

„— Что это? вѣдь прахъ? (И деньги полетѣли на полъ). А вы лучше скажите мнѣ, читали ли вы Полежаева?

„— Читаль.

„— Видали ли Мочалова въ Гамлетѣ?

„— Нѣтъ не видалъ.

„— Не видали, не видали... (И лицо Каратаева поблѣднѣло, глаза безпокойно забѣгали; онъ отвернулся; легкія судороги пробѣгали по его губамъ). Ахъ, Мочаловъ, Мочаловъ!“ и онъ началъ глухимъ, растроганнымъ голосомъ декламировать изъ Гамлета стихи, въ которыхъ, казалось ему, выражено было его душевное настроеніе. — Въ безалаберномъ и, пожалуй, безпутномъ Каратаевѣ поэтъ сумѣлъ подмѣтить прекрасную душу, сумѣлъ возбудить въ насъ сочувствіе къ этой простой и искренней душѣ.

Сочувствіе возбуждаетъ въ насъ и образъ Татьяны Борисовны, мучимой своимъ празднымъ и заплывшимъ жиромъ племянникомъ, самодовольнымъ художникомъ, дико забывающимъ въ ея мирныхъ нѣкогда комнаткахъ романсъ: „я страдаю... я страдаю!“

Въ Татьянѣ Борисовнѣ нѣтъ ничего необыкновеннаго выдающагося; она ничего даже не дѣлаетъ, даже хозяйствомъ не занимается; но она плѣняетъ своей добротой, простотой, своимъ спокойствіемъ. „Лицо ея дышитъ привѣтомъ, лаской“; она всякаго человѣка „въ бѣдѣ, въ горѣ утѣшитъ, добрый совѣтъ подастъ. Сколько людей повѣряли ей свои домашнія, задушевные тайны, плакали у ней на рукахъ! Бывало, сядетъ она противъ гостя, обопрется тихонько на локоть и съ такимъ участіемъ смотритъ ему въ глаза, такъ дружелюбно улыбается, что часто невольно въ голову придетъ мысль: „какая же ты славная женщина, Татьяна Борисовна! Дай-ка я тебѣ расскажу, что у меня на сердцѣ“. Въ ея небольшихъ, уютныхъ комнаткахъ хорошо, тепло человѣку; у ней всегда въ домѣ прекрасная погода, если можно такъ выразиться“.

Татьяна Борисовна сочувствуетъ молодости, ея живымъ стремленіямъ.

„Особенно любитъ она глядѣть на игры и шалости молодежи; сложить руки подъ грудь, прищурить глаза и сидить, улыбаясь, да вдругъ вздохнетъ и скажетъ: ахъ, вы, дѣтки мои, дѣтки!... Такъ, бывало, и хочется подойти къ ней (говорить авторъ), взять ее за руку и сказать: послушайте, Татьяна Борисовна, вы себѣ цѣны не знаете, вѣдь вы при всей вашей простотѣ и неучености необыкновенное существо! Одно имя ея звучитъ чѣмъ-то знакомымъ, привѣтнымъ, охотно произносится, возбуждаетъ дружелюбную улыбку“.

Взбалмошный, страстно, бѣшено увлекающійся Чертопхановъ — полонъ гордости, даже тщеславія, не прочь отъ самоуправства; но гордость его — порой хорошая гордость, свидѣтельствующая о сознаніи имъ своего человѣческаго достоинства. Онъ не смотритъ на лица, онъ смѣль, никого не побоятся и готовъ защитить оскорбляемаго, какъ защитилъ отъ презрительныхъ насмѣшекъ Недопюскина.

Не будемъ долго останавливаться и на характерѣ уѣзднаго лѣкаря. Это — человѣкъ опустившійся въ тину уѣздной жизни, пристрастившійся къ преферансу и женившійся на купеческой дочери, „злой бабѣ“ (по его опредѣленію), съ 7000 приданаго. Но въ его душѣ поэтъ подмѣтилъ сочувственныя черты: и умъ, и смиренный взглядъ на себя, и остатки возвышенныхъ романтическихъ чувствъ: съ поэтическимъ одушевленіемъ и сердечнымъ прямодушіемъ, хотя порой и нѣсколько комично, рассказываетъ докторъ своему неожиданному пациенту исторію любви къ нему умирающей дѣвушки, любви, которую онъ, смиренно не смѣя отнести лично къ себѣ, объясняетъ просто желаніемъ молодой души хоть на кого-нибудь, на перваго встрѣчнаго, излить передъ смертью таившійся въ сердцѣ потокъ чувства. Поэтъ не смѣется надъ тѣмъ, что есть въ уѣздномъ лѣкарѣ пошлаго, потому что тотъ самъ осмѣялъ въ себѣ это пошлое, осмѣялъ даже выше мѣры.

Обратимся еще разъ къ хорошимъ людямъ изъ народа. Передъ нами двѣ прекрасныхъ женскихъ личности: Акулина въ очеркѣ „Свиданіе“ и Лукерья — „Живыя мощи“.

Первая — еще совсѣмъ молодая дѣвушка, неопытное сердце, полюбившее первой любовью. Она полюбила неудачно, полюбила пошло-самодовольнаго, изломаннаго лакея. Поэтъ видитъ ее на свиданіи, ожидающей.

„Мнѣ особенно нравилось (говоритъ онъ) выраженіе ея лица: такъ оно было просто и кротко, такъ грустно и такъ полно дѣтскаго недоумѣнія передъ собственной грустью“.

Пришелъ наконецъ — кого она ожидала, и сталъ ломаться, а она поднесла ему набранные для него васильки, „глядѣла не него... Въ ея грустномъ взорѣ было столько нѣжной преданности, благоговѣйной покорности и любви. Она... была такъ хороша въ это мгновеніе: вся душа ея довѣрчиво, страстно раскрывалась передъ нимъ, тянулась, ластилась къ нему, а онъ... онъ уронилъ васильки на траву, досталъ

изъ бокового кармана пальто круглое стеклышко въ бронзовой оправѣ и принялся втискивать его въ глазъ“...

Другой женскій образъ — героини разсказа „Живыя мощи“ — есть едва ли не лучшій, не самый поэтическій изъ всѣхъ образовъ „Записокъ охотника“. Поэтъ показалъ намъ въ немъ, до какой духовной высоты можетъ подняться простой русскій человѣкъ вообще. Молодая дѣвушка, крестьянка Лукерья, веселая, живая, бойкая, красавица, невѣста, любимая женихомъ и сама любящая его, внезапно заболѣла такою болѣзью, которая изсушила ее, навсегда приковала къ постели, исключила изъ числа живыхъ людей. Женихъ ея погоревалъ да и женился на другой. А она проводитъ цѣлыя годы въ уединеніи, неподвижная, одна съ своими думами. Но она не пала духомъ въ безотрадномъ положеніи; напротивъ она дошла до полного просвѣтлѣнія, — она счастлива, она радуется жизни, всякому ея мелкому проявленію; она рада и смерти и ждетъ ея какъ блаженства и не знаетъ и не понимаетъ страха передъ нею. Лукерья — олицетвореніе народнаго религіознаго идеала.

Поэтъ неожиданно увидѣлъ Лукерью въ плетеномъ сарайчикѣ близъ пасѣки, гдѣ она проводила лѣто; вотъ какъ онъ описываетъ ея наружность:

„Голова совершенно высохшая, одноцвѣтная, бронзовая, — ни дать ни взять — икона стариннаго письма; носъ узкій, какъ лезвее ножа; губъ почти не видать, — только зубы бѣлѣютъ и глаза... лицо не только не безобразное, даже красивое, но странное, необычайное. И тѣмъ страшнѣе кажется... это лицо, что по немъ, по металлическимъ его щекамъ... — силится... силится и не можетъ расплыться улыбка“.

Лукерья не знаетъ себялюбія, зависти, ревности, злобы. Она рада, что ея бывшій женихъ нашелъ себѣ добрую жену, „и очень ему, слава Богу, хорошо“, говоритъ она. Она тихо слѣдитъ за жизнью природы и веселится ею.

„Гречиха въ полѣ зацвѣтетъ или липа въ саду — мнѣ и сказывать не надо (говоритъ она): я первая сейчасъ слышу. Лишь бы вѣтеркомъ оттуда потянуло. Нѣтъ, что Бога гнѣвить? — многимъ хуже моего бываетъ.“

„Смотрю, слушаю. Пчелы на пасѣкѣ жужжать да гудятъ; голубь на крышу сядетъ да заворкуетъ; курочка-наседочка зайдетъ съ цыплятами крошекъ поклевать, а то воробей залетитъ или бабочка — мнѣ очень пріятно. Въ позапрошломъ году такъ даже ласточки вонъ тамъ въ углу гнѣздо себѣ свили и дѣтей вывели. Ужъ какъ же оно было занятно!... А то разъ... вотъ смѣху-то было! Заяць забѣжалъ, право!... сѣлъ близехонько, и долго таки сидѣлъ, все носомъ водилъ и усами дергалъ — настоящій офицеръ! И на меня смотрѣлъ. Понялъ, значить, что я ему не страшна... Смѣшной такой!“

Она о себѣ не думаетъ, но о другихъ у ней болитъ сердце. Когда баринъ спрашиваетъ ее — не нужно ли ей чего? Она отвѣчаетъ:

„Ничего мнѣ не нужно; всѣмъ довольна, слава Богу... А вотъ вамъ бы, баринъ, матушку вашу уговорить — крестьяне здѣшніе бѣд-

ные — хоть бы малость оброку съ нихъ она сбавила! Земли у нихъ недостаточно, угодій нѣтъ... Они бы за васъ Богу помолились... А мнѣ ничего не нужно, — всѣмъ довольна“.

Въ Лукерьѣ сохранилась обычная любовь русскаго человѣка къ пѣнію: она поетъ, слабымъ, едва слышнымъ, но чистымъ и вѣрнымъ голосомъ, всякія пѣсни, которыхъ прежде много знала. „Только вотъ плясовыхъ не пою (говоритъ она). Въ теперешнемъ моемъ званіи — оно не годится“.

Смиреніе русскаго человѣка дошло въ Лукерьѣ до высшей степени. Собесѣдникъ подивился ея терпѣнью, а она возражаетъ ему:

„Эхъ, баринъ!... что вы это? Какое такое терпѣніе? Вотъ Симеона Столпника терпѣніе было точно великое, тридцать лѣтъ на столбу простоялъ... А то вотъ еще мнѣ сказывалъ одинъ начетчикъ... „и она передаетъ поэтическое преданіе объ Іоаннѣ д'Аркъ, „святой дѣвственницѣ“, какъ та прогнала агарянъ изъ своей родной земли, и потомъ велѣла этимъ агарянамъ сжечь себя, чтобы „огненною смертью за свой народъ помереть“.

Лукерья религіозна въ самомъ возвышенномъ и чистомъ смыслѣ этого слова. Богъ ей близокъ.

„А то я молитвы читаю (разсказываетъ она о своей жизни). Только не много я знаю ихъ, этихъ самыхъ молитвъ, Да и на что я стану Господу Богу наскучать? О чемъ я Его просить могу? Онъ лучше меня знаетъ, что мнѣ надобно. Послалъ Онъ мнѣ крестъ — значить меня Онъ любить. Такъ намъ велѣно это понимать. Прочту Отче нашъ, Богородицу, акаѣистъ Всѣмъ Скорбящимъ, да и опять полеживаю себѣ безъ всякой думочки. И ничего!“

Она видитъ таинственные, чудесные, пророческіе сны, — Христа видитъ и царство небесное; видитъ во снѣ смерть свою, въ образѣ большой женщины съ глазами желтыми, какъ у сокола, и свѣтлыми-пресвѣтлыми; она радостно проситъ смерть взять ее, и та назначаетъ ей время — „послѣ, молъ, Петровокъ“.

И Лукерья, дѣйствительно, умираетъ послѣ Петровокъ, — она какъ бы провидѣла свой конецъ.

„Разсказывали (заключаетъ поэтъ свое повѣствованіе о ней), что въ самый день кончины она все слышала колокольный звонъ, хотя отъ Алексѣвки до церкви считаютъ пять верстъ слишкомъ и день былъ будничныи. Впрочемъ Лукерья говорила, что звонъ шель не отъ церкви, а „сверху“. Вѣроятно, она не посмѣла сказать: „съ неба“.

Закончимъ воспоминаніе о прекрасныхъ людяхъ изъ народа, избраженныхъ Тургеневымъ въ „Запискахъ охотника“, дѣтскими образами „Бѣжина луга“. Кто не помнитъ живой этой чудесной картины „ночного“, бесѣды крестьянскихъ ребятишекъ, стерегущихъ табунъ, бесѣды о страшныхъ и поэтическихъ повѣрьяхъ? Между нѣсколькими крестьянскими мальчиками, нарисованными здѣсь поэтомъ, выдается энергическій и умный Павлуша.

„Малый былъ неказистый, — что и говорить (пишетъ авторъ про его наружность), а все-таки онъ мнѣ понравился: глядѣль онъ очень умно и прямо, да и въ голосѣ у него звучала сила“.

Собаки слышали что-то въ лѣсу, — Павлуша подумалъ, что волкъ, и поскакалъ на ихъ лай.

„Я невольно полюбовался Павлушей (говорить поэтъ). Онъ былъ очень хорошъ въ это мгновеніе. Его некрасивое лицо, оживленное быстрой ѣздой, горѣло смѣлою удалюю и твердой рѣшимостью. Безъ хворостинки въ рукѣ, ночью, онъ, нимало не колеблясь, поскакалъ одинъ на волка... „Что за славный мальчикъ!“ думалъ я, глядя на него.“

Такъ же смѣло отнесся Павлуша и къ предсказанію смерти: ему слышалось, когда онъ пошелъ къ рѣкѣ за водою, что его кто-то зоветъ изъ воды: „Павлуша, а Павлуша, подь сюда!“ — „Ахъ, эта примѣта дурная“ (сказалъ ему Ильюша). — „Ну, ничего, пуцай! произнесъ Павелъ рѣшительно и сѣлъ опять: — своей судьбы не минуешь“.

Интересно, что въ концѣ очерка авторъ говоритъ, что предсказаніе судьбы (или предчувствіе Павла) въ томъ же году сбылось: Павелъ не утонулъ, правда, но убится, упавъ съ лошади.

Живой и умный, Павлуша умѣетъ подмѣтить смѣшное, — и его рассказъ о „предвидѣннѣ“ небесномъ, о томъ, какъ у нихъ въ деревнѣ бочара Вавилу, надѣвшаго жбанъ на голову, приняли было за Тришку-антихриста, полонъ юмора.

„Бѣжинъ лугъ“ есть вообще одинъ изъ самыхъ поэтическихъ рассказовъ „Записокъ охотника“: особенно прекрасны нѣкоторыя его частности, отдѣльныя картины и эпизоды. Остановимся на двухъ изъ нихъ.

„Настало опять молчаніе.

„— Гляньте-ка, гляньте-ка, ребятки, раздался вдругъ дѣтскій голосъ Вани (младшій изъ мальчиковъ, лѣтъ семи): гляньте на Божьи звѣздочки, — что пчелки роются.

„Онъ выставилъ свое свѣжее личико изъ-подъ рогожи, оперся на кулачокъ и медленно поднялъ кверху свои большіе тихіе глаза. Глаза всѣхъ мальчиковъ поднялись къ небу и не скоро опустились.

„— А что Ваня, — ласково заговорилъ Одея: — что твоя сестра Анютка здорова?

„— Здорова, — отвѣчалъ Ваня, слегка картавя.

„— Ты ей скажи, что она къ намъ отчего не ходитъ?..

„— Не знаю.

„— Ты ей скажи, чтобы она ходила.

„— Скажу.

„— Ты ей скажи, что я ей гостинца дамъ.

„— А мнѣ дашь?

„— И тебѣ дамъ.

„— Ну, нѣтъ, мнѣ не надо. Дай ужъ лучше ей: она такая у насъ добренькая.

„И Ваня опять положилъ свою голову на землю“.

Не менѣе прекрасенъ эпизодъ съ голубемъ:

„Всѣ опять притихли. Павелъ бросилъ горсть сухихъ сучьевъ на огонь. Рѣзко зачернѣлись они на внезапно вспыхнувшемъ пламени, затрещали, задымились и пошли коробиться, приподнимая обожженные копы. Отраженіе свѣта ударило, порывисто дрожая, во всѣ стороны, особенно кверху. Вдругъ откуда ни возмись бѣлый голубокъ, — налетѣлъ прямо въ это отраженье, пугливо повертѣлся на одномъ мѣстѣ, весь обливаясь горячимъ блескомъ, и исчезъ, звеня крыльями.“

„— Знать отъ дому отбился, — замѣтилъ Павелъ. — Теперь будетъ летать, покуда на чтò наткнется, и гдѣ ткнетъ, тамъ и ночуетъ до зари.“

„— А что, Павлуша, — промолвилъ Костя: — не праведная ли это душа летѣла на небо, ась?“

„Павелъ бросилъ другую горсть сучьевъ на огонь.“

„— Можетъ-быть, — проговорилъ онъ наконецъ“.

Приведенные отрывки показываютъ намъ, въ какомъ удивительномъ соотвѣтствіи изображаются Тургеневымъ человѣкъ и природа. И звѣзды небесныя, и рѣющій въ воздухѣ голубь, и лѣса, поля и воды, окружающія мальчиковъ „въ ночномъ“, — все это входитъ въ ихъ духовную жизнь, красоту всего этого чувуютъ они своимъ сердцемъ и живутъ и дышатъ этой красотой Божьяго міра.

Тургеневъ — великій живописецъ природы, и всѣ его очерки народной жизни, какъ въ прекрасную рамку, вставлены въ художественныя и живыя описанія ея.

Какъ прекрасно дополняетъ изображеніе горя бѣдной покидаемой дѣвушки въ „Свиданіи“ сравненіе тоскующей души ея съ блѣдной осенью:

„Порывистый вѣтеръ быстро мчался мнѣ навстрѣчу черезъ желтое, высохшее жнивье (пишетъ поэтъ); торопливо вздымаясь передъ нимъ, стремились мимо, черезъ дорогу, вдоль опушки, маленькіе, покоробленные листья; сторона рощи, обращенная стѣною въ поле, вся дрожала и сверкала мелкимъ сверканьемъ, четко, но не ярко; на красноватой травѣ, на былинкахъ, на соломинкахъ, всюду блестяли и волновались безчисленныя нити осеннихъ паутинъ. Я остановился... Мнѣ стало грустно: сквозь невеселую, хотя свѣжую улыбку увядающей природы, казалось, прокрадывался унылый страхъ недалекой зимы.“

Въ какомъ чудесномъ соотвѣтствіи изображается та же осенняя природа съ думами и воспоминаніями человѣка, пробуждающимися въ душѣ среди ея картинъ, ея впечатлѣній, въ очеркѣ „Лѣсъ и степь“!

„И какъ этотъ лѣсъ хорошъ поздней осенью, когда прилетаютъ вальдшнепы! Они не держатся въ самой глуши: ихъ надобно искать вдоль опушки. Вѣтра нѣтъ, и нѣтъ ни солнца, ни свѣта, ни тѣни, ни движенія, ни шума; въ мягкомъ воздухѣ разлитъ осенній запахъ, подобный запаху вина; тонкій туманъ стоитъ вдали надъ желтыми

полями. Сквозь обнаженные, бурые сучья деревь мирно бѣлѣтъ неподвижное небо; кой-гдѣ на липахъ висятъ послѣдніе золотыя листья. Сырая земля упруга подѣ ногами; высокія сухія былинки не шевелятся; длинныя нити блестятъ на поблѣднѣвшей травѣ. Спокойно дышитъ грудь, а на душу находитъ страшная тревога. Идешь вдоль опушки, глядишь за собакой, а между тѣмъ любимыя образы, любимыя лица, мертвыя и живыя, приходятъ на память, давнымъ-давно заснувшія впечатлѣнія неожиданно просыпаются; воображеніе рѣтеть и носится, какъ птица, и все такъ ясно движется и стоитъ передѣ глазами. Сердце то вдругъ задрожитъ и забьется, странно бросится впередъ, то безвозвратно потонетъ въ воспоминаніяхъ. Вся жизнь развертывается легко и быстро, какъ свитокъ; всѣмъ своимъ прошедшимъ, всѣми чувствами, силами, всею своею душою владѣтъ человекъ. И ничего кругомъ ему не мѣшаетъ — ни солнца нѣтъ, ни вѣтра, ни шума...“

И не только осень, поэтъ рисуетъ съ такимъ же совершенствомъ и весну и лѣто, когда въ лѣсу „золотой голосокъ малиновки звучитъ невинной, болтливой радостью“ и такъ „идетъ къ запаху ландышей“.

Позволю себѣ привести еще одно описаніе изъ „Касьяна съ красивой Мечи“:

„Удивительно пріятное занятіе лежать на спинѣ въ лѣсу и глядѣть вверхъ! Вамъ кажется, что вы смотрите въ бездонное море, что оно широко разстилается подѣ вами, что деревья не поднимаются отъ земли, но словно корни огромныхъ растений, спускаются, отвѣстно падаютъ въ тѣ стекляноясныя волны; листья на деревьяхъ то скользятъ изумрудами, то сгущаются въ золотистую, почти черную зелень... Волшебными подводными островами тихо наплываютъ и тихо проходятъ бѣлыя круглыя облака... Вы не двигаетесь, вы глядите; и нельзя выразить словами, какъ радостно, и тихо, и сладко становится на сердцѣ. Вы глядите: та глубокая, чистая лазурь возбуждаетъ на устахъ вашихъ улыбку, невинную, какъ она сама; какъ облака по небу, и какъ будто вмѣстѣ съ ними, медлительной вереницей проходятъ по душѣ счастливыя воспоминанія, и все вамъ кажется, что взоръ вашъ уходитъ дальше и дальше, и тянетъ васъ самихъ за собою въ ту спокойную, сіяющую бездну, и невозможно оторваться отъ этой вышины, отъ этой глубины...“

Незеленовъ.

Бытовая и художественная стороны въ „Запискахъ охотника“.

Тургеневъ первый, кажется, изъ нашихъ писателей понялъ важное значеніе того, что называется *беллетристикой*, и первый показалъ примѣры какъ замѣчательныхъ результатовъ, какіе она дать можетъ, такъ и рѣдкихъ качествъ, требуемыхъ ею отъ самого писателя. Съ этой точки зрѣнія рассказы его приобрѣтаютъ для насъ двойное

значеніе: во-первыхъ, по собственному содержанію, а во-вторыхъ, по эстетическому вопросу, который они порождаютъ. Новые рассказы Тургенева („Малиновая вода“, „Уѣздный лѣкарь“, „Бирюкъ“, „Лебедянь“, „Татьяна Борисовна“, „Смерть“) сохраняютъ всѣ качества предшествовавшихъ имъ: разнообразіе, вѣрность картинъ и особенно какое-то уваженіе ко всѣмъ своимъ лицамъ. Гуманность эта, доказывающая, между прочимъ, уже окрѣпшую мысль въ авторѣ да сильное чувство красоты природы, какъ и прежде, ихъ настоящій колоритъ и вполне объясняютъ успѣхъ ихъ. Это *эподы* многоцвѣтнаго русскаго міра, исполненные тонкихъ замѣтокъ и ловко подмѣченныхъ чертъ. Истинно-художественныхъ рассказовъ въ „Запискахъ“ можетъ быть два-три („Хоръ и Калинычъ“ — первый изъ нихъ по появленію останется первымъ и по достоинству); всѣ остальные держатся на силѣ наблюденія, на литературной и житейской опытности автора. Изящная словесность цѣлаго народа не можетъ состоять изъ однихъ художественныхъ произведеній, и требовать отъ нея только созданій высокаго творчества — значить впадать въ нѣкоторый фанатизмъ художественности, столь же ограниченный и невѣрный, какъ и раболѣпные списки съ природы. Для полной литературной жизни такъ же необходима подмѣтка новой стороны предмета, еще невысказанная мысль и картина, порожденная долгимъ опытомъ, какъ и колоссальное произведеніе, на которомъ вполне и глубоко успокоивается эстетическое чувство ваше. Не признавать или опровергать это — весьма можно. Оно даже и легко при нынѣшнемъ развитіи наукъ объ изящномъ и благородномъ воодушевленіи, порожденномъ ими, да только тутъ грозитъ опасность обнаружить неимовѣрную глухоту къ законнымъ требованіямъ умственной жизни. Мы знаемъ, что можно не признавать и послѣднихъ, но при этомъ случаѣ мы тотчасъ же впадаемъ въ родъ драматической фантазіи, гдѣ, съ одной стороны, красуется толпа, а съ другой — уединенно стоящій умникъ. Нравственная усталость, еще остающаяся въ насъ послѣ этихъ фантазій, освобождаетъ насъ отъ желанія видѣть повтореніе ихъ на дѣлѣ.

Вѣроятно, никто не подумаетъ, что мы проповѣдуемъ легкость и беззаботность, такъ сказать, въ литературѣ. Наоборотъ. Стоитъ только указать на произведенія Тургенева, чтобъ убѣдиться, какихъ важныхъ условій и какого мастерства требуетъ беллетристика вообще. Во-первыхъ, необходимо ей многостороннее знаніе жизни, зоркость взгляда, изощренного опытностію, всегдашнее присутствіе мысли, поясняющей наблюденія, и, наконецъ, еще талантъ разбора самихъ явленій и вывода ихъ передъ читателемъ. Большая часть рассказовъ охотника родилась изъ прямыхъ, личныхъ впечатлѣній автора. Онъ обращаетъ въ картину случай, ему представившійся; разбираетъ передъ вами характеръ, имъ встрѣченный, и даже передаетъ въ формѣ рассказа собственное свое возрѣвіе на какой-либо предметъ; но сколько искусства истрачено у него при этой передачѣ разнородныхъ своихъ пріобрѣтеній! Любопытно наблюдать, какъ мѣняется онъ для cadaго новаго представленія

краски и самый способ изложения, какъ вѣрно рассчитаны для нихъ свѣтъ и воздухъ, и въ какихъ нѣжныхъ оттѣнкахъ и умно разсѣянныхъ подробностяхъ выражаются у него люди и событія. Вѣрность окружающему, за которой такъ гоняется псевдореализмъ, рѣдко достигая ея, является тутъ сама по себѣ и часто достигаетъ поэтического выраженія, по глубокому проникновенію въ жизнь, по изученію ея. Мы желаемъ отъ души русской литературѣ наиболѣе беллетристическихъ талантовъ, дающихъ подобные результаты. *Анненковъ.*

Главнѣйшіе мотивы поэзіи Тургенева въ „Запискахъ охотника“.

Разсказы — въ сущности личныя воспоминанія автора, большинство героевъ — его знакомые; охотничьи происшествія, описанныя въ „Запискахъ“, были извѣстны и не одному Тургеневу, знали о нихъ его друзья, принимавшіе участіе въ его охотахъ. Исторіи излагались съ необыкновенной простотой, оказывались доступными пониманію всякаго грамотнаго человѣка. Это великое достоинство художественнаго произведенія.

Тургеневъ въ „Запискахъ охотника“ показалъ, что крѣпостные мужики не только люди, но что имъ доступны такіе же сложные душевные процессы, такая же многосторонняя нравственная жизнь, какъ и всѣмъ лучшимъ представителямъ культурнаго общества.

Тургеневъ, вѣроятно, и не подозрѣвалъ такихъ выводовъ. Онъ просто показалъ рядъ личностей, одаренныхъ изумительнымъ поэтическимъ чувствомъ природы, безгранично гуманныхъ, соединяющихъ глубокую вдумчивость съ младенческимъ незлобіемъ. Это одинъ типъ. Другой не имѣетъ ничего общаго ни съ поэзіей ни съ ясною наивностью души, — но для высшей публики долженъ былъ казаться столь же неожиданнымъ среди деревенской дикости и глупости. Одно изъ этихъ героевъ авторъ сравниваетъ съ Сократомъ. Передъ нами дѣйствительно самоувѣренная житейская мудрость, воспитанная многолѣтними тяжелыми опытами, мудрость — холодная, отчасти скептическая, но спокойная, добродушная, совершенно чуждая хищническихъ инстинктовъ. Эти два типа занимаютъ первое мѣсто въ „Запискахъ“. Авторъ каждый изъ нихъ иллюстрируетъ нѣсколькими фигурами: Калинычъ, Касьянъ, отчасти Ермолай и Хорь, Моргачъ, Овсянниковъ, мечтательные созерцатели и практическіе мудрецы. И всѣ они, при всемъ своемъ несродствѣ, — русскіе до послѣдняго нерва, русскіе — въ каждомъ словѣ, въ каждомъ ощущеніи. Вы видите, эти своеобразные поэты и философы могли возникнуть только на русской почвѣ и притомъ — крѣпостнической.

Крѣпостная зависимость отдѣляла крестьянъ непроходимой пропастью отъ остального человѣческаго общества, вообще отъ умственной

культуры. Мужикѣ приходилось собственными силами и въ своей собственной средѣ искать удовлетворенія насущнымъ запросамъ человеческой души. Кругомъ — люди или равнодушные или враждебные ему. Рядомъ съ нимъ — такіе же „униженные и оскорбленные“, какъ и онъ, самъ. Всякій, кто сколько-нибудь по своимъ способностямъ и природнымъ наклонностямъ выдавался надъ темной средой, долженъ былъ чувствовать глубокое мучительное одиночество. Не съ кѣмъ отвести душу, некому повѣрить глубокія движенія сочувствія, вложенныя такъ некстати въ сердце раба. Отсюда — меланхолическая мечтательность, необыкновенно чуткое участіе въ явленіяхъ природы, почти болѣзненная симпатія ко всему слабому, беззащитному. Крѣпостной мужикъ, имѣвшій несчастье родиться впечатлительнымъ и любящимъ, неминуемо превращался въ юродивца въ родѣ Калиныча и Касьяна. Они живутъ въ міру, но отличаются всѣми свойствами пустынниковъ и отшельниковъ. Они совершенно не приспособлены къ практической подневольной дѣятельности — единственной, какая только и доступна крестьянину. Это и есть ихъ неразуміе: такъ судятъ о нихъ заурядные наблюдатели, такъ думаютъ и они сами. Касьянъ на вопросъ, чѣмъ онъ промышляетъ, отвѣчаетъ: „Живу какъ Господь велитъ, — а чтобы, то-есть, промышлять — нѣтъ, ничѣмъ не промышляю. Неразумень я больно съ малства; работаю, пока мочно, — работникъ-то я плохой... гдѣ мнѣ! Здоровья нѣтъ и руки глупы...“ Но это не тунеядство, всегда идущее рядомъ съ нравственнымъ и умственнымъ отупѣніемъ. Напротивъ, въ душѣ Касьяна совершаются въ высшей степени сложные процессы, у него сложилось цѣлое міросозерцаніе, — настолько жизненное и для него осмысленное, что Касьянъ подчиняется извѣстнымъ теоріямъ въ своихъ отношеніяхъ къ внѣшнему міру. Передъ нами типичное „существо не отъ міра сего“, на этотъ разъ только не въ высоко-развитой средѣ интеллигентнаго общества, а въ деревенскомъ, темномъ углу. И духовное содержаніе этого существа едва ли не возвышеннѣе и идеальнѣе, чѣмъ поэтическая, безпредметная мечтательность такъ называемыхъ исключительныхъ, ангелоподобныхъ натуръ, вырастающихъ на почвѣ удручающей праздности и мучительныхъ эгоистическихъ поисковъ за личнымъ счастьемъ, за удовлетвореніемъ фантастическихъ прихотей.. Касьянъ при всемъ своемъ „неразуміи“ находитъ возможнымъ приносить нравственную и даже практическую пользу людямъ. Онъ дѣйствительно живетъ одною жизнью съ природой, — не въ минуты поэтическаго вдохновенія и восторженныхъ созерцаній, а потому, что иной жизни у него и нѣтъ. Онъ знаетъ голосъ каждой птицы, умѣетъ перекликаться съ ней, подхватить ея пѣсню. Каждая травка и цвѣтокъ возбуждаютъ у него тѣ самыя чувства, какими у другихъ людей сопровождаются воспоминанія о старыхъ друзьяхъ. И эти его друзья оказываютъ ему великія услуги, какихъ никогда никому не дождаться отъ людей. Даже ключевая вода настраиваетъ его на религіозныя мысли, а степи охватываютъ его душу трепетнымъ восторгомъ.

Касьяна болѣзненно поражаетъ всякое страданіе не только среди людей, даже у птицъ, а дѣвочка Аннушка въ самомъ звукѣ его голоса вызываетъ неизъяснимую страстную нѣжность. Очевидно, это великій родникъ міровой и человѣческой любви, заброшенной въ рабскую жестокую среду... Кто могъ подозрѣвать существованіе такихъ тайнъ подъ сѣрымъ мужицкимъ армякомъ? Кто умѣлъ на уродливомъ, смѣшномъ лицѣ убогаго карлика прочесть отраженіе благородной поэтической души? Единственный писатель, еще въ дѣтствѣ умѣвшій подмѣтить и понять драму нѣмого мужика Андрея и рассказать ее въ трогательной повѣсти о Герасимѣ и его собачкѣ Муму, — въ повѣсти, вызывавшей слезы у такихъ людей, какъ Карлейль. И для Тургенева, очевидно, являлось особенно симпатичнымъ, дорогимъ дѣломъ — открывать публикѣ идеальныя и поэтическія стороны народной души и жизни. Для автора нѣтъ настолько ничтожныхъ, задавленныхъ жертвъ невыносимыхъ бытовыхъ условій, чтобы онѣ не представляли никакого интереса для нашего просвѣщеннаго вниманія. Даже Степушка, совершенно, повидимому, жалкое, безличное созданіе, все поглощенное заботой о кормѣ, ни для кого незамѣтное и рѣшительно никому не нужное, оказывается чуткой и отзывчивой на чужое горе. И какъ тонко, до умиленности просто авторъ даетъ это понять читателямъ.

Мужикъ только что рассказалъ о своемъ горѣ, рассказалъ, какъ только можетъ рассказывать мужикъ — безъ фразъ, безъ вздоховъ и жалобъ. И словъ въ его рѣчи несравненно меньше, чѣмъ фактовъ, и ни малѣйшаго расчета на сочувствіе слушателя. Степа слушалъ молча, можетъ-быть, онъ и передъ этимъ молчалъ цѣлыя дни, такъ какъ врядъ ли кто интересовался поговорить съ нимъ. И вдругъ на лаконическую, повидимому, совершенно равнодушную рѣчь мужика, у Степы невольно, безъ его вѣдома, срывается нѣсколько словъ:

„ — Да ты бы... того...“

И только. Степа смѣшался, замолчалъ, онъ не знаетъ, куда глаза дѣвать — отъ конфуза. Такъ для него необыкновенна даже такая рѣчь. Но для васъ достаточно и этихъ звуковъ. Вы почувствовали трепетъ живой человѣческой души, на васъ повѣяло дыханіе неумирающаго гуманнаго чувства, этого, по представленію автора, исконнаго свойства русской природы. То же самое и въ другомъ господствующемъ типѣ мужика, мыслителя, Сократа, энергичнаго дѣятеля и устроителя своего мужицкаго благосостоянія. Хорь и Овсянниковъ — оба обязаны только себѣ. Овсянниковъ живетъ уже въ эпоху свободы и ему, конечно, несравненно легче оберегать свою независимость и личное достоинство. Но Хорь — крѣпостной. Замѣчательно, — онъ такъ же, какъ и мужики-мечтатели и поэты, постарался выдѣлиться изъ общаго мужицкаго круга, даже поселился въ сторонѣ отъ деревни, зажилъ одинъ съ семьей на болотѣ и быстро показалъ, чего можетъ достигнуть даже сравнительно независимый и въ концѣ не подавленный лично мужикъ. Авторъ отнюдь не идеализируетъ своего героя.

Хорь, умѣвшій разбогатѣть, насквозь понимающій и своего барина и вообще жизнь всякихъ господъ и ихъ подданныхъ, относится къ своей дѣятельности и чужимъ взглядамъ крайне осторожно. Это громадная нравственная сила, по существу скептическая, тяжелая на подъемъ, осмотрительная, даже боязливая. Вѣка подневольнаго существованія воспитали въ мужикѣ глубокое сознание, чего иной разъ стоитъ одинъ опрометчивый шагъ, воспитали такое представленіе о личной отвѣтственности за каждое слово и дѣйствіе, какое было совершенно недоступно господину.

Нуженъ длинный рядъ опытовъ, чтобы Хорь призналъ пользу такого, повидимому, безусловно-полезнаго приобрѣтенія, какъ грамота. Но разъ онъ убѣдился въ этой пользѣ, — его уже не остановятъ никакія препятствія, а именно Хорь даетъ автору поводъ для оригинальнаго заключенія: „Петръ Великій былъ, по преимуществу, русскій человекъ“. Какая смѣлость, на основаніи наблюденій надъ крѣпостнымъ оброчнымъ мужикомъ составлять характеристику величайшаго изъ государственныхъ реформаторовъ!

Господину Полутыкину, барину Хоря, этого и во снѣ не грезится. Онъ просто видитъ въ своемъ данникѣ ловкаго, оборотливаго дѣльца, попросту кулака. До міросозерцанія Хоря барину нѣтъ никакого дѣла, онъ и не подозрѣваетъ, насколько этотъ смиренный подданный умственно стоитъ выше его, и какъ ясно видитъ всю мелкоту его души. Является писатель, и въ болотномъ отшельникѣ открываетъ настоящаго русскаго философа, со многими традиціонными и наслѣдственными странностями въ родѣ глубокаго презрѣнія къ бабамъ, но съ необыкновенно твердыми и вполне опредѣленными принципіальными воззрѣніями.

Таковы главнѣйшіе мотивы тургеневской народной поэзіи и таковы результаты его наблюденій надъ народомъ. Мы взяли только самыя существенныя данныя, мы опустили множество общихъ чертъ, по мнѣнію автора, присущихъ едва ли не каждому русскому мужику. Припомните, на примѣръ, съ какою настойчивостью Тургеневъ подчеркиваетъ изумительную способность не только взрослыхъ мужиковъ, а даже подростковъ-парней — дѣйствовать просто, находчиво, съ полнымъ самообладаніемъ въ самыхъ критическихъ положеніяхъ? Помните, какъ Ермолай, внезапно затонувъ въ пруду, въ тотъ же моментъ опредѣляетъ, что надо дѣлать, не умѣя плавать, отправляется искать бродъ, долго ищетъ и возвращается къ товарищамъ, такъ основательно изучивъ дно пруда въ теченіе какого-нибудь часа, будто это была открытая дорога. И все это дѣлается молча, безъ всякой похвальбы, будто иначе и быть не можетъ. И авторъ не подчеркиваетъ фактовъ, для насъ достаточно именно только факта: они, при всей своей будничности, краснорѣчивѣе всѣхъ тирадъ. То же самое съ мальчикомъ Павлушей. На ночномъ встревожились собаки. Павлушѣ вспала мысль, что это волки, и онъ, ни минуты не раздумывая, „безъ хворостинки въ рукѣ“, скачетъ одинъ и совершенно равнодушно сообщаетъ потомъ своимъ пріятелямъ: „Ничего... Я думалъ волкъ“.

Здѣсь мужики, даже мальчикъ идетъ на вѣрную опасность, не справляясь ни съ какимъ „долгомъ чести“, а просто по внушенію своей великодушной, инстинктивно отважной натуры. И авторъ не скрываетъ своего глубокаго уваженія къ этой натурѣ. Чтобы выразить восторгъ предъ пѣніемъ парня и представить всю мощь прочувствованныхъ звуковъ неотвратимо-чарующаго голоса, онъ говоритъ:

„Русская правдивая душа звучала и дышала въ немъ и такъ и хватала всѣхъ за сердце, хватала прямо за его русскія струны...“
И слезы закипали у слушателя...

Пусть даже и часто, — но слезы, оказывается, могутъ быть вызваны у господина пѣніемъ какого-то черпальщика на бумажной фабрикѣ. И авторъ вложилъ въ свой разсказъ столько искренняго чувства, что ему нельзя не вѣрить, нельзя даже не позавидовать его впечатлѣніямъ. Въ мужикѣ открыты и сердце, и умъ, и даже высшій цвѣтъ человѣческой жизни — поэзія. И все это — безъ всякихъ украшеній, цвѣтистыхъ рекомендацій со стороны обладателей этихъ сокровищъ и чувствительныхъ томленій и восторговъ автора. Простая, но гениальная исторія о простыхъ, но великихъ предметахъ!

Ивановъ.

Основная идея „Записокъ охотника“ и художественное ея воплощеніе.

Когда въ концѣ 1846 г. Некрасовъ и Панаевъ задумали издавать „Современникъ“, Тургеневъ отыскалъ у себя „Пустячокъ“, которому и самъ авторъ и Панаевъ настолько мало придавали значенія, что онъ былъ помѣщенъ даже не въ отдѣлѣ беллетристики, а въ „Смѣси“ первой книжки „Современника“ 1847 г. Чтобы сдѣлать публику еще снисходительнѣе, Панаевъ къ скромному и безъ того названію очерка: „Хоръ и Калинычъ“ прибавилъ еще заглавіе: „Изъ Записокъ охотника“. Публика оказалась болѣе чуткой, чѣмъ опытный литераторъ. Къ 1847 г. настроеніе „филантропическое“, какъ оно тогда называлось, начинало достигать въ лучшихъ литературныхъ кружкахъ высшаго своего напряженія. Подготовленная пламенной проповѣдью Бѣлинскаго, литературная молодежь проникается новыми духовными теченіями; въ одинъ, два года цѣлая плеяда будущихъ знаменитыхъ и просто хорошихъ писателей — Некрасовъ, Достоевскій, Гончаровъ, Тургеневъ, Григоровичъ, Дружининъ, Плещеевъ, и др. — выступаютъ съ рядомъ произведеній, производящихъ коренной переворотъ въ литературѣ и сразу сообщающихъ то настроеніе, которое потомъ получило свое общегосударственное выраженіе въ эпоху великихъ реформъ. Среди этой литературной молодежи Тургеневъ занялъ первое мѣсто, потому что направилъ всю силу своего высокаго таланта на самое больное мѣсто дореформенной общественности, — на крѣпостное право. Поощренный крупнымъ успѣхомъ „Хоря и Калиныча“, онъ написалъ рядъ очерковъ,

которые въ 1852 г. были изданы подъ общимъ именемъ „Записокъ охотника“. Книга сыграла первоклассную историческую роль. Есть прямыя свидѣтельства о сильномъ впечатлѣніи, которое она произвела на наслѣдника престола, будущаго освободителя крестьянъ. Обаянію ея поддались и всѣ вообще чуткія сферы правящихъ классовъ. „Запискамъ охотника“ принадлежитъ такая же роль въ исторіи освобожденія крестьянъ, какъ въ исторіи освобожденія негровъ „Хижинъ дяди Тома“ Бичеръ-Стоу, но съ той разницею, что книга Тургенева несравненно выше въ художественномъ отношеніи. Объясняя въ своихъ воспоминаніяхъ, почему онъ въ самомъ началѣ 1847 г. уѣхалъ за границу, гдѣ написано большинство очерковъ „Записокъ охотника“, Тургеневъ говоритъ: „Я не могъ дышать однимъ воздухомъ, оставаться рядомъ съ тѣмъ, что я возненавидѣлъ; мнѣ необходимо нужно было удалиться отъ моего врага за тѣмъ, чтобы изъ самой моей дали сильнѣе напасть на него. Въ моихъ глазахъ врагъ этотъ имѣлъ опредѣленный образъ, носилъ извѣстное имя: врагъ этотъ былъ крѣпостное право. Подъ этимъ именемъ я собралъ и сосредоточилъ все, противъ чего я рѣшился бороться до конца, съ чѣмъ я поклялся никогда не примиряться... Это была моя аннибаловская клятва“. Категоричность Тургенева, однако, относится только къ внутреннимъ мотивамъ „Записокъ охотника“, а не къ исполненію ихъ. Болѣзненно-придирчивая цензура 40-хъ годовъ не пропустила бы сколько-нибудь яркій „протестъ“, сколько-нибудь яркую картину крѣпостныхъ безобразій. И дѣйствительно, непосредственно крѣпостное право затрогивается въ „Запискахъ охотника“ сдержанно и осторожно. „Записки охотника“ — „протестъ“ совсѣмъ особаго рода, сильный не столько обличеніемъ, не столько ненавистью, сколько любовью. Народная жизнь пропущена здѣсь сквозь призму душевнаго склада изъ кружка Бѣлинскаго и Станкевича. Основная черта этого склада — тонкость чувствъ, преклоненіе передъ красотой и вообще желаніе быть не отъ міра сего, возвыситься надъ „грязной дѣйствительностью“. Значительная часть народныхъ типовъ „Записокъ охотника“ принадлежитъ людямъ такого покроя. Вотъ романтикъ Калинычъ, оживающій только тогда, когда ему рассказываютъ о красотахъ природы — горахъ, водопадахъ и т. п.; вотъ Касьянъ съ красивой Мечи, отъ тихой души котораго вѣетъ чѣмъ-то неземнымъ; вотъ „Яша“ („Пѣвцы“), пѣніе котораго трогаетъ даже посѣтителей кабака, даже самого кабатчика. Рядомъ съ натурами глубоко-поэтическими „Записки охотника“ выскиваютъ въ народѣ типы величавые. Олдоворецъ Овсянниковъ, богатый крестьянинъ Хоръ величественно спокойны, идеально честны и своимъ „простымъ, но здравымъ умомъ“ прекрасно понимаютъ самыя сложныя общественно-государственныя отношенія. Съ какимъ удивительнымъ спокойствіемъ умираютъ въ очеркѣ „Смерть“ лѣсовщикъ Максимъ и мельникъ Василій; сколько чисто-романтической обаятельности въ мрачно-величественной фигурѣ неумолимо честнаго Бирюка. Изъ женскихъ народныхъ типовъ „Записокъ охотника“ особеннаго вниманія заслуживаютъ Матрена („Каратаевъ“), Марина („Свиданіе“)

и Лукерья („Живыя Мощи“; послѣдній очеркъ залежался въ портфель Тургенева и увидѣлъ свѣтъ лишь четверть вѣка спустя, въ благотворительномъ сборникѣ „Складчина“ 1874 г.): всѣ онѣ глубоко-женственны, способны на высокое самоотреченіе. И если мы къ этимъ мужскимъ и женскимъ фигурамъ „Записокъ охотника“ прибавимъ удивительно-симпатичныхъ ребятешекъ изъ „Бѣжина Луга“, то получится цѣлая одноцвѣтная галерея лицъ, относительно которыхъ никакъ нельзя сказать, что авторъ далъ тутъ народную жизнь во всей ея совокупности. Съ поля народной жизни, на которомъ растутъ и крапива, и чертополохъ, и репейникъ, авторъ сорвалъ только красивые и благоухающіе цвѣты и сдѣлалъ изъ нихъ прекрасный букетъ, благоуханіе котораго было тѣмъ сильнѣе, что представители правящаго класса, выведенные въ „Запискахъ охотника“, поражаютъ своимъ нравственнымъ безобразіемъ. Господинъ Звѣрковъ („Ермолай и Мельничиха“) считаетъ себя человѣкомъ очень добрымъ; его даже коробитъ, когда крѣпостная дѣвка съ мольбою бросается ему въ ноги, потому что, по его мнѣнію, „человѣкъ никогда не долженъ свое достоинство терять“; но онъ съ глубокимъ негодованіемъ отказываетъ этой „неблагодарной“ дѣвкѣ въ разрѣшеніи выйти замужь, потому что его жена останется тогда безъ хорошей горничной. Гвардейскій офицеръ въ отставкѣ Аркадій Павловичъ Пѣночкинъ („Бурмистръ“) устроилъ свой домъ совсѣмъ поанглійски; за столомъ у него все великолѣпно сервировано и выдрессированные лакеи служатъ превосходно. Но вотъ одинъ изъ нихъ подаль красное вино неподогрѣтымъ; изящный европеецъ нахмурился и, не стѣсняясь присутствіемъ посторонняго лица, приказалъ „насчетъ Федора... распорядиться“. Мардарій Аполлоновичъ Стегуновъ („Два помѣщика“) — тотъ совсѣмъ добрякъ: идиллически сидитъ на балконѣ прекраснымъ лѣтнимъ вечеромъ и пьетъ чай. Вдругъ донесся „до нашего слуха звукъ мѣрныхъ и частыхъ ударовъ“. Стегуновъ „прислушался, кивнулъ головой, хлебнулъ и, ставя блюдечко на столъ, произнесъ съ добрѣйшей улыбкой и, какъ бы неволью, вторя ударамъ: чюки-чюки-чюкъ! чюки-чюкъ! чюки-чюкъ!“ Оказалось, что наказываютъ „шалунишку Васю“, буфетчика „съ большими бакенбардами“. Благодаря глубѣйшему капризу злощей барыни („Каратаевъ“), трагически складывается судьба Матрены. Таковы представители помѣщичьяго сословія въ „Запискахъ охотника“. Если и встрѣчаются между ними порядочные люди, то это или Каратаевъ, кончающій жизнь трактирнымъ завсегдатаемъ, или бунтъ Чертопхановъ, или жалкій приживальщикъ — Гамлетъ Щигровскаго уѣзда. Конечно, все это дѣлаетъ „Записки охотника“ произведеніемъ одностороннимъ; но это та святая односторонность, которая приводитъ къ великимъ результатамъ. Содержаніе „Записокъ охотника“ во всякомъ случаѣ было не выдуманно — и вотъ почему въ душѣ каждаго читателя во всей своей неотразимости выросло убѣжденіе, что нельзя людей, въ которыхъ лучшія стороны человѣческой природы воплощены такъ ярко, лишать самыхъ элементарныхъ человѣческихъ правъ. Въ чисто-художественномъ отношеніи

„Записки охотника“ вполне соответствуют великой идее, положенной в их основание, и в этой гармонии замысла и формы — главная причина их успеха. Все лучшие качества Тургеневского таланта получили здесь яркое выражение. Если сжатость составляет вообще одну из главных особенностей Тургенева, совсем не писавшего объемистых произведений, то в „Записках охотника“ она доведена до высшего совершенства. Двумя-тремя штрихами Тургенев рисует самый сложный характер: назовем для примѣра хотя бы завершительныя двѣ странички очерка, гдѣ душевный облик „Бирюка“ получает такое неожиданное освѣщеніе. На ряду съ энергіей страсти сила впечатлѣнія увеличивается общимъ, удивительно мягкимъ и поэтическимъ колоритомъ. Пейзажная живопись „Записокъ охотника“ не знаетъ себѣ ничего равнаго во всей нашей литературѣ. Изъ средне-русскаго на первый взглядъ безцвѣтнаго пейзажа Тургеневъ сумѣлъ извлечь самыя задушевные тона, въ одно и то же время и меланхолическіе и сладко бодрящіе. Въ общемъ Тургеневъ „Записками охотника“ по технику занялъ первое мѣсто въ ряду русскіихъ прозаиковъ. Если Толстой превосходитъ его широтою захвата, Достоевскій — глубиною и оригинальностью, то Тургеневъ — первый русскій стилистъ. Въ его устахъ „великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ“, которому посвящено послѣднее изъ его „Стихотвореній въ прозѣ“, получилъ самое благородное и изящное свое выраженіе.

Венеровъ.

Поэтическая прелесть языка и содержанія въ „Запискахъ охотника“.

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ прислалъ въ редакцію одного изъ петербургскихъ журналовъ нѣсколько рассказовъ, вошедшихъ впоследствии въ составъ сборника „Записки охотника“, впервые доставившаго ему всемірную извѣстность. Подобныя эскизы и маленькія повѣсти продолжали впоследствии появляться въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, не возбуждая никакого подозрѣнія относительно болѣе глубокихъ мотивовъ, положенныхъ въ ихъ основаніи авторомъ, не только въ публикѣ, но даже во всевѣдущей и всевидящей цензурѣ; все видѣли въ рассказахъ молодого автора лишь блестящій литературный опытъ, чисто поэтическаго характера, полагавшій начало новой формѣ сочиненія въ русскоѣ литературѣ, и только замѣтили еще, что въ слогѣ молодого писателя, равно какъ и въ его пониманіи природы проглядывали слѣды вліянія Гоголя. Видно было, что рассказы охотника написаны по плану „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки“. И дѣйствительно, это была все та же великая скорбная симфонія русскоѣ земли; однако въ этотъ разъ артистъ передавалъ ее совершенно въ другомъ родѣ. Въ его рассказахъ не было того ѣдкаго юмора, того безыскусственнаго, народнаго — пожалуй, даже вѣрнѣе было бы сказать, просто-

народнаго — характера въ языкѣ и въ изложеніи, наконецъ, тѣхъ горячихъ порывовъ восторженнаго чувства съ внезапными переходами къ горькой ироніи, которые составляютъ отличительную черту поэтическаго таланта Гоголя. У Тургенева нѣтъ ни гоголевскаго увлеченія, ни гоголевскаго веселья; весь тонъ повѣствованія у него какъ-то скромнѣе, сдержаннѣе. И ландшафты и люди показываются не при полномъ дневномъ свѣтѣ, а при блѣдномъ освѣщеніи вечерняго заката, съвозъ воздушную дымку идеала, но вмѣстѣ съ тѣмъ очерчены совершенно отчетливо, какъ будто характеристическія линіи сконцентрируются въ зрачкѣ неутомимаго наблюдателя. Языкъ у Тургенева тоже безспорно богаче, гибче, мягче, нежели у Гоголя; да собственно говоря, ни единый изъ русскихъ писателей до Тургенева не доходилъ до такой выразительности. Это не чистая и ясная проза Пушкина, который въ свое время зачитывался Вольтеромъ и подчасъ находился подъ впечатлѣніемъ этого чтенія. Рѣчь Тургенева льется плавно и роскошно, подобно тому какъ стелется скатертью подъ сѣнью дремучихъ лѣсовъ, тихо и задумчиво, гармонично шумя въ прибрежныхъ камышахъ и распространяя вокругъ свои неуловимые ароматы, могучая русская рѣка, вынося на своей поверхности полевые цвѣты и оторванныя гнѣзда, отражая въ себѣ безконечные ландшафты небесъ и луговъ, и вдругъ теряясь въ сумракѣ лѣсныхъ тѣней; все находитъ себѣ отраженіе въ этой рѣчи: и жужжаніе пролетѣвшей пчелки, и ночной крикъ лѣсной птицы, и случайно подушій и замерзшій, ласкающій вѣтерокъ. При помощи неисчерпаемыхъ средствъ русскаго языка, путемъ мѣткихъ эпитетовъ, своеобразнѣйшихъ сочетаній словъ, какія только можетъ выдумать фантазія поэта, и ловкихъ народныхъ звукоподражательныхъ обозначеній, автору удается воспроизводить самые неуловимые аккорды изъ необъятнаго регистра природы. Я настаиваю особенно на этой сторонѣ тургеневскаго таланта оттого, что, по моему мнѣнію, въ ней кроется главный секретъ огромнаго впечатлѣнія, произведеннаго его первенцемъ. Вся книга, „Записки охотника“, есть лишь одна нескончаемая пѣснь русской земли, со вторящимъ ей ропотомъ нѣсколькихъ несчастныхъ человѣческихъ душъ, силою художественнаго таланта автора воспроизведенная во всей своей непосредственности въ словахъ и образахъ; рассказчикъ заводитъ васъ въ сердце своей родины и оставляетъ васъ съ глазу на глазъ съ природой и людьми, самъ какъ бы совершенно исчезая. Вы не видите его, а вмѣстѣ съ тѣмъ вы чувствуете, что чья-то искусная рука предупредила васъ и позаботилась извлечь изъ глубины тайниковъ и сосредоточить на поверхности всѣхъ предметовъ ту присущую имъ сокровенную поэзію, пониманіе которой, при непосредственномъ созерцаніи, совсѣмъ ускользаетъ отъ большинства людей, не одаренныхъ исключительно сильной поэтической воспримчивостью, а въ данной передачѣ между тѣмъ открывается само собой самому невпечатлительному читателю.

Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательенъ маленькій рассказъ, подъ названіемъ „Бѣжинъ лугъ“. „Бѣжинъ лугъ“ — это поляна,

туда въ теплыя лѣтнія ночи крестьяне-подростки выгоняютъ на пастбу своихъ лошадей. Охотникъ-разсказчикъ сбился съ пути въ вечернемъ туманѣ, и вотъ, послѣ долгаго блужданія по безлюднымъ пустошамъ, покрытымъ предательской ночной мглой, наконецъ, натывается на костеръ, разведенный среди болотъ, вокругъ котораго расположились маленькіе пастухи. Пришелецъ растягивается у огня, прикидывается, будто заснулъ, и между тѣмъ подслушиваетъ ихъ болтовню. Ребятишки, усѣвшись на корточкахъ кучкой около плающаго костра, рассказываютъ другъ другу всякія страшныя „полуночныя“ исторіи. Не то, чтобы имъ было страшно, но смутный шопотъ ночи, поднимающійся съ береговъ рѣчки, крикъ орлана, вой собаки, почувшей приближеніе волка къ табуну, невольно вызываютъ въ ихъ темномъ воображеніи представленіе о другихъ, тоже незримыхъ и однако существующихъ силахъ, и вотъ, подъ впечатлѣніемъ висящей надъ ними жуткой тьмы, они начинаютъ припоминать всѣ многообразныя суевѣрія русской деревни. Они толкуютъ о *русалкахъ* — рѣчныхъ феяхъ, — о *лишемъ*, о *домовомъ* (особая разновидность „нечистаго“ обитающая въ человѣческихъ жилищахъ) и о своемъ сверстникѣ Ванѣ, утонувшемъ въ прошедшемъ году и теперь занимающемся сманиваніемъ маленькихъ рыбаковъ къ себѣ на дно ручья. Это что-то среднее между дѣтскою сказкой, какими няни убаюкиваютъ маленькихъ ребятъ, и фантастической повѣстью Гофмана, съ тѣмъ отличіемъ, что тонъ повѣствованія естественнѣе, такъ сказать, серіознѣе. Прежде всего, поэтъ съ удивительнымъ искусствомъ приводитъ читателя въ требуемое настроеніе. Онъ заставляетъ говорить раньше природу, а потомъ дѣтей, и выходитъ, что природа и дѣти рассказываютъ однѣ и тѣ же вещи. Собственно говоря, суевѣрные малыши являются лишь выразителями древняго славянскаго міросозерцанія; они пересказываютъ на свой манеръ „Слово о полку Игоревѣ“ — пантеистическую эпопею сѣдой старины, отъ которой ведетъ свое происхожденіе вся русская поэзія. Между тѣмъ ночь близится къ концу, воображеніе утомилось, пробуждающійся день пріободряетъ оробѣвшихъ ребятишекъ, и великолѣпное описаніе солнечнаго восхода завершаетъ блестящимъ заключительнымъ аккордомъ фантастическую минорную симфонію.

Можетъ быть, вы предпочитаете болѣе трогательную житейскую тему? Въ такомъ случаѣ прочтите рассказъ „Живыя мощи“. Охотникъ случайно забрелъ въ заброшенный карегный сарай и въ полумракѣ натывается на какой-то жалкій, безформенный, неподвижный предметъ, въ которомъ узнаетъ старую дворовую дѣвушку своей матери, когда-то красавицу и хохотунью, а теперь разбитую параличемъ, снѣдаемую мучительнымъ недугомъ. Этотъ забытый скелетъ лежитъ тутъ подъ полуобрушившимся навѣсомъ, лишенный всякихъ связей съ внѣшнимъ міромъ, оставленный всѣми; всѣ потребности его свелись къ кувшину воды, которую добрые люди отъ времени до времени приносятъ и перемѣняютъ. Присутствіе жизни проявляется въ немъ уже только въ глазахъ, сохранившихъ еще способность видѣть и выражать движенія

души, и въ слабомъ подобіи голоса, „напоминающимъ шелестъ листьевъ болотной осоки“. И между тѣмъ въ этой жалкой развалинѣ живеть возвышенная душа, просвѣтленная страданіемъ, божественно смиренная и въ тоже время нисколько, въ своемъ абсолютномъ отреченіи отъ всего земного, не утратившая своей примитивной „мужицкой“ простоты. Лукерья рассказываетъ про свое несчастье: какъ однажды она отправлялась ночью послушать соловья и притомъ упала; какъ послѣ того впервые схватилъ ее злой недугъ; какъ всѣ отправленія ея тѣла, всѣ ея житейскія радости стали отмирать однѣ за другими; какъ женихъ ея грустилъ, грустилъ и потомъ женился на другой: да и что же ему было дѣлать? Она полагаетъ, что онъ нашелъ счастье въ женитбѣ! Какъ, вотъ уже много лѣтъ, все развлеченіе ея состоитъ въ томъ, чтобы слушать звонъ колоколовъ сельской церкви и жужжаніе пчелъ на сосѣдней пасѣкѣ. Какъ изрѣдка какая-нибудь ласточка заметитъ подъ ея навѣсъ, и тогда это большое событіе даетъ пищу ея мысли на нѣсколько недѣль. Какъ добры люди, которые приносятъ ей воду, и какъ она признательна имъ за ихъ вниманіе. Она добродушно, почти весело, начинаетъ вспоминать съ молодымъ бариномъ старыя времена, напоминаетъ не безъ тщеславія, что была первой плясуньей и первой пѣвуньей на селѣ, и подъ конецъ до того оживляется, что хочетъ попробовать спѣть вполголоса одну изъ пѣсень, которую, бывало, пѣвала въ хороводѣ. „Мысль, что это полумертвое существо готовится запѣть, возбудила во мнѣ невольный ужасъ. Но прежде чѣмъ я могъ промолвить слово, — въ ушахъ моихъ задрожалъ протяжный, едва слышный, но чистый и вѣрный звукъ... за нимъ послѣдовалъ другой, третій. „Во лугахъ“ пѣла Лукерья. Она пѣла, не измѣнивъ выраженія своего окаменѣлаго лица, уставивъ даже глаза. Но такъ трогательно звѣнѣлъ этотъ бѣдный усиленный, какъ струйка дыма, колебавшійся голосъ, такъ хотѣлось ей всю душу вылить... Уже не ужасъ чувствовалъ я: жалость несказанная стиснула мнѣ сердце“.

Затѣмъ Лукерья рассказываетъ свои нехорошіе сны, между прочимъ, какъ ей приснилось, что она умерла. И не то, чтобы смерть ее ужасала, напротивъ, она удалялась и отказывалась избавить ее.

Больная отклоняетъ всѣ предложенія помощи со стороны барина; она ничего не желаетъ, ни въ чемъ не нуждается, всѣмъ и всѣми довольна: но когда посѣтитель собирается уходить, она бросаетъ ему вдогонку одну послѣднюю фразу, въ которой сказывается бывшая женщина: несчастная, видите ли, сознаетъ, какое тяжелое впечатлѣніе должно производить ея изуродованное тѣло, и въ ней пробуждается желаніе отыскать въ себѣ какіе-нибудь слѣды своей исчезшей красоты. — „Помните, баринъ, какая у меня была коса? Помните — до самыхъ колѣнъ! Я долго не рѣшалась... Этакіе волосы!... Но гдѣ же ихъ было расчесывать? Въ моемъ-то положеніи!... Такъ ужъ я ихъ обрѣзала... Да... Ну, простите, баринъ. Больше не могу...“

Я воображаю, какимъ образомъ воспользовались бы тѣмъ же сюжетомъ представители различныхъ нашихъ литературныхъ школъ.

Романтикъ добраго стараго времени сосредоточилъ бы все свое стараніе на изображеніи жестокаго рока, обрушившагося на несчастное созданіе. Онъ представилъ бы намъ болѣную въ видѣ живого протеста противъ существующаго строя вселенной, сдѣлалъ бы изъ нея страждущее чудовище, женщину-квизимодо. Другіе — тѣ, среди которыхъ Тургеневу пришлось прожить закатъ своихъ дней, — воспользовались бы удобнымъ случаемъ для того, чтобы прочесть намъ курсъ описательной патологій; они проанатомировали бы послѣдовательно всѣ отсохшіе члены, обнажили бы всѣ скрытыя язвы, изслѣдовали бы тщательно отмерзшія группы нервной системы, и въ результатѣ несчастная вышла бы, у нихъ навѣрное, лишь утратившей человѣческой обликъ идіоткой, и только. Писатель съ сильнымъ религіознымъ направленіемъ преобразилъ бы несчастную въ святую мученицу; представилъ бы намъ ее съ сіяніемъ на челѣ, погруженную въ мистическое созерцаніе, — однимъ словомъ, живущею одними небесными радостями. Тургеневъ избѣжалъ заблужденій, какъ тѣхъ, такъ и другихъ: онъ скромно обходитъ подробности физическаго страданія, онъ говоритъ о немъ полусловами, накидываетъ покрывало на трупъ; мы и безъ того чувствуемъ, что имѣемъ дѣло съ одними останками тѣла, видя эту совершенно обнаженную душу, лишенную плоти. Въ его описаніи мы не встрѣчаемъ ни патетическихъ обращеній ни антитезъ, и вообще ни одного изъ излюбленныхъ пріемовъ, употребляемыхъ другими писателями съ цѣлью искусственнаго усиленія впечатлѣнія и пораженія воображенія читателя; читатель видитъ передъ собою все время лишь обыкновенное житейское несчастіе—и только. Что касается религіозной стороны, мы видимъ, что кроткая страдалица далека отъ мысли вмѣшивать Бога въ свои мелкія, житейскія бѣды; она и молится ему такъ, какъ привыкла молиться всегда, самымъ обыкновеннымъ образомъ, не выказывая отнюдь больше религіозности, чѣмъ какой можно было ожидать во всякой другой русской крестьянской женщинѣ, которой, вообще, положительно чужда мистика. Идея всего разсказа, какъ и большинства другихъ разсказовъ Тургенева — идея стоическая, немного животная покорность судьбѣ, составляющая отличительную черту русскаго крестьянина, его постоянная готовность безропотно вынести всякое страданіе. При этомъ, однако, высокое дарованіе разсказчика сказывается въ замѣчательномъ соблюденіи мѣры какъ въ реальности, такъ и въ идеализаціи. Авторъ остается безусловно вѣренъ истинѣ въ каждой отдѣльной подробности, рисуя намъ всегда лишь обыкновеннаго средняго человѣка, а въ то же время общее впечатлѣніе получается въ нѣкоторомъ родѣ идеальное. Подобнаго же ангельски кроткаго страдальца авторъ выводитъ въ другомъ очеркѣ, принадлежащемъ къ той же серіи, озаглавленномъ „Уѣздный лѣкарь“; и опять же мы видимъ то же строго выдержанное чувство мѣры. Отдѣльные отрывочные очерки, печатавшіеся подъ общимъ заголовкомъ „Записки охотника“, впоследствии вышли въ одномъ томѣ, и вотъ тогда-то читатели, до тѣхъ поръ еще сомнѣвавшіеся,

поняли, наконецъ, сокровенную идею произведенія, т.-е. увидѣли, что авторъ задался цѣлью обнаружить истинный смыслъ, скрытый Гоголемъ въ „Мертвыхъ душахъ“. Какъ иначе назовете вы эту галерею портретовъ невѣжественныхъ и жестокихъ эгоистовъ-дворянъ, плутовъ-управляющихъ, праздныхъ воровъ-чиновниковъ и, изнывающихъ подъ гнетомъ всей этой стаи мелкихъ хищниковъ, жалкихъ плутовъ, — паріевъ чловѣческаго общества, надрывающихъ вамъ душу своимъ убожествомъ и покорностью. Самый планъ изложенія — потому что какъ бы онъ ни былъ замаскированъ, а во всемъ произведеніи все же существуетъ строго выдержанный планъ — былъ тоже совсѣмъ тотъ же, что въ безсмертномъ произведеніи великаго юмориста. Авторъ показываетъ въ пестромъ калейдоскопѣ подъ всевозможными углами зрѣнія жалкую креатуру, которая возбуждаетъ въ зрителѣ то смѣхъ, то состраданіе, не имѣющую потребностей ни средствъ, блуждающую въ потемкахъ; и рядомъ съ рабомъ вырисовывается не менѣе жалкій манекенъ полуцивилизованнаго рабовладѣльца, въ сущности добраго малаго, но творящаго зло по невѣдѣнію, исковерканнаго фатальной средой. Картина, собственно говоря, должна была бы получиться отвратительная, отталкивающая; но писатель почти совершенно бессознательно смягчилъ впечатлѣніе нѣсколькими изъ тѣхъ прелестныхъ чарующихъ поэтическихъ штриховъ, которые составляютъ почти произвольную, органическую особенность его дарованія. Но въ чемъ же кроется истинная причина надломленности, ненормальности всѣхъ выведенныхъ типовъ? Откуда взялась эта малярія въ русской землѣ? Какая болѣзнь породила эти язвы? Разрѣшеніе этихъ вопросовъ Тургеневъ предоставляетъ прозорливости читателя. Было бы неточно сказать, что Тургеневъ *напалъ* на крѣпостное право. Русскіе писатели, вслѣдствіе ли внѣшнихъ условій, въ которыхъ поставлена русская литература, или вслѣдствіе своеобразнаго направленія своего таланта, — ниеогда открыто не нападаютъ на что бы то ни было. У нихъ не въ обычаѣ ораторствовать и обвинять: они пишутъ объективно дѣйствительность, не дѣлая сами никакихъ заключеній, обращаясь не столько къ негодованію, сколько въ состраданію своихъ читателей. Двадцать лѣтъ спустя Достоевскій выпустилъ въ свѣтъ подъ заглавіемъ „Записки изъ мертваго дома“ свои ужасныя воспоминанія о десяти лучшихъ годахъ жизни, проведенныхъ въ сибирскихъ рудникахъ, и вы увидите опять то же невозмутимое спокойствіе, то же отсутствіе злобы и желчи. Право, авторъ находитъ совершенно естественными всѣ ужасы, которые описываетъ, развѣ, пожалуй, согласится съ вами, что картина дѣйствительно печальна. Эта безграничная покорность вездѣ и во всемъ, какъ я уже говорилъ, есть характеристическая черта, присущая всему русскому племени. Однажды, отдыхая съ дороги, въ одной гостиницѣ въ городѣ Орлѣ, на родинѣ нашего автора, я былъ разбуженъ внезапнымъ барабаннымъ боемъ, раздавшимся съ улицы. Я выглянулъ на базарную площадь и увидѣлъ посреди площади позорный столбъ, въ видѣ высокой черной колонны,

воздвигнутой на деревянномъ помостѣ, окруженный войсками, выстроенными въ карре, и толпой народа, а къ столбу были привязаны три несчастныхъ парня, съ ярлыками на груди, на которыхъ значились совершенныя ими злодѣянія. Преступники имѣли очень безобидный видъ и какъ бы не сознавали того, что происходило съ ними. Они, право, производили даже очень красивое впечатлѣніе, привязанные къ этому столбу, своими симпатичными головами. Выставка продолжалась такимъ образомъ довольно долгое время, затѣмъ священникъ благословилъ преступниковъ, и послѣднихъ посадили въ телѣжку и повезли назадъ въ острогъ, а солдаты и народъ бросились за ними, осыпая ихъ различными приношеніями въ видѣ всевозможной провизіи и денегъ и самыми теплыми выраженіями участія и соболѣзнованія.

Вотъ такимъ же путемъ дѣйствуютъ въ Россіи и писатели, когда желаютъ добиться какого-нибудь преобразованія: они выставляютъ недуги своей родины къ позорному столбу и въ это же время не могутъ удержаться отъ порывовъ снисхожденія ко злу, которое бичуютъ, разоблачаютъ. Публика слушаетъ и понимаетъ ихъ съ полуслова.

Она поняла и въ этотъ разъ. Крѣпостническая Россія ужаснулась, увидѣвши свое отраженіе въ подставленномъ зеркалѣ, и содрогнулась изъ конца въ конецъ. Авторъ сразу прославился, а дѣло, на защиту котораго онъ выступилъ, было наполовину выиграно.

Къ этому времени подоспѣла смерть Гоголя, и Тургеневъ посвятилъ памяти покойнаго горячую статью. Въ наше время его статья показалась бы весьма безобидною; между прочимъ, она безпрепятственно помѣщена въ полномъ собраніи его сочиненій. Мало того, безъ предупрежденія мы даже не сумѣли бы отыскать инкриминуемаго мѣста, если бы самъ преступникъ не выдалъ намъ въ одной веселой замѣткѣ тайны своего преступленія.

„По поводу этой статьи, я помню, какъ однажды въ Петербургѣ одна очень высокопоставленная дама порицала взысканіе, которому я былъ подвергнутъ, называя его незаслуженнымъ или, по крайней мѣрѣ, слишкомъ строгимъ. Такъ какъ она горячо защищала меня, то кто-то сказалъ ей: — Вы, значитъ, не знаете, что въ этой статьѣ онъ называетъ Гоголя *великимъ челоукомъ*. — Это невозможно! — Я васъ увѣряю. — Ахъ! въ такомъ случаѣ я не могу ничего сказать. Мнѣ очень жаль, но я понимаю, что его должны были запереть“.

За эпитетъ „великій“, приложенный къ имени простаго сочинителя, Тургеневъ поплатился мѣсячнымъ арестомъ, а затѣмъ ему посоветовали отправиться въ свое имѣніе, „на размышленіе“. Тургеневъ, вѣроятно, подумалъ въ то время, что какъ нашъ міръ дурно устроенъ: вѣдь мы всегда несправедливы къ власти, желающей намъ добра. Между тѣмъ надо сознаться, что иногда произволь власти оказывается намъ больше на пользу, чѣмъ наши собственныя намѣренія. Административныя предписанія не разъ уже играли роль орудій исполненія предначертаній Провидѣнія по отношенію къ великимъ пи-

сателямъ. За тридцать лѣтъ до того ссылка спасла Пушкина, оторвавши поэта отъ разсѣянной свѣтской жизни, которую онъ велъ въ Петербургѣ, рискуя совсѣмъ утратить свой талантъ, и удаленіемъ его на востокъ создавши тѣ условія, подъ вліяніемъ которыхъ его художественное дарованіе впоследствии получило такой пышный расцвѣтъ. Точно такъ же, если бы и Тургеневъ въ то время остался въ столицѣ, его юношескій пылъ и компрометирующія знакомства, пожалуй, еще вовлекли бы его въ какую-нибудь бесплодную политическую передрагу; насильственное же возвращеніе къ деревенскому уединенію побудило его опять приняться серіозно за изученіе скромнаго быта русской провинціи и увѣковѣчить свои наблюденія въ своихъ первыхъ большихъ романахъ.

Мелхиоръ де-Вонъ.

Поэтическій идеализмъ и рельефная дѣйствительность въ „Запискахъ охотника“.

Въ 1852 году появились въ двухъ томахъ „Записки охотника“, до того времени печатавшіяся въ видѣ отдѣльныхъ разсказовъ.

Въ обыденномъ смыслѣ слова, этотъ сборникъ разсказовъ нельзя назвать тенденціознымъ произведеніемъ. Авторъ, повидимому, нисколько не возмущается постыдностью самаго института рабства, грубостью, наивной жестокостью и сознательной безнравственностью мучителей народа. Онъ не ратуетъ за дѣло освобожденія и не возстаетъ противъ тиранствующихъ помѣщиковъ и помѣщицъ. Онъ рассказываетъ просто и кратко, съ неподражаемымъ искусствомъ и съ убѣдительною силою истины, все, что онъ видѣлъ и пережилъ на родинѣ. Онъ заставляетъ господъ, чиновниковъ, а также и всѣхъ, которые страдаютъ, благодаря имъ или вслѣдствіе установленнаго порядка, жить, дѣйствовать, говорить, на нашихъ глазахъ такъ, какъ они дѣлаютъ это въ дѣйствительной жизни. И, однако, ни одна краснорѣчивая обвинительная рѣчь, проникнутая самымъ справедливымъ негодованіемъ, не возбуждала такого глубокаго отвращенія къ ненавистному злу, которое она должна была побѣдить и уничтожить, не могла привести къ сознанию страшнаго позора крѣпостничества услѣшнѣе, чѣмъ эти простыя, рисованныя съ натуры картинки поэта. Но не всѣ произведенія названнаго сборника проникнуты этимъ духомъ. Не менѣе многочисленны мелкія повѣсти, полны невиннаго юмора и добродушной прелести. Тамъ можно найти и мрачныя, потрясающія исторіи, въ которыхъ трагическій мотивъ заключается не въ крѣпостничествѣ и не въ тогдашнихъ соціальныхъ и политическихъ отношеніяхъ Россіи. Во всѣхъ этихъ разсказахъ встрѣчаются картины природы, полныя освѣжающей прелести и самаго законченнаго мастерства въ изображеніи душевныхъ настроеній, вызываемыхъ природой. Въ „Запискахъ охотника“ видна уже вполне достигшая художественной зрѣлости индивидуальность Тургенева. Въ этихъ разсказахъ такъ же, какъ и въ

послѣдующихъ крупныхъ произведеніяхъ его, мы замѣчаемъ уже чудесное сліяніе поэтического идеализма и мечтательныхъ образовъ съ яснымъ созерцаніемъ дѣйствительности, богатства наблюдений съ мѣткой изобразительностью, способность немногими словами сказать все, что нужно, и нарисовать яркую картину — свойства, въ которыхъ такъ нуждается большая часть рассказчиковъ. *Пич.*

Крѣпостное право и „Записки охотника“.

Тургеневъ, какъ извѣстно, провелъ дѣтство и юность въ самой крѣпостнической обстановкѣ; его родители крайне сурово относились къ своимъ людямъ, такъ что, по его собственному свидѣтельству, онъ выросъ „среди побоевъ и истязаній“. Любопытно, что обязанный крѣпостному труду тѣмъ благосостояніемъ, которое окружало его съ дѣтства, онъ и любовью къ литературѣ отчасти обязанъ крѣпостному камердинеру, который читалъ ему украдкой гдѣ-нибудь въ саду или въ дальней комнатѣ „Россиаду“ Хераскова. Окончивъ курсъ въ Московскомъ университетѣ, Тургеневъ отправился для ознакомленія съ настоящей наукой въ Берлинъ, гдѣ сошелся со Станкевичемъ и Грановскимъ. Судя по тому, какъ Станкевичъ относился къ крѣпостному праву въ это время, можно думать, что онъ имѣлъ вліяніе на Тургенева и въ этомъ отношеніи.

Въ 1840 году, послѣ непродолжительнаго пребыванія въ Россіи и поѣздки въ Италію, Тургеневъ снова вернулся въ Берлинъ и слушалъ тамъ лекціи вмѣстѣ съ извѣстнымъ М. Бакунинымъ еще около года. Жизнь и серіозныя занятія за границей не прошли для Тургенева безслѣдно: онъ сталъ совершенно отрицательно относиться къ той „помѣщичьей, крѣпостной“ средѣ, къ которой принадлежалъ по своему происхожденію. „Почти все, что я видѣлъ вокругъ себя, — говоритъ онъ, — возбуждало во мнѣ чувства смущенія, негодованія, отвращенія, наконецъ... Я бросился внизъ головою въ „нѣмецкое море“, долженствовавшее очистить и возродить меня, и когда я, наконецъ, вынулъ изъ его волнъ, я все-таки очутился „западникомъ“ и остался имъ навсегда“. Возвратившись изъ-за границы въ 1841 году, Тургеневъ познакомился въ Москвѣ съ славянофильскимъ кружкомъ, но уже тогда отрицательно отнесся къ нему и, напротивъ, близко сошелся съ западниками, къ числу которыхъ принадлежали Грановскій, Бѣлинскій, Герценъ и др. Тургеневъ попробовалъ было служить въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, но не выдержалъ болѣе двухъ лѣтъ. Его, какъ и нѣкоторыхъ другихъ, имѣвшихъ средства покинуть *тогдашнюю* Россію, потянуло въ западную Европу. „Я не могъ дышать однимъ воздухомъ, оставаться рядомъ съ тѣмъ, что я возненавидѣлъ, — говоритъ Тургеневъ въ своихъ воспоминаніяхъ, — для этого у меня, вѣроятно, не доставало надлежащей выдержки, твердости, характера. Мнѣ необходимо нужно было удалиться отъ моего врага затѣмъ, чтобы

изъ самой моей дали сильнѣе напасть на него. Въ моихъ глазахъ врагъ этотъ имѣлъ опредѣленный образъ, носилъ извѣстное имя: врагъ этотъ былъ крѣпостное право. Подъ этимъ именемъ я собралъ и сосредоточилъ все, противъ чего я рѣшился бороться до конца, съ чѣмъ я поклялся никогда не примиряться... Это была моя аннибаловская клятва; и не я одинъ далъ ее тогда себѣ. Я и на Западъ ушелъ для того, чтобы лучше ее исполнить... „Записки охотника“ были написаны мною за границей; нѣкоторыя изъ нихъ — въ тяжелыя минуты раздумья о томъ, вернуться ли мнѣ на родину, или нѣтъ“.

Первый очеркъ изъ „Записокъ охотника“, „Хорь и Калинычъ“, былъ напечатанъ въ 1-мъ №-ѣ „Современника“ 1847 года, т.-е. всего черезъ мѣсяць послѣ появленія повѣсти Григоровича „Деревня“, слѣдовательно (тѣмъ болѣе, что Тургеневъ жилъ въ это время за границей), нельзя никоимъ образомъ предполагать, что обращеніе въ очеркамъ изъ народной и крѣпостной среды было сдѣлано авторомъ подъ вліяніемъ повѣсти Григоровича. Совпаденіе двухъ молодыхъ писателей въ новомъ направленіи ихъ дѣятельности служить лучшимъ доказательствомъ того, что такія произведенія, дѣйствительно, вызывались настоятельною потребностью времени. Впрочемъ, въ первомъ очеркѣ Тургенева крѣпостное право задѣвается лишь мимоходомъ. Помѣщикъ дозволяетъ Хорю поселиться особнякомъ на болотѣ, обложивъ его оброкомъ въ 50 руб. въ годъ, а когда тотъ разбогатѣлъ, то оброкъ увеличивается вдвое. Но откупаться на свободу Хорь не хочетъ, считая, повидимому, чиновниковъ болѣе опасными для себя, чѣмъ власть помѣщика. Хвала своего помѣщика, очевидно, изъ дипломатіи, Хорь, однакоже, посмѣивается надъ Калинычемъ, что баринъ, гоняя его съ собою на охоту, не даетъ ему не только на сапоги, но и на лапти, и только „въ прошломъ году гривенникъ пожаловалъ“. Очеркъ этотъ очень понравился Бѣлинскому. „Хорь общаетъ въ васъ замѣчательнаго писателя въ будущемъ“, писалъ онъ автору. И позже Бѣлинскій печатно называлъ этотъ очеркъ лучшимъ изъ всѣхъ „Записокъ охотника“. „Хорь и Калинычъ“ вызвалъ въ высшей степени сочувственный отзывъ даже въ „Москвитинѣ“, до тѣхъ поръ относившемся къ Тургеневу за его западничество враждебно. Въ статьѣ „О мнѣніяхъ „Современника“ историческихъ и литературныхъ“, подписанной буквами М... З... К... и принадлежавшей перу Самарина, рассказъ былъ названъ превосходнымъ, и о немъ было сказано: „Вотъ что значитъ прикоснуться къ землѣ и къ народу: вмигъ дается сила! Пока Тургеневъ толковалъ о своихъ скучныхъ любвяхъ да разныхъ апатіяхъ, о своемъ эгоизмѣ, все выходило вяло и безталанно; но онъ прикоснулся къ народу, — прикоснулся къ нему съ участіемъ и сочувствіемъ, и посмотрите, какъ хорошъ его рассказъ! Талантъ, таившійся въ сочинителѣ, скрывавшійся во все время, пока онъ силился увѣрить другихъ и себя въ отвлеченныхъ и потому небывалыхъ состояніяхъ души, — этотъ талантъ вмигъ

обнаружился, и какъ сильно и прекрасно, когда онъ заговорилъ о другомъ! Всѣ отдадутъ ему справедливость, по крайней мѣрѣ, мы спѣшимъ сдѣлать это. Дай Богъ Тургеневу продолжать по этой дорогѣ!“

Гораздо рѣзче, чѣмъ въ „Хорѣ и Калинычѣ“, задѣто крѣпостное право въ слѣдующемъ очеркѣ „Записокъ охотника“ — „Петръ Петровичъ Каратаевъ“. Содержаніе его слѣдующее: одинъ дворянинъ влюбился въ крѣпостную дѣвушку сосѣдней помѣщицы, и она полюбила его. Помѣщица не соглашается продать ее ни за какія деньги и ссылаетъ въ степную деревню; однако герой разсказа уговариваетъ ее бѣжать, несмотря на опасеніе, что за это сошлютъ ея брата. Однако счастье влюбленной парочки продолжается лишь нѣсколько мѣсяцевъ: помѣщица узнаетъ о мѣстопребываніи своей крѣпостной, подаетъ жалобу о прожигательствѣ ея бѣглою дѣвкой у дворянина Каратаева; тотъ тратитъ множество денегъ на задариваніе мѣстной администраціи и входитъ въ долги, но, наконецъ, его возлюбленная рѣшается сама выдать себя, чтобы спасти его отъ окончательнаго разоренія. Каратаевъ спивается, а несчастную дѣвушку, безъ сомнѣнія, замучиваютъ или ссылаютъ: авторъ ничего не говоритъ о ея дальнѣйшей судьбѣ, но весь ужасъ ея положенія и безъ того понятенъ читателю. Очеркъ этотъ также понравился Бѣлинскому: въ обзорѣ русской литературы за 1847 г., напечатанномъ въ „Современникѣ“, онъ говоритъ, что въ немъ „талантъ автора высказался съ такою же полнотою, какъ въ лучшихъ изъ разсказовъ охотника.“

Въ 6-мъ №-ѣ „Современника“ 1847 года появился новый разсказъ Тургенева: „Ермолай и мельничиха“. Помѣщица положила себѣ за правило не держать замужнихъ горничныхъ; она и ея мужъ не отступаютъ отъ этого правила и ради ея любимой горничной, десять лѣтъ вѣрою и правдою ей служившей и умоляющей дозволить ей выйти замужъ за ихъ же лакея, при чѣмъ эта горничная могла бы, слѣдовательно, по прежнему продолжать исполненіе своихъ обязанностей. Любовь беретъ, однако, свое, и тогда въ наказаніе ей остригаютъ косу, одѣваютъ въ затрапезное платье и ссылаютъ въ деревню. Съ негоднаго къ работѣ „лядящаго“ Ермолая, — другой герой этого разсказа, — казалось бы, господамъ взять нечего: ему дозволяется жить, гдѣ онъ хочетъ, съ обязанностью, однако, доставлять на господскую кухню разъ въ мѣсяцъ пары двѣ тетеревей и куропатокъ, при чемъ „пороху и дрови ему... не выдавали, слѣдуя тѣмъ же правиламъ, въ силу которыхъ и онъ не кормилъ своей собаки“. Бѣлинскому очеркъ понравился; но нужно замѣтить, что, вообще, при всемъ сочувствіи его къ Тургеневу, Бѣлинскому не удалось вполне оцѣнить его талантъ; это особенно замѣтно, если сравнить его отзывы о Тургеневѣ съ его же отзывами о Григоровичѣ. „Мнѣ кажется, — писалъ онъ Тургеневу, — у васъ чисто творческаго таланта или нѣтъ, или очень мало, и вашъ талантъ однороденъ съ Далемъ. Это вашъ настоящій родъ. Вотъ хоть бы „Ермолай и мельничиха“: не Богъ знаетъ что — бездѣлка, а хорошо, потому что умно и дѣльно, съ мыслию“. Бѣлинскій горячо

поддерживалъ Тургенева въ новомъ направленіи его дѣятельности: „найти свою дорогу“, — писалъ онъ ему, — узнать свое мѣсто, — въ этомъ все для человѣка, это для него значитъ сдѣлаться самимъ собою“.

Изъ очерка „Льговъ“, напечатаннаго въ той же книжкѣ „Современника“, мы узнаемъ горемычную судьбу одного двороваго. Онъ началъ свою службу барину казачкомъ, потомъ былъ послѣдовательно фореиторомъ, садовникомъ и доѣзжачимъ. Ѣздя съ собаками, онъ упалъ вмѣстѣ съ лошадью: и самъ ушибся и лошадь зашибъ; за это баринъ велѣлъ его выпоротъ и отдать въ ученье въ Москву къ сапожнику, несмотря на то, что ему было тогда болѣе двадцати лѣтъ. Когда старый баринъ скоро умеръ, его вернули въ деревню, и затѣмъ лѣтъ двадцать имъ владѣла дочь этого помѣщика. У нея онъ былъ поваромъ, никогда не учась кулинарному искусству, а затѣмъ кофешенкомъ, т.-е. состоялъ при буфетѣ, при чемъ барыня даже переименовала его изъ Кузьмы въ Антона; исполнялъ онъ и обязанности актеровъ, но за то, что братъ его сбѣжалъ, былъ опять разжалованъ въ повара. Жениться дворовымъ барыня никому не позволяла, говоря: „Вѣдь живу же я такъ въ дѣвкахъ, что за баловство! чего имъ надо!“ Когда эта барыня продала свое имѣніе другому помѣщику, дворовый, о которомъ идетъ рѣчь, продолжалъ исполнять обязанности повара, а при его наслѣдникѣ сдѣланъ былъ кучеромъ. Но тутъ имѣніе было опять продано новой барынѣ, которая нашла, что кучеромъ ему быть неприлично и превратила его въ рыболова, приказавъ сбрить бороду и содержать прудъ въ порядкѣ. Жалованья онъ не получалъ, ему выдавались только харчи, но онъ былъ совершенно доволенъ барскою милостью, особенно сравнивая свою жизнь съ судьбою другого старика, котораго барыня приказала поставить на бумажную фабрику, такъ какъ „грѣшно даромъ хлѣбъ есть“. Тутъ вся исторія жизни дворовыхъ: господа распоряжаются ихъ личностью, какъ имъ придется въ голову, заставляють исполнять самыя разнообразныя обязанности, къ которымъ тѣ вовсе и не подготовлялись, и, между тѣмъ, строго взыскивають не только за ихъ собственные ошибки, но даже и за провинности ихъ родственниковъ, и, въ то же время, вмѣсто всякой награды, отказываютъ имъ въ удовлетвореніи даже такихъ естественныхъ желаній, какъ вступленіе въ бракъ. Это рабы въ полномъ смыслѣ слова, которыхъ господинъ можетъ лишить, по своему капризу, даже имени, даннаго при крещеніи, и замѣнить его другимъ. Этотъ сжатый очеркъ ужасной судьбы дворовыхъ проникнуть не презрѣніемъ къ этимъ несчастнымъ, а самымъ теплымъ сочувствіемъ и состраданіемъ.

Минуя тѣ очерки изъ „Записокъ охотника“, въ которыхъ авторъ не затрагиваетъ крѣпостного права, мы переходимъ къ напечатанному въ 10-мъ № „Современника“ 1847 года разсказу „Бурмистръ“. Въ концѣ его помѣтка: „Зальцбрунненъ въ Силезіи, іюль 1847 года“. Это мѣсто было памятно автору тѣмъ, что въ концѣ мая онъ привезъ сюда больного Бѣлинскаго, котораго, впрочемъ, скоро сдалъ на руки П. В. Анненкова

и который уѣхалъ оттуда 3-го іюля; разсказъ, если не оконченъ, то, по крайней мѣрѣ, начатъ при Бѣлинскомъ, и, по всей вѣроятности, не случайность, въ виду особенно живого интереса въ это время Бѣлинскаго къ крестьянскому вопросу, что очеркъ этотъ изъ „Записокъ охотника“ рѣзко задѣваетъ крѣпостное право и чрезвычайно живо рисуетъ выросшихъ на его почвѣ звѣрей-помѣщиковъ и звѣрей кулаковъ изъ тѣхъ же крѣпостныхъ. Какъ хорошъ, напр., помѣщикъ Пѣночкинъ:

„Аркадій Павлычъ, говоря собственно его словами; строго, но справедливъ, о благѣ подданныхъ своихъ печется и наказываетъ ихъ для ихъ же блага. „Съ ними надобно обращаться, какъ съ дѣтьми! — говоритъ онъ въ такомъ случаѣ. — Невѣжество, *mon cher; il faut prendre cela en considération*“. Самъ же, въ случаѣ такъ называемой печальной необходимости, рѣзкихъ и порывистыхъ движеній избѣгаетъ и голоса возвышать не любитъ, но болѣе тычетъ рукою прямо, спокойно приговаривая: „вѣдь я тебя просилъ, любезный мой“, или: „что съ тобою, другъ мой, опомнись“, при чемъ только слегка стискиваетъ зубы и кривитъ ротъ... Дворовые люди Аркадія Павлыча посматриваютъ, правда, что-то исподлбья, но у насъ на Руси угрюмага отъ заспаннаго не отличишь“.

Примѣненіе на дѣлѣ административныхъ принциповъ г. Пѣночкина прекрасно рисуется въ слѣдующей сценѣ:

„— Отчего вино не нагрѣто? — спросилъ онъ довольно рѣзкимъ голосомъ одного изъ камердинеровъ.

„Камердинеръ смѣшался, остановился, какъ вкопанный, и поблѣднѣлъ.

„— Вѣдь, я тебя спрашиваю, любезный мой? — спокойно продолжалъ Аркадій Павлычъ, не спуская съ него глазъ.

„Несчастный камердинеръ помялся на мѣстѣ, покрутилъ салфеткой и не сказалъ ни слова. Аркадій Павлычъ потушилъ голову и задумчиво посмотрѣлъ на него исподлбья.

„— *Rardon, mon cher*, — промолвилъ онъ съ пріятной улыбкой, дружески коснувшись рукою до моего колѣна, и снова уставился на камердинера. — Ну, ступай, — прибавилъ онъ послѣ небольшого молчанія, поднявъ брови, и позвонилъ.

„Вошелъ человекъ толстый, смуглый, черноволосый, съ низкимъ лбомъ и совершенно заплавленными глазами.

„— Насчетъ Ѳедора... распорядиться, — проговорилъ Аркадій Павлычъ вполголоса и съ совершеннымъ самообладаніемъ“.

Если бы за подлинность подобныхъ типовъ не была достаточною порукой художественная правда произведеній Тургенева, то мы могли бы еще указать читателямъ на изображеніе подобной же личности въ мемуарахъ сельскаго священника, напечатанныхъ въ „Русской Старинѣ“. Оригиналъ этого послѣдняго, г. Б., съ такимъ же спокойствіемъ истязалъ своихъ крѣпостныхъ и, между прочимъ, своихъ собственныхъ актеровъ и актрисъ.

Если дворовые г. Пѣночкина страдали отъ его тяжелой руки, то крестьяне одного изъ его имѣнй, платившеіе при маломъ количествѣ земли такой оброкъ, что самъ господинъ удивлялся, какъ они сводятъ концы съ концами, были отданы на жертву бурмистру, столь же самовластно распоряжающемуся съ крестьянами, какъ управляющій въ повѣсти Григоровича „Антонъ Горемыка“, напечатанной позже мѣсяцемъ въ томъ же „Современникѣ“. Крестьянинъ жалуется, что невзлюбившій его за то, что онъ повздорилъ съ нимъ на сходѣ, бурмистръ въ конецъ разорилъ его: отдалъ безъ очереди въ рекруты двухъ сыновей, — отнимаетъ и третьяго; онъ же свелъ со двора послѣднюю корову; взнеся за него однажды недоимку, бурмистръ уже пятый годъ держитъ его въ кабалѣ. Ужасно было положеніе и другихъ: по разсказу посторонняго мужика бурмистръ ими, „какъ своимъ добромъ владѣть“. Крестьяне ему кругомъ должны; работаютъ на него, словно батраки.

Въ напечатанномъ одновременно съ „Бурмистромъ“ очеркѣ „Контора“ авторъ изображаетъ представителей крѣпостной бюрократіи; главный конторщикъ также имѣетъ нѣкоторое сходство съ управителемъ въ повѣсти „Антонъ Горемыка“: какъ тотъ беретъ взятки съ мельника, такъ этотъ корыстуетъ отъ купца при продажѣ ему барскаго хлѣба и отъ крѣпостныхъ крестьянъ-плотниковъ, чтобы ихъ безъ толку не требовали на работу; есть и новыя черты; такъ, по его интригамъ барыня ссылаетъ дѣвушку, не поддающуюся его ухаживаніямъ. Не сразу, впрочемъ, онъ добился такой власти: было время, что и онъ находился въ опалѣ и пожилъ въ мужицкой избѣ.

Въ февральской книжкѣ „Современника“ 1848 года было сразу напечатано шесть очерковъ изъ „Записокъ охотника“; изъ нихъ только въ одномъ „Малиновая вода“, было задѣто, и то слегка, крѣпостное право. Тутъ фигурируетъ, съ одной стороны, вольноотпущенный, бывшій дворецкій одного графа, восхваляющій барина, съ другой стороны — крестьянинъ, только что потерявшій сына-работника и просившій барина уменьшить съ него оброкъ (95 руб. съ тягла). И, получивъ отказъ, крестьянинъ не унываетъ: „Мнѣ съ полагоря, взять-то съ меня нечего... безотвѣтная моя голова“. Этотъ очеркъ „не очень понравился“ Бѣлинскому, да и вообще эти шесть разсказовъ, въ которыхъ авторъ, за исключеніемъ одного, совершенно игнорируетъ крѣпостное право, показались Бѣлинскому, по его словамъ въ письмѣ къ П. В. Анненкову, „слабѣе прежнихъ“.

Въ напечатанномъ уже по смерти Бѣлинскаго („Современникъ“ 1894 г., № 2) очеркѣ изъ „Записокъ охотника“ — „Чертопхановъ и Недолюскинъ“ авторъ только вскользь задѣваетъ въ одномъ мѣстѣ крѣпостничество въ характеристикѣ Чертопханова отца, который въ числѣ другихъ своихъ чудачествъ, велѣлъ однажды перепоротъ всѣхъ старыхъ бабъ на деревнѣ, сочтя ихъ виновными въ колдовствѣ, когда три раза сряду обрушивался куполь воздвигаемой имъ церкви. Онъ же „вычиталъ однажды въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ статейку харьковскаго

помѣщика Хряка-Хруперскаго о пользѣ нравственности въ крестьянскомъ быту, и на другой же день отдалъ приказъ всѣмъ крестьянамъ немедленно выучить статью харьковскаго помѣщика наизусть... Около того же времени повелѣлъ онъ всѣхъ подданныхъ своихъ для порядка и хозяйственнаго расчета перенумеровать и каждому на воротникѣ нашить его нумеръ. При встрѣчѣ съ бариномъ всякъ, бывало, такъ ужъ и кричитъ: такой-то нумеръ идетъ! а баринъ отвѣчаетъ ласково: ступай себѣ съ Богомъ!

Безъ сомнѣнія, не малый матеріалъ для бичеванія съ разныхъ сторонъ крѣпостного права доставило Тургеневу жестокое отношеніе его родителей къ своимъ крѣпостнымъ. Въ концѣ эти крѣпостные вздохнули свободнѣе: мать Тургенева, наконецъ, умерла, а Иванъ Сергѣевичъ, вернувшись изъ-за границы въ доставшееся ему вмѣстѣ съ старшимъ братомъ Николаемъ родовое имѣніе, немедленно отпустилъ всѣхъ своихъ дворовыхъ на волю и перевелъ на оброкъ пожелавшихъ этого крестьянъ. Но, все-таки, его крестьяне тогда не были освобождены изъ крѣпостного состоянія, какъ то можно было ожидать отъ человѣка, давашаго „аннибаловскую клятву“ противъ крѣпостного права; быть можетъ, Тургеневъ предполагалъ, что безъ его защиты они сдѣлаются добычею алчности мѣстной администраціи: не даромъ эту мысль онъ влагаетъ въ уста одного изъ героевъ его разсказа „Хорь и Калинычъ“, но возможно и то, что, желая поскорѣе вновь уѣхать за границу, онъ пугался тѣхъ ужасныхъ проволочекъ, съ которыми совершалось освобожденіе крестьянъ цѣлыми вотчинами, т.-е. переходъ ихъ въ свободные хлѣбопашцы.

Въ началѣ 1852 г. Тургеневъ собралъ отдѣльные очерки изъ „Записокъ охотника“ и издалъ ихъ въ Москвѣ въ двухъ частяхъ. Это изданіе, имѣвшее значительный успѣхъ, возбудило противъ автора сильное неудовольствіе въ официалномъ мірѣ. Московскій цензоръ кн. Львовъ былъ временно отставленъ отъ должности за то, что пропустилъ отдѣльное изданіе „Записокъ охотника“; поднимался даже вопросъ о конфискаціи книги. Къ этому присоединилось, въ видѣ отягчающаго обстоятельства, продолжительное пребываніе Тургенева за границей, особенно въ Парижѣ, а именно въ 1848 г., а также и его близкія отношенія къ лицамъ, которыя уже давно были „на дурномъ счету“. Поводомъ къ административной карѣ, какъ извѣстно, послужило напечатанное имъ въ мартѣ 1852 г. въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ письмо по поводу смерти Гоголя; но Тургеневъ самъ говоритъ, что наказаніе постигло, „въ сущности, за „Записки охотника“. Иванъ Сергѣевичъ былъ отправленъ на мѣсяць „на съѣзжую“, но, благодаря почитательницамъ его таланта, дочерямъ частнаго пристава, онъ провелъ большую часть этого времени въ квартирѣ ихъ отца, гдѣ готовилъ новый ударъ крѣпостному праву, написавъ здѣсь разсказъ „Муму“, а затѣмъ былъ высланъ административнымъ порядкомъ на жительство въ свою деревню. Ссылка продолжалась до 1854 г. и, благодаря ей, безъ сомнѣнія, разсказъ, написанный

Тургеневымъ подъ арестомъ, былъ напечатанъ только въ 1854 г. („Современникъ“, № 3). Эта трогательная исторія производитъ особенно сильное впечатлѣніе потому, что наглядно показываетъ, до какой ненужной жестокости доходили душевладѣльцы относительно своихъ крѣпостныхъ: капризная барыня лишаетъ своего лучшаго работника, глухонѣмого, его собачки, оставшейся для него единственнымъ утѣшеніемъ въ его печальной жизни послѣ того, какъ барыня выдала замужъ и отослала въ деревню дворовую дѣвушку, къ которой онъ былъ расположенъ. Замѣтимъ еще, что, какъ оказывается изъ посмертныхъ воспоминаній о Тургеневѣ, этотъ превосходный рассказъ былъ воспроизведеніемъ факта, случившагося въ семьѣ Ивана Сергѣевича: жестокая барыня, велѣвшая утопить собачку Муму, была мать автора; и глухонѣмой крестьянинъ Терасимъ дѣйствительно существовалъ.

Въ томъ же 1852 году былъ написанъ не менѣе сильный рассказъ „Постоялый дворъ“. Тутъ мы видимъ, какъ помѣщица, дозволивъ своему крѣпостному, аккуратно платившему ей весьма значительный оброкъ, купить на ея имя полдесятины земли для заведенія постоялаго двора, потомъ продаетъ этотъ дворъ, какъ свою собственность, другому, при чемъ покупателемъ является любовникъ жены прежняго хозяина, бывшей горничной той же госпожи, и покупка совершается на деньги, похищенные этою женщиною у своего мужа. Послѣ попытки поджечь такъ нагло отнятое у него жилище, этотъ несчастный человѣкъ дѣлается странствующимъ богомольцемъ, христіанское незлобіе котораго такъ велико, что онъ никогда не забываетъ даже принести разорившей его барынѣ „просфѣру съ вынутымъ задравнымъ“. Этотъ прелестный рассказъ, едва ли не лучший изъ всего написаннаго Тургеневымъ о крѣпостномъ правѣ, появился въ печати, вѣроятно, по цензурнымъ причинамъ, лишь черезъ три года послѣ того, какъ онъ былъ написанъ, уже въ новое царствованіе („Современникъ“ 1855 г., № 11). Выставленный въ немъ фактъ злоупотребленія крѣпостнымъ правомъ, — нужно замѣтить, вовсе не составлявшій чего-нибудь неслыханнаго въ то время, — былъ, тѣмъ не менѣе, такимъ вопіющимъ нарушеніемъ справедливости, что предложеніе разорить одного изъ ея лучшихъ крестьянъ ужаснуло въ первую минуту даже барыню (по натурѣ вовсе не злую), когда она услышала о томъ отъ своей экономки, но жадность къ деньгамъ и сознаніе полной безнаказанности этого наглаго грабежа среди бѣлаго дня одержали верхъ надъ всякими сомнѣніями. А грабежъ былъ, дѣйствительно, совершенно безнаказанный: по закону 1848 г. крѣпостнымъ людямъ не дозволялось возбуждать какіе бы то ни было споры объ имуществѣ, приобрѣтенномъ ими до того времени на имя помѣщика.

Такимъ образомъ въ своихъ рассказахъ изъ народнаго быта, написанныхъ съ 1846 по 1852 г., Тургеневъ затронулъ главнѣйшія стороны быта крѣпостныхъ: тяжесть повинностей, иногда при недостаточномъ количествѣ земли, зависимость отъ барской воли даже въ дѣлѣ женитьбы и лишеніе иной разъ права на нее въ теченіе

всей жизни, тѣлесныя наказанія, горемычная доля двороваго, злоупотребленія сельскихъ начальниковъ и управителей, барскія чудачества и самодурство, наконецъ, непризнание за крѣпостнымъ права собственности на имущество, нажитое его личнымъ трудомъ, — все это отражается въ живыхъ, талантливыхъ очеркахъ. Конечно, дѣйствительность могла бы подсказать въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ еще болѣе ужасныя картины, чѣмъ тѣ, какія мы находимъ у Тургенева, но, во-первыхъ, и безъ того совокупность очерковъ, посвященныхъ имъ крѣпостному праву, производитъ на читателя самое сильное впечатлѣніе, а во-вторыхъ, мы должны помнить, что художникъ не могъ съ полною свободою рисовать все то, что онъ наблюдалъ при созданіи своихъ произведеній. Однакоже, и въ томъ видѣ, какъ онѣ были написаны или, по крайней мѣрѣ, появились въ свѣтъ, „Запискамъ охотника“ суждено было не только имѣть огромное гуманизирующее вліяніе на все русское общество, но сыграть даже еще болѣе важную роль въ исторіи крестьянскаго вопроса: по собственному свидѣтельству Тургенева, императоръ Александръ II самъ сказалъ ему, что „съ тѣхъ поръ, какъ онъ прочелъ „Записки охотника“, его ни на минуту не оставляла мысль о необходимости освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости“. Фактъ этотъ тѣмъ болѣе для насъ важенъ, что ранѣе того, въ мартѣ 1849 года, въ секретномъ комитетѣ, учрежденномъ подъ его предсѣдательствомъ для обсужденія закона (8 ноября 1847 г.) о правѣ крестьянъ выкупаться на свободу при продажѣ имѣній съ аукціона, наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ (такъ же какъ и принцъ Ольденбургскій), вопреки мнѣнію Киселева, Блудова и Вронченка, подалъ голоса за отміну этого закона вмѣстѣ съ крѣпостниками кн. Чернышевымъ, гр. Орловымъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ Перовскимъ.

Семевскій.

И. С. Тургеневъ и крестьянскій вопросъ.

И. С. Тургеневъ принадлежалъ къ тѣмъ избранникамъ, которые, по его же словамъ, „говоря намъ о добротѣ и нравственности, о чловѣческомъ достоинствѣ и чести, собственно жизнью подтверждали истину своихъ словъ“¹⁾. Эта гармонія между проповѣдью и дѣломъ, чувствомъ и его проявленіемъ съ особенной яркостью выступаетъ у Тургенева въ его отношеніяхъ къ крестьянскому вопросу, къ мужику-земледѣльцу.

Еще до первой своей поѣздки за границу (1838 г.) Иванъ Сергѣевичъ вдоволь насмотрѣлся на крутые и жестокіе порядки, царившіе въ имѣніяхъ его матери. Уже тогда, по его признанію, сложилась у него ненависть къ крѣпостному праву. „Она, — писалъ онъ, — между прочимъ была причиной тому, что я, возросшій среди побоевъ и истя-

¹⁾ Отзывъ Тургенева о Грановскомъ.

заній, не осквернилъ руки своей ни однимъ ударомъ, — но до „Записокъ охотника“ было далеко. Я былъ просто мальчикъ — чуть не дитя¹⁾). Несмотря, однако, на молодость и беспомощность передъ неукротимымъ самовластіемъ своей матери, Варвары Петровны, которую онъ, къ тому же, любилъ еще непоколебленной дѣтскою любовью, Иванъ Сергѣевичъ однимъ своимъ присутвіемъ дѣйствовалъ на деспотизмъ помѣщицы смягчающимъ образомъ. Очевидецъ рассказываетъ, какъ „доброта его (Тургенева) иногда и безъ всякой борьбы подчиняла волю даже и Варвары Петровны. При немъ она была совсѣмъ иная, и потому въ его присутвіи все отдыхало, все жило. Его рѣдкихъ посѣщеній ждали, какъ блага. При немъ мать не только не измышляла какой-нибудь вины за кѣмъ-либо, но даже и къ настоящей винѣ относилась снисходительнѣе; она добродушествовала какъ бы ради того, чтобы замѣтить выраженіе удовольствія на лицѣ сына“.

Какъ и когда впервые зародилась у Тургенева мысль о несправедливости окружающихъ порядковъ, мы можемъ судить по разсказу его „Пунинъ и Бабуринъ“, полному автобіографическихъ подробностей. Сцена прощанія двѣнадцатилѣтняго мальчика съ изгоняемыми „филантропами изъ разночинцевъ“, очевидно, имѣла мѣсто въ дѣйствительности: „Уже сидя въ тарантасѣ, Бабуринъ обратился, наконецъ, ко мнѣ и, нѣсколько смягчивъ обычную строгость своего лица, промолвилъ: „Урокъ вамъ, молодой господинъ: помните нынѣшнее происшествіе и, когда выростете, постарайтесь прекратить таковыя несправедливости. Сердце у васъ доброе, характеръ пока еще неиспорченный... Смотрите, берегитесь: этакъ вѣдь нельзя!“ Сквозь слезы, обильно струившіяся по моему носу, по губамъ, по подбородку, я пролепеталъ, что буду... буду помнить, что общаюсь... сдѣлаю... непременно... непременно“...

За время своего берлинскаго студенчества (1838—1840) Иванъ Сергѣевичъ осмыслилъ свою вражду къ крѣпостному праву, внесъ въ нее элементъ сознательности. Но значеніе этого факта не слѣдуетъ, однако, преувеличивать. Крестьянскій вопросъ въ Пруссіи въ то время далеко еще не былъ разрѣшенъ мало-мальски удовлетворительно: вотчинная юстиція и полиція помѣщиковъ оставались неприкосновенными, о какихъ-либо выкупныхъ учрежденіяхъ не было и рѣчи; обезземленіе крестьянъ шло ускореннымъ ходомъ. Да и вообще всѣми этими вопросами нѣмецкіе образованные кружки почти не интересовались. Берлинскій университетъ конца тридцатыхъ годовъ стоялъ слишкомъ далеко отъ политической жизни, а если иногда и затрогивалъ ее, то обыкновенно не сходя съ почвы строгаго консерватизма. Ивану Сергѣевичу приходилось поэтому касаться крестьянскаго вопроса лишь въ бесѣдахъ со своими соотечественниками — Невѣровымъ, Станкевичемъ и Грановскимъ, да и то рѣдко. Не даромъ одинъ изъ его товарищей по берлинскому университету, баронъ І. Ф., писалъ позже: „Я не слыхалъ, чтобы онъ (Тургеневъ) когда-либо высказывалъ (въ то

1) Первое собраніе писемъ, стран. 233.

время) горячія надежды или желанія по поводу отмѣны крѣпостного права, какъ многіе нынѣ утверждаютъ¹⁾. Несомнѣнно, однако, что изъ Берлина Иванъ Сергѣевичъ вернулся сознательнымъ противникомъ крестьянской неволи, и до „Записокъ охотника“ уже было недалеко.

Годы (1841—1846), проведенные Тургеневымъ на родинѣ до второй его поѣздки за границу, были временемъ наибольшаго интереса правительства Николая I къ судьбѣ земледѣльческаго населенія, были періодомъ „секретныхъ комитетовъ“, обсуждавшихъ положеніе крѣпостныхъ. Изъ шести комитетовъ Николаевскаго царствованія на эти годы пришлось четыре, изъ которыхъ первый и послѣдній (второй и пятый по общему счету) подняли вопросъ о крѣпостномъ правѣ во всемъ его объемѣ. За это время былъ изданъ и рядъ указовъ, смягчавшихъ участь владѣльческихъ крестьянъ: въ 1841 г. воспрещено продавать крѣпостныхъ людей отдѣльно отъ семействъ, а въ 1843 г. — безъ земли. Въ 1842 г. (2 апрѣля) обнародованъ былъ указъ объ „обязанныхъ крестьянахъ“; въ 1844 г. — указъ, облегчавшій отпускъ на волю дворовыхъ. Всѣ эти мѣропріятія, особенно законъ 2 апрѣля 1842 г., волновали не одинъ помѣщичій классъ и обсуждались, хотя и осторожно, въ кружкѣ Бѣлинскаго, члены котораго были, къ тому же, хорошо освѣдомлены о планахъ и толкахъ правительственныхъ лицъ по крестьянскому вопросу, что видно, напримѣръ, изъ декабрьскаго письма Бѣлинскаго къ Анненкову, 1847 г.²⁾ Тургеневъ, разумѣется, не былъ въ сторонѣ отъ подобныхъ дружескихъ бесѣдъ, тѣмъ болѣе, что еще въ концѣ 1842 года, при опредѣленіи своемъ на службу въ особенную канцелярію министра внутреннихъ дѣлъ, подалъ записку на девятнадцать страницахъ, подъ названіемъ: „Нѣсколько замѣчаній о русскомъ хозяйствѣ и о русскомъ крестьянинѣ“³⁾.

Если до поѣздки своей въ Берлинъ Иванъ Сергѣевичъ относился къ фактамъ крѣпостного права пассивно, хотя тогда еще питалъ къ нимъ враждебность, то, по возвращеніи на родину, онъ выступилъ противъ нихъ уже въ качествѣ активнаго борца. Борьба эта продолжалась вплоть до 1861 года, но въ ней необходимо различать два періода: первый — до смерти матери (1850 г.) и второй — до манифеста 19-го февраля; послѣдній — съ значительно лучшими результатами. Въ первый періодъ, онъ, какъ писатель, напалъ на крѣпостное право „Записками охотника“, а какъ помѣщикъ всякими способами старался сдерживать жестокой деспотизмъ своей матери. Столкновенія съ Варварой Петровной повели лишь къ разрыву между ними. Иванъ Сергѣевичъ не имѣлъ юридическаго права распоряжаться судьбою Тургеневскихъ крестьянъ, такъ какъ помѣстья принадлежали Варварѣ Петровнѣ и перешли къ ней отъ Лутовиновыхъ. „Отецъ мой былъ человекъ бѣдный, — писалъ впоследствии Иванъ Сергѣевичъ, — онъ оставилъ всего 130 душъ, раз-

1) „Русская Старина“, 1884, кн. 5, стран. 393.

2) „Анненковъ и его друзья“, 599 и слѣд.

3) Записку эту видѣлъ П. И. Бартевель у С. В. Лазаревскаго. Къ сожалѣнію, содержаніе ея остается неизвѣстнымъ. См. „Русскій Архивъ“, 1894, II, 547.

строенныхъ и не дававшихъ дохода, а насъ было трое братьевъ. Имѣніе моего отца слилось съ имѣніями моеѣ матери, женщины своейвольной и властолюбивой, которая одна давала намъ — а иногда и отнимала у насъ — средства къ жизни. Ни ей ни намъ въ голову не приходило, что это ничтожное имѣніе (я говорю про отцовское) — не ея. Я прожилъ три года (1847—1850) за границей, не получая отъ нея ни копейки, — и все-таки не подумалъ потребовать свое наслѣдство; впрочемъ, это наслѣдство — за выдѣломъ того, что слѣдовало моеѣ матери, какъ вдовѣ, и того, что приходилось на долю братьямъ, — немногимъ бы превысило нуль¹⁾.

Гораздо успѣшнѣе была борьба Тургенева съ крѣпостными порядками на почвѣ литературной. „Записки охотника“ особенно тѣ изъ нихъ, которыя были написаны въ 1847 г., не прошли незамѣченными для публики. Однако, желаемое впечатлѣніе эти рассказы произвели только тогда, когда они были изданы отдѣльной книгой; т.-е., въ сущности, настоящій успѣхъ и литературнаго протеста Тургенева надо искать во второй изъ указанныхъ періодовъ активной борьбы его съ главнымъ „врагомъ“ своимъ. Впечатлѣніе, произведенное „Записками охотника“ на всѣ слои образованнаго общества, было значительно, хотя изданіе и раскупалось довольно медленно; графиня Растопчина сказала Чаадаеву: „Voilà un livre incendiaire“. П. В. Анненковъ сообщаетъ, что онъ зналъ „вельможу очень образованнаго и гуманнаго, не мало способствовавшаго и облегченію узъ нашей печати, который до конца своей жизни думалъ, что успѣхомъ своей книги Тургеневъ обязанъ французской манерѣ возбужденія одного сословія противъ другого“²⁾. И. С. Аксаковъ писалъ въ октябрѣ 1852 г. Ивану Сергѣевичу: „Я самъ перечитываю теперь „Записки охотника“ (въ отдѣльномъ изданіи), и не понимаю, какимъ образомъ Львовъ рѣшился пропустить ихъ. Это стройный рядъ нападеній, цѣлый батальный огонь противъ помѣщичьяго быта“. Отставка цензора Львова, послѣдовавшая вскорѣ послѣ выхода отдѣльнымъ изданіемъ „Записокъ охотника“, долгое время объяснялась, несмотря на опроверженія, его снисходительностью къ книгѣ Тургенева³⁾. Многіе до сихъ поръ думаютъ, будто отдѣльное изданіе „Записокъ охотника“⁴⁾ было даже главной причиной ареста и ссылки Ивана Сергѣевича. Дѣло въ дѣйствительности обстояло иначе. Тургеневъ былъ посаженъ подъ арестъ 16 апрѣля 1852 г., а 6-го іюня онъ писалъ Аксакову уже изъ мѣста ссылки: „Мои „Записки охотника“ совсѣмъ готовы, и билетъ на ихъ выпускъ выданъ; однако, мы съ Кетчеромъ рѣшились подождать“⁴⁾ (изданіе было подарено авторомъ нуждавшемуся тогда Кетчеру). Эти строки ясно показываютъ, что ни отдѣльное изданіе ни первое появленіе рассказовъ

1) Первое собр. пис., 233—234.

2) „Вѣстникъ Европы“, 1884, кн. 2, стран. 465.

3) См. въ „Русскомъ Архивѣ“ 1879 (№ 11, стран. 339) письмо Хомякова къ Ю. Самарину отъ 1 сентября 1852 г.

4) „Вѣстникъ Европы“, 1894, янв., стран. 334.

на протяженіи трехъ лѣтъ не могли вызвать ареста и ссылки Тургенева. Настоящая причина указана самимъ Иваномъ Сергѣевичемъ въ его воспоминаніяхъ о Гоголѣ.

Благотворное вліяніе „Записокъ охотника“ на императора Александра II надо считать несомнѣннымъ, но и здѣсь фактъ передается обыкновенно не совсѣмъ правильно. Съ легкой руки коротенькой выписки „Историческаго Вѣстника“ (1883, № 11, стран. 457) изъ „Холмско-Варшавскаго Епархіальнаго Листка“ Тургеневу приписываютъ слѣдующее свидѣтельство: будто императоръ лично сказалъ Ивану Сергѣевичу, что „съ тѣхъ поръ, какъ онъ, государь, прочелъ „Записки охотника“, его ни на минуту не оставляла мысль о необходимости освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости“. Выписанное мѣсто не вызвало сомнѣній даже у специалиста по исторіи крестьянскаго вопроса, В. И. Семевскаго. Но здѣсь мы имѣемъ дѣло просто съ неправильной передачей словъ Тургенева. Гонкуръ въ своемъ дневникѣ подь 2 марта 1872 г. записалъ это свидѣтельство Ивана Сергѣевича въ иной, уже, конечно, болѣе правильной редакціи: „Императоръ Александръ *велъ сказать мнѣ*, что моя книга была *однимъ изъ главныхъ* двигателей его рѣшенія“ („L'Empereur Alexandre m'a fait dire que la lecture de mon livre a été un des grands motifs de sa détermination“¹⁾).

Послѣ выхода отдѣльнаго изданія „Записокъ охотника“ появились рассказы: „Муму“, „Постоялый дворъ“ и „Собственная господская контора“, еще сильнѣе нападавшіе на помѣщичій бытъ. Но эти очерки имѣли менѣе распространенія въ публикѣ, а потому и дѣйствіе ихъ не могло сравниться со впечатлѣніемъ отъ „Записокъ охотника“, которыя въ 1859 г. вышли вторымъ (отдѣльнымъ) изданіемъ, а въ 1860 г. — третьимъ (въ собраніи сочиненій).

Насколько успѣшна была борьба съ крѣпостнымъ правомъ въ области художественнаго творчества за десятилѣтіе, предшествовавшее крестьянской реформѣ, настолько же плодотворна она была для Тургенева и на чисто-практической почвѣ. Въ 1850 г. умерла его мать, и Иванъ Сергѣевичъ сдѣлался полновластнымъ хозяиномъ значительныхъ земель, доставившихся ему послѣ Варвары Петровны и послѣ раздѣла съ братомъ. „Безъ сомнѣнія, — пишетъ В. И. Семевскій, — немалый матеріалъ для бичеванія съ разныхъ сторонъ крѣпостного права доставило Тургеневу жестокое отношеніе его родителей къ своимъ крѣпостнымъ. Въ концѣ 1850 г. эти крѣпостные вздохнули свободнѣе: мать Тургенева, наконецъ, умерла, и Иванъ Сергѣевичъ, вернувшись изъ-за границы въ доставшееся ему вмѣстѣ со старшимъ братомъ Николаемъ родовое имѣніе, немедленно спустилъ всѣхъ своихъ дворовыхъ на волю и перевелъ на оброкъ пожелавшихъ этого крестьянъ. Но все-таки его крестьяне тогда не были освобождены изъ крѣпостного состоянія, какъ то можно было ожидать отъ человѣка, даваго „аннибаловскую клятву“ противъ крѣпостного права; быть можетъ,

¹⁾ „Journal des Goncourt“, V, 24.

Тургеневъ предполагалъ, что безъ его защиты они сдѣлаются добычею алчности мѣстной администраціи: не даромъ эту мысль онъ влагаеть въ уста одного изъ героевъ его разсказа „Хорь и Калинычъ“; но возможно и то, что, желая поскорѣе вновь уѣхать за границу, онъ пугался тѣхъ ужасныхъ проволочекъ, съ которыми совершалось освобожденіе крестьянъ цѣлыми вотчинами, т.-е. переходъ ихъ въ свободные хлѣбопашцы“¹⁾. Второе предположеніе В. И. Семевскаго мы должны отвергнуть на основаніи письма Тургенева къ П. Віардо отъ 1 (13) мая 1852 г. Сообщая ей о своемъ арестѣ и высылкѣ въ деревню, Иванъ Сергѣевичъ писалъ, что теперь ему „надо окончательно проститься со всякой надеждой поѣхать за границу. Впрочемъ, — продолжаетъ онъ, — я никогда не обманывалъ себя на этотъ счетъ: оставляя васъ, я хорошо зналъ, что расстаюсь надолго, если не навсегда“. Первое же дѣйствительно вѣрное предположеніе В. И. Семевскаго можно подтвердить и другими фактами. Тургеневу былъ, напримѣръ, извѣстенъ результатъ освобожденія крестьянъ села Бѣломута Н. П. Огаревымъ. Отпустивъ въ сороковыхъ годахъ своихъ крѣпостныхъ на волю, поэтъ-эмигрантъ поставилъ ихъ въ худшее положеніе, чѣмъ они были до того²⁾. По справедливому замѣчанію профессора Градовскаго, въ то до-реферменное время благополучіе государственныхъ крестьянъ было ничтожно по сравненію съ участіемъ большинства крѣпостныхъ³⁾, и послѣдніе, выигрывая при оставленіи помѣщика зауряднаго, теряли, выходя изъ подъ власти образованнаго и сердечнаго. „Аннибаловская клятва“ поэтому могла заставить освободить своихъ крестьянъ при убѣжденіи въ безрезультатности этой мѣры въ то время развѣ только формалиста или челоуѣка, трусливо пасующаго передъ недоброжелательной вличкой. Къ счастью, Тургеневъ заботился болѣе о своихъ крѣпостныхъ, чѣмъ о пріобрѣтеніи популярности, и его крестьянамъ жилось поэтому лучше, чѣмъ освобожденнымъ по закону 1803 или 1842 гг. Даже враждебно настроенный противъ Ивана Сергѣевича его бывшій дворовый Ѳ. Б—нъ, въ своихъ воспоминаніяхъ о немъ, помѣщенныхъ въ журналѣ Каткова, такъ свидѣтельствуетъ объ отношеніи крѣпостныхъ къ Тургеневу: „Крестьяне называли его „хорошимъ баринѡмъ“, „добрымъ баринѡмъ“, „батюшкой“, выражаясь иногда: „Гуторятъ люди, что нашъ-то слѣпой (Иванъ Сергѣевичъ не разставался съ рипсе-нез) пріѣхалъ и ужъ ушелъ съ Дьянкой на позаранкѣ“... „Что, вы довольны моимъ управляющимъ?“ обыкновенно спрашивалъ Иванъ Сергѣевичъ своихъ крестьянъ, когда пріѣзжалъ въ Спасское и созывалъ „сходку“, „миръ“ крестьянъ. „Очень довольны, батюшка ты нашъ, Иванъ Сергѣевичъ“, отвѣчали каждый разъ мужики... „Вонъ, нашъ батюшка, слѣпой-то, съ ружьемъ и съ Дьянкой по нашему овсу зашагалъ!... Знать въ Пришній ай на Сѣчки за зайцами тянетъ“. — „Чаво въ Пришній, ихъ и

¹⁾ „Крестьянскій вопросъ въ Россіи“, II, 292—293.

²⁾ См. „Анненковъ и его друзья“, стран. 114—115 и „Крестьянскій вопросъ“ Семевскаго, II, 227—231.

³⁾ „Русское государственное право“, I, 253—254.

по овсу не мало, только стрѣлай!“ замѣчалъ другой¹⁾). А В. П. Боткинъ любилъ разсказывать про него слѣдующій характерный анекдотъ: „Ѣдетъ онъ (Тургеневъ), однажды, въ *своемъ* экипажѣ, на *своихъ* лошадяхъ изъ Спасскаго къ сосѣду и спѣшить. На козлахъ у него сидитъ *свой* кучеръ и *свой* лакей, крѣпостные. Ъхали, ѣхали, долго ли, коротко ли, вдругъ перестали „спѣшить“, — стали. Иванъ Сергѣевичъ думаетъ — нужно оправить сбрую: нѣтъ, никто не слѣзаетъ къ лошадямъ, или тамъ по надобности. Подождалъ онъ, подождалъ, смотритъ — играютъ въ карты, да!... кучеръ и лакей играютъ въ карты... Что же онъ? Прикрикнулъ? Или хоть сказалъ что-нибудь? — Нѣтъ, онъ забился въ уголокъ коляски и сидитъ, молчитъ. А тѣ играютъ. Когда кончили, тогда и поѣхали. Правда, Иванъ Сергѣевичъ? — заключилъ Боткинъ, развеселивъ къ концу своего разсказа. — Пошелъ наговоры плести! — защищался Тургеневъ, — самъ выдумалъ, теперь и радъ. — Нѣтъ, ты, ты самъ, не мнѣ одному, признавался! — опять закипалъ Боткинъ, напирая на каждое слово и каждое слово подчеркивая взмахомъ пера²⁾“).

Что же касается враговъ великаго писателя, то мало ли чего не говорили они при жизни Ивана Сергѣевича, пока даже крупные факты его біографіи были извѣстны очень немногимъ. Разсказывали, напримѣръ, что онъ не исполнилъ духовнаго завѣщанія своей матери, по которому всѣ крестьяне, будто бы, отпускались на волю; что онъ одно время держалъ у себя насильно крѣпостную любовницу, въ чемъ г-жа Бичеръ-Стоу публично его изобличила, и т. д. Послѣднюю сплетню Иванъ Сергѣевичъ вложилъ даже въ уста Суханчиковой („Дымъ“): „Я про Тентелеева (Тургенева) еще лучше анекдотъ знаю. Онъ, какъ всѣмъ извѣстно, былъ ужаснѣйшій тиранъ со своими людьми, хотя тоже выдавалъ себя за эманципатора. Вотъ онъ разъ въ Парижѣ сидитъ у знакомыхъ, и вдругъ входитъ мадамъ Бичеръ-Стоу, — ну, вы знаете, „Хижина дяди Тома“. Тентелеевъ человекъ ужасно чванливый, сталъ просить хозяина представить его; но та, какъ только услышала его фамилію: „Какъ?“ — говоритъ — „смѣтъ знакомиться съ авторомъ Дяди Тома?“ Да хлопъ его по щекѣ! — „Вонъ — говоритъ, — сейчасъ!“ И что же вы думаете? Тентелеевъ взялъ шляпу да поджавши хвостъ и улизнулъ. Ну, это, мнѣ кажется, преувеличено, — замѣтилъ Бамбаевъ. — „Вонъ!“ — она ему точно сказала, это фактъ; но пощечины она ему не дала. — Дала пощечину, дала пощечину! — съ судорожнымъ напряженіемъ — повторила Суханчикова: я не стану пустяковъ говорить“.

Будучи убѣжденъ, что серіозныя улучшенія въ крестьянскомъ быту могутъ быть созданы только правительственными реформами, а не усиліями отдѣльныхъ личностей, Тургеневъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ открытаго почина со стороны верховной власти, чтобы примѣнуть къ освободительному движенію, насколько позволятъ обстоятельства.

1) „Русскій Вѣстникъ“, 1885, кн. I, стран. 361—362.

2) „Русскій Вѣстникъ“ 1890, VII, 16.

Рескриптъ 20 ноября 1857 г. на имя генераль-губернатора Назимова, съ котораго начинаютъ обыкновенно официальную исторію освобожденія крестьянъ, сдѣлался извѣстенъ Ивану Сергѣевичу одновременно съ циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ 24-го ноября объ открытіи губернскихъ комитетовъ и съ рескриптомъ о томъ же петербургскому дворянству 8 декабря 1857 г. Всѣ эти распоряженія дошли до Тургенева въ концѣ того же 1857 г. Иванъ Сергѣевичъ тогда жилъ въ Римѣ, гдѣ въ то время находились кн. В. А. Черкасскій, В. П. Боткинъ, гр. Н. Я. Ростовцевъ, Смирнова, кн. Д. Оболенскій и другіе. „Первыя вѣсти о намѣреніи правительства освободить крестьянъ застали насъ въ Римѣ, — писалъ позже Тургеневъ: — и мы, подѣ влияніемъ этихъ вѣстей, устроили сходки, на которыхъ обсуждались всѣ стороны жизненнаго вопроса, произносили рѣчи — особеннымъ краснорѣчіемъ отличался кн. Черкасскій“. Проживавшая тогда въ „Вѣчномъ городѣ“ великая княгиня Елена Павловна, при своей общительности и отзывчивости, особенно много содѣйствовала этимъ сходкамъ и преніямъ, тѣмъ болѣе, что она сама занята была въ то время вопросомъ объ освобожденіи и устройствѣ крестьянъ въ полтавскомъ своемъ имѣніи Карловкѣ. „Великая княгиня — единственный здѣсь источникъ всякихъ журналовъ русскихъ, — писалъ въ январѣ 1858 г. изъ Рима кн. Черкасскій, — и я также пользуюсь ея крохами, но все-таки этого мало, газеты нѣтъ ни одной, а о посольствѣ нашемъ и толковать нечего: оно считаетъ излишнимъ получать хоть одну печатную русскую строчку. Присутствіе здѣсь великой княгини полезно еще въ томъ отношеніи, что, по крайней мѣрѣ, замѣняетъ безпрестанно и скоро получаемыми ею изъ Петербурга извѣстіями политической отдѣлы русскихъ газетъ, и вмѣстѣ даетъ возможность судить о томъ, какъ смотрятъ на все теперь совершающееся въ высшихъ официальныхъ кругахъ Петербурга. Ко мнѣ она до сихъ поръ любезна до крайности, и во всѣхъ своихъ разговорахъ съ русскими стоитъ горою за освобожденіе крестьянъ и *притомъ съ землею*“. Въ январѣ 1858 г. великой княгинѣ былъ представленъ и Тургеневъ. О своихъ встрѣчахъ съ нею Иванъ Сергѣевичъ такъ писалъ Анненкову (19/31 января): „Изъ нихъ (новыхъ знакомствъ) упомяну великую княгиню Елену Павловну, съ которой я уже имѣлъ нѣсколько длинныхъ разговоровъ. Она — женщина умная, очень любопытствующая и умѣющая разспрашивать и не стѣснять; на концѣ каждаго ея слова сидитъ какъ бы штопоръ — и она все пробки изъ васъ таскаетъ: оно лестно, но подѣ конецъ немного утомительно“.

Настроеніе русскаго кружка, взволнованнаго радостной вѣстью, особенно ярко отражается въ слѣдующихъ строкахъ письма В. П. Боткина къ Фету изъ Италіи: „Духъ захватываетъ, когда думаешь о томъ, какое великое дѣло дѣлается теперь въ Россіи. Съ тѣхъ поръ, какъ я прочелъ въ „Nord“ рескриптъ и распоряженіе о комитетахъ — въ занятіяхъ моихъ произошелъ рѣшительный переломъ, — уже ни о чемъ другомъ не думается и не читается, и постоянно переносится

мыслью въ Россію. Да, и даже вѣчная красота Рима не устояла въ душѣ, когда заговорило въ ней чувство своей родины“. Тургеневъ вполне раздѣлялъ это радостное настроеніе, что однако не заставляло его смотрѣть только на однѣ свѣтлыя стороны начавшагося движенія. Въ письмѣ къ Герцену отъ 7 января (нов. ст.) 1858 г. онъ сообщалъ между прочимъ: „Въ Россіи готовятся весьма серіозныя вещи. Два рескрипта и третій о томъ же Игнатьеву произвели въ нашемъ дворянствѣ тревогу неслыханную: подъ наружной готовностью скрывается самое тупое упорство и страхъ и скаредная скупость; но уже теперь назадъ пойти нельзя — *le vin est tiré — il faut le boire*“. Эта темная струя замѣчалась даже въ маленькомъ кружкѣ русскихъ, собравшихся вокругъ великой княгини. По крайней мѣрѣ, въ январскомъ письмѣ кн. Черкаскаго къ Кошелеву, изъ котораго мы сдѣлали выписку, находимъ и слѣдующія строки: „Вообще же нельзя сказать, чтобы мысль эта (объ освобожденіи крестьянъ *съ землей*) правилась здѣсь всѣмъ нашимъ соотечественникамъ. На дняхъ О. (кн. Д. Оболенскій?), говорятъ, написалъ большое письмо молодой императрицѣ, гдѣ указываетъ ей на мнимыя опасности начинающагося преобразованія, достаточно, по его мнѣнію, раскрывающіяся изъ радости либеральной партіи! Вотъ какіе у насъ премудрые государственные люди, и какъ они становятся дальновидны, какъ скоро начинаютъ бояться за свои доходы“... Если, съ одной стороны, такія свѣдѣнія имѣлись о дворянахъ, враждебно настроенныхъ противъ крестьянской реформы, то, съ другой стороны, не совсѣмъ успокоительныя извѣстія приходили къ Ивану Сергѣевичу и о той части землевладѣльцевъ, которые отнеслись вполне сочувственно къ планамъ правительства. „Несмотря на искреннее желаніе почти всѣхъ порядочныхъ людей, переломъ засталъ насъ совершенно врасплохъ, — писалъ С. Т. Аксаковъ 20 декабря 1858 г. Тургеневу изъ Москвы, — у насъ ничего нѣтъ готоваго: ни мѣстныхъ свѣдѣній, ни статистическихъ описаній, ни экономическихъ плановъ, никакихъ предварительныхъ трудовъ, и что всего хуже — нѣтъ согласія между собою. Корабль тронулся, и у насъ закружилась голова. Мы не только не сталкивались между собою, но мы еще и не думали о дѣлѣ серіозно. Письменное и еще болѣе изустное слово имѣютъ теперь большое значеніе; теперь надобно говорить направо и налево, объяснять трудный и запутанный предметъ и, по возможности, упрощать его пониманіе“¹⁾.

Выходомъ изъ всѣхъ этихъ затрудненій представлялось Ивану Сергѣевичу самое широкое гласное обсужденіе поднятаго правительствомъ вопроса. Девятаго января (ст. ст.) Тургеневъ и прочелъ въ русскомъ кружкѣ записку, горячо доказывавшую необходимость основанія особаго журнала, который не менѣе любого учрежденія могъ бы помогать верховной власти въ намѣченныхъ реформахъ. Въ этомъ журналѣ должны быть сосредоточены всѣ указы и распоряженія прави-

¹⁾ „Русское Обозрѣніе“ 1894, № 12, стран, 595.

тельства по крестьянскому вопросу съ одной стороны, а съ другой — свободное обсужденіе всѣхъ сторонъ реформы въ видѣ ли научныхъ статей, или въ видѣ простыхъ справокъ, корреспонденцій и проч. Названіе жунала должно бы быть самое простое, напримѣръ: Хозяйственный указатель“. О судьбѣ своей записки Иванъ Сергѣевичъ передавалъ потомъ: „Если я не ошибаюсь, кн. Черкасскій взялъ ее съ собою съ намѣреніемъ представить ее на разсмотрѣніе предержавшихъ властей; но все это найдено было „рановременнымъ“, какъ выражались въ ту эпоху“. Въ настоящее время можно, однако, сказать съ достовѣрностью, что проектированный журналъ, если бъ получилъ официально-руководящую роль, не поспѣвалъ бы за ходомъ работъ и, конечно, скорѣе затягивалъ бы ихъ, чѣмъ ускорялъ. Въ самомъ дѣлѣ, уже первая мысль о подобномъ журналѣ повлекла за собою совѣтъ „Записки“ отложить созывъ губернскихъ комитетовъ на полгода. Но въ это время русскимъ кружкомъ, ютившимся около великой княгини Елены Павловны, отрицательная сторона проекта не могла быть замѣчена, и онъ одобрилъ записку Тургенева ¹⁾.

Съ выѣздомъ изъ Рима кончились попытки Ивана Сергѣевича повліять непосредственно на ходъ реформы. Въ слѣдующіе годы онъ является передъ нами лишь чуткимъ и интереснымъ наблюдателемъ отдѣльныхъ характерныхъ фактовъ великаго движенія. Въ активной же роли онъ выступаетъ только въ своихъ имѣніяхъ. Изъ Италіи Тургеневъ выѣхалъ въ серединѣ марта (ст. ст.), побывалъ въ Вѣнѣ, въ Парижѣ; въ началѣ іюня пріѣхалъ въ Петербургъ, а недѣли черезъ двѣ — въ Спасское. Во время недолгаго своего пребыванія въ Парижѣ Иванъ Сергѣевичъ несомнѣнно дѣлился своими радостями и тревогами по поводу наступающей реформы съ Николаемъ Ивановичемъ Тургеневымъ. Послѣдній, такъ долго и такъ нетерпѣливо ожидавшій освобожденія крестьянъ, подъ вліяніемъ правительственныхъ указовъ конца 1857 г., прервалъ свое десятилѣтнее литературное молчаніе и работалъ въ это время надъ брошюрой „Пора!“ Въ ней онъ доказывалъ неудобство переходныхъ, подготовительныхъ мѣръ, необходимость и выгоду мѣръ быстрыхъ и рѣшительныхъ, невозможность выкупа ни правительствомъ ни самими крестьянами, и предлагалъ безвозмездную уступку имъ небольшихъ надѣловъ. По вопросу о „переходномъ“ времени Иванъ Сергѣевичъ вполнѣ соглашался съ знаменитымъ изгнанникомъ, но въ дѣлѣ крестьянскаго выкупа онъ съ нимъ расходился.

Ко времени пріѣзда Тургенева на родину тамъ уже были открыты почти всѣ губернскіе комитеты. Девятаго іюля 1858 г. Иванъ Сергѣевичъ писалъ кн. Черкасскому: „На другой же день послѣ моего пріѣзда (въ Спасское) я поскакалъ въ Орель, въ надеждѣ застать тамъ комитетскіе выборы, но они уже были кончены — весьма скверно,

¹⁾ Записка Тургенева напечатана въ сентябрьской книжкѣ „Русской Старины“ за 1883 годъ.

какъ оно и слѣдовало ожидать: благородное дворянство выбрало людей самыхъ озлобленно-отсталыхъ, и едва ли не единственнымъ представителемъ прогресса въ орловскомъ комитетѣ, какъ и въ другихъ комитетахъ, будетъ лицо, назначенное правительствомъ, а именно Ржевскій. Въ странное время мы живемъ. Слышанныя мною въ Орлѣ и другихъ мѣстахъ слова и мнѣнія представляютъ мало отраднаго; впрочемъ, *qui vivit — veget!*“¹⁾. Но въ это время, какъ и въ слѣдующее, 1859 г., проведенное Тургеневымъ въ Спасскомъ же, онъ наблюдалъ не за одними помѣщиками. Въ равной степени Иванъ Сергѣевичъ интересовался и настроеніемъ крѣпостныхъ наканунѣ реформы. „Крестьяне передъ разлукой съ господами, — писалъ онъ Аксакову 22 октября 1859 г., — становятся, какъ говорится у насъ, казаками — и тащутъ съ господъ все, что могутъ: хлѣбъ, лѣсъ, скоть и т. д. Я это вполне понимаю, — но на первое время въ нашихъ мѣстахъ исчезнуть лѣса, которые всѣ продаютъ теперь съ остервенѣніемъ, — ничего: лѣсъ выростетъ — и уже не кое-гдѣ и не кое-какъ, а по указаніямъ науки“²⁾. Въ „Отцахъ и дѣтяхъ“ свои наблюденія надъ крестьянами и помѣщиками за лѣто 1859 г. (время дѣйствія романа) Тургеневъ изобразилъ въ слѣдующей невеселой картинкѣ: „А между тѣмъ жизнь не слишкомъ красиво складывалась въ Марьинѣ, и бѣдному Николаю Петровичу приходилось плохо. Хлопоты по фермѣ росли съ каждымъ днемъ — хлопоты безотрадные, безтолковыя. Возня съ наемными работниками становилась невыносимою. Одни требовали расчета или прибавки, другіе уходили, забравши задатокъ; лошади заболѣвали; сбруя горѣла, какъ на огнѣ; работы исполнялись небрежно; выписанная изъ Москвы молотильная машина оказалась негодною по своей тяжести; другую съ перваго разу испортили; половина скотнаго двора сгорѣла, оттого что слѣпая старуха изъ дворовыхъ въ вѣтряную погоду пошла съ головешкой окуривать свою корову... правда, по увѣренію той же старухи, вся бѣда произошла оттого, что барину вздумалось заводить какіе-то небывалые сыры и молочные скопы. Управляющій вдругъ облѣнился и даже началъ толстѣть, какъ толстѣетъ всякій русскій человѣкъ, попавшій на „вольные хлѣба“. Завидя издали Николая Петровича, онъ, чтобы заявить свое рвеніе, бросалъ щепкой въ пробѣгавшаго мимо поросенка или грозился полунагому мальчишкѣ, а, впрочемъ, больше спалъ. Посаженные на оброкъ мужики не вносили денегъ въ срокъ, крали лѣсъ; почти каждую ночь сторожа ловили, а иногда съ бою забирали крестьянскихъ лошадей на лугахъ „фермы“. Николай Петровичъ опредѣлилъ-было денежный штрафъ за поправу, но дѣло обыкновенно кончалось тѣмъ, что, постоявъ день или два на господскомъ кормѣ, лошади возвращались къ своимъ владельцамъ. Къ довершенію всего мужики начали между собою ссориться: братья требовали раздѣла, жены ихъ не могли ужиться въ одномъ

1) „Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго“, I, кн. I, стр. 127, прим.

2) „Новое Время“ 1900, № 8626.

домъ; внезапно закипала драка, и все вдругъ поднималось на ноги, какъ по командѣ, все сбѣгалось передъ крылечко конторы, лѣзло къ барину, часто съ избитыми рожами, въ пьяномъ видѣ, и требовало суда и расправы; возникалъ шумъ, вопль, бабій хныкающій визгъ вперемежку съ мужскою бранью. Нужно было разбирать враждующія стороны, кричать самому до хрипоты, зная напередъ, что къ правильному рѣшенію все-таки притти невозможно. Не хватало рукъ для жатвы: сосѣдній однодворецъ, съ самымъ благообразнымъ лицомъ, порядился доставить жнецовъ по два рубля съ десятины и надулъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ; свои бабы заламывали цѣны неслыханныя, а хлѣбъ, между тѣмъ, осыпался, а тутъ съ косьбой не совладѣли, а тутъ опекунскій совѣтъ грозитъ и требуетъ немедленной и безнедоимочной уплаты процентовъ... — Силъ моихъ нѣтъ! — не разъ съ отчаяніемъ восклицалъ Николай Петровичъ. — Самому драться невозможно, посылать за ставнымъ — не позволяютъ принципы, а безъ страха наказанія ничего не подѣлаешь! — *Du calme, du calme*, — замѣчалъ на это Павелъ Петровичъ, а самъ мурлыкалъ, хмурился и подергивалъ усы“. При оцѣнкѣ этого мѣста романа необходимо, однако, имѣть въ виду, что авторъ до нѣкоторой степени характеризуетъ здѣсь порядки Спасскаго, которое находилось тогда подъ недобросовѣстнымъ управленіемъ дяди его — Николая Николаевича Тургенева. Послѣдній часто старался взваливать собственные грѣшки на крестьянъ, и эти махинаціи дяди-управляющаго сдѣлались ясными племяннику лишь нѣсколько лѣтъ спустя. Тѣмъ не менѣе хозяйство въ Спасскомъ носило много чертъ типичныхъ для той переходной эпохи, и эти особенности не скрылись отъ наблюденій Ивана Сергѣевича.

Славный 1861 годъ засталъ Тургенева въ Парижѣ, гдѣ авторъ „Записокъ охотника“ былъ въ тѣсномъ общеніи съ тѣми изъ русскихъ, которые зорко слѣдили за событіями на родинѣ (Н. И. Тургеневъ, кн. Волконскій — декабристъ, кн. Н. И. Трубецкой, графиня де-Сикуръ и др.). Незамѣнимымъ въ дѣлѣ сообщенія новостей былъ, однако, для Ивана Сергѣевича П. В. Анненковъ, проживавшій тогда въ Петербургѣ. Послѣднему онъ писалъ 15 (27) февраля: „Когда мое письмо къ вамъ дойдетъ, вѣроятно, уже великій указъ, — указъ, ставящій царя на такую высокую и прекрасную ступень, выйдетъ. О, если бы вы имѣли благую мысль извѣстить меня объ этомъ телеграммой. Но во всякомъ случаѣ я твердо надѣюсь, что вы найдете время описать мнѣ вашимъ энциклопедически-панорамическимъ перомъ состояніе города Питера наканунѣ этого великаго дня и въ самый день. Я ужасно на себя досаую, что я раньше не попросилъ васъ о телеграммѣ. Но я еще утѣшаю себя надеждою, что вы сами догадаетесь“. Получивъ отъ Анненкова просимую телеграмму, Иванъ Сергѣевичъ писалъ ему 6 (18) марта: „Спасибо за депешу, отъ которой у насъ у всѣхъ головы кругомъ пошли. Но, къ сожалѣнію, ничего положительнаго неизвѣстно объ *условіяхъ* новаго Положенія. Толки ходятъ разные. Ради Бога, пишите мнѣ, что и какъ у васъ все это происходитъ. Вѣроятно, я те-

перь раньше вернусь въ Петербургъ, чѣмъ предполагалъ... Сюда прислалъ кто-то напечатанный экземпляръ Положенія, но его никакъ поймать невозможно. Теперь болѣе чѣмъ когда-либо надѣюсь на вашу дружбу и жду отъ васъ писемъ.. Передайте всѣ ваши впечатлѣнія — все это теперь вдвойнѣ дорого. Здѣсь русскіе бѣсятся: хороши представители народа! Дай Богъ здоровья Государю. Судя по тому, что здѣсь говорится, мы бы никогда ничего путнаго не дождались. Бѣшенство безсилія отвратительно, но еще болѣе смѣшно... Не могу ни о чемъ другомъ писать. Я весь превратился въ ожиданіе". Получивъ же подробное описаніе первыхъ дней послѣ объявленія манифеста, въ которомъ Анненковъ особенно подчеркивалъ спокойствіе и тишину, съ которой былъ принятъ манифестъ, отсутствіе бурныхъ восторговъ и патріотическихъ движеній, Тургеневъ писалъ въ отвѣтъ (3 (15) апрѣля): „Съ нѣкоторыхъ поръ народы какъ будто дали себѣ слово удивлять современниковъ и наблюдателей — русскій народъ, и въ этомъ отношеніи, едва ли не перещеголялъ всѣхъ своихъ сверстниковъ. Да, удивилъ онъ насъ, хотя, подумавъ и приглядѣвшись, — увидишь, что нечему было удивляться; это всегда случается послѣ такъ называемыхъ необыкновенныхъ событій и доказываетъ только нашу близорукость. Сдѣлайте божескую милость, продолжайте извѣщать насъ о состояніи умовъ въ Россіи. Здѣсь господа русскіе путешественники очень взволнованы и толкуютъ о томъ, что ихъ ограбили (изъ Положенія рѣшительно не видать, какимъ образомъ ихъ грабятъ!), но принимаютъ мѣры къ устроенію своихъ дѣлъ. Вѣроятно, въ нынѣшнемъ же году прекратится въ Россіи барщинная работа. Въ прошлое воскресенье мы затѣяли благодарственный молебень въ здѣшней церкви — и священникъ Васильевъ произнесъ намъ очень умную и трогательную рѣчь, отъ которой мы всплакнули. (NB. Много ушло изъ церкви до молебна.) Передо мной стоялъ Н. И. Тургеневъ — и тоже утиралъ слезы; для него это было въ родѣ: „нынѣ отпущаеши раба Твоего“... Тутъ же находился старикъ Волконскій (декабристъ). „Дожили до этого великаго дня“ — было въ умѣ и на устахъ у каждаго. Сгораю жаждою быть въ Россіи“.

Всѣми наблюденіями, всѣми получаемыми новостями по крестьянскому вопросу Тургеневъ спѣшилъ дѣлиться съ Герценомъ, который передавалъ ихъ читателямъ своего журнала. Слѣдующее письмо Ивана Сергѣевича, на примѣръ, вошло почти дословно въ № 94 „Колокола“ („15-го марта. Послѣднія извѣстія“): „Вчера получены здѣсь (т.-е. въ Парижѣ) письма отъ разныхъ официальныхъ лицъ (Головина и др.) объ окончаніи крестьянскаго вопроса. Главныя основанія редакціонной комиссіи приняты; переходное время будетъ продолжаться два года (а не 9 и не 6), надѣлъ остается весь, съ правомъ выкупа. Плантаторы въ Петербургѣ и здѣсь въ ярости неизъяснимой: здѣсь они кричатъ, что проектъ нелиберальный, сбивчивый и т. д. Мнѣ обѣщали доставить сегодня одинъ уже отпечатанный экземпляръ Положенія, который прислали изъ Петербурга. Спишу главные пункты и пошлю тебѣ. Манифестъ (написанный Филаретомъ) выйдетъ въ то воскресенье,

т.-е. через 9 дней. Государю приходилось по инымъ пунктамъ быть въ меньшинствѣ 9 человекъ противъ 37. Самыми либеральными людьми въ этомъ дѣлѣ оказались: Константинъ Николаевичъ, Блудовъ, Ланской, Бахтинъ и Чевкинъ. Выбывается медаль со словомъ: *благодарю* и съ вензелемъ Государя, которая будетъ раздана отъ имени Государя всѣмъ членамъ комиссій, комитетамъ и т. д. Воображаю, какъ нныя ее примутъ. Плантаторы потому такъ взбеленились, что въ послѣднее время распространились слухи о принятіи Гагаринскаго проекта, т.-е. $\frac{1}{4}$ надѣла и т. д. Впрочемъ, говорятъ, и въ печатномъ экземплярѣ это находится въ примѣчаніи, *comme une chose facultative*. „Посылаю тебѣ копію съ письма Анненкова“, читаемъ въ другомъ посланіи Тургенева къ Герцену, „писаннаго на другой день великаго дѣя, т.-е. 6-го марта. Оно, ты увидишь, любопытно. До сихъ поръ телеграммы (печатныя и частныя) единогласно говорятъ о совершенной тишинѣ, съ которой принять манифестъ во всей Россіи. Чтò-то будетъ дальше? Самъ манифестъ явнымъ образомъ написанъ былъ по-французски и переведенъ на неуклюжій русскій языкъ какимъ-нибудь нѣмцемъ. Вотъ фраза въ родѣ: „благодѣтельно устроить“... „добрыя патріархальныя условія“, которыхъ ни одинъ русскій мужикъ не пойметъ. Но самое дѣло онъ раскусить, и дѣло это устроено, по мѣрѣ возможности, порядочно“.

Къ себѣ въ деревню Тургеневу удалось попасть только 9-го мая. Само собой разумѣется, что здѣсь онъ еще съ большимъ вниманіемъ прислушивался и присматривался къ окружающему, ко всякимъ новымъ теченіямъ и фактамъ. Свои наблюденія Иванъ Сергѣевичъ такъ изложилъ въ письмѣ къ Анненкову отъ 10-го іюля 1861 года: „Это дѣло (крестьянское) растеть, ширится, движется во весь просторъ россійской жизни, принимая формы, большую частью, безобразныя. И хотѣтъ теперь сдѣлать ему какой-нибудь нужный *résumé*—было бы безуміемъ, даже предвидѣтъ задолго ничего нельзя. Мы всѣ окружены этими волнами, и онѣ несутъ насъ. Пока можно только сказать, что здѣсь все тихо, волости учреждены, и сельскіе старосты введены, а мужички поняли одно, — что ихъ бить нельзя и что барская власть вообще послаблена, вслѣдствіе чего должно „не забывать себя“; мелкопомѣстные дворяне вопятъ, а исправники стегаютъ ежедневно, но понемногу. Общая картина, при предстоящемъ худомъ урожаѣ, не изъ самыхъ красивыхъ, но бываетъ и хуже. На оброкъ крестьяне не идутъ, и на новыя свои власти смотрять страшными глазами... но въ рабочихъ пока нѣтъ недостатка, а это главное“. Полонскому же онъ писалъ 14-го іюля: „Крестьянскія дѣла ничего себѣ, впередъ пока подвигаются плохо, но и назадъ нейдутъ. Надо вооружиться терпѣніемъ и выжидать. Все-таки это дѣло громадное — и то, чтò уже сдѣлано и осталось, составляетъ полный переворотъ въ русской жизни, который оцѣнять только наши потомки“. Какъ чувствовали себя въ то время лучшіе изъ помѣщиковъ, Тургеневъ изобразилъ намъ позже въ слѣдующихъ строкахъ своего „Дыма“: „Хозяйничанье въ Россіи

невеселое, слишком многимъ извѣстное дѣло; мы не станемъ распространяться о томъ, какъ солоно оно показалось Литвинову. О преобразованіяхъ и нововведеніяхъ, разумѣется, не могло быть и рѣчи; примѣненіе пріобрѣтенныхъ за границею свѣдѣній отодвинулось на неопредѣленное время; нужда заставляла перебиваться со дня на день, соглашаться на всякія уступки — и вещественныя и нравственныя. Новое принималось плохо, старое всякую силу потеряло; неумѣлый сталкивался съ недобросовѣстнымъ; весь поколебленный бытъ ходилъ ходуномъ, какъ трясина болотная, и только одно великое слово: „свобода“ носилось какъ Божій духъ надъ водами. Терпѣніе требовалось прежде всего, и терпѣніе не страдательное, а дѣятельное, настойчивое, не безъ сноровки, не безъ хитрости подчасъ“...

Что же касается устройства собственно Тургеневскихъ крестьянъ, то объ этомъ можемъ судить изъ слѣдующихъ мѣстъ его переписки. Восемнадцатаго іюля 1858 года Иванъ Сергѣевичъ писалъ П. Віардо изъ Спасскаго: „Съ осени я отпускаю ихъ (крестьянъ) на оброкъ, т.-е. уступаю имъ половину земли за ежегодную поземельную подать, а самъ буду нанимать рабочихъ для обработки моей земли. Это будетъ только переходное состояніе, въ ожиданіи рѣшенія комиссій, такъ какъ пока нельзя еще сдѣлать ничего окончательнаго“. И. С. Аксакову писалъ 22 октября 1859 года: „Съ крестьянами я почти вездѣ благополучно размежевался, оставивъ, разумѣется, старое количество земель, переселилъ ихъ — съ ихъ согласія — и съ нынѣшней зимы они всѣ поступаютъ на оброкъ по 3 рубля серебромъ съ десятины“. Переселены были петровскіе и ивановскіе крестьяне частію въ Голоплеки и Кальну, частію въ слободку Никольскую. Въ 1860 году, несмотря на противодѣйствія дяди-управляющаго, Ивану Сергѣевичу удалось посадить на оброкъ спасскихъ и каленскихъ мужиковъ; крестьяне другихъ имѣній упирались. Дѣло обстояло такъ даже и въ слѣдующемъ, 1861 году. „Съ моими крестьянами дѣло идетъ пока хорошо“, писалъ Тургеневъ Полонскому 21 мая 1861 года: „потому что я имъ сдѣлалъ всѣ возможныя уступки, — но затрудненія предвидятся впереди. Многіе не хотятъ итти на оброкъ, — а безъ оброка выкупъ (а вѣдь это главная цѣль) — невозможенъ“. „Этого факта, что мужики не захотятъ итти съ барщины на оброкъ, никто не предвидѣлъ, а между тѣмъ, онъ повсемѣстный“, — писалъ Иванъ Сергѣевичъ 14 іюня 1861 г. Колбасину. Анненкову онъ тогда же описывалъ эти обстоятельства подробно: „Объясняемъ съ мужиками, которые изъявили мнѣ свое благоволеніе: мои уступки доходятъ почти до подлости. Но вы знаете сами (и, вѣроятно, въ деревнѣ узнаете еще лучше), что за птица русскій мужикъ: надѣяться на него въ дѣлѣ выкупа — безуміе. Они даже на оброкъ не переходятъ, чтобы, во-первыхъ, не „обязаться“; во-вторыхъ, не лишиться себя возможности прескверно справлять трехдневную барщину. Всякіе доводы теперь безсильны. Вы имъ сто разъ докажете, что на барщинѣ они теряютъ сто на сто; они вамъ все-таки отвѣтятъ, что „несогласны-моль“. Оброчные даже завидуютъ барщиннымъ, что

вотъ имъ вышла льгота, а намъ — нѣтъ. Къ счастью, здѣсь въ Спасскомъ мужики съ прошлаго года на оброкѣ“. Не дожидаясь, пока во всѣхъ его помѣстьяхъ совершится переходъ съ барщины на оброкъ, Тургеневъ велъ дѣло дальше въ главномъ своемъ имѣннн, и 5 марта 1862 года сообщалъ Фету: „Спасскіе крестьяне удостоили, наконецъ, подписать уставную грамоту, въ которой я имъ сдѣлалъ всяческія уступки. Будемъ надѣяться, что и остальные меня, какъ говорится въ старинныхъ челобитныхъ, „пожалуютъ, смилуются!“ Въ концѣ концовъ уступки Ивана Сергѣевича выразились въ томъ, что онъ „при выкупѣ вездѣ уступилъ пятую часть и въ главномъ имѣннн не взялъ ничего за усадебную землю, что составляло крупную сумму“. Надѣлъ у его крестьянъ явился въ размѣрѣ 3 1/2 десятины на душу¹⁾. Мало этого, Тургеневъ рѣдкій годъ не дарилъ своимъ бывшимъ крѣпостнымъ десятины лѣса на постройки и ремонтъ избъ. Въ 1880 году онъ пожертвовалъ имъ двѣ десятины. И каково же было огорченіе добраго помѣщика, когда онъ узналъ, что въ этотъ разъ крестьяне лѣсъ продали, а деньги пропили!

Не даромъ послѣ смерти Ивана Сергѣевича среди спасскихъ мужиковъ долго держалось убѣжденіе, что бывший ихъ владѣлецъ завѣщалъ имъ весь свой лѣсъ.

Что же касается отпущенныхъ еще въ 1850 г. дворовыхъ, то Тургеневъ и ихъ снабдилъ землей, тогда какъ извѣстно, что они при полученіи свободы (за ничтожнымъ исключеніемъ) не могли требовать участія въ пользованіи полевымъ надѣломъ. Усадьбы ихъ „совсѣмъ иного фасона, не крестьянскія“, выстроились цѣлой улицей сейчасъ же за господскимъ садомъ. Вообще, какъ бы вознаграждая дворовыхъ за обиды, выпавшія на ихъ долю при жизни Варвары Петровны, Иванъ Сергѣевичъ сильно разбаловалъ ихъ. Сознавалъ онъ это не менѣе, чѣмъ его знакомые и друзья; зналъ онъ и то, что бывшіе дворовые, въ большинствѣ случаевъ, вовсе не являлись хорошими или достойными людьми. „При существовавшихъ во время покойницы матушки и Николая Николаевича (дяди) порядкахъ удержаться вполне честному человѣку было невозможно“, писалъ Тургеневъ управляющему Кишинскому 9 (21-го) декабря 1867 года, который часто жаловался на „дворовую язву“ Спасскаго. И все же, по своему мягкосердечію и добротѣ, Тургеневъ рѣдко отказывалъ въ той или другой просьбѣ бывшимъ своимъ „подданнымъ“, вообще отличавшимся порядочною назойливостью. Досадой на эту послѣднюю, а вовсе не изнѣженностью избалованнаго барина звучать просьбы его къ тому же Кишинскому, чтобы его, Ивана Сергѣевича, „пробываніе въ Спасскомъ не было отравлено куварканіемъ въ ноги, мольбами“ и т. п.

Гутыаръ.

¹⁾ Первое собр. пис., 234; Воспоминанія Полонскаго „Нива“ 1884, стран. 186.

Причины, вызвавшія появленіе „Записокъ охотника“, и условія мѣста и времени, отразившіяся на нихъ.

Время съ 1847 по 1850 г. есть, прежде всего, эпоха созданія „Записокъ охотника“. Значеніе этихъ разсказовъ, этихъ „этиюдовъ“, какъ ихъ называлъ самъ авторъ, было преувеличиваемо до такой степени, что критика долгое время въ сущности говорила лишь одно: Тургеневъ великъ только какъ творецъ этого сборника, чуть ли не единственнаго и сильнѣйшаго литературнаго протеста противъ крѣпостнаго права. Все, что не „Записки охотника“, — даже его крупныя повѣсти — далеко ниже, какъ по общественному, такъ и по художественному своему значенію, въ сравненіи съ этими маленькими разсказами. Критикъ какъ будто не было дѣла до того, что половина ихъ или совсѣмъ не трогаетъ вопроса крестьянской неволи („Уѣздный лѣкарь“, „Мой сосѣдъ Радиловъ“, „Вѣжинъ лугъ“, „Лебедянь“, „Татьяна Борисовна и ея племянникъ“, „Смерть“, „Пѣвцы“, „Свиданіе“, „Гамлетъ Щигровскаго уѣзда“, „Чертопхановъ и Недолюскія“, „Лѣсъ и степь“), или уже явились послѣ 1861 г. („Конецъ Чертопханова“, „Живыя мощи“, „Стучить“). Между тѣмъ, на крѣпостное право съ наибольшей силой нападали разсказы не изъ „Записокъ охотника“, какъ „Муму“, „Постоялый дворъ“, „Собственная господская контора“, напечатанные до изданія манифеста 19 февраля 1861 года. Да и вообще, слѣдовало ли измѣрять значеніе Тургенева только его службой дѣлу крестьянской свободы, какъ бы ни было велико это дѣло и какъ бы ни была велика эта служба.

Для біографа Ивана Сергѣевича важно также рѣшить прежде всего вопросъ, чѣмъ были вызваны „Записки охотника“ и какъ отразились на нихъ условія времени и мѣста ихъ созданія. Самъ Тургеневъ указываетъ на тотъ крупный фактъ, что сороковые годы въ литературѣ всѣхъ почти европейскихъ народовъ ознаменовались появленіемъ интереса къ деревнѣ, къ крестьянской жизни. Въ своемъ предисловіи къ роману Ауэрбаха „Дача на Рейнѣ“ онъ пишетъ: „До сихъ поръ (1868 г.) не изгладилось въ Германіи впечатлѣніе, произведенное его (Ауэрбаха) знаменитыми разсказами изъ шварцвальдской деревенской жизни („Schwarzwälder Dorfgeschichten“), появившимися въ началѣ сороковыхъ годовъ. Обращеніе литературы къ народной жизни замѣчается около того же времени во всѣхъ странахъ Европы (вспомнимъ Жоржъ-Зандъ — *la Mare au Diable*, *la Petite Fadette* и т. д., а также и то, что совершалось у насъ, въ Россіи), но честь почина остается за Ауэрбахомъ... Собственно въ нашей литературѣ интересъ къ крестьянской жизни зародился въ спорахъ между западниками и славянофилами. П. В. Анненковъ, въ своей извѣстной статьѣ „Замѣчательное десятилетіе“, очень искусно прослѣдилъ появленіе и развитіе болѣе правильныхъ и гуманныхъ взглядовъ на „мужика“. Онъ показалъ, какъ уже къ 1845 году большая часть западниковъ, подъ вліяніемъ славян-

ской партіи, перестала относиться свысока къ народной массѣ: „Литература и образованные умы наши давно уже разстались съ представленіемъ народа, какъ личности, опредѣленной существовать безъ всякихъ гражданскихъ правъ и служить только чужимъ интересамъ, но они не разстались съ представленіемъ народа, какъ дикой массы, не имѣющей никакой идеи и никогда ничего не думавшей про себя“. Такъ характеризовалъ Анненковъ какъ бы презрительное отношеніе къ „мужикѣ“ въ предшествовавшіе годы¹⁾. Переворотъ во взглядахъ западниковъ на деревню, пробужденіе особеннаго интереса къ крестьянской жизни встрѣтили у Ивана Сергѣевича самую горячую поддержку. Разбирая вышедшіе въ 1846 г. рассказы В. И. Даля, Тургеневъ ставилъ въ особую заслугу автору „сочувствіе къ народу, родственное къ нему отношеніе“. Тѣ произведенія казака Луганскаго, которыя касаются „мужицкаго быта“, несомнѣнно подготовляли почву и для „Записокъ охотника“. Но еще болѣе крупную роль сыграла въ этомъ отношеніи повѣсть Григоровича „Деревня“, появившаяся въ послѣдней книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ за тотъ же 1846 годъ. Эту повѣсть Иванъ Сергѣевичъ считалъ впоследствии „первой попыткой сближенія нашей литературы съ народной жизнью, первой изъ нашихъ деревенскихъ исторій — „Dorfgeschichten“. Конечно, къ богатому и разнообразному содержанію „Записокъ охотника“ этотъ нѣмецкій терминъ не вполне подходитъ; тѣмъ не менѣе, Тургеневъ былъ вправѣ примѣнить его и къ своимъ рассказамъ, такъ какъ деревня составляетъ все же ихъ центръ, ихъ какъ бы фокусъ.

Посылая Полонскому для сборника „Складчина“ свои „Живыя мощи“, Иванъ Сергѣевичъ писалъ ему (13/25 января 1874 г.): „Не имѣя ничего готоваго, сталъ я рыться въ своихъ старыхъ бумагахъ и отыскалъ прилагаемый отрывокъ изъ „Записокъ охотника“, который прошу тебя препроводить по принадлежности. Всѣхъ ихъ напечатано двадцать два, но заготовлено было около тридцати. Иные очерки остались недоконченными изъ опасенія, что цензура ихъ не пропуститъ; другіе потому, что показались мнѣ не довольно интересными или неидущими къ дѣлу. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ и набросокъ, озаглавленный „Живыя мощи“. Нѣсколько раньше (6 ноября — 25 октября 1872 г.) Тургеневъ сообщилъ Анненкову еще о четырехъ рассказахъ, не вошедшихъ въ первыя изданія. „Два были начаты — „Русскій нѣмецъ и реформаторъ“ и „Землеѣдъ“; два только набросаны — „Примѣты“ и „Незадача“. Первые два оставлены потому, что я зналъ, что никакая тогдашняя цензура ихъ бы не пропустила, вторые — потому, что были незначительны“. Въ томъ же письмѣ Иванъ Сергѣевичъ сообщаетъ и сюжетъ „Землеѣда“: „Въ этомъ рассказѣ я передаю совершившійся у насъ фактъ — какъ крестьяне уморили своего помѣщика, который ежегодно урѣзывалъ у нихъ землю, и котораго они прозвали за то „землеѣдомъ“, заставивъ его скушать фунтовъ восемь отличнѣйшаго

1) Воспоминанія и критическіе очерки, III, 123.

чернозему. Сюжетъ веселенькій, какъ изволите видѣть¹⁾. Позже, Иванъ Сергѣевичъ отыскалъ у себя еще одинъ рассказъ изъ „Записокъ охотника“ — „Стучить“. Напечатанный же послѣ смерти Тургенева (въ „Нивѣ“) „Конецъ“, продиктованный авторомъ П. Виардо по-французски и довольно неудачно переведенный Григоровичемъ, ничего уже общаго съ знаменитой серіей очерковъ не имѣеть.

Появленіе двадцати-двухъ рассказовъ изъ „Записокъ охотника“ не сразу, а на протяженіи трехъ лѣтъ отразилось и на самомъ характерѣ ихъ. Этюды, напечатанные до 1848 г., проникнуты замѣтной враждой къ крѣпостному праву; написанные же съ 1848 г. носятъ отпечатокъ болѣе тоски по родинѣ, и къ этимъ послѣднимъ, очевидно, относятся слова Тургенева, а именно, что нѣкоторые изъ „Записокъ охотника“ были написаны „въ тяжелыя минуты раздумья о томъ, вернуться ли мнѣ на родину, или нѣтъ“. Въ самомъ дѣлѣ, въ „Современникѣ“ 1847 г. появились: „Хорь и Калинычъ“ (кн. 1); „П. П. Каратаевъ“ (кн. 2); „Ермолай и мельничиха“; „Мой сосѣдь Радиловъ“; „Однодворецъ Овсянниковъ“; „Льговъ“ (кн. 6); „Бурмистръ“; „Контора“ (кн. 10). Съ 1848 года напечатаны всѣ остальные. Изъ нихъ только „Малиновая вода“ и „Два помѣщика“ проникнуты скрытымъ негодованіемъ противъ крестьянской неволи. Протестующій, такъ сказать, характеръ рассказовъ перваго періода обусловленъ былъ въ сильной степени тѣмъ оживленіемъ симпатій къ приниженному народу, которое было вызвано пресловутыми „Выбранными мѣстами изъ переписки съ друзьями“ Гоголя. Волненіе, поднятое въ кружкѣ Бѣлинскаго этой „смѣсью гордыни и подыскиванія, ханжества и тщеславія, пророческаго и прихлебательскаго тона“, какъ охарактеризовалъ Тургеневъ письма Гоголя, отражалось на всѣхъ бесѣдахъ и спорахъ кружка въ теченіе всего 1847 года. Тѣ изъ „Записокъ охотника“, которыя появились именно въ этомъ году, и были защитой человѣческаго достоинства земледѣльческихъ слоевъ русскаго общества, по отношенію къ которымъ Гоголь, по выраженію Бѣлинскаго, являлся „поборникомъ обскурантизма и мракобѣсія, панегиристомъ татарскихъ правовъ“. Мы не хотимъ утверждать, будто протестующій характеръ первой серіи „Записокъ охотника“ явился только вслѣдствіе обнародованія переписки Гоголя, но, несомнѣнно, послѣдняя оказала на самый духъ и направленіе рассказовъ 1847 года весьма сильное вліяніе. Крѣпостное право оставалось злѣйшимъ врагомъ Тургенева и въ 1848, и въ 1849 г., но написанное въ эти годы носитъ на себѣ печать уже иного направленія: „Записки охотника“ превращаются въ рядъ воспоминаній о далекой родинѣ; въ нихъ воспроизводится каждая мелкая черточка, всякая милая подробность деревенскаго гнѣзда Тургеневыхъ и его окрестностей. Рядъ урочищъ, угодій, овраговъ, рѣчекъ описаны Иваномъ Сергѣевичемъ съ сохраненіемъ ихъ настоящихъ именъ (Бѣжинъ лугъ, Чаплыгинскій лѣсъ, рѣчка Зуша и т. д.); во второй серіи

1) „Русское Обозрѣніе“ 1898 г., кн. 5, стран. 22.

разказовъ поэтому и можно только отнести признаніе Тургенева, что онъ, „конечно, не написалъ бы „Записокъ охотника“, если бъ остался въ Россіи“.

Крупный успѣхъ, выпавшій на ихъ долю съ появленія перваго очерка, долженъ былъ бы заставить Ивана Сергѣевича заняться творчествомъ именно подобнаго рода. Это тѣмъ болѣе являлось необходимымъ, что Тургеневъ „Записками охотника“ не только приобрѣлъ славу выдающагося писателя, но ими онъ вообще вернулся къ литературной дѣятельности, покинутой-было подъ вліяніемъ чрезмѣрно строгой критики Бѣлинскаго. На самомъ дѣлѣ мы видимъ, что въ періодъ 1847—1850 гг. Иванъ Сергѣевичъ занимался драматическими вещами съ не-меньшимъ стараніемъ, чѣмъ своей прозой, — такъ что годы пребыванія его во Франціи есть не только эпоха „Записокъ охотника“, но и эпоха драматическихъ произведеній Тургенева.

Гутгаръ.

Общественное значеніе „Записокъ охотника“.

Извѣстно, какой переполохъ возбудилъ общій смыслъ „Записокъ охотника“, когда онѣ вышли отдѣльнымъ изданіемъ. Этотъ роковой общій смыслъ, повидимому, совершенно разрозненныхъ и неумышленно-правдивыхъ разказовъ заключался, какъ всѣмъ извѣстно, въ обнаруженіи всѣхъ непривлекательныхъ сторонъ положенія нашего простаго народа подъ крѣпостною властью помѣщиковъ, вмѣстѣ же съ тѣмъ весьма многихъ, вполне привлекательныхъ сторонъ нрава простаго русскаго человѣка, умѣвшаго остаться человѣкомъ и при самомъ нечеловѣческомъ положеніи. Умѣніе указать на все это въ сороковыхъ годахъ составляетъ со стороны И. С. Тургенева (вмѣстѣ съ Григоровичемъ) тѣмъ болѣе неоцѣнимую заслугу, что до того наша литература текущаго вѣка въ лицѣ именно крупныхъ своихъ представителей умѣла какъ-то оставаться почти безучастною ко всему этому. Извѣстно, что и Пушкинъ почти не подходилъ къ народу съ этой стороны. Даже у Гоголя онъ затрогивался преимущественно во внѣшнихъ комическихъ своихъ проявленіяхъ, на язву же крѣпостнаго права указывалось только косвеннымъ образомъ тѣмъ, что выводилась во всей ея отвратительной наготѣ нечеловѣческая пошлость нашего помѣщичьяго быта, — пошлость, зависѣвшая, главнымъ образомъ, отъ возможности пользоваться всѣми благами, не прилагая и малѣйшей капли труда. Не только одни умозрѣнія, но и живыя пріемы повѣсти послужили позорному дѣлу такой отсрочки, создавая изъ нашей народной жизни пріятно убаюкивающую идиллію. И отголоски такой идилліи сохранились у насъ до временъ ближайшихъ къ Тургеневу, между тѣмъ какъ, съ другой стороны, обнаруживались и зародыши противоположной крайности — выставленіе народа совсѣмъ уже отупѣлымъ, почти низведеннымъ на степень животнаго.

Какъ же послѣ этого не превознестъ въ „Запискахъ охотника“ именно, то, что правдиво обнаруживали всю бѣдственность положенія народа, онѣ столько же правдиво, не убѣляя и не черня, представляютъ намъ въ простомъ народѣ — людей.

Въ нѣкоторыхъ разсказахъ своихъ охотникъ, т.-е. нашъ писатель, даже не затрогиваетъ крѣпостного вопроса, а просто рисуетъ намъ такіе типы крѣпостныхъ людей, въ которыхъ оказывается гораздо болѣе человѣческаго, чѣмъ во многихъ типахъ помѣщичьихъ. Вотъ передъ нами дѣтскій крестьянскій міръ въ „Бѣжиномъ лугѣ“, со всею налегшей на него съ колыбели непроглядной тьмой суевѣрій, но и со всею бодростью и находчивостью существъ, тоже почти съ колыбели выведенныхъ на открытое поле жизни и предоставленныхъ почти совершенно самимъ себѣ. Есть, однако, и между ними болѣе приглубленные судьбою въ лицѣ болѣе зажиточныхъ родителей, но нѣтъ между ними такихъ, которыхъ бы она приглубила до того, чтобы довести до состоянія комнатнаго растенія. А вспомните этотъ яркій, поразительный образъ Павлуши, такъ спокойно готовящагося встрѣтить волка, и согласитесь, что въ эту минуту далеко до него какому-нибудь изнѣжившемуся барчуку, хотя бы и вовсе не суевѣрному! А вотъ передъ вами простой народный кабакъ со всею его неприглядною обстановкою и со всѣми его, болѣе или менѣе сбившимися съ пути, посѣтителями („Пѣвцы“). И что же, на этой совершенно низкой ступени тѣхъ чувственныхъ наслажденій, до какихъ въ состояніи ниспасть человѣкъ, разомъ сказываются во всѣхъ этихъ забулдыгахъ порывы къ высшему — къ этой внезапной жаждѣ упиться пѣсней, въ этомъ, приковывающемъ всѣхъ, состязаніи двухъ пѣвцовъ и обаятельномъ дѣйствіи ихъ, всѣхъ давно извѣстныхъ, но всегда отвѣчающихъ на запросы народа, пѣсень. И согласитесь, что въ эту минуту, кабакъ представляетъ намъ болѣе признаковъ человѣческой жизни, чѣмъ тотъ барскій покой Ивана Никифоровича, среди котораго онъ лежалъ въ натурѣ, или даже чѣмъ тотъ, поэтически выставленный Гоголемъ, уголокъ „Старосвѣтскихъ помѣщиковъ“, въ которомъ почти исключительно раздавалась нескончаемая бесѣда о томъ, „чего бы такого покушать?“ — А вотъ передъ нами одинъ изъ тѣхъ характерныхъ представителей въ своемъ родѣ поэтическаго начала народной жизни, которые носятъ названіе „юродивыхъ“ или „блаженныхъ“ („Касьянъ съ Красивой Мечи“). Природа, не давъ ему вырасти выше дѣтскаго роста и по внутреннимъ качествамъ, оставила его какъ будто бы навсегда ребенкомъ — съ чисто дѣтскою способностью не думать о завтрашнемъ днѣ, съ чисто дѣтскою сердечною привязанностью ко всѣмъ тварямъ. Но взгляните, и вы замѣтите въ немъ при этомъ уже вовсе не дѣтскую способность къ широко хватающимъ обобщеніямъ. У него не только сжимается сердце при мысли о тѣхъ бѣдныхъ пташкахъ, которымъ придется стать жертвой забавы охотника, но онъ и рассуждаетъ объ этомъ такимъ образомъ: „Кровь — святое дѣло кровь! Кровь солнышка Божія не видитъ, кровь отъ свѣту пря-

чется... великій грѣхъ показать свѣту кровь — охъ, великій!“ И въ этомъ „юродивцѣ“, конечно, гораздо живѣе сказывается человѣкъ, чѣмъ въ свѣтски натертыхъ, элегантныхъ представителяхъ нашего благороднаго класса въ родѣ Пѣночкина, приказывающаго выпороть своего слугу за ненагрѣтое вино за завтракомъ („Бурмистръ“), или же Мардарія Аполлоныча Стегунова, съ добрѣйшей улыбкой вторащаго ударамъ исправительныхъ розогъ: „Чюки-чюки-чюкъ! чюки-чюки-чюкъ!“ („Два помѣщика“.) Но и другимъ еще образомъ сказывается въ Касьянѣ та особаго рода разумность, которую такъ любитъ скрывать самъ народъ въ своихъ сказкахъ подъ кажущеюся глупостью любимаго ихъ лица — Иванушки. Повидимому, до совершеннѣйшей безотвѣтности выносивъ Касьянъ и даже готовъ признать, что опека, конечно, совершенно справедливо разсудила, переселивъ его вмѣстѣ съ другими съ привольной Красивой Мечи на новое, непривольное мѣсто; а между тѣмъ, такъ и рвется его поэтическая душа изъ этой „тѣсноты, сухмени“ на широкій, вольный просторъ — „и туда и сюда, вплоть до теплыхъ морей съ сладкогласными птицами, съ золотыми яблоками на серебряныхъ вѣткахъ и довольствомъ и справедливостью для cadaго человѣка“. И, что особенно замѣчательно, сейчасъ же при этомъ переносится его уже нимало не себялюбивая мысль къ другимъ, такимъ же, какъ онъ, горемыкамъ... „Много, — тужить онъ, — другихъ крестьянъ въ лаптяхъ ходятъ, по міру бродятъ, правды ищутъ... да! А то что дома-то, а? Справедливости въ человѣкѣ нѣтъ, вотъ оно что...“

„Справедливости въ человѣкѣ нѣтъ“ — вотъ чѣмъ оканчиваетъ Касьянъ; и въ этомъ слышится уже затаенный и краткій, по самой своей обобщенности, жизненный выводъ народа изъ явленій крѣпостнаго права. Но юродивецъ Касьянъ гораздо живѣе чувствуетъ неправду его, чѣмъ другія, столько же поэтическія личности въ самомъ народѣ, только не отмѣченныя печатью „юродства“. Вполнѣ безотвѣтнымъ, любовно благоговѣющимъ передъ своимъ господиномъ является въ „Запискахъ охотника“ народный романтикъ Калинычъ. „Ужь ты его у меня не трогай“, говоритъ онъ про помѣщика Полутыкина другу своему, народному реалисту Хорю; и на возраженіе послѣдняго: „А что онъ тебѣ сапоговъ не сошьетъ?“ спокойнѣйшимъ образомъ отвѣчаетъ: „Эка, сапоги! на что мнѣ сапоги? я мужикъ“. Но при такой незлобивой готовности примиряться съ существующимъ порядкомъ вещей, тѣмъ болѣе васъ отталкиваетъ нравственный кругозоръ помѣщика Полутыкина: вспомните безчувственно-откровенное признаніе его про Калиныча: „Усердный, услужливый мужикъ; хозяйство въ исправности, одначе, содержать не можетъ: я его все оттягиваю. Каждый день со мною на охоту ходить... Какое ужъ тутъ хозяйство, посудите сами“. Въ лицѣ Калиныча Тургеневъ развернулъ передъ нами ту сторону природы русскаго человѣка, которая сказывалась, между прочимъ, и въ знаменитыхъ, уже совсѣмъ отживающихъ, типахъ нашихъ дядекъ и нянекъ крѣпостной поры. Наши

наблюдатели нравовъ изъ „благороднаго“ лагеря любятъ объяснять эти типы преобладаніемъ челоуѣчности въ отношеніяхъ помѣщиковъ къ крѣпостнымъ; но едва ли не вѣрнѣе его объяснять добродушіемъ самого народа. Было бы однако же странно, если бы подобныя сердечныя отношенія къ господамъ являлись въ немъ сплошь и къ ряду. И вотъ въ народѣ оказывались и совершенно другія личности — съ рѣшительнымъ перевѣсомъ разсудка, замѣчательно развитаго жизнію; личности себѣ на умѣ, умѣвшія достигать довольно выгоднаго положенія, несмотря на крѣпостное право, а иногда и благодаря ему. Такимъ-то является Хорь, насквозь видѣвшій своего помѣщика, и потому-то именно не только умѣвшій нажить себѣ и дѣтямъ своимъ сапоги, но даже находившій совершенно излишнимъ (хотя и могъ бы) выкупиться на волю. То же практическое направленіе доведено уже до самыхъ крайнихъ предѣловъ въ лицѣ бурмистра помѣщика Пѣночкина. Вспомните его холопскіе панегирики помѣщицъей власти, которые представлялись помѣщику чрезвычайно touchants, а панегиристъ между тѣмъ довелъ имѣніе его до того, что оно только числилось за Пѣночкинымъ, на самомъ же дѣлѣ владѣлъ имъ бурмистръ, — владѣлъ, забравъ къ себѣ въ кабалу всѣхъ крестьянъ, въ чьихъ жалобахъ Пѣночкинъ если и видѣлъ le mauvais côté de la médaille, то слишкомъ оберегалъ свой покой, чтобъ вступать въ разбирательство. Извѣстно, что это было однимъ изъ не особенно рѣдкихъ явленій нашего крѣпостничества, при чемъ неограниченный властелинъ, какъ оно бываетъ и не въ однихъ крѣпостныхъ владѣніяхъ, незамѣтнымъ образомъ обращался въ игрушку своего холопа: совершенно законная кара, но отъ которой, къ несчастію, становилось не лучше, а хуже для всѣхъ, — т.-е. для той же мелкой четы, для тѣхъ же униженныхъ и оскорбленныхъ. Вспомните также и конторщика г-жи Лосняковой („Контора“), къ тому же стакнувшася съ ея „вѣдьмой“ ключницей. Особый оттѣнокъ въ немъ составляетъ расположеніе къ сердечнымъ дѣламъ и способность изъ мести настроить г-жу Лоснякову — не давать разрѣшенія на бракъ съ ея дѣвкой ея челоуѣку, конторщикову сопернику... „Ея господская воля“, неотразимо ссылается при этомъ конторщикъ, подобно какому-нибудь администратору, ссылающемуся на законъ. Но барская воля, какъ неумолимый законъ и въ самомъ вопросѣ о бракѣ, неоднократно сказывается въ „Запискахъ охотника“ во всей своей страшной и, какъ всѣмъ намъ хорошо памятно, заурядной силѣ. Едва ли не съ самой разительной стороны представлено это въ разсказѣ: „Ермолай и мельничиха“, который если бы даже совершенно одинъ уцѣлѣлъ для потомства, то и тогда бы могъ служить вполне удовлетворительною поэтической характеристикой крѣпостной поры. Можно сказать, что даже одинъ разсказъ г. Звѣркова о „черной неблагодарности“ дѣвки Арины достаточно ярко передаетъ всю глубину безнравственности, всю непробужденность чего-либо челоуѣческаго въ заурядныхъ понятіяхъ многихъ изъ нашего благороднаго класса этой еще недавней поры. Дѣвка должна быть благо-

дарна барынь за то, что еще съ дѣтства вырвали ее изъ родной семьи и пожаловали въ горничныя. Неблагодарность ея заключается въ томъ, что она просится замужъ. Г-жа Звѣркова могла бы при этомъ, подражая г-жѣ Простаковой, сказать: „любить, бестія, точно благородная!“ Но не даромъ же наши помѣщичьи нравы смягчились со временъ Фонвизина. Г-нъ Звѣрковъ считаетъ нужнымъ отвѣтить на просьбу Дарьи цѣлымъ доводомъ: „у барышни другой горничной нѣтъ, а замужнихъ она не держитъ“... Другимъ признакомъ усовершенствованія понятій служить, какъ извѣстно, со стороны г. Звѣркова то, что онъ не позволяетъ Аринѣ валяться у него въ ногахъ, потому что „человѣкъ никогда не долженъ забывать свое достоинство...“ Во имя того же, конечно, приходитъ въ негодованіе и г-жа Звѣркова, когда не выноситъ естественныхъ послѣдствій запрета, истекшаго изъ ея барской воли... Дѣйствительно, важный успѣхъ: при Фонвизинѣ гг. Звѣрковы не стыдились бы прямо показываться звѣрями, тогда какъ Тургеневу уже пришлось ихъ представить разыгрывающими людей. Но нашъ авторъ умѣлъ показать, что причиною барскихъ запретовъ того же рода бывала даже и не забота о своихъ выгодахъ и привычкахъ, а просто капризный припадокъ барскаго самодурства. Глядя на Петра Петровича Каратаева, Марья Ильиничнѣ пришлось въ голову женить его на зеленой своей компаніонкѣ, — и отъ этого-то, главнымъ образомъ, она такъ и разозлилась, когда онъ ей предложилъ выкупъ за полюбившуюся ему дѣвку ея Матрену. Конечно, съ другой стороны, въ Марья Ильиничнѣ заговорили при этомъ и чувство помѣщичьяго достоинства — при возмутительной мысли о женитьбѣ дворянина на крѣпостной!

Вспомнимъ затѣмъ и о другихъ, столько же заурадныхъ явленіяхъ крѣпостной поры, столь же вѣрно воспроизведенныхъ Тургеневымъ: о графской метрескѣ, забривающей слугѣ лобъ за шоколадъ, пролитый ей на платьѣ, о барскихъ привычкахъ самого графа Петра Ильича, который, по разсказу стараго дворецкаго Тумана, душа былъ добрая: „побьетъ, бывало, тебя, смотришь, ужъ и позабылъ“ („Малиновая вода“); о рыбацкѣ Сучкѣ, попавшемъ въ это званіе изъ кучеровъ, въ кучера изъ повара, и повара изъ актеровъ, все по барской волѣ (напоминающей въ этомъ отношеніи приемы и не однихъ только баръ) („Льговъ“) и т. д. Но особенно важно, что Тургеневъ и выставлялъ почти исключительно именно такія заурадные явленія крѣпостной поры, нисколько не изыскивая и не подбирая такихъ, про которыхъ можно бы было сказать, что это лишь исключенія — хотя и такихъ такъ называемыхъ исключеній, отъ которыхъ бы волосы у читателя поднялись дыбомъ, оказывалось на Руси не мало. Но въ томъ именно и заключалась неотразимая сила этихъ, какъ бы лишенныхъ всякой умышленности, просто правдивыхъ записокъ, что онѣ не только не преувеличивали дѣйствительности, не приправляли воспроизведенія ея никакими возгласами и не выкапывали различныхъ ужасовъ изъ уголовныхъ архивовъ, но, можно сказать, съ совершенно

эпическою невозмутимостью отражали все то, что встрѣчалось само собою на каждом шагу, и что уже само по себѣ, сведенное въ одинъ сборникъ, подавало достаточный поводъ къ тяжелымъ думамъ. А между тѣмъ, вѣдь, рассказы этого сборника связаны между собою чисто внѣшнею связью, случайною послѣдовательностью охотничьихъ впечатлѣній и наблюдений оттого, что охотникъ постоянно сталкивается съ помѣщиками и крестьянами. Во многихъ мѣстахъ при разсказахъ о прошломъ, онъ обнаруживаетъ готовность думать, что многого уже теперь не дѣлается, и получаетъ при этомъ отвѣтъ: „теперь, вѣстимо, лучше“. И опять-таки тѣмъ лишь сильнѣе дѣйствуютъ при этомъ рассказы, изъ которыхъ оказывается, что на самомъ дѣлѣ-то они не лучше. Такимъ образомъ отъ стараго графа Петра Ильича вовсе не далеко ушелъ его сынъ Валеріанъ Петровичъ, отказывающій въ сбавкѣ оброка крестьянину, лишившемуся своего кормильца-сына. „Да мнѣ съ полагоря, говоритъ крестьянинъ: взять-то съ меня нечего... Ужь, братъ, какъ ты тамъ ни хитри — шалишь; безотвѣтная моя голова“. При этомъ мужикъ разсмѣялся... („Малиновая вода“). И невольно коробитъ васъ, какъ подумаете, что этимъ же горемычнымъ смѣхомъ и теперь еще нерѣдко смѣется мужикъ, когда съ него взыскиваютъ недоимку! А между тѣмъ вѣдь и самъ, довольно близко стоящій къ народу, однодворецъ Овсянниковъ еще въ то время увѣрялъ нашего охотника, что „теперь лучше; а нашимъ дѣткамъ еще лучше будетъ“. По словамъ его, „много воды утекло“ съ тѣхъ поръ, какъ дѣдъ охотника, присвоивъ себѣ землю отца Овсянникова, прибавокъ его же и высѣкъ у себя подъ окнами, да еще поглядывалъ при этомъ съ балкона вмѣстѣ съ женой. „Много воды утекло, времена пришли другія“, продолжаетъ Овсянниковъ. И въ дворянахъ видитъ онъ перемѣну большую, — а все же на повѣрку выходитъ изъ собственныхъ его словъ, что на самомъ дѣлѣ перемѣна лишь кажущаяся. „Вы, можетъ, знаете Королева? обращается онъ къ охотнику. „Въ ниверситетахъ обучался, кажись, и за границей побывалъ, говоритъ плавно, скромно, всѣмъ намъ руки жметъ... Какъ дѣло дошло до размежеванія, заговорилъ, что отъ этого крестьянину будетъ легче, что помѣщику грѣшно не заботиться о благосостояніи крестьянъ... Дворяне-то всѣ носы повѣсили; я самъ, ей-ей, чуть не прослезился... А чѣмъ кончилось? Самъ четырехъ десятинъ мохового болота не уступилъ и продать не захотѣлъ“. Показывая подобнаго рода примѣрами, что и въ ближайшее время къ намъ даже самое высшее образованіе не было въ силахъ, путемъ нравственнаго улучшенія дворянъ, добиться того, чего идилически ожидалъ Карамзинъ (не только во время „Записокъ охотника“, но еще и очень недавно имѣвшій у насъ въ этомъ отношеніи единомышленниковъ); — нашъ трезвый неумолимо правдивый писатель показываетъ вслѣдъ за тѣмъ, многого ли можно было дожидаться также и отъ тѣхъ хлыщей народнаго направленія, полагавшихъ его исключительно въ однѣхъ фразахъ, отъ тѣхъ, какъ онъ прозвалъ ихъ, Пустозвоновыхъ, которые дѣйствительно только

звонили себѣ о народѣ и вовсе не умѣли или даже не хотѣли справиться службы ему на самомъ дѣлѣ. „Смотрять мужики: что за диво! Ходить баринъ въ плисовой поддевкѣ, словно кучеръ... Я де русскій, и вы русскіе... я русское все люблю... ну, дѣтки, спойте-ка русскую народственную пѣсню... А самъ, словно красныя дѣвушки, все книги читаетъ, или пишетъ... Прежній-то приказчикъ на первыхъ порахъ вовсе перетрусился... А вмѣсто того вышло... самъ Господь не разберетъ, что такое вышло. Позвалъ его къ себѣ Василій Николаевичъ (Пустозвоновъ) и говоритъ, а самъ краснѣетъ: „будь справедливъ у меня — не притѣсняй никого“. Да съ тѣхъ поръ его къ своей особѣ не требовалъ“... Продолжалъ себѣ сидѣть, уткнувъ носъ въ свои книжки, и предаваться отвлеченнымъ соображеніямъ о народности, а жизни вокругъ себя предоставилъ итти своимъ старымъ ходомъ, благо облекшись въ одежду простонародную, ни мало не отвѣдалъ чрезъ это крестьянской доли. Такимъ образомъ посредствомъ примѣровъ, приводимыхъ тѣмъ же Овсянниковымъ, нашъ охотникъ въ корнѣ опровергалъ его мнѣніе, будто бы „теперь лучше, а нашимъ дѣткамъ и еще лучше будетъ“. Нѣтъ, какъ бы хотѣлъ своей книгой сказать охотникъ, пока будетъ стоять крѣпостное право, ни намъ ни нашимъ потомкамъ лучше не будетъ!

Нарисовавъ съ поразительной правдой нѣсколько совершенно обыкновенныхъ картинъ изъ жизни простого русскаго человѣка, нашъ охотникъ срисовалъ вмѣстѣ съ тѣмъ съ природы и нѣсколько чудныхъ картинъ его смерти. „Удивительно умираетъ русскій мужикъ!“ восклицаетъ онъ. Состояніе его передъ кончиной нельзя назвать ни равнодушіемъ ни тупостью; онъ умираетъ, словно обрядъ совершаетъ: „холодно и просто“. И эта совершенно покойная встрѣча смерти вполне понятна послѣ жизни русскаго мужика, какою обрисовали ее Тургеневъ, жизни, въ которой терять было нечего и которая точно такъ же просто и холодно выполнялась имъ до конца, какъ заданный скучный, но неизбѣжный урокъ! Но и тутъ, какъ вездѣ, у нашего писателя, подъ этою холодностью теплится то тихое любовное чувство, безъ котораго бы рѣшительно невыносимую сдѣлалась жизнь и которое тутъ сказывается то въ насущной заботѣ объ оставляемой семьѣ, то въ потребности попроситься, т.-е., по русскому смыслу слова, попросить прощенья у окружающихъ. Но совершенно такъ же, какъ русскій мужикъ, умираетъ, по поэтическому свидѣтельству Тургенева, и всякій русскій человѣкъ, въ отношеніи къ которому, по народному выраженію, судьба явилась злой мачехой. Вспомните смерть недоучившагося студента Авенира Сорокоумова, для котораго безотрадная доля домашняго наставника въ домѣ малоразвитыхъ людей оказалась, какъ оказывается для многихъ, своего рода, закрѣпощеніемъ. Вспомните, наконецъ, и смерть старушки-помѣщицы, которая собиралась сама заплатить за свою отходную, заплатить съ давнихъ поръ, быть можетъ, припасеннымъ на этотъ случай рублемъ. Очевидно, что это одна изъ мелкопомѣстныхъ, къ которымъ относится въ „Запискахъ охотника“ и мать больной дѣвушки, влюбляющейся въ „уѣзднаго лѣкаря“.

Вывода передъ нами такіе, въ свою очередь, возбуждающіе жалость, типы бѣдныхъ помѣщицъ, нашъ писатель доказываетъ этимъ, какъ далека онъ былъ отъ того, чтобы выставять помѣщиковъ исключительно со стороны ихъ отношеній къ крестьянамъ и исключительно въ невыгодномъ свѣтѣ. Напротивъ, даже участіе возбуждаютъ у него не только такіе, уже самой своей бѣдностью располагающія въ свою пользу личности, но и живущая въ полномъ довольствѣ, добродушная, съ здравымъ умомъ, Татьяна Борисовна, или даже безгласная мать Радилова, да и самъ Радиловъ, котораго охотнику такъ и хотѣлось бы „получше узнать и полюбить, хотя иногда въ немъ и сказывался помѣщикъ“ (между прочимъ и въ чисто барскихъ его отношеніяхъ къ проживающему у него Федору Михеичу). А вспомните Чертопханова-сына, являющагося преемникомъ своего взбалмошно-грознаго отца. „Несправедливости, притѣсненія онъ вчуже не выносилъ; за мужиковъ своихъ стоялъ горою... Какъ, молъ трогать? Де не будь я Чертопхановъ!...“ Вспомните и его заступничество за Недоплюскина, и въ своемъ родѣ трогательную, хотя и не безъ юмористическаго оттѣнка, дружбу обоихъ.

При такой способности Тургенева подмѣчать и выказывать чело-вѣческія черты и въ самихъ помѣщикахъ, его „Записки охотника“ не могли представляться направленными съ огульной враждой противъ нихъ и указывающими только на тѣ стороны общественнаго ихъ положенія, которыми неизбежнымъ образомъ искажались и самыя сочувственныя между ними натуры. Но и это опять-таки лишь придавало „Запискамъ охотника“ новую неотразимую силу, наглядно указывая на то, что тутъ дѣло не въ звѣрской грубости нашихъ помѣщиковъ (которой, пожалуй, могло бы оказаться и больше при всѣхъ соблазнахъ неограниченнаго права), не въ недостатокѣ между помѣщиками тѣхъ добродушныхъ личностей, которыя могутъ являться и независимо отъ образованія съ его смягчающими вліяніями, а дѣло было въ неестественности самыхъ отношеній, самой этой неразрывной связи между людьми съ неограниченными правами и людьми совершенно безправными. И хотя бы И. С. Тургеневъ не написалъ ничего послѣ „Записокъ охотника“, все бы имя его осталось навсегда незабвеннымъ въ исторіи нашей литературы.

Миллеръ.

Причины успѣха „Записокъ охотника“.

Тургеневъ началъ свое литературное поприще стихами и повѣстями, которые были не лучше и не хуже того, что тогда требовалось отъ журнальныхъ стиховъ и повѣстей. Громкая извѣстность его началась въ 1847 году, когда стали являться въ „Современникѣ“ его „Записки охотника“. Тутъ талантъ его возмужалъ, попалъ на прямую дорогу и выработался въ привлекательныхъ особенностяхъ. „Записки охотника“ — произведеніе, которое, при всей своей безы-

скуственности и кажущейся легкости, составляет одинъ изъ самыхъ прочныхъ памятниковъ нашей литературы. Достоинство его, какъ печаль Пушкина, сравненная имъ съ виномъ, „чѣмъ старѣй, тѣмъ сильнѣй“. При появленіи „Записокъ охотника“ можно было не совѣмъ довѣрять себѣ въ мнѣніи о безотносительномъ ихъ достоинствѣ и подозревать, что мнѣніе это невольно закуплено въ ихъ пользу гуманною тенденціей, такъ искренно и, можно сказать, невольно высказывавшеюся въ этихъ разказахъ, которые тогда казались слишкомъ смѣлыми, и возбудили такое множество нареканій при выходѣ ихъ отдѣльною книгой въ 1842 г. Но съ тѣхъ поръ утекло много воды. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ какъ *листъ перевернулся*. „Записки охотника“ въ этомъ отношеніи далеко обогнаны разными произведеніями второй и даже третьей руки, послѣ которыхъ то, что оказалось *смыслотю* въ 1852 г. теперь стало общими мѣстами, всѣми признанными и нестѣящими повторенія. Цѣлые разряды людей, высказывавшихъ тогда гоненія на благородную господствующую тенденцію автора, не только измѣнились, но отчасти ударились въ противоположную крайность. Они не только принялись отыскивать и вставлять тщательно все, что можетъ служить къ оправданію этихъ тенденцій, и что совершенно справедливо, но стали приводить съ торжествомъ въ подкрѣпленіе ихъ факты, происходящіе отъ совершенно постороннихъ причинъ, примѣры, которые могутъ случиться вездѣ, что уже не очень добросовѣстно. Кричать, негодовать, обличать въ извѣстныхъ случаяхъ, какъ бы по данному сигналу, очень легко. Въ короткое время мы успѣли уже присмотрѣться къ поучительному маскараду, и выучились узнавать старыхъ знакомыхъ подъ новыми костюмами, и тѣхъ, которые надѣли новые, и тѣхъ, которые сняли прежніе, и очутились въ скрытыхъ когда-то тщательно подъ другими переодѣваніями. Мы прислушались къ хору тѣхъ, которые такъ легко рѣшаютъ самые многосложные вопросы, упрощая ихъ подведеніемъ всѣхъ подъ одинъ, и переважно повторяютъ передѣланный по-своему насмѣшливый припѣвъ Беранже о причинахъ событій 1789 года: „*C'est la faute de Rousseau, c'est la faute de Voltaire*“. Мы привыкли къ безконечнымъ возгласамъ дешевой лжи — филантропіи, о которой недавно было упомянуто въ одной академической рѣчи. Послѣ всего этого „Записки охотника“ потеряли прелесть запрещеннаго плода: вкусъ нашъ, приученный къ болѣе крѣпкимъ явствамъ, притучился. Надо, чтобы то, что подаютъ намъ безъ возбуждающихъ приправъ, было отчѣнно, тонко и превосходно, чтобы мы продолжали цѣнить по достоинству восхищавшее насъ за много лѣтъ тому назадъ. И „Записки охотника“ выдержали этотъ искусь съ полною честью; перепечатанные въ 1858 году, онѣ имѣли тотъ же успѣхъ, а теперь выходятъ еще новымъ изданіемъ въ собраніи сочиненій Тургенева. Тутъ успѣхъ ихъ основанъ уже именно на высококомъ ихъ художественномъ достоинствѣ, въ которомъ слились и великое дарованіе поэта и глубина наблюдателя и мыслителя, не ищущая доказывать то или другое

положеніе, но создающая дружно съ поэтическими представленіями живыя плѣнительныя картины дѣйствительности, говоряція сами собою и за себя. Попробуйте сдѣлать такой опытъ съ нѣкоторыми другими, даже весьма замѣчательными произведеніями литературы, напримѣръ, хоть съ „Губернскими очерками“ Щедрина, которые стали появляться не дальше какъ за пять лѣтъ, и вы увидите, выдержать ли они подобнаго рода испытаніе. Да, „Записки охотника“ одинъ изъ чистѣйшихъ перловъ русской поэзіи, одно изъ капитальнѣйшихъ твореній нашей литературы.

Лонгиновъ.

Свѣтлый образъ Лукерьи, взятый изъ родника народной жизни въ разсказѣ: „Живыя мощи“.

Разсказъ Тургенева „Живыя мощи“, помѣщенный въ „Складчинѣ“, принадлежитъ къ давно прошедшему времени. Онъ назначался въ свое время въ „Записки охотника“, но случайно не вошелъ въ нихъ, отысканъ авторомъ въ старыхъ бумагахъ и напечатанъ имъ теперь въ „Складчинѣ“ въ томъ соображеніи, что „указаніе на *долготерпѣніе* русскаго народа будетъ не вполне неумѣстно на *страницахъ* книги, изданной съ цѣлью посильной помощи голодающимъ самарскимъ крестьянамъ. Соображеніе Тургенева оказалось вдвойнѣ основательнымъ; нельзя было найти вклада, болѣе соответствующаго мысли изданія, а самой книгѣ лучшаго подарка.

„Живыя мощи“, по художественной правдѣ и тонкости рисунка, принадлежатъ къ той счастливой эпохѣ Тургенева, когда былъ написанъ этотъ разсказъ. Если, при желаніи быть очень придирчивымъ, и можно было бы замѣтить нѣкоторую манерность; если въ постановкѣ сюжета сказывается какое-то вліяніе Жоржъ-Сандовскихъ идиллій того времени, то все это исчезаетъ безъ слѣда подъ силою главнаго впечатлѣнія, которое выносить читатель изъ этого маленькаго разсказа. Кѣмъ бы ни былъ данъ камертонъ Тургеневу, взятый имъ мотивъ — чисто русскій мотивъ, образъ Лукерьи, этой когда-то счастливой дѣвушки, которую онъ находитъ безропотно угасающей въ амшаникѣ забытаго хутора — чисто русскій образъ. Поэзія этой безконечной кротости, этого свѣтлаго, почти счастливаго отношенія Лукерьи къ своимъ страданіямъ, бьетъ живымъ ключомъ изъ родника нашей народной жизни, когда-то непосредственно знакомой и любезной Тургеневу. Если общая мысль „Записокъ охотника“ и шла далѣе за предѣлы исключительно художественнаго направленія, то отношенія автора къ изображавшейся въ нихъ дѣйствительности были вполне художественскія. Дѣйствительность эта не гнулась, не коверкалась подъ шаблонъ заданной а priori задачи; она изображалась *telle quelle*, совѣстливо, съ чувствомъ истины жизни. То, что думалъ онъ, что хотѣлъ сказать, сказалось не имъ, даже не тѣми, кого онъ выставилъ передъ своимъ читателемъ; оно исходило само собой изъ поэтическаго

освѣщенія, которое онъ давалъ своему предмету, и изъ того искренняго умиленія, которымъ онъ былъ тогда проникнутъ. Это умиленіе сказывается и въ его „Живыхъ мощахъ“. Свѣтлый образъ Лукерьи представляетъ собою рѣзкій контрастъ съ тѣми безчисленными типами протеста и отрицанія, что почти исключительно создавалось нашею литературою въ теченіе цѣлой четверти вѣка (имъ же теперь, на склонѣ лѣтъ, посвящаетъ свои заграничныя досуги и Тургеневъ): онъ нисколько не противорѣчитъ духу „Записокъ охотника“, не разить фальшивою нотою въ общей гармоніи этого произведенія. „Мельничиха“, „Касьянъ съ Красивой Мечи“, умирающіе мужики, — все это сродни Лукерѣ, все это тѣ же, подмѣченныя поэтомъ, черты русской дѣйствительности, не подкрашенные и не искаженные въ угоду идеѣ автора. Эта художественная объективность, относящаяся и къ темнымъ и яснымъ сторонамъ родной жизни, долго составлявшая лучшее качество Тургенева, даетъ разсказу, помѣщенному въ „Складчинѣ“, обаятельный характеръ. М.

„Муму“ и „Постоялый дворъ“.

Повѣсть „Муму“ (написанная въ 1852 году) есть высокое художественное произведеніе, въ которомъ возвышенная мысль о злѣ крѣпостнаго права органически слилась съ поэтическимъ творчествомъ. Герой произведенія, нѣмой крестьянинъ Герасимъ (очень симпатичная личность, стоящая близко къ природѣ, къ землѣ, которую онъ обрабатываетъ и любитъ), оторванъ по прихоти барыни отъ этой земли, переведенъ въ городъ и сдѣланъ дворникомъ. Свыкшись съ новой участію и примирившись съ судьбою, Герасимъ полюбилъ своимъ простымъ сердцемъ кроткую и безотвѣтную дворовую дѣвушку Татьяну. Но тутъ опять прихоть барыни разрушаетъ его счастье: скучающая помѣщица выдумываетъ женить на Татьянѣ бабшачника Капитона для отрезвленія его отъ загуловъ. Герасимъ привязывается послѣ этого къ спасенной имъ собакѣ, которую онъ называетъ Муму; но и тутъ снова, въ третій разъ, самовольная прихоть помѣщицы наноситъ ударъ его любящему сердцу: собака беспокоитъ нервы барыни своимъ невѣжливымъ отношеніемъ къ барской ласкѣ и своимъ лаемъ, и ее велѣно удалить со двора. Въ отчаяніи Герасимъ рѣшаетъ самъ утопить свою любимицу. Но когда онъ привелъ свое намѣреніе въ исполненіе, сердце его до такой степени переполнилось горемъ, что онъ, смиренный, покорный и безотвѣтный, забываетъ все, забываетъ власть барыни, и идетъ назадъ въ деревню, къ землѣ, къ своей крестьянской работѣ. Силу молчаливаго протеста его противъ суроваго произвола инстинктивно почувствовала сама барыня: она оставила его въ деревнѣ, объявивъ, „что такой неблагодарный человѣкъ ей вовсе не нуженъ“.

Характеры лицъ въ этой повѣсти, — барыни, самого Герасима, дворецкаго Гаврилы, Татьяны и другихъ, — изображены живо и художественно, и съ удивительнымъ юморомъ нарисованъ легкомысленный башмачникъ Капитонъ. Прекрасно изображена и собака нѣмого ¹⁾).

Въ одинъ годъ съ „Муму“ написана совершенно соотвѣтствующая этому произведенію по духу и содержанію повѣсть „Постоялый дворъ“. Только здѣсь губить людей не капризная прихоть, а самостоятельное барское корыстолюбіе. Крестьянинъ Акимъ содержитъ постоялый дворъ на землѣ своей помѣщицы Лизаветы Прохоровны; человекъ дѣльный и хорошій, онъ страдалъ однимъ недостаткомъ — влюбчивостью, и подъ старость женился на молодой дѣвушкѣ, горничной Авдотѣ. Та было свыклась со своей долей; но подвернулся ловкій красавецъ Наумъ, и она увлеклась, — отдавъ ему сердце свое, она похитила для него и деньги мужа. На эти деньги Наумъ купилъ у помѣщицы дворъ Акіма, успокоивъ сговорчивую совѣсть барыни тѣмъ, что вѣдь Акимъ ея же крестьянинъ. Доведенный до отчаянья разореніемъ, Акимъ хотѣлъ поджечь свой бывшій домъ; но былъ пойманъ ловкимъ соперникомъ. И вотъ здѣсь повѣсть пріобрѣтаетъ особое значеніе: поэтъ показываетъ намъ, какъ нравственно-высоко можетъ подниматься душа простаго русскаго человѣка. Акимъ проситъ Наума отпустить его и взамѣнъ предлагаетъ не считать его своимъ должникомъ: „владѣй всѣмъ! я согласенъ и желаю тебѣ всякой удачи“. Наумъ отпускаетъ его. И Акимъ перерождается душою; собственно говоря, нравственное возрожденіе его началось раньше, ночью, когда онъ, пойманный, былъ запертъ въ подвалѣ.

„Подъ ударомъ неожиданнаго и незаслуженнаго несчастья, въ чаду отчаянья, рѣшилъ онъ (разсказываетъ поэтъ) на преступное дѣло; оно потрясло его до основанія и, неудавшись, оставило въ немъ одну глубокую усталость... Чувствуя свою вину, оторвался онъ сердцемъ отъ всего житейскаго и началъ горько, но усердно молиться. Сперва молился шопотомъ; наконецъ, онъ, можетъ-быть, случайно, громко произнесъ: Господи: — и слезы брызнули изъ его глазъ... Долго плакалъ онъ, и утихъ наконецъ“.

Отпущенный на свободу, онъ все прощаетъ врагу своему, прощаетъ и барынѣ, все забываетъ; онъ идетъ къ женѣ — мирится съ нею, отдаетъ ей остатки своихъ пожитковъ. Онъ вполне христіански смиряется, — и себя самого признаетъ главнымъ виновникомъ своихъ несчастій:

„Самъ и виноватъ — и наказанъ... Люби кататься — люби и саночки возить. Лѣта мои старыя, пора о душенькѣ своей подумать. Меня Самъ Господь вразумилъ. Вишь я, старый дуракъ, съ молодой женой хотѣлъ въ свое удовольствіе пожить... Нѣтъ, братъ-старикъ,

¹⁾ Сочувственно-сострадательное отношеніе поэта къ животному побудило, какъ извѣстно, „Общество покровительства животныхъ“ послать свою депутацію на похороны великаго романиста.

ты сперва помолись, да лбомъ о-земь постучи, да потерпи, да по-постись...“

Несчастіе свое онъ признаетъ посѣщеніемъ Божиимъ, предостереженіемъ ему и вразумленіемъ, — и онъ посвящаетъ себя Богу, становится странникомъ по святымъ мѣстамъ: „вездѣ, куда только стекаются богомольные русскіе люди, можно было увидѣть его исхудавшее и постарѣвшее, но все еще благообразное и стройное лицо: и у раки св. Сергія, и у Бѣлыхъ береговъ, и въ Оптиной пустыни, и въ отдаленномъ Балаамѣ; вездѣ бывалъ онъ... Изъ края въ край скитался онъ своимъ тихимъ, не торопливымъ, но безостановочнымъ шагомъ, — говорить, онъ побывалъ въ самомъ Іерусалимѣ... Онъ казался совершенно спокойнымъ и счастливымъ, и много говорили о его набожности и смиренномудрїи тѣ люди, которымъ удавалось съ нимъ бесѣдовать“.

Очевидно, что религіозно-нравственному возрожденію Акима, религіозному идеалу русскаго народа вполне сочувствуетъ въ повѣсти самъ поэтъ, какъ вполне сочувствуетъ онъ Лукерѣ въ очеркѣ „Живыя мощи“. Въ духѣ этихъ воззрѣній, въ духѣ этого идеала онъ говоритъ и про Наума, который, продавши выгодно свой дворъ, занялся (по слухамъ) хлѣбной торговлей и разбогатѣлъ: „на долго ли? Не такіе столбы валились, а злomu дѣлу рано или поздно приходитъ злой конецъ“.

Повѣсти „Муму“ и „Постоялый дворъ“ были сочувственно приняты славянофилами, какъ произведенія совершенно въ народномъ духѣ и вполне сочувственно изображающія народную жизнь. И Тургеневъ зналъ, что онѣ должны быть такъ приняты: онъ прислалъ рукописи обоихъ произведеній семейству Аксаковыхъ, съ которыми, т.-е. съ Сергѣемъ Тимоѣичемъ и съ сыновьями его Константиномъ и Иваномъ Сергѣевичами, онъ былъ одно время близокъ; онъ прислалъ имъ эти повѣсти, какъ вещи, которыя могли имъ „особенно понравиться“.

Разсмотрѣнные произведенія великаго поэта показываютъ намъ, какъ глубоко проникъ онъ въ народную жизнь и душу и какъ искренно сочувствовалъ онъ русскимъ народнымъ началамъ. Онъ подготовился этимъ къ своимъ будущимъ, вполне зрѣлымъ созданіямъ, — ко второму, главному періоду своей дѣятельности.

Незеленовъ.

Дневникъ лишняго человѣка.

„Дневникъ лишняго человѣка“ былъ напечатанъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ за 1850 годъ. Повѣсть имѣла видъ вещи, недодѣланной, написанной черезъ силу, — а что всего невыгоднѣе, ее какъ бы насквозь проникалъ тотъ заунывно-тусклый тонъ разсказа, который успѣлъ опротивѣть русскому читателю чрезъ частое, мно-

голѣтнее повтореніе. Публика встрѣтила дневникъ довольно холодно: иные цѣнители, не взирая на все свое сочувствіе къ Тургеневу, замѣтили во всеуслышаніе, что въ нашей новой словесности и безъ „Лишняго человѣка“ слишкомъ много госпитальныхъ фигуръ, сѣтующихъ на свою судьбу да умирающихъ отъ чахотки по разнымъ унылымъ захолустьямъ. И замѣчаніе цѣнителей и холодность публики имѣла свое основаніе. Дѣйствительно, наша беллетристика за цѣлое десятилѣтіе успѣла уже прискучить своимъ направленіемъ — кислымъ, печальнымъ, тоскливымъ, однообразно нахмуреннымъ направленіемъ. Писатель, конечно, воленъ касаться всѣхъ возможныхъ сторонъ жизни, никто не долженъ препятствовать ему въ разработкѣ самыхъ темныхъ проявленій въ обществѣ; но въ видахъ искусства необходимо, чтобъ сказанная разработка производилась съ силою поэтической, а не съ той бессильной лѣнностью, которая даетъ рассказчику видъ человѣка, говорящаго съ читателемъ нехотя, какъ бы изъ милости. Гоголь въ этомъ отношеніи представлялъ всѣмъ новѣйшимъ писателямъ примѣръ, достойный вниманія. Ничто не можетъ быть грустнѣе похощеній Поприщева, Акакія Акакіевича, наконецъ, художника Пискарева въ „Невскомъ Проспектѣ“. Болѣзненные и загнанные судьбой люди, сейчасъ названные, конечно, не пробудятъ въ читателѣ идиллическаго или панглосовскаго настроенія, но имѣютъ ли они въ себѣ хотя что-нибудь кислое, — принадлежитъ ли исторіографъ къ числу лицъ, говорящихъ нехотя? Отразились ли на манерѣ Гоголя, могучаго творца объективныхъ образовъ, болѣзненные особенности героевъ, имъ избранныхъ? Отрѣшился ли нашъ великій художникъ, хотя бы въ одной слабой подробности, отъ частицы энергіи, его таланту свойственной? Нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ, скажемъ мы съ полнымъ убѣжденіемъ. Гоголь ни разу не говорилъ читателю: „говоря о печальныхъ дѣлахъ, я приму печальную мину; изображая бѣдныя личности, я потороплюсь самъ сдѣлать гримасу покіслѣе“. Тонъ его остался однимъ и тѣмъ же въ „Шинели“ и въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ“; рука, набросавшая „Портретъ“, такъ же твердо держитъ свою кисть, рисуя лицо „Сумасшедшаго“. Онъ всегда одинаковъ съ читателемъ, ибо всегда стоитъ одинаково высоко надъ міромъ, имъ изображаемымъ. Онъ не допускаетъ сентиментализма ни въ свѣтлую ни въ темную сторону. Его глубоко оскорбило бы извѣстіе о томъ, что читатель, пробѣгая повѣсти Гоголя, сидитъ въ уныломъ положеніи, съ опущенной головою, съ безплодно-плаксивыми колебаніями въ сердцѣ. Въ Гоголѣ не найдемъ мы ничего тусклаго и унылаго: при самыхъ грустныхъ разказахъ взглядъ его не менѣе зорокъ, рѣчь не меньше энергична, какъ при разказахъ, исполненныхъ смѣха или свѣтлой поэзіи. Всего этого не видали многіе изъ хвалителей Гоголя, да и всѣ его литературные послѣдователи. По милости этихъ особъ, не лишенныхъ дарованія, но черезчуръ субъективныхъ въ своихъ твореніяхъ, наша новая литература и пріобрѣла тотъ госпитальный запахъ, отъ котораго не легко ей было отбиться.

Въ 1850 году запахъ, о которомъ говоримъ мы, былъ открытъ и указанъ, его уже начинали выкуривать прочь, — а какъ всегда водится и въ подобныхъ случаяхъ, общее сознание о присутствіи неприятнаго запаха дѣлало его еще болѣе ощутительнымъ.

Въ такую-то невыгодную пору подоспѣлъ „Дневникъ лишняго человѣка“. Тонъ разказа, можетъ-быть, доставившій бы ему сильный успѣхъ за пять лѣтъ назадъ, въ 1850 году показался крайне устарѣлымъ, а потому вся повѣсть встрѣчена была совсѣмъ не такъ, какъ она того заслуживала. Нынѣ она появляется сызнова послѣ „Рудина“ и „Двухъ пріятелей“, разливающихъ особенный свѣтъ на ея нѣкоторыя загадочныя стороны. Шестъ лѣтъ, протекшія между двумя изданіями „Дневника“, прошли не бесплодно какъ для литературы, такъ и для многихъ вопросовъ, неразрѣльныхъ съ ходомъ словесности, — а потому мы и находимъ возможность отдать справедливость лучшей сторонѣ сказаннаго произведенія.

Въ „Дневникѣ лишняго человѣка“, какъ и слѣдуетъ ожидать, одинъ только герой: больной помѣщикъ Чулкатуринъ, самъ себя называющій „лишнимъ человѣкомъ“. Почему именно признаетъ онъ себя существомъ лишнимъ на свѣтѣ, — объ этомъ дневникъ его даетъ намъ понятіе въ немногихъ словахъ, обильныхъ горькой ироніей.

„Я именно человѣкъ лишній. Къ другимъ людямъ это слово непримѣнимо... Люди бываютъ добрые, злые, умные, глупые, пріятные или непріятные, но лишніе... нѣтъ!... Безполезность не главное ихъ качество, и вамъ, когда вы говорите о нихъ, слово „лишній“ не первое приходитъ на языкъ. А я... про меня ничего другого и сказать нельзя... лишній да и только. Сверхштатный человѣкъ — вотъ и все. На мое появленіе природа, очевидно, не рассчитывала и вслѣдствіе того обошлась со мной, какъ съ неожиданнымъ и незваннымъ гостемъ. Не даромъ про меня сказалъ одинъ шутникъ, большой охотникъ до преферанса, — что моя матушка мною обремизилась... *Во все продолженіе моей жизни я постоянно находилъ свое мѣсто занятымъ, можетъ-быть, оттого, что искалъ это мѣсто не тамъ, гдѣ бы слѣдовало*“.

Въ этомъ литературномъ отрывкѣ (а продолженіе его вполне достойно начала) сказывается намъ и здравость авторскаго замысла и богатство поэтическаго возрѣнія въ повѣствователѣ. Уступая современной рутинѣ въ тонѣ разказа, Тургеневъ отходитъ отъ нея во многихъ частностяхъ, особенно въ чрезвычайно значительномъ выраженіи: „во все продолженіе моей жизни я постоянно находилъ свое мѣсто занятымъ, можетъ-быть, оттого, что искалъ это мѣсто не тамъ, гдѣ бы слѣдовало“. Свѣтлую эту мысль необходимо имѣть въ виду всякому цѣнителю, пытающемуся комментировать послѣднія произведенія нашего автора, исходомъ которыхъ все-таки служить Чулкатуринъ, не взирая на его отчасти госпитальныя качества. Человѣкъ, не находящій себѣ мѣста на свѣтѣ, потому, *можетъ-быть*, что ищетъ

себѣ мѣста не тамъ, гдѣ слѣдуетъ, — не есть уже простой, захандрившійся герой, такъ любимый нашими старыми новеллистами. Страданія его уже не принадлежать къ вѣдѣнію одной медицины или скорѣе — отдѣла о душевныхъ болѣзняхъ. На горести его никто не имѣетъ права глядѣть съ унылымъ выраженіемъ безплоднаго сожалѣнія, ибо онѣ кроются не въ одномъ разстройствѣ организма физическаго, не въ одномъ раздраженіи тѣлнныхъ мыслей, не въ одной вялости нравственной. Лицо лишняго человѣка можетъ назваться лицомъ довольно рѣдкимъ въ современномъ обществѣ, но никакъ не исключительнымъ. Въ созданіи его поэтъ не увлекался ни причудливостью ни подражательностью; трудъ рассказчика здѣсь не можетъ назваться пѣсней съ чужого голоса или дидактическимъ памфлетомъ. Больной и унылый Чулкатуринъ есть типъ своего рода, — типъ, принадлежащій кружку не большому, но замѣчательному. Онъ истинно лишній человѣкъ, одинъ изъ тѣхъ лишнихъ людей, безъ которыхъ не существуетъ ни одного молодого общества.

Чтобы достаточно оцѣнить законность „Лишняго человѣка“ въ литературѣ, необходимо будетъ вдаваться въ нѣкоторыя общія соображенія какъ о самомъ субъектѣ, такъ и о недугѣ, которому онъ подверженъ. Всякое общество, въ особенности юное и быстро просвѣщающееся, можетъ указать на нѣкоторое число лицъ, по своему нравственному развитію достойныхъ зваться передовыми людьми извѣстнаго народа. По уму своему, по воспитанію, по избытку благородныхъ чувствъ, наконецъ, по счастливо сложившимся событіямъ первой юности, такіе люди не только зовутся цвѣтомъ всего общества, но совокупностію своей дѣятельности приносятъ ему богатые плоды въ будущемъ. Изъ такихъ людей выходятъ мыслители и администраторы, поэты и герои, артисты и джентльмены (принимая это слово въ его истинномъ значеніи). Но, къ сожалѣнію, изъ того же класса людей зарождаются или страдалцы своего генія (впрочемъ, подобные люди рѣдко остаются непризнанными), или, что бываетъ гораздо чаще, лица, гибнущія отъ неспособности употребить свои силы для блага себѣ и своимъ собратіямъ. Причина бѣдствія тутъ весьма понятна. Человѣческое общество не есть торговое депо, гдѣ всякій товаръ, пригодный и раскупаемый тутъ же, находитъ себѣ мѣсто по изъявленію на него потребности; а одаренные люди не имѣютъ сходства съ сырыми произведеніями, отсылаемыми для сбыта туда, гдѣ оказывается на него наибольшій спросъ. Съ другой стороны, и одаренные люди по временамъ бессознательно уклоняются отъ своего долга, состоящаго въ томъ, чтобъ добросовѣстно искать въ обществѣ почвы, необходимой для ихъ дѣятельности. Отъ разлада между двумя силами, необходимыми одна для другой, непрерывно происходятъ печальныя явленія и въ самомъ обществѣ, и еще болѣе, въ существованіи людей, щедро одаренныхъ природою. Тутъ надо искать основаніе героевъ, на первый взглядъ кажущихся озлобленными, мрачными, унылыми, непрактическими, вялыми, — наконецъ, *лигними*. Законъ

природы тутъ часто приходитъ на помощь подобнымъ натурамъ, помогая имъ сживаться со всѣми несовершенствами свѣта. Но не всѣ натуры, подготовленныя къ полезной общественной дѣятельности, бываютъ способны на тяжелую и сугубую борьбу, за которой часто слѣдуетъ слава съ примиреніемъ. Не всѣ развитые дѣятели практичны по своей натурѣ, не всѣ они одарены нравственною силою, способностью къ труду и терпѣніемъ. Многіе уклоняются отъ дѣла при самомъ его началѣ. Многіе, начавши трудъ важно и благородно, сами производятъ себя въ лишніе люди и, вдобавокъ, еще грустно тѣшатся своимъ безсиліемъ.

Лишніе люди бывали всегда и во всѣхъ обществахъ, только видоизмѣненія ихъ различны въ каждомъ поколѣніи. Во всѣхъ просвѣщенныхъ классахъ каждаго народа они чахнутъ и живутъ, но типы ихъ бываютъ несходны между собою. Тургеневъ видалъ на своемъ вѣку не мало лишнихъ людей и имѣлъ случай изучить ихъ добросовѣстно. На его глазахъ выступилъ въ міръ науки, литературы и гражданской дѣятельности цѣлый кругъ юношей, щедро одаренныхъ природою, исполненныхъ вѣры во все прекрасное. Многіе изъ этихъ сверстниковъ его ученическихъ годовъ сразу поняли свое призваніе и отыскиали для себя утѣшительную дѣятельность. Иной изъ нихъ отдалъ всю душу наукѣ, другой сталъ служить отечеству болѣе практической службою, третій прославилъ свое имя въ мірѣ поэзіи. Другимъ житейскій успѣхъ дается труднѣе. Житейская дѣятельность не принесла съ собою лавровъ и розъ; но они, послѣ нѣсколькихъ колебаній, твердо пошли по своей скромной и, можетъ-быть, самой счастливой дорогѣ. Третьи не нашли себѣ мѣста для дѣятельности, можетъ-быть, потому, что, какъ чахоточный Чулкатуринъ, искали это мѣсто не тамъ, гдѣ его искать слѣдовало. Общество ихъ не поняло, и они не захотѣли уразумѣть общества, а потому ихъ вѣкъ стоитъ назваться вѣкомъ истинно лишнихъ людей, достойныхъ одного сожалѣнія.

Остается намъ сказать нѣсколько словъ еще объ одномъ, нѣсколько низшемъ разрядѣ людей лишнихъ. Этотъ разрядъ — довольно многочисленный и самый несчастный въ мірѣ — состоитъ изъ лицъ далеко не передовыхъ по дарованію, но по положенію своему стоявшихъ нѣкоторое время въ кругу наиболѣе развитыхъ личностей своего времени. Вовлеченные въ міръ людей сильныхъ по уму и просвѣщенію, подготовленныхъ къ жизненной борьбѣ, они сами ни къ чему не готовы и ни въ чемъ не имѣютъ силы. Отъ сознанія своей слабости въ нихъ развивается съ особенной силою та стыдливость, мнительность, раздражительность, которыя дѣлаютъ этотъ разрядъ лишнихъ людей еще болѣе негоднымъ къ практической дѣятельности. Такимъ несчастливцамъ не бываетъ пріюта нигдѣ — ни въ водоворотѣ житейскихъ здоровыхъ интересовъ ни на прохладныхъ метафизическихъ вершинахъ, часто посѣщаемыхъ болѣе одаренными, хотя и лишними ихъ сверстниками. Ихъ страданія никого почти не трогаютъ, ихъ голосъ не слушается никѣмъ, ихъ болѣзненное самолюбіе вѣчно пугается и мучится отъ

самой простой причины. Въ толпѣ бесполезнѣйшихъ членовъ общества, въ заднихъ рядахъ науки и литературы, на заднихъ дворахъ нашей журналистики, имѣлось всегда нѣсколько жалкихъ людей такого разбора, очень часто добрыхъ по натурѣ, но остающихся безъ дѣла или вдающихся въ постыдныя крайности отъ признанія своего ничтожества. Къ такому плачевному разбору людей надобно быть жалостливымъ и сострадательнымъ, хотя бы они, повидимому, стоили противнаго, хотя бы они, въ безнадежномъ своемъ ослѣпленіи, изрыгали хулу на все то, что мы считаемъ прекраснымъ въ мірѣ искусства. Если бы люди, издѣвающіеся надъ жалкими литературными крикунами, надъ бездарными зоилами ничтожнаго разряда, знали достаточно, сколько горя и страданія скрыто въ этихъ, повидимому, смѣшныхъ лишнихъ чудакахъ, ихъ бы отзывы и шутки прекратились въ минуту.

Чулкатуринъ Тургенева есть нѣчто среднее между высшимъ и низшимъ разрядомъ лишнихъ людей: онъ недостаточно даровитъ для того, чтобъ имѣть право на широкую дѣятельность въ свѣтѣ, но не столько бездаренъ, чтобъ быть ниже какой бы то ни было дѣятельности. Онъ уменъ, но умъ его сходенъ съ умомъ дитяти, озадаченнымъ массою только что прибрѣтенныхъ свѣдѣній, поставленнымъ въ невозможность сдѣлать изъ нихъ какое-либо примѣненіе. Онъ образованъ настолько, чтобъ отдѣлиться отъ массы невѣждъ и пошляковъ обыденнаго міра, но не настолько, чтобъ имѣть полное сознаніе своего долга къ обществу и людямъ. Онъ мнителенъ, ребячески самолюбивъ и даже желченъ; но желчь Чулкатурина, какъ это всегда бываетъ у подобныхъ людей, обращается на него самого, — не на что-либо другое. Чулкатуринъ до такой степени проникнутъ сознаниемъ своей неспособности тягаться съ жизнью, что даже не можетъ ѣдко говорить о жизни: онъ ѣдокъ, лишь говоря о себѣ самомъ, на себя самого изливаетъ онъ горькій юморъ, накопившійся въ его душѣ, за долгое время испытаній. Сознаніе собственной неспособности, о которой говоримъ мы, въ „Лишнемъ человѣкѣ“ есть черта типическая, дающая жизнь и красу всему представленію. Кто изъ насъ не встрѣчалъ въ жизни цѣлаго разряда, несомнѣнно, хорошихъ людей, опустившихъ руки, съжившихся нравственно и повторяющихъ при всякомъ столкновеніи съ міромъ дѣйствительности: „Я здѣсь ничего не могу сдѣлать, я человѣкъ мысли, — я существо неспособное“. Нечего и говорить о томъ, что въ большей части особъ, такъ говорящихъ, нѣтъ никакой неспособности или несостоятельности, — что они сами напустили на себя это несчастное сознаніе, и вяло сложили руки тамъ, гдѣ всякій трудится, исполняя свой долгъ по мѣрѣ средствъ, ему данныхъ.

Готовность поминутно признавать себя неспособными, печальное уклоненіе отъ всякой житейской дѣятельности — есть серіозная болѣзнь многихъ просвѣщенныхъ людей нашего времени. Мечтая о подвигахъ, для нихъ недоступныхъ, такіе люди упускаютъ изъ вида настоятельный долгъ жизни, сказывающейся имъ поминутно; напрягая свое зрѣніе не въ ту сторону, куда слѣдуетъ, они не видятъ предме-

товъ, стоящихъ передъ ихъ носомъ. Замкнувшись въ своемъ уныломъ рефлекторствѣ, они обманываютъ и себя и общество, имѣющее право требовать отъ нихъ труда на общую пользу. Подумаемъ о томъ, сколько зла происходитъ въ свѣтѣ отъ преувеличеннаго мнѣнія многихъ умныхъ людей по поводу своей неспособности! Сколько у насъ благодушнѣйшихъ идеалистовъ, не желающихъ заниматься своимъ имуществомъ, поручающихъ его управленію наемщика, избѣгающихъ всякой мысли о порядкѣ въ имѣніи — и все это на основаніи своей мнимой неспособности къ практическому дѣлу! Мало ли у насъ чиновниковъ, истинно желающихъ добра, поставленныхъ въ возможность бороться съ злоупотребленіями — а вмѣсто добра и борьбы со зломъ повторяющихъ съ властью: „я человѣкъ слабый, у меня нѣтъ силъ на такое дѣло!“ И въ мѣрѣ науки, и въ простой свѣтской жизни сколько найдемъ мы такихъ же вялыхъ героевъ, съ ихъ странными понятіями о самихъ себѣ, съ недоувѣріемъ къ силѣ человѣческой воли, съ бесплодными началами фатализма въ убѣжденіяхъ! Такъ, полезное предпріятіе, задуманное превосходно, гложетъ отъ недостатка энергіи въ основателяхъ, — въ другомъ мѣстѣ люди становятся похожи на гнилое дерево, къ которому страшно прислониться, потому что оно сейчасъ затрепичитъ и свалится. Вялые и нравственно неряшливые люди зарождаютъ вокругъ себя атмосферу нравственнаго неряшества, съ которою знакомъ всякій, кто сколько-нибудь жилъ въ современномъ обществѣ. Не отъ лжи, не отъ злонамѣренности людей совершается великое количество неправды въ обществѣ: оно происходитъ, по большей части, отъ нашей вялости, отъ непониманія человѣческаго достоинства, отъ неумѣнія просвѣщенныхъ людей стоять на своихъ ногахъ. Когда-то мы были уже очень горды и упивались „Корсаромъ“ Байрона; теперь мы умаились духомъ до того, что намъ стало ни во что считать себя лишними персонами въ обществѣ. Мы раскисаемъ, поддаемся моральному неряшеству, боимся смѣло глядѣть въ глаза другимъ людямъ, рефлектерствуемъ и хандримъ, — а во всемъ этомъ, конечно, часть вины выпадаетъ на долю людей *лишнихъ* или зовущихъ себя лишними.

Вотъ на какую точку зрѣнія цѣнитель долженъ стать для того, чтобъ съ полнымъ сознаніемъ судить о типическихъ сторонахъ лишняго человѣка такъ, какъ онѣ выражены въ повѣсти Тургенева. Чулкатуринъ, конечно, заслуживаетъ нѣкотораго презрѣнія за свою нравственную вялость; но какъ человѣкъ, взятый изъ дѣйствительности, олицетворяющій собою извѣстныя стороны своего поколѣнія, онъ имѣетъ право на наше вниманіе. Если бъ онъ и не былъ тѣмъ кроткимъ, убитымъ судьбою поэтически-развитымъ существомъ, какое является намъ въ „Дневникѣ“, мы и тогда признали бъ въ немъ своего рода симпатичность. Нельзя не пожалѣть о томъ, что Тургеневъ представилъ намъ Чулкатурину чахоточнымъ, умирающимъ, прощающимся съ жизнью. Вслѣдствіе этой прихоти, имѣющей въ себѣ нѣчто рутинное, сочувствіе цѣнителя, отвращаясь отъ страданій Чулкатурина, какъ

человѣка лишняго, тянется къ тому же герою, какъ къ бѣдному и одному пациенту, осужденному на скорую кончину. Для того, чтобы наблюдать за тонкими сторонами души человѣческой, надо видѣть ее въ нормальномъ положеніи, — не въ періодъ безнадежности или неисцѣлимаго отчаянія. Не грустный мотивъ повѣсти намъ непріятенъ, — непріятно намъ то, что грусть, ее наполняющая, частію происходитъ отъ причинъ внѣшнихъ и нарочно придуманныхъ сочинителемъ. Какъ дневникъ безнадежно больного, записка Чулкатурина совершенство въ своемъ родѣ — нѣкоторыя его страницы словно написаны послѣ тяжелаго пароксизма лихорадки; другія же напоминаютъ намъ, если позволено такъ выразиться, *святлыя минуты болѣзни*, съ отбѣнкомъ успокоенія нѣжной мечтательности, трогательныхъ душевныхъ порывовъ. И все-таки, за интересомъ патологическимъ отчасти меркнетъ психологическая сторона разсказа, а самъ лишній человѣкъ дѣйствуетъ передъ читателемъ лишь въ одномъ эпизодѣ своей жизни, — эпизодѣ любовномъ, какъ про то можно догадаться.

Вообще нашъ авторъ слишкомъ часто вредитъ замыслу важныхъ повѣстей чрезъ свое пристрастіе къ любовнымъ приключеніямъ. Конечно, онъ весьма силенъ въ своихъ разсказахъ, основанныхъ на любви; конечно, сама тема, по своей нестоимости, представляетъ много простора его дарованію, но бываютъ обстоятельства, при которыхъ повѣствователю не бесполезно сдерживать себя по сказанной части. Если бы „Дневникъ лишняго человѣка“ составлялъ цѣлую книгу, исторія Чулкатурина и Лизы Южиной нисколько бы не вредила идеѣ всей вещи; но теперь, при небольшомъ объемѣ повѣсти, она поглощаетъ собою цѣлый „Дневникъ“ и всего героя. Только черезъ этотъ эпизодъ, и то мимоходомъ, — признаемъ мы въ бѣдномъ Чулкатуринѣ человѣка, исполненнаго благородныхъ стремленій, кроткое существо, жаждущее любви, способнаго и на счастье, и на трудъ, и на примиреніе съ жизнью. Мы видимъ въ немъ и умъ, и нравственное развитіе, и образованіе, несравненно высшее той бѣдной сферы, куда судьба его бросила. Вся исторія Лизы и Чулкатурина дѣлаетъ величайшую честь автору, но значительно ли она подвигаетъ насъ въ знаніи лишнихъ людей? обнимаетъ ли она собою жизнь и духовный міръ героя, долженствующаго оказаться лицомъ типическимъ? Какъ ни вялъ и какъ ни хрупокъ Чулкатуринъ, всякій юноша скажетъ вамъ, что не можетъ человѣкъ взрослый, наконецъ, погибнуть отъ одной неудачной любви къ кому бы то ни было. Каждый строгій изслѣдователь современныхъ недуговъ пожелаетъ увидать лишняго человѣка въ столкновеніи съ другими важными сторонами жизни; а столкновенія эти составляющія сущность всего замысла повѣсти, совершенно упущены изъ виду ея авторомъ. Жизнь наша состоитъ не изъ одной любви и не изъ однихъ умозрѣній надъ своей персоною: есть въ ней практическія стороны, съ которыми ни одинъ смертный не избѣгнетъ коллизіи; а между тѣмъ, Чулкатуринъ, лишній человѣкъ современнаго общества, живетъ какъ бы внѣ свѣта и всѣхъ его

интересовъ. Мы даже не знаемъ, какъ онъ воспитывался, чѣмъ добывалъ онъ себѣ кусокъ хлѣба, почему именно онъ даетъ замѣтить, что искалъ себѣ мѣста, можетъ-быть, не тамъ, гдѣ бы слѣдовало. Есть еще одна совершенно неразъясненная черта въ лишнемъ человѣкѣ: рассказывая о своей несчастной страсти, онъ набрасываетъ страницы восхитительной прелести... Страницы эти, исполненные высокой поэзіи, не есть авторская прихоть, не представляютъ разлада съ общимъ изложеніемъ дневника.

Тургеневъ не заставитъ ничтожнаго человѣка говорить такъ очаровательно: ни Пѣтушковъ ни Астаховъ въ „Запискахъ“ у него не произнесутъ такой крылатой лирической рѣчи. Стало-быть, мы получаемъ право признать въ „Лишнемъ человѣкѣ“ духъ поэтически развитой, очи, не чуждыя высокаго просвѣтлѣнія. Этому грустному дитяти вѣка нашего судьба послала на помощь крылатога генія поэзіи, — если не той поэзіи, которая идетъ въ печать и даетъ славу смертнымъ, — то, по крайней мѣрѣ, той, что озаряетъ и *осмысливаетъ* всю жизнь нашу. Любимая дѣвочка въ роцѣ при солнечномъ закатѣ еще не вырветъ могучаго поэтическаго звука изъ души, не одаренной способностью на подобные звуки. Герой Тургенева, какъ мы имѣемъ право его понимать, былъ вооруженъ однимъ лишь доспѣхомъ для борьбы жизненной; по какой же причинѣ мы, едва познакомившись съ нимъ, видимъ его безоружнымъ, слабымъ, истекающимъ кровью? Мы желаемъ знать, въ подробности знать о томъ, далеко ли провожалъ его на пути жизни крылатый геній, ему посланный, сколько разъ освѣщала онъ тернистую дорогу несчастнаго смертнаго, вслѣдствіе какихъ причинъ отлетѣлъ онъ отъ него, послѣ долгой борьбы, въ существованіи которой сомнѣваться невозможно? На вопросы эти „Дневникъ лишняго человѣка“ даетъ мало отвѣтовъ. Читателю предоставляется право думать, что вся исторія лишняго человѣка замкнута въ картинахъ его бѣдной любви, — но мы не можемъ такъ думать, несмотря на все наше довѣріе къ рассказчику.

Мы обсудили, насколько могли, главные достоинства и главные недостатки одной изъ повѣстей Тургенева, наиболѣе важныхъ въ цѣли его произведеній. Затѣмъ, общій выводъ скажетъ самъ собою. „Дневникъ лишняго человѣка“, не взирая на многія несовершенства исполненія, стоитъ назвать явленіемъ отраднымъ и много обѣщающимъ. По идеѣ своей онъ касается тонкихъ и въ высшей степени замѣчательныхъ явленій въ современномъ обществѣ, — исполненіе его, хотя и имѣющее весьма замѣтный разладъ съ сказанной идеею, стоитъ великой похвалы въ художественномъ отношеніи. Форма дневника, допускающая нѣкоторыя уклоненія отъ объективности въ представленіяхъ, какъ нельзя лучше подходитъ къ дарованію автора, за него взявшагося. Не во многихъ повѣстяхъ Тургенева встрѣчаются проблески поэзіи столько же сильные, какъ въ „Дневникѣ лишняго человѣка“.

Дружининъ.

„Люди 40-хъ годовъ“ и Рудинъ, какъ типичный представитель этой эпохи.

До 40-хъ годовъ наша художественная литература не отставала отъ жизни: едва — въ дѣйствительности — успѣвало обозначиться извѣстное теченіе общественной мысли, извѣстное настроеніе, опредѣленный родъ „соціального самочувствія“ людей передовыхъ и мыслящихъ, какъ уже и въ литературѣ появлялся соотвѣтственный *художественный типъ*. Такъ, художественные типы Чацкаго, Онѣгина, Печорина являлись, можно сказать, по горячимъ слѣдамъ жизни, въ то самое время, когда жили и дѣйствовали настоящіе, живые Чацкіе, Онѣгины и Печорины. Ихъ образъ мысли, ихъ характерная душевная складка, ихъ негодованіе, протестъ, грусть, тоска, степень достигнутого ими самосознанія, — все это было взято поэтами прямо въ дѣйствительности, еще не отшедшей въ прошлое, подслушано, подмѣчено въ живой душѣ человѣческой.

Такимъ образомъ, 20-е и 30-е годы, со стороны передового движенія, въ типичныхъ чертахъ умственной жизни и общаго душевнаго склада мыслящихъ и чувствующихъ людей эпохи, непосредственно отразились въ современной же художественной литературѣ.

Этого нельзя сказать о 40-хъ годахъ. Изображеніе и анализъ душевнаго склада лучшихъ людей этой эпохи стало возможнымъ лишь по завершеніи ея, заднимъ числомъ, когда, въ годину безвременной первой половины 50-хъ годовъ и позже, во второй ихъ половинѣ, наканунѣ реформъ, было — на досугъ — продумано, осмыслено и критически оцѣнено умственное, моральное и общественное наслѣдіе 40-хъ годовъ. Художественный итогъ этому наслѣдію былъ впервые подведенъ *Тургеневымъ* въ „Рудинѣ“ (1885) и въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“ (1858). Типы *Рудина* и *Лаврецькаго*, по своему общественно-психологическому смыслу и художественному значенію, являются для „людей 40-хъ годовъ“ тѣмъ же, чѣмъ Чацкій и Онѣгинъ — для людей 20-хъ годовъ, а Печоринъ — для извѣстной части поколѣнія 30-хъ.

Умственная и вообще духовная жизнь людей 40-хъ годовъ была значительно сложнѣе душевнаго обихода Чацкихъ, Онѣгиныхъ и даже Печоринныхъ. Работа мысли стала интенсивнѣе, кругъ умственныхъ интересовъ расширился, ярко обозначились философскія стремленія. вмѣстѣ съ тѣмъ и вліяніе западно-европейскихъ идей и литературныхъ направленій стало дѣйствительнѣе и плодотворнѣе, ибо они воспринимались уже не какъ мода, не подражательно, а перерабатывались — худо ли, хорошо ли — самостоятельной работой мысли. Явились первостепенные — творческіе — умы, какъ *Герценъ* и *Бюлинскій*. Наконецъ, обособлялись опредѣленные, ясно выраженные, оригинально разработанныя направленія или формы нашего національнаго и общественнаго самосознанія — *западничество* и *славянофильство*.

Замѣтно измѣнился и классовый составъ мыслящей части общества. Въ 20-хъ и частью еще въ 30-хъ годахъ люди мыслящіе и

чувствующіе принадлежали къ великосвѣтскому кругу и слоямъ, близкимъ къ нему, съ присоединеніемъ небольшого числа лицъ, вышедшихъ изъ другихъ слоевъ. Въ 40-хъ годахъ центръ умственной жизни перемѣщается въ „средній“ классъ — богатаго, зажиточнаго и бѣднаго дворянства, съ присоединеніемъ уже болѣе значительнаго числа лицъ изъ другихъ „низшихъ“, слоевъ. Общій душевный обликъ этихъ людей былъ уже не тотъ, какой мы находимъ у представителей мыслящей части великосвѣтскаго круга. Наслѣдственныя черты дворянскаго, помѣщичьяго склада, барскаго воспитанія и столь же барскаго отношенія къ вещамъ и людямъ, конечно, сохранялись и нерѣдко обнаруживались, такъ или иначе; но онѣ уже значительно смягчались общеніемъ съ „разночинцами“, вліяніемъ философскаго образованія, широтою и разнообразіемъ умственныхъ интересовъ, наконецъ, нивелирующимъ воздѣйствіемъ университетской среды, студенческой жизни. Эти баричи уже не переходили изъ студентовъ въ офицеры, рѣдко и лишь случайно появлялись въ великосвѣтскомъ и чиновномъ кругу и жили обособленною жизнью въ тѣсныхъ дружескихъ кружкахъ, гдѣ умственные и нравственные интересы преобладали надъ всѣмъ прочимъ.

Напряженная работа мысли и совѣсти, совершавшаяся въ этихъ кружкахъ, была тогда явленіемъ совершенно новымъ на Руси. Тутъ-то вырабатывались и созрѣвали, какъ въ теплицѣ, тѣ своеобразныя душевныя явленія, которыми психологія „людей 40-хъ годовъ“ характеризуется по преимуществу, замѣтно отличаясь отъ душевнаго склада какъ предшествующихъ, такъ и послѣдующихъ поколѣній.

Эти-то отличія, эта своеобразная душевная складка и были потомъ мастерски воспроизведены Тургеневымъ въ его романахъ и повѣстяхъ, особенно — въ „Рудинѣ“ и „Дворянскомъ гнѣздѣ“.

Біографіи и переписка дѣятелей того времени, такіе *документы* эпохи, какъ „Дневникъ“ Герцена и его романъ „Кто виноватъ?“, яркая картина интимной жизни кружковъ, съ неподражаемымъ мастерствомъ изображенная имъ же въ „Былое и Думы“, воспоминанія Анненкова и т. д., — все это даетъ изслѣдователю цѣнный матеріалъ, которымъ онъ можетъ провѣрить правильность художественныхъ обобщеній, сдѣланныхъ Тургеневымъ. Такая провѣрка показала бы, что, дѣйствительно, въ Рудинѣ, Лаврецкомъ, Лежневѣ, Михалевичѣ, Пасынковѣ, вводномъ лицѣ Покорскаго и мн. др. Тургеневъ вполнѣ удачно отмѣтилъ самое важное, самое существенное, чѣмъ душевный міръ людей 40-хъ годовъ характеризовался по преимуществу.

На первый планъ выдвигается здѣсь то, что можно назвать *философскою жаждою*. Ни одно поколѣніе не отличалось этой чертою въ такой мѣрѣ, какъ именно поколѣніе 40-хъ годовъ, когда съ такимъ рвеніемъ философствовали и западники и славянофилы.

Замѣчу здѣсь мимоходомъ, что у насъ, русскихъ, потребность въ философской систематизаціи знанія и опыта жизни, запросовъ мысли и тревоги совѣсти образуетъ черту національнаго умственнаго склада, сближающую насъ съ нѣмцами, при чѣмъ, однако, у насъ замѣтно

выдѣляется настойчивое стремленіе добиться, путемъ философскаго объединенія, „прямыхъ отвѣтовъ“ на „проклятые“ вопросы и найти здѣсь нравственную санкцію. Наша философская мысль преслѣдуетъ, преимущественно, задачи „практическаго разума“, даже тогда, когда уносится въ заоблачныя высоты метафизики. Есть что-то *религіозное* въ философскихъ построеніяхъ и исканіяхъ нашихъ мыслителей. Это мы видимъ и у Бѣлинскаго, и у Герцена, и у Бакунина, и, наконецъ, у матеріалистовъ и позитивистовъ 60-хъ и 70-хъ годовъ. Ярko обнаруживается эта черта въ замѣчательной (еще далеко не оцѣненной по достоинству) философской работѣ П. Л. Лаврова...

✓ Національная черта, о которой мы говоримъ, впервые и съ особливою напряженностью обнаружилась въ „философской жадѣ“ людей 40-хъ годовъ, философскія увлеченія которыхъ принимали такіе размѣры и выработались въ такихъ формахъ, какія въ послѣдующее время уже не встрѣчаются.) Можетъ быть, только теперешніе „нео-идеалисты“ могутъ отчасти поспорить съ ними въ этомъ отношеніи. Но послѣдніе, вмѣстѣ со всѣми нами, какъ философствующими, такъ и не философствующими, стоятъ вплотную лицомъ къ лицу съ очередными историческими „проблемами“ — не „идеализма“, а *жизни*, не имѣющими непосредственной связи съ философскою, а тѣмъ болѣе метафизическою, систематизаціей, — и, можно опасаться, ихъ философствованіе останется втуне. Люди 40-хъ годовъ не имѣли передъ собою такихъ задачъ (кромѣ подготовки освобожденія крестьянъ, задачи трудной и, какъ отмѣтимъ ниже, непосильной имъ), — и они могли вволю и досыта философствовать, выдвигая впередъ отвлеченные вопросы и общегуманную сторону мышленія. Работая и томясь въ этихъ границахъ, они подготовили возможность раціональной постановки — въ будущемъ — общественныхъ задачъ и проложили путь нравственному воспитанію послѣдующихъ поколѣній.

✓ Вотъ именно эту исключительную жажду философскихъ откровеній, свойственную людямъ 40-хъ годовъ, и изобразилъ Тургеневъ въ слѣдующихъ словахъ Лежнева о Рудинѣ:

„Видите ли (повѣствуетъ Лежневъ Александрѣ Павловнѣ), я вамъ сейчасъ сказалъ, что онъ (Рудинъ) прочелъ немного, но читалъ онъ философскія книги, и голова у него такъ была устроена, что онъ тотчасъ же изъ прочитаннаго извлекалъ все общее, хватался за самый корень дѣла и уже потомъ проводилъ отъ него во всѣ стороны свѣтлыя, правильныя нити мысли, открывалъ духовныя перспективы... Положимъ, онъ говорилъ не свое, — что за дѣло! но стройный порядокъ водворялся во всемъ, что мы знали, все разбросанное вдругъ соединялось, складывалось, вырастало передъ нами, точно зданіе, все свѣтлѣло, духъ вѣялъ всюду... Ничего не оставалось безсмысленнымъ, случайнымъ; во всемъ сказывалась разумная необходимость и красота, все получало значеніе ясное и въ то же время таинственное; каждое отдѣльное явленіе жизни звучало аккордомъ, и мы сами, съ какимъ-то священнымъ ужасомъ благоговѣнія, съ сладкимъ сердечнымъ трепетомъ

чувствовали себя какъ бы живыми сосудами вѣчной истины, орудіями ея, призванными къ чему-то великому...“ (глава VI).

Итакъ, Рудинъ — *философская голова*. Какъ умъ, онъ воплощаетъ въ себѣ черты, которыми несомнѣнно обладали выдающіеся дѣятели эпохи, въ особенности Бѣлинскій, Бакунинъ, Герценъ и Хомяковъ. Но, повидимому, рисуя Рудина, какъ умъ, Тургеневъ имѣлъ въ виду преимущественно *Бакунина*, перваго у насъ насадителя гегельянской философіи. То, что мы знаемъ о его умѣ, діалектическихъ способностяхъ и самой манерѣ говорить, въ самомъ дѣлѣ живо напоминаетъ Рудина. Анненковъ отмѣчаетъ „многосторонность, быстроту и гибкость“ ума Бакунина, его „страсть къ витійству“, „врожденную изворотливость мысли“ и „пышную, всегда какъ-то праздничную по своей формѣ, шумную, хотя и нѣсколько холодную, малообразную и искусственную рѣчь“ („Воспоминанія и крит. очерки“, III, стран. 23). (Здѣсь только выраженіе — „малообразная“ (рѣчь) не согласуется съ тѣмъ, какъ Тургеневъ изображаетъ краснорѣчіе Рудина.) Извѣстно, какое сильное вліяніе имѣлъ въ концѣ 30-хъ годовъ Бакунинъ на Бѣлинскаго, въ періодъ пресловутаго „примиренія съ дѣйствительностью“, апостоломъ котораго былъ тогда Бакунинъ. Не меньшее впечатлѣніе производилъ онъ и за границей. Анненковъ приводитъ любопытныя свѣдѣнія, относящіяся ко второй половинѣ 40-хъ годовъ: „...уже и тогда приходили къ нему (Бакунину) за совѣтомъ и разъясненіемъ по вопросамъ философскаго, отвлеченнаго мышленія, и при томъ такіе люди, какъ, напримѣръ, Прудонъ. Одинъ изъ умныхъ и развитыхъ французовъ... созывалъ ради Бакунина своихъ знакомыхъ и при этомъ говорилъ: я вамъ покажу чудище (une monstruosité) по сжатой діалектикѣ и по лучезарной концепціи сущности всяческихъ (par sa dialectique serrée et par sa perception lumineuse des idées dans leur essence) — (тамъ же, стран. 173).

Но за вычетомъ ума и діалектики, а также, можетъ быть, и нѣкоторыхъ чертъ характера, которыми Рудинъ отчасти напоминаетъ Бакунина, мы скажемъ, что въ остальномъ между ними нѣтъ сходства. Бакунинъ, несомнѣнно, былъ доктринеръ и фанатикъ, чего отнюдь нельзя сказать о Рудинѣ. Диллетантъ мысли и благородныхъ чувствъ, Рудинъ имѣетъ опредѣленныя убѣжденія и, навѣрное, никогда не измѣнилъ бы имъ, но мы не видимъ, чтобы онъ слѣдовалъ какой-либо доктринѣ, и въ его отношеніяхъ къ идеямъ нѣтъ фанатизма. Можно думать только, что въ 50-хъ годахъ Бакунинъ представлялся Тургеневу, какъ умъ и отчасти характеръ, приблизительно въ томъ свѣтѣ, въ какомъ изображенъ Рудинъ, но видѣть въ послѣднемъ вѣрную копію съ перваго нельзя.

√ Постараемся прослѣдить, какъ развивается въ романѣ характеръ и весь духовный обликъ Рудина.

Въ той сценѣ, гдѣ онъ впервые появляется (гл. III), онъ обрисованъ, какъ отличный діалектикъ, ловкій спорщикъ и мастеръ говорить. Безъ труда, двумя тремя удачными „ходами“ сбивъ съ позиціи

Пигасова, онъ разговаривался и овладѣлъ общимъ вниманіемъ. Онъ „говорилъ умно, горячо, дѣльно: выказалъ много знанія, много начитанности...“ Въ числѣ слушателей были и такіе, которыхъ не подкупишь звонкой фразой: это Басистовъ и Наталья, отзывчивые юные умы и чистыя, чуткія сердца, — изъ числа тѣхъ, которые, при всей неопытности, какимъ-то чутьемъ сразу отличаютъ настоящую мысль отъ поддѣлокъ подъ нее и сейчасъ же почувствуютъ фальшь, если она есть, какою бы красивою и убѣдительною формою выраженія она ни прикрывалась. И вотъ оказывается, что рѣчами Рудина „больше всѣхъ были поражены Басистовъ и Наталья“. „У Басистова чуть дыханье не захватило; онъ сидѣлъ все время съ открытымъ ртомъ и выпученными глазами — и слушалъ, слушалъ, какъ отроду не слушалъ никого, а у Натальи лицо покрылось алой краской, и взоръ ея, неподвижно устремленный на Рудина, и потемнѣлъ и заблесталъ...“ Очевидно, въ рѣчахъ Рудина звучали ноты глубокой искренности, да изъ дальнѣйшаго мы убѣждаемся, что онъ — человекъ несомнѣнно искренній, въ особенности когда говоритъ, когда проповѣдуетъ... Въ этой же главѣ мы знакомимся съ его краснорѣчіемъ, съ его манерой говорить: „Разсказывалъ онъ не совсѣмъ удачно. Въ описаніяхъ его недоставало красокъ. Онъ не умѣлъ смѣшнить“. Но въ общихъ разсужденіяхъ, развитіи мысли онъ былъ неподражаемъ, умѣя дѣйствовать и на мысль и на чувство. Прочтемъ еще слѣдующее: „Обиліе мыслей мѣшало Рудину выражаться опредѣлительно и точно. Образы смѣнялись образами; сравненія, то неожиданно смѣлыя, то поразительно вѣрныя, возникали за сравненіями. Не самодовольною изысканностью опытнаго говоруна, — вдохновеніемъ дышала его нетерпѣливая импровизація. Онъ не искалъ словъ: они сами послушно приходили къ нему на уста, и каждое слово, казалось, такъ и лилось прямо изъ души, пылало всѣмъ жаромъ убѣжденія. Рудинъ владѣлъ едва ли не высшею тайной — музыкой краснорѣчія. Онъ умѣлъ, ударяя по однѣмъ струнамъ сердець, заставлятъ смутно звенѣть и дрожать всѣ другія. Иной слушатель, пожалуй, и не понималъ въ точности, о чемъ шла рѣчь; но грудь его высоко поднималась, какія-то завѣсы разверзались передъ его глазами, что-то лучезарное загоралось впереди...“

Передъ нами настоящій талантъ — оратора, трибуна. Эта черта не случайна: она характерна для „людей 40-хъ годовъ“, у которыхъ, рядомъ съ философскими дарованіями, выдѣлялись и „словесныя“, очень цѣнившіяся и имѣвшія несомнѣнное значеніе въ ихъ жизни и дѣятельности. Объ ораторскомъ талантѣ Бакунина мы говорили выше. Хомяковъ былъ удивительный діалектикъ и спорщикъ. Бѣлинскій, когда былъ въ ударѣ, развивалъ необычайную силу рѣчи. Грановскій былъ образцовый лекторъ. Евг. Ѳ. Коршъ блисталъ „мѣткимъ и ядовитымъ остроуміемъ“, по свидѣтельству Анненкова („Восп. и крит. очерки“, III, 120). Блескъ и обаяніе рѣчи Герцена достаточно извѣстны. Весьма характерно то, что въ воспоминаніяхъ объ эпохѣ 40-хъ годовъ, какъ, напр., соответственные главы „Былого и думъ“ Герцена,

„Замѣчательное десятилѣтіе“ Анненкова и др., такъ обстоятельно говорится о „словесныхъ“ способностяхъ и особенностяхъ лицъ, которымъ посвящены воспоминанія, точно ихъ авторы уже ожидаютъ отъ читателя вопроса Александры Павловны: „а какъ онъ говорилъ?“ Намъ невольно вспоминаются при этомъ Наталья и Басистовъ, пораженные рѣчью Рудина, да и вообще вырисовывается *то обаяніе*, какое въ тѣ годы производило умное, просвѣщенное, искреннее, горячее, красно-рѣчивое слово. Приведу слѣдующее мѣсто изъ воспоминанія Анненкова, относящееся къ Герцену, но вмѣстѣ съ тѣмъ рисующее и самого, тогда юнаго, автора въ положеніи Басистова: „Признаться сказать, меня *ошеломилъ и озадачилъ*¹⁾, на первыхъ порахъ знакомства (съ Герценомъ), этотъ необычайно подвижный умъ, переходившій съ неистощимымъ остроуміемъ, блескомъ и непонятной быстротой отъ предмета къ предмету, умѣвшій схватить и въ складѣ чужой рѣчи, и въ простомъ случаѣ изъ текущей жизни, и въ любой отвлеченной идеѣ ту яркую черту, которая даетъ имъ фیزیономію и живое выраженіе. Способность къ поминутнымъ, неожиданнымъ сближеніямъ разнородныхъ предметовъ... была развита у Герцена въ необычайной степени, — такъ развита, что подъ конецъ даже утомляла слушателя. Неугасающій фейерверкъ его рѣчи, неистощимость фантазіи и изобрѣтенія, какая-то безоглядная расточительность ума приводили постоянно въ изумленіе его собесѣдниковъ („Восп. и крит. оч.“, III, 78).

„Люди 40-хъ годовъ“ много учились, читали, много мыслили и много разговаривали, — разговаривали гораздо больше своихъ предшественниковъ и своихъ преемниковъ. Ихъ интимная жизнь протекала въ частыхъ дружескихъ бесѣдахъ, въ которыхъ они отводили душу, и въ нескончаемыхъ спорахъ, въ которыхъ выяснялись ихъ мысли; ихъ разногласія, опредѣлялись ихъ отношенія къ дѣйствительности. „Слово“ было ихъ „дѣло“. Взамѣнъ того въ практической дѣятельности — даже въ узкихъ предѣлахъ возможнаго и доступнаго тогда — они обнаруживали невыдержанность, неумѣлость, отсутствіе дѣловитости и инициативы. Въ этомъ смыслѣ по ихъ адресу высказывались въ 50-хъ и 60-хъ годахъ суровые упреки, въ которыхъ было много справедливаго. Но эти упреки приходится теперь смягчить — не только ссылкой на „независящія обстоятельства“ и общія условія времени, но также и на *психологію* самихъ дѣятелей. Принимая во вниманіе ея важнѣйшія черты, мы скажемъ такъ: главнѣйшая очередная задача времени — улучшеніе быта крѣпостныхъ и подготовка ихъ эманципации — занимала въ ихъ сознаніи, въ ихъ мысляхъ и спорахъ, а равно и въ ихъ дѣятельности далеко неподобающее мѣсто. Правда, тѣ изъ нихъ, которые владѣли крѣпостными, старались улучшить ихъ бытъ, переводили съ барщины на оброкъ, относились къ нимъ гуманно. Но вѣдь это только тотъ минимумъ, который былъ нравственно обязателенъ для всякаго порядочнаго, добраго помѣщика, и старый

¹⁾ Курсивъ мой.

реакціонеръ Шишковъ въ этомъ отношеніи не только уступалъ имъ, но и превосходилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ¹⁾. Одинъ только Огаревъ рѣшился отпустить своихъ крестьянъ на волю, взявъ съ нихъ ничтожный сравнительно съ милліоннымъ состояніемъ) выкупъ (500.000 руб. за знаменитый Бѣлоумъ — цѣлое феодальное владѣніе въ Пензенской губ.) и „устроивъ“ ихъ бытъ. Но по непрактичности „устроилъ“ дѣло такъ, что его крестьяне попали изъ огня да въ полымя — въ кабалу кулакамъ, „почему (разсказываетъ Анненковъ) побочный братъ Огарева, рожденный отъ крестьянки, никогда не могъ помириться съ своимъ вельможнымъ родственникомъ, несмотря на всѣ благодѣянія послѣдняго, ненавидѣлъ его. „Зачѣмъ барченокъ этотъ, — размышлялъ онъ, — не взялъ съ богачей два, три, пять милліоновъ за свободу, которой они только и добивались, и не предоставилъ потомъ даромъ всему люду земли и угоды, освобожденные отъ пьявокъ и эксплуататоровъ?“ („П. В. Анненковъ и его друзья“. С.-Петербургъ 1892 г., стран. 114. — Все это любопытное дѣло изложено Анненковымъ въ статьѣ „Записка о Н. О. Огаревѣ“, откуда взята нами приведенная цитата). — Можно ли осуждать Огарева? Разумѣется, нѣтъ. Но можно указывать на такіе факты, какъ на доказательство неприспособленности лучшихъ людей 40-хъ годовъ къ важнѣйшему общественному дѣлу, стоявшему тогда на очереди.

Оставляя въ сторонѣ эту чисто практическую дѣятельность, мы повторимъ здѣсь то, на что указывалось неоднократно: выработать міросозерцаніе, упражняться въ діалектѣ, очищать свои и чужія головы отъ устарѣлыхъ и дикихъ понятій, распространять гуманныя идеи и т. д. — это было тогда несомнѣнное „дѣло“, и люди 40-хъ годовъ отлично дѣлали его, устно, письменно и въ предѣлахъ цензуры — печатно. И Рудинъ въ этомъ отношеніи является типичнымъ представителемъ эпохи, которую можно назвать эпохою первоначальной выработки передовыхъ идей, гуманныхъ стремленій и, такъ сказать, психологическихъ предпосылокъ нравственного и общественного сознанія у насъ. Для такого дѣла „музыка краснорѣчія“ была неопѣненнымъ подспорьемъ.

Главный недостатокъ Рудина — это то, что онъ самъ слишкомъ увлекается „музыкою своего краснорѣчія“ и неосторожно переступаетъ ту границу, которая отдѣляетъ слово, какъ орудіе пропаганды, какъ силу просвѣтительную, отъ слова, какъ легкаго и пріятнаго способа — отдѣлаться отъ дѣла разговоромъ о немъ, о его необходимости. И это было далеко не чуждо „людямъ 40-хъ годовъ“ (не всѣмъ, конечно). Излишество и праздность рѣчи — вотъ „порокъ“, которымъ страдали въ разной мѣрѣ говоруны, блестящіе собесѣдники и спорщики того времени. Тургеневъ мѣтко и зло отгѣнилъ въ Рудинѣ эту черту, напр., въ главѣ V, гдѣ Наталья говоритъ ему: „...вы должны тру-

¹⁾ Объ этомъ см. въ книгѣ В. И. Семевскаго: „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVII и первой половинѣ XIX в.“ (1888 г.)

даться, стараться быть полезнымъ. Кому же, какъ не вамъ...“ — Въ отвѣтъ на это Рудинъ только „безнадежно махнулъ рукой“, но потомъ, воспрянувъ духомъ и „ветряхнувъ своей львиной гривой“, произнесъ горячую тираду о томъ, что онъ „не долженъ скрывать свой талантъ“, „не долженъ растрачивать свои силы на одну болтовню пустую, бесполезную болтовню, на одни слова...“ — „И слова его полились рѣкою. Онъ говорилъ прекрасно, горячо, убѣдительно о позорѣ малодушія и лѣни, о необходимости дѣлать дѣло. Онъ осыпалъ самого себя упреками...“ и т. д.¹⁾

Какъ типичный представитель людей эпохи, Рудинъ обладаетъ всѣми качествами, необходимыми для роли „просвѣтителя“, кромѣ одного: *работоспособности*. У него нѣтъ выдержки въ трудѣ, упорства въ достиженіи цѣли, въ любви къ самому дѣлу „просвѣщенія“ въ его трудной, будничной сторонѣ. Онъ любитъ только говорить о немъ, — и пока онъ говоритъ, это дѣло само собою дѣлается. Но бѣда въ томъ, что онъ говоритъ такъ удачно и успѣшно только тогда, когда въ ударѣ, когда его посѣщаетъ „вдохновеніе“. А между тѣмъ всякое культурное дѣло, въ томъ числѣ и „просвѣтительное“, имѣетъ свою черную работу, свои будни и не можетъ преуспѣвать, если будетъ дѣлаться только по праздникамъ „вдохновенія“.

Вотъ именно этою-то невыдержкою въ будничной работѣ и отличались люди 40-хъ годовъ, кромѣ немногихъ, преимущественно лицъ недворянскаго, не-помѣщичьяго происхожденія, какъ Бѣлинскій, изъ дворянъ — Грановскій. Герценъ много работалъ, но все-таки онъ былъ „баринъ“, — „барство“ сказывалось въ его отношеніяхъ къ вещамъ и людямъ, въ самой „манерѣ“ мыслить и понимать, и не только въ 40-е годы, въ Россіи, но и позже, за границей.

Итакъ, Рудинъ — „философъ“ и „ораторъ“. И въ качествѣ такового, онъ проводникъ европейскаго просвѣщенія, гуманныхъ идей — всего, что тогда подводилось подъ формулу: „истина“, „добро“ и „красота“.

Въ такія эпохи, какъ наши 40-е годы, подобныя расплывчатая, туманная формулы и вообще „красивыя“ и „глубокомысленныя“ слова получаютъ особое — воспитательное — значеніе. Отсюда — огромная важность и благотворное вліяніе, въ такія эпохи, идеалистическихъ философскихъ системъ и, рядомъ съ ними и, можетъ-быть, больше ихъ, — твореній поэтическихъ, критическихъ, историческихъ и иныхъ, окрыленныхъ философскою мыслью, одухотворенныхъ все тѣмъ же общечеловѣческимъ идеаломъ „истины“, „добра“ и „красоты“, какъ творенія Лессинга, Гердера, Гёте, Шиллера. Властителями думъ эпохи не только у насъ, но и въ Европѣ были Гегель и эти великіе умы и таланты, выступившіе еще въ XVIII вѣкѣ. Эпоха, въ значительной мѣрѣ, жила процентами съ умственнаго капитала прошлаго времени.

¹⁾ Такова же и сцена въ гл. XI — отъѣздъ Рудина и его рѣчи провожающему его до станціи Басистову.

Перенесеніе на Русь этихъ огромныхъ умственныхъ цѣнностей, служившихъ для воспитанія всѣхъ прогрессирующихъ народовъ, составляло весьма серіозную и въ общемъ удобоисполнимую задачу, которую, по мѣрѣ силъ и умѣнія, и выполняла наша литература 40-хъ годовъ. Напомнимъ, что тутъ, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, дѣло шло не о простомъ перенесеніи къ намъ общечеловѣческаго идейнаго добра въ видѣ переводовъ, изложеній, популяризацій и т. д. (это — дѣло не хитрое), — задача сводилась къ переработкѣ творческой мысли великихъ умовъ, геніевъ и талантовъ собственною — самостоятельною — дѣятельностью мысли. Слѣдовательно, нужны были прежде всего *свои умы, свои таланты, самостоятельно, а не по-ученически мыслящіе и работающіе, и таковыя не замедлили явиться.* Ихъ имена — *Станкевичъ, Бѣлинскій, Герценъ, Грановскій,* а также нѣкоторые изъ славянофиловъ, тѣ, которымъ „старовѣрие“ и „византизмъ“ не слишкомъ мѣшали цѣнить и понимать все общечеловѣческое, все гуманное въ европейской философіи, искусствѣ, литературѣ (*К. Аксаковъ, Хомяковъ, Ив. Кирѣевскій,* потомъ младшіе — *Ив. Аксаковъ, Самаринъ и др.*). Для такой дѣятельности требовалась незаурядная умственная воспримчивость, философскій складъ ума, способность увлечься умственными перспективами, даръ мечты, игра воображенія, особая восторженность, — и, скажемъ еще, *исключительная способность кипѣть душою и расточать, безъ оглядки и соображенія экономіи въ умственномъ трудѣ и дѣятельности чувствъ, свои богатыя душевныя силы и дарованія.* Эта послѣдняя черта ея придавала особый блескъ бесѣдамъ, рѣчамъ, писаніямъ и вообще дѣятельности 40-хъ годовъ и образуетъ прямую противоположность на видѣ „сухой“, „дѣловой“ работѣ мысли ихъ преемниковъ Чернышевскаго, Добролюбова и др., у которыхъ мы видимъ строгую экономію, суровую воздержанность отъ всякихъ излишествъ мысли и чувства, имѣвшую своимъ результатомъ такую мощную концентрацію, такое „сгущеніе“ мысли, чувства и моральныхъ стремленій, что послѣ нихъ цѣлое 40-лѣтіе жило этимъ духовнымъ достояніемъ, и до сихъ поръ еще оно далеко не исчерпано.

✓ Типичный представитель своего времени, Рудинъ — блестяще воспримчивъ къ философіи, искусству, поэзіи, блистательно популяризируетъ и „развиваетъ“ усвоенныя мысли и эффектно расточаетъ, походя, силу своего ума и краснорѣчія. Благодаря этому блеску и отсутствію „экономіи“, онъ и является „дѣтелемъ“, пропагандистомъ „истины“ и т. д., своего рода „властителемъ думъ“ въ средѣ, доступной его воздѣйствію. Прочтемъ слѣдующее мѣсто: „Какія сладкія мгновенія переживала Наталья, когда, бывало, въ саду на скамейкѣ, въ легкой сквозной тѣни ясеня, Рудинъ начнетъ читать ей гётевскаго Фауста, Гофманна или письма Беттины, или Новалиса, безпрестанно останавливаясь и толкуя то, что ей казалось темнымъ!... Рудинъ былъ весь погруженъ въ германскую поэзію, въ германскій романтическій и философскій міръ и увлекалъ ее за собою въ тѣ заповѣдныя страны.

Невѣдомыя, прекрасныя, раскрывались онѣ передъ ея внимательнымъ взоромъ; со страницъ книги, которую Рудинъ держалъ въ рукахъ, дивныя образы, новыя свѣтлыя мысли такъ и лились звенящими струями ей въ душу, и въ сердцѣ ея, потрясенномъ благородной радостью великихъ ощущеній, тихо вспыхивала и разгоралась святая искра восторга...“ (гл. VI).

Эти строки — *документъ*, сжато обобщающій всѣ подобные умственные восторги, выраженія которыхъ мы найдемъ въ изобиліи въ біографіяхъ, письмахъ, дневникахъ да и сочиненіяхъ лучшихъ людей эпохи. Вспомнимъ (хотя это относится къ 30-мъ годамъ, что въ данномъ случаѣ не существенно) жизнь и извѣстный романъ Герцена съ г-жою Р. въ Вяткѣ, его переписку съ невѣстою, романтическую дружбу его съ Огаревымъ и т. д. Вспомнимъ нѣкоторыя странно-восторженные страницы Бѣлинскаго (напр. о театрѣ) да и вообще ту экзальтацію, съ которою онъ воспринималъ философскія идеи и художественные образы.

Эта восторженность (какъ мы уже говорили) имѣла свое психологическое основаніе въ той мозговой чувствительности, которою отличалось поколѣніе, развивавшееся въ 30-хъ годахъ, въ нѣкоторой, ему свойственной, душевной неуравновѣшенности, откуда, съ другой стороны, и относительно слабая работоспособность, и та расточительность душевныхъ даровъ, о которой мы говорили выше.

Но послѣдуемъ дальше за Рудинымъ. Слѣдующій за приведенными строками (изъ главы VI) разговоръ характеризуетъ именно ту относительную слабость или невыдержку въ трудѣ, которою отличается Рудинъ, какъ истый сынъ своего времени. На вопросъ Натальи: „Что вы будете дѣлать зимой въ деревнѣ?“ Рудинъ отвѣчаетъ: „Что я буду дѣлать? Окончу мою большую статью, — вы знаете, — о трагическомъ въ жизни и въ искусствѣ — я вамъ третьяго дня планъ рассказывалъ, и пришлю ее вамъ“. — „И напечатаете?“ — „Нѣтъ“. — „Какъ нѣтъ? Для кого же вы будете трудиться?“ — „А хоть бы для васъ?“ и т. д. Читатель понимаетъ, что, конечно, Рудинъ никогда статьи не напишетъ, а все только будетъ рассказывать о ней. „Вотъ и г. Басистовъ прочтетъ (продолжаетъ онъ). Впрочемъ, я не совсѣмъ еще сладилъ съ основною мыслью. Я до сихъ поръ еще не довольно уяснилъ самому себѣ трагическое значеніе любви“. „Рудинъ (замѣчаетъ Тургеневъ) охотно и часто говорилъ о любви“.

Это и зло и мѣтко. Слѣдующая за тѣмъ тирада Рудина о любви („Любовь! — въ ней все тайна: какъ она приходитъ, какъ развивается, какъ исчезаетъ“ и т. д.) живо напоминаетъ намъ многое въ письмахъ и сочиненіяхъ людей эпохи, когда и любовь и дружба представлялись въ какомъ-то романтическомъ ореолѣ. Подобно Рудину, люди 40-хъ годовъ „охотно и часто“ говорили да и писали о любви.

Контрастъ между энергіею и восторженностью мысли и чувства съ одной стороны, и вялостью дѣйствующей (а нерѣдко и задерживающей) воли — съ другой, характеренъ для нихъ. Но только въ Рудинѣ

это представлено въ преувеличенномъ видѣ, не совсѣмъ такъ, какъ наблюдается оно у выдающихся людей эпохи. И если для выясненія обобщающаго значенія (типичности) этого образа мы обращаемся за справками къ выдающимся людямъ, къ Герцену, Бакунину, Бѣлинскому и другимъ, то мы дѣлаемъ это потому, что эти дѣятели оставили намъ наиболѣе яркіе документы своей душевной жизни, своего умственнаго и волевого уклада. Находя и у нихъ соотвѣтственныя, аналогичныя „рудинскимъ“, черты, хотя и выраженыя иначе, мы тѣмъ самымъ обнаруживаемъ типичность и, такъ сказать, психологическую необходимость этихъ чертъ въ душевномъ укладѣ людей, какъ выдающихся, исключительныхъ по уму и дарованіямъ, такъ и среднихъ, именно тѣхъ людей эпохи, которые являлись выразителями ея „духа“ и ея особеннаго психического склада.

Рудинъ, взятый отдѣльно, не можетъ, конечно, служить *исчерпывающимъ* выраженіемъ „духа“ и психического склада эпохи. Въ немъ собраны только ея важнѣйшія, наиболѣе распространенныя, самыя типичныя черты. Большая ихъ часть (*философская жажда, повышенная воспримчивость къ умственнымъ впечатлѣніямъ, восторженность, „рѣчистость“, относительно слабая работоспособность*) уже указана нами.

Обьянко-Куликовскій.

Генетическая связь Рудина съ современной ему эпохой.

Всякому въ своей жизни приходилось встрѣчаться съ такими личностями, которыя съ перваго же раза производятъ на собесѣдниковъ своихъ очень хорошее, даже больше чѣмъ хорошее, прямо чарующее впечатлѣніе. Съ каждымъ словомъ новаго знакома онъ становится все болѣе и болѣе привлекательнымъ, вы открываете въ немъ все болѣе и болѣе симпатичныя качества. Необходимою принадлежностью такого человѣка должно быть краснорѣчіе; безъ этого, будь въ немъ скрыты самыя лучшіе природные дары, вы съ трудомъ его разгадаете раньше долгаго съ нимъ общенія. Краснорѣчивый же человѣкъ сразу вами овладѣваетъ, и вы ему съ большою готовностью подчиняетесь. И не удивительно отчего. Люди, если только они дѣйствительно *люди*, такъ созданы, что не всегда матеріальная сторона ихъ существа составляетъ главную часть человѣческой натуры. Идеализмъ, понимаемый въ смыслѣ возможности возвыситься надъ своекорыстными стремленіями животной природы, за рѣдкими исключеніями, присущъ молодости, и только приближеніе къ старости характеризуется постепеннымъ ослабваніемъ господства духа надъ матеріей. Поэтому молодой человѣкъ, свѣжая натура, которую пошлость не заѣла, несмотря на многія разочарованія практической жизни, вѣрить въ возможность существованія субъекта съ наипрекраснѣйшими качествами и, встрѣчая личность, хотя бы на словахъ только берушую города, невольно поддается ея вліянію и возноситъ ее на высокой пьедесталъ. Да и какъ

не поддаться? Представьте себѣ, что вы живете въ обществѣ, со слѣпою ненавистью прогоняющемъ все возвышенное, дабы оно не смущало его животнаго покоя, въ обществѣ, готовомъ побить камнями всякаго нарушителя этого неосмысленнаго и незаконнаго покоя, въ обществѣ, неспособномъ /и не желающемъ проникнуться требованіями истины и справедливости, и вдругъ передъ вами является личность, искусною и увлекательною рукою открывающая картину истинно-человѣческаго бытія, картину побѣды идеала надъ повседневной обыденностью и мизерностью. Какъ не стать за него горою, какъ не увѣривать въ него? Такъ оно всегда и бываетъ. Но странное дѣло! Всегда, или, по крайней мѣрѣ, очень часто, оно какъ-то уже выходитъ, что продолжительное знакомство съ краснорѣчивымъ и возвышеннымъ новымъ знакомцемъ мало-по-малу разрушаетъ первоначальное обаяніе, и нерѣдко прежнее уваженіе переходитъ даже въ презрѣніе. Горько разочаровываться подобнымъ образомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно и полезно, такъ какъ даетъ первый урокъ житейской опытности, безъ которой очень легко впасть въ маниловщину и смотрѣть постоянно на окружающее сквозь розовую призму мечтательнаго идеализма. Подобное разочарованіе неизбежно и не случайно вслѣдствіе уже одного того, что честный фразеръ и самъ увлекается самимъ же собою. Онъ электризуется собственными словами, въ данную минуту ему искренно кажется легко преодолимыми всякія препятствія, и подвернись подъ руку удобный случай, онъ совершитъ одинъ изъ такихъ подвиговъ, который навсегда можетъ увѣковѣчить его имя...

Рудинъ — чисто русское явленіе. Въ немъ не трудно прослѣдить генетическую связь съ современной ему эпохой, и на немъ же можно доказать получающій права гражданства въ соціальныхъ наукахъ законъ, что поступки индивидуума находятся въ полнѣйшей зависимости отъ окружающей его обстановки, что прежде чѣмъ винить кого-нибудь, нужно посмотреть, не болѣе ли виноваты при этомъ другіе, не имѣемъ ли мы дѣло съ результатомъ хотя и печальнаго, но все же дѣйствительнаго положенія вещей.

Русское общество тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ носило въ себѣ элементы страшнаго разъединенія, оно являло изъ себя Януса съ двумя лицами, хотя оба лица не были между собою вполне тождественны какъ по характеру, такъ и по величинѣ. Образованное меньшинство являло въ себѣ вполне кружокъ европейскій, часто или, по крайней мѣрѣ, иногда опередившій современныхъ ему образованныхъ людей на Западѣ. Поэтому разладъ между теоріею и практикою былъ совершенный, подразумѣвая подъ теоріею идеаль общества, царившій въ головѣ нашей интеллигенціи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, а подъ практикою ту неказистую дѣйствительность, которая приводила въ отчаяніе нашихъ бѣдныхъ идеалистовъ. Само собою разумѣется, что попадались примѣры, и даже неособенно рѣдкіе, примиренія съ окружающею пошлостью, компромиссы заключались въ силу слабости людской къ земнымъ благамъ. Но зато, какъ бы для замѣ-

щенія этой отрицательной стороны, являлись личности, которымъ казалась измѣною всему хорошему малѣйшая уступка нераціональнымъ требованіямъ практической жизни, тѣмъ требованіямъ, удовлетворить кои можно было только цѣною своихъ убѣжденій.

Какую дѣятельность могъ себѣ избрать человѣкъ того времени, имѣвшій кое-какія понятія о призваніи человѣка, о пользѣ, что всякій гражданинъ долженъ принести, о согласованіи поступковъ съ требованіями высшей правды. Что было ему дѣлать? Какое практическое поприще себѣ избрать? Поступить на службу — это значило окунуться въ болото мелкихъ чиновничьихъ интересовъ. Если еще въ концѣ пятидесятихъ годовъ считалось „предосудительнымъ“ поступать на службу, то нечего и говорить, что раньше къ этому средству занять свое досужее время прибѣгали люди интеллигентные и честные только въ крайности.

Такой человѣкъ какъ Рудинъ не могъ долго остаться на службѣ. Слишкомъ грандіозны были его идеалы и слишкомъ мизерна чиновничья дѣятельность того времени. Итакъ, служить Рудинъ не могъ. Былъ ли онъ въ состояніи приносить пользу на другихъ поприщахъ? На этотъ вопросъ Тургеневъ намъ даетъ отрицательный отвѣтъ, и это вытекаетъ изъ всего характера Рудина, ибо главная черта его характера, помимо не ему одному принадлежащихъ качествъ, есть безалаберность. Безалаберность, слѣдствіе отсутствія почвы подъ ногами, мѣшаетъ ему организовать свои занятія, безалаберность заставляетъ его браться за дѣло, въ которомъ онъ ничего не смыслить, безалаберность его, наконецъ, заключается въ этомъ слишкомъ большомъ подчиненіи своихъ поступковъ резонерству. Въ самомъ дѣлѣ, если мы видимъ или, по крайней мѣрѣ, можемъ допустить и понимать существованіе людей, настолько рационально устроившихъ свой образъ жизни, чтобы подчинять всякій свой поступокъ общимъ теоретическимъ законамъ, то въ Рудинѣ подобное полное согласованіе теоріи съ практикою является грѣшащимъ противъ логики, противъ всего характера его личности. Что такое Рудинъ, какъ не вѣрное выраженіе нашей интеллигенціи, все стремящейся устроить свое житье-бытье вполне по правиламъ новѣйшей философіи, но, къ сожалѣнію, всегда терпящей въ этомъ стремленіи полнѣйшее фіаско? Что такое Рудинъ, какъ не обиліе природныхъ дарованій и силъ, не получающихъ должной обработки, чтобы разцвѣсти пышнымъ цвѣтомъ, и главный характеръ котораго именно и есть отсутствіе системы, руководящей идеи, безъ чего природные дары могутъ произвести мгновенный взрывъ, но временами даже, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, красивый и ослѣпительный фейерверкъ, но никогда не служить полезнымъ двигателемъ.

Но безалаберность Рудина есть безалаберность даровитой натуры. Даровитость его видна въ его умѣньи изъ каждой науки извлекать пригодное для его возвышенной натуры. Онъ не особенно много знаетъ, но немногимъ распоряжается лучше и производитъ большее

впечатлѣніе, нежели другой съ огромнымъ запасомъ свѣдѣній. На Рудинѣ въ сотый разъ доказывается разница между даровитою и обыкновенною натурою. Другой ученый, съ арміею цифръ и таблицъ, станетъ вамъ доказывать справедливость извѣстнаго положенія, и вы будете только зѣвать и ничуть не проникнетесь истинностью доказываемаго, а придетъ Рудинъ — и въ живой, увлекательной рѣчи безъ всякихъ фактическихъ доказательствъ заговоритъ въ пользу чего-нибудь во имя высшихъ человѣческихъ инстинктовъ, и вы попались на удочку. Даровитость Рудина видна также изъ того вліянія, которое онъ пріобрѣтаетъ на своихъ товарищѣхъ.

Рудинъ не крикунъ, покоряющій молодыя сердца смѣлостью своего ничего не щадящаго отрицанія. Нѣтъ! онъ идеалистъ, слѣдовательно, составитъ вокругъ себя кружокъ почитателей онъ могъ только силою своей увлекающей способности напомнить молодежи, хотя бы на словахъ только, образы тѣхъ великихъ людей, съ которыми она знакома изъ изученія исторіи человѣческихъ обществъ. Молодость не возьмешь основательною эрудиціею, трезвымъ отношеніемъ къ дѣлу. Всѣ эти вещи могутъ внушить ей уваженіе, но горой она станетъ только за того, кто сумѣетъ отвлечь ее отъ мелкихъ дѣлъ „міра сего“ и перенести въ міръ благородныхъ стремленій и міровыхъ добродѣтелей. Во главѣ ея можетъ стать только человѣкъ, обладающій страстностью, честнымъ увлеченіемъ, грандіозностью намѣреній. Все это качества, которыя въ огромномъ большинствѣ случаевъ бывають спутниками даровитыхъ натуръ, и притомъ честныхъ и благородныхъ.

Честность и благородство, понимаемые въ самомъ высшемъ смыслѣ, составляютъ наравнѣ съ безалаберностью квинтъ-эссенцію характера Рудина. Въ немъ нѣтъ выдержки, онъ лишенъ инициативы, но предъ явною опасностью, и притомъ руководимый теченіемъ обстоятельствъ, онъ никогда не отступитъ. Тургеневъ своею позднѣйшею припискою къ эпилогу, не могшей первоначально появиться вслѣдствіе цензурныхъ стѣсненій, показалъ, что онъ неподобно понялъ характеръ Рудина. Таковымъ именно онъ долженъ быть.

Грандіозный конецъ его не является неожиданной развязкой его жизни. Онъ какъ нельзя лучше къ ней подходитъ. Безъ пріюта, безъ привѣта, въ нищетѣ и убожествѣ завершаетъ онъ вѣкъ свой, геройски умирая на баррикадѣ при защитѣ дѣла, въ сущности для него равнодушнаго, но которое въ состояніи воспламенить человѣка подобнаго ему, признающаго справедливость непремѣннымъ элементомъ разумнаго существованія, и поэтому возмущающагося, если она гдѣ бы то ни было нарушается. Человѣкъ, умирающій только во имя одной высшей справедливости, во имя общечеловѣческихъ принциповъ, во имя идеи — есть личность болѣе чѣмъ достойная уваженія, и если мы въ ней замѣчаемъ недостатки, то должны предполагать дурнословившіяся обстоятельства, нехорошо повліявшія на формированіе ея характера. Въ Рудинѣ есть натура, есть матеріалъ для созиданія пре-

восходящей личности, но — увы! — все это не направлено куда слѣдуетъ, богатой натурѣ негдѣ развернуться, она можетъ горѣть только вспышками, но не ровнымъ, нормальнымъ огнемъ.

Не Рудинъ виноватъ въ своемъ характерѣ, виновато общество, его создавшее. Поэтому онъ не есть карикатура живого лица, какъ утверждали нѣкоторые, а типъ и притомъ типъ безсмертный. Такъ понять характеръ эпохи могъ только такой тонкій и умный наблюдатель, какъ Тургеневъ. Въ нашей литературѣ есть много изображеній людей сороковыхъ годовъ, но всѣ они обыкновенно воспроизводятъ только одну сторону ихъ нравственной физиономіи. Въ Рудинѣ же мы имѣемъ полную физиологію человѣка предшествующей намъ эпохи. Тутъ онъ намъ является со всѣмъ своимъ запасомъ дарованій и природныхъ силъ, но зато и во всей своей гражданской пригодности.

Венгеровъ.

Рудинъ — сынъ своего времени.

Въ теченіе пяти лѣтъ трудясь надъ одной изъ большихъ сторонъ нашего поколѣнія, посвящая свое вниманіе на изслѣдованіе исторіи людей личныхъ въ обществѣ, Тургеневъ все еще не охватывалъ всего вопроса съ должной полнотою. Его Веретьевы, Вязовнины, Чулка-Турины — имѣли въ себѣ много жизненнаго, много близкаго къ нашему сердцу, — но имъ не приходилось ни разу дѣйствовать на просторѣ, становиться въ соприкосновеніе съ жизнью широко-понятою. Эти герои страдали и жили по маленькимъ уголкамъ, сталкивались съ не очень богатыми личностями, всюду приходили какъ чудаки-гости, вызжающіе изъ своихъ логовищъ только лишь по крайней необходимости. Въ Рудинѣ, сказывали намъ, читателю предстояло увидѣть нѣчто другое. Въ новой повѣсти долженъ былъ явиться весь современный человѣкъ, разсмотрѣнный съ точки зрѣнія моральныхъ несовершенствъ, смягченныхъ горькимъ ихъ сознаніемъ, его безсилія передъ разумно-практической стороной жизни, но безсилія, выкупаемаго другими утѣшительными сторонами характера. Рудинъ, лицо взятое изъ дѣйствительности, долженъ былъ служить олицетвореніемъ цѣлаго класса мыслящихъ и благонамѣренныхъ людей, понапрасну растратившихъ свои силы отъ неумѣнія привести свое существованіе въ гармонію съ той сферой, гдѣ должно было проникать это существованіе. Короче сказать, въ повѣсти ожидали мы встрѣтить нѣчто въ родѣ исповѣди цѣлаго поколѣнія, имѣвшаго важное вліяніе на собственное развитіе наше. Тургеневъ, между всѣми современными писателями, имѣлъ всѣ данныя, необходимыя для подобной задачи. Заслуги и заблужденія благородныхъ, но нѣсколько *лишнихъ* товарищей его собственной юности, могли въ немъ, болѣе чѣмъ во всякомъ другомъ поэтѣ, встрѣтить судью зорькаго, но любящаго и неозлобленнаго. Наконецъ, онъ имѣлъ и право и возможность, съ помощью поэтической силы, ему данной отъ природы, возвести въ рядъ симпатическихъ образовъ весь запасъ

своихъ долгихъ, добросовѣстныхъ наблюдений надъ современными недугами современныхъ труженниковъ жизни.

„Рудинъ“ появился въ январѣ 1856 года, — вторая часть повѣстки не заставила ждать себя долго, и все произведеніе закончилось въ томъ же году въ февральской книжкѣ „Современника“. Общій отзывъ читателей, и очень развитыхъ и очень неразвитыхъ, сказался весьма скоро, въ одной и той же формѣ. Самый тонкій цѣнитель и самый вѣтреный дилетантъ согласились въ одномъ приговорѣ: „Рудинъ“ есть вещь истинно замѣчательная и, мѣстами, неудовлетворительная“. Когда же пришлось опредѣлить точнѣе степень достоинства и недостатковъ новой повѣсти, — отзывы раздѣлились и представили изъ себя нѣчто сбивчивое.

Идея произведенія, по своей глубинѣ, могла выдержать какой угодно анализъ, хотя и тутъ одни цѣнители нашли, что Тургеневъ обошелся съ Рудинымъ весьма слабо, тогда какъ другіе почти обвиняли автора въ чрезмѣрной строгости приговора. Художественная сторона повѣсти, напротивъ того, сама давала на себя оружіе многимъ черезчуръ взыскательнымъ цѣнителямъ. Во многихъ мѣстахъ „Рудина“ вмѣсто живыхъ сценъ, тянулся голый рассказъ отъ авторскаго лица, вмѣсто личностей, рельефно-очертанныхъ, появились фигуры, едва обозначенныя не совсѣмъ вѣрною кистью. И со всѣмъ тѣмъ, повѣсть „Рудинъ“, разсматриваемая даже съ самой строго-художественной точки зрѣнія, признана была всѣми за новый, важный шагъ въ дѣятельности Тургенева. Въ ней не было недоконченностей и небрежностей, бросившихъ такую тѣнь на многія предшествовавшія повѣсти автора нашего: она отличалась богатою и многостороннею поэзіею, наконецъ, ея идея гармонировала съ формой, насколько оно было возможно при трудности задачи. Переходъ отъ цѣлага ряда эпизодическихъ эскизовъ къ произведенію, имѣющему почти видъ романа, всегда выходитъ труденъ, а Тургеневъ сладилъ съ этимъ переходомъ, какъ слѣдовало честному и добросовѣстному писателю его дарованія. Вся его новая вещь носила на себѣ привлекательный слѣдъ серіозной мысли, и благодаря этому слѣду, поэтическія частности „Рудина“ имѣли въ себѣ нѣчто разительное, свѣжее, новое. Короче сказать, повѣсть особенно полюбилась людямъ, коротко знакомымъ со средствами ея сочинителя, цѣнителямъ, очень хорошо знающимъ, какихъ достоинствъ они вправѣ ждать отъ Тургенева, и съ какими слабыми сторонами поэта они должны мириться по необходимости.]

Что такое Дмитрій Николаевичъ Рудинъ? — вотъ вопросъ, отъ разрѣшенія котораго зависитъ законность и правда всей повѣсти. Въ какой мѣрѣ этотъ человѣкъ, исполненный силы и слабости, вялости и энергіи, въ какой мѣрѣ онъ правилень, какъ дѣйствующій герой художественнаго созданія, вѣренъ себѣ, какъ общественный типъ нашего времени? Есть ли между нами много Рудиныхъ, и не носитъ ли каждый изъ насъ, современныхъ русскихъ людей, въ душѣ своей какую-нибудь частицу тургеневскаго Рудина? Смѣло отвѣчаемъ — да, на всѣ

вопросы сейчас сдѣланные. Рудинъ есть дитя своего времени, своего края и своей переходной эпохи. Рудины жили и живутъ между нами, дѣлая пользу и вредъ людямъ, ихъ окружающимъ. Многие изъ насъ въ юности увлекались Рудинымъ, многие изъ насъ въ былое время молодости слушали рудинскія импровизаціи такъ, какъ въ повѣсти, насъ занимающей, простодушный студентъ Басистовъ слушалъ вдохновенныя разсужденія Дмитрія Николаевича. Не одна дѣвушка съ теплою душой любила людей, въ родѣ Рудина, и горько платилась за свою привязанность. Не одинъ практическій смертный, подобный Лежневу, глядѣлъ на Рудина съ дружескимъ состраданіемъ, не одинъ презрѣнный злоязычникъ, въ родѣ Пигасова, устремлялъ стрѣлы своего остроумія на бѣдную, измученную жизнью особу Рудина. Рудины были не бесполезны обществу въ свое время, можетъ быть, они нужны ему и теперь, — во всякомъ случаѣ, никто не имѣетъ права кидать камнемъ въ этихъ вѣчныхъ странниковъ жизни, безпріютныхъ „инвалидовъ мысли“. Рудинъ много грѣшилъ, но ему должно быть прощено многое, за огонь любви истины, въ немъ горѣвшей, за неутомимое стремленіе къ идеалу, за его сочувствіе къ слабымъ, за его вражду къ житейской неправдѣ. Рудинъ много служилъ дѣлу добраго слова, хотя всю жизнь свою не могъ возвыситься до пониманія *дѣла*, до возможной и необходимой гармоніи съ средой его окружающей. Въ разъединеніи *дѣла* и *слова* лежитъ корень всѣхъ недостатковъ Рудина, — основаніе всей его грустной, но близкой къ намъ личности. Рудинъ есть живой плодъ нашего ранняго, быстро развивающагося, порывистаго просвѣщенія. Рудина нельзя называть ни русскимъ человѣкомъ, ни космополитомъ, ни германцемъ, или какимъ-нибудь другимъ иноземцемъ. Онъ застрѣльщикъ между двумя арміями, усталый часовой между двумя лагерями. Европейское современное просвѣщеніе, не примѣненное къ жизни, дало намъ Рудина, но матеріаль, изъ котораго создано это лицо, — взятъ изъ нашего отечества, изъ круга людей, жившихъ между нами.

Рудинъ долженъ назваться человѣкомъ просвѣщеннымъ: сердце его, смягченное знаніемъ, благородная жажда идеала словно родилась съ нимъ вмѣстѣ. По уму и душѣ онъ опередилъ многихъ просвѣщенныхъ людей одного съ нимъ края, опередилъ — и остановился посреди блестящаго пути, не умѣя воспользоваться сокровищами, только что добытыми. Причина такого бездѣйствія, разрѣшившагося полнымъ безсиліемъ предъ практическою жизнью, заключается въ отсутствіи *воли*, въ неспособности къ *правильному воспринятію* началъ истиннаго просвѣщенія. Можно до глубины существа нашего пропитаться добрымъ словомъ, — и при всемъ томъ оказаться дѣтски-слабымъ въ тѣ минуты, когда предстанетъ необходимость сдѣлать дѣло изъ добраго слова. Человѣкъ просвѣщается тѣмъ же путемъ, какъ и общество, какъ и государство. Человѣкъ, просвѣщающій себя, долженъ быть для своего нравственнаго міра въ нѣкоторомъ смыслѣ тѣмъ же, чѣмъ былъ великій преобразователь Россіи, государь Петръ Великій, — для края, Богомъ

ему ввѣреннаго. Подобно тому, какъ нашъ великій просвѣтитель, усиліями могучей воли, вводилъ великія идеи, имъ добытыя, въ жизнь и быть Россіи, всякій частный и слабый человѣкъ, обогащаясь сокровищами мудрости, обязанъ, во что бы то ни стало, сроднить эти сокровища съ своей жизнью, примѣнить ихъ къ средствамъ и потребностямъ среды, его окружающей. Мало одной горячей любви къ правдѣ, — надо проводить эту правду во всей жизни нашей. Мало проводить правду съ упорствомъ и необузданной горячностью, — надо быть мудрымъ, практическимъ, *своевременнымъ* въ ея примѣненіи. Одного идеала мало для просвѣщенія, съ одной благородной горячкою ничего не сдѣлаешь, съ однимъ краснорѣчивымъ словомъ не уйдешь далеко. Необходимо просвѣщенному дѣятелю жизни коротко знать всѣ средства той среды, гдѣ ему судьбой назначено жить. Онъ не долженъ требовать отъ малденца того, что можетъ дать лишь мудрецъ, ему подобный. Онъ не имѣетъ права возмущаться несовершенствами общества и, уединяясь на прохладныя метафизическія вершины, считать свою человѣческую обязанность исполненною. Пламенно воспринявъ изъ просвѣщенія то, что кажется ему свѣтлымъ и плодотворнымъ, онъ исполняетъ лишь одну вступительную часть своей задачи. Сама задача заключается въ жизни, въ сильномъ и непріложномъ примѣненіи и съ жизнью, въ неотступномъ и благотворномъ вліяніи на общество, среди котораго онъ родился.

Рудинъ и цѣлая семья Рудиныхъ — не поняли той задачи, о которой мы говорили сейчасъ — за вступительной ея частью (а эта часть была ими изучена въ совершенствѣ), они забыли всю сущность своей науки, упустили изъ виду весь долгъ своего существованія. Чужеземная мудрость ихъ не столько извратила, сколько отуманила, сердце ихъ осталось человѣчнымъ; но воля ихъ, слишкомъ парализованная развитіемъ созерцательныхъ способностей, не пошла съ нимъ въ уровень. Говоря метафорическимъ слогомъ, Рудины явились на жизненную битву съ полнымъ воображеніемъ и готовностью на подвигъ, но подвиговъ не могли совершить, потому что самое поприще боя было имъ совершенно незнакомо. Не ознакомься со средствами своего противника, не имѣя понятія о мѣстахъ, имъ занятыхъ, — наши бѣдные бойцы мысли съ первыхъ шаговъ увидали себя окруженными, смятыми, сбитыми съ позиціи. Первая житейская неудача была для нихъ неудачей всей жизни, потому что для людей, въ родѣ Рудина, нѣтъ середины между безконечнымъ довѣріемъ къ своей силѣ и полнымъ упадкомъ всякой энергіи. Для Рудиныхъ нѣтъ ни житейскаго благороднаго упорства, ни искуснаго отступленія послѣ неудачи, ни несокрушимой вѣры въ свое назначеніе.

По замыслу Тургенева, главнымъ эпизодомъ повѣсти, тѣмъ эпизодомъ, который долженъ былъ составлять собою какъ бы ключъ къ уразумѣнію всей личности Рудина, считается исторія любви Дмитрія Николаевича къ Натальѣ Ласунской. Такъ какъ „Рудинъ“ не есть дневникъ или біографія или автобіографія, то расчетъ автора въ этомъ

случаѣ весьма понятенъ: идея повѣсти не можетъ никогда раздробляться на нѣсколько равносильныхъ эпизодовъ, безъ ущерба всему произведенію. Во всякомъ трудѣ повѣствовательнаго свойства полезно сводить всѣ нити разсказа къ одному центру, объ этомъ спорить никто не будетъ. Но можно спорить и задумываться о томъ, соответствуетъ ли главный эпизодъ „Рудина“ значенію всей повѣсти, сосредоточиваетъ ли онъ въ себѣ всѣ данныя къ уразумѣнію личности героя, короче сказать, даетъ ли его художественная форма достаточное разъясненіе на всю мысль, заданную себѣ авторомъ. По нашему личному мнѣнію, до этого, во что бы то ни стало, необходимаго результата — не достигъ нашъ авторъ. Нечего говорить о томъ, что онъ предпринялъ свой трудъ съ благороднымъ рвеніемъ, что онъ задумалъ его добросовѣстно и выполнилъ совершенно честно: не взирая на все это, не взирая на поэтическую силу, красящую собой весь эпизодъ, нами теперь разсматриваемый, главная интрига повѣсти отличается неполнотою. Отношенія Рудина и Натальи задуманы превосходно, художественная коллизія между словомъ и дѣломъ, между страстью и фразой, между юной рѣшимостью и вялымъ отсутствіемъ воли — стоитъ всего вниманія цѣнителей. Передъ честной, тихой, дѣвическою энергіей семнадцатилѣтней дѣвушки ярко выступаютъ всѣ противоположные недостатки Рудина, и самъ герой разоблачается во всей своей грустной дѣйствительности. И, несмотря на то, Рудинъ, и послѣ эпизода съ Натальей, остается тѣмъ же загадочнымъ, не вполне разъясненнымъ страдальцемъ, какимъ онъ былъ до своего послѣдняго свиданія съ любящею дѣвушкой. Самъ авторъ видитъ это, и, подобно мифологическому Сизифу, снова принимается за трудъ, только что конченный, стараясь съ помощью замѣтокъ Лежнева и его послѣдняго, превосходнаго разговора съ Рудунымъ дополнить то, что необходимо. Уже одно то обстоятельство, что прощаніе Натальи съ Дмитріемъ Николаевичемъ не занимаетъ собою послѣднихъ страницъ повѣсти, говорить о неполнотѣ ея главнаго эпизода. Почему же произошла такая неполнота, почему весь характеръ Рудина не обозначился передъ читателемъ черезъ основной узелъ всей нами разбираемой повѣсти?

Недостатокъ полной гармоніи между идеей повѣсти и главнымъ эпизодомъ по части ея воплощенія, по нашему мнѣнію, происходитъ отъ двухъ причинъ. Во-первыхъ, любовь Рудина къ Натальѣ не есть та любовь, при которой всѣ силы человѣка приходятъ въ напряженіе и вълѣдствіе того сосредоточиваются въ одномъ фокусѣ, драгоценномъ для художника-наблюдателя человѣческой природы. Горячая страсть дѣйствительно заставляетъ всякаго человѣка высказываться съ возможной полнотою, но дѣло въ томъ, что Дмитрій Николаевичъ Рудинъ не имѣетъ горячей страсти къ Натальѣ. Лежневъ, назвавшій Рудина кокеткой, холоднымъ энтузіастомъ, человѣкомъ, лишеннымъ крови и натуры, превосходно обозначилъ всю разницу, которая проявилась между блистательнымъ говоруномъ и тихой, неразговорчивой дѣвушкой, имъ заинтересовавшеюся. Наталья Ласунская живетъ любимымъ избран-

никомъ, не говоря ни одной фразы; Рудинъ, въ свою очередь, такъ и сыплеть фразами — а разставшись съ любящей дѣвушкой, вспоминаетъ слова Донъ-Кихота Санчо-Пансъ: „Свобода, другъ мой Санхо, это одно изъ драгоцѣннѣйшихъ достояній человѣка!“ Вотъ что говорить Рудинъ въ тѣ минуты, когда у любящей дѣвушки сердце разрывается на части! Наталья готова на всѣ жертвы, на всѣ доказательства своей преданности, на цѣлую жизнь нужды и тревоги; — въ отвѣтъ на всѣ стремленія возвышенной дѣвической натуры, Дмитрій Николаевичъ говоритъ ей: „ваша матушка не согласна. Нечего и думать объ этомъ“. Объясненіе Рудина съ Натальей превосходно, по своимъ совершенствамъ оно только подтверждаетъ мысль нашу о томъ, что, прослѣдивъ за исторіей рудинской любви, читатель все-таки не видитъ передъ собой, въ ясномъ образѣ, самаго Рудина.)

Изъ обстоятельства, сейчасъ нами разъясненнаго, истекаетъ и другая причина несовершенства повѣсти. *Рудины не поясняются черезъ страсть* — объ этомъ совершенно позабылъ нашъ авторъ. Предположивъ Дмитрія Николаевича безумно и горячо влюбленнымъ (всякія чудеса случаются на свѣтѣ), создавши другой типъ женщины и придумавши самую характеристическую коллизію между двумя лицами, мы все-таки увидимъ себя въ невозможности разгадать Рудина по исторіи его страсти. Рудинъ влюбленный, даже отчаянно влюбленный, поступилъ въ разрядъ любопытнѣйшихъ явленій для психолога, но, несмотря на то, судить по немъ о настоящемъ и всѣмъ намъ современномъ типѣ будетъ такъ же неудобно, какъ судить о свойствахъ и характерѣ незнакомаго человѣка, наблюдаемаго въ минуты тяжкой болѣзни. Для натуръ, подобныхъ Рудину, страсть къ женщинѣ можетъ быть горячкою, холерою (какъ для Алексѣя Петровича въ Перепискѣ), — никакъ не нормальнымъ проявленіемъ всей ихъ души, какъ это бываетъ съ натурами здоровыми. Лежневъ или Волынецъ, во взлюбленномъ состояніи, останутся прежними твердыми, обыкновенными людьми, объясняемыми ихъ страстью: эта страсть выдвинетъ наружу ихъ добрыя качества, раскроетъ передъ наблюдателемъ ихъ стремленія и затаенные помыслы — подобнаго результата никогда не произойдетъ съ влюбленнымъ Рудинымъ. Люди, неспособные къ страсти, почему-либо ею захваченные, всегда будутъ представлять собой явленіе исключительное и какъ бы оторванное отъ общей связи явленій ихъ прошедшей жизни. Рудинъ влюбленный истинно не будетъ тѣмъ Рудинымъ, который философствовалъ въ Берлинѣ, отпуская горячія импровизаціи на вечерахъ у Покорскаго, гостилъ у Дарьи Михайловны и разстраивалъ первую любовь Лежнева (смотри разговоръ Михаила Михайловича съ Александрой Павловной). Теперь изъ заключеній нашихъ по этому поводу не мудрено будетъ вывести полное сужденіе о причинахъ, почему въ повѣсти Тургенева главный эпизодъ всего произведенія недостаточно знакомитъ читателя съ личностью Дмитрія Николаевича.)

Итакъ, вотъ нашъ безпристрастный и, по возможности, осмотрительный выводъ о всей вещи. Герой произведенія, взятый какъ типъ,

какъ объективная личность, проявившаяся въ главномъ эпизодѣ задуманнаго труда, не имѣетъ достаточной, собственно ему принадлежащей жизни. Персонажъ Дмитрія Рудина, подобно личности Андрея Колосова, не выясняется передъ нами въ совершенствѣ, не соприкасается съ тѣми сторонами дѣйствительности, съ которою онъ (по идеѣ, заложенной въ его созданіе) долженъ былъ соприкаться всѣми своими нравственными сторонами. Колосовъ, въ приключеніи съ Варенькой, проявилъ намъ лишь слабыя стороны своей души; Рудинъ, въ эпизодѣ съ Натальей, выказалъ себя существомъ далеко худшимъ, нежели онъ есть на самомъ дѣлѣ. Въ обѣихъ повѣстяхъ авторъ счелъ долгомъ, для оправданія и истолкованія обоихъ героевъ — ввести въ дѣло пояснительные аргументы, какъ отъ своего лица, такъ и отъ лица другихъ персонажей, дѣйствующихъ въ его разсказѣ. Обѣ вещи исполнены поэтической прелести, которая, во многихъ мѣстахъ, съ избыткомъ выкупаетъ недостатки объективнаго творчества, разъясняя и истолковывая частности произведеній, въ томъ нуждающіяся. Тутъ и кончается параллель между однимъ изъ первыхъ и однимъ изъ послѣднихъ трудовъ Тургенева. Болѣе сближать ихъ между собою не предстоитъ ни надобности ни возможности. Незрѣлая, хотя чрезвычайно изящная повѣсть „Колосовъ“, никакъ не можетъ равняться съ Рудинымъ ни въ поэтическомъ ни въ художественномъ отношеніи. Не взирая на всѣ несовершенства главной постройки, „Рудинъ“ Тургенева есть глубокой этюдъ надъ современнымъ человѣкомъ, твореніе, дѣлающее честь и поэту, имъ занявшемуся, и литературѣ, его породившей. Годъ, ознаменованный подобными произведеніями искусства, не можетъ назваться годомъ, понапрасну пролетѣвшимъ для одного изъ нашихъ даровитѣйшихъ писателей. Можно находить большія неоконченности въ „Рудинѣ“, можно спорить о „Рудинѣ“, можно изъ своей головы пополнять авторское воззрѣніе на личность Рудина, — но холодно пройти мимо этой личности и художественнаго созданія, ея разъясненію посвященнаго, не дозволяется ни одному изъ читателей русскаго искусства.

Дружининъ.

Отрицательныя черты въ Рудинѣ.

По своему происхожденію Рудинъ принадлежалъ, правда, къ бѣдной, но все-таки помѣщицкѣй семьѣ, и своей матери обязанъ онъ тѣмъ, что на немъ отразились наиболѣе характерныя черты крѣпостнаго быта. Мать въ немъ души не чаяла; съ самаго нѣжнаго дѣтства онъ былъ предметомъ ея обожанія: она толокномъ однимъ питалась и всѣ, какія только были у нея деньги, употребляла на него; Митя былъ для нея кумиромъ, которому она постоянно приносила жертвы, лишая себя всего, лишь бы только не дать ему и почувать, что значитъ какія-нибудь лишения. Съ самой колыбели Рудинъ привыкъ быть предметомъ общаго обожанія и поклоненія; вконецъ избалованный,

онъ всѣ жертвы принималъ, какъ должную дань тѣмъ великимъ достоинствамъ, которыя заставляло его находить въ себѣ всеобщее обожаніе. И нѣтъ ничего удивительнаго, что повторилась давнишняя исторія Митрофанушки: проживая въ послѣдствіи за границей, „Рудинъ писалъ къ своей матери чрезвычайно рѣдко и посѣтилъ ее всего одинъ разъ, дней на десять... Старушка и скончалась безъ него, на чужихъ рукахъ, но до самой смерти не спускала глазъ съ его портрета“. Митя росъ балованнымъ барçonкомъ, никакими занятіями себя не утруждалъ и, вѣроятно, учился, подобно Онѣгину, чему-нибудь и какъ-нибудь. Изъ него вышелъ бы, конечно, заурядный обитатель „дворянскихъ гнѣздъ“, если бы онъ не надѣленъ былъ блестящими способностями, живымъ, пытливымъ умомъ, и если бы судьба не привела его въ университетъ.

Что же дѣлалъ Рудинъ въ университетѣ, и что онъ вынесъ изъ него? Лежневъ довольно подробно объ этомъ рассказываетъ, и изъ его рассказовъ мы узнаемъ, что большую часть времени Рудинъ проводилъ въ такъ называемомъ „кружку“. Вотъ что, между прочимъ, говоритъ Гамлетъ Щигровскаго уѣзда про эти студенческіе кружки того времени: „Кружокъ — гибель всякаго самобытнаго развитія. Кружокъ приучаетъ къ болтовнѣ, отвлекаетъ васъ отъ уединенной благодатной работы, прививаетъ вамъ литературную чесотку, лишаетъ васъ, наконецъ, свѣжести и дѣвственной крѣпости души. Въ кружкѣ поклоняются пустому краснобаю... кружокъ — это заколдованный кругъ, въ которомъ погибъ не одинъ порядочный человѣкъ“. Въ этомъ нѣсколько крайнемъ взглядѣ щигровскаго Гамлета, конечно, много желчи разбитаго жизнью человѣка: безусловно отрицать пользу общенія, обмѣна мыслей между людьми, — хотя бы это и было въ тѣсномъ товарищескомъ кружкѣ, — конечно, нельзя.

По отношенію къ 40-мъ годамъ дѣло вовсе не въ самомъ кружкѣ, — но въ томъ, что люди собирались вмѣстѣ и общими силами разрѣшали интересовавшіе ихъ вопросы: это полезно и необходимо, — конечно, на ряду съ „благодатной уединенной работой“; — дѣло не въ самыхъ кружковыхъ собраніяхъ, а въ характерѣ самыхъ бесѣдъ, въ ихъ содержаніи, въ характерѣ той университетской науки, подъ влияніемъ которой воспитывалась наша тогдашняя молодежь. Дѣло въ томъ, что университетская наука въ то время отличалась односторонней отвлеченностью: и въ университетѣ, и въ болѣе серіозной литературѣ, и въ литературныхъ кружкахъ царилъ Гегель съ его туманной философій; и время, и силы тратились на безконечное разрѣшеніе всевозможныхъ отвлеченныхъ вопросовъ, положительно отдѣлявшихъ отъ насущныхъ вопросовъ окружающей дѣйствительной жизни настоящей китайской стѣной. Даже про лучшій изъ гегелевскихъ кружковъ — кружокъ Бѣлинскаго — А. Н. Пыпинъ говоритъ: „У нашихъ молодыхъ философовъ отношеніе къ жизни, къ дѣйствительности сдѣлалось школьное, книжное: всякое простое чувство было возводимо въ отвлеченныя категоріи и возвращалось оттуда безъ капли

живой крови, блѣдной алгебраической тѣнью. Человѣкъ, который шелъ гулять въ Сокольники (паркъ подь Москвой), — шелъ для того, чтобы отдаться пантеистическому чувству своего единства съ космосомъ, и если ему попался по дорогѣ какой-нибудь солдатъ подь хмелькомъ или баба, вступившая въ разговоръ, — философъ не просто говорилъ съ ними, но опредѣлялъ субстанцію народности въ ея непосредственномъ и случайномъ явленіи“. Щигровскій Гамлетъ съ своей стороны восклицаетъ: „Какую, скажите на милость, пользу могъ я извлечь изъ энциклопедіи Гегеля? Чтò общаго, скажите, между этой энциклопедіей и русской жизнью?“ Лежневъ какъ бы подтверждаетъ это, говоря: „Нашъ кружокъ состоялъ тогда, говоря по совѣсти, изъ мальчиковъ, и мальчиковъ недоученыхъ. Философія, искусство, наука, самая жизнь — все это для насъ были одни слова, пожалуй, даже понятія, заманчивыя, прекрасныя, но разбросанныя, разъединенныя“. И вотъ о такихъ-то, для большинства „разъединенныхъ“, подчасъ даже малодоступныхъ и почти совсѣмъ оторванныхъ отъ жизни вопросахъ ведутся дебаты. Конечно, пользы при этомъ условіи могло быть очень мало, — и развивалось, главнымъ образомъ, красноречіе.

Такимъ именно характеромъ отличался тотъ студенческой кружокъ, въ который попалъ Рудинъ. На его несчастье, онъ отличался особенной способностью говорить, — говорить складно, умно, увлекательно. Лежневъ говоритъ про него: „Рудинъ превосходно развивалъ любую мысль, спорилъ мастерски. Читалъ онъ больше философскія книги, и голова у него была такъ устроена, что онъ тотчасъ же изъ прочитаннаго извлекалъ все общее, хватался за самый корень дѣла и уже потомъ проводилъ отъ него во всѣ стороны свѣтлыя, правильныя нити мысли, открывалъ духовныя перспективы... Ничего не оставалось безсмысленнымъ, случайнымъ: во всемъ высказывалась разумная необходимость и красота, все получало значеніе ясное и, въ то же время, таинственное, каждое отдѣльное явленіе жизни звучало аккордомъ, и мы сами, съ какимъ-то священнымъ ужасомъ благоговѣнія, съ сладкимъ сердечнымъ трепетомъ чувствовали себя какъ бы живыми сосудами вѣчной истины, орудіями ея, призванными къ чему-то великому“... Эта въ своемъ родѣ вдохновенная тирада Лежнева показываетъ намъ, между прочимъ, какой дѣйствительно выдающейся способностью увлекать другихъ горячимъ словомъ обладалъ Рудинъ. Благодаря именно этой способности, онъ и въ университетѣ, среди студентовъ-товарищей, продолжалъ собирать дань преклоненія передъ своей особой, быть предметомъ если не обожанія, то, какъ видно изъ словъ Лежнева, трепетнаго удивленія, какъ то было у себя въ деревнѣ. Это, конечно, очень льстило еще съ дѣтства избалованному и развитому самолюбію Рудина: онъ еще болѣе изоцирлся въ своемъ ораторствѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ привыкалъ видѣть въ этомъ для себя серьезное дѣло, привыкалъ думать, что въ этомъ заключается все, что онъ долженъ дѣлать въ жизни, — тѣмъ болѣе потому, что ему не приходилось ни о чемъ, такъ сказать, реально-житейскомъ забо-

тятся. Привыкшій съ ранняго дѣтства брать все готовымъ и при этомъ не спрашивать, даже и не подуматъ о томъ, откуда, чьими руками все это добыто, Рудинъ и въ университетѣ совершенно покойно бралъ деньги у товарищей, совсѣмъ не задаваясь вопросомъ о томъ, насколько все-таки это могло быть къ лицу такому философу-руководителю, какимъ онъ былъ для своего кружка.

Послѣ всего сказаннаго нетрудно отвѣтить на вопросъ, что далъ Рудину университетъ. Хорошаго сравнительно очень мало вынесъ Рудинъ изъ храма русской науки, и это хорошее заключалось прежде всего, конечно, въ тѣхъ, безспорно, высокихъ самихъ по себѣ идеяхъ, которыми богата была и философія Гегеля и тѣ философскіе дебаты, которыми оглашалась скромная студенческая каморка Покорскаго. Эти идеи были отрывочны, мало имѣли связи съ запросами окружающей общественной жизни, — но онѣ все же будили серіозную мысль, все же говорили о высокомъ, о прекрасномъ, зажигали благороднымъ, освѣжающимъ огнемъ молодя, отзывчивыя сердца. „Вы представьте“, рассказываетъ Лежневъ, „человѣкъ пять-шесть; одна сальная свѣча горитъ, чай подается прескверный, и сухари къ нему старые, престарые; а посмотрѣли бы вы на всѣ наши лица, послушали бы рѣчи наши! Въ глазахъ у каждаго восторгъ, и щеки пылаютъ, и сердце бьется, — и говоримъ мы о Богѣ, о правдѣ, о будущности человечества, о поэзии... Вотъ уже утро сѣрѣетъ, и мы расходимся тронутые, веселые, честные, трезвые (вина у насъ и въ поминѣ тогда не было), съ какой-то пріятной усталостью на душѣ... Помнится, идешь по пустымъ улицамъ, весь умиленный, и даже на звѣзды какъ-то доврчиво глядишь, словно онѣ стали ближе и понятнѣе... Эхъ! славное было время, и не хочу я вѣрить, что оно пропало даромъ“. Къ этому нужно прибавить и ту жажду знанія, то желаніе итти впередъ, пополнить, расширить, еще болѣе выяснитъ вызывающіе другъ друга вопросы, которыми искренно волновалась тогдашняя университетская молодежь. Но не меньше, пожалуй, развѣ еще не больше вынесъ, Рудинъ дурного изъ своего студенчества. Университетская жизнь не только не исправила въ Рудинѣ недостатковъ первоначальнаго, домашняго воспитанія, но, какъ мы видѣли, даже еще укрѣпила ихъ въ немъ; далѣе, она выработала изъ Рудина пустого, безцѣльнаго, самоуслаждающагося красная, для котораго обратилось въ потребность, такъ сказать, въ цѣль жизни возвышаться на трибунѣ и приковывать къ себѣ всеобщее вниманіе своими вдохновенными, но вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе чѣмъ на половину, безплодными рѣчами; наконецъ, университетъ не только не помогъ Рудину, хотя нѣсколько, познакомиться съ запросами и нуждами дѣйствительной жизни, отъ которыхъ еще съ дѣтства нѣжная материнская забота всячески удаляла Рудина, но онъ, можно сказать, даже еще болѣе отдалилъ юношу отъ самой дѣйствительной народной и общественной жизни, служенію которой онъ долженъ былъ себя посвятить. Вѣдь, не даромъ же, искушенный и побитый жизнью, щигровскій Гамлетъ восклицаетъ:

„Какую, скажите на милость, пользу могъ я извлечь изъ энциклопедіи Гегеля? Чтò общаго, — скажите, — между этой энциклопедіей и русской жизнью?“

Но будемъ нѣсколько терпѣливѣе: покончивъ съ университетомъ, Рудинъ, вѣдь, поѣхалъ за границу, въ Германію, — къ самому первоисточнику тогдашней нашей науки и образованности; быть можетъ, эта самая, „заграница“ освѣжила его и хотя нѣсколько направила на путь истины. Надежды на это, положимъ, немного: у насъ еще свѣжо воспоминаніе о почтеннѣйшемъ Пустозвоновѣ изъ „Записокъ охотника“. А вотъ что щегровскій Гамлетъ прибавляетъ съ своей стороны къ этой картинѣ, говоря о своемъ пребываніи за границей: „Нечего и говорить“, сознается онъ, „что собственно Европы, европейскаго быта я не узналъ ни на волосъ; я слушалъ нѣмецкихъ профессоровъ и читалъ нѣмецкія книги на самомъ мѣстѣ рожденія ихъ... вотъ въ чемъ состояла вся разница“. Еще у себя, на Руси, привыкнувъ читать эти нѣмецкія книжки помимо жизни, т.-е. окружавшей его, родной, русской жизни, которая уже въ самомъ дѣтствѣ была отъ него заслонена „французскимъ его гувернеромъ — нѣмцемъ Филипповичемъ изъ нѣжинскихъ грековъ“, — привыкнувъ мыслить только по книгамъ, помимо жизни, — щигровскій Гамлетъ и въ Германіи также мало былъ склоненъ къ тому, чтобы непосредственно всмотрѣться въ самую жизнь, въ ту жизнь, на почвѣ которой родились эти книжки. Онъ правильно разсуждалъ, отправляясь за границу, что „наука-то, кажись, вездѣ одна“, но онъ не зналъ, какъ, — къ сожалѣнію, и до сихъ поръ еще многіе не знаютъ, — что наука, съ ея цѣлью — истиной, заключается не въ однѣхъ книжкахъ, что дѣйствительно овладѣть наукой — это значить умѣть сознать ея непосредственное возникновеніе изъ жизни, сдѣлаться способнымъ выводить эту самую науку и ея истины изъ всего, что насъ окружаетъ. Одна изъ причинъ того, что этого не достигали наши щигровскіе Гамлеты, заключалось въ томъ, что они не умѣли, не привыкли вглядываться въ самую жизнь, изъ которой рождаются настоящія научныя истины; они привыкли брать все готовымъ у другихъ, говорить и думать чужими готовыми идеями и выводами. „Имъ выводы подавай“, говоритъ Лежневъ. „Гдѣ же нашему брату изучать то, чего еще ни одинъ умница въ книгу не вписалъ!“ съ горечью въ сердцѣ говоритъ щигровскій Гамлетъ: „Я бы радъ былъ брать у ней уроки, у русской жизни-то, — да молчитъ она, моя голубушка. Пойми меня, дескать, такъ, а мнѣ это не подъ силу: мнѣ вы подайте выводъ, заключенье мнѣ представьте“.

Но, вѣдь, и по характеру первоначальнаго воспитанія, и по характеру своего образованія, по самому образу жизни въ первую пору молодости, увлеченія и университетской болтовней, и заграничной отвлеченной наукой, щигровскій Гамлетъ не только ближайшій современникъ Рудина, но больше того: онъ кровный, родной, развѣ только старшій братъ. Лежневъ какъ бы подтверждалъ это: на вопросъ

Александры Павловны, какимъ онъ напелъ Рудина за границею, онъ отвѣчаетъ: „Я въ немъ открылъ то, о чемъ я говорилъ вамъ съ часъ тому назадъ“. А во время этого разговора Лежневъ изображалъ Рудина именно такимъ беспочвеннымъ философомъ-краснобаемъ, ораторствующимъ наполовину для самоуслаждения съ чужихъ словъ, съ блескомъ, съ трескомъ, но почти безслѣдно и бесплодно для окружающей жизни и людей. Для своей русской жизни, для своей родины Рудинъ и изъ-за границы вернулся такимъ же пустоцвѣтомъ, такимъ же складочнымъ мѣстомъ общихъ мѣстъ“, — какъ выражается щигровскій Гамлетъ, — какимъ и поѣхалъ въ нѣмецкіе края. И невольно повторилъ вмѣстѣ съ тѣмъ же щигровскимъ Гамлетомъ: „Такъ зачѣмъ же ты таскался за границу? зачѣмъ не сидѣлъ дома да не изучалъ окружающей тебя жизни на мѣстѣ?“ Отвѣтъ на этотъ вопросъ намъ уже извѣстенъ: Рудины способны только проглатывать готовые выводы, съ блескомъ и самоуслажденіемъ развивать ихъ передъ такою же, какъ они сами, праздною публикою, которую они поражаютъ и умиляютъ своимъ трескучимъ краснобайствомъ. Именно въ такомъ положеніи мы застаемъ Рудина въ началѣ романа.

Въ высшей степени любопытную картинку представляютъ собою первыя минуты пребыванія Рудина у Ласунской: это прекрасная, какъ увидимъ сейчасъ, иллюстрація къ студенческимъ воспоминаніямъ Лежнева о Рудинѣ, — ко всему тому, что мы до сихъ поръ говорили о немъ.

На эти нѣсколько минутъ мы съ вами въ имѣніи /столичной лъвицы — Дарьи Михайловны Ласунской, въ ея огромномъ барскомъ домѣ, воздвигнутомъ на вершинѣ холма по рисункамъ знаменитаго Растрелли, — съ колоннами, балконами, террасами, — въ ея салонѣ со всевозможными приспособленіями и украшеніями утонченнаго свѣтскаго вкуса. Теплый лѣтній вечеръ. Въ открытыя окна льется ароматъ липовыхъ аллей и цвѣтниковъ. Въ салонѣ цѣлое общество сосѣдей, друзей, поклонниковъ. Всѣ въ особенномъ настроеніи; всѣхъ захватила, приковала къ себѣ вдохновенная, горячая, воодушенная рѣчь одного человѣка. Этотъ человѣкъ — Рудинъ. Онъ говоритъ мастерски. Образы смѣняются образами; сравненія, то неожиданно смѣлая, то поразительно вѣрныя, возникаютъ за сравненіями. Онъ не ищетъ словъ: они сами послушно и свободно приходятъ къ нему на уста, и каждое слово, кажется, такъ и льется прямо изъ души, пылаетъ всѣмъ жаромъ убѣжденія. Стоя у окна, не глядя ни на кого въ особенности, онъ, вдохновленный общимъ сочувствіемъ и вниманіемъ, близостью молодыхъ женщинъ, красотою ночи, увлеченный потокомъ собственныхъ ощущеній, возвысился до краснорѣчія, до поэзіи... Хозяйка въ восторгѣ отъ новаго украшенія своего салона, съ увлеченіемъ слѣдитъ за потокомъ воодушевленной рѣчи и съ нѣжнымъ выраженіемъ въ голосѣ невольно восклицаетъ: „Vous êtes un poète!“ Сосѣди и друзья вполне согласны съ ней и съ восторженнымъ удивленіемъ внимаютъ оратору. Но больше всѣхъ поражены только что окончившій курсъ въ университетѣ молодой Басистовъ и

семнадцатилѣтняя дочь хозяйки, Наташа. У Басистова чуть дыханье не захватило; „онъ сидѣлъ все время съ открытымъ ртомъ и широко раскрытыми глазами, — и слушалъ, слушалъ, какъ отъ роду не слушалъ никого“, говоритъ намъ авторъ, „а у Наташи лицо покрылось алой краской, и взоръ ея, неподвижно устремленный на Рудина, и потемнѣлъ и заблесталъ“. Еще не совсѣмъ замолкли послѣднія, заключительныя слова Рудина, объяснявшаго значеніе приведенной имъ туманной скандинавской легенды о птичкѣ, — какъ заботливые слуги доложили, что поданъ ужинъ, и все общество, насладившись пищею духовной, направилось въ столовую, гдѣ всѣхъ ожидало хлѣбосольство гостепріимной хозяйки. А въ это время въ ветхой и низкой крайней избушкѣ сосѣдней деревеньки умиралъ человѣкъ, преждевременно приведенный къ могилѣ невозможными условіями жизни; въ той же деревнѣ бѣгали нечесанные, невытые, заброшенные ребятишки, потому что матери за ними некогда смотрѣть: она и въ полѣ, она и на барскомъ дворѣ, она и у себя на дворѣ, — все одна; а кругомъ вездѣ безпроглядное невѣжество и тягота, непочатый уголь нужды и самыхъ насущныхъ жизненныхъ вопросовъ, — дѣла и дѣла безъ конца. И стоитъ это дѣло, и царитъ это невѣжество, и гнетъ свою спину безпомощный простой человѣкъ, и ждетъ народная русская жизнь своихъ дѣятелей, — въ то самое время, когда за блестящимъ ужиномъ т-жи Ласунской „самый звукъ Рудинскаго голоса, сосредоточенный и тихій, увеличиваетъ еще болѣе обаяніе всего того, что онъ говоритъ: кажется всѣмъ, что его устами говорить что-то высшее... онъ говоритъ о томъ, что придаетъ вѣчное значеніе временной жизни человѣка“... Ужинъ кончился. Упоенные и духовной и тѣлесной пищею, ораторы и восторженные слушатели расходятся, — и вотъ они уже успокоились на своихъ мягкихъ, покойныхъ ложахъ, какъ бы исполнивъ свой долгъ передъ обществомъ, передъ родиной... А эта самая родина стоитъ по прежнему одинокая, и родная нива тщетно ждетъ своихъ настоящихъ пахарей.

Въ этой поистинѣ грустной картинкѣ своего перваго „блестящаго“ дебюта у Ласунской Рудинъ является передъ нами именно такимъ, какимъ мы его могли представлять себѣ по рассказамъ о немъ Лежнева, по всему тому, что мы знали о его первоначальномъ домашнемъ воспитаніи, о его университетской жизни. Рудинъ попалъ въ свою сферу, онъ именно въ своей тарелкѣ: на него обращены всѣ взоры; онъ — предметъ всеобщаго вниманія и удивленія; онъ вызываетъ восторженное настроеніе своимъ вдохновеннымъ краснорѣчіемъ, — и онъ счастливъ, весь отдается охватившему его увлеченію, — и Рудинъ весь тутъ, и ничего больше отъ него ожидать и нельзя, въ чемъ убѣждаютъ насъ факты, послѣдовавшіе за его первымъ дебютомъ.

Вѣдь онъ явился къ Ласунской собственно для того только, чтобы передать порученіе своего знакомаго, — и на это, конечно, совершенно достаточно было бы одного вечера; но Рудинъ сразу почув-

ствовавъ себя у Ласунской въ привычной для себя, излюбленной сферѣ и, вмѣсто одного вечера, совершенно незамѣтно, — именно незамѣтно, заживается на нѣсколько мѣсяцевъ. Рудину и въ голову не приходитъ вопросъ, какъ это онъ безспорно умный, развитой, образованный, по крайней мѣрѣ, начитанный, человекъ, живетъ цѣлые мѣсяцы безъ всякаго дѣла у мало знакомыхъ ему людей и тратитъ время на пустое краснбайство. Онъ этого не чувствуетъ и не замѣчаетъ: вѣдь для него какъ бы вернулась его студенческая жизнь: и теперь такъ же, какъ и тогда, онъ собираетъ со всѣхъ дань и духовную, — въ видѣ удивленія своему ораторскому таланту, — и матеріальную — въ видѣ займовъ въ счетъ будущихъ благъ; ему ни о чемъ не приходится заботиться, для него все готово, и онъ не только не смущается грустной, — съ нашей точки зрѣнія, прямо-таки обидной для него ролью, а чувствуетъ себя совершенно въ своей сферѣ и ораторствуетъ себѣ да ораторствуетъ; и если бы не исторія съ Наташей, онъ и дольше бы оставался.

✓ Мы подошли теперь къ высшей степени характерному для Рудина его сближенію съ Наташей. Мы видѣли, съ какимъ восторженнымъ вниманіемъ слѣдила Наташа за первымъ дебютомъ Рудина; на другой день онъ началъ дебютировать уже спеціально для Наташи. Свой дебютъ онъ началъ во время прогулки съ нею съ гимна въ честь поэзіи: „Поэзія — языкъ боговъ; она разлита вездѣ, она вокругъ насъ... Взгляните на эти деревья, на это небо, — отовсюду вѣетъ красотою и жизнью; а гдѣ красота и жизнь, тамъ и поэзія“. Наташа сразу почувствовала въ себѣ вчерашнее настроеніе; она живо вспомнила его вчерашнія восторженные рѣчи о томъ, что придаетъ вѣчное значеніе временной жизни человека, и поэтому положительно изумилась, когда на ея вопросъ, — что онъ думаетъ дѣлать въ деревнѣ, — Рудинъ ей отвѣчалъ, что ему „пора отдохнуть“. Но ея слова: „Отдыхать могутъ другіе, а вы... вы должны трудиться, стараться быть полезнымъ...“, напомнили ему о его обычной роли трибуна и глашатая великихъ отвлеченныхъ истинъ. Рудинъ даже какъ бы извинился передъ Наташей, что забылъ о своей роли: „Ваше одно слово напомнило мнѣ мой долгъ, указало мнѣ мою дорогу“, говорилъ онъ ей: „Да, я долженъ дѣйствовать. Я не долженъ скрывать свой талантъ, если онъ у меня есть; я не долженъ растрчивать свою силу на одну болтовню, пустую, бесполезную болтовню, на одни слова“... „И слова его полились рѣкою“, прибавляетъ отъ себя авторъ: „онъ говорилъ прекрасно, горячо, убѣдительно — о позорѣ малодушія и лѣни, о необходимости дѣлать дѣло, — говорилъ долго и окончилъ тѣмъ, что еще разъ благодарилъ Наталью Алексѣвну и совершенно неожиданно стиснулъ ей руку, промолвивъ: „Вы — прекрасное, благородное существо“.)

Какъ въ первый день ораторскаго дебюта у Ласунской Рудина вдохновляло и вводило въ его обычную роль общее сочувствіе и вниманіе, близость молодыхъ женщинъ и то обаяніе, которое онъ на всѣхъ

производить, — такъ точно и теперь, дебютируя въ той же роли по отношенію къ Наташѣ, онъ вдохновлялся тѣмъ восторженнымъ трепетомъ, который возбуждали его слова въ молодой, неопытной, чистой, воспримчивой, горячей натурѣ дѣвушки. Ея широко открытыя блестящіе глаза, ея пылающія восторгомъ щеки, то сочувствіе къ нему, „бѣдному скитальцу“, какъ называетъ себя Рудинъ, которое сквозило въ каждомъ ея искреннемъ, вылившемся изъ души словѣ, — все это какъ бы опяняло Рудина и къ наслаженію чувствовать себя предметомъ удивленія и восторженнаго поклоненія присоединяло еще наслаженіе чувствовать себя предметомъ первой, чистой, зарождающейся и съ каждой минутой усиливающейся любви чистаго, молодого, глубокаго по душѣ и сердцу существа. Рудинъ не могъ этого не чувствовать, не могъ этого не замѣчать: Наташа была слишкомъ неопытное, чистое, честное, открытое существо, чтобы играть какунибудь роль, кокетничать: ея сердце все было открыто; она прямыми, чистыми, невинными глазами говорила о томъ, чѣмъ волновалось ея сердце; она прямо, открыто шла навстрѣчу горячему, честному призыву, который ей слышался въ восторженныхъ рѣчахъ Рудина. И Рудинъ не могъ этого не понимать, не могъ этого не чувствовать, — тѣмъ болѣе, что ему было уже 35 лѣтъ, онъ уже видѣлъ жизнь и испыталъ въ ней многое. И онъ чувствовалъ и прекрасно понималъ, что дѣлается въ душѣ Наташи; онъ даже настаивалъ на томъ, чтобы Наташа высказалась, и онъ добился этого.]

„Наталя Алексѣвна!“ говорилъ трепетнымъ шопотомъ Рудинъ, когда Наташа, уступая его просьбѣ, пришла къ нему на свиданіе: „я хотѣлъ васъ видѣть... я не могъ дожидаться завтрашняго дня. Я долженъ вамъ сказать, чего я не подозрѣвалъ, чего я не сознавалъ даже сегодня утромъ... я люблю васъ“... „Я люблю васъ“ повторилъ онъ: „и какъ я могъ такъ долго обманываться, какъ я давно не догадался, что люблю васъ!... А вы?... Наталя Алексѣвна, скажите, вы?...“ — Вы видите, я пришла сюда, проговорила Наташа, едва переводя духъ. „Нѣтъ, скажите, вы любите меня?“ — Мнѣ кажется... да... прошептала она. „Ахъ, Наталя Алексѣвна, какъ я счастливъ! Теперь ужъ ничто насъ не разъединитъ!“ восторженно отозвался на это Рудинъ. — Вы говорите, вы счастливы? — какъ бы желая окончательно увѣриться въ этомъ, спросила Наташа. „Я? Нѣтъ человѣка въ мірѣ счастливѣе меня! Неужели вы сомнѣваетесь?“ Наташа приподняла голову, взглянула ему въ глаза и рѣшительно сказала: „Знайте же: я буду ваша!“

Итакъ, цѣль достигнута: дѣвушка любитъ и готова идти за любимымъ человѣкомъ. Что же мы можемъ или, правильнѣе, должны, именно должны ожидать отъ Рудина? Человѣкъ уже далеко не молодой, безспорно умный, образованный, развитой, уже не мало испытаннй въ жизни, прекрасно видитъ, что производитъ глубокое, сильное впечатлѣніе на юную, неопытную, страстную и воспримчивую по натурѣ дѣвушку, радуется, когда убѣждается въ этомъ, добивается

окончательной взаимности, вызывает на рѣшительное объясненіе, наконецъ, — достигаетъ всего этого. Конечно, у подобнаго человѣка должно же быть сознаніе важности и серіозности того шага, который онъ дѣлаетъ, — онъ долженъ, конечно, понимать, что беретъ на свои руки судьбу и счастье молодой, неопытной, чистой, честной дѣвушки, которая довѣрчиво откликнулась на его призывъ, увѣренная найти въ немъ самомъ, въ его дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ все то, что такъ увлекало ее въ его восторженныхъ рѣчахъ; онъ долженъ же знать, куда онъ ее поведетъ, что онъ ей дастъ, какъ онъ оправдываетъ ея ожиданія, которыя естественно наполняютъ ея сердце, настроенное и взволнованное его же возвышенными рѣчами объ истинномъ смыслѣ жизни, объ обязанности каждаго изъ насъ дѣлательно трудиться на пользу человѣчества. Дѣвушка подала ему свою руку; онъ, какъ мы видѣли, съ восторгомъ принялъ ее, горячо, восторженно увѣряя дѣвушку, что онъ теперь счастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ, что ничто теперь не разъединитъ ихъ. Ну, кажется, все кончено, и наступило время дѣйствовать, и дѣйствовать, конечно, ему, этому „счастливѣйшему человѣку въ мірѣ“. Что же Рудинъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ поистинѣ безсмертная сцена послѣдняго его свиданія съ Наташей у Авдюхина пруда.

Послѣ рѣшительнаго объясненія съ матерью, которая объявила, что, „она скорѣе согласится видѣть Наташу мертвою, чѣмъ женою Рудина“, Наташа, отвѣтивъ матери, что скорѣе умретъ, чѣмъ выйдетъ за другого, рѣшила покончить со всѣмъ прошлымъ и отдать свою судьбу въ руки любимаго человѣка. Уходя послѣ этого на рѣшительное свиданіе съ Рудинымъ, она мысленно просталась со своимъ домомъ, со своимъ прошедшимъ: она твердо была увѣрена, что ее ожидаетъ надежная, серіозная, любящая рука, на которую она можетъ смѣло опереться для того, чтобы вмѣстѣ съ любимымъ человѣкомъ пуститься навстрѣчу превратностямъ жизни, — и кого же она встрѣтила у Авдюхина пруда? того ли Рудина — благороднаго, смѣлаго, убѣжденнаго бойца за правду, за счастье, какимъ она привыкла представлять его себѣ по его безчисленнымъ рѣчамъ? А вотъ послушаемъ самого Рудина.

Во-первыхъ, онъ пресеріозно захохотъ и заволновался тѣмъ, что Дарья Михайловна узнала о его свиданіи съ Наташей, и презабавно все выспрашивала у Наташи мелкія подробности ея послѣдняго разговора съ матерью. Затѣмъ, когда Наташа, раздраженная этими странными разспросами, прямо поставила вопросъ: „Какъ вы думаете, что намъ надобно теперь дѣлать? Я пришла за совѣтомъ. Вы — мужчина. Я привыкла вамъ вѣрить, я до конца буду вѣрить вамъ“, — Рудинъ, какъ застигнутый врасплохъ, растерянно отвѣчалъ: „Да какой совѣтъ могу я дать вамъ? Покоритесь судьбѣ: я бѣденъ; но если даже я былъ бы богатъ, то для васъ была бы тяжела разлука съ вашей семьей, гнѣвъ вашей матушки“, и т. д. Въ отвѣтныхъ горькихъ словахъ какъ громомъ пораженной этимъ совѣтомъ Наташи мы находимъ

въ высшей степени правдивую характеристику Рудина: „Какъ! я прихожу къ вамъ за совѣтомъ, и въ какую минуту, и первое ваше слово: покориться... Покориться! Такъ вотъ какъ вы примѣняете на дѣлѣ ваши толкованія о свободѣ, о жертвѣ... Мама была права: вы точно, отъ нечего дѣлать, отъ скуки, пошутили со мной... Зачѣмъ же вы не остановили меня? зачѣмъ вы сами... Вы такъ часто говорили о самопожертвованіи... но, знаете ли, если бы вы сказали мнѣ сегодня, сейчасъ: — „Я тебя люблю, но я жениться не могу, я не отвѣчаю за будущее, дай мнѣ руку и ступай за мной“, — знаете ли, что я бы пошла за вами, знаете ли, что я на все рѣшилась?... Но, вѣрно, отъ слова до дѣла еще далеко, и вы теперь струсили точно такъ же, какъ струсили третьяго дня передъ Волинцевымъ... Я до сихъ поръ вѣрила, каждому вашему слову вѣрила... Впередъ, пожалуйста, взвѣшивайте ваши слова, не произносите ихъ на вѣтеръ... Я нисколько не сомнѣваюсь въ вашей честности: вы не въ состояніи дѣйствовать изъ расчета; но развѣ я въ этомъ желала убѣдиться... Вы не ожидали всего этого, — вы меня не знали... вы не любите меня... „Ваша матушка не согласна... это ужасно!“ — вотъ все, что я слышала отъ васъ. Вы ли это, вы ли это, Рудинъ? Нѣтъ, прощайте!...“

Чернышевъ.

Положительныя стороны въ Рудинѣ.

Люди того поколѣнія, типическимъ представителемъ котораго служить тургеневскій герой (Рудинъ), почти уже сошли со сцены: многіе послѣдніе могики идеалистовъ сороковыхъ годовъ остались теперь, да и среди нихъ сколько утратившихъ не только былой идеализмъ, но даже всякій образъ человѣческой! Не будь художественныхъ воспроизведеній этого отжившаго типа, въ свое время игравшаго такую громадную роль въ нашей жизни и въ ея трудномъ и упорномъ стремленіи къ самосознанію, — не будь этихъ всѣмъ знакомыхъ фигуръ Тентетникова, Бельтова, Рудина, Райскаго, Верховенскаго — мы съ трудомъ могли бы составить себѣ понятіе о цѣломъ періодѣ развитія русской жизни, періодѣ необыкновенно тревожномъ въ глубинѣ, хотя, повидимому, и спокойномъ на поверхности. Теперь же, благодаря художественному творчеству Гоголя, Герцена, Тургенева, Гончарова, Достоевскаго, мы имѣемъ самое живое, самое точное и опредѣленное представленіе о внутреннемъ складѣ жизни упомянутаго періода, о его настоящихъ, а не показныхъ, не формальныхъ только герояхъ. Передъ нами эти герои возстаютъ во весь ростъ, со всѣми своими выдающимися качествами и недостатками, ихъ значеніе опредѣляется какъ нельзя болѣе ясно, итоги этого значенія подведены художниками съ замѣчательной вѣрностью и безпристрастіемъ. И, конечно, въ этой живой работѣ названныхъ художниковъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ занимаетъ небольшая эпопея о Дмитріи Рудинѣ,

благородномъ російскомъ теоретикѣ добраго стараго времени, зажившемъ юныя сердца изящнымъ краснорѣчіемъ и блестящей діалектикой, будившемъ спящую жизнь, повидимому, могучими порывами непреодолимаго убѣжденія въ необходимости дѣла, и тѣмъ не менѣе на первыхъ же порахъ пасовавшемъ передъ всякимъ настоящимъ жизненнымъ дѣломъ, постоянно трусившемъ передъ дѣйствительностью. Ни въ одномъ изъ произведеній другихъ художниковъ не обрисованъ такими сочувственными чертами упомянутый благородный теоретикъ, потому что ни одинъ изъ русскихъ художниковъ не подходилъ такъ близко къ его умственному и нравственному складу, какъ подходилъ самъ Тургеневъ. Не даромъ же, несмотря на усилія стать на самую объективную точку зрѣнія въ оцѣнкѣ настоящей сущности рудинскаго типа, его творецъ, при всей своей замѣчательной художественной выдержкѣ, не сладилъ съ избранной задачей и невольно измѣнивъ ей, въ знаменитомъ эпилогѣ почти „поклонился тому, что сжигалъ“, въ продолженіе всей своей эпопеи.

Полное „развѣнчаніе“ рудинскаго типа, полное разоблаченіе его отрицательныхъ сторонъ, разоблаченіе беспощадное, даже, можно сказать, злобное разоблаченіе, сдѣлано было гораздо позже другимъ художникомъ — Достоевскимъ, въ его „Бѣсахъ“. Въ лицѣ Степана Трофимовича Верховенскаго мы встрѣчаемся съ Рудинымъ, захваченнымъ новымъ тревожнымъ жизненнымъ движеніемъ въ эпоху довольно близкую къ намъ, съ Рудинымъ, ужъ состарѣвшимся, окончательно расшатавшимся и умственно и нравственно, и дошедшимъ въ своей жизненной карьерѣ до того положенія, которое пророчески предсказывалъ этому герою озлобленный циникъ Пигасовъ, когда онъ увѣрялъ, что Рудинъ „кончитъ тѣмъ, что умретъ на рукахъ престарѣлой дѣвы, которая будетъ думать о немъ, какъ о гениальнѣйшемъ человѣкѣ въ мірѣ“. Достоевскій еще усилилъ пророческое предсказаніе Пигасова: его Степанъ Трофимычъ даже въ барынѣ, у которой онъ состоитъ приживальщикомъ, не возбуждаетъ о себѣ иного представленія, какъ только о жалкомъ, „пустомъ, безславномъ и малодушномъ“ человѣкѣ. И однакоже этотъ одряхлѣвшій и окончательно вывѣтрившійся идеалистъ угасаетъ среди дикой и цинической грубой оргіи, чуждой ему и вполнѣ антипатичной жизни новаго поколѣнія все съ тою же юношескою, даже младенческою вѣрою въ свои эстетически-гуманные принципы, доведенные имъ почти до смѣшного значенія. Комическое противорѣчіе между дѣйствительностью, окружающею стараго идеалиста, между практикою его жизни и теоретическими убѣжденіями, нарисовано Достоевскимъ съ удивительной силой и злостью: тутъ вы видите уже настоящую казнь типа, настоящую месть художника всему тому, что въ этомъ типѣ было ложнаго, фальшиваго, наноснаго, несогласнаго съ народными идеалами и привившагося къ нему, вслѣдствіе „западническо-дворянской“ его отрѣшенности отъ русской почвы. Несмотря на мстительный юморъ, съ которымъ нарисованъ художникомъ образъ Верховенскаго, онъ, въ концѣ-концовъ,

выходитъ если не трагическимъ, то, во всякомъ случаѣ, возбуждаетъ глубокую жалость своей убогой беспомощностью. Выцвѣтшая, вылинявшая, ветхая фигура стараго доктринера-либерала, съ котораго буйный вихорь новаго стремленія жизни сорвалъ нѣкогда эффектно драпировавшую его тогу возвышенно-краснорѣчиваго идеализма, оставивъ только загрязненные и оборванные клочья этой тоги, походить на фигуру нищаго, растрепанную неожиданно застигшимъ его ненастьемъ.

Не говоря уже о томъ, что Тургеневъ по своей натурѣ, вообще женственно-деликатной, не былъ способенъ къ такому страстному увлеченію художнической мстительностью, какое свойственно Достоевскому, онъ не могъ развѣнчать такъ полно и такъ безошадно типъ Рудина уже и потому одному, что въ эпоху созданія его романа этотъ типъ далеко еще не развѣнчала и сама жизнь. /Напротивъ, Рудинъ въ то время имѣлъ еще несомнѣнное героическое значеніе и возвышался цѣлой головой надъ окружающею его дѣйствительностью. Пускай его тревоги были по сущности своей эгоистичны, но, во всякомъ случаѣ, тотъ эгоизмъ, который царилъ въ тогдашнемъ обществѣ, былъ въ тысячу разъ хуже эгоизма Рудина, ибо въ рудинскомъ эгоизмѣ выступало сознаніе личности, а въ эгоизмѣ тогдашняго общественнаго большинства сказывались только полуживотные инстинкты. Пускай его тревоги были бесплодны, выражались лишь въ изяцномъ краснорѣчїи, въ словесной пропагандѣ, въ увлекательной діалектикѣ; но у тогдашняго соннаго общества не было никакихъ, даже бесплодныхъ тревогъ: оно предпочитало всякимъ тревогамъ лѣнивый сонъ, лѣнивую апатию. /Краснорѣчивая проповѣдь Рудиныхъ была нужна, была въ свое время полезна: она нарушала этотъ сонъ, она давала толчокъ застоившемуся жизненному строю, дремавшимъ силамъ, особенно силамъ юнымъ, въ которыхъ она поднимала духъ, возбуждала благородныя и пылкія стремленія къ развитію. (Въ романѣ Тургенева эта сторона нравственнаго вліянія Рудина показана очень ярко на Натальѣ, на Басистовѣ.) И къ тому же, развѣ та „простая“ среда, передъ которою, по замыслу Тургенева, долженъ былъ оказаться несостоятельнымъ его эгоистъ-теоретикъ, „кипящій въ дѣйствиі пустомъ“ — развѣ эта среда въ лицѣ благодушныхъ помѣщиковъ, въ родѣ Лежнева и Волынцева, даже въ лицѣ Натальи, обнаруживала какую-нибудь настоящую дѣятельность, развѣ она не взлелѣивала, какъ и Рудинъ, только личныя стремленія, не услаждаясь эгоизмомъ, обеспеченнымъ чужимъ трудомъ? Рудинъ жилъ на чужой счетъ, на счетъ тогдашней интеллигенціи не совсѣмъ даромъ; онъ платилъ за свое далеко не обеспеченное, бродячее существованіе возбуждающимъ краснорѣчіемъ, блестящими фейерверками своихъ фразъ; ну, а тѣ благодушные дворяне средней руки, которые осуждали Рудина за „нечестность“, займы безъ отдачи и проживаніе на чужой счетъ, — вѣдь они жили же мирно и спокойно на счетъ крѣпостныхъ мужичковъ и при этомъ даже и не прозрѣвали, что благодумствуютъ очень и очень эгоисти-

чески. Рудинъ-то хоть, по крайней мѣрѣ, мучился тѣмъ, что у него „слова, одни слова, дѣлъ не было“; а этихъ мирныхъ и благодушныхъ людей какія же такія „дѣла“ были, кромѣ услажденія себя и своихъ домочадцевъ сельскою обезпеченною жизнью? Выставляютъ обыкновенно въ укоръ Рудину, что онъ чуть не погубилъ Натали, которая, по выраженію Лежнева, ставила на карту душу, тогда какъ Рудинъ волоска не ставилъ, и холодно игралъ съ нею въ игру развѣиванія. Чуть-чуть не погубилъ! Но, вѣдь, однакоже не погубилъ въ концѣ-то концовъ и даже пользу принесъ молодой дѣвушкѣ: помогъ ей образованію, доработать ея натуру, ея характеръ. Тургенева очень хорошо взвѣсилъ все это въ своемъ романѣ и „развѣнчалъ“ рудинскій типъ въ мѣру, совсѣмъ не такъ, какъ потомъ развѣнчивала и принижала его наша либеральная критика. Эта критика, въ лицѣ Добролюбова, примѣняла Рудина къ всероссійскому байбаку и лежебоку Ильѣ Ильичу Обломову, а въ лицѣ Евгенія Маркова изображала его чуть ли не пошлымъ и лживымъ болтуномъ и бездѣльникомъ, будто бы изображеннымъ Тургеньевымъ для того, чтобъ принизить его передъ людьми полей и даже вывести такую мѣщанскую мораль: „не уповай на свои собственныя дарованія, смиришь передъ жизнью, и не будешь скитаться въ кибиткахъ и носить старые сюртуки“. Мало этого: на „старомъ сюртукѣ“ Рудина Марковъ построилъ такое заключеніе, что будто бы послѣднюю страницу эпилога Тургенева написалъ съ цѣлью выставить смерть Рудина въ жалкомъ и позорномъ видѣ. „Рудинъ, — съ изумительнымъ апломбомъ разсуждаетъ Марковъ, — погибаетъ безвѣстною и бессмысленною смертію на баррикадѣ чуждаго ему города, защищая чуждые ему интересы, въ старомъ сюртучишкѣ, съ тупою, бесполезною саблею, неряшливымъ сѣдымъ старичкомъ съ обезсиленнымъ голосомъ“. Вѣроятно, по мнѣнію критика, Тургеньеву для настоящаго апофеоза смерти Рудина слѣдовало представить его погибающимъ на баррикадѣ или въ эффектномъ испанскомъ плащѣ и „въ шляпѣ съ перомъ“, какъ поэтъ Мефистофель въ оперѣ Гуно; или, еще лучше, въ новомъ генеральскомъ мундирѣ съ блестящими пуговицами, аксельбантами и эполетами, съ великолѣпно отточенной шпагой, — словомъ, такимъ героемъ, какіе обыкновенно изображаются на плохихъ литографіяхъ. Для того же, чтобы шпага Рудина не оказалась „бесполезной“, онъ, конечно, долженъ былъ бы ею, прежде чѣмъ его пронзила пуля, проколоть, по крайней мѣрѣ, десятка два солдатъ. Вотъ это была бы картина „героической“ смерти! А то помилуйте, Рудинъ описывается у Тургенева такъ просто: „появился высокій человѣкъ въ старомъ сюртукѣ, подпоясанномъ краснымъ шарфомъ, и соломенной шляпѣ на сѣдыхъ, растрепанныхъ волосахъ. Въ одной рукѣ онъ держалъ красное знамя, въ другой — кривую и тупую саблю, и кричалъ что-то напряженнымъ тонкимъ голосомъ, карабкаясь кверху и помахивая знаменемъ и саблей. Венсенскій стрѣлокъ прицѣлился въ него — выстрѣлилъ... Высокій человѣкъ выронилъ знамя — и, какъ

мѣшокъ, повалился лицомъ внизъ, точно въ ноги кому поклонился... Пуля прошла ему сквозь самое сердце". По мнѣнію Маркова, въ этомъ описаніи Тургеневъ хотѣлъ изобразить неряшливаго старичка въ старомъ сюртучишкѣ — никакъ не болѣе этого. По мнѣнію Маркова, вообще оцѣнивая отношеніе Тургенева къ его герою, нельзя не сознаться, что для автора не было никакой художественной необходимости сочетать теоретичность съ такими пошлыми чертами характера и такую презрѣнно-жалостною судьбою, какія выпали на долю Рудина.

Я привелъ здѣсь это удивительное „мнѣніе“ Маркова ради того, чтобы показать, какъ либеральная критика искажала значеніе рудинскаго типа и правдивое отношеніе къ нему Тургенева. Надѣюсь, что упомянутая причина извинить въ глазахъ читателей нѣкоторую неумѣстность въ моемъ этюдѣ критической полемики. „Мнѣнія“, подобныя приведенному, совершенно произвольны, и оцѣнка судьбы Рудина въ качествѣ „презрѣнно-жалостной“, оцѣнка рудинскаго типа, какъ типа пошлаго, совѣмъ не согласуется съ тѣми данными, какія находимъ мы въ произведеніи Тургенева. Тургеневъ, повторяю еще разъ, безъ сомнѣнія, задавался тенденціей развѣнчать рудинскій типъ, разоблачить его моральную и общественную несостоятельность, бесплодную теоретичность его стремленій, но у Тургенева не было ни малѣйшаго намѣренія принижать этотъ, во всякомъ случаѣ, выдающійся типъ передъ окружающею его средою, а напротивъ, было невольное сочувствіе этому типу, была невольная душевная симпатія. И это сочувствіе, эта невольная душевная симпатія сдѣлали то, что одностороннее тенденціонное „развѣнчаніе“ типа не удалось художнику, и, онъ, вопреки извѣстной поговоркѣ, начавъ за упокой, свелъ за здравіе Рудина. Инстинктивное сочувствіе художника помогло Тургеневу въ этомъ романѣ правильно освѣтить фигуру его героя и выставить его отношенія къ развитію русской жизни совершенно вѣрно и правдиво въ художественномъ и въ историческомъ смыслѣ. Въ этотъ моментъ нашего общественнаго роста, который захватываетъ Тургеневъ въ своемъ романѣ, его герой несомнѣнно игралъ не пошлую роль и далеко не презрѣнно-жалкую по сущности, какъ увѣряла либеральная критика, хотя печальная судьба Рудина и могла возбуждать жалость, какъ возбуждаетъ ее судьба всякаго неудачника, пришедшагося „не ко времени“ и терпящаго жестокіе удары жизни вслѣдствіе этого. Жалкую роль и, можетъ-быть, даже презрѣнную люди рудинскаго типа стали играть уже впоследствии, гораздо позже, когда жизнь развилась вокругъ нихъ въ ширь и въ высъ, а они съ естественнымъ угасаніемъ своихъ умственныхъ и нравственныхъ силъ начали все больше и больше терять ея пониманіе и продолжали пребывать въ своемъ узкомъ кружковомъ доктринерствѣ, въ своей мнимолиберальной теоретичности, продолжали не признавать народной жизни, витая праздною и одряхлѣвшей мыслью въ облакахъ излюбленныхъ эстетическихъ и политическихъ принциповъ, навѣянныхъ любезнымъ имъ Западомъ, почерпнутыхъ изъ старыхъ доктринерскихъ французскихъ и нѣмецкихъ

книжечкѣ. Этотъ новый фазисъ въ положеніи и значеніи людей рудинскаго типа, какъ я упоминалъ выше, нарисованъ въ „Вѣсахъ“ Достоевскаго — произведеніи удивительномъ по силѣ и глубинѣ художественнаго захвата не менѣе тургеневскаго романа. Но „развѣнчаніе“ рудинскаго типа, сдѣланное Тургеновымъ имѣетъ мало общаго съ развѣнчаніемъ, сдѣланнымъ Достоевскимъ: послѣдній, дѣйствительно, жестоко казнить своего героя, а Тургеневъ своего только душевно сожалеетъ и сочувственно груститъ о его оторванности отъ жизни, но отнюдь не принижаетъ его предъ сомнительною простотою и эгоистическимъ благодушіемъ среды, его окружающей. Да и странно было бы, если бы Тургеневъ принизилъ Рудина хоть, на примѣръ, передъ Волынцевымъ, который, положимъ, хорошій человѣкъ, но пороку однако не выдумаетъ и, во всякомъ случаѣ, представляетъ собою не болѣе, какъ только олицетвореніе буржуазныхъ достоинствъ. Въ эпилогѣ романа, написанномъ необыкновенно тепло, Тургеневъ, устами Лежнева, очень ясно разбираетъ сущность своего героя и очень вѣрно опредѣляетъ его значеніе. „Отчего ты, — спрашиваетъ Лежневъ Рудина, — съ какими бы помыслами не начиналъ дѣло, всякій разъ непремѣнно кончалъ его тѣмъ, что жертвовалъ своими личными выгодами, не пускалъ корней въ не добрую почву, какъ бы жирна она ни была? И онъ самъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ: это происходило оттого, что „не духъ празднаго безпокойства живетъ въ тебѣ; огонь любви къ истинѣ въ тебѣ горитъ и, видно, несмотря на всѣ твои дразги, онъ горитъ въ тебѣ сильнѣе, чѣмъ во многихъ, которые даже не считаютъ себя эгоистами, а тебя, пожалуй, называютъ интриганомъ“. Вотъ справедливый приговоръ Рудину и, конечно, это приговоръ самого автора, и онъ очень далекъ отъ той оцѣнки либеральной критики, которая напрасно силилась выставить Рудина то байбакомъ, то презрѣннымъ болтуномъ и даже пошлякомъ. „Огонь любви къ истинѣ“ горѣлъ и въ Тургеневѣ, когда онъ разоблачалъ моральную несостоятельность людей рудинскаго типа, когда онъ желалъ показать, что эгоистическіе порывы личности, отрывающейся во имя теоріи отъ жизни, отъ почвы,

Ненужны намъ, затѣмъ, что всѣ они
Такъ хороши, такъ ярки, такъ красивы!

Огонь любви къ истинѣ горѣлъ въ нашемъ художникѣ, когда, рисуя грустную судьбу Рудина, онъ какъ бы хотѣлъ сказать вмѣстѣ съ тѣмъ же суровымъ поэтомъ-идеалистомъ, изъ котораго цитированы мною два предыдущіе стиха, что для дѣятельности русскаго человѣка, кромѣ блестящаго пути теоретическихъ порывовъ и мнимо-великихъ подвиговъ,

Есть путь иной, гдѣ вѣра не легка:
Сгораеть въ немъ порыва скорый пламень,
Есть долгій трудъ, есть подвигъ червяка:
Онъ точить дубъ, долбитъ и капля камень.

Но Тургеневъ погрѣшилъ бы, какъ художникъ и какъ мыслитель, противъ истины, если бы, сводя съ пьедестала своего героя, онъ низвелъ его въ грязь пошлости. И только либеральная близорукость можетъ видѣть въ заключительной страницѣ эпилога, изображающей смерть Рудина, намѣреніе художника прибавить его герою послѣднюю жалкую и презрѣнную черту. Нѣтъ, не съ такимъ намѣреніемъ написана эта страница: ею Тургеневъ хотѣлъ еще разъ подтвердить, что его Рудинъ, при всемъ отсутствіи натуры, при всемъ безсиліи характера и шаткости воли, могъ подъ вліяніемъ идейнаго порыва пойти даже на смерть, хотя бы и за чужое, но, по его мнѣнію, великое дѣло; Тургеневъ наглядно хотѣлъ объяснить, что

Тотъ, чья жизнь бесполезно разбилася,
Можетъ смертью еще доказать,
Что въ немъ сердце не робкое билося,
Что умѣлъ онъ любить...

Такое значеніе этой заключительной страницы эпилога, и въ ней Рудинъ представленъ вовсе не жалкимъ старичишкой, а напротивъ, немножко даже театрално-эффектнымъ инсургентомъ. Сцена смерти Рудина, быть можетъ, невѣрна въ историческомъ отношеніи, потому что, сколько извѣстно, никто изъ русскихъ идеалистовъ сороковыхъ годовъ, по крайней мѣрѣ, изъ идеалистовъ выдающихся, на баррикадахъ парижскихъ не погибалъ. Иные изъ нихъ, какъ на примѣръ, Герценъ, любовались въ качествѣ политическихъ артистовъ уличными парижскими мятежами, бродили около баррикадъ, но, должно, быть, бродили съ осторожностью стороннихъ наблюдателей, какъ впрочемъ, и подобало имъ. Но будучи невѣрною исторически, смерть Рудина въ художественномъ смыслѣ не представляется натяжкой: напротивъ, какъ послѣдній аккордъ надорванной струны, какъ послѣдній порывъ бесполезнаго великодушія, бесполезнаго напряженія разбитыхъ жизнью силъ идеалиста-теоретика, эта космополитическая смерть за чужое дѣло заканчиваетъ очень хорошо обрисовку рудинскаго типа, пополняетъ ее послѣдней рѣзкой и яркой чертой. *Буренинъ.*

Содержаніе повѣсти Тургенева: „Дворянское гнѣздо“, простота интриги и художественный ея колоритъ.

1859-й г. начался благопріятно для русской литературы. Въ то время, когда въ „Отечественныхъ Запискахъ“ печатался давно ожидаемый романъ Гончарова, на страницахъ „Современника“ появилась новая повѣсть Тургенева... Ставъ во главѣ начавшагося года, два эти произведенія окончательно опредѣляютъ тотъ благодѣтельный переворотъ въ нашей литературѣ, который такъ былъ необходимъ со времени усиленнаго въ ней развитія „обличительнаго“ характера съ легкой руки Щедрина.

Мы не хотим этимъ сказать, что произведенія Щедрина не имѣютъ своей важности и пользы, не были выраженіемъ насущныхъ потребностей времени; мы хотимъ сказать только, что самое это время, благодаря Бога, измѣнилось, что успокоенное общество уже готово жить и интересами чистаго искусства, а не одними только текущими, житейскими, когда-то горячо-охватившими всѣ умы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и литературу, какъ вѣрную служительницу умственнаго движенія.

Такія эпохи вообще не рѣдкость въ жизни народовъ. Въ наше время общественныхъ стремленій и гражданскаго самосознанія, онѣ получаютъ огромный смыслъ отъ той связи литературы съ народною жизнью, которая такъ замѣтно отражается на послѣдней. Отвергать эту связь было бы странно и бесполезно: вспомнимъ, что романъ Бичеръ-Стоу обошелъ почти всю Европу и немало подѣйствовалъ на сознание современниковъ относительно того общечеловѣческаго вопроса, который, въ свою очередь, занимаетъ и наше отечество.

Лучшіе умы времени платили дань эпохамъ общественныхъ движеній, Викторъ Гюго не разъ писалъ политическіе символы вѣры въ стихахъ, въ Англии многіе поэты воспѣли уничтоженіе хлѣбныхъ законовъ. Въ нашемъ отечествѣ улучшение быта крестьянъ было привѣтствовано прекрасными стихами въ покойной „Молвѣ“. Изобиліе же подобныхъ произведеній объясняется тѣми общественными условіями, которыя допускаютъ или нѣтъ выраженіе тѣхъ же самыхъ новыхъ идей въ иной, не литературной формѣ. Стало-быть, появленіе у насъ, въ Россіи, подобнаго рода литературы не есть аномалія, не есть уклоненіе отъ общихъ законовъ общественнаго развитія, и съ этой точки зрѣнія мы должны оправдать и оцѣнить появленіе „Губернскихъ очерковъ“, — знамени, подъ которымъ ратовали Селивановъ, Печерскій, Успенскій, Львовъ и разныя безыменные авторы. Нѣтъ сомнѣнія, что литература мало выиграла отъ всѣхъ указанныхъ нами дѣятелей. Въ Щедринѣ и Печерскомъ болѣе, чѣмъ въ другихъ, слышалось присутствіе художческаго таланта, но и въ нихъ желаніе выставить въ своихъ произведеніяхъ какъ можно болѣе житейскихъ познаній и грубыхъ реальныхъ чертъ напоминаетъ намъ, второстепенныхъ живописцевъ Фламандской школы, всюду лѣпившихъ яркія и густыя краски, захватывавшихъ на полотно многое множество лишнихъ предметовъ, явно во вредъ общему достоинству художественной композиціи.

Цѣль, которой служили эти произведенія, конечно, достигалась такимъ образомъ полнѣе и легче: правда самаго факта искупала недостатокъ его изображенія. Но, къ сожалѣнію, правда недолго оставалась на сторонѣ „обличителей“. Преемники Щедрина, преслѣдуя ту же цѣль — поученіе или бичеваніе общества, не стали разбирать средствъ, которыя ведутъ къ ней. Положивъ себѣ разъ на память необходимость догматической идеи въ литературномъ произведеніи, они не имѣли однако столько знанія и опытности, чтобы развернуть новыя стороны практической жизни; но, взявъ на прокатъ прежнихъ героевъ, прежде изображенное зло, пустились варіировать на старыя

темы, т.-е. прееживывать тотъ же матеріалъ, ту же самую литературную пищу. Съ фактомъ они уже не церемонились, и, если онъ не укладывался въ заранѣе приготовленную рамку, то его насильно приводили къ послушанію. Нужно автору затоптать въ грязь неправду и раболѣпство служебнаго міра — онъ выдѣлываетъ цѣлый заводъ такихъ негодяевъ и взяточниковъ, что вамъ, по выраженію Щедрина, „скверно во рту дѣлается“; захотѣлось отстоять обиженнаго чиновника, и вотъ авторъ ладитъ такихъ добрыхъ молодцовъ, что „индо слеза прошибаетъ“, глядя на ихъ безвинныя страданія, на ихъ честность и безкорыстіе. Последнее случалось, впрочемъ, очень рѣдко; чаще же всего обличитель принималъ грустновеличавую мину, драпировался въ патриотизмъ и возвышенное благородство и „каралъ“ зло. Всего болѣе пострадали тутъ воры-исправники и „праведные судіи“ уѣздныхъ судовъ. На нихъ-то съ азартомъ напустились обличители, не умѣя или не желая поднять Ювеналовъ бичъ на другія спины. И сколько шума было надѣлано въ этой битвѣ! Такъ, разгорячившійся охотникъ даже и на убитаго звѣря, дорого доставшагося ему на охотѣ, еще рассыпаетъ угрозы и проклятія... Въ каждомъ чиновникѣ стали видѣть злого вора, окончательнаго негодяя безъ всякихъ человѣческихъ проявленій, безъ всякихъ просвѣтовъ въ его нравственной тьмѣ, неизбѣжныхъ какъ въ физической, такъ и моральной природѣ, кромѣ нѣкоторыхъ, черезчуръ рѣдкихъ случаевъ.

Время подобныхъ обличеній, къ счастью нашему, миновалось. По крайней мѣрѣ, если уже имъ необходимо наполнять особый уголокъ въ литературѣ (какъ это существуетъ на Западѣ), опять-таки вслѣдствіе особыхъ общественныхъ условій, то они не будутъ парализовать эстетическихъ требованій искусства. Интересы общественные уже отдѣлены настолько отъ интересовъ чисто-литературныхъ, что изящная словесность не обязана трактовать о предметахъ, имѣющихъ, черезчуръ дѣловой, административный характеръ. У самого Щедрина репертуаръ такихъ предметовъ истощился и его „Развеселое житье“ (Соврем. февр.) уже совсѣмъ не весело читать даже и поклоннику его таланта. Въ Щедринѣ померкаетъ заря обличенія, охватившая было почти весь нашъ литературный горизонтъ...

Еще въ прошломъ году романъ Писемскаго „Тысяча душъ“ показалъ намъ, что можно, глубоко зачерпнувъ жизненнаго матеріала, избѣгать односторонняго практическаго взгляда на искусство и видѣть въ человѣкѣ не одну только массу извѣстнаго порока, а прежде всего „человѣка“ съ его до крайности разнообразной натурой, въ которой уживаются рядомъ, не сталкиваясь, и добрыя и дурныя качества. Возьмите его Калиновича, его Годнева, который, сохранивъ во многомъ стародавнюю привычку раболѣпства (въ письмѣ къ знатной особѣ, въ отношеніяхъ къ князю Раменскому), не только не можетъ быть названъ холопомъ знатныхъ баръ, проповѣдникомъ Молчалинскихъ правилъ, но представляетъ такъ много прекрасныхъ чертъ, что читатель рѣшительно не можетъ не полюбить его добрую, открытую душу. Тотъ же

Калиновичъ какъ нельзя лучше разрѣшаетъ вопросъ объ отношеніи современной дѣйствительности къ искусству, не отрывая первой отъ второго, но и не стѣсня художника исключительно догматической цѣлью, при которой дѣйствительно не много хорошаго выудишь изъ „мутнаго потока“ современности. Этотъ характеръ, взятый изъ самаго сердца русскаго общества, — характеръ, подготовленный всѣмъ нашимъ общественнымъ развитіемъ, и къ которому больше или меньше, чаще или рѣже, приближается почти всякій современный человѣкъ, всего яснѣе показываетъ, что и „мутный потокъ“, про который говорили мы, не долженъ быть забываемъ писателемъ, — какъ хотять этого нѣкоторые черезчуръ увлекшіеся защитники „искусства для искусства“ — и что не этотъ потокъ виноватъ въ мутности идей и образовъ въ головѣ писателя. Передъ свѣтлымъ наблюденіемъ исчезнетъ всякая мутность, и фактъ не закроется ни одной ложной краской; наоборотъ же, принявъ невѣрный, предубѣжденный взглядъ на вещи, можно и въ отдаленныхъ цѣльми вѣбахъ событіяхъ не найти ничего, кромѣ матеріала, заданнаго предубѣжденіемъ. Только одинъ Медіокрицей нѣсколько сбивается у Писемскаго на прежнихъ подъячихъ, благодаря тѣмъ усиліямъ, съ которыми авторъ старается унизить его въ глазахъ читателя, не забывъ наградить бѣднаго чиновника даже скверной наружностью...

Повѣсть Тургенева, — къ которой давно пора уже намъ обратиться, — поддерживаетъ въ литературѣ тѣ же прекрасныя начала, послужившія въ ней реакціей прежняго направленія. Она прямо и гордо идетъ по той же дорогѣ, даже выбрасывая изъ своего круга лица, подобныя Медіокрицкому. Замѣчательныя простота и удобопонятность интриги, полная независимость отъ всякихъ утилитарныхъ цѣлей — вотъ ея главные достоинства, въ которыхъ мы хотимъ убѣдить читателей, рассказавъ содержаніе всей пьесы.

Федоръ Ивановичъ Лаврецій — главное дѣйствующее лицо въ повѣсти. Онъ сынъ „богатыхъ и благородныхъ родителей“; его отецъ, Иванъ Петровичъ, типъ стариннаго русскаго либерала съ Вольтеромъ въ головѣ и барской палкой въ рукахъ, былъ человѣкъ умный и замѣчательный. Въ молодости, въ пароксизмѣ либеральныхъ и филантропическихъ теорій, онъ женился на своей крѣпостной дѣвушкѣ, потомъ скитался за границей, не имѣвъ ни охоты ни терпѣнія жить съ своей бѣдной Малашей, наконецъ вернулся и принялся за образованіе сына. „Я хочу изъ него сдѣлать, прежде всего, человѣка“ — говорилъ онъ своей сестрѣ Глафирѣ, злой и безсердечной женщинѣ, начавшей воспитаніе ребенка — „и не только человѣка, но и спартанца“. Разумѣется, обѣщаніе такъ и осталось обѣщаніемъ, и рачительный отецъ не сдѣлалъ изъ Феди не только спартанца, но и человѣка. Страшный сумбуръ въ мысляхъ Ивана Петровича, не перешедшихъ въ его плоть и кровь, не развившихся въ правильную, свободно примѣняемую теорію жизни, незамѣтно переходилъ къ ребенку, исказилъ его нравственную натуру, лишилъ его твердыхъ началъ въ жизни, такъ необходимыхъ

въ эту пору броженія умственной силы и, отнявъ „вѣру“, не далъ „знанія“... Этотъ періодъ въ жизни Лаврецкаго, кажется, не такъ хорошо обработанъ у г. Тургенева: читателю часто приходится догадываться: онъ не видитъ передъ собой правильно и постепенно развертывающейся картины и долженъ дополнять собственнымъ воображеніемъ тѣ короткіе и неясные намеки, которые онъ встрѣчаетъ. Отъ этого пробѣла зависитъ однакожь то, что впоследствии нельзя хорошо понять душевнаго состоянія Лаврецкаго, когда онъ столкнулся съ иными убѣжденіями въ лицѣ своего бывшего товарища по университету.

Къ женщинамъ, какъ прилично спартанскому воспитанію, было внушено мальчику полнѣйшее презрѣніе, и молодой спартанецъ „съ робостью на душѣ, съ первымъ пухомъ на губахъ, полный соевоу, силъ и крови, уже старался казаться равнодушнымъ, холоднымъ и грубымъ“. Слѣдствія такого дикаго воспитанія скоро обнаружились. „Схоронивъ отца и поручивъ неизмѣнной Глафирѣ Петровнѣ завѣдываніе хозяйствомъ и надзоръ за приващиками, молодой Лаврецкій отправился въ Москву, куда влекло его темное, но сильное чувство. Онъ сознавалъ недостатокъ своего воспитанія и торопился воротить упущенное“. Онъ поступилъ въ университетъ. „Въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ, проведенныхъ имъ въ университетѣ, онъ сблизился только съ однимъ студентомъ, у котораго бралъ уроки латинскаго языка. Студентъ этотъ, по имени Михалевичъ, энтузіастъ и стихотворецъ, искренно полюбилъ Лаврецкаго и совершенно случайно сталъ виновникомъ важной перемены въ его жизни.

„Однажды въ театрѣ Лаврецкій увидѣлъ въ ложѣ бельэтажа дѣвушку, и хотя ни одна женщина не проходила мимо его угрюмой фигуры, не заставивъ дрогнуть его сердце, никогда еще оно такъ сильно не билось. Облокотясь на бархатъ ложи, дѣвушка не шевелилась; чуткая молодая жизнь играла въ каждой чертѣ ея смуглаго, круглаго, миловиднаго лица, изящный умъ сказывался въ прекрасныхъ глазахъ, внимательно и мягко глядѣвшихъ изъ-подъ тонкихъ бровей, въ быстрой усмѣшкѣ выразительныхъ губъ, въ самомъ положеніи ея головы, рукъ, шеи; одѣта она была прелестно. Лаврецкій не отводилъ взора отъ поразившей его дѣвушки; вдругъ дверь ложи открылась и вошелъ Михалевичъ. — Всю ночь Лаврецкому мерещились эти глаза. Прорвалась, наконецъ, искусственно возведенная плотина: онъ дрожалъ, горѣлъ и на другой же день отправился къ Михалевичу“. Добрый товарищъ не отказался познакомить его съ красавицей, которая оказалась Варварой Павловной Коробьиной, дочерью отставнаго генерала, недавно вышедшей изъ института. Пылкій и вполне независимый молодой человекъ недолго думалъ о своей первой любви, объ особѣ, возбудившей ее — и сторяча предложилъ Коробьиной руку и сердце. Отставной генералъ, очень скоро узнавшій о состоятельности жениха, принялъ предложеніе съ радостію; Варвара Павловна, не чувствовавшая особенной привязанности къ Лаврецкому, склонилась на то же обстоятельство. Лаврецкій покинулъ университетъ, по же-

ланію тестя, считавшаго ученіе чуть ли не обидой для помѣщичьяго point d'honneur, и уѣхалъ жить съ молодою женою сначала въ деревню, потомъ въ Петербургъ, наконецъ за границу. За границей вполнѣ раскрылся характеръ Коробьиной: суетное исканіе всевозможныхъ удовольствій, не избѣгавшее никакихъ къ тому средствъ, скоро кончилось постыдною связью съ какимъ-то пустымъ, смазливимъ мальчишкой. Лаврецкій, углубленный въ свои ученые занятія (онъ и въ то время не покидалъ словарей и тетрадей, наверстывая потерянное въ университетѣ), не скоро замѣтилъ эту связь, но какъ-то разъ, зайдя въ комнату жены, во время ея отсутствія, нашелъ неубранное письмо ея любовника...

Лаврецкій разошелся съ женой, назначивъ ей ежегодный пенсіонъ, а самъ уѣхалъ въ Италію. Въ уединеніи, подъ вліяніемъ живаго впечатлѣнія оскорбленной любви, онъ перебралъ всѣ факты своей супружеской жизни, взглянулъ пристальнѣе на личность своей жены, — и понималъ свою жену, понималъ, что она иначе и поступить не могла. У Лаврецкаго не хватило силъ помириться съ ней, приняться за перевоспитаніе женщины, всѣми условіями своего развитія приготовленной къ систематическому разврату, сначала стѣсненнымъ уродливымъ воспитаніемъ, потомъ жизнью съ батюшкой, не понимавшимъ ничего выше матеріальнаго довольства. Бываетъ въ человѣкѣ извѣстная степень испорченности, исправленіе которой возможно только при особенно счастливыхъ случайностяхъ, при особенномъ умѣніи обращаться съ большими мѣстами человѣческаго сердца, — а этого-то умѣнья и не чувствовалъ въ себѣ Лаврецкій, самъ дурно воспитанный и слѣдовательно лишенный всякаго воспитательнаго такта. Потерявъ надежду на спасеніе жены, отрѣшившись мысленно отъ всего прошлаго, хотя имѣвшаго нѣсколько свѣтлыхъ чертъ, Лаврецкій „сталъ очень равнодушенъ ко всему: скептицизмъ, подготовленный опытами жизни, воспитаніемъ, окончательно забрался въ его душу“.

Черезъ четыре года, размыкавъ свое горе, онъ вернулся на родину въ городъ О. Здѣсь произошелъ переломъ въ его жизни, послужившій завязкой повѣсти. Въ городѣ О. издавно жило семейство Калитиныхъ, состоявшее изъ Марьи Дмитріевны Калитиной, дочери ея Лизы и Марѣы Тимофеевны Пестовой, родственницы Калитиной и троюродной сестры Ивана Лаврецкаго. нѣкогда пріютившей брата въ своей деревнѣ, въ то время, какъ раздраженный отецъ, его не хотѣлъ видѣть ни сына ни невѣстки...

За Лизой волочится Паншибъ, довольно неглупый, но пустой человѣкъ, образецъ бойкаго и свѣтскаго петербургскаго чиновника, вѣчно съ государственными вопросами на языкѣ и стремленіемъ разрѣшать ихъ наскоро, безъ строгой оцѣнки, какъ говорится, съ бухты-барахты... Въ эту же Лизу влюбился и нашъ Лаврецкій. Чѣмъ объяснить такую внезапную и сильную любовь? Какъ согласить ее съ тѣмъ, что „скептицизмъ“ забрался въ душу Лаврецкаго? Дѣло объясняется такъ. Лиза получила строго религіознаго воспитаніе: ея няня,

Агафья, умная и набожная женщина, окончившая въ раскольниковомъ скитѣ свое житейское поприще, еще въ дѣтствѣ экзальтировала дѣвушку таинственными религіозными разсказами, ночными побѣгами въ церковь и, наконецъ, кроткимъ обращеніемъ, сильно проникнутымъ какимъ-то унылымъ, аскетическимъ характеромъ. Горячая восторженность, слѣдствіе яснаго и крѣпкаго убѣжденія, овладѣла Лизой. Вотъ ея портретъ, мастерски нарисованный авторомъ:

„...Она была очень мила, сама того не зная. Въ каждомъ ея движеніи высказывалась невольная, нѣсколько неловкая грація, голосъ ея звучалъ серебромъ нетронутой юности, малѣйшее ощущеніе вызывало привлекательную улыбку на ея губы, придавало глубокой блескъ и какую-то тайную ласковость ея засвѣтившимся глазамъ. Вся проникнутая чувствомъ долга, боязнь оскорбить кого бы то ни было, съ сердцемъ добрымъ и кроткимъ, она любила всѣхъ и никого въ особенноти, она любила одного Бога восторженно, кротко, нѣжно“.

Лаврецкій же, какъ мы сказали, не вынесъ изъ своего первоначальнаго воспитанія стойкаго, непоколебимаго образа мыслей, способнаго пройти, не измѣняясь, сквозь всѣ превратности жизни, и здѣсь то должны мы искать основанія той покорности, съ какой онъ поддался обаянію чистой женской души, не возмущенной внутренними противорѣчіями. Теплая вѣра — если не въ смыслѣ вѣрованія, то какъ вѣра въ жизнь и человѣка, — мечтательность, связанная съ милымъ, симпатичнымъ образомъ Лизы, скоро и дружно втѣснились въ его душу, а затѣмъ уже понятна любовь къ тому лицу, которое внесло столько мира и свѣта въ нравственный бытъ скептика. Бесѣда съ Михалеви-чемъ, случайно заѣхавшимъ въ деревню бывшаго друга, подрывла съ теоретической стороны прежній скептицизмъ Лаврецкаго. Къ сожалѣнію, этотъ мотивъ не такъ отчетливо развитъ нашимъ авторомъ: Лаврецкій черезчуръ долго стоитъ у него въ какомъ-то странномъ, колебательномъ положеніи, ничѣмъ опредѣлительно не высказавъ и не защитивъ такого колебанія: потому что въ спорѣ съ Михалеви-чемъ, гдѣ бы могъ это сдѣлать, онъ говоритъ очень мало или за него говоритъ самъ авторъ. Какъ ни пріятно намъ бесѣдовать съ Тургеневымъ, но въ этомъ случаѣ мы желали бы слышать самого Лаврецкаго.

Обманчивое извѣстіе одной иностранной газеты о смерти Варвары Павловны, ставшей „извѣстностью“ послѣ одной шумной исторіи, дало опредѣленные виды Лаврецкому: онъ открывается Лизѣ — и уже надѣется быть счастливымъ.... Но мнимо-умершая, съ подрисованными глазами, съ новѣйшимъ туалетомъ, — со всѣми атрибутами искушенной камелии, неожиданно является въ О. Любовь убита, сердце истерзано... Повѣсть кончается тѣмъ, что Лиза, вѣрная своей первой любви, удаляется въ монастырь, подъ вліяніемъ той же восторженности, которая заставляла ее, дѣтей слушать со вниманіемъ набожные разсказы.

Эпилогъ, гдѣ Лаврецкій пріѣзжаетъ на старое гнѣздо, уже населенное новыми, свѣжими людьми въ лицѣ сына умершей Калитиной,

меньшой ея дочери Леночки, жениха Леночки и др., богатъ высоко-поэтическимъ чувствомъ. Въ немъ Лаврецкій трогательно прощается съ грустно протекшею молодостью.

„Играйте, веселитесь, растите молодыя силы, — думалъ онъ, глядя на рѣзвившуюся молодежь, — и не было горечи въ его думахъ. Жизнь у васъ впереди и вамъ легче будетъ жить. Вамъ не придется, какъ намъ, отыскивать свою дорогу, бороться, падать и вставать среди мрака. Мы хлопотали о томъ, какъ бы уцѣлѣть — и сколько изъ насъ не уцѣлѣло! — вамъ надобно дѣло дѣлать, работать, и благословенія нашего брата старика будутъ съ вами. А мнѣ, послѣ сегоднешняго дня, послѣ этихъ ощущеній, остается отдать вамъ послѣдній поклонъ, и хотя съ печалью, но безъ зависти, безъ всякихъ темныхъ чувствъ сказать въ виду конца, въ виду ожидающаго Бога: „Здравствуй одинокая старость, догарай бесполезная жизнь“!

Если характеръ Лаврецаго и заставляетъ желать лучшей отдѣлки при большихъ авторскихъ средствахъ Тургенева, то нельзя не сознаться, что все-таки въ этой личности довольно вѣрно и сильно намѣчены тѣ болѣзненные черты новаго русскаго человѣка, которыя преимущественно основаны на дурной выдержкѣ нашего первоначальнаго воспитанія. Склонность къ скептическому бездѣйствію, эта скорая трата лучшихъ надеждъ, лучшихъ соковъ жизни, не есть ли отраженіе жалкой нравственной распушенности, мелкоты и дряблости въ нашемъ характерѣ, которыя мѣшаютъ намъ бороться съ гнетущими обстоятельствами жизни? Лаврецкій умный человѣкъ, но этотъ умъ непроизводителенъ: въ немъ нѣтъ точки опоры, лежащей въ твердомъ, строго неизмѣнномъ убѣжденіи, нѣтъ фонда, на которомъ могла бы строиться правильная, всегда вѣрная себѣ дѣятельность: это капиталъ, не дающій процентовъ. Точно также Лаврецкій, имѣя вполне доброе, прекрасное сердце, но лишенный постоянства и твердости желаній, не можетъ сдѣлать много добраго, и не сойдись онъ съ Лизой, онъ бы медленно погасалъ и погасалъ до тѣхъ поръ, пока отъ прежняго огня чувствъ и мыслей сохранилъ бы на душѣ только одинъ сѣренькій пепелъ...

Остальные лица повѣсти: Лиза, Варвара Павловна, нѣмецъ Леммъ, учитель музыки, молчаливо и страстно влюбленный въ Лизу, Марѳа Тимоѣевна, Паншинъ, удались автору какъ нельзя лучше. Слабѣе другихъ мать Калитина и Гедеоновскій, статскій совѣтникъ „изъ поповичей“, занятый невинными сплетнями и лизаньемъ ручекъ у Калитиной, но они, по самой натурѣ своей, ускользаютъ отъ рельефныхъ очертаній и при томъ занимаютъ въ повѣсти весьма неважное мѣсто. Характеръ Варвары Павловны если не совсѣмъ новъ, то, нѣтъ спора, прекрасно выполненъ. Жаль только, что авторъ мало коснулся той почвы, на которой образовалась эта холодно безстыдная натура, иногда только согрѣваемая чѣмъ-то въ родѣ вакхическаго упоенія. Паншинъ очень кстати сближенъ съ этой личностью. Сколько Коробина отталкиваетъ отъ себя читателя отсутствіемъ женственнаго элемента, столько

же Марса Тимофеевна, бойкая, добрая своенравная старушка, каких уже не выдѣлываетъ нынѣшнее методически развитое поколѣніе, привлекаетъ любовь нашу, особенно въ ту минуту, когда наивно добродушно устраиваетъ въ своей комнатѣ послѣднее свиданіе Лаврецкаго съ Лизой. Но Лиза, Лиза обрисована лучше всѣхъ. Эту удачу Тургенева мы тѣмъ охотнѣе выставляемъ на видъ, что въ прежнихъ его молодыхъ женщинахъ мы замѣчали нѣкоторый оттѣнокъ однообразія, отсутствіе живыхъ и самобытныхъ чертъ, отчасти объяснимое тѣмъ ложнымъ общественнымъ положеніемъ, которое мѣшаетъ у насъ полному и разнообразному развитію женской личности. Лиза выходитъ изъ-подъ этого уровня. Она не кокетка и нравится безъ своего вѣдома, она также и не строгая моралистка, потому что сила любви, такимъ живымъ ключемъ бьющей въ ея сердцѣ, всегда склоняетъ ее на сторону кротости и снисхожденія. Ея экзальтація не имѣетъ въ себѣ того сухого, жесткаго фанатизма, который такъ отзывается мертвечиной для всякаго мыслящаго человѣка, для нея обрядъ — не мертвая буква, не кандалы, рабски набиваемые собственной рукою, а естественная форма для выраженія искренняго чувства. Сколько бы ни было односторонняго и даже вреднаго въ такой экзальтаціи, но все же въ этой гармоніи идей и поступковъ много лирической красоты. Къ тому же жизненная правда этого характера такъ велика, что мы, не задумываясь, ставимъ Лизу рядомъ съ Татьяной Пушкина.

Заговоривъ о лирическомъ элементѣ въ характерахъ, мы не можемъ отказать въ немъ — и въ большой степени — Лаврецкому и Лемму. Вообще сила лиризма — одно изъ плодотворныхъ и характеристическихъ свойствъ въ талантѣ Тургенева. Многосложная интрига, художественное, до самыхъ нѣжныхъ оттѣнковъ, изображеніе лицъ и отдѣльныхъ сценъ — не въ натурѣ этого таланта. Этой чертой Тургеневъ существенно отличается отъ другого первокласснаго нашего писателя И. А. Гончарова.

Такъ и въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“ Тургеневъ обошелъ все, гдѣ сильно пригодилась бы объективность таланта, напр. первыя сношенія, первую бесѣду Лаврецкаго съ Коробьиной, потомъ разговоръ Лаврецкаго съ Паншинимъ (переданный вскользь и все отъ имени автора), — обошелъ, конечно, весьма искусно, такъ что читатель ни на одну минуту не остается имъ недоволенъ, и выбралъ другія, болѣе патетическія коллизіи — страшное потрясеніе въ душѣ Лаврецкаго, узнаваемаго объ измѣнѣ жены, встрѣчу и объясненіе Лаврецкаго съ Лизой въ саду. Встрѣча эта такъ хороша, что мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи повторить ее на этихъ страницахъ.

„Лаврецкому не хотѣлось итти домой: онъ вышелъ изъ города въ поле. Ночь была тиха и свѣтла, хотя луны не было; Лаврецкій долго бродилъ по росистой травѣ: узкая тропинка попалась ему, онъ пошелъ по ней. Она привела его къ длинному забору, къ калиткѣ; онъ попытался, самъ не зная зачѣмъ, толкнуть ее: она слабо скрипнула и отворилась, словно ждала прикосновенія его руки. Лаврецкій

очутился въ саду, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по липовой аллеѣ и вдругъ остановился въ изумленіи: онъ узналъ садъ Калитиныхъ. Онъ тотчасъ же вошелъ въ черное пятно тѣни, падавшей отъ густаго ореховаго куста, и долго стоялъ неподвижно дивясь и пожимая плечами. „Это недаромъ“, подумалъ онъ. Все было тихо кругомъ: со стороны дома не приносилось никакого звука. Онъ осторожно пошелъ впередъ. Вотъ, на поворотѣ аллеи, весь домъ глянулъ на него своимъ темнымъ фасомъ; въ двухъ только окнахъ наверху мерцалъ свѣтъ: у Лизы горѣла свѣча за бѣлымъ занавѣсомъ, да у Марѣи Тимофеевны въ спальнѣ передъ образомъ теплилась краснымъ огонькомъ лампадка, отражаясь ровнымъ сіяніемъ на золотѣ оклада; внизу дверь на балконъ широко зѣвала, раскрытая настежь. Лаврецкій сѣлъ на деревянную скамейку, подперся рукою и сталъ глядѣть на эту дверь и на окно Лизы. Въ городѣ пробило полночь, въ домѣ маленькіе часики тонко прозвенѣли двѣнадцать; сторожъ дробно поколотилъ по доскѣ. Лаврецкій ничего не думалъ, ничего не ждалъ; ему пріятно было чувствовать себя вблизи Лизы, сидѣть въ ея саду на скамейкѣ, гдѣ и она сидѣла не однажды... Свѣтъ исчезъ въ Лизиной комнатѣ. „Спокойной ночи, моя милая дѣвушка“, прошепталъ Лаврецкій, продолжая сидѣть неподвижно и не сводя взора съ потемнѣвшаго окна. Вдругъ свѣтъ появился въ одномъ изъ оконъ нижняго этажа, перешелъ въ другое, въ третье... Кто-то шелъ по комнатамъ. Неужели Лиза? Не можетъ быть... Лаврецкій приподнялся... Мелькнулъ знакомый обликъ, и въ гостиной появилась Лиза. Въ бѣломъ платьѣ, съ нерасплетенными косами по плечамъ, она тихонько подошла къ столу, нагнулась надъ нимъ, поставила свѣчку и чего-то искала; потомъ, обернувшись лицомъ къ саду, она приблизилась къ раскрытой двери и вся бѣлая, легкая, стройная, остановилась на порогѣ. Трепетъ пробѣжалъ по членамъ Лаврецкаго.

— Лиза! сорвалось едва внятно съ его губъ. Она вздрогнула и начала всматриваться въ темноту.

— Лиза! повторилъ Лаврецкій громче и вышелъ изъ тѣни аллеи. Лиза съ испугомъ вытянула голову и пошатнулась назадъ: она узнала его. Онъ назвалъ ее въ третій разъ и протянулъ къ ней руки. Она отдѣлилась отъ двери и вступила въ садъ.

— Вы? проговорила она. Вы здѣсь?

„Я... я... выслушайте меня, прошепталъ Лаврецкій и, схвативъ ее за руку, повелъ къ скамейкѣ. Она шла за нимъ безъ сопротивленія; ея блѣдное лицо, неподвижные глаза, всѣ ея движенія выражали несказанное изумленіе. Лаврецкій посадилъ ее на скамейку и самъ сталъ передъ ней.

— Я не думалъ прійти сюда, началъ онъ: — меня привело.... я... я... я люблю васъ, произнесъ онъ съ невольнымъ ужасомъ.

„Лиза медленно взглянула на него; казалось, она только въ это мгновеніе поняла, гдѣ она и что съ нею. Она хотѣла подняться, не могла, и закрыла лицо руками.

— Лиза, произнесъ Лаврецкій; — Лиза, повторилъ онъ и склонился къ ея ногамъ... Ея плечи начали слегка вздрагивать, пальцы блѣдныхъ рукъ крѣпче прижались къ лицу.

— Что съ вами? — промолвилъ Лаврецкій, и услышалъ тихое рыданье. Сердце его захолонуло... Онъ понялъ, что значили эти слезы. — Неужели вы меня любите? — прошепталъ онъ и коснулся ея колѣней.

— Встаньте, — слышался ея голосъ, — встаньте Ѳедоръ Ивановичъ. Что мы это дѣлаемъ съ вами?

Онъ всталъ и сѣлъ подлѣ нея на скамейку. Она уже не плакала и внимательно глядѣла на него своими влажными глазами.

— Мнѣ страшно, что это мы дѣлаемъ? — повторила она.

— Я васъ люблю, — проговорилъ онъ снова, — я готовъ отдать вамъ всю жизнь мою.

„Она опять вздрогнула, какъ будто ее что-то ужалило, и подняла взоръ къ небу“.

— Это все въ Божьей власти, — промолвила она.

— Но вы меня любите, Лиза? мы будемъ счастливы?

„Она опустила глаза, онъ тихо привлечь ее къ себѣ, и голова ея упала къ нему на плечо... Онъ отклонилъ немного свою голову и отыскалъ ея губы“...

Сколько поэзіи въ этой короткой сценѣ! Въ ней нѣтъ ни придуманности ни эффектовъ, а между тѣмъ, сколько чистой, успокоительной красоты разлито отъ ея первой до послѣдней строчки... Дайте вы тотъ же сюжетъ очень многимъ изъ современныхъ нашихъ писателей, и посмотрите, сколько натяжекъ или умничанья, невидимо-неслышимо, наберется туда! Эта способность заставить говорить самый предметъ, обрисовать его такъ, что онъ самъ глянѣтъ на васъ со всѣхъ своихъ лучшихъ, поэтическихъ сторонъ, больше, чѣмъ всѣмъ другимъ, досталась Тургеневу, — и мы не преувеличимъ дѣла, если назовемъ любимаго автора „однимъ изъ лучшихъ современныхъ нашихъ поэтовъ“. На этомъ свойствѣ и силѣ таланта Тургенева давно остановились русскіе критики, не употребляя, впрочемъ, того рѣшительнаго слова, которымъ уже пора закончить ихъ критическіе приговоры. Опишетъ ли Тургеневъ любовную встрѣчу, или просто русскую лѣтнюю ночь, тихую и „грустно-задумчивую“, заговорить ли объ италіанской ночи, съ кистями и вѣтвями сочныхъ плодовъ въ деталяхъ — все выходитъ у него не такъ, какъ у другихъ. Какой-то невыразимой теплотой согрѣвается каждый обыденный предметъ, что-то новое и вмѣстѣ какъ бы знакомое встаетъ передъ вами...

Приведемъ еще одинъ отрывокъ, гдѣ изображается тихая, уединенная жизнь глухой деревушки.

„На другой день (по приѣздѣ въ деревню) Лаврецкій всталъ довольно рано, потолковалъ со старостой, побывалъ на гумнѣ, велѣлъ снять цѣпь съ дворовой собаки, которая только полаяла немного, но даже не отошла отъ конуры, — и, вернувшись домой, погрузился въ какое-то мирное оцѣпенѣніе, изъ котораго не выходилъ цѣлый день. „Вотъ

когда я попалъ на самое дно рѣки⁴, сказалъ онъ самому себѣ не однажды. Онъ сидѣлъ подь окномъ, не шевелился и словно прислушивался къ теченью тихой жизни, которая его окружала, къ рѣдкимъ звукамъ деревенской глуши. Вотъ гдѣ-то за кропивою кто-то напѣваетъ тонкимъ-тонкимъ голоскомъ; комаръ словно вторитъ ему. Вотъ онъ пересталъ, а комаръ все пищитъ; сквозь дружное, назойливо-жалобное жужжаніе мухъ раздается гудѣнье толстаго шмеля, который то и дѣло стучится головой о потолокъ; пѣтухъ на улицѣ закричалъ, хрипло вытягивая послѣднюю ноту; простучала телѣга, на деревнѣ скрипять ворота. „Что?“ — задрезжалъ вдругъ бабій голосъ. — Охъ, ты мой сударикъ, — говоритъ Антонъ двухлѣтней дѣвочки, которую нанчить на рукахъ. — Квасъ носи, — повторяетъ тотъ же бабій голосъ, — и вдругъ находить тишина мертвая; ничто не стукнетъ, не шелохнется; вѣтеръ листкомъ не шевельнетъ; ласточки несутся безъ крика одна за другой по землѣ, — и печально становится на душѣ отъ ихъ безмолвнаго налета. „Вотъ когда я на днѣ рѣки“, думаетъ опять Лаврецкій. „И всегда, во всякое время тиха и неспѣшна здѣсь жизнь“, думаетъ онъ: „кто входитъ въ ея кругъ — покоряйся: здѣсь не зачѣмъ волноваться, нечего мутить; здѣсь только тому и удача, кто прокладываетъ свою тропинку не торопясь, какъ пахарь борозду плугомъ. И какая сила кругомъ, какое здоровье въ этой бездѣйственной тиши! Вотъ тутъ подь окномъ коренастый лопухъ лѣзетъ изъ густой травы; надъ нимъ вытягиваетъ зоря свой сочный стебель; богородицины слезки еще выше вытягиваютъ свои розовыя кудри; а тамъ далѣе въ поляхъ лоснится рожь, и овесъ уже пошелъ въ трубочку, и ширится во всю ширину свою каждый листъ на каждомъ деревѣ, каждая травка на своемъ стеблѣ. „На женскую любовь ушли мои лучшіе годы“, продолжаетъ думать Лаврецкій, „пусть же вытрезвить меня здѣсь скука, пусть успокоитъ меня, подготовить къ тому, чтобы и я умѣлъ, не спѣша, дѣлать дѣло“. И онъ снова принимается прислушиваться къ тишинѣ, ничего не ожидая, — и въ то же время какъ будто безпрестанно ожидая чего-то: тишина обнимаетъ его со всѣхъ сторонъ; солнце катится тихо по спокойному синему небу, и облака тихо плывутъ на немъ: кажется, они знаютъ, куда и зачѣмъ плывутъ. Въ то самое время, въ другихъ мѣстахъ на землѣ, кипѣла, торопилась и грохотала жизнь; здѣсь та же жизнь текла неслышно, какъ вода по болотнымъ травамъ; и до самаго вечера Лаврецкій не могъ оторваться отъ созерцанія этой уходящей, утекающей жизни; скорбь о прошедшемъ таила въ его душѣ, какъ весенній снѣгъ, — и странное дѣло! — никогда не было въ немъ такъ глубоко чувство родины“.

Мы не будемъ распространяться объ той главной мысли, которая вызывается принужденными, но неразрывными отношеніями Лаврецкаго къ Варварѣ Павловнѣ: — читателю эта мысль сама придетъ на умъ. И замѣтите: здѣсь нѣтъ никакого насилія со стороны автора: онъ только искусно расположилъ извѣстные факты, умно сблизилъ и вѣрно срисовалъ извѣстныхъ личности, а идея вытекаетъ отсюда сама собою.

Хорошо, если бы всѣ писатели, изображающіе современную жизнь, поняли такъ просто свою задачу, не нацѣпляя своимъ произведеніямъ кометныхъ хвостовъ въ видѣ прямыхъ поученій и придуманныхъ характеровъ. Живая личность — вотъ крайняя цѣль художественнаго созданія писателя. Пусть только не опускаетъ онъ ни одной черты изъ взятаго лица, дасть правильный и свободный ходъ развитію выбраннаго сюжета, — и, безъ его вѣдома, начертанные имъ образы будутъ глубоко поучительны. Во множествѣ разныхъ сближеній и столкновеній, они незамѣтно выкажутся со всѣхъ своихъ говорящихъ сторонъ и всѣмъ своимъ существомъ или всей группой выразятъ тѣ истины, которыя были бы смѣшны, педантичны въ голыхъ фразахъ и олицетворенныхъ идеяхъ. Вспомнимъ „Обыкновенную исторію“ Гончарова, гдѣ, не отступая ни на шагъ отъ житейской правды, однимъ только сближеніемъ разнохарактерныхъ личностей, авторъ выставилъ въ поучительномъ свѣтѣ и водянистую мечтательность и слишкомъ сухое, формальное пониманіе жизни. Какъ тутъ и въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“, такъ и въ обличительной литературѣ, канва произведеній — современная общественная жизнь — одна и та же, но какъ различны вышли на ней узоры! Въ то время, какъ обличители худо поняли эту жизнь съ ея внѣшней, исключительно бюрократической стороны, Тургеневъ взялъ ее, если можно такъ выразиться, въ полномъ букетѣ, со всей свѣжестью и ароматомъ, со всѣмъ, что въ ней есть яркаго, хотя бы и безобразнаго... Мы принимаемъ здѣсь, конечно, вполне эстетическую точку зрѣнія, иначе, переимѣнивъ ее, мы найдемъ — какъ сказали уже — въ нѣкоторыхъ обличительныхъ произведеніяхъ много своего особеннаго достоинства. Есть вещи — даже золото — которыя, уклоняясь отъ естественнаго, специфическаго назначенія, еще могутъ быть полезны въ видѣ медицинскаго пособія. Сюда же относимъ мы и тѣ литературныя обличенія, которыя, переставъ быть созданіями чистаго искусства, принесли однако пользу обществу, и надолго послужатъ лучшими мемуарами своего времени.

Заключая нашу статью, мы не хотимъ высчитывать мелкихъ недостатковъ разбираемаго произведенія и говорить съ важнымъ видомъ, что нѣкоторыя лица можно бы опустить изъ повѣсти, а біографіи Лаврецакаго, Паншина, Лемма, сократить на половину, или, по крайней мѣрѣ, не возводить такъ далеко разсказа о предкахъ Лаврецакаго. Съ послѣдней оговоркой и можно бы согласиться, задумавши писать мелочно-придирчивую критику, но оба эти замѣчанія, въ несмягченномъ видѣ, кажутся намъ болѣе, чѣмъ странными... Мы знаемъ, что по такому рецепту намъ ничего не стоитъ выбросить двѣ-три фигуры изъ картины Брюллова и изуродовать любое литературное произведеніе. Искусство, въ видѣ живописи, или изящной словесности, всегда нуждается въ *подробностяхъ*, которыхъ, конечно, могло бы и не быть, но на которыя часто нельзя посягнуть, если онѣ ужъ есть. Ни одно сколько-нибудь обширное литературное произведеніе не можетъ построиться на двухъ-трехъ личностяхъ — жизнь громко вопіетъ противъ такихъ ограниче-

ній! — а равно нельзя и гнаться за развитіемъ только непосредственно относящагося къ повѣсти, потому что опять-таки жизнь никогда не налегаетъ такъ исключительно на одинъ предметъ, не сближая и не сплетая его съ другими, сосѣдными. Очень часто извѣстный моментъ въ положеніи дѣйствующаго лица объясняется только совокупностью фактовъ, вліяніемъ другихъ лицъ, изъ которыхъ для каждаго нужна особая характеристика для опредѣленія свойства и степени его вліянія. Иное дѣло, если критикъ докажетъ, что такія-то подробности прямо вредятъ ходу пьесы и могутъ быть опущены, безъ нарушенія красоты и естественности, которыя должны быть главнымъ требованіемъ при оцѣнкѣ всякаго художественнаго созданія.

Не надѣясь успѣть въ этомъ относительно „Дворянскаго гнѣзда“, мы должны пожелать русской литературѣ такого же богатства впереди, и да не сбудется надъ ней плачевная поговорка: вдругъ густо, а вдругъ и пусто.

Пятковский.

Среда и люди въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“.

Послѣ Пушкина рѣдко кто изъ нашихъ писателей пользовался такою любовью публики, какъ Тургеневъ. Романъ его „Дворянское гнѣздо“ (1859) вызвалъ необыкновенный общій восторгъ. Причина его необычайнаго успѣха таится въ особенностяхъ дарованія Тургенева. Онъ умѣетъ въ неиспорченной природѣ человѣка открыть то поэтическое начало, ту божественную искру, которая — по выраженію Гоголя — хоть разъ, какъ „блистающая радость“, промчится въ жизни человѣка, чтобы согрѣть ее на все остальное время. Тургеневъ владѣетъ даромъ подмѣтить это поэтическое начало въ жизни человѣка и выразить его въ живомъ образѣ. Оттого-то онъ болѣе, чѣмъ кто-либо изъ новѣйшихъ писателей, очаровывалъ своихъ читателей или — по выраженію того же Гоголя — „окуривалъ упоительнымъ куревомъ людскія очи“.

Тургеневъ вообще мастеръ рисовать русскую природу и русскихъ людей; но ни въ одномъ изъ его произведеній не видно столько свѣтлыхъ картинъ природы и ни въ одномъ съ такою любовью не раскрыта душа его героевъ, какъ въ романѣ „Дворянское гнѣздо“. Содержаніе для этого романа взято изъ жизни дворянскаго сословія. Мѣсто дѣйствія, вся обстановка, главныя лица — все изъ той же самой среды. Повѣсть развертывается свободно, широко и увлекательно. Не только главныя лица, но и второстепенныя, чрезвычайно занимательны сами по себѣ. Кромѣ того, эти лица служатъ или для того, чтобы посредствомъ ихъ яснѣе обрисовывались главные характеры, или же для того, чтобы выступили тѣ или другія черты нравовъ изображаемаго общества. Мѣстами повѣсть раступается, чтобы дать мѣсто вставкамъ, настолько существеннымъ, что при помощи ихъ становится виднѣе смыслъ какъ отдѣльныхъ частей романа, такъ и всего сочиненія. Вотъ, на примѣръ,

два большіе эпизода. Главы VIII—XVI широкими рѣзкими чертами рисуютъ нравы и обычаи въ дворянскомъ родѣ Лаврецкихъ, потомъ — исторію дѣтства, воспитанія и студенческихъ годовъ Ѳедора Лаврецакаго, наконецъ — его же неудачную женитьбу и всѣ тѣ душевныя и семейныя потрясенія, которыя онъ пережилъ и отъ которыхъ пріѣхалъ искать спасенія на родинѣ. Второй эпизодъ: глава XXV — неожиданный пріѣздъ къ Лаврецкому стараго его товарища Михалевича, нескончаемый, горячій споръ о предметахъ самыхъ отвлеченныхъ, а затѣмъ — о своей молодости, разочарованіяхъ, тяжелыхъ урокахъ дѣйствительности и лучшихъ идеалахъ человѣка образованнаго и благороднаго. Въ спорѣ этомъ выясняются многія стороны какъ обоихъ друзей, такъ и того времени, подъ вліяніемъ котораго они провели свои университетскіе годы. Въ другихъ мѣстахъ, живописная, согрѣтая чувствомъ, повѣсть смѣняется сценами, цѣлымъ рядомъ разговоровъ. Сцены идутъ быстро, съ необыкновеннымъ оживленіемъ и полнотою. Само собою разумѣется, что тутъ-то съ особенной выразительностью и раскрываются характеры дѣйствующихъ лицъ, черты нравовъ изображаемаго времени и общества. Тонъ повѣствованія вездѣ проникнутъ искреннимъ чувствомъ, мѣстами юмористиченъ, напримѣръ въ изображеніи сентиментальной Маріи Дмитріевны: мѣстами переходитъ въ явную насмѣшку, напримѣръ, въ изображеніи щепетильнаго тщеславнаго Панишина; мѣстами кипятъ глубокимъ негодованіемъ и презрѣніемъ, напримѣръ въ изображеніи Варвары Павловны; но зато мѣстами звучитъ высокимъ лиризмомъ, напримѣръ, при изображеніи душевныхъ движеній и особенно Лаврецакаго. Всѣ эти элементы изложенія, взятые вмѣстѣ, составляютъ силу, красоту и увлекательность тургеневскаго романа.

Основная идея этого произведенія подсказывается авторомъ во многихъ мѣстахъ романа, напримѣръ: въ исторіи воспитанія Лаврецкихъ вообще, а Ѳедора Ивановича въ частности; въ томъ мѣстѣ спора съ Михалевичемъ, гдѣ послѣдній клеймитъ друга своего названіемъ эгоиста и, не слушая оправданія Лаврецакаго, что его *съ дѣтства вывихнули*, громитъ его вличкой *злостнаго начитаннаго байбака*, который сознательно лежитъ, не принимается за дѣло и это — въ такое время, когда въ Россіи, по словамъ Михалевича „на каждой отдѣльной личности лежитъ долгъ, отвѣтственность великая передъ Богомъ, передъ народомъ, передъ самимъ собой!“ Еще — въ томъ мѣстѣ, гдѣ авторъ позволяетъ читать въ душѣ Лаврецакаго новыя, живительныя впечатлѣнія деревни, сельскаго труда, сельской природы. „Вотъ когда я на днѣ рѣки“, — думалъ Лаврецкій по возвращеніи въ деревню: — „и всегда, во всякое время тиха и неспѣшна здѣсь жизнь. Кто входитъ въ ея кругъ, покоройся: здѣсь не зачѣмъ волноваться, нечего мутить; здѣсь только тому и удача, кто прокладываетъ свою тропинку не торопясь, какъ пахарь борозду плугомъ. И какая сила кругомъ, какое здоровье въ этой бездѣйственной тиши! — На женскую любовь ушли мои лучшіе годы: пусть же вытрезвить меня здѣсь скука, пусть успокоитъ меня, подготовить къ тому, чтобы и я умѣлъ не спѣша дѣ-

латъ дѣло“. Окончательно же и сполна Тургеневъ высказываетъ идею романа въ эпилогѣ. Вотъ это мѣсто: „Лаврецкій самъ бы себя не узналъ, если бы могъ такъ взглянуть на себя, какъ онъ мысленно взглянулъ на Лизу. Въ теченіе этихъ восьми лѣтъ совершился, наконецъ, переломъ въ его жизни, тотъ переломъ, котораго многіе не испытываютъ, но безъ котораго нельзя остаться порядочнымъ человѣкомъ до конца: онъ дѣйствительно *пересталъ думать о собственномъ счастьи*, о своекорыстныхъ цѣляхъ. Онъ утихъ и — къ чему таить правду? — постарѣлъ не однимъ лицомъ и тѣломъ, постарѣлъ душою; сохранить до старости сердце молодымъ, какъ говорятъ иные, и трудно и почти смѣшно; тотъ уже можетъ быть доволенъ, кто не утратилъ вѣры въ добро, постоянства воли, охоты къ дѣятельности. Лаврецкій имѣлъ право быть довольнымъ; онъ сдѣлался дѣйствительно хорошимъ хозяиномъ, дѣйствительно выучился пахать землю и трудился не для одного себя; онъ, насколько могъ, обезпечилъ и упрочилъ быть своихъ крестьянъ“. И далѣе, при взглядѣ на свою прошлую жизнь: „грустно стало ему на сердцѣ, но не тяжело и не прискорбно: сожалѣть ему было о чемъ, стыдиться — нечего. Наконецъ, въ привѣтѣ молодому поколѣнію: „играйте, веселитесь, растите, молодя силы! жизнь у васъ впереди, и вамъ легче будетъ жить: вамъ не придется, какъ намъ, отыскивать свою дорогу, бороться, падать и вставать среди мрака; мы хлопотали о томъ, какъ бы уцѣлѣть — и сколько изъ насъ не уцѣлѣло! а вамъ надобно дѣло дѣлать, работать, — и благословеніе нашего брата старика будетъ съ вами!“ — Послѣ всѣхъ этихъ разъясненій не трудно читателю вывести слѣдующія основныя мысли изъ этого романа. Во-первыхъ, что жажда наслажденій, жажда личнаго счастья обманчива: она не только не даетъ счастья, но, вообще, не можетъ дать прочнаго содержанія для жизни. Эта мысль развита и въ романѣ Гончарова, именно въ характерѣ Ольги Ильинской и въ характерѣ Обломова. Во-вторыхъ, что-то поверхностное, одностороннее воспитаніе и образованіе, которое давалось въ былое время въ дворянскоѣ средѣ, не могло развить въ человѣкѣ полного, дѣятельнаго и нравственнаго характера, а служило скорѣе душевнымъ „вывихомъ“, какъ выразился Лаврецкій; и для выправки такого вывиха требовалось много силъ, а представлялось мало вѣроятности, успѣха. Наконецъ, въ-третьихъ, что, благодаря могучимъ преобразованіямъ, сдѣланнымъ державною рукою въ русской жизни, — и въ дворянской средѣ водворился новый, животворный духъ, исчезли тѣ условія, при которыхъ прежде уже съ дѣтства воспитаніе человѣка шло веривъ и вкось; поколѣніе, слѣдующее за Лаврецкими, можетъ развиваться правильно, жить жизнью полною, общественною, счастливою.

Значительнѣйшія лица этого романа: Лизавета Михайловна Калинина, Лаврецкій, жена его — Варвара Павловна, Лизина бабушка — Марѳа Тимоѣевна Пестова и Паншинъ. На трехъ первыхъ преимущественно построена вся драма отношеній, съ которыми соприкасаются остальные лица романа.

Лиза — въ высшей степени симпатичный и замѣчательный типъ современной образованной дѣвушки (провинціальной барышни). Она напоминаетъ Татьяну Пушкина, но гораздо выше ея въ нравственномъ отношеніи. Лиза не могла получить отъ своей пустой, сентиментальной матери никакого солиднаго воспитанія. Училась она усидчиво: „безъ труда ей ничего не давалось“, говоритъ авторъ. Какъ и Татьяна, —

Она въ семьѣ своей родной
Казалась дѣвочкой чужой.

Существо сосредоточенное, свѣтлое, отчасти восторженное, Лиза выросла подъ сильнымъ вліяніемъ своей няни. Разказы няни о мученикахъ и сподвижникахъ глубоко запали ей въ душу и воспитали въ ней глубокое религіозное чувство. Оно-то проникло собою всё ея стремленія и поступки. Вотъ какъ авторъ рисуетъ свою героиню въ началѣ романа: „у ней не было *своихъ словъ*, но были *свои мысли*, и шла она своей дорогой, не спрашивая у другихъ, что ей дѣлать. Она была мила, сама того не зная. Въ каждомъ ея движеніи высказывалась невольная, нѣсколько неловкая, грація. Голосъ ея звучалъ серебромъ юности. Малѣйшее ощущеніе удовольствія вызывало привлекательную улыбку на ея губы, придавало глубокой блескъ и какую-то тайную ласковость ея засвѣтившимся глазамъ. *Вся проникнутая чувствомъ дома*, боязнь оскорбить кого бы то ни было, съ сердцемъ добрымъ и кроткимъ, она любила всѣхъ и никого въ особенности; она любила одного Бога восторженно, робко, нѣжно“. Въ своей замкнутой семьѣ Лиза, конечно, не могла получить ни малѣйшаго знанія людей. Ея нравственное чувство служило ей единственнымъ руководителемъ и оберегателемъ во всѣхъ сношеніяхъ съ людьми. Благодаря этому чувству, она не потерялась въ пустотѣ окружающей жезни. Среди этой пустоты она какъ будто предчувствовала, или угадывала иной, лучшій порядокъ вещей и удивительно строго и твердо прошла своимъ путемъ между людьми, чужими ей по мыслямъ и по развитію. Въ самыхъ трудныхъ положеніяхъ жизни Лиза руководствуется все тѣмъ же нравственнымъ чувствомъ: оно подсказываетъ ей, что дѣлать. Когда Варвара Павловна разрушила ея надежду на счастье, Лиза говоритъ Лаврецкому: „теперь вы видите сами, что счастье зависитъ не отъ насъ, а отъ Бога“. Тутъ, правда, не видно рѣшимости сопротивляться враждебнымъ вліяніямъ и стараться побѣдить ихъ; но недостатокъ энергіи вознаграждается глубокимъ самоотверженіемъ Лизы. Она любить, страдаетъ, переноситъ нравственныя потрясенія съ истиннымъ героизмомъ, не входитъ ни въ какія сдѣлки съ совѣстью. Ея счастье разбито, и вотъ какъ она говоритъ о томъ своей бабушкѣ: „Все кончено; кончена моя жизнь съ вами. Такой урокъ не даромъ; да я ужъ не въ первый разъ объ этомъ думаю. Счастье ко мнѣ не шло. Даже когда у меня были надежды на счастье, сердце у меня все щемило. Я все знаю: и свои грѣхи, и чужіе, и какъ папенька богатство нажилъ; я знаю все. Все это отмотить, отмотить надо“. И затѣмъ Лиза

разрываетъ связь съ жизнью дѣйствительной, съ которою, впрочемъ, никогда не могла и не хотѣла сдружиться, и устраиваетъ себѣ жизнь другую, по своей собственной идеѣ, которую усвоила давно. Такая рѣшимость со стороны молодой дѣвушки есть, конечно, своего рода героизмъ. Нравственный образъ Лизы Тургенева далеко оставляетъ за собою личность Пушкинскоѣ Татьяны, а ихъ раздѣляютъ всего 20—30 лѣтъ. Свѣтлою является Лиза въ началѣ романа, свѣтлою проходитъ передъ зрителемъ, черезъ всѣ степени развивающейся драмы, и такую же свѣтлою скрывается въ монастырскую келью.

Характеръ Лаврецаго разработанъ Тургеневымъ съ необычайною тонкостью, умѣньемъ и любовью. Выше было сказано, что для того, чтобы сдѣлать читателю понятнымъ плохое воспитаніе Лаврецаго, а также для того, чтобы объяснить, какъ умный, серьезный Лаврецкій могъ ошибиться въ выборѣ жены, авторъ рассказываетъ намъ исторію всего семейства Лаврецкихъ. Исторія начинается съ ихъ жестокаго прадѣда, а оканчивается отцомъ-англоманомъ. Этотъ англоманъ задумалъ дать своему сыну (т. е. герою романа) такое воспитаніе, чтобы юноша вышелъ совершеннѣйшимъ спартанцемъ, былъ бы чуждъ слабостей человѣческой природы. И для этого, между прочимъ, англоманъ держалъ своего сына вдали отъ всякаго женскаго вліянія и даже—знакомства. Въ мастерской, живой и вѣрной картинѣ фамиліи Лаврецкихъ видно, какъ въ зеркалѣ, ужасное состояніе образованныхъ поколѣній въ XVIII столѣтіи и въ первой четверти нынѣшняго. Видны крупныя, рѣзкіе очерки лицъ жестокихъ, самоуправныхъ. Легко себѣ представить, какъ подъ вліяніемъ такихъ лицъ замирала жизнь въ трепетѣ и безъ сопротивленія. По этой исторіи Лаврецкихъ видно, что дворянинъ того времени вступалъ въ жизнь безъ всякой подготовки: круглымъ невѣждою въ наукахъ и безъ малѣйшаго порядочнаго воспитанія. Если бы Тургеневъ не вставилъ въ романъ длиннаго эпизода о фамиліи Лаврецкихъ (главы VIII—XV), то было бы непонятно, какимъ образомъ 23-лѣтній *спартанецъ* принималъ первую красивую женщину за олицетвореніе всего нравственнаго, прекраснаго, благороднаго въ мірѣ. Варвара Павловна разрушила это представленіе. Но несчастье было полезно Лаврецкому. Оно смягчило и обработало его душу. Оно сдѣлало его снисходительнымъ къ людямъ; отъ неопредѣленныхъ стремленій и безцѣльныхъ трудовъ оно привлекло его къ роднымъ степямъ, къ нуждамъ и печалямъ ближнихъ. Лаврецкій у себя въ деревнѣ совсѣмъ не тотъ, какимъ былъ въ Москвѣ и Парижѣ. Онъ сталъ добръ, симпатиченъ: онъ радуется успѣхамъ людей, какъ своему собственному счастью; онъ какъ будто вновь родился для новой, лучшей жизни. Такимъ является онъ въ то время, когда между нимъ и Лизой установились дружескія отношенія, и незамѣтно для нихъ самихъ росли и развивались въ другія, болѣе нѣжныя чувства. „Никто не знаетъ, — говоритъ авторъ, — никто не видѣлъ и не увидитъ, какъ призванное къ жизни и расцвѣтанію, наливается и зрѣетъ зерно въ лонѣ жизни“. Съ особен-

нымъ вниманіемъ и любовью Тургеневъ раскрываетъ читателю тѣ состоянія души, которыя переживалъ его герой, когда между нимъ и Лизой отношенія устроились-было такъ хорошо и во — второй разъ Варвара Павловна разрушила ихъ счастье. Авторъ, незамѣтно для читателя, учитъ его сочувствовать Лаврецкому, уважать его страданія. Эти страданія, дѣйствительно, дорисовываютъ его нравственный образъ. Состояніе души его особенно отчетливо видно въ двухъ совершенно не сходныхъ положеніяхъ Лаврецкаго: *первое*: когда съ разбитымъ навѣкъ счастьемъ бѣднякъ старается взять себя въ руки и, стиснувъ зубы, велѣтъ душѣ своей молчать; *второе*—въ самомъ концѣ романа. Здѣсь поразительная картина: съ одной стороны, молодое поколѣніе съ звонкимъ смѣхомъ и довѣрчивымъ взглядомъ на будущее, а рядомъ съ нимъ: драгоцѣнныя, хотя томительныя, воспоминанія Лаврецкаго объ исчезнувшей молодости, о мелькнувшемъ счастьи; кроткій искренній его привѣтъ молодежи; тихое полное безвыходной тоски, обращеніе къ самому себѣ: „здравствуй, одинокая старость; догорай, бесполезная жизнь!“

Варвара Павловна Лаврецкая—совершенная противоположность Лизы въ нравственномъ отношеніи. Это типъ другого рода. Трудно представить себѣ существо съ болѣе заманчивой внѣшностью и съ большимъ нравственнымъ безобразіемъ. Въ ней и молодость, и красота, и грація, и остроуміе, и нѣкоторый блескъ образованія; но все это — одинъ щегольской покровъ величайшаго духовнаго убожества. Подъ изящной внѣшностью *la belle madame de Lavretzky*, какъ ее величали въ модномъ парижскомъ свѣтѣ, скрываются самыя низкія страсти. Для нея всякія благородныя человѣческія стремленія: трудъ, честь, наука, поэзія, искусство, семья, общество,—все это одни пустыя слова безъ значенія. Она живетъ единственно для удовлетворенія своихъ личныхъ страстей и прихотей. Наглость, лицемеріе, самый сухой эгоизмъ,—все это она считаетъ средствами дозволенными, когда они ей нужны: въ ней не воспитано *никакихъ* добрыхъ, честныхъ правилъ жизни. Поэтому она ничѣмъ нравственно и не стѣсняется; силы ея не имѣютъ нравственнаго руководителя; она ими пользуется смѣло и рѣшительно для достиженія своихъ корыстныхъ цѣлей и—въ неизвѣстномъ кругу людей—всегда дѣйствуетъ открыто и побѣдоносно. Въ этомъ-то именно кругу, въ Парижѣ, она заслужила себѣ характеристику: *cette grande dame russe si distinguée* и еще другую, для окончательной и самой *высокой* похвалы: *une vraie française par l'esprit*. Эта нравственно-убогая особа изображена въ романѣ съ безпощадной строгостью: нигдѣ, ни на одну минуту, ни одной привлекательной въ характерѣ черты. Даже въ отношеніи къ своей маленькой дочкѣ, Адѣ, Варвара Павловна не обнаруживаетъ истиннаго, нѣжнаго материнскаго чувства: мать заботится только, чтобы ребенокъ былъ одѣтъ всегда въ кружевахъ, какъ куколка. При всей строгости, съ какою Тургеневъ изобразилъ этотъ типъ модной барыни (львицы) *si distinguée*, Варвара Павловна заслуживаетъ однако

же сожалѣнія. Съ одной стороны, это—жертва известной обстановки и собственной невоспитанности; съ другой стороны, это—живой урокъ для тѣхъ людей, которые ошибочно полагають, будто довольно имѣть отъ природы достаточно душевныхъ качествъ, чтобы и безъ воспитанія сдѣлаться хорошимъ человѣкомъ, или—что никакимъ воспитаніемъ не выработаешь въ человѣкѣ нравственнаго характера, если человѣкъ ужь отъ природы не хорошъ.

Паншинъ—тоже живой и въ своемъ родѣ замѣчательный русскій типъ. Тургеневъ не пожалѣлъ красокъ для изображенія этого героя. Паншинъ—совершеннѣйшій представитель той полуобразованности, той внѣшней отдѣлки, которая иногда такъ пріятно бросается въ глаза; у него всевозможные таланты: онъ живописецъ, музыкантъ, чиновникъ, ораторъ, берейторъ, свѣтскій человѣкъ; но все это въ такой лишь степени, сколько нужно, чтобы занимать, тѣшить людей и никогда не приносить имъ ни духовной ни вещественной пользы. Чтобы приносить пользу, нужно дѣло, призваніе къ дѣлу. Всякое дѣло требуетъ участія души, а всѣ душевныя силы Паншина обращены исключительно къ самому себѣ. Впрочемъ, Паншинъ можетъ, пожалуй, играть даже и хорошаго человѣка; но игра эта будетъ натуральна только до тѣхъ поръ, покуда ничто не затронетъ его мелкихъ страстей. Тогда тотчасъ выступитъ наружу его пустая, безсердечная натура отполированная только снаружи. Для людей ограниченныхъ Паншинъ кажется героемъ, представителемъ столичнаго просвѣщенія. Передъ нимъ, на примѣръ, чуть не благоговѣетъ мать Лизы и считаетъ его прекрасной партіей для своей дочери. Честный старикъ Леммъ думаетъ о немъ иначе: „Лизавета Михайловна—дѣвица справедливая, серьезная, съ возвышенными чувствами; она можетъ любить одно прекрасное, а онъ не прекрасенъ, т.-е. душа его не прекрасна... онъ... онъ ди-ле-тантъ, однимъ словомъ“. Это значитъ человѣкъ, который всего нахваталъ изъ книгъ, обо всемъ толкуетъ заносчиво и рѣзко; но ни къ чему души не прилагаетъ, ни въ чемъ искренно не убѣжденъ. Когда Лаврецій спокойно и благородно разбилъ его въ спорѣ на всѣхъ пунктахъ и обличилъ свѣтскаго болтуна, старушка Марѳа Тимоѣевна украдкой потрепала своего Федю по щекѣ, лукаво прищурилась и нѣсколько разъ покачала головой, приговаривая: „отдѣлалъ умника, спасибо!“ Вообще авторъ не скупится на острия и сердитыя изобличенія напускной важности, тщеславія и самодовольства этого героя. Не безъ умысла Тургеневъ поручаетъ именно Марѣ Дмитріевнѣ, т.-е. самой пустой госпожѣ, выразить похвалу достоинствамъ Паншина: „вотъ какой умный человѣкъ у меня бесѣдуетъ“. Въ этой же главѣ, именно XXXIII, авторъ, какъ будто подъ вліяніемъ негодованія на изображаемый типъ, самъ прерываетъ сцену разговора дѣйствующихъ лицъ и уже отъ своего собственнаго лица дорисовываетъ характеръ Паншина. И въ этой дорисовкѣ авторъ торопливъ и самъ какъ будто раздраженъ. Тутъ попадаются о Паншинѣ такія слова: „говорилъ красиво, но съ тайнымъ озлобленіемъ“, — „воз-

ражалъ раздражительно и рѣзко, — „занесся, до того, что, забывъ свое камеръ-юнкерское званіе и чиновничью карьеру, назвалъ Лаврецеаго“ и т. д. Подъ конецъ же сцены, опять устами Марьи Дмитриевны, авторъ произноситъ „une nature poétique, конечно, не можетъ пахать... et puis, вы призваны, Владимиръ Николаевичъ, дѣлать все en grand“. Этимъ сарказмомъ авторъ совершенно уничтожаетъ заносчиваго говоруна.

М. Марѳа Тимоѳеевна — превосходный типъ простосердечной, умной барыни-старушки. Она, по природѣ, любитъ въ челоуѣкѣ молодость и достоинство. У ней нравъ независимый. Всѣмъ она говоритъ правду въ глаза, за что и слыветъ „чудачкой“. Лизина мать не любитъ ее, но побаивается ея насмѣшекъ. Зато Лиза только съ бабушкой одной въ семьѣ и сходится до нѣкоторой степени. Она сошлась бы съ нею еще больше, если бъ въ простосердечной бабушкѣ тоже не было кое-какихъ проявленій барскаго своеволія. Рѣчь Марѳы Тимоѳеевны суха и рѣзка; но такъ искусно выдержана эта личность авторомъ, что читатель не обращаетъ вниманія на эту внѣшнюю грубость: ему по душѣ откровенное, честное, сердечное слово старушки.

По содержанію своему и по обработкѣ характеровъ романъ „Дворянское гнѣздо“ естественно примыкаетъ къ замѣчательнѣйшимъ русскимъ романамъ съ общественнымъ значеніемъ, т.-е. къ „Евгенію Онѣгину“, „Герою нашего времени“, „Мертвымъ душамъ“ и „Обломову“. Въ этой многочисленной семьѣ „Дворянскому гнѣзду“ принадлежитъ почетное мѣсто, задачи Тургеневскаго романа родственны задачамъ Пушкина, Лермонтова, Гоголя и Гончарова въ названныхъ сочиненіяхъ. Но „Дворянское гнѣздо“ имѣетъ на своей сторонѣ многія преимущества. Напримѣръ: здѣсь съ особенной полнотой охарактеризована та среда (т.-е. дворянская), изъ которой наши романисты брали своихъ героевъ; лицъ больше, лица разнообразнѣе; анализъ причинъ умственной или нравственной несостоятельности дѣйствующихъ лицъ сдѣланъ полнѣе и отчетливѣе; герой романа, т.-е. Лаврецкій, представляетъ характеръ, гораздо болѣе разработанный и законченный, нежели Онѣгины, Печорины, Тентетниковы, Обломы и Штольцы. Мало того, что Лаврецкій не „москвичъ въ гарольдовомъ плащѣ“, что онъ не кичится „необъятыми силами“ и вообще не довольствуется однѣми мечтами о дѣятельности, но онъ разбираетъ причину своей несостоятельности, доискивается, въ чемъ заключается его „вывихъ“, нравственнымъ страданіемъ искупаетъ этотъ недостатокъ, въ которомъ, впрочемъ, не самъ виновенъ, и въ продолженіе многихъ лѣтъ дѣйствительно „вправляетъ“ себя (какъ требовалъ Михалевичъ), дѣлаетъ дѣло, а подъ конецъ жизни и сожалѣтъ есть о чемъ, но „стыдиться нечего“. Такимъ образомъ, романъ этотъ выставляетъ такого рода героя, который естественнѣе, понятнѣе и привлекательнѣе предыдущихъ и въ которомъ съ большею отчетливостью представленъ идеаль правильный воспитанія, семейнаго счастья и общей дѣятельности.

Евстаѳіевъ.

„Дворянское гнѣздо“, какъ чуткое отраженіе дѣйствительности.

Трудно сказать, начиная разборъ произведенія Тургенева, что болѣе заслуживаетъ вниманія: само ли оно со всѣми своими достоинствами, или необычайный успѣхъ, который встрѣтилъ его во всѣхъ слояхъ нашего общества. Во всякомъ случаѣ, стоитъ серьезно подумать о причинахъ того единогласнаго сочувствія и одобренія, того восторга и увлеченія, которые вызваны были появленіемъ „Дворянскаго гнѣзда“. На новомъ романѣ автора сошлись люди противоположныхъ партій въ одномъ общемъ приговорѣ; представители разнородныхъ системъ и воззрѣній подали другъ другу руку и выразили одно и то же мнѣніе. Романъ былъ сигналомъ повсемѣстнаго примиренія, и образовалъ родъ какого-то литературнаго „trêve de Dieu“, гдѣ каждый позабылъ на время свои любимыя мнѣнія, чтобы вмѣстѣ съ другими спокойно насладиться произведеніемъ и присоединить голосъ свой къ общей единодушной похвалѣ. Конечно, тутъ можно видѣть торжество поэзіи и художественнаго таланта, самовластно подчиняющихъ себѣ разнороднѣйшіе оттѣнки общественной мысли, но съ нѣкоторою основательностію тутъ можно предполагать также, что не каждая изъ рукоплещущихъ сторонъ одинаково понимаетъ внутреннее значеніе произведенія, и не каждая въ приговорѣ своемъ подраумѣваетъ именно то, что другая.

Разбирать причины и, такъ сказать, составныя части громаднаго успѣха, встрѣченнаго романомъ Тургенева — не наше дѣло. Скажемъ только, что явленіе это, по нашему мнѣнію, принадлежитъ къ числу очень замѣчательныхъ явленій послѣдняго времени. Мы хорошо понимаемъ единодушіе въ приговорѣ, когда дѣло заходитъ объ общей идеѣ, въ которой каждый человекъ порознь или цѣлый народъ вмѣстѣ узнаютъ свою неотъемлемую собственность, свое отраженіе и цѣль для своихъ стремленій; но единодушіе передъ свободнымъ проявленіемъ авторской фантазіи, передъ вопросомъ искусства, передъ фигурами и образами, которые вызваны потребностію отдѣльнаго, частнаго лица, или его художественною прихотью — такое единодушіе представляетъ уже хорошую тему для изслѣдованія. Достаточно вспомнить, что для образованія подобнаго факта нужно было каждому изъ многочисленныхъ судей позабыть на время всѣ нажитыя имъ теоретическія отношенія къ другимъ людямъ (иначе онъ бы никогда съ ними не сошелся), и это вообще довольно рѣдко случается во всѣхъ литературахъ. При подобныхъ явленіяхъ уму наблюдателя неизбѣжно представляется одно изъ двухъ: или счастливое произведеніе вдругъ отвѣтило эстетическимъ и моральнымъ потребностямъ, жившимъ скрытною, затаенною жизнію въ умахъ большей части современниковъ, или при оцѣнкѣ произведенія существуетъ какого-либо рода недоразумѣніе, имѣющее право на раскрытіе и объясненіе. Мы можемъ сказать откровенно,

что, по искреннему нашему убѣжденію, въ составленіи успѣха новому произведенію Тургенева участвовали въ извѣстной мѣрѣ и то и другое изъ этихъ условій.

Когда-то, довольно давно, печатно было замѣчено, что для автора „Записокъ охотника“ періодъ поэтическихъ анекдотовъ съ тонкими чертами изъ народнаго быта, съ мастерски-заостренными юмористическимъ словомъ, съ легкими, повидимому, но глубоко задуманными и сильно выработанными картинками и положеніями, прошелъ безвозвратно. Послѣ „Записокъ охотника“ автору не оставалось ничего болѣе какъ пуститься въ открытое море полной, многосторонней народной жизни, если онъ не хотѣлъ укорениться въ одномъ родѣ и вѣчно плавать у береговъ народнаго быта, въ этихъ анекдотахъ, похожихъ на изящныя, щеголеватыя лодочки, неоцѣнимыя для прогулокъ, для полусерьюзныхъ и полупуштливыхъ бесѣдъ, но мало пригодныя къ большому, долгому и серьезному плаванію за богатствами русскаго духа и русскою поэзіи. Кромѣ сельскихъ потребностей, помѣщичьихъ и чиновничьихъ нравовъ, на очереди художественнаго воспроизведенія стояло еще тогда цѣлое такъ называемое образованное общество наше со всеми разнообразными своими явленіями, которыя возникали, двигались, цвѣли и умирали безъ всякаго свидѣтеля, на подобіе невидимокъ, рѣдко-рѣдко оскорбляемыя любопытнымъ взоромъ наблюдателя. Изъ этого страннаго терема, созданнаго, какъ и всѣ терема, пренебреженіемъ, лѣнностію мысли и самодовольствомъ писателей, Тургеневъ пытался съ самаго начала освободить нѣсколько образовъ, но онъ относился еще къ новому міру, куда вступалъ, очень горделиво; онъ какъ бы сомнѣвался, способенъ ли этотъ міръ къ независимой жизни въ искусствѣ, сумѣетъ ли онъ держать себя, какъ слѣдуетъ, принесетъ ли онъ честь и похвалу своему покровителю. вмѣсто того, чтобы попытаться уразумѣть черты открывшагося ему міра, авторъ сталъ *выбирать* между ними и, какъ бываетъ всегда въ такихъ случаяхъ, выносилъ на свѣтъ не то, что дѣйствительно имѣло силу и значеніе въ обществѣ, а то, что походило на самаго искателя, на собственные его идеалы. Но явленія жизни неумолимы, какъ древніе боги. Ихъ не вызовешь презрѣніемъ или укоромъ, ихъ не дождешься, сложа горделиво руки на груди, и вдобавокъ ничѣмъ ихъ не замѣнишь: ими надо овладѣть открыто и честно, какъ овладѣваютъ сердцемъ гордой и благородной женщины, для чего очищаютъ и исправляютъ собственную свою мысль и собственную свою жизнь. Не всякій способенъ къ такому смѣлому приступу, который одинъ даетъ побѣду и обладаніе: вотъ почему большая часть изящныхъ произведеній, содержаніе которыхъ касалось исторіи нашего общества, отличалось въ то время выдумываніемъ явленій, подлогомъ и подставкой изобрѣтенныхъ мотивовъ, вмѣсто настоящихъ и жизненныхъ. Покуда само общество хранило суровое, равнодушное молчаніе, — ложные слухи, произвольныя догадки и сплетни ходили о немъ по литературѣ безъ малѣйшаго препятствія. Даже Гоголь не могъ измѣнить литературную привычку къ выдумкѣ,

лишь только основная интрига произведенія помѣщалась въ средѣ тѣхъ слоевъ общества, которые непосредственно слѣдуютъ за мелкимъ чиновничествомъ, сельскимъ дворянствомъ и городскимъ провинціальнымъ населеніемъ. Самые странные литературные букеты, не имѣющіе ни формы, ни цвѣта, ни запаха, набирались именно на той почвѣ, которая принадлежала классамъ, заявляющимъ претензію на образованность, на умѣнѣе лучше понимать жизнь, и разумнѣе, богаче и художественнѣе устраивать ее. Великій примѣръ Гоголя принесъ одну только пользу: онъ обратилъ писателей въ чуткихъ сторожей, которые на порогѣ этого особеннаго и разнообразнѣйшаго общества проводили дни и ночи, ожидая, не покажется ли кто случайно изъ вѣчно замкнутыхъ и недоступныхъ дверей. Когда самая тѣснота и обиліе жизни, тамъ царствующей, выбрасывали какое-либо явленіе наружу, подобно тому какъ нѣкоторыя многолюдныя страны выбрасываютъ излишекъ своего населенія въ Америку, неусыпные стражи устремлялись на жертву съ поспѣшностію и рвеніемъ людей, прожившихъ многія сутки безъ сна и дѣла или съ пустымъ дѣломъ въ рукахъ. Такимъ образомъ получили мы нѣсколько настоящихъ типовъ, разработанныхъ, надо признаться, очень удовлетворительно, и множествомъ несомнѣнныхъ талантовъ, потому что таланты у насъ находятся въ обратной пропорціи со *знаніемъ*: знанія мало, дарованій много. Впрочемъ, мы все-таки должны быть благодарны этого рода литературному захвату, какъ ни мало требовалъ онъ доблести, усилій мысли и наблюденія. По милости его, мы приобрѣли, какъ уже сказали, нѣсколько законченныхъ типовъ, на примѣръ типъ *широкой натуры*, освободившей себя отъ всякой отвѣтственности передъ совѣстью, типъ *ничтожнаго характера* съ сильными претензіями и развитой головой, типъ *благонамыреннаго* бюрократа, загоняющаго людей къ порядку и добродѣтели, какъ стадо и т. д. Мы подстерегали жизненные явленія изъ-за угла не даромъ!

Немного ранѣе „Рудина“, и особенно съ этого романа, мы видимъ Тургенева уже въ срединѣ того круга, по внѣшней окраинѣ котораго ходила вся наша литература, и не только въ срединѣ, но въ прямомъ, открытомъ и свободномъ общеніи со всѣмъ его поэтическимъ, комическимъ и подчасъ трагическимъ населеніемъ. Нажитыя понятія, предубѣжденія и предразсудки остались у него за порогомъ новаго міра, да и въ этомъ новомъ мірѣ онъ уже ищетъ не *исключительныхъ* явленій, которыми можно было бы поразить простыхъ людей, а ищетъ челоуѣка съ отношеніями, опредѣляющими и направляющими его. Какъ не отрывчаты его рассказы, какъ ни слышится въ нихъ еще тайная робость за себя и за внутреннее достоинство выводимыхъ имъ лицъ, говоръ публики вокругъ новыхъ его произведеній показалъ, что онъ уже близокъ къ настоящему дѣлу, что ему остается превратить свои намеки въ ясные, положительные факты, договорить свои полуоткровенія, додѣлать фигуры, брошенные на половинѣ, и получить затѣмъ право на названіе лѣтописца современной жизни. Черезъ рядъ болѣе или менѣе удачныхъ опытовъ, Тургеневъ дошелъ, наконецъ, до

простой многозначительной драмы, какая является въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“, и какихъ тысячи втихомолку разыгрываются по разнымъ угламъ нашего отечества, дошелъ до лицъ и характеровъ, нисколько не запятанныхъ грубымъ авторскимъ произволомъ, и взятыхъ изъ неисчисленной движущейся толпы такъ называемаго образованнаго общества, гдѣ они укрываются отъ лѣниваго наблюденія; словомъ, онъ изобразилъ такое событіе, которое оказалось связаннымъ тончайшими нитями съ нашею современностію, съ сердцами всего настоящаго или, лучше, всего *отживающаго* поколѣнія. Таковъ былъ результатъ смѣлаго и вмѣстѣ дружелюбнаго отношенія къ жизни. Мудрено ли, что общество, узнавъ, наконецъ, въ яркой картинѣ одну изъ тайнъ собственнаго существованія, встрѣтило картину съ увлеченіемъ и восторгомъ, которыми оно обыкновенно награждаетъ людей, открывающихъ ему дорогу къ самосознанію, къ оцѣнкѣ себя и къ суду надъ собою?

Но мы сказали также, что въ составленіи огромнаго большинства хвалителей новаго произведенія Тургенева участвовало и участвуетъ, почти равною частію съ основательными и вполнѣ законными причинами, простое недоразумѣніе. Не трудно будетъ доказать это, если потрудимся разобрать, хотя отчасти, толки и сужденія публики по поводу главныхъ дѣйствующихъ лицъ романа, и особенно по поводу самаго поэтическаго и самаго привлекательнаго изъ нихъ — барышни провинціальнаго города, благородной Лизаветы Михайловны.

Дѣло вотъ въ чемъ. Изъ среды патріархальнаго, но уже суетнаго и испорченнаго семейнаго быта Тургеневъ вывелъ образъ молодого существа, которое съ первыхъ шаговъ на поприщѣ жизни замѣчаетъ, что онъ не вторитъ общимъ интересамъ окружающихъ, ихъ понятіямъ, радостямъ и заботамъ. Въ душѣ Лизаветы Михайловны созрѣлъ и выросъ религіозно-нравственный идеаль существованія, который не можетъ сдружиться съ тѣмъ, что представляется дѣвушкѣ въ настоящемъ и чего можетъ она ожидать въ будущемъ. Послѣ первыхъ неудачныхъ усилій помириться на чемъ-нибудь въ текущей жизни, она быстро разрываетъ съ ней всѣ связи и заключается въ монастырь.

Общее выраженіе участія и умиленія со стороны публики проводило ее въ это послѣднее убѣжище; но нельзя сказать, чтобы характеръ дѣвушки и сущность ея жизни были оцѣнены и поняты удовлетворительно большинствомъ ея поклонниковъ: иначе послѣдніе не стали бы такъ много соболѣзновать о судьбѣ ея и, можетъ статься, вмѣстѣ со слезами состраданія явилось бы у нихъ и какое-нибудь другое чувство. Намъ кажется, что внѣшняя сторона ея существованія много участвовала въ привлеченіи къ ней тѣхъ симпатій, которыми она теперь пользуется. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ дѣвушка, мечтающая исключительно о моральныхъ обязанностяхъ своихъ, когда въ ея годы и въ ея положеніи думается о свѣтлой поэзіи и радостяхъ жизни; вотъ первые проблески любви и счастья, падающіе на ея сердце не живительной росой, а каплями яда и огорченій; вотъ отступаетъ она передъ грубою дѣйствительностію, начинаетъ чувствовать святое отвра-

щеніе къ земнымъ искушеніямъ и торопится унести дѣвственную чистоту ума и сердца въ суровую монастырскую келью. Не для жизни даны ей были молодость, красота, высокія предчувствія истины и блага — все погубило въ цвѣтѣ, застигнутое неожиданнымъ морозомъ среди весны, и притомъ той чудной весны, какая возстаетъ всегда подъ перомъ Тургенева. Inde... отсюда слезы! Но если бы судить о лицѣ этомъ по выраженію горя и жалобъ, возбужденныхъ имъ въ читателяхъ, то пришлось бы отнести его къ числу тѣхъ слабыхъ, хотя и интересныхъ организмовъ, которые страдаютъ потому, что неспособны къ здоровому человѣческому существованію. Кто изъ поклонниковъ Лизаветы Михайловны замѣтилъ, что въ нѣжную, граціозную обаятельную форму ея облеклась такая строгая идея, какъ часто бываетъ не подъ силу и болѣе развитымъ и болѣе крѣпкимъ мышцамъ? Лизавета Михайловна способна тронуть и вызвать слезу у самаго хладнокровнаго читателя — это правда, но одной слезой и сожалѣніемъ она не можетъ довольствоваться: она имѣетъ право на нѣчто большее, нежели слеза и сожалѣніе, чѣмъ, какъ извѣстно, вполне оцѣниваются и достаточно вознаграждаются многія героини трогательныхъ романовъ, испытавшія горе и несчастіе.

А затѣмъ еще въ общемъ хорѣ поклонниковъ нашей повѣсти сильную долю голосовъ образуетъ новая и особенная раса „искателей идеаловъ“. Удивительно иногда становится, когда подумаешь, къ какому употребленію и къ какому злоупотребленію способны бываютъ слова! Чего не вводится иногда подъ покрывало слова, весьма опредѣленнаго сначала, но затѣмъ потерявшаго, отъ общаго употребленія, какъ старая монета, первоначальный штемпель и подпись свою? Чего не стараются тогда схоронить въ его нѣдрахъ, и подчасъ какимъ страннымъ требованіямъ и цѣлямъ принуждено оно бываетъ служить и отвѣчать? Идеаломъ, на языкѣ эстетики, означается всякій образъ, соединяющій въ себѣ всю ту сумму нравственныхъ и поэтическихъ чертъ, каковая ему свойственна по природѣ его. Это очень просто и, пожалуй, можетъ быть выражено еще въ другой формулѣ, именно: всякій нравственный и поэтической образъ, вѣрный дѣйствительности и самому себѣ, есть идеаль. На основаніи этого опредѣленія, и комическое лицо, подъ перомъ художника-писателя, можетъ оказаться идеаломъ, точно такъ же, какъ, на основаніи того же опредѣленія, самая благонамѣренная фигура, снабженная многими добродѣтелями и прекрасными мнѣніями, но безъ жизненной и поэтической правды, не въ состояніи будетъ добиться до желаемаго повышенія въ идеаль. Съ этою азбукой эстетики благо-разумное меньшинство новѣйшихъ искателей идеаловъ, пожалуй, и согласится отвлеченно, но вотъ гдѣ вся партія цѣликомъ расходится съ эстетикой. Настоящій идеаль можетъ иногда казаться осужденіемъ и отрицаніемъ того низшаго порядка вещей, гдѣ онъ явился и призванъ дѣйствовать, а у ложныхъ идеалистовъ онъ обязанъ узаконять его и мирить съ нимъ. На языкѣ новѣйшихъ искателей идеаловъ, всякая попытка облагородить будничныя, такъ сказать, подробности

жизни, пошлый ходъ ея, грубыя и закоренѣлыя ея привычки, называется стремленіемъ къ идеализаціи, и чѣмъ труднѣе задача — сообщить пошлomu какое-либо значеніе и достоинство, тѣмъ выше цѣнять они усилія писателя и тѣмъ сильнѣе приходятъ отъ него въ восторгъ. Съ ужасомъ и отвращеніемъ бѣгутъ они, въ ремеслѣ, отъ замазки первоначальнаго матеріала красками и лакомъ, какаѣя почасту дѣлается для прикрытія его трещинъ и пороковъ; замазка и лакъ, наоборотъ, составляютъ для нихъ желанную цѣль и послѣднее слово въ искусствѣ. Они отличаются отъ всѣхъ другихъ искателей тѣмъ, что непричастны ихъ волненіямъ, а напротивъ, любятъ покой, умственную и физическую нѣгу: идеаль для нихъ почти то же, что праздникъ для школьника, освобождающій его отъ всѣхъ обязанностей и отъ всякой заботы. Они бы желали праздника на круглый годъ, и если можно, навсегда. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ умѣ ихъ таится невысказанное желаніе, чтобъ идеалы служили щегольскими ширмами для прикрытія непріятныхъ житейскихъ случаевъ, требующихъ скорой и дѣятельной помощи, — для устранения отъ глазъ явленій и событій, волнующихъ общественную совѣсть и нарушающихъ безмятежное состояніе души, которое имъ такъ дорого. Они даже судятъ объ относительномъ достоинствѣ идеаловъ по матеріальному употребленію, какое можно сдѣлать изъ того или другого. Сквозь запутанныя опредѣленія идеаль ихъ часто выглядываетъ не въ образѣ эстетическаго понятія, а въ формѣ полезной мѣры благочинія. Завидѣвъ въ лицѣ Лизаветы Михайловны безропотную покорность судьбѣ, убѣдясь, что впечатлѣніе, производимое ею, тихо и отрадно, и особенно не найдя въ ней никакого протеста противъ людей и обстоятельствъ, отъ которыхъ она безъ жалобы скрывается въ монастырской кельѣ, вся эта раса новѣйшихъ искателей идеаловъ въ одинъ голосъ причислила ее къ сонму своихъ любимцевъ и увѣнчала автора за созданіе такого безкорыстнаго, скромнаго и похвальнаго существа.

Но такъ ли все это?

Есть афоризмъ, не подлежащій сомнѣнію: „поэты рождаются“, но можно прибавить къ нему, что и высоконравственные характеры тоже „рождаются“, по крайней мѣрѣ, возникновеніе ихъ часто бываетъ необъяснимо. Они образуются иногда безъ помощи воспитанія, примѣра, правилъ и указаній, сохраняемыхъ семействомъ отъ старинъ или отъ господствующаго ученія; они могутъ явиться (и часто являются) въ години полной духовной тьмы, въ нѣдрахъ самаго испорченнаго круга, при совершенномъ отсутствіи моральныхъ убѣжденій, еще не добытыхъ или уже потерянныхъ окружающимъ ихъ міромъ. Этими характерами доказывается только высокое достоинство человѣческой природы, способной всегда творить нравственные типы, ея выражающіе. Иногда нѣтъ никакой возможности указать, гдѣ началась работа ихъ благодатной мысли, когда и чѣмъ пробудилась ихъ душа, по какому поводу они разошлись съ общими понятіями и создали себѣ особенную мѣрку для опредѣленія добра и правды. Достоверно одно, что иногда доста-

точно одной самой скудной духовной пищи для развитія ихъ моральнаго существованія въ изумительномъ блескѣ; какая-нибудь книжка, какое-нибудь ничтожное событіе въ домашнемъ быту дѣлаются неожиданно крѣпкими основами ихъ будущаго развитія. Для Лизаветы Михайловны достаточно было няни Агаѣи съ ея пламеннымъ разсказомъ о мученикахъ и подвижникахъ, съ ея народно-мистическимъ настроеніемъ, чтобъ обратить молодой умъ совсѣмъ въ противоположную сторону, именно къ строгому пониманію моральной идеи, заключающейся въ религіи. Часто даже глубоко нравственные характеры обходятся и безъ этихъ толчковъ, безъ этой подмоги на первыхъ шагахъ своихъ въ жизни. Учителями ихъ дѣлаются просто всѣ безобразныя, темныя, неразумныя и тупыя проявленія страстей и обычаевъ окружающаго ихъ быта: они учатся правдѣ въ виду господствующаго произвола, сознанію обязанностей своихъ—на духовномъ и тѣлесномъ растлѣніи близкихъ людей, порядку, справедливости и снисхожденію—на общей распущенности и на дикихъ порывахъ животнаго существованія. Можно сказать даже, что тѣмъ заразительнѣе всѣ примѣры, окружающіе ихъ, тѣмъ они тверже укореняются и смѣлѣе идутъ въ правомъ пути. Кто впервые указалъ его, кому обязаны они первымъ извѣстіемъ объ его существованіи, — неизвѣстно. Можетъ-быть, это — неизбѣжное дѣйствіе приспѣвшаго времени обновленія для всѣхъ, или, можетъ-быть, это — дѣйствіе точно такой же благодати, какъ, на примѣръ, по-этическій даръ: какъ бы то ни было, Лизавета Михайловна принадлежитъ къ семьѣ этихъ самородныхъ нравственныхъ характеровъ.

Великое достоинство этого лица состоитъ особенно въ томъ, что авторъ не лишилъ его вмѣстѣ съ тѣмъ существенныхъ правъ и качествъ молодости. Этого и надо было ожидать. Не такой писатель Тургеневъ, чтобъ могъ остановиться на отвлеченномъ образѣ, заняться сухимъ или одностороннимъ педантическимъ идеаломъ. Лизавета Михайловна является намъ въ полной красѣ дѣвичьяго развитія, дѣло только въ томъ, что фантазія дѣвушки, работа ея головы и ея сердца, самая игра жизненныхъ силъ — все уже окрашено врожденнымъ нравственнымъ чувствомъ, отъ котораго она ни убѣжать ни освободиться не можетъ, которое составляетъ ея величіе и ея кару среди людей. Да и проявляется оно особеннымъ, весьма тонкимъ образомъ. Ни разу не встрѣтишь у нея рѣзкаго слова, крикливаго осужденія или враждебнаго поступка противъ опредѣленій и занятій большинства (а вѣдь подобныя грубые порывы мысли и нужны многимъ людямъ для уразумѣнія характера); нравственное чувство ея выражается только постоянно боязнію жизни, постояннымъ къ ней недоувѣріемъ и какимъ-то испугомъ передъ новыми, еще незнакомыми ей явленіями, точно въ молодой душѣ Лизаветы Михайловны уже поселилось убѣжденіе, что оттуда ждать нечего. Никто изъ самыхъ близкихъ людей не владѣеть ея сердцемъ, ея довѣренностью: привязанностью племянницы не можетъ даже похвастаться сама Марѣя Тимоѣевна, превосходный типъ умной добросердечной старухи, по природѣ любящей въ чловѣкѣ мо-

лодость и достоинство. Марья Тимофеевна однакоже слишком бойка. У Марьи Тимофеевны сохраняется еще оттънокъ барскаго своеволия, даже въ самомъ добрѣ, какое она дѣлаетъ: этого уже достаточно, чтобъ испугать ея племянницу, Лизу, на которой всякій оттънокъ, лишенный нравственнаго смысла, отражается болѣзненно, замыкая ей уста и сердце. Еще тоньше, можетъ-быть, поступилъ авторъ, выбравъ Паншина, пустого свѣтскаго болтуна, первымъ предметомъ, на которомъ сосредоточиваются у Лизы пробужденныя ея наклонности къ любви и взаимности. Тутъ выказываетъ она очень мало проникательности, знанія и пониманія людей: нравственное чувство остается единственнымъ руководителемъ и единственнымъ оберегателемъ молодой дѣвушки. Отношеніями Лизы къ Паншину начинается и самая повѣсть Тургенева.

Паншинъ этотъ, по выдѣлкѣ, по обилію и роскоши второстепенныхъ подробностей, можетъ-быть, уступаетъ въ романѣ только изображенію „львицы“ Варвары Павловны, обработанному авторомъ съ изумительною тщательностью. Паншинъ вступаетъ въ семейство Лизы почти какъ побѣдитель, еще прежде какой-нибудь побѣды. Пустѣйшая мать героини — бывшая институтка — за него горой. Удивительный представитель русской полуобразованности и русскаго фальшиваго развитія, которыя такъ изумляютъ иностранцевъ, онъ надѣленъ всѣми возможными талантами: талантомъ живописца, музыкальнымъ, чиновничьимъ, но въ той степени, какая нужна, чтобы занимать, тѣшить людей, и никогда не приносить имъ ни духовной ни вещественной пользы. Онъ и ораторъ, и берейторъ, и свѣтскій человекъ — и все это въ мѣру, такъ, чтобы ничто не походило на настоящее дѣло или призваніе. Всякое дѣло или призваніе требуетъ участія души и мысли, а душа и мысль у Паншина обращены только къ самому себѣ. Лизавета Михайловна находитъ, что онъ и добрый человекъ: онъ можетъ играть, пожалуй, и добраго человека очень натурально, покуда мелкія страсти, единственно доступныя ему, спятъ спокойно въ нѣдрахъ его пустой груди. Это совершеннѣйшій типъ выправки, которымъ наполнены канцеляріи и салоны Петербурга, смѣшной и позорный въ одно время, если разсмотрѣть его ближе, но очень годный на выставку, когда нужно обмануть глаза образованнаго міра, чего, какъ извѣстно, всѣ мы крѣпко добиваемся. Въ провинціи онъ еще и представитель столичнаго прогресса, высокаго моральнаго и общественнаго развитія, которое тамъ совершилось или совершается.

Такой-то человекъ принялся со всѣмъ усердіемъ и со всѣмъ кокетствомъ, къ какому только способенъ, разрабатывать сердце Лизаветы Михайловны въ свою пользу, и это не изъ одной потѣхи: она успѣла тронуть даже его черствую душу. Мы застаемъ ее въ ту минуту, когда она начинаетъ поддаваться его усиліямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ читатель пораженъ въ ней признаками какого-то невольнаго страха, подозрѣнія и нерѣшительности: это и есть именно обычная работа нравственнаго чувства, замѣняющаго ей опытность и бодрствующаго

надъ ней во всякое время. За блестящей наружностью Паншина, за радужной игрой его артистическихъ притязаній, свѣтскихъ пріемовъ и полупризнаній, не видится благородной дѣвушкѣ моральнаго образа, смутно живущаго въ ея душѣ, не слышится голоса, отвѣчающаго ея предчувствіямъ и вопросамъ. „Подъ конецъ она даже расположена считать свои неопредѣленные требованія, неумолкающіе призывы сердца и нравственной природы, за особенность или уродство своей организаціи, которыя должно таить отъ людей, потому что они никѣмъ не признаются, никѣмъ не угадываются, равны чуждо матери, Паншину, Марѣ Тимофеевнѣ и всему семейству. Она рѣшается отдать свою руку Паншину на одномъ условіи—лишь бы не мѣшалъ онъ ей сдѣлаться доброй женщиной, лишь бы позволилъ прожить вѣкъ наединѣ съ собственной ея мыслью. Почти передъ самымъ рѣшеніемъ этой безразсудной жертвы является изъ-за границы усталый и сильно пораженный домашнимъ несчастіемъ Лаврецкій. Онъ обращаетъ на себя вниманіе Лизы и окончательно отводитъ ее отъ соперника своего, Паншина.

Чѣмъ же дѣлается для нея Лаврецкій? Спусти немного, она опять стоитъ и передъ нимъ въ недоумѣніи, въ раздумьи, опять съ ношей неразрѣшимыхъ вопросовъ и неисполнимыхъ требованій своихъ!

Многимъ показалось страннымъ одно мѣсто въ романѣ. Вскорѣ послѣ того, когда между Лаврецкимъ и Лизой завязались тихія, дружелюбныя отношенія, начинавшія перерождаться, подъ покровомъ взаимной передачи чувствъ и мыслей, въ настоящую любовь, Лизавета Михайловна сказала ему разъ въ неописанномъ волненіи: „вы должны простить вашу жену“. Воскличаніе Лизы было такъ ново для слуха публики, что многіе приняли его за грубую ошибку, за случайную гримасу, исказившую ея фізіономію. Для насъ откровенное слово Лизаветы Михайловны имѣетъ другое значеніе: имъ высказала она ясное пониманіе своего собственнаго положенія, имъ выразила ужасъ къ своей любви, зарождающейся на краю пропасти, и положила ей предѣлъ, да имъ же намѣтила и все, что остается еще дѣлать Лаврецкому въ теченіе его жизни, какъ мы сейчасъ разберемъ подробнѣе.

Во всемъ этомъ, кажется, намъ, трудно усмотрѣть какое-либо потворство быту или извѣстной средѣ жизни, которое оправдывало бы надежды, возложенныя новѣйшими искателями идеаловъ на лицо Лизаветы Михайловны. Совсѣмъ наоборотъ: глубокая, поучительная, но нисколько не сентиментальная драма связана, такъ сказать, со всѣмъ ея существованіемъ. Драма есть уже въ ея появленіи между людьми того круга, которые намъ представлены авторомъ, драма затѣмъ сопровождаетъ каждый ея шагъ, не кончаясь даже и тамъ, гдѣ авторъ кончаетъ повѣсть. Куда скроется Лизавета Михайловна отъ требованій своей мысли? Гдѣ она найдетъ тотъ кровъ, подъ которымъ пугливая совѣсть не можетъ быть потревожена? Есть ли, въ самомъ дѣлѣ, убѣжище для нея? Не выдумана ли тутъ келья, какъ старый, романтическій мотивъ, пригодный къ тому, чтобы завершить романъ чѣмъ-нибудь поприличнѣе?

Постараемся однакожь уяснить самую мысль, которая теплится въ безсвязныхъ словахъ Лизаветы Михайловны, когда она вызываетъ Лаврецкаго на примиреніе съ женой фразами: „Надо будетъ покориться... Я не умѣю говорить, но если мы не будемъ покоряться...“ и прочее. Слѣдуетъ замѣтить вообще, что Лиза никогда не выражается у автора полною и опредѣленною мыслию, но вся состоитъ только изъ побужденій, предчувствій и намековъ, и это по причинамъ, о которыхъ скажемъ послѣ. Мысль ея оставляется на разборъ и догадку читателя, и мы съ своей стороны разбираемъ ее такъ: въ большей части семейныхъ бурь и катастрофъ люди столько же наказываются неизмѣнными опредѣленіями закона, установленія, сколько и тайною моралью, которая неизмѣнно присутствуетъ въ самой жизни. Это сбылось именно съ Лаврецкимъ. Чего искалъ онъ въ женѣ своей? Онъ плѣнился, рассказываетъ намъ авторъ, красотой ея формъ, роскопными линіями тѣла, свободой и граціей ея движеній, наконецъ умомъ, способнымъ чувствовать и понимать разнообразныя эстетическія наслажденія. Самой обаятельной чертой въ ея характерѣ была именно эта склонность искать эстетическія наслажденія всюду вокругъ себя, въ обстановкѣ жизни и обязанностяхъ, налагаемыхъ ею. Въ эпоху молодости Лаврецкаго, лицо, отличное подобными стремленіями, пріобрѣтало общее уваженіе и подчасъ общее удивленіе, какъ за особенный даръ, ниспосланный ему небомъ. Чувство изящнаго, а иногда просто навыкъ въ щегольствѣ и нѣкоторые признаки вкуса, при внѣшнихъ преимуществахъ, ставили лицо или избранницу на недостижимый пьедесталъ въ общественномъ мнѣніи. Говорить тутъ о необходимости какихъ-либо жизненныхъ правилъ и основаній считалось пошлостью, педантизмомъ, „нестерпимой рефлексіей“; пониманіе красоты и эстетическихъ пріличій казалось символомъ пониманія всего остального на свѣтѣ. Но чувство изящнаго, особенно у поверхностныхъ, неглубокихъ натуръ, къ числу которыхъ принадлежитъ большая часть нашихъ любителей и любительницъ изящнаго, служитъ только чѣмъ-то въ родѣ красиваго кокетливаго мостика, сокращающаго и облегчающаго имъ дорогу къ страстямъ и чисто животнымъ упражненіямъ. Надо, впрочемъ, сказать, что Варвара Павловна щедро заплатила мужу за его выборъ. „Не даромъ, — говоритъ авторъ, — вѣяло прелестью отъ всего существа его молодой жены, не даромъ сулила она чувству тайную роскошь неизвѣданныхъ наслажденій: она сдержала больше, чѣмъ сулила“. Оставалось удержатъ Варвару Павловну при себѣ навсегда, но удержатъ ее иначе нельзя было, какъ исчерпавъ до послѣдняго оболла все то добро, которое она принесла съ собою въ домъ, именно красоту и способность наслаждаться; съ послѣднимъ оболломъ она уже становилась безпомощною нищей и ничѣмъ не могла замѣнить потерь своихъ. Но Лаврецкій поступаетъ не такъ. Покуда роскошная парижская жизнь гремитъ въ собственномъ его салонѣ, подъ руководствомъ жены, онъ сидитъ у себя въ кабинетѣ и страстно, лихорадочно, неусыпно учится. Чему именно, зачѣмъ, для какой опредѣленной цѣли — это ему самому

неизвѣстно, это только характеристическая черта его эпохи. Безвыходное занятіе, судорожная любознательность, бросающаяся во всѣ стороны, плаваніе въ море науки безъ компаса, безъ пристани въ виду, — вотъ его дѣло, какъ и любимое дѣло всего поколѣнія современниковъ его. А между тѣмъ Варвара Павловна не ждетъ. Въ характерѣ ея нѣтъ нисколько нравственной бережливости: она скучаетъ богатствомъ красоты, когда нѣтъ возможности тратить его. Не видя близкой руки помогающей, она весело проживаетъ достояніе свое, она принимается бросать его по сторонамъ. Варвара Павловна дѣлаетъ только то, на что призвана, для чего воспитывалась дома и въ казенномъ заведеніи, чего ожидала отъ своей красоты и своего ума. Лаврецкій вывелъ ее на сцену дѣйствія, открылъ ей арену для подвиговъ и за то своевременно получилъ узаконенную плату. Чего онъ могъ ожидать болѣе, выбирая такую жену, что онъ сдѣлалъ для укрѣпленія связи своей, кромѣ предоставленія женѣ полной свободы располагать собою? Онъ виноватъ передъ ней и передъ своею совѣстью почти столько же, сколько преступная жена его виновата передъ закономъ, и приговоръ, изреченный Лизой, по вдохновенію нравственнаго чувства, становится неотразимъ: „надо покориться... надо простить“. Больше ничего не остается дѣлать!

Авторъ не оставилъ безъ разрѣшенія и вопроса, почему умный, серьезный Лаврецкій могъ такъ ошибиться въ выборѣ жены. Для поясненія этого обстоятельства Тургеневъ рассказываетъ намъ исторію всего семейства Лаврецкихъ, начиная отъ прадѣда ихъ, разбойника, грабщика и злодѣйствующаго съ вѣдома, почти съ позволенія общества, до отца, англomана, преобразователя, женившася случайно на крѣпостной дѣвушкѣ и сдѣлавшася трусомъ и тряпкой, по выраженію Гоголя, какъ только жизнь немного серьезнѣе заглянула ему въ лицо. Первый билъ сосѣдей, вѣшалъ „мужиковъ за ребра“, послѣдній заводилъ англійское хозяйство и старался образовать изъ сына своего спарганца, незнакомаго со слабостями человѣческой природы. Такъ было до 1825 года, когда „близкіе, знакомые и пріятели Ивана Петровича (отца нашего героя), подверглись тяжкимъ испытаніямъ“, и самъ онъ вдругъ притихъ и сжался до глубочайшаго ничтожества, до невыразимой пошлости. Всѣ эти страницы у Тургенева, съ ихъ быстрыми, но крупными очерками лицъ, гдѣ проходятъ, почти какъ видѣнія, разоренныя и истасканныя графини о бокъ съ любовниками своими, бѣдныя дворовыя дѣвушки, попавшія въ господа, дикіе помѣщики, подъ взглядомъ которыхъ замираетъ всякая жизнь въ нѣмомъ трепетѣ и безъ сопротивленія, принадлежатъ къ числу мастерскихъ страницъ романа. Это вѣрная, оживленная картина русскихъ образованныхъ поколѣній въ XVIII столѣтіи и въ первой четверти настоящаго. Нужно ли говорить, что она далеко оставляетъ за собой недавнія безобразныя попытки изобразить близкую намъ старину посредствомъ голыхъ выписокъ изъ „записокъ“ и „памфлетовъ“, скрѣпляя ихъ только циническими намеками? Нѣтъ ничего общаго въ картинѣ

Тургенева съ этою возмутительною игрой на почвѣ исторіи, — игрой, которую еще вдобавокъ хотѣли намъ выдать за свободное, творческое созданіе, какъ будто изъ подобранныхъ цитатъ, изъ коллекціи скандальезныхъ анекдотовъ, можетъ выйти что-либо, кромѣ смѣшенія, поясняющаго только малую совѣстливость писателя передъ собою и передъ публикой. Изъ картины Тургенева оказывается, что нашъ Лаврецкій нѣсколько разъ уже былъ надорванъ въ жизни, прежде чѣмъ послѣдняя штука жены подкосила его существованіе. Такъ или иначе, но и тутъ все поколѣніе, къ которому онъ принадлежитъ, раздѣляетъ его участь. Почти каждый изъ его членовъ и разными способами былъ обезсиленъ, прежде чѣмъ явился къ жизни и дѣятельности; жизнь и дѣятельность свалили его только окончательно съ ногъ на землю. На школьныхъ скамьяхъ, на первыхъ порывахъ молодости или дома передъ требованіями воспитателей, начиналась для каждаго нравственная діета, направленная къ укрощенію, извращенію или къ отмѣнѣ природныхъ силъ человѣка. Двадцати-трехъ лѣтъ спартанецъ былъ круглый невѣжда въ наукахъ, а еще болѣе въ жизни. Варвара Павловна явилась первымъ существомъ, которое приняло съ улыбкой и доброжелательствомъ этого юнаго „Алкида“, какъ называетъ его авторъ, описывая его мужественную наружность, скрывавшую младенческое сердце и невѣдѣніе. Алкидъ ничего не разбиралъ. Въ одномъ имени женщины, въ одномъ ея образѣ заключалось для него полное представленіе всего нравственнаго, благороднаго и чистаго въ мірѣ. Когда Варвара Павловна нарушила это представленіе, то она разрушила не одну идею, а цѣликомъ всю жизнь человѣка. Несчастіе, однакожь, было полезно Лаврецкому. Оно смягчило и обработало его душу, надѣливъ ее тѣмъ мудрымъ снисхожденіемъ, о которомъ говоритъ поэтъ, дало пониманіе русской жизни и, подобно спасительному балласту, привлекло его изъ обширныхъ, но неопредѣленныхъ стремленій, къ землѣ, къ роднымъ степямъ, къ нуждамъ, печалямъ и волненіямъ ближнихъ. Все существо его сдѣлалось чрезвычайно добрымъ, симпатическимъ: сердца окружающихъ покоряются ему невольно, увлеченныя его общимъ благорасположеніемъ. Онъ радуется успѣхамъ людей, ихъ радостямъ, какъ собственному счастью, и только, обращаясь на себя, желалъ бы себѣ еще разъ молодости, еще разъ любви и еще разъ жизни. Какъ ни странны и мало разумны подобныя желанія, но они почти сбываются, когда сильный ударъ жениной руки разрушаетъ его воздушный замокъ... Таковъ Лаврецкій, замѣнившій Паншина въ сердцѣ Лизаветы Михайловны.

Послѣ этого длиннаго комментарія читатель нашъ можетъ подумать, что затѣмъ все просто и очевидно въ романѣ, что всѣ цѣли и намѣренія его открыты, что завязка его должна быстро развиваться въ яркую картину и быстро склониться къ неизбѣжной катастрофѣ, уже предугадываемой всѣми. Нѣсколько иначе, однакожь, происходитъ дѣло въ самой повѣсти, показывая еще разъ, что ясность комментарія бываетъ, большею частію, кажущаяся, фальшивая ясность,

и что онъ рѣдко можетъ дать понятіе о тайной, невидимой сторонѣ, какую имѣетъ всякое замѣчательное произведеніе искусства, и какую сухая критическая передача никогда не исчерпаетъ сразу. Благодаря этому свойству, многое выходитъ иначе, чѣмъ мы ожидаемъ; напр. образы главныхъ дѣйствующихъ лицъ написаны авторомъ далеко не съ тою грубою выразительностью, которая совершенно освобождаетъ зрителя отъ труда составлять о нихъ мнѣніе, на что мѣтитъ обыкновенно комментарій; отношенія между лицами далеко не такъ просты, чтобы достаточно было нѣсколькихъ размышленій и намековъ для полного опредѣленія ихъ, и, наконецъ, интрига романа, задержанная въ своемъ теченіи созерцательнымъ настроеніемъ и автора, и героевъ, возникшихъ изъ самаго хода повѣствованія, совсѣмъ не такъ бурно несетъ къ концу, какъ можно было бы предполагать, а напротивъ, задумчиво и роскошно тянется, прежде чѣмъ повернуть ей къ естественному и уже давно открывшемуся истоку. Займемся комментаріемъ и этой второй оборотной стороны романа, какъ сдѣлали уже для болѣе очевидной и яркой его стороны. Особенный смыслъ, о которомъ мы говорили, кажется намъ, сообщенъ роману слѣдующимъ, весьма важнымъ обстоятельствомъ: герои его, Лиза и Лаврецкій, лишены всякой возможности существовать въ мірѣ на тѣхъ основаніяхъ, какія выпали имъ на долю или какія они избрали себѣ. Бѣдственная, роковая невозможность эта оказывается съ перваго появленія ихъ на сцену отсутствіемъ свободнаго движенія, мертвенностью воли и безсиліемъ передъ гнетомъ внѣшняго міра, то-есть всѣми призраками злобщей агоніи, поэтической характеръ которой не спасаетъ однакожъ человѣка отъ гибели. Они стоятъ передъ читателемъ, открытые для всѣхъ житейскихъ бурь и не имѣя ничего въ рукахъ, чѣмъ бы защититься. Со всѣми ихъ качествами, какъ нельзя болѣе походятъ они на тѣхъ страдальцевъ романической школы живописи, которыхъ мы видимъ на картинахъ о бокъ съ орудіями ихъ страданій, покорно принимающихъ всѣ удары враговъ, посылая только угасающій взоръ къ звѣздамъ и ласковому небу. Все ихъ значеніе заключается въ достоинствѣ характера и въ удивительно глубокомъ выраженіи фізіономіи, но существенный признакъ жизни — движеніе — такъ чуждо имъ, что, кажется, съ первымъ шагомъ навстрѣчу обстоятельствъ или на борьбу съ ними они лишились бы всего своего величія. Вотъ почему фигуры Лизы и Лаврецаго написаны авторомъ въ легкомъ полупрозрачномъ тонѣ, который не даетъ усмотрѣть и распознать тотчасъ же ихъ лица и свойственное имъ выраженіе. Мѣсто сильныхъ красокъ жизни замѣнено тутъ безчисленными и тончайшими чертами; каждая изъ нихъ отвѣчаетъ какой-либо тайной сторонѣ ихъ существованія, и каждая будитъ въ душѣ читателя множество личныхъ воспоминаній, множество знакомыхъ и родныхъ уму ощущеній. Удивительное обаяніе, производимое героями, зиждется именно на обилии, выразительности и значеніи этихъ подробностей, бросающихся въ глаза съ перваго же раза, между тѣмъ какъ полный образъ героевъ

возстаетъ уже гораздо позже и требуетъ уже нѣкотораго размышленія. Оно и понятно. Единственная сила, сосредоточивающая челоуѣка, мгновенно объясняющая его для всѣхъ взоровъ, опредѣляющая и обнажающая его, есть опять-таки движеніе или, другими словами, употребленіе воли, борьбы за себя и свои основанія. Но Лиза и Лаврецкій не борются, не отстаиваютъ своей жизни, а только заняты мыслью, какъ бы благороднѣе, достойнѣе и великодушнѣе подчиниться всему, чего потребуютъ и къ чему принудятъ ихъ обстоятельства. Страдательное положеніе есть ихъ удѣлъ на землѣ, и притомъ удѣлъ, столько же данный имъ извнѣ, сколько и взятый на себя по охотѣ, несмотря на нѣкоторыя попытки Лизы и Лаврецкаго освободиться отъ него, противорѣчація основному ихъ характеру и потому всегда неудачныя, какъ бываетъ безслѣдна всякая вспышка. Гдѣ же причина, спрашивается, этого нравственнаго паралича, поразившаго ихъ въ серединѣ жизни? Прежде чѣмъ дѣйствовать на внѣшній міръ, всякому челоуѣку необходимо позаботиться объ устройствѣ и организаціи своего собственнаго личнаго и внутренняго міра. Для того, чтобы вести какую-либо борьбу, необходима твердая точка опоры, которая нигдѣ не найдется, кромѣ насъ же самихъ. У иныхъ, болѣе счастливыхъ поколѣній, первые зачатки нравственнаго капитала, столь нужнаго для развитія природныхъ силъ въ челоуѣкѣ, достаются, такъ сказать, по наслѣдству и даромъ. Лизѣ и Лаврецкому ничего не было оставлено. Вдохновеніе часто приходило на помощь первой, но не освобождало ее совершенно отъ необходимости внутренней работы, а еще менѣе освобожденъ былъ отъ нея Лаврецкій. Они должны были сами наживать всякую общечелоуѣческую мысль, всякое свѣтлое, коренное правило жизни, и притомъ еще безпрестанно повѣрять на самихъ себѣ всякій моральный принципъ, чтобы удостовѣриться, не фальшиваго ли онъ чекана и достоинства. Такъ мало достовѣрности представляли имъ тѣ признанные и законные авторитеты, которымъ другіе народы слѣпо и охотно подчиняются. Но заниматься устройствомъ своихъ домашнихъ, такъ сказать, душевныхъ дѣлъ и въ то же время принимать всѣ вызовы обстоятельствъ и храбро выдерживать безконечныя дуэли съ случайностями жизни — работа вообще очень тяжелая. Лиза и Лаврецкій ограничились одною половиною ея и обратили всю энергію воли исключительно на самихъ себя. Можетъ-быть, покажется страннымъ, что мы говоримъ объ энергіи и волѣ нашей четы послѣ того, какъ признали удѣломъ ихъ на землѣ страдательное положеніе по преимуществу. Оно и точно странно, если глядѣть на нихъ со стороны дѣйствующаго или, по крайней мѣрѣ, волнующагося міра, гдѣ обыкновенно стоитъ читатель, и гдѣ они неохотно, да и весьма неловко, показываются; но если посмотрѣть на нихъ въ ихъ душевномъ ульѣ, въ тайной ихъ работѣ надъ собою, дѣло принимаетъ совсѣмъ другой оборотъ. Со словъ нашего автора мы сказали, что Лаврецкій былъ безсиленъ, прежде чѣмъ наступила пора обнаруженія силъ, и это кажется намъ несомнѣнно въ отношеніи той стороны его существо-

ванія, которая соприкасается съ живымъ и дѣйствующимъ міромъ; со словъ же нашего автора можемъ сказать наоборотъ, что Лаврецкій потратилъ огромное количество труда и силы на другую, нравственную силу своего существованія. Между нимъ и отцомъ его, англоманомъ, лежитъ, напимѣрь, цѣлая бездна развитія, но кто же вырылъ ее, какъ не Лаврецкій-сынъ? Въ превосходныхъ сценахъ, изображающихъ намъ психическое состояніе Лаврецкаго, по полученіи въ Парижѣ несомнѣннаго доказательства измѣны жены и собственнаго позора, мы видимъ, какъ пробуждаются въ немъ мрачныя силы его родоначальниковъ, отцовъ и дѣдовъ его, и какъ твердо побѣждаетъ онъ ихъ въ себѣ. Страшныя испытанія, которымъ подвергаетъ его Варвара Павловна, по возвращеніи въ Россію, никогда не застаютъ его врасплохъ, а находятъ его также насторожѣ противъ грубыхъ инстинктовъ и увлеченія: онъ страстно бережетъ человѣческое гуманное чувство свое, добытое съ такимъ трудомъ, даже передъ коварствомъ и низостью. Плебейская кровь, которая отчасти течетъ въ его жилахъ, помогаетъ его усиліямъ, но не создала ихъ, какъ намекаетъ авторъ не вполне основательно, по нашему мнѣнію: плебейская кровь также нуждается въ обузданіи ея духовнымъ началомъ, можетъ-быть, даже болѣе, чѣмъ какая-либо другая. Энергическое управленіе своимъ внутреннимъ міромъ — вотъ гдѣ единственная доблесть Лаврецкаго, не имѣющаго иной доблести. Этимъ онъ отличается отъ всѣхъ литературныхъ типовъ 20-хъ и 30-хъ годовъ нашего столѣтія, отъ Чацкихъ, Онѣгинныхъ и Печоринныхъ. Чацкій, Онѣгинъ и Печоринъ свободно презираютъ всю окружающую ихъ современность, совсѣмъ не подозревая, что презрѣніе надо бы начать съ самихъ себя и что они составляютъ первое звено той самой современности, которую такъ охотно осмѣиваютъ. Они выдѣляютъ себя изъ толпы безъ малѣйшаго права на то или по праву въ родѣ „вольности дворянской“, и ни разу не пришлось имъ подумать, что измѣненіе порядка вещей, который тяготитъ ихъ, должно не предшествовать измѣненію ихъ собственной жизни, а слѣдовать за нимъ. Лаврецкій менѣе заносчивъ и развязенъ, но онъ серіознѣе ихъ. Не нужно прибавлять, кажется, что мы отдаемъ ему преимущество только за обиліе содержанія, произведенное самимъ ходомъ жизни и времени, а не за выразительность и яркость образа, чѣмъ первые, конечно, далеко превосходятъ его.

Всѣ замѣчанія эти еще въ большей степени прилагаются къ Лизаветѣ Михайловнѣ. Мы сейчасъ говорили о ея врожденномъ нравственномъ чувствѣ, которое есть тоже произведеніе естественнаго хода времени и развитія самой жизни. Лиза постоянно отстываетъ передъ событіями и требованіями дѣйствительнаго міра, ея окружающаго, это правда; но также правда и то, что безъ особенной внутренней энергіи она никогда бы не могла защитить себя такъ полно отъ его условій, притязаній и понятій. Съ своимъ врожденнымъ даромъ пониманія или, лучше, предчувствіемъ высшаго порядка вещей, она проходитъ между людьми удивительно строго и твердо, между тѣмъ какъ внѣшнее ея

существованіе колеблется, безъ малѣйшаго сопротивленія, дуновеніемъ всѣхъ случайностей жизни. Сила ея только въ ея мысли. Но характеръ Лизы, какъ типа современной образованной дѣвушки, лучше всего объясняется сравненіемъ его съ другимъ типомъ того же рода, первымъ по времени и по достоинству, именно съ Татьяной Пушкина.

Между Татьяной Пушкина и вторымъ типомъ русской провинціальной барышни, достойнымъ этого названія, Лизой Тургенева, лежитъ промежутокъ тридцати годовъ, но онъ еще ничего не значитъ въ сравненіи съ бездной, которая раздѣляетъ ихъ въ нравственномъ смыслѣ. Можно ли было въ тридцатыхъ годахъ нашихъ вообразить себѣ русскую дѣвушку съ тѣми чертами и свойствами, какія замѣчаемъ нынѣ у героини новаго романа Тургенева? Необычайно длинное путешествіе совершилъ этотъ образъ съ того времени, какъ впервые показался въ литературѣ нашей. Для того чтобы Татьяна Пушкина могла превратиться въ знакомую намъ Лизу, ей нужно было убѣдиться въ бѣдности и тщетѣ всего, что прежде такъ томило, волновало и занимало ее. Прежняя Татьяна занята исключительно исторіей своей любви, и ни о чемъ другомъ, кромѣ орудія и проводника этой любви, Онѣгина, понятія не имѣетъ, да еще и о немъ понятія ея весьма органиченны и скудны. Зато она исполнена женственности, граціи и страсти, которыя заступаютъ ей мѣсто всѣхъ правилъ и образа мыслей. Еще и до сихъ поръ, по остатку стараго романтизма, любовь понимается многими какъ идея, исключаящая всѣ другія идеи, и съ явленіемъ которой человѣкъ освобождается отъ всѣхъ обязанностей, житейскихъ и нравственныхъ. Влюбленная женщина, по одному тому, что она влюбленная женщина, представляется и теперь существомъ, исполнившимъ на землѣ все, что слѣдовало ему исполнить, изъятымъ отъ суда и мелкихъ ожиданій своихъ собратій по крови и отечеству. Что же было въ тридцатыхъ годахъ? Любовь, какъ священная отмѣтка, положенная на избранника или избранницу чьєю-то невидимою рукою, тотчасъ же выводила ихъ изъ толпы, каковы бы, впрочемъ, ни были ихъ душевныя качества и умственное настроеніе, и вѣчно свѣжая поэзія Пушкина воплотила это понятіе общества въ живомъ типѣ, который останется перломъ его творческой дѣятельности. Блестящая, ослѣпительная красота этого типа не можетъ, однакоже, помѣшать намъ всмотрѣться пристально во всѣ черты его. Татьяна подъ конецъ обнаруживаетъ еще и способность къ сдѣлкамъ со своею совѣстью, какія обыкновенно зарождаются въ обществѣ, еще не имѣющемъ твердыхъ основаній, когда нужно обойти препятствіе или установленіе, слишкомъ строго повелѣвающее. Тогда является тайный кодексъ самовольныхъ правилъ и исключеній, который и дѣйствуетъ рядомъ съ нравственными законами, въ ущербъ имъ и оскорбляя ихъ однимъ своимъ присутствіемъ. Татьяна замужемъ за генераломъ, къ которому ласковъ дворъ и которому она остается безъ любви вѣрна навѣкъ. Это уже способно возбудить подозрѣніе, но она еще любитъ втайнѣ Онѣгина и находится замужемъ — вотъ что положительно дурно, если

не съ точки зрѣнія тѣхъ годовъ, когда говорилъ поэтъ, то съ точки зрѣнія нашей современности, когда многое уразумѣлось проще и правильнѣе. Вѣдь Татьяна обманываетъ тутъ не только свою совѣсть, но и вѣру другого человѣка, хотя все чисто и безукоризненно въ ней по наружности. Далеко не такъ полно и ослѣпительно, какъ Татьяна, выразила себя Лиза въ романѣ Тургенева (да и кому же у насъ подъ силу мѣряться съ Пушкинымъ въ выраженіи!), но она сдѣлала огромное приобрѣтеніе съ тѣхъ поръ, какъ показала впервые Татьяной. Лиза имѣетъ строгія нравственныя основанія; сдѣлки съ совѣстью ей противны; благоговѣніе къ свѣту и къ условнымъ приличіямъ замѣнилось неукротимымъ стремленіемъ направить все свое домашнее, обыденное существованіе въ смыслѣ одной религіозно-моральной идеи, врожденной ей или прибрѣтенной ею. Это уже своего рода героизмъ, а понятіе о необходимости возводить до героизма благородныя побужденія и такъ называемыя добродѣтели не существовало еще во времена Пушкина, да и теперь оно далеко не привычный и далеко не вполне знакомый намъ гость.

Какъ бы то ни было, но покажѣмъ Лизавета Михайловна и Лаврецкій покорно выжидаютъ приговора жизни и обстоятельствъ, не дѣлая ничего, чтобъ обратить его въ свою пользу, смягчить или избѣжать его. Это круглыя сироты извѣстнаго общественнаго быта, и выраженіе тихой и грустной поэзіи, свойственной людямъ, обреченнымъ на жертву съ самаго рожденія, принадлежитъ имъ по праву. Поэзія этого рода создала вокругъ нихъ ровный, свѣтозарный ореолъ, и отъ нихъ разошлась по всему роману. Въ ея кроткой, задумчивой атмосферѣ движется даже бѣлая часть второстепенныхъ лицъ, какъ, напримѣръ, дворовый человѣкъ, старикъ Антонъ, дошедшій, путемъ привычки, до благоговѣнія къ удручавшей его власти, приживалка въ комнатѣ Мары Тимофеевны, музыкантъ Леммъ съ его постоянною благодарностью и вспышками вдохновенія (лицо, впрочемъ, сильно отзывающееся воспоминаніями стараго романтизма) и прочее. Всего болѣе присутствуетъ она въ описаніяхъ, и кто ѣхалъ вмѣстѣ съ Лаврецкимъ въ деревню, послѣ его долгой заграничной жизни, кто жилъ съ нимъ въ глуши его помѣстья передъ степями, получившими для него внятную и знаменательную рѣчь, ходилъ съ нимъ по опустѣлому, тяжелому дому умершей теткы, смотрѣлъ свободно и смѣло разросшійся садъ помѣстья, при тишинѣ едва движущейся и какъ бы замершей жизни, кто, наконецъ, провожалъ съ нимъ верхомъ Лизу, посѣтившую его уединенное жилище, и возвращался съ нимъ опять домой, лунной ночью, переживая въ себѣ сладкое чувство новой привязанности, имъ овладѣвшее, тотъ уже не позабудетъ этихъ впечатлѣній. Томительно и отрадно ложатся они на сердце читателя, наполняя его въ одно и то же время грустью и наслажденіемъ. Есть мгновеніе въ романѣ, когда поэзія, окружающая образы Лизы и Лаврецкаго, достигаетъ своего апогея. Неожиданно разросшійся слухъ о смерти жены Лаврецкаго открываетъ вдругъ и впервые нашей четѣ

виды на счастье. Съ обычной боязню, съ непобѣдимымъ сомнѣніемъ въ возможности его, съ тайными упреками совѣсти, поминутно возстающими въ душѣ ея отъ каждаго самаго незначительнаго обстоятельства, начинаетъ Лиза привыкать къ этой мысли. Она еще вся поглощена борьбой между надеждой и опасеніями, не понимаетъ сама, что съ ней дѣлается, когда разъ застаетъ ее чудная лѣтняя ночь, Лаврецкій, прокравшійся въ садъ, неожиданное свиданіе съ нимъ и первый единственный поцѣлуй любви, сорванный съ ея устъ въ тишинѣ ночи, который отдается въ другомъ мѣстѣ города, у бѣднаго Лемма, вѣроятно, предчувствовавшаго свиданіе юною и вдохновенною сонатой. Надо читать это описаніе въ романѣ, чтобы испытать его обаятельное и потрясающее дѣйствіе; но поцѣлуй, какъ и всѣ надежды четы, длится одно мгновеніе. Онъ какъ будто вызвалъ изъ гроба львицу Варвару Павловну, потому что вслѣдъ за тѣмъ она является въ маленькій городской домикъ Лаврецкаго и умоляетъ его о пощадѣ и прощеніи, въ которыхъ, видимо, нисколько не нуждается. Тогда всѣ расчеты съ жизнію кончаются для Лизы, она рѣшительно порываетъ связь съ людьми, обществомъ, и убѣгаетъ въ монастырь, Лаврецкій тоже пропадаетъ, Богъ вѣсть куда, на долгое время. Чистая поэзія самоотреченія, омываемая ихъ съ самаго появленія на сцену до того, что лишила воли, простора и движенія, теперь окончательно слилась въ безмятежную рѣку надъ ихъ головами. Мудрено ли, что новѣйшіе искатели идеаловъ рукоплещутъ этому покорному отреченію отъ радостей жизни и желали бы сдѣлать его закономъ для всѣхъ людей? Мы лучше хотимъ присоединиться къ тѣмъ чувствительнымъ, которые оплакиваютъ внѣшнюю судьбу и участь четы, хотя слезы наши будутъ пролиты столько же надъ несчастіями Лизы и Лаврецкаго, сколько надъ тѣмъ обстоятельствомъ, что только такую поэзію и можно было автору освѣтить ихъ симпатическіе образы.

Весьма замѣчательно, что и самъ авторъ, кажется, раздѣляетъ это сожалѣніе. Онъ относится къ главнымъ лицамъ своей повѣсти, по нашему мнѣнію, такъ свободно, какъ только можно писателю относиться къ своему собственному произведенію. Конечно, онъ сочувствуетъ страданіямъ своихъ героевъ, болѣетъ вмѣстѣ съ ними всѣми ихъ болѣзнями, но при этомъ онъ не увлеченъ ими и постоянно берегаетъ для себя право суда надъ ними. Это двойное отношеніе къ героямъ выражается у него мимолетными, едва уловимыми чертами, но вы чувствуете, что подъ роскошными поэтическими описаніями его течетъ еще какой-то другой источникъ, который не даетъ имъ переродиться въ болѣзненные, идиллическія произрастенія распущенной фантазіи. Этотъ крѣпящій источникъ есть критическая способность автора, и она одинъ только разъ выступаетъ вполне наружу, именно въ концѣ романа, когда Лаврецкій, съ лирическимъ воодушевленіемъ, благословляетъ молодое, свѣжее поколѣніе, поселившееся въ домъ отсутствующей Лизы, на новую и лучшую жизнь. Для тѣхъ, которые умѣютъ понимать неписанное, источникъ этотъ былъ слы-

чень гораздо ранѣе, чуть ли не съ самаго начала романа. Упреки, какіе можно сдѣлать главнымъ дѣйствующимъ лицамъ романа, уже всѣ сдѣланы авторомъ, прежде читателя, въ собственной своей совѣсти. Стоить только внимательнѣе посмотрѣть, чтобы открыть во множествѣ слѣды повѣряющей и обсуждающей мысли его. Иногда кажется даже, будто романъ написанъ съ цѣлью подтвердить старое замѣчаніе, что великія жертвы, приносимыя отдѣльными лицами ежедневно и по своему произволу, точно такъ же свидѣлствуютъ о болѣзни общества, какъ и великія преступленія, слишкомъ часто повторяющіяся въ немъ. Могло ли это случиться, если бы авторъ не имѣлъ ничего въ виду, кромѣ простой передачи образовъ, представшихъ его воображенію? На фیزیономіяхъ Лизы и Лаврецкаго также, по временамъ, играютъ лучи какой-то другой мысли, чѣмъ ихъ собственная. Какъ ни обаятельно изображена Лиза, какимъ вниманіемъ, участіемъ и любовью ни окружаетъ ее авторъ, но чрезвычайная осторожность въ созданіи этого характера уже показываетъ заботливость автора не проговориться, и видимыя усилія его удержаться на одной съ нимъ высотѣ тоже родились не безъ причины. Отъ превосходнаго образа Лизы, даже и теперь, послѣ тщательной обработки его, все-таки отдѣляется мысль, что зародышъ настоящей поэзіи, питающей сердце, заключается въ свободномъ обмѣнѣ чувствъ, подобно тому какъ условія общественнаго просвѣщенія заключаются въ обмѣнѣ мыслей. Авторъ глубоко сочувствуетъ Лизѣ, но какъ будто боится ея стремленій. Само собою разумѣется, что въ отношеніи Лаврецкаго онъ могъ высказаться опредѣленнѣе. Вотъ почему столько разъ проходитъ у него по всему разсказу о нашемъ героѣ легкое выраженіе осужденія и состраданія, столько разъ наводится читатель, тихо и незамѣтно, на строгій тонъ и приговоръ. При самомъ искреннемъ участіи къ лицу, въ умѣ читателя возникаютъ безпрестанно вопросы, и это именно потому, что самъ авторъ приступалъ къ изображенію лица съ такими же точно вопросами на душѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и оберегаетъ своего Лаврецкаго, его, видимо, томить опасеніе, чтобы кто-нибудь не поднялъ голоса и не сказалъ: „довольно уже надумались мы о прошломъ, и выговорили всѣ свои жалобы, и оплакали его тлетворное дѣйствіе на себя и другихъ: пора или умирать вмѣстѣ съ нимъ, или оттолкнуть его отъ себя, какъ нѣкогда кіевляне отталкивали, на середину Днѣпра, въ быстрину рѣки, стараго бога своего, столько вѣковъ тупо и грозно стоявшаго передъ ними“. Онъ торопится предупредить замѣчаніе, ослабить его дѣйствіе всѣми возможными поясненіями, и заботливость, съ которою придумываетъ извиненія для Лаврецкаго, впадая даже въ преувеличеніе (вспомнимъ похвальбу Лаврецкаго собой и своимъ поколѣніемъ, въ концѣ романа), свидѣлствуетъ, несомнѣнно, что возраженіями нельзя удивить его, и что они заранѣе чувствуемы были имъ въ глубинѣ собственной его мысли. Это двойственное отношеніе къ лицамъ, къ которому, впрочемъ, авторъ приведенъ былъ неизбѣжно свойствомъ

выводимыхъ характеровъ и сущностью самаго повѣствованія, отразилось въ заглавіи романа. „Дворянское гнѣздо“ звучитъ, кажется намъ, весьма иронически и заставляетъ ожидать если не сатиры, то, по крайней мѣрѣ, горькой драмы, взятой изъ нѣдръ извѣстнаго общественнаго круга, а между тѣмъ романъ, носящій такое зловѣщее названіе, весь исполненъ снисхожденія, нѣжной поэзіи и тихой жалобы. Въ простыя эпохи творчества этого бы не могло никогда случиться, но не въ такой эпохѣ живетъ авторъ нашъ, и особенно, не изъ простого и яснаго настроенія, какъ было у предшественниковъ нашихъ, вышли люди, подпавшіе теперь художнической кисти его.

Остается еще третье важное лицо романа, и притомъ единственно живущее всей полнотою жизни, смѣло идущее ко всѣмъ цѣлямъ своимъ, свободно и мастерски управляющее событіями, именно — „львица“ Варвара Павловна. Мы уже говорили о ней, но не можемъ удержаться еще отъ нѣсколькихъ словъ. Торжествующій образъ Варвары Павловны нарисованъ такъ ярко у автора, что почти выходитъ изъ рамы повѣствованія и противорѣчитъ общему его колориту, выдержанному въ томномъ, нѣжномъ полу-свѣтѣ. Существо, болѣе безобразное въ нравственномъ отношеніи и болѣе искушающее и раздражающее въ физическомъ смыслѣ — трудно представить себѣ. Это порожденіе особеннаго рода сборной, такъ сказать, цивилизаціи, которая по частямъ наплываетъ съ разныхъ сторонъ на человѣка, нисколько не заботясь о томъ, гдѣ она ляжетъ, на чемъ ляжетъ и какъ ляжетъ. Она только равно удаляетъ человѣка отъ народныхъ убѣжденій и народныхъ предрасудковъ, отъ духовныхъ стремленій времени и отъ его заблужденій, отъ хорошихъ и дурныхъ сторонъ общаго отечества, замѣщая все это понятіемъ о служеніи самому себѣ или даже потребностямъ своего организма, какъ у нашей львицы, подъ тѣмъ покровомъ щегольства и приличія, какія только нужны не для обузданія чужихъ страстей, а для лучшаго ихъ возбужденія, прикрытія и направленія. Эта цивилизація намъ хорошо извѣстна: мы почасту различаемъ ея признаки у себя дома, преимущественно въ такъ называемыхъ избранныхъ кругахъ общества, и можно полагать, есть не малое количество читательницъ, публично негодующихъ на львицу Варвару Павловну, и втайнѣ, можетъ-быть, бессознательно завидующихъ ея уму и способности наслаждаться жизнью, опрокидывая всѣ препятствія на пути своемъ. Одно лицемеріе еще связываетъ львицу Варвару Павловну съ гражданскимъ обществомъ; не будь лицемерія, она была бы такъ гола, такъ отвратительно свободна, какъ отаитянка или жительница Сандвичевыхъ острововъ. Чему ей покоряться? Во всемъ мірѣ не существуетъ для нея какого-либо обязательнаго правила, такъ внутри ея не существуетъ и признака какого-либо противорѣчія — все ясно и просто для нея, все побѣждено и покорено ею. Оттого силы для борьбы съ людьми въ пользу своихъ интересовъ, неистраченныя на воспитаніе себя, у нея всегда на лицо и дѣйствуютъ всегда открыто, неотразимо и побѣдоносно. Моралистъ

и этнографъ одинаковъ задумаются надъ этимъ образомъ, который такъ полно представляетъ Тургеневъ. Но для львиць, подобныхъ Варварѣ Павловнѣ, недостаточно родной почвы и отечества, гдѣ, по условіямъ жизни и образованія, сцена дѣйствія еще узка и должна довольствоваться партеромъ изъ небольшого числа знатоковъ и цѣнителей этого рода талантовъ. Вотъ почему „львицы“ наши охотно бѣгутъ за границу, гдѣ арена для подвиговъ ихъ значительно расширяется и гдѣ въ самыхъ разнородныхъ кругахъ могутъ онѣ найти полное пониманіе и полное признаніе всѣхъ своихъ доблестей. Столицы Европы наполнены этими героинями, увидѣвшими свѣтъ на родныхъ нашихъ берегахъ Клязьмы, Суры, Камы, иногда и далѣе, иногда въ бѣдномъ, нуждающемся семействѣ. Однакожь и столицы Европы не въ силахъ подчасъ отказать имъ въ удивленіи. Оно и понятно. Явленіе туземныхъ лицъ, европейскихъ Варваръ Павловнъ, возникаетъ отъ заблужденія страстей, отъ извращенія мысли, отъ дѣйствія различныхъ ученій, обуревающихъ общество, наконецъ, просто отъ жажды шума и извѣстности. Онѣ имѣютъ, если не оправданіе, то, по крайней мѣрѣ, своего рода опредѣленіе. Ничего подобнаго нѣтъ въ настоящей, родной нашей Варварѣ Павловнѣ. Она можетъ похвастать, что никогда не поддавалась „гибельнымъ впечатлѣніямъ“ отъ чего бы то ни было, что ни вредное чтеніе, ни опасное размышленіе не участвовали въ образованіи ея вкусовъ, что она такъ же мало обязана своимъ величіемъ увлеченію страсти, какъ и превратному понятію о независимости. Какъ же тутъ не удивляться? Варвара Павловна сама создала себя. Она есть точно такое же самородное, оригинальное явленіе русской жизни, какъ и антиподъ ея, благородная Лизавета Михайловна: ими выражаются два противоположные полюса одного и того же общественнаго развитія.

Ничто такъ не утверждаетъ въ этомъ убѣжденіи, какъ одно обстоятельство, равно приложимое къ обоимъ лицамъ: Варвара Павловна тоже не имѣла никакой опоры внѣ себя для своего бѣднороднаго, хилаго нравственнаго чувства, какъ другая — для строгаго своего идеала. Есть на свѣтѣ множество характеровъ, которые нуждаются болѣе чѣмъ въ обоихъ правилахъ, составляющихъ достоинство всего человѣчества, для того чтобы сберечь свое достоинство и укрѣпить въ себѣ нетвердья понятія о чести. Имъ нужны еще частныя правила разумнаго существованія, требованія, узаконенныя обычаемъ, примѣры, вошедшіе въ силу закона, словомъ — весь тотъ написанный уставъ общезжитія, какой обыкновенно вырабатывается самими народами въ своихъ нѣдрахъ, служить имъ лучшею характеристикою и составляетъ, можетъ быть, высшее ихъ произведеніе: въ немъ различныя національности признаютъ себя какъ нравственныя лица. Подобные кодексы есть у англичанъ, нѣмцевъ, французовъ, но особенно у первыхъ; благодаря этимъ кодексамъ, всѣ личности, кромѣ гражданской и религіозной связи, связываются еще во едино и общимъ представленіемъ житейской морали, составляя, такимъ образомъ, великое, духовное братство. Никто не мо-

жетъ нарушить его, подъ опасеніемъ сильнаго нареканія, и каждый членъ безсознательно стремится возвратитъ къ нему всякаго ослушника. На эти готовыя указанія долга и порядка именно опираются люди, имѣвшіе несчастье родиться безъ внутренней потребности къ воспитанію себя, и, дѣйствительно, при бѣдности натуры, тутъ заключается единственное спасеніе для человѣка. Ничего подобнаго у насъ нѣтъ. Каждый человѣкъ у насъ есть единственный руководитель, оцѣнщикъ и судья своихъ поступковъ. Мы не можемъ согласиться другъ съ другомъ ни въ одномъ, самомъ простомъ и самомъ очевидномъ нравственномъ правилѣ, мы разнимся во взглядахъ на первоначальныя понятія, на азбуку, такъ сказать, ученія о человѣкѣ. Представленія о дозволенномъ и недозволенномъ, въ различныхъ кругахъ нашего общества, до такой степени разнородны и противорѣчивы, что поступокъ, выставлемый на позоръ одною стороною, даетъ поводъ наивно похвастаться имъ другою стороною. Все это называется свободой жизни. Многіе даже смотрятъ на самое явленіе какъ на весьма выгодное для общественнаго положенія, не связаннаго никакими путами, никакими узкими и тираническими опредѣленіями обычая, и потому способнаго широко развиваться во всѣ стороны. Не знаемъ, такъ ли это, но, по крайней мѣрѣ, умноженіе лицъ, подобныхъ Варварѣ Павловнѣ, въ послѣднее время, и наглые примѣры откровеннаго заявленія своего безумія, безпрестанно встрѣчающіеся, несомнѣнно, свидѣтельствуютъ, кажется, что намъ покамѣстъ еще нечего гордиться этою свободой.

Какъ ни длинна статья наша, но рѣшаемся сдѣлать еще одно послѣднее замѣчаніе.

Говорятъ, что мы молодой народъ, и это правда, если принять въ соображеніе недостаточное развитіе многихъ сторонъ общественнаго быта; но если судить по свойству нашихъ пороковъ и даже добродѣтелей, то мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, и очень старый народъ. Возьмите, на примѣръ, жизнь того класса, который выведенъ передъ нами въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“. Развѣ порокъ не пріобрѣлъ тутъ изящества, тонины и замысловатости, совершенно чуждыхъ народамъ, дѣйствительно, юнымъ? Но оставимъ отрицательную сторону и присмотримся только внимательнѣе къ лучшей, положительной сторонѣ нашего быта. Спрашивается: какое общество, только что начинающее свое поприще, только что вышедшее изъ дѣтства, способно чувствовать и переживать то горе, которымъ страдаютъ герои „Дворянскаго гнѣзда“? Мы сомнѣваемся даже, чтобъ оно могло просто слѣдить за хитрою сѣткою разнородныхъ нравственныхъ требованій, которою опутаны мысль и воля честнѣйшихъ и лучшихъ людей, выведенныхъ передъ нами авторомъ. Нужно было обществу многое пережить на свѣтѣ, прежде чѣмъ успѣла образоваться въ немъ эта неутомимая повѣрка своихъ стремленій, это тяжелое созданіе идеаловъ жизни на развалинахъ другихъ идеаловъ, данныхъ исторіей, это духовное скитанье, смѣемъ выразиться, изъ одного нравственнаго представленія въ другое, которое обнаруживается отчасти въ Лизѣ и уже такъ развилось въ Лаврецкомъ. Конечно, позволено

будетъ сказать, что кругъ, гдѣ они родились, старъ если не годами, то раннею, преждевременною опытностью: даже доблести его и самый героизмъ далеко не юношескіе, а скорѣе того круга, который находится въ порѣ зрѣлости, уже граничащей съ утомленіемъ. Добродѣтели молодости всегда и проще, и менѣе подготавливаются, и обнаруживаются свободнѣе. Исторія воспитанія Лаврецкаго, разсказанная авторомъ, поясняетъ намъ, отчего на молодыхъ фізіономіяхъ могутъ показываться черты и признаки старчества. Если это такъ, то, во-первыхъ, ироническое названіе „Дворянскаго гнѣзда“, данное кругу, изъ котораго вышелъ Лаврецкій, само собою оправдывается, а во-вторыхъ необходимость обновленія, упрощенія и освѣженія этого круга становится очевидна. Пророчествомъ близкаго обновленія кончается и самый романъ Тургенева: послѣднее слово его есть воззваніе къ молодому поколѣнію, являющемуся на смѣну стараго и съ новою жизнью и новыми понятіями. Такъ и должно было кончить все это повѣствованіе: иначе оно вышло бы апоѳеозой немощи и страданія, подтвержденіемъ того антиобщественнаго правила, по которому нравственное достоинство никогда не должно имѣть въ жизни гордаго и смѣлаго шага, а всегда или падать, или влачиться за другими, какъ калѣка.

Да и не одному кругу Лизы, Лаврецкаго, Варвары Павловны необходимо, кажется, обновленіе, а всѣмъ классамъ общества, безъ исключенія котораго-либо изъ нихъ, и если мысль эта имѣетъ какую-либо долю истины, то писателямъ нашимъ предстоитъ важная роль въ обществѣ, потому что всякое дѣло нравственнаго свойства всегда было предчувствуемо ими ранѣе, чѣмъ другими, и въ минуту своего свершенія всегда находило ихъ за себя и въ переднихъ рядахъ. Невольно припоминается это теперь, когда встрѣчаются изъ писателей софисты, испытывающіе странное наслажденіе публично бичевать себя, взывая съ сокрушеннымъ сердцемъ: „мы ничего не сдѣлали, мы ни на что неспособны, и благодать приходитъ къ намъ отъ тѣхъ, кто мало мыслить, ничему не учится и плохо видитъ!“ Особенно въ отношеніи къ нашему автору требованія публики могутъ и должны быть чрезвычайны строги и взыскательны.

Тургеневъ уступаетъ другимъ современнымъ нашимъ повѣствователямъ, пользующимся извѣстностью, въ нѣкоторыхъ качествахъ, а особенно въ качествѣ непосредственнаго невольнаго творчества, овладѣвающего предметами описанія сразу, по инстинкту и, такъ сказать, по естественной потребности своей. Онъ долженъ думать и много думать, прежде чѣмъ обнаружится въ немъ какая-либо сторона создающей силы: такъ, по крайней мѣрѣ, намъ кажется изъ тщательнаго изученія его произведеній. Но взамѣнъ ни у одного изъ нашихъ повѣствователей нѣтъ такого чутія къ тончайшимъ поэтическимъ оттѣнкамъ жизни, такого остраго психическаго анализа и такого пониманія невидимыхъ струй и теченій общественной мысли, которыя пересѣкаютъ въ разныхъ направленіяхъ современный бытъ нашъ. Вотъ почему всегда отъ него можно ожидать именно того слова, которое на

очереди, или которымъ занято большинство умовъ. Преимущество это, кромѣ таланта, условливается и обширностью горизонта, какимъ пользуется его мысль: оно отличаетъ даже многіе изъ прежнихъ его разсказовъ, стоящіе, по исполненію, ниже задачъ, набросанныхъ имъ для разрѣшенія. При такихъ качествахъ невозможно писателю смотрѣть на предметы постоянно съ одной точки зрѣнія или не видѣть, какъ приближается время ихъ измѣненія, и какъ возстаетъ за ними рядъ новыхъ явленій, имѣющихъ право требовать, чтобы поэтъ-этнографъ обратился къ нимъ лицомъ. До сихъ поръ Тургеневъ былъ избранный и непревосходимый лѣтописецъ безвыходныхъ положеній. Какъ ни удобны, для развязки потрясающей драмы, такъ называемыя „безвыходныя положенія“ вообще, но и для нихъ наступила пора преобразованія. Можно требовать теперь, по крайней мѣрѣ, чтобы „безвыходныя положенія“ рождались изъ естественнаго теченія и развитія обстоятельствъ, изъ свободной воли самихъ лицъ, выбравшихъ себѣ дорогу посреди множества дорогъ, и не походили на стѣну, поставленную какою-то невидимой рукой поперекъ пути, на которую неизбѣжно наталкиваются всѣ проѣзжающіе и проходящіе, и подъ тѣнью которой умираютъ, не зная, что имъ дѣлать. Настроеніе, родившее всѣ прежніе романы Тургенева, исчерпано послѣднимъ „Дворянскимъ гнѣздомъ“, кажется намъ, до капли. „Дворянскимъ гнѣздомъ“ авторъ завершилъ всѣ старыя свои представленія, всѣ образы, тревожившіе душу его въ теченіе многихъ лѣтъ: онъ возвелъ ихъ, наконецъ, до полного выраженія и тѣмъ самымъ простился съ ними навсегда. Таково обычное дѣйствіе мастерскихъ произведеній на самого писателя. Мастерскимъ своимъ произведеніемъ авторъ окончательно снимаетъ съ себя многолѣтнюю работу и отгоняетъ прочь цѣль мыслей и образовъ, деспотически владѣвшихъ его фантазіей до минуты ихъ всесторонняго осуществленія. Мастерское произведеніе есть желанный конецъ творческаго пути, съ которымъ забываются волненія и страданія дороги, вмѣстѣ со всѣми ея волненіями: память о нихъ есть уже достояніе исторіи и записокъ. Послѣ него, какъ послѣ мистическаго возрожденія, жизнь должна начинаться сызнова, и счастливъ тотъ художникъ, который, такимъ образомъ, можетъ становиться нѣсколько разъ духовно-юнымъ, чувствовать себя нѣсколько разъ безъ прошлаго и не замѣчать въ фантазіи своей ни малѣйшаго признака закоренѣлой привычки или застарѣлыхъ вкусовъ и наклонностей. Этого именно имѣемъ мы право и поводъ ожидать отъ Тургенева.

Анненковъ.

Религіозное чувство и альтруизмъ Лизы въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“.

Прежде всего я попрошу читателя припомнить главу XXXV, гдѣ говорится о воспитаніи Лизы, о вліяніи на нее Агаѣи, этой въ своемъ родѣ необыкновенной женщины. Изъ этой же главы, однако, мы выносимъ убѣжденіе въ томъ, что вліяніе Агаѣи могло оказаться

столь могущественнымъ только потому, что сама натура Лизы была отъ рожденія надѣлена задатками глубокой, всепоглощающей религіозности. Когда Агабья рассказывала ей „о Пречистой Дѣвѣ, о святыхъ угодникахъ, которые жили въ пустыняхъ, терпѣли голодь и нужду и — царей не боялись, Христа исповѣдовали“, Лиза слушала и проникалась очарованіемъ этой религіозной эпопеи такъ, какъ это возможно только для природы, одаренной исключительной глубиной и широтою религіознаго чувства. Она слушала, „и образъ вездѣсущаго, всезнающаго Бога съ какой-то сладкой силой втѣснялся въ ея душу, а Христость становился ей чѣмъ-то близкимъ, знакомымъ, чуть не роднымъ“ ...

Какова же была религія Лизы?

Приведенныя выше слова („образъ вездѣсущаго, всезнающаго Бога съ какой-то сладкой силой втѣснялся въ ея душу“ ... и т. д.) уже даютъ намъ точку опоры для сужденія о религіозномъ чувствѣ Лизы. Очевидно, въ этомъ чувствѣ *страхъ* Божества если не совсѣмъ отсутствовалъ, то, по крайней мѣрѣ, игралъ роль второстепенную; немного значенія имѣла также и философская (метафизическая) сторона идеи Божества. На первомъ планѣ была у Лизы *мистическая любовь*, въ которой отразилась вся глубина, вся нѣжность, вся искренность и чистота ея природы. „Вся проникнутая чувствомъ долга, боязнью оскорбить кого бы то ни было, съ сердцемъ добрымъ и вроткимъ, она любила всѣхъ и никого въ особености; она любила одного Бога восторженно, робко, нѣжно“.

Это религіозное настроеніе въ Лизѣ всегда налицо, и религіозное чувство всегда бодрствуетъ. Для нея нѣтъ религіозныхъ будней. Она вся проникнута и просвѣтлена этимъ мистическимъ началомъ, которое образуетъ неотъемлемую часть ея существа. Оно всегда при ней, какъ при ней — ея чистота, ея доброта, ея нѣжность. Это владеть на Лизу особый отпечатокъ. Она является передъ нами озаренною какимъ-то внутреннимъ свѣтомъ, придающимъ ей несказанную прелесть. Самая обыкновенная самая мелкая и прозаическая душа въ моментъ религіознаго умиленія преобразуется и становится по-своему глубокой и значительной, и самое пошлое лицо — въ эту минуту экстаза — облагорожено вдохновеніемъ. Но пройдетъ это „чудное мгновеніе“, и мелкая душа опять станетъ мелкой, и пошлое лицо снова приметъ свое обычное выраженіе. Лиза родилась и живетъ — „преображенной“. Всѣ силы души у нея направлены на мистическую любовь къ Богу, а ея умъ занятъ проблемой смерти. „Христіаниномъ нужно быть“, говоритъ она Лаврецкому, „не для того, чтобы познать небесное... тамъ... земное, а для того, чтобы каждый человѣкъ долженъ умереть“. По ея собственному признанію, она часто думаетъ о смерти (гл. XXVI). Почему же она часто думаетъ о смерти? Боится ея? Очевидно, нѣтъ. Она не изъ числа тѣхъ малодушныхъ, которые такъ подвержены страху смерти. Она думаетъ о смерти потому, что больше всего любитъ Бога и притомъ — любить его своеобразно, по существу должно быть въ извѣстномъ смыслѣ „отвлеченнымъ“, какъ лю-

бовъ къ идѣе, истинѣ, женски, внося въ это чувство (которое, по существу, должно быть въ справедливости) много непосредственности, женской нѣжности, влюбленности, беззавѣтности. Вся проникнутая этимъ живымъ мистическимъ чувствомъ, она не можетъ быть такъ привязана къ радостямъ, къ счастью земной жизни, какъ другія женщины, и смерть, этотъ страшный и таинственный актъ, занимаетъ ея умъ, лишь какъ переходъ къ другому, высшему существованію. Оттуда и это равнодушіе къ жизни, и эта боязнь грѣха, дурного помысла, и способность съ легкимъ сердцемъ отречься отъ эгоистическаго земнаго счастья и, наконецъ, свобода отъ власти земной женской любви.

Ея основное чувство есть также альтруизмъ — очень широкій, всечеловѣческій, христіанскій въ настоящемъ, евангельскомъ смыслѣ: онъ подчиняется завѣту „любите враговъ вашихъ, дѣлайте добро ненавидящимъ васъ“. Онъ — одна чистая, безпримѣсная любовь, безъ вражды и ненависти, — любовь, являющаяся выраженіемъ того наивысшаго, этическаго начала, которое дано въ нагорной проповѣди. Лиза всѣхъ любитъ, жалѣетъ и прощаетъ, — даже Паншина и жену Лаврецкаго. Она органически неспособна ненавидѣть — напр., дурного, злого человѣка за то, что онъ золь; она будетъ только скорбѣть и молиться о немъ. Такая любовь — не отъ міра сего, и душа, ею движимая, не призвана жить, трудиться и бороться въ этомъ грѣшномъ мірѣ.

Лиза стремится въ сущности „къ свободѣ и покою“, къ свободѣ отъ тягостныхъ ей связей съ людьми, отъ гнетущихъ ее противорѣчій жизни, отъ неизбежныхъ „въ мірѣ“ грѣховъ и компромиссовъ, — къ покою души, къ наполняющей ея душу несказаннымъ блаженствомъ близости къ Божеству въ монастырѣ, къ мистическимъ восторгамъ религіозной жизни. Но это высокое счастье она заслужила; она его купила цѣною огромной жертвы — она отказалась ради него отъ счастья съ любимымъ человѣкомъ. Это счастье было вполне возможно, и отъ нея зависѣло его осуществленіе. Чтобы понять всю громадность этой жертвы, нужно вспомнить, что любовь Лизы и Лаврецкаго была любовь глубокая и могущественная, основанная не на скоропреходящемъ увлеченіи, а на внутреннемъ сродствѣ душъ, — эта была любовь на всю жизнь, она сулила настоящее, прочное счастье, то рѣдкое поэтическое счастье, ради котораго люди такъ легко отрекаются отъ высшихъ идей, отъ религіи, отъ идеаловъ, и только такіа рѣдкія натуры, какъ Лиза, способны принести въ жертву высшимъ, великимъ стремленіямъ души.

Итакъ, эта была жертва, это былъ подвигъ самоотреченія.

И это жертвоприношеніе было совершено силою мотивовъ *чисто нравственнаго* порядка. Вспомнимъ здѣсь сцену въ концѣ главы XLII.

„ — Да, — сказала она глухо: — мы скоро были *наказаны*.

„ — Наказаны, — повторилъ Лаврецкій... — За что же вы-то наказаны?

„ Лиза подняла на него свои глаза. Ни горя ни тревоги они не выражали...

„ Сердце въ Лаврецкомъ дрогнуло отъ жалости и любви.

„ — ...Все кончено, — прошепталъ онъ; — да, все кончено — прежде чѣмъ началось.

„ — Это все надо забыть, — проговорила Лиза... — Намъ обоимъ остается исполнить нашъ долгъ. Вы, Федоръ Ивановичъ, должны примириться съ вашей женой.

„ — Лиза!

„ — Я васъ прошу объ этомъ; этимъ однимъ можно загладить... все, что было...

„ — ...Хорошо, — проговорилъ сквозь зубы Лаврецкій: — это я сдѣлаю, положимъ; этимъ я исполню свой долгъ. Ну, а вы — въ чемъ же вашъ долгъ состоитъ?

„ — Про это я знаю.

„ Лаврецкій вдругъ встрепенулся.

„ — Ужь не собираетесь ли вы выйти за Паншина? — спросилъ онъ.

„ Лиза чуть замѣтно улыбнулась.

„ — О, нѣтъ! — промолвила она!

Не трудно видѣть, что Лизой движетъ мотивъ не какого-нибудь иного, какъ именно нравственнаго или точнѣе нравственно-религiознаго порядка. Она считаетъ дѣломъ грѣшнымъ, безнравственнымъ строить свое счастье на несчастьи другихъ. Отнять Лаврецкаго отъ его семьи, хотя бы и нелюбимой имъ и чуждой ему, она признаетъ почти преступленiемъ, подлежащимъ наказанiю. Для нея не подлежитъ сомнѣнiю что, отнимая у семьи Лаврецкаго, она нарушитъ святость брака, лишитъ жену Лаврецкаго мужа, его дочь — отца, его самого — возможности простить, а ее (madame Лаврецкую!) — возможности раскаяться и загладить свое прошлое. Свой чистый порывъ, свою любовь къ Лаврецкому она признаетъ поэтому грѣховными, себя считаетъ недостойной счастья, само счастье — невозможнымъ и нежелательнымъ, разъ оно сопряжено съ компромиссами, съ нарушенiемъ чьихъ-то, хотя бы фиктивныхъ, правъ. Возвращенiе жены Лаврецкаго ей представляется поэтому предостереженiемъ свыше и даже наказанiемъ за грѣховное, по ея мнѣнiю, чувство. „Теперь вы сами видите, что счастье не отъ насъ, а отъ Бога“, говоритъ она Лаврецкому.

Но этого мало. Нравственныя основанiя самоотреченiя Лизы оказываются еще глубже:

Въ сценѣ, гдѣ Лиза объявляетъ тетущкѣ, несравненной Марей Тимоѣевнѣ, о своемъ рѣшенiи пойти въ монастырь, она говоритъ, между прочимъ: „...Я рѣшилась, я молилась, я просила совѣта у Бога, все кончено, кончена моя жизнь съ вами. Такой урокъ не даромъ: да я ужъ не въ первый разъ объ этомъ думаю. Счастье ко мнѣ не шло; даже когда у меня были надежды на счастье, сердце у меня все щемило. Я все знаю, и свои грѣхи, и чужiе, и какъ папенька богатство нажилъ; я все знаю. Все это отомолить, отомолить надо...“ (Гл. XLV).

Овсяннико-Куликовскiй.

Живая вѣра, живая любовь къ Богу и міру, вѣчныя начала, воспринятія изъ религіи и роднящія съ народомъ, — обаятельныя черты Лизы.

Лаврецкій, возвратившійся на родину, съ усталою душою, съ незажившею, сочащеюся сердечною раной, тотчасъ же чувствуетъ успокоивающее дѣйствіе того полузабытаго вѣянія, которое снова коснулось души его. Онъ не поселился въ Лаврикахъ, гдѣ все ему напоминало и ослѣпившую его страсть къ женѣ, и годы дѣтства и юности, омраченные безпокойною суетливостію его отца, ломавшего мальчика на свой образецъ, и страданія матери, отъ которой онъ былъ отъединенъ и оторванъ, и слишкомъ скоро сбывшееся зловѣщее пророчество тетки Глафиры о томъ, что не свить ему гнѣзда нигдѣ. Онъ поселился въ Васильевскомъ, въ маленькой своей деревушкѣ, и его тотчасъ же охватило вѣяніе преданія, вѣяніе глубокой тишины. Эта тишина вошла въ его душу и подѣйствовала на него какъ благотворный, тихій сонъ на больного, только что перенесшаго кризисъ. „Вотъ когда я на днѣ“, думалъ Лаврецкій, — и чувствовалъ, что здѣсь, на днѣ русской жизни, гдѣ совершается живая и таинственная работа нашихъ духовныхъ силъ, прибыло силы и бодрости въ душѣ его.

„И всегда, во всякое время неспѣшна здѣсь жизнь“, думалъ Лаврецкій. — „Кто входитъ въ ея кругъ, покоряйся: здѣсь не зачѣмъ волноваться, нечего мутить; здѣсь только тому и удача, кто прокладываетъ свою тропинку не торопясь, какъ пахарь борозду плугомъ. И какая сила кругомъ, какое здоровье въ этой бездѣйственной тиши! Вотъ тутъ подъ окномъ коренастый лопухъ лѣзетъ изъ густой травы; надъ нимъ вытягиваетъ зѣря свой сочный стебель, богородицины слезки еще выше выкидываютъ свои кудри; а тамъ дальше, въ поляхъ, волнуется рожь, и овесъ уже пошелъ въ трубочку, и ширится во всю ширину свою каждый листъ на каждомъ деревѣ, каждая травка на своемъ стеблѣ. „На женскую любовь ушли мои лучшіе годы“, продолжаетъ думать Лаврецкій, — „пусть же вытрезвить меня здѣсь скука, пусть успокоить меня, подготовить къ тому, чтобъ и я умѣлъ не спѣша дѣлать дѣло“. И онъ снова принимался прислушиваться къ тишинѣ, ничего не ожидая и въ то же время какъ будто безпрестанно ожидая чего-то: тишина обнимаетъ его со всѣхъ сторонъ, солнце катится тихо по спокойному синему небу; и облака тихо плывутъ по немъ; кажется, они знаютъ, куда и зачѣмъ они плывутъ. Въ то самое время въ другихъ мѣстахъ на землѣ кипѣла, торопилась, грохотала жизнь; здѣсь та же жизнь текла неслышно, какъ по болотнымъ травамъ; и до самаго вечера Лаврецкій не могъ оторваться отъ созерцанія этой уходящей, утекающей жизни; скорбь о прошедшемъ таяла въ его душѣ, какъ весенній снѣгъ, — и, странное дѣло! — никогда не было въ немъ такъ глубоко и сильно чувство родины“.

Итакъ, Лаврецкій погрузился „на дно рѣки“, душа его уже готова раскрыться, чтобы воспринять въ себѣ эту тишину, полную затаенной мысли, свѣтящуюся изнутри постояннымъ, ровнымъ свѣтомъ. Лаврецкій задумался надъ этой жизнью, и въ немъ какъ бы сама эта жизнь задумалась надъ собой. Онъ какъ бы внялъ голосу поэта:

. жить въ самомъ себѣ умѣи
Есть цѣлый міръ въ душѣ твоей
Таинственно волшебныхъ думъ;
Ихъ заглушить наружный шумъ,
Дневные ослѣплять лучи:
Внимай ихъ пѣнью — и молчи...

И, прислушавшись къ этой тишинѣ въ своей душѣ и къ тишинѣ жизни, текущей неслышно, „какъ вода по болотнымъ травамъ“, онъ чувствовалъ, что здѣсь скрыто что-то безконечно значительное, таинственное и глубокое. Нужно было, чтобы это безконечно значительное прикоснулось къ его душѣ реально, какъ прикасался Христосъ Своими божественными перстами къ страждущимъ, и исцѣлило ее, эту уставшую, смятую ложью жизни душу.

И предъ нимъ предстало это безконечно значительное, вышедшее изъ нѣдръ той же жизни, хранящей въ задумчивой своей тишинѣ свою тайну: передъ нимъ предстала Лиза. Она прикоснулась къ его душѣ — и душа эта расширилась, ожила, затрепетала новою, невѣдомою для нея жизнью... Въ Лизѣ, которую онъ полюбилъ, для него слилось все: и любовь къ родинѣ, и религиозное чувство, жившее въ его душѣ — слилось все — и все нашло свое объясненіе; онъ почувствовалъ всѣмъ своимъ существомъ, въ чемъ заключена тайна той тишины, къ которой онъ такъ чутко прислушивался. Любовь Лаврецкаго къ Лизѣ не отдѣляется въ душѣ его какъ особое чувство, она есть какъ бы высшее выраженіе всей его душевной жизни. Вотъ почему его любовь такъ чиста и свята, такъ цѣломудренна, вотъ почему эта любовь дала ему силу выдержать безконечно тяжкое испытаніе, вотъ почему эта любовь — сильнѣе смерти, сильнѣе вѣчной разлуки... Лиза умерла для Лаврецкаго, но любовь къ ней одухотворила его жизнь, подняла его на высоту того смиренія, въ ореолѣ котораго онъ въ послѣдній разъ проходитъ передъ нами въ концѣ романа.

Послѣ посѣщенія Калитиными Васильевскаго, еще не имѣя оказавшагося потомъ ложнымъ извѣстія о смерти жены, не питая никакихъ надеждъ, но уже чувствуя себя во власти Лизы, вспоминая ее образъ, ея слова, Лаврецкій произноситъ стихъ, недавно слышанный имъ отъ энтузіаста Михалевича.

Все время, возвращаясь верхомъ домой, онъ думалъ о Лизѣ, думалъ, самъ того не замѣчая, какою-то внутреннею думой.

„Онъ долго ѣхалъ“, читаемъ мы въ романѣ, — „понутивъ голову, потомъ выпрямился, медленно произнесъ“:

И я сжегъ все, чему поклонялся,
Поклонился всему, что сжигалъ...

Да, онъ сжегъ все, чему поклонялся. Образъ Лизы вошелъ въ его душу — и въ этой душѣ сгорѣло все нечистое, страстное, безпокойно сомнѣвающееся, все, что осталось отъ чада жизни, прожитой имъ.

Михалевичъ въ своихъ стихахъ воспользовался только однимъ старымъ изреченіемъ. Когда святой Ремигій обратилъ Клодвига въ христіанство и обращенный спросилъ его, что же онъ долженъ теперь дѣлать, такъ какъ онъ христіанинъ, святой Ремигій произнесъ свой знаменитый отвѣтъ: „Сожги все, чему ты до сихъ поръ поклонялся, поклонись всему, что ты сжигалъ“.

Лиза своимъ взглядомъ, своими простыми и глубокими словами о жизни и смерти, всѣмъ обаяніемъ своей дѣвственной чистоты, не нарушенной никакимъ страстнымъ помысломъ, безъ словъ сказала Лаврецкому тѣ же властные слова: „Сожги все, чему ты до сихъ поръ поклонялся, поклонись всему, что ты сжигалъ“. И онъ сжегъ все, чему поклонялся: оно само собой сгорѣло въ душѣ его; и онъ поклонился тому, что сжигалъ на огнѣ плотской страсти — поклонился душевной красотѣ русской женщины и Тому, Кто создалъ эту красоту: „давно онъ не былъ въ церкви, давно не обращался къ Богу“... но теперь, когда онъ вмѣстѣ съ Лизой вошелъ въ храмъ, — „чудное умиленіе наполнило его душу... всѣмъ помысломъ своимъ онъ повергнулся ницъ и приникъ смиренно къ землѣ“.

И уже долго спустя, утративъ Лизу навсегда, готовый встрѣтить „одинокую старость“, онъ душою своею склоняется предъ Нимъ же, предъ лицомъ „ожидающаго Бога“...

Лиза прикоснулась къ его душѣ, и онъ отошелъ отъ нея — исцѣленный...

Душевная красота дана была Лизѣ отъ природы, но именно вѣяніе одухотворенной тишины, подспудной жизни съ затаившимся въ ней преданіемъ, съ хранимымъ въ ней немеркнущимъ свѣтомъ — именно вѣяніе этой тишины охранило душевную красоту Лизы, осмыслило ее, дало ей форму.

„Наружный шумъ“ никогда не врывается въ тотъ міръ „таинственно волшебныхъ думъ“, который былъ въ душѣ Лизы, не мѣшалъ ей внимать себѣ, прислушиваться ко внутреннему голосу своей души, и она сама того не зная, исполняла завѣтъ поэта:

Взрывая, возмутишь ключи,
Питайся ими и молчи!

Она, въ тишинѣ, питалась этими ключами, просачивавшимися въ ея душу изъ окружавшаго ее міра замершаго преданія. Впечатлѣнія жизни она молча „слагала въ сердцѣ своемъ“ — и все нарастало и нарастало ея душевное богатство.

Въ ея жизнь не врываются никакіе чуждые элементы, какъ въ жизнь Лаврецкаго, ея никто не ломалъ, какъ ломали Лаврецкаго, надъ ней никто не мудрилъ, какъ мудрили надъ нимъ. Правда, поверх-

ность той жизни, изъ глубины которой питалась ея душа, была мертвенная и омертвѣвшая, — но эта мертвенная и омертвѣвшая среда мало вліяла на Лизу. Отець ея, практикъ и дѣлецъ, вѣчно погруженный въ свои расчеты, мало обращалъ на нее вниманія, мать — пустая эгоистка — всѣ заботы о ней ограничивала тѣмъ, что наряжала ее, какъ куклу, но не только не вмѣшивалась въ ея внутреннюю жизнь, а врядъ ли даже подозрѣвала, что у ребенка, потомъ у дѣвочки и у дѣвушки есть внутренняя жизнь — такъ мало этой внутренней жизни было у самой Марьи Дмитриевны. Гувернантка, учителя — все это скользнуло мимо Лизы, не затрогивая ея души. Но съ самаго младенчества эту душу наполнило собою чувство религиозное. Няня ея Агаѣя, тетка Марѣя Тимоѣевна, всѣми корнями вросшія въ почву, созданную преемственнымъ преданіемъ, дали ей первыя дѣтскія впечатлѣнія. А весь складъ натуры Лизы былъ таковъ, что впечатлѣнія глубоко западали въ ея душу и усваивались въ тайной, но непрерывной работѣ мысли. Глаза ея, еще ребенка, говоритъ Тургеневъ, „свѣтились тихимъ вниманіемъ и добротой, что рѣдко въ дѣтяхъ“. „Она задумывалась не часто“, читаемъ мы далѣе — „но почти всегда не даромъ; помолчавъ немного, она, обыкновенно, кончала тѣмъ, что обращалась къ кому-нибудь старшему съ вопросомъ, показывавшимъ, что голова ея работала надъ новымъ впечатлѣніемъ“.

Немного рассказываетъ намъ Тургеневъ о внутренней жизни Лизы вообще и о внутренней ея жизни въ дѣтствѣ — въ особенности. Чутьемъ художника уловилъ онъ немногія черты ея души, но онѣ такъ и остались для него неясными. Чутье же художника подсказало ему и ту осторожность, почти робость, съ которыми онъ рисуетъ ея образъ. Образъ этотъ сдѣланъ твердою, но уже слишкомъ осторожною рукой. Художникъ боится сгустить тѣнь, положить лишній штрихъ, провести еще линію; за краски онъ и вовсе не принимается. Онъ чувствуетъ, что его эскизъ не полонъ, недоконченъ, едва намѣченъ, но предпочитаетъ оставить его такъ, нежели испортить невѣрнымъ оттѣнкомъ, фальшиво наложенною краской. Онъ до того остороженъ, что первоначально даже вовсе не коснулся дѣтства Лизы, ея воспитанія. Въ первоначально написанномъ романѣ не было той главы, гдѣ говорится объ этомъ. Она написана и вставлена въ романъ по указанію П. В. Анненкова, которому Тургеневъ посылалъ для предварительнаго прочтенія всѣ свои произведенія, между прочимъ, и „Дворянское Гнѣздо“. Анненковъ, прочтя романъ въ рукописи, замѣтилъ, что необходимо прибавить къ нему исторію дѣтства и воспитанія Лизы, безъ чего она не будетъ понятна. Тургеневъ послушался совѣта и написалъ новую главу, которую вставилъ въ романъ. И дѣйствительно, тотчасъ же замѣтно, что эта глава (XXXV) искусственно вставлена въ рассказъ, неожиданно прерывая его теченіе. Но и въ этой главѣ не заключена исторія дѣтства и воспитанія Лизы: на это въ ней есть только намеки, все же дающіе намъ ключъ къ уразумѣнію Лизы и ея послѣдующей исторіи.

„Бывало, Агаебя (няня Лизы), вся въ черномъ, съ темнымъ платкомъ на головѣ. съ похудѣвшимъ, какъ воскъ прозрачнымъ, но все еще прекраснымъ лицомъ, сидитъ прямо и вяжетъ чулокъ“, — читаемъ мы въ романѣ, — „у ногъ ея на маленькомъ креслицѣ сидитъ Лиза и тоже трудится надъ какою-нибудь работой или, важно поднявъ свѣтлые глаза, слушаетъ, чтò рассказываетъ ей Агаебя; а Агаебя рассказываетъ ей не сказки: мѣрнымъ и ровнымъ голосомъ рассказываетъ она житіе Пречистой Дѣвы, житія отшельниковъ, угодниковъ Божіихъ, святыхъ мучениковъ; говоритъ она Лизѣ, какъ жили святые въ пустыняхъ, какъ спасались, голодъ терпѣли и нужду — и царей не боялись, Христа исповѣдывали, какъ имъ птицы небесныя кормъ носили, и звѣри ихъ слушались; какъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кровь ихъ падала, цвѣты вырастали. — „Желтофіоли?“ спросила однажды Лиза, которая очень любила цвѣты... *Агаебя говорила съ Лизой важно и смиренно, точно она сама чувствовала, что не ей бы произносить такія высокія и святыя слова.* Лиза ее слушала — и образъ вездѣсущаго, всезнающаго Бога съ какою-то сладкою силой втѣснялся въ ея душу, наполнялъ ее чистымъ, благоговѣйнымъ страхомъ, а Христосъ становился ей чѣмъ-то близкимъ, знакомымъ, чуть не роднымъ; Агаебя и молиться ее выучила. Иногда она будила Лизу рано на зарѣ, торопливо ее одѣвала и уводила тайкомъ къ заутренѣ; Лиза шла за ней на цыпочкахъ, едва дыша; холодъ и полусвѣтъ утра, свѣжесть и пустота церкви, самая таинственность этихъ неожиданныхъ отлучекъ, осторожное возвращеніе въ домъ, въ постельку, — вся эта смѣсь запрещеннаго, страннаго, святаго, потрясли дѣвочку, проникали въ самую глубь ея существа“.

И уже когда Агаеби не было въ домѣ, Лиза „попрежнему шла къ обѣднѣ, какъ на праздникъ, молилась съ наслажденіемъ, съ какимъ-то сдержаннымъ и стыдливымъ порывомъ“.

Вотъ все существенное, чтò рассказалъ намъ Тургеневъ о воспитаніи Лизы и о жизни ея души въ дѣтствѣ. Это очень мало, это не все, но чуткій художникъ понялъ или, скорѣе, почувствовалъ самую сущность дѣла. Онъ почувствовалъ, что разгадка образа, созданнаго имъ, въ томъ, что Лиза получила то же воспитаніе духовное, какое получаетъ и народъ нашъ, что, какъ и народъ нашъ, Христа она познала не непосредственно изъ Евангелія, а чрезъ святыхъ Его и мучениковъ Его, что раньше чѣмъ она познала Христа, уже „образъ вездѣсущаго, всевѣдущаго Бога... втѣснился въ ея душу, наполнилъ ее чистымъ, благоговѣйнымъ страхомъ“, и что поэтому слово евангельское было воспринято ею во всей его полнотѣ и истинѣ, какъ слово святое и строгое, которое страшно даже произносить человѣческими устами... Отъ Агаеби Лиза восприняла въ душу свою то, что народъ нашъ воспринимаетъ въ свою душу, странствуя по монастырямъ или выслушивая рассказы странниковъ, молясь на гробахъ подвижниковъ и заступниковъ земли Русской, съ умиленіемъ читая или слушая житія святыхъ и мучениковъ...

Но все это для Лизы, какъ и для народа нашего, было лишь подготовкой къ воспитанію духовному — самое воспитаніе и она, какъ народъ нашъ, получила въ церкви, въ храмѣ. Она полюбила храмъ, какъ любить его народъ нашъ, и тамъ для нея раскрылся глубокой смыслъ ея вѣры, и тамъ она нашла утверженіе того, что жило въ душѣ ея. Она воспринимала въ свою душу ученіе вѣры не въ сухомъ изложеніи катихизиса или учебника, а въ живомъ дѣйствіи, въ живомъ откровеніи самой вѣры. Въ церковныхъ службахъ — и вся исторія христіанства и вся его догматика: исторія, раскрывающаяся въ дѣйствіи, во всемъ ея величавомъ трагизмѣ, — догматика, раскрывающаяся не въ сухихъ формулахъ, а въ святыхъ словахъ умиленной и скорбной молитвы, въ поэзіи церковныхъ пѣснопѣній, въ вѣчныхъ словахъ, произносимыхъ предъ самымъ престоломъ вѣчнаго Бога.

Въ храмѣ произносятся каждый разъ одни и тѣ же слова, но слова *вѣчныя*, и эти слова каждый разъ, какъ ихъ снова слышала Лиза, снова и съ новою силой входили въ ея душу: смыслъ ихъ все углублялся, значеніе ихъ все становилось понятнѣе. Въ храмѣ же она видѣла вокругъ себя этотъ смиренный, колѣнопреклоненный народъ, съ благоговѣніемъ прислушивающійся къ святымъ и вѣчнымъ словамъ, — она видѣла этихъ смиренныхъ людей, убогихъ, темныхъ, простыхъ, но готовыхъ во всякую минуту отдать жизнь свою за эти святые и вѣчныя слова; въ храмѣ она жила одною жизнью съ этимъ народомъ, чувствовала однимъ чувствомъ съ нимъ... И *вѣчное*, одно вѣчное наполнило ея душу, укрѣплялось въ ней, отодвигая отъ нея все временное, все житейское...

Вотъ откуда ея слова, такъ поразившія Лаврецаго. Когда онъ началъ говорить ей о религіи, о ея значеніи въ исторіи, о значеніи христіанства, Лиза сразу поняла смыслъ этихъ философскихъ разсужденій, поняла и то, что не въ нихъ сущность дѣла.

„Христіаниномъ нужно быть, — заговорила не безъ нѣкотораго усилія Лиза: — „не для того, чтобы познавать небесное... тамъ... земное, а для того, что каждый человекъ долженъ умереть.

„Лаврецкій съ невольнымъ удивленіемъ поднялъ глаза на Лизу и встрѣтилъ ея взглядъ.

„Какое это вы промолвили слово, — сказалъ онъ.

„Это слово не мое, — отвѣчала она“.

Да, это слово не ея, это то *вѣчное* слово, которое вошло въ ея душу въ храмѣ и укрѣпилось въ ней.

Это вѣчное, и только оно, которое въ ея душѣ господствуетъ надо всѣмъ, надъ всѣми ея чувствами и помыслами — это вѣчное дало силу ей, хрупкой и слабой дѣвушкѣ, перенести съ мужественною твердостью тяжкое испытаніе, постигшее ее, дало ей силу добровольно и сознательно возложить на себя крестъ и понести его. Она нестерпимо страдаетъ, конечно, но она не подчиняется страданію, а сама принимаетъ его, сознательно и осмысленно, и вотъ почему ея страданіе восходитъ на высоту подвига. Ея душа, постигнутая несчастіемъ,

истерзанная нестерпимымъ страданіемъ, не впадаетъ въ отчаяніе и уныніе, а напротивъ, расширяется, возвышается и обнаруживаетъ то высокое чувство, которое таилось въ глубинѣ, не высказанное, но всегда сознаваемое. Уже рѣшившись идти въ монастырь, она говоритъ теткѣ:

„Счастіе ко мнѣ не шло. Даже когда у меня были надежды на счастіе, сердце у меня все щемило. Я знаю все: и свои грѣхи и чужіе, и какъ папенька богатство нажилъ, я знаю все. Все это отмолить, отмолить надо“.

И она ушла въ монастырь. Она знаетъ, что дѣлаетъ и зачѣмъ дѣлаетъ. Не разбитая жизнь, не разбитая надежда на счастіе гонитъ ее туда, не для того, чтобъ укрыться отъ вѣтра жизни, какъ хотѣлъ укрыться отъ него Гамлетъ — въ могилѣ, идетъ она въ монастырь; — нѣтъ она идетъ туда, совершая сознательный подвигъ, она идетъ туда молиться за міръ, за грѣхи отца своего, которые скорбью и тягостью легли на ея душу, мучать ея чуткую совѣсть; — она идетъ молиться за живыхъ и за мертвыхъ, за тѣхъ, за кого, быть можетъ, уже некому молиться...

„Говорятъ, Лаврецкій посѣтилъ тотъ отдаленный монастырь, куда скрылась Лиза, — увидѣлъ ее“, читаемъ мы въ романѣ. — „Перебирая съ клироса на клиросъ, она прошла близко мимо него, прошла ровною, товопливо смиренною походкой монахини — и не взглянула на него; только рѣсницы обращеннаго къ нему глаза чуть-чуть дрогнули, только еще ниже наклонила она свое исхудалое лицо — и пальцы сжатыхъ рукъ, перевитые четками, еще крѣпче прижались другъ къ другу“.

Только въ послѣдній разъ появляется Лиза въ романѣ, — появляется въ строгомъ и скорбномъ образѣ подвижницы, живущей только во имя вѣчныхъ словъ и готовой умереть за нихъ.

Если есть въ русской литературѣ женское трагическое лицо — такъ это Лиза. Тургеневъ не могъ показать намъ ее во всей красотѣ трагическаго страданія, онъ далъ намъ только не всегда вѣрный и колеблющійся эскизъ; но гдѣ можно найти болѣе высокой трагизмъ, какъ не въ подвигѣ великаго страданія, сознательно на себя принятомъ?

Остановившись въ четвертой главѣ на повѣсти „Фаустъ“, которая является какъ бы прологомъ къ „Дворянскому Гнѣзду“, мы указали на настроеніе, овладѣвшее душой Тургенева и давшее ему возможность создать лучшее его произведеніе. Это настроеніе выражено въ послѣднемъ письмѣ героя „Фаустъ“:

„Кончая, скажу тебѣ“, читаемъ мы въ этомъ письмѣ, — „одно убѣжденіе вынесъ я изъ опыта послѣднихъ годовъ: жизнь не шутка и не забава, жизнь даже не наслажденіе... жизнь тяжелый трудъ. Отреченіе, отреченіе постоянное — вотъ ея тайный смыслъ, ея загадка: не исполненіе любимыхъ мыслей и мечтаній, какъ бы онѣ возвышенны ни были, — исполненіе долга, вотъ о чемъ слѣдуетъ заботиться человѣку; не наложивъ на себя цѣпей, желѣзныхъ цѣпей долга, не

можетъ онъ дойти, не падая, до конца своего поприща. Въ молодости мы думаемъ: чѣмъ свободнѣе, тѣмъ лучше, тѣмъ дальше уйдешь. Молодости позволительно такъ думать; но стыдно тѣшиться обманомъ, когда суровое лицо истины глянуло, наконецъ, тебѣ въ глаза“.

Этому настроенію Тургеневъ искалъ исхода, его нужно было воплотить въ художественные образы. Онъ пишетъ „Дворянское Гнѣздо“ — но не въ Лаврецкомъ воплощаетъ онъ это настроеніе. Лаврецкій подобно герою „Фауста“, человѣкъ съ душой, уже тронутой внутреннимъ разладомъ — и это настроеніе, даже болѣе высокое, настроеніе возвышеннаго смиренія является у него *какъ выводъ* изъ всей погубленной жизни. Художественный инстинктъ подсказалъ Тургеневу, что въ мужчинѣ изъ образованнаго общества онъ не найдетъ полного и поэтического выраженія этого настроенія, и художественная правда заставила его воплотить это настроеніе въ образѣ молодой дѣвушки изъ образованнаго общества. Лиза съ самаго начала своей сознательной жизни уже чувствуетъ, что въ постоянномъ отреченіи заключается тайный смыслъ жизни, что жизнь „не шутка и не забава, даже не наслажденіе, а тяжелый трудъ“. Для нея это не выводъ изъ даромъ погибшей жизни, для нея — это ясное и простое основаніе жизни. Но такое пониманіе жизни просочилось въ ея душу изъ стихій народной и окрѣпло, и воспиталось въ ея душѣ въ храмѣ, среди кадилаго дыма, среди мерцающихъ лампадъ, среди молящагося народа. Не черствое чувство долга приводитъ ее къ постоянному отреченію, а живая вѣра и порожденная этою вѣрой и воспитанная ею *любовь* — любовь къ живому Богу и къ живому міру. Такимъ образомъ только въ стихіи религіозной и народной могъ найти Тургеневъ воплощеніе своего высокаго настроенія.

Душа Лизы сохранилась цѣльною, цѣломудренною и нетронутою — и вотъ почему ей неопасно было бы и соприкосновеніе съ чужимъ просвѣщеніемъ, соприкосновеніе, которое не обошлось даромъ никому изъ героевъ Тургенева — даже Лаврецкому. Тургеневъ, въ своемъ неполномъ изображеніи, не показалъ намъ Лизы съ этой стороны — но, безъ сомнѣнія, то *вѣчное*, что утвердилось въ ея душѣ, дало ей истинную мѣру для всего, и въ немеркнущемъ свѣтѣ, свѣтившемъ ей изъ глубины вѣковаго преданія, она тотчасъ бы различила въ чужомъ просвѣщеніи вѣчное отъ временнаго и случайнаго... Въ самомъ романѣ мы находимъ намекъ на это. Въ лицѣ Лемма авторъ хотѣлъ передать глубокое, трагическое вѣяніе мощнаго генія Бетховена — и Лиза приняла это вѣяніе въ свою душу, почувствовавъ въ немъ вѣяніе вѣчнаго. Въ разговорѣ съ Лаврецкимъ, излагавшимъ ей взгляды европейскаго просвѣщенія на христіанство, она тотчасъ же поняла самую сущность дѣла и выразила это въ своемъ великолѣпномъ отвѣтѣ.

Ап. Григорьевъ говоритъ, что, создавая „Дворянское Гнѣздо“ Тургеневъ какъ бы натянулъ на раму огромный холстъ для огромной исторической картины, но зарисовалъ лишь небольшой уголокъ этого

холста. Это очень вѣрное сравненіе, и даже въ этомъ зарисованномъ углѣ иное сдѣлано красками, живыми и яркими, а иное и главнѣйшее показано лишь въ блѣдныхъ чертаніяхъ, едва набросано; но отъ всей этой недоконченной картины все-таки вѣтъ живою жизнью и живымъ чувствомъ этой жизни, неторопливой, но и не останавливающейся жизни преемственного преданія. Пусть лицо Лизы блѣдно и неясно, пусть она не облечена въ плоть и кровь, пусть оно являетъ собою какъ бы туманное видѣніе, которое вотъ-вотъ истаеетъ и исчезнетъ, но именно это лицо достойно стать центромъ великой исторической картины, ибо даже и въ блѣдномъ очеркѣ своемъ Тургеневъ показалъ намъ въ лицѣ Лизы мѣру душевной красоты русской женщины.

Николаевъ.

Лиза, какъ величавый типъ русской женщины съ ея смиреніемъ, добровольнымъ мученичествомъ и жаждою испляющего подвига.

Тургеневъ — поэтъ природы, свѣтлыхъ сторонъ жизни и женщинъ. Можно составить цѣлую галерею тургеневскихъ женщинъ; это доставило бы богатый матеріалъ для таланта, бойко владѣющаго кистью или карандашомъ, и любопытную задачу для психологическихъ изслѣдованій. Образы Марьи Павловны (въ „Затишьѣ“), Натальи (въ „Рудинѣ“), Вѣры (въ „Фаустѣ“), Аси (въ повѣсти того же имени), Лизы, (въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“), обличаютъ въ авторѣ „Записою охотника“ глубокаго знатока женской природы: какая воздушность (если можно такъ выразиться) въ чертаніи лицъ! какая нѣжность кисти! Самые приемы нашего автора въ композиціи образовъ (поэтическія описанія и лирическія мѣста), не совсѣмъ удобные для художественнаго творчества при концепціи мужскихъ характеровъ, для женскихъ лицъ — превосходны: нѣжная природа женщины не требуетъ для своего воспроизведенія такихъ сильныхъ взмаховъ кисти, такого рѣзкаго удара рѣзца, какъ наша грубая натура. И что намъ особенно нравится въ Тургеневѣ, — это, такъ сказать, экономія въ краскахъ: у него женскій образъ, большею частью, только набрасывается, рѣдко отдѣливается; но, несмотря на это, въ воображеніи читателя онъ всегда вырастаетъ до истинно-художественной оконченности. Еще Бѣлинскій провозгласилъ, что художественный образъ русской женщины созданъ у насъ только Пушкинымъ въ лицѣ Татьяны — мнѣніе глубоко справедливое. Много было и есть въ нашей литературѣ сочиненныхъ женскихъ характеровъ, даже, пожалуй, есть характеры и не сочиненные, но не русскіе; но такихъ, чтобы прямо были схвачены изъ жизни, чтобы пропитаны были русскимъ духомъ, дѣйствительно, послѣ Татьяны Пушкина, не было. Татьяна не только художественное созданіе, но и вполне — русская женщина: тонкими, но замѣчательными нитями связывается все духовное существо ея съ роднымъ міромъ, съ родною

почвой. Недавно образъ русской женщины явился передъ нами въ произведеніи г-жи Кохановской „Послѣ обѣда въ гостяхъ“, несмотря на несчастную форму повѣсти. Были и есть у насъ женщины-писательницы, анатомически, ученымъ образомъ изслѣдующія природу женщины, но не давшія намъ ни одного художественнаго идеала.

Вотъ то-то и вредитъ повѣствовательной формѣ поэзіи (роману и повѣсти), что ее страшно наводняютъ прозою и втискиваютъ въ ея рамки что угодно. Женщины Тургенева замѣчательны и просто какъ женщины вообще, и какъ русскія женщины въ особенности. Во всѣхъ произведеніяхъ нашего автора поражаетъ то особенно, что о бокъ съ его надломленными и лишними героями идетъ здоровая, не помятая жизнію женская личность, что громко говоритъ о народности поэта, глубоко понимающаго жизнь. Миръ женщины тѣсенъ, но святъ. Любовь, любовь какъ подруги въ жизни другого, любовь какъ матери, — стихія ея жизни. Семейство, домашняя жизнь — ея царство. Въ этого круга женщина не мыслима, если только не смотрѣть сквозь пальцы на недостатокъ женственности, на мужское огрубленіе ея чувствъ. Несмотря на нелѣпное воспитаніе, которое получаетъ наша женщина (разумѣется, такъ называемаго высшаго класса), все-таки арена ея дѣятельности, по самой тѣснотѣ своей, менѣе представляетъ такихъ преградъ, такихъ толчковъ на каждомъ шагу, какъ поприще для дѣятельности мужчины. Естественно, что натура ея не такъ надламывается, не такъ портится, какъ лучшихъ представителей нашего пола. Этотъ контрастъ, мастерски подмѣченный Тургеневымъ, проводится почти во всѣхъ его сочиненіяхъ. Онъ не маловажную роль играетъ и въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“.

Лиза замѣчательна и какъ женщина вообще, и какъ русская женщина въ особенности. Существо сосредоточенное, свѣтлое, отчасти восторженное, она выросла подъ сильнымъ вліяніемъ своей няни Агаѣи Власьевны, женщины вполне русской. Агаѣя невольно напоминаетъ Акима, героя „Постоялаго двора“: и въ ней и въ немъ развито до экзальтаціи религиозное чувство. Въ характерѣ русскаго человѣка глубоко замѣчательна черта самонаказанія, этого добровольнаго мученичества, на которое осуждаетъ себя человѣкъ за немногія радости, испытанныя имъ въ жизни, между тѣмъ какъ онъ, по природѣ своей, имѣетъ всѣ права на счастье. На это покаяніе осуждаютъ себя всегда люди даровитые, претерпѣвшіе всевозможный гнетъ судьбы, а чаще отдѣльных лицъ; вмѣсто того, чтобы ожесточаться, раздражаться воплями и проклятіями, они распинаютъ самихъ себя. Повторяемъ, глубоко знаменательна эта печальная черта въ характерѣ простаго русскаго человѣка! Къ числу такихъ людей принадлежала и Агаѣя: за свою красоту, за свою добрую, любящую натуру, за свои права на счастье она наказалася: результатомъ этого самонаказанія было добровольно принятый крестъ терпѣнія безконечнаго, самоуничтоженія добровольнаго. Подобная личность, немногими чертами, но мастерски очерченная поэтому, не могла не произвести, и дѣйствительно произвела на Лизу громадное вліяніе: религиозная восторженность, сдержанность натуры,

какая-то величавая важность сообщились Лизѣ вслѣдствіе вліянія няни. „Въ каждомъ ея движеніи“, говоритъ авторъ, „высказывалась невольная, нѣсколько неловкая грація; голосъ ея звучалъ серебромъ нетронутой юности, малѣйшее ощущеніе удовольствія вызывало привлекательную улыбку на ея губы, придавало глубокой блескъ и какую-то тайную ласковость ея засвѣтившимся глазамъ. Вся проникнутая чувствомъ долга, боязнь оскорбить кого бы то ни было, съ сердцемъ добрымъ и кроткимъ она любила всѣхъ и никого въ особенности (конечно, до знакомства съ Лаврецкимъ), она любила одного Бога, восторженно, робко нѣжно“.

Намъ необыкновенно нравится этотъ величавый, святой образъ женщины, типъ совершенно новый въ нашей литературѣ, художественно созданный поэтомъ. Лиза не безсердечное, сухое существо: припомните ея наивное, но горячее желаніе примирить Лаврецкаго съ женою, припомните ея борьбу самой съ собою, когда она убѣдилась въ любви къ нему и ея объясненіе съ Марей Тимофеевной по поводу все той же любви. Лиза не резонерка, а живая русская женщина. Передъ нею какъ-то мелькаетъ разбитый образъ Лаврецкаго. Она настоящій герой драмы: на нее, слабое созданіе, сильнѣе падаютъ удары рока, на ея плечахъ легла вся тяжесть трагедіи. Невозможно видѣть безъ сердечнаго трепета, какъ выносить эту тяжесть бѣдная дѣвушка!

Послѣ совершившейся катастрофы, послѣ тѣхъ нравственныхъ потрясеній, которыя переноситъ Лиза съ истиннымъ героизмомъ, съ болью и воплями, хотя подавленными, но ужасными, ей остается одно — умереть; но это мало!... Ей, какъ русской женщинѣ, какъ воспитанницѣ Агаѣи, нужно еще наказать себя, и она наказуется: „Все кончено“, говоритъ она Марѣ Тимофеевнѣ, „кончена моя жизнь съ вами. Такой урокъ не даромъ; да и ужъ не въ первый разъ объ этомъ думаю. Счастье ко мнѣ не шло; даже когда у меня были надежды на счастье, сердце у меня все щемило. Я все знаю, и свои грѣхи, и чужіе, и какъ папенька богатство наше нажилъ; я знаю все. Все это отмолить, отмолить надо“.

Ни одинъ женскій образъ не рисовалъ Тургеневъ съ такою любовью, какъ образъ Лизы, и ни одинъ не выходилъ изъ-подъ пера его такимъ окончаннымъ.

Да! еще разъ скажемъ словами Гоголя: „счастливъ писатель, который приближается къ характерамъ, являющимъ высокое достоинство человѣка, который окурилъ упоительнымъ куревомъ людскія очи!“

Де-Пуле.

Лаврецкій и родная его почва.

Произведенія Тургенева представляютъ собой развитіе всей нашей эпохи. Съ нею вмѣстѣ онъ любилъ, вѣрилъ, сомнѣвался, проклиналъ, вновь надѣялся и вновь вѣрилъ, не боясь никакихъ крайнихъ граней мысли, или, лучше сказать, увлекаясь самъ мыслью до крайнихъ ея

граней и беззавѣтно отдаваясь всѣмъ увлеченіямъ. Отъ этого, читая его послѣднее произведеніе, вы что ни шагъ — повѣряете процессъ, который совершался въ цѣлой эпохѣ, что ни шагъ — сталкиваетесь съ образами, возродившимися, пожалуй, въ новыхъ и лучшихъ формахъ, но которыхъ сѣмена и даже зародыши коренятся въ далекомъ прошедшемъ. Вы поднимаете слои за слоемъ — и болѣе всего поражааетесь связью слоевъ между собою...

Доказательствомъ этой органической связи служить въ особенности въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“ исторія отца и дѣда Лаврецкаго, мѣсто, которое одному критику, въ числѣ многихъ другихъ мѣстъ, показалось, какъ онъ выразился, ретроспективнымъ.

Типъ, котораго послѣднимъ выраженіемъ у Тургенева является Лаврецкій, создавался долгимъ процессомъ, долженъ былъ воплотить въ себѣ весь этотъ процессъ, процессъ нашей послѣпушкинской эпохи.

Что главнымъ образомъ сказалось въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“?

Да мало ли что тутъ сказалось? Вся эпоха отъ смерти Пушкина до нашихъ дней тутъ сказала: весь Пушкинскій процессъ, который я называю нашимъ душевнымъ Иваномъ Петровичемъ Бѣлинымъ, тутъ сказался; ибо весь этотъ процессъ долженъ былъ повториться въ Тургеневѣ для того, чтобы создавался новый, живой типъ, уже не отрицательный только, а положительный; загнанный, смиренный, простой человѣкъ, доселѣ только позволяющій себѣ изрѣдка критическое или комическое отношеніе къ блестящему, хищному человѣку, — и большей частью то подбиравшій чужую любовь, да и то не впопадъ, то смѣявшійся судорожнымъ смѣхомъ „Гамлета Щигровскаго уѣзда“ надъ своимъ безсиліемъ, то плакавшій горькимъ плачемъ „Лишняго человѣка“, — переходить въ живой, положительный образъ.

Что сказалось „Дворянскимъ гнѣздомъ“? Вся умственная жизнь послѣпушкинской эпохи, отъ туманныхъ еще началъ ея въ кружкѣ Станкевича до рѣзкаго постановленія вопросовъ Бѣлинскимъ и отъ рѣзкости Бѣлинскаго до уступокъ — весьма значительныхъ — сдѣланныхъ мыслью жизни и почвѣ... Борьба славянофильства и западничества и борьба жизни съ теоріею — славянофильскою или западною все равно — завершается въ поэтическихъ задачахъ Тургеневскаго типа побѣдою жизни надъ теоріями...

Лаврецкій пріѣхалъ не умирать, а жить на свою родную почву, — и родная жизнь встрѣчаетъ его сразу своимъ міромъ, и этотъ міръ — его же собственный міръ, съ которымъ ему нельзя, да и не зачѣмъ раздѣляться.

Пусть противна Лаврецкому усадьба, возбуждающая въ немъ тягостныя воспоминанія. Въ воспоминаніяхъ виновата не она, эта усадьба — виноватъ онъ самъ. Отъ воспоминаній этихъ еще прежде, возвращаясь только домой, онъ невольно прищурился, какъ щурится человѣкъ отъ мгновенной внутренней боли, и встряхнулъ головой... Не съ чувствомъ гордости или вражды вступаетъ онъ снова въ старый, съ дѣтства знакомый міръ:

„Въ теченіе двухъ недѣль Федоръ Ивановичъ привелъ домикъ Глафиры Петровны въ порядокъ; расчистилъ дворъ, садъ; изъ Лавриковъ привезли ему удобную мебель, изъ города вино, книги, журналы; на конюшнѣ появились лошади; словомъ, Федоръ Ивановичъ обзавелся всѣмъ нужнымъ и началъ жить не то помѣщикомъ, не то отшельникомъ. Дни его проходили однообразно; но онъ не скучалъ, хотя никого не видѣлъ; онъ прилежно и внимательно занимался хозяйствомъ, ѣздилъ верхомъ по окрестностямъ, читалъ. Впрочемъ, онъ читалъ мало; ему пріятнѣе было слушать рассказы старика Антона. Обыкновенно Лаврецкій садился съ трубкой табаку и чашкой холоднаго чая къ окну; Антонъ становился у двери, заложивъ назадъ руки, и начиналъ свои неторопливые рассказы о стародавнихъ временахъ, о тѣхъ баснословныхъ временахъ, когда овесъ и рожь продавали не мѣрками, а въ большихъ мѣшкахъ, по двѣ и по три копейки за мѣшокъ; когда во всѣ стороны даже подъ городомъ тянулись непроходимые лѣса, нетронутыя степи“.

Наше время есть время всеобщихъ исповѣдей, и такую искреннюю, полную исповѣдь болѣе всего представляютъ произведенія Тургенева вообще и „Дворянское гнѣздо“ въ особенности. Для того, чтобы понять послѣдніе результаты этой искренней исповѣди въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“, нужно прослѣдить всю борьбу, высказывающуюся въ произведеніяхъ Тургенева. Только зная эту борьбу, можно понять все значеніе стиховъ, которые онъ влагаетъ въ уста Михалевичу, и весь смыслъ того смиренія передъ народною правдою, которое проповѣдуетъ Лаврецкій съ разговорѣ съ Паншинымъ.

Изъ этого не слѣдуетъ заключать однако, чтобы Тургеневъ отъ одной теоріи перешелъ къ другой. Славянофильство съ восторгомъ привѣтствовало нѣкоторыя его произведенія, особенно „Хоря и Калиныча“, „Муму“; но поэтъ способенъ столько же мало поддаться и этому воззрѣнію, поколику оно только воззрѣніе, какъ и другому, противоположному. Въ немъ повторился только Бѣлинскій процессъ пушкинской природы, съ расширенными сообразно эпохѣ требованіями. И какъ Пушкинъ, уходя въ свое отрицательное я, въ жизненные взгляды своего Ивана Петровича Бѣлкина, однако, не отрекался, какъ „отъ сатаны и всѣхъ дѣлъ его“, отъ прежнихъ идеаловъ, отъ силъ своей природы, извѣдавшихъ уже добрая и злая, а только давалъ права и почвѣ наравнѣ съ силами, — такъ, съ меньшимъ самообладаніемъ, Тургеневъ кончилъ анализъ природы Рудина апофеозомъ его личности, дѣйствительно поэтической и грандіозной. Чувство поэта ставитъ его въ разрѣзъ со всякою теоріею, и оно-то сообщаетъ его произведеніямъ такую неотразимую, обаятельную силу.

Лаврецкій — живой человекъ, связанный съ жизнью, почвою, преданіями, но прошедшій бездны сомнѣнія, внутреннихъ страданій, совершившій нѣсколько моральныхъ скачковъ. Отсюда выходитъ весь его душевный процессъ, вся драма его отношеній.

Онъ представитель нашей эпохи, эпохи самой близкой къ намъ, — и, какъ такового, его надобно было отдѣлить, отгнать отъ представителей эпохъ предшествовавшихъ. Средство для такого отдѣленія Тургеневъ избралъ самое естественное — его родословную, образы его дѣда и отца.

Несмотря на то, что приемъ этотъ не новъ, родословная Лаврецакаго блещетъ такими яркими чертами, такъ мастерски схвачено въ ней существенное и типическое, что на нее можно смѣло указать какъ на chef d'oeuvre въ своемъ родѣ...

„Богаче и замѣчательнѣе всѣхъ Лаврецкихъ былъ родной прадѣдъ Оедора Иваныча, Андрей, человекъ жестокой, дерзкой, умный и лукавый. До нынѣшняго дня не умолкала молва объ его самоуправствѣ, о бѣшеномъ его нравѣ, безумной щедрости и алчности неутолимой. Онъ былъ очень толстъ и высокъ ростомъ, изъ лица смугль и безбородъ, картавилъ и казался сонливый; но чѣмъ онъ тише говорилъ, тѣмъ больше трепетали всѣ вокругъ него. Онъ и жену досталъ себѣ подъ стать. Пучеглазая, съ ястребинымъ носомъ, съ круглымъ желтымъ лицомъ, цыганка родомъ, вспыльчивая и мстительная, она ни въ чемъ не уступала мужу, который чуть не уморилъ ее, и котораго она не пережила, хотя вѣчно съ нимъ грызлась. Сынъ Андрея, Петръ, Оедоровъ дѣдъ, не походилъ на своего отца: это былъ простой, степной баринъ, довольно взбалмошный, крикунъ и копотунъ, грубый, но не злой, хлѣбосоль и цесовый охотникъ. Ему было за тридцать лѣтъ, когда онъ наслѣдовалъ отъ отца двѣ тысячи душъ въ отличномъ порядкѣ; но онъ скоро распустилъ, частью продалъ свое имѣнiе, дворню избаловалъ. Какъ тараканы сползались со всѣхъ сторонъ знакомые и незнакомые мелкіе людишки въ его обширныя теплыя и неопрятныя хоромы; все это наѣдалось, чѣмъ попало, но досыта, напивалось допьяна и тащило вонъ, что могло, прославляя и величая ласковаго хозяина; и хозяинъ, когда былъ не въ духѣ, тоже величалъ своихъ гостей дармоѣдами и прохвостами, а безъ нихъ скучалъ. Жена Петра Андреевича была смиренница; онъ взялъ ее по отцовскому выбору и приказанію; звали ее Анной Павловной. Она ни во что не вмѣшивалась, радушно принимала гостей и охотно сама выѣзжала, хотя пудриться, по ея словамъ, было для нея смертью. „Поставяте тебѣ“, разсказывала она въ старости, „войлочный шлыкъ на голову, волосы всѣ зачешутъ къверху, саломъ вымажутъ, мукой посыплотъ, желѣзныхъ булавокъ натыкаютъ,—не отмоешься потомъ; а въ гости безъ пудры нельзя, обидятся, — мука!“ Она любила кататься на рысакѣхъ, въ карты была готова играть съ утра до вечера и всегда, бывало, закрывала рукой записанный на нее копеечный выигрышъ, когда мужъ подходилъ къ игорному столу; а все свое приданое, всѣ деньги отдала ему въ безответное распоряженіе. Она прижила съ нимъ двухъ дѣтей: сына Ивана, Оедорова отца, и дочь Глафиру. Иванъ воспитывался не дома, а у богатой старой теткы, княжны Кубенской; она назначила его своимъ наслѣдникомъ (безъ этого отецъ бы его не отпустилъ); одѣвала его, какъ куклу, нанимала ему всякаго рода учителей, приставила къ нему гувернера, француза, бывшаго аббата, ученика Жанъ-Жака Руссо, нѣкоего M-r Courtin de Vaucellee fine fleur эмиграціи, и кончила тѣмъ, что чуть не 70 лѣтъ вышла замужъ за этого финьфлѣра, перевела на его имя все свое состояніе и вскорѣ потомъ, раздурманенная, раздуренная амброй à la Richelieu, окруженная арапченками, тонконогими собачками и крикливыми попугаями, умерла на шелковомъ кривомъ диванчикѣ временъ Людовика XIV, съ эмалевою табакеркой работы Петитѣ въ рукахъ, — и умерла, оставленная мужемъ; вкрадчивый господинъ Куртенъ предпочелъ удалиться въ Парижъ съ ея деньгами. Ивану пошелъ всего двадцатый годъ, когда этотъ неожиданный ударъ разразился; онъ не захотѣлъ остаться въ теткинѣ домѣ, гдѣ онъ изъ богатаго наслѣдника внезапно превратился въ приживальщика. Въ Петербургѣ общество, въ которомъ онъ выросъ, передъ нимъ закрылось; къ службѣ съ низкихъ чиновъ, трудной и темной, онъ чувствовалъ отвращеніе (все это происходило въ самомъ началѣ царствованія императора Александра); пришлось ему поневолѣ вернуться въ деревню къ отцу. Грязно, бѣдно, дрянно показалось ему его родное гнѣздо; глушь и копоть степного житья-

быть на каждом шагу его оскорбляли; скука его грызла; зато и на него всё въ домъ, кромѣ матери, недружелюбно глядѣли. Отцу не нравились его столичныя привычки, его фракы, жабо, книги, его флейта, его опрятность, въ которой не даромъ чужаясь ему гадливость; онъ то и дѣло жаловался и ворчалъ на сына. „Все здѣсь не по немъ, — говорилъ онъ, — за столомъ привередничаетъ, не бѣтъ, людского запаху переносить не можетъ, видъ пьяныхъ его разстраиваетъ, драться при немъ тоже не смѣй, служить не хочетъ, слабъ, вишь, здоровьемъ; фу ты, нѣженка эдакой! А все оттого, что Вдлтеръ въ головѣ сидитъ“. Старикъ особенно не жаловалъ Вольтера да еще „изувѣра“ Дидерота, хотя ни одной строки изъ ихъ сочиненій не прочелъ: читать было не по его части. Петръ Андреевичъ не ошибался; точно — и Дидеротъ и Вольтеръ сидѣли въ головѣ его сына, и не они одни — и Руссо, и Рейналь, и Гельвецій, и много другихъ подобныхъ имъ сочинителей сидѣли въ его головѣ, — но въ одной только головѣ. Бывшій наставникъ Ивана Петровича, отставной аббатъ и энциклопедистъ, удовольствовался тѣмъ, что влилъ цѣликомъ въ своего воспитанника всю премудрость XVIII вѣка, — *и онъ такъ и ходилъ, наполненный ею; она пребывала въ немъ, не смѣшавшись съ его кровью, не проникнувъ въ его душу, не сказавшись краткимъ убѣжденіемъ...* Да и возможно ли было требовать отъ молодого малаго 50 лѣтъ тому назадъ, когда мы еще и теперь не доросли до нихъ? Посѣтителей отцовскаго дома Иванъ Петровичъ тоже стѣснялъ; онъ ими гнушался, они его боялись, — а съ сестрой Глафирой, которая была двѣнадцатю годами старше его, онъ не сошелся вовсе. Эта Глафира была странное существо: некрасивая, горбатая, худая, съ широко-раскрытыми строгими глазами и сжатымъ тонкимъ ртомъ, она лицомъ, голосомъ, угловатыми быстрыми движеніями напоминала свою бабуку, цыганку, жену Андрея. Настойчивая, властолюбивая, она и слышать не хотѣла о замужествѣ. Возвращеніе Ивана Петровича ей пришлось не понутру; пока княжна Кубенская держала его у себя, она надѣялась получить, по крайней мѣрѣ, половину отцовскаго имѣнія: она и по скуности вышла въ бабуку. Сверхъ того, Глафира завидовала брату; онъ такъ былъ образованъ, такъ хорошо говорилъ по-французски, съ парижскимъ выговоромъ, а она едва умѣла ему сказать: „бонжуръ“ да „команъ-ву порте ву?“ Правда, родители ея по-французски вовсе не разумѣли, — да отъ этого ей не было легче. Иванъ Петровичъ не зналъ, куда дѣться отъ тоски и скуки; невступно годъ провелъ онъ въ деревнѣ; да и тотъ показался ему за десять лѣтъ. Только съ матерью своею онъ и отводилъ душу и по цѣлымъ часамъ сиживалъ въ ея низкихъ покояхъ, слушая незатѣйливую болтовню доброй женщины и наѣдаясь вареньемъ“.

Насколько этотъ типъ изъ предшествовавшаго поколѣнія необходимъ для освѣщенія фигуры Лаврецакаго, очевидно. Здѣсь сопоставлены двѣ эпохи въ ихъ существенныхъ отличіяхъ: развитія чисто-внѣшняго и развитія внутренняго.

Особенно замѣчательно еще то, что типъ Ивана Петровича напоминаетъ типъ Василя Лучинова, но уже отношеніе автора къ этому типу совершенно измѣнилось. Изъ трагическаго оно перешло почти что въ комическое.

Когда Иванъ Петровичъ связался съ дѣвкой Маланьей, вѣсть объ этомъ скоро дошла до Петра Андреевича.

„Въ другое время онъ, вѣроятно, не обратилъ бы вниманія на такое маловажное дѣло; но онъ давно злился на сына и обрадовался случаю пристыдить петербургскаго мудреца и франта. Поднялся гвалтъ, крикъ и гамъ; Маланью заперли въ чуланъ; Ивана Петровича потребовали къ родителю. Анна Павловна тоже прибѣжала на шумъ. Она пыталась было укротить

мужа, но Петръ Андреевичъ ничего уже не слушалъ. Ястребомъ напустился онъ на сына, упрекалъ его въ безнравственности, въ безбожїи, въ притворствѣ; кстаги выместилъ на немъ всю накипѣвшую досаду противъ княжны Кубенской, осыпалъ его обидными словами. Сначала Иванъ Петровичъ молчалъ и крѣпился, но когда отецъ вздумалъ грозить ему постыднымъ наказаніемъ, онъ не вытерпѣлъ. „Изувѣръ Дидероть опять на сценѣ, — подумалъ онъ, — такъ пуцу же я его въ дѣло, стойте; я васъ всѣхъ удивлю“. И тутъ же спокойнымъ, ровнымъ голосомъ, хотя съ внутреннею дрожью во всѣхъ членахъ, Иванъ Петровичъ объявилъ отцу, что онъ напрасно укорялъ его въ безнравственности; что хотя онъ не намѣренъ оправдывать свою вину, но готовъ ее исправить, и тѣмъ охотиѣе, что чувствуетъ себя выше всякихъ предразсудковъ, а именно — готовъ жениться на Маланьѣ. Произнеся эти слова, Иванъ Петровичъ, бесспорно, достигъ своей цѣли; онъ до того изумилъ Петра Андреевича, что тотъ глаза вытаращилъ и онѣмѣлъ на мгновеніе; но тотчасъ же опомнился и, какъ былъ въ тулупчикѣ на бѣличьемъ мѣху и въ башмакахъ на босу ногу, такъ и бросился съ кулаками на Ивана Петровича, который, какъ нарочно, въ тотъ день причесался à la Titus и надѣлъ новый англійскій синій фракъ, сапоги съ кисточками и щегольскія лосиные панталоны въ обтяжку. Анна Павловна закричала благимъ матомъ и закрыла лицо руками, а сынъ ея побѣжалъ, побѣжалъ черезъ весь домъ, выскочилъ на дворъ, бросился въ огородъ, въ садъ, черезъ садъ вылетѣлъ на дорогу и все бѣжалъ безъ оглядки, пока, наконецъ, пересталъ слышать за собою тяжелый топотъ отцовскихъ шаговъ и его усиленные, прерывистые крики. „Стой, мошенникъ! — вопилъ онъ, — стой! проклянуд!“ Иванъ Петровичъ спрятался у сосѣдняго однодворца, а Петръ Андреевичъ вернулся домой весь изнеможенный, въ поту, объявилъ, едва переводя дыханіе, что лишаетъ сына благословенія, приказалъ сжечь всѣ его дурацкія книги, а дѣвку Маланью немедленно сослать въ дальнюю деревню“.

Если вы хорошо помните сцену съ отцомъ Василя Лучинова — эту великолѣпную, до трагизма возвышающуюся сцену — вы, вѣроятно, соглашаетесь со мною и въ великомъ сходствѣ этихъ двухъ сценъ и въ различіи отношенія къ нимъ Тургенева. Но на новую манеру изображенія вовсе не слѣдуетъ смотрѣть какъ на покаяніе поэта въ прежней. „Изувѣръ Дидероть“, внѣшне подѣйствовавшій на Ивана Петровича, вѣлся въ Василя Лучинова до мозга костей, потому что природа послѣдняго — исключительнѣе и богаче; вотъ и вся разница. Иванъ Петровичъ и Василій Лучиновъ — двѣ разныя стороны одного и того же типа, какъ Чацкій и Репетиловъ, напримѣръ, въ отношеніи къ людямъ эпохи двадцатыхъ годовъ — двѣ разныя стороны типа. Ни больше ни меньше.

Федоръ Лаврецкій — герой „Дворянскаго гнѣзда“ — и отецъ его, Иванъ Петровичъ, оба разрознились, раздѣлились съ окружавшею ихъ дѣйствительностью; но огромная бездна лежитъ между ними. Иванъ Петровичъ, усвоившій себѣ внѣшнимъ образомъ ученіе „изувѣра Дидерота“, такъ и остается на цѣлую жизнь холоднымъ, отрѣшившимся отъ связи съ жизнью — да отрѣшившимся не вслѣдствіе какого-либо убѣжденія, а по привычкѣ и по эгоистической прихоти — методистомъ.

Анализъ жизни этого типическаго лица поистинѣ глубоко у Тургенева. Поразительная правдивость анализа высказывается въ особенности въ двухъ мѣстахъ. Когда, послѣ ссоры съ отцомъ и послѣ брака

своего съ Маланьёю, Иванъ Петровичъ уѣхалъ въ Петербургъ, онъ, по словамъ автора, „отправился съ легкимъ сердцемъ“. „Неизвѣстная будущность его ожидала; бѣдность, быть-можетъ, грозила ему; но онъ *разстался съ ненавистной ему жизнью*, не выдалъ своихъ наставниковъ, дѣйствительно *пустилъ въ ходъ* и оправдалъ на дѣлѣ Руссо, Дидерота, La Déclaration des droits de l'homme. Чувство совершеннаго дома, торжества, чувство гордости *напомяло его душу*“... Замѣтка истинно художническая, безпристрастіе истиннаго поэта!... Вѣдь онъ тоже не совсѣмъ изъ дюжинныхъ, этотъ Иванъ Петровичъ: кряжевая, крѣпкая натура отца и дѣда въ немъ таки сидитъ, только она обернулась въ другую сторону... Съ другой стороны, двѣнадцатый годъ вызываетъ его изъ-за границы — черта исторически вѣрная въ отношеніи къ людямъ той эпохи... „Увидавшись въ первый разъ послѣ шестилѣтней разлуки, отецъ съ сыномъ обнялись *и даже словомъ не упомянули о прежнихъ разговорахъ*; не до того было тогда: вся Россія поднималась на врага — и оба они почувствовали, что русская кровь течетъ въ ихъ жилахъ“... Это въ высочайшей степени вѣрно исторически и правдиво художественно. Личность у насъ всегда и во всѣ эпохи удивительно способна расти съ событіями, хотя, къ сожалѣнію, такъ же легко и сокрушается подъ гнетомъ событій, и разъ сокрушившись, начинаетъ итти съ горы, да какъ еще: не успеешь оглянуться — она уже на крайней степени паденія... Такъ было, по крайней мѣрѣ, до конца той эпохи, которой типически обыкновеннымъ представителемъ является отецъ Федора Лаврецкаго. Я говорю типически обыкновеннымъ, ибо за что же обижать верхи всякой эпохи? Василий Лучиновъ, разбитый параличомъ, но умирающій сурово и гордо, Владимиръ Дубровскій, повершающій трагически, старикъ Алексѣй Ивановичъ, братъ сенатора, до конца выдерживающій по убѣжденію свой холодный методизмъ — вотъ верхи эпохи, души, въ которыя ученіе „изувѣра Дидерота“ или Бентама проникало глубоко; да зато вѣдь и дѣтьми ихъ, если таковыя у нихъ были, были не Лаврецкіе, а Печорины и Бельтовы... Иванъ же Петровичъ непременно долженъ былъ кончить такъ, какъ кончаетъ онъ у Тургенева, и мастерски ведетъ его авторъ къ этому обычному концу.

„Иванъ Петровичъ, — говоритъ онъ, — вернулся въ Россію англоманомъ. Коротко остриженные волосы, накрахмаленное жабо, долгополый гороховый сюртукъ съ множествомъ воротничковъ, кислое выраженіе лица, что-то рѣзкое и вмѣстѣ равнодушное въ обращеніи, произношеніе сквозь зубы, деревянный внезапный хохотъ, отсутствіе улыбки, исключительно политическій и политико-экономическій разговоръ, страсть къ кровавымъ ростбифамъ и портвейну, — все въ немъ такъ и вѣяло Великобританіей, весь онъ казался пропитанъ ея духомъ. Но — чудное дѣло! — превратившись въ англомана, Иванъ Петровичъ сталъ въ то же время патриотомъ, — по крайней мѣрѣ онъ называлъ себя патриотомъ, хотя Россію зналъ плохо, не придерживался ни одной русской привычки и по-русски изъяснялся странно: въ обыкновенной бесѣдѣ рѣчь его, неповоротливая и вялая, вся пестрѣла галлицизмами; *но чуть разговоръ касался предметовъ важныхъ, — у Ивана Петровича тотчасъ являлись выраженія въ родъ: „оказать новые опыты самоусердія“; „сіе не согласуется съ самою натурою*

обстоятельства“. Иванъ Петровичъ привезъ съ собою нѣсколько рукописныхъ плановъ, касавшихся до устройства и улучшенія государства; онъ очень былъ недоволенъ всѣмъ, что видѣлъ, — отсутствіе системы въ особенности возбуждало его желчь. При свиданіи съ сестрою онъ съ первыхъ же словъ объявилъ ей, что онъ намѣренъ ввести коренныя преобразованія, что впредь у него все будетъ идти по новой системѣ. Глафира Петровна ничего не отвѣчала Ивану Петровичу, только зубы стиснула и подумала: „Куда же я-то дѣнусь?“ Впрочемъ, пріѣхавши въ деревню вмѣстѣ съ братомъ и племянникомъ, она скоро успокоилась. *Въ домъ точно произошли нѣкоторыя перемѣны: приживальщики и тунядцы подверглись немедленному изгнанію; въ числѣ ихъ пострадала дѣвъ старухи, одна — слѣпая, другая — разбитая параличомъ, да еще дряхлый майоръ очаковскихъ временъ, котораго, по причинѣ его дѣйствительно замѣчательной жадности, кормили однимъ чернымъ хлѣбомъ да чечевицей.* Также вышелъ приказъ не принимать прежнихъ гостей: всѣхъ ихъ замѣнили дальній сосѣдь, какой-то бѣлокурый золотушный баронъ, очень хорошо воспитанный и очень глупый человѣкъ. Появилась новая мебель изъ Москвы; завелись плевальницы, колокольчики, умывальные столики; завтракъ сталъ иначе подаваться; иностранныя вина изгнали водки и наливки; людямъ пошили новыя ливреи; къ фамильному гербу прибавилась надпись: „in recto virtus“. Въ сущности же власть Глафиры нисколько не уменьшилась; всѣ выдачи, покупки по прежнему отъ нея зависѣли; вывезенный изъ-за границы камердинеръ изъ эльзасцевъ попытался было съ нею потягаться, — и лишился мѣста, несмотря на то, что баринъ ему покровительствовалъ. Что же касается до хозяйства, до управленія имѣніями (Глафира Петровна входила и въ эти дѣла), то, несмотря на неоднократно выраженное Иваномъ Петровичемъ намѣреніе: вдохнуть новую жизнь въ этотъ хаосъ, — все осталось по-старому, — *только оброкъ кой-гдѣ прибавился, да барщина стала по-тяжелѣй, да мужикамъ запретили обращаться прямо къ Ивану Петровичу.* Патріотъ очень ужъ презиралъ своихъ согражданъ. Система Ивана Петровича въ полной силѣ своей примѣнена была только къ Оедѣ: воспитаніе его дѣйствительно подверглось „коренному преобразованію“, — отецъ исключительно занялся имъ“.

Такова реформаторская дѣятельность Ивана Петровича. Пропуская, какъ эта реформаторская дѣятельность обращается на воспитаніе Оеди, я переносюсь прямо къ перелому, совершающемуся въ этой натурѣ. „Насталъ, — говоритъ авторъ, — 1825 г. и много принесъ съ собою горя. Иванъ Петровичъ поспѣшилъ удалиться въ деревню и заперся въ своемъ домѣ. Прошелъ еще годъ, и Иванъ Петровичъ вдругъ захидѣлъ, ослабѣлъ, опустился: здоровье ему измѣнилось. Вольнодумецъ началъ ходить въ церковь и заказывать молебны; европеецъ сталъ париться въ банѣ, обѣдать въ два часа, ложиться въ девять, засыпать подъ болтовню стараго дворецкаго; государственный человѣкъ сжегъ всѣ свои планы, всю переписку, трепеталъ передъ губернаторомъ и егозилъ передъ исправникомъ; человѣкъ съ закаленной волей хныкалъ и жаловался, когда у него вскакивалъ вередь, когда ему подавали тарелку холоднаго супа...“

Увы! это не повѣсть съ подробностями, нарочно придуманными для того, чтобы въ концѣ ея можно было воскликнуть: „и вотъ что можетъ дѣлаться изъ человѣка!“ — это нагая, безпощадная, да добавокъ еще, историческая правда. Вспомните, какъ умиралъ одинъ изъ передовыхъ людей своей эпохи, Фонвизинъ, какъ умирали многіе

изъ такъ называемыхъ вольнодумцевъ и учениковъ „изувѣра Дидерота“.

Смерть Ивана Петровича — такая же типическая, въ смыслѣ типически-обыкновеннаго, какъ и вся жизнь его, какъ и переломъ, съ нимъ совершившійся, — именно съ нимъ, а не въ немъ, ибо въ немъ собственно ничего не совершалось.

„Не довѣряя искусству русскихъ врачей, онъ сталъ хлопотать о позволеніи отправиться за границу. Ему отказали. Тогда онъ взялъ съ собою сына и цѣлыхъ три года проскитался по Россіи отъ одного доктора къ другому, безпрестанно переѣзжая изъ города въ городъ и приводя въ отчаяніе врачей, сына, прислугу своимъ малодушіемъ и нетерпѣніемъ. Совершенной тряпкой, плаксивымъ и капризнымъ ребенкомъ воротился онъ въ Лаврики. Наступили горькіе денечки, натерпѣлись отъ него всѣ. Иванъ Петровичъ утихалъ только пока обѣдалъ; никогда онъ такъ жадно и такъ много не ѣлъ; все остальное время онъ ни себѣ ни кому не давалъ покоя. Онъ молился, ропталъ на судьбу, бранилъ себя, бранилъ политику, свою систему, бранилъ все, чѣмъ хвастался и кичился, все, что ставилъ нѣкогда сыну въ образецъ; твердилъ, что ни во что не вѣрить, — и молился снова; не выносилъ ни одного мгновенія одиночества и требовалъ отъ своихъ домашнихъ, чтобы они постоянно, днемъ и ночью, сидѣли возлѣ его кресель и занимали его разсказами, которые онъ то и дѣло прерывалъ восклицаніями: „вы все врете, — экая чепуха!“

„Особенно доставалось Глафирѣ Петровнѣ; онъ рѣшительно не могъ обойтись безъ нея; и она до конца исполняла всѣ прихоти больного, хотя иногда не тотчасъ рѣшалась отвѣчать ему, чтобы звукомъ голоса не выдать душившей ее злости. Такъ поскрипѣлъ онъ еще два года и умеръ въ первыхъ числахъ мая, вынесенный на балконъ, на солнце. „Глаша, Глашка! бульонцу, бульонцу, старая дур...“ пролепеталъ его коснѣющій языкъ и, не договоривъ послѣдняго слова, умолкъ навѣки. Глафира Петровна, которая только что выхватила чашку бульону изъ рукъ дворецкаго, остановилась, посмотрѣла брату въ лицо, медленно, широко перекрестилась и удалилась молча; а тутъ же находившійся сынъ тоже ничего не сказать, оперся на перила балкона и долго глядѣлъ въ садъ, весь благовонный и зеленый, весь блестящій въ лучахъ золотого весенняго солнца. Ему было двадцать три года: какъ страшно, какъ незамѣтно скоро пронеслись эти двадцать три года... Жизнь открывалась передъ нимъ“.

Таковъ отецъ Лаврецкаго, представитель обыкновенныхъ образованныхъ людей предшествовавшей двадцатымъ годамъ эпохи XIX вѣка, — эпохи, которой корни не въ XIX, а въ XVIII вѣкѣ.

Равнодушіе, если не озлобленіе, должны были мы всѣ, дѣти XIX вѣка, чувствовать первоначально къ XVIII вѣку, являвшемуся намъ всѣмъ болѣе или менѣе въ подобныхъ представителяхъ... Хорошо художнику и его читателямъ относиться къ подобнымъ личностямямъ, какъ къ типамъ, но кто, какъ Федоръ Лаврецкій, вынесъ на себѣ всю тяжесть зависимости отъ подобнаго типа въ жизни, тотъ, по освобожденіи изъ-подъ гнета, законно могъ почувствовать, что жизнь передъ нимъ отрывается.

Вѣдь это типъ не простой, а типъ реформаторскій. Вѣдь онъ ломаетъ жизнь по своему личному капризу, гдѣ только можетъ, — вѣдь онъ своими безтолковыми реформаторскими замашками и оскорбляетъ

и, — когда эти реформаторскія замашки оказываются мыльными пузырями, — возбуждаетъ къ себѣ невольное презрѣніе. Вѣдь когда переломъ совершился съ Иваномъ Петровичемъ, „сыну его уже пошелъ девятнадцатый годъ, и онъ начиналъ размышлять и высвободиться изъ-подъ гнета давившей его руки; онъ и прежде замѣчалъ разладу между словами и дѣлами отца, между его широкими либеральными теоріями и черствымъ, мелкимъ деспотизмомъ; но онъ не ожидалъ такого крутого перелома. Застарѣлый эгоистъ вдругъ выказался весь...“

Естественно, что въ душѣ его глубоко должна была залечь любовь къ тому именно, что ломалъ или пускался ломать его отецъ, — естественно, что онъ, человѣкъ страстный, впечатлительный и вмѣстѣ мягкій, останется на всю жизнь романтикомъ, т.-е. человѣкомъ волненія, сумерекъ, переходной эпохи.

Когда Иванъ Петровичъ принялся за его воспитаніе, онъ уже не былъ то, что называется *tabula rasa* — онъ уже напитался воздухомъ окружавшаго его быта подъ деспотическимъ, но все-таки менѣе давящимъ вліяніемъ „колотовки“ Глафиры Петровны.

„Въ обществѣ наставницы (шведки), тетки да старой сѣнной дѣвушки, Васильевны, провелъ Одея цѣлыхъ четыре года. *Бывало, сидитъ онъ въ уложу съ своими „Эмблемами“ — сидитъ, сидитъ; въ низкой комнатѣ пахнетъ гераніумомъ, тускло горитъ одна сальная свѣча, сверчокъ трещитъ однообразно, словно скушаетъ, маленькіе стѣнные часы торопливо чикаютъ на стѣну, мышь украдкой скребется и грызетъ за обоями,* — а три старыя дѣвы, словно Парки, молча и быстро шевелятъ спицами; тѣни отъ рукъ ихъ то бѣгаютъ, то странно дрожать въ полутьмѣ, — и странныя, также полутемныя мысли роятся въ головѣ ребенка. Никто бы не назвалъ Одея интереснымъ дитятей; онъ былъ довольно блѣденъ, но толстъ, несладко сложенъ и неловокъ, — настоящій мужикъ, по выраженію Глафиры Петровны; блѣдность скоро бы исчезла съ его лица, если бъ его почаще выпускали на воздухъ. Учился онъ порядочно, хотя часто лѣнился; онъ никогда не плакалъ; зато по временамъ находило на него дикое упрямство; тогда уже никто не могъ съ нимъ сладить. Одея не любилъ никого изъ окружавшихъ его... Горе сердцу, не любившему смолоду!“

Когда уже есть подобныя заложенія въ натурѣ, то никакая система воспитанія не истребитъ ихъ. А система воспитанія приложена была притомъ совсѣмъ противоположная натурѣ ребенка:

„Такимъ-то нашелъ его Иванъ Петровичъ и, не теряя времени, принялся примѣнять къ нему свою систему. Я изъ него хочу сдѣлать человѣка прежде всего, un homme, — сказалъ онъ Глафирѣ Петровнѣ, — и не только человѣка, но спартаца. — Исполненіе своего намѣренія Иванъ Петровичъ началъ съ того, что одѣлъ сына по-шотландски; двѣнадцатилѣтній малый сталъ ходить съ обнаженными икрами и съ пѣтушьимъ перомъ на складномъ картузѣ; шведку замѣтилъ молодой швейцарецъ, изучившій всѣ тонкости гимнастики; музыку, какъ занятіе недостойное мужчины, изгнали навсегда; естественныя науки, международное право, математика, столярное ремесло, по совѣту Жанъ-Жака Руссо, и геральдика, для поддержанія рыцарскихъ чувствъ, — вотъ чѣмъ долженъ былъ заниматься будущій „человѣкъ“; его будили въ четыре часа утра, тотчасъ оканивали холодной водой и заставляли

Объгать вокругъ высокаго столба на веревкѣ; бѣлъ онъ одинъ разъ въ день, по одному блюду, ѣздилъ верхомъ, стрѣлялъ изъ арбалета; при всякомъ удобномъ случаѣ упражнялся, по примѣру родителя, въ твердости воли и каждый вечеръ вносилъ въ особую книгу отчетъ прошедшаго дня и свои впечатлѣнія; а Иванъ Петровичъ, съ своей стороны, писалъ ему наставленія по-французски, въ которыхъ онъ называлъ его *mon fils* и говорилъ ему *vous*. По-русски Федя говорилъ отцу *ты*, но въ его присутствіи не смѣлъ садиться. „Система“ сбита съ толку мальчика, поселила путаницу въ его голову, притиснула ее; но зато на его здоровье новый образъ жизни благотѣльно подѣйствовалъ: сначала онъ схватилъ горячку, но вскорѣ оправился и сталъ молодцомъ. Отецъ гордился имъ и называлъ его на своемъ странномъ нарѣчій: *сынъ природы, произведение мое*. Когда Федѣ минулъ шестнадцатый годъ, Иванъ Петровичъ почелъ за долгъ заблаговременно поселить въ него презрѣніе къ женскому полу, — и молодой спартаецъ, съ робостью на душѣ, съ первымъ пухомъ на губахъ, полный соковъ, силъ и крови, уже старался казаться равнодушнымъ, холоднымъ и грубымъ“.

Результатовъ система чисто внѣшняя могла добиться только внѣшнихъ, да и то на время... Въ гнетѣ „колотовки“ была своего рода поэзія, въ гнетѣ Ивана Петровича никакой, — и когда умираетъ Иванъ Петровичъ, *жизнь открывается впервые передъ Лаврецькимъ*.

Спартанская система воспитанія, какъ всякая теорія, нисколько не приготовила Лаврецькаго къ жизни... Лучшее, что дала ему жизнь, было сознаніе недостатковъ воспитанія. Превосходно характеризуетъ Тургеневъ умственное и нравственное состояніе своего героя въ эту эпоху развитія. „Въ послѣднія пять лѣтъ, — говоритъ онъ о Лаврецькомъ, — онъ много прочелъ и кое-что увидѣлъ; много мыслей перебродило въ его головѣ; любой профессоръ позавидовалъ бы нѣкоторымъ его познаніямъ, но въ то же время онъ не зналъ *многого*, что каждому гимназисту давнымъ-давно извѣстно. Лаврецькій сознавалъ, что онъ не свободенъ, онъ втайнѣ сознавалъ себя *чужакомъ*“. Опять вѣрная художественно и въ высочайшей степени вѣрная же историческая черта, характеризующая множество людей послѣ-пушкинской эпохи. Это уже не та эпоха, когда

...Учились понемногу,
Чему-нибудь и какъ-нибудь.

Нѣтъ, это эпоха серіозныхъ знаній съ огромными пробѣлами, знаній, приобрѣтенныхъ, большей частью, саморазвитіемъ, самомышленіемъ, — эпоха Бѣлинскихъ, Кольцовыхъ и многихъ, весьма многихъ изъ насъ, если не всѣхъ поголовно...

Особенность Лаврецькаго въ томъ еще, что надъ нимъ тяготѣтъ совершенно уродливое воспитаніе.

„Недобрую шутку сыгралъ англomanъ съ своимъ сыномъ; капризное воспитаніе принесло свои плоды. Долгіе годы онъ безотчетно смирялся передъ отцомъ своимъ; когда же, наконецъ, онъ разгадалъ его, дѣло уже было сдѣлано, привычки вкоренились. Онъ не умѣлъ сходиться съ людьми; двадцати

трехъ лѣтъ отъ роду, съ неукротимой жаждой любви въ пристыженномъ сердцѣ, онъ еще ни одной женщины не смѣлъ взглянуть въ глаза. При его умѣ ясномъ и здоровомъ, но нѣсколько тяжеломъ, при его наклонности къ *упрямству, созерцанію и тѣни*, ему бы слѣдовало съ раннихъ лѣтъ попасть въ жизненный водоворотъ, а его продержали въ искусственномъ уединеніи...

Вступая въ жизнь съ жаждой жить, Лаврецкій лишень всякаго пониманія жизни, всякихъ средствъ прямого сближенія съ жизнью, — онъ долженъ непремѣнно разбиться при столкновеніи съ жизнью.

Съ поразительной логичностью, — вовсе не имѣя въ виду заданной напередъ темы, — ведетъ художникъ создаваемый имъ характеръ...

Григорьевъ.

Съ удивительнымъ художественнымъ проникновеніемъ ввелъ Тургеневъ одну черту въ исторію юности Лаврецкаго. Онъ, физически сильный, здоровый, застѣнчивый какъ мальчикъ въ свои двадцать три года, съ каждой знанія, съ душой, открытою для просвѣщенія, поступаетъ въ университетъ.

„Смѣшно было въ его года надѣть студенческой мундиръ, но онъ не боялся насмѣшекъ. Онъ поступилъ на физико-математическое отдѣленіе. Здоровый, краснощекій, уже съ заросшею бородою, молчаливый, онъ производилъ странное впечатлѣніе на своихъ товарищей; они не подозрѣвали того, что въ этомъ суровомъ мужѣ, аккуратно пріѣзжавшемъ на лекціи въ широкихъ деревенскихъ саняхъ парой, таится чуть не ребенокъ. Онъ имъ казался какимъ-то мудренымъ педантомъ; они въ немъ не нуждались и не искали въ немъ; онъ избѣгалъ ихъ“.

Такимъ образомъ Лаврецкій совершенно избѣгъ вліянія „кружковъ“, сформировавшихъ Рудина и Гамлета Щигровскаго уѣзда. Его душа осталась свободною, въ ней не было разбужено ни тщеславіе ни сентиментальность, и вѣянія той эпохи коснулись его не въ своемъ извращенномъ, разслабленномъ и опошленномъ выраженіи, — не въ кружкахъ, а непосредственно: съ кафедръ, быть можетъ, изъ устъ Грановскаго, съ театральныхъ подмостковъ во вдохновенной игрѣ Мочалова. И въ Москвѣ и за границей, гдѣ онъ продолжалъ учиться, Лаврецкій остался самимъ собою со своимъ здоровымъ умомъ, со своимъ крѣпкимъ чувствомъ. Онъ не спасовалъ бы передъ Рудинымъ и предъ тѣми вѣяніями, которыя въ немъ отразились. Онъ пожалѣлъ бы его, но не приклонился бы предъ нимъ, какъ преклоняется Лежневъ. Онъ и учился просто, безъ задней мысли: не для того, чтобы научиться любить родину. Онъ и безъ того ее любилъ, и для него каждый клочокъ родной земли былъ дороже всѣхъ „святыхъ чудесъ“ Европы.

Самъ Тургеневъ въ своихъ *Литературныхъ Воспоминаніяхъ* называетъ Лаврецкаго славянофиломъ. Но какой же онъ славянофилъ? Онъ не славянофилъ и не западникъ, онъ просто русскій человекъ, который даже не понимаетъ, о чемъ тутъ думать и разсуждать.

Въ извѣстномъ спорѣ съ Паншинымъ, гдѣ Лаврецкій и является, по мнѣнію Тургенева, славянофиломъ — „Лиза вся была на сторонѣ Лаврецкаго“. „А между тѣмъ ей и въ голову не приходило, что она патріотка“, читаемъ въ романѣ, — „но ей было по душѣ съ русскими людьми; русскій складъ ума ее радовалъ; она, не чинясь, по цѣлымъ часамъ бесѣдовала со старостой материнскаго имѣнія, когда онъ пріѣзжалъ въ городъ, и бесѣдовала съ нимъ, какъ съ ровней, безо всякаго барскаго снисхожденія“.

Лаврецкому точно также и въ голову не приходило, что онъ патріотъ или славянофиль, и онъ оборвалъ Паншина потому, что, какъ и Лизу, „самонадѣянный тонъ свѣтскаго чиновника его отталкивалъ“, а „его презрѣніе къ Россіи оскорбляло“.

Лаврецкій несчастливъ, но потому что несчастливо сложилась его жизнь, и онъ съ мужественнымъ спокойствіемъ несетъ свое несчастіе. Онъ не можетъ быть несчастливъ такъ, какъ Рудинъ; онъ любитъ Россію здоровою любовью, и вѣритъ въ нее. Онъ хорошо перенесъ прививку европейскаго просвѣщенія, и вышелъ изъ соприкосновенія съ этимъ просвѣщеніемъ самимъ собою, но уже съ сознательною любовью къ родинѣ своей и къ народу своему. Правда живая вѣра народная не наполняла его душу, какъ наполняетъ душу Лизы, но, какъ мы видѣли, его невѣріе, или то, что онъ считаетъ имъ, есть плодъ душевной усталости, а не нравственнаго распадена. „Лиза втайнѣ надѣялась привести его къ Богу“, пишетъ Тургеневъ — и, конечно, привела бы. Да мы и видимъ въ концѣ романа, какимъ высокимъ смиреніемъ проникнуты мысли и чувство Лаврецкаго — тѣмъ смиреніемъ, которое дается только вѣрой. Всѣмъ памяты эти послѣднія страницы романа — памятенъ образъ Лаврецкаго, состарѣвшагося, сломленнаго непосильнымъ горемъ, тягостью воспоминаній о погибшихъ надеждахъ, несбывшихся мечтахъ, но смиреннаго и спокойнаго въ своемъ высокомъ смиреніи. Смиреніе передъ жизнью, предъ ея таинственными силами хотѣлъ показать Тургеневъ въ Лаврецкомъ... но что же такое это смиреніе предъ жизнью, какъ не смиреніе „въ виду конца, *въ виду оживающаго Бога*“, какъ говоритъ Лаврецкій?

Лаврецкій не герой, конечно. Онъ не подвижникъ въ высокомъ, въ героическомъ смыслѣ этого слова, хотя вся его жизнь есть незримый и тяжелый подвигъ, — но онъ изъ тѣхъ, кѣмъ держится русская земля. А она держится смиренными и терпѣливыми, спокойными своею вѣрой въ Россію и въ народъ свой.

Лѣтописецъ смутнаго времени, описавъ полное разореніе земли русской, которой, казалось, уже не было спасенія, говоритъ: „И встали тогда *послѣдніе люди*“. Эти *послѣдніе люди* спасли Русь. Кто же они, эти „послѣдніе люди“? Да именно эти терпѣливые и спокойные, вступающіе только въ послѣднюю минуту, когда, кажется, все уже гибнетъ, и нигдѣ нѣтъ вѣры въ спасеніе — встающіе, чтобы пожертвовать собою и спасти...

Къ такимъ людямъ принадлежитъ Лаврецкій.

Говорятъ, что лица Лизы и Лаврецкаго вышли у Тургенева блѣдными и неясными, что тутъ нѣтъ красокъ, что это только туманные абрисы. Все это правда. Но тѣмъ не менѣе, если есть въ русской художественной литературѣ намекъ на то, что принято называть положительнымъ типомъ, то этотъ намекъ мы имѣемъ въ Лаврецкомъ.

Таковъ Лаврецкій и таково его значеніе...

Лаврецкій, возвратившійся на родину, съ усталою душою, съ незажившею, сочащеюся сердечною раной, тотчасъ же чувствуетъ успокаивающее дѣйствіе того полузабытаго вѣянія, которое снова коснулось души его. Онъ не поселился въ Лаврикахъ, гдѣ все ему напоминало и ослѣпившую его страсть къ женѣ, и годы дѣтства и юности, омраченные безпокойною суетливостью его отца, ломавшаго мальчика на свой образецъ, и страданія матери, отъ которой онъ былъ отъединенъ и оторванъ, и слишкомъ скоро сбывшееся зловѣщее пророчество тетки Глафиры о томъ, что не свить ему гнѣзда нигдѣ. Онъ поселился въ Васильевскомъ, въ маленькой своей деревушкѣ, и его тотчасъ же охватило вѣяніе преданія, вѣяніе глубокой тишины. Эта тишина вошла въ его душу и подѣйствовала на него какъ благотворный, тихій сонъ на больного, только что перенесшаго кризисъ. „Вотъ когда я на днѣ“, думалъ Лаврецкій, — и чувствовалъ, что здѣсь, на днѣ русской жизни, гдѣ совершается живая и таинственная работа нашихъ духовныхъ силъ, прибыло силы и бодрости въ душѣ его.

„И всегда, во всякое время неспѣшна здѣсь жизнь“, думалъ Лаврецкій. — „Кто входитъ въ ея кругъ, покоряйся: здѣсь незначѣмъ волноваться, нечего мутить; здѣсь только тому и удача, кто прокладываетъ свою тропинку не торопясь, какъ пахарь борозду плугомъ. И какая сила кругомъ, какое здоровье въ этой бездѣйственной тиши! Вотъ тутъ подъ овномъ коренастый лопухъ лѣзетъ изъ густой травы; надъ нимъ вытягиваетъ зоря свой сочный стебель, богородицны слезки еще выше выкидываютъ свои кудри; а тамъ дальше, въ поляхъ, волнуется рожь, и овесъ уже пошелъ въ трубочку, и ширится во всю ширину свою каждый листъ на каждомъ деревѣ, каждая травка на своемъ стеблѣ. „На женскую любовь ушли мои лучшіе годы“, продолжаетъ думать Лаврецкій, — „пусть же вытрезвить меня здѣсь скука, пусть успокоитъ меня, подготовить къ тому, чтобъ и я умѣлъ, не спѣша, дѣлать дѣло“. И онъ снова принимался прислушиваться къ тишинѣ; ничего не ожидая и въ то же время какъ будто безпрестанно ожидая чего-то: тишина обнимаетъ его со всѣхъ сторонъ, солнце катится тихо по спокойному синему небу, и облака тихо плывутъ по немъ; кажется, они знаютъ, куда и зачѣмъ они плывутъ. Въ то самое время въ другихъ мѣстахъ на землѣ кипѣла, торопилась, грохотала жизнь; здѣсь та же жизнь текла неслышно, какъ вода по болотнымъ травамъ; и до самаго вечера Лаврецкій не могъ оторваться отъ созерцанія этой уходящей, утекающей жизни; скорбь о прошедшемъ таяла въ его душѣ, какъ весенній снѣгъ, — и, странное дѣло! — никогда не было въ немъ такъ глубоко и сильно чувство родины“.

И такъ Лаврецкій погрузился „на дно рѣки“, душа его уже готова раскрыться, чтобы воспринять въ себя эту тишину, полную затаенной мысли, свѣтящуюся извнутри постояннымъ, ровнымъ свѣтомъ. Лаврецкій задумался надъ этою жизнью, и въ немъ, какъ бы сама эта жизнь задумалась надъ собою. Онъ какъ бы внялъ голосу поэта:

.....жить въ самомъ себѣ умѣй,
Есть цѣлый міръ въ душѣ твоей
Таинственно волшебныхъ думъ;
Ихъ заглушить наружный шумъ,
Дневные ослѣплять лучи:
Внимай ихъ пѣнью — и молчи...

И, прислушиваясь къ этой тишинѣ въ своей душѣ и къ тишинѣ жизни, текущей неслышно, „какъ вода по болотнымъ травамъ“, онъ чувствовалъ, что здѣсь скрыто что-то безконечно значительное, таинственное и глубокое. Нужно было, чтобы это безконечно значительное прикоснулось къ его душѣ реально, какъ прикасался Христосъ Своими божественными перстами къ страждущимъ, и исцѣлило ее, эту уставшую, смятую ложью жизни душу.

И предъ нимъ предстало это безконечно значительное, вышедшее изъ нѣдръ той же жизни, хранящей въ задумчивой своей тишинѣ свою тайну: предъ нимъ предстала Лиза. Она прикоснулась къ его душѣ — и душа эта расширилась, ожила, затрепетала новою, невѣдомою для нея жизнію... Въ Лизѣ, которую онъ полюбилъ, для него слилось все: и любовь къ родинѣ, и религиозное чувство, жившее въ его душѣ — слилось все — и все нашло свое объясненіе: онъ почувствовалъ всѣмъ своимъ существомъ, въ чемъ заключена тайна той тишины, къ которой онъ такъ чутко прислушивался. Любовь Лаврецкаго къ Лизѣ не отдѣляется въ душѣ его какъ особое чувство, она есть какъ бы высшее выраженіе всей его душевной жизни. Вотъ почему его любовь такъ чиста и свята, такъ цѣломудренна, вотъ почему эта любовь дала ему силу выдержать безконечно тяжкое испытаніе, вотъ почему эта любовь — сильнѣе смерти, сильнѣе вѣчной разлуки... Лиза умерла для Лаврецкаго, но любовь къ ней одухотворила его жизнь, подняла его на высоту того смиренія, въ ореолѣ котораго онъ въ послѣдній разъ проходитъ передъ нами въ концѣ романа.

Послѣ посѣщенія Калитиными Васильевскаго, еще не имѣя оказавшагося потомъ ложнымъ извѣстія о смерти жены, не питая никакихъ надеждъ, но уже чувствуя себя во власти Лизы, вспоминая ея образъ, ея слова, Лаврецкій произноситъ стихъ, недавно слышанный имъ отъ энтузіаста Михалевича.

Все время, возвращаясь верхомъ домой, онъ думалъ о Лизѣ, думалъ, самъ того не замѣчая, какою-то внутреннею думой.

„Онъ долго ѣхалъ“, читаемъ мы въ романѣ, „понутивъ голову, потомъ выпрямился, медленно произнесъ:

И я сжегъ все, чему поклонялся,
Поклонился всему, что сжигалъ...

Да, онъ сжегъ все, чему поклонялся. Образъ Лизы вошелъ въ его душу — и въ этой душѣ сгорѣло все нечистое, страстное, безпокойно-сомнѣвающееся, все, что осталось отъ чада жизни, прожитой имъ.

Михалевичь въ своихъ стихахъ воспользовался только однимъ старымъ изреченіемъ. Когда святой Ремигій обратилъ Клодвигу въ христіанство, и обращенный спросилъ его, что же онъ долженъ теперь дѣлать, такъ какъ онъ христіанинъ, святой Ремигій произнесъ свой знаменитый отвѣтъ: „Сожги все, чему ты до сихъ поръ поклонялся, поклонись всему, что ты сжигалъ“.

Лиза своимъ взглядомъ, своими простыми и глубокими словами о жизни и смерти, всѣмъ обаяніемъ своей дѣвственной чистоты, не нарушенной никакимъ страстнымъ помысломъ, безъ словъ сказала Лаврецькому тѣ же властныя слова: „Сожги все, чему ты до сихъ поръ поклонялся, поклонись всему, что ты сжигалъ“. И онъ сжегъ все, чему поклонялся: оно само собой сгорѣло въ душѣ его; и онъ поклонился тому, что сжигалъ на огнѣ плотской страсти — поклонился душевной красотѣ русской женщины и Тому, Кто создалъ эту красоту: „давно онъ не былъ въ церкви, давно не обращался къ Богу“... но теперь, когда онъ вмѣстѣ съ Лизой вошелъ въ храмъ, — „чудное умиленіе наполнило его душу... всѣмъ помысломъ своимъ онъ повергнулся ницъ и приникъ смиренно къ землѣ“.

И уже долго спустя, утративъ Лизу навсегда, готовый встрѣтить „одинокую старость“, онъ душой своей склоняется предъ нимъ же, предъ лицомъ „ожидающаго Бога“...

Лиза прикоснулась къ его душѣ, и онъ отошелъ отъ нея — исцѣленный.

Николаевъ.

Основное содержаніе повѣсти: „Наканунъ“ и созданные въ ней типы.

Каждое новое произведеніе Тургенева, только что резнесутся слухи въ обществѣ о скоромъ появленіи его, ожидается съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, читается съ жадностью; толки о немъ не умолкаютъ долгое время; живыхъ людей называютъ именами лицъ, созданныхъ воображеніемъ поэта; выраженія ихъ и любимыя фразы на долго входятъ въ обыкновенный разговоръ, усваиваются обществомъ. Ясное свидѣтельство того, въ какомъ близкомъ, въ какомъ тѣсномъ отношеніи къ русскому обществу находится талантъ Тургенева. Мы до того привыкли къ періодическимъ явленіямъ произведеній этого писателя, что въ каждомъ изъ нихъ невольно ждемъ чего-то новаго, прежде неслышаннаго нами, ждемъ того *новаго слова*, о которомъ часто и иногда вовсе нехотятъ говорить московскіе критики. Впрочемъ такое ожиданіе очень понятно, если мы вспомнимъ существенныя стороны таланта Тургенева, если мы обратимъ вниманіе на то именно, что составляетъ содержаніе его произведеній. Талантъ этотъ растетъ

передъ нашими глазами, но онъ растеть не одиноко, онъ растеть вмѣстѣ съ нами, растеть вмѣстѣ съ русскимъ обществомъ, вмѣстѣ съ тою общественною средою, къ которой принадлежать задуманныя и призванныя къ жизни Тургеневымъ лица его повѣстей и разсказовъ. Вглядываясь пристально въ галерею живыхъ портретовъ этого прекраснаго мастера, вы изучаете постепенное развитіе сознанія, вы видите, что съ каждымъ новымъ произведеніемъ черты дѣлаются рѣзче и опредѣленнѣе, что больше мысли, больше сердца свѣтится въ глазахъ этихъ портретовъ, что глубже орбиты этихъ глазъ, однимъ словомъ полнѣе духовная и нравственная жизнь этихъ портретовъ. За примѣрами ходить недалеко. Возьмите любой разсказъ Тургенева изъ прежнихъ лѣтъ, возьмите любую героиню его прежняго времени и сравните съ тѣми лицами, съ тѣми героинями, которыя появляются и дѣйствуютъ въ послѣднихъ разсказахъ его и вы легко увидите духовное преображеніе, совершившееся съ лицами, а слѣдовательно и съ жизнію. Шесть лѣтъ тому назадъ въ разсказѣ его „Затишье“, какъ и всѣ исполненномъ поэзіи, какъ и всѣ задуманномъ на вѣчной идеѣ любви, являются также живыя русскія лица, но какъ незначительно ихъ духовное содержаніе, какъ не осмыслились, не просвѣтлѣли еще черты ихъ лицъ, какою дикою является страсть, ихъ гнетущая. Отъ Марьи Павловны, героини „Затишья“, этой прямо русской степной красавицы, молчаливой и гордой, какъ статуя Юноны, лѣнивой и страстной, которая умѣла только пѣть свои родныя южно-руссскія пѣсни да любить удалую натуру Веретьева, до Елены, героини послѣдней повѣсти „Наканунъ“ множество промежуточныхъ женскихъ лицъ и каждая кажется всегда старшею сестрою предшествовавшей и умнѣе и лучше и развитѣе, и съ бѣльшимъ запасомъ нравственныхъ силъ. Вглядитесь въ нихъ по-пристальнѣе: основаніе одно и то же. Обѣ практическія натуры, ничего мечтательнаго и ложнаго, ничего натянутаго и дѣланнаго; обѣ съ жаждой дѣятельнаго добра, но какая разница: Марья Павловна годовой ребенокъ сравнительно съ Еленою. И этотъ герой „Затишья“, этотъ идеаль бѣдной дѣвушки, Веретьевъ, погубившій ее и доведшій ее до самоубійства, эта широкая прожигающая жизнь натура удалаго молодца, сильнаго и широкоплечаго, съ шапкою на бекрень, съ гитарою въ рукахъ, съ звучною пѣснію на устахъ, кончающая смѣшною фигуροю въ испанскомъ плащѣ и фуражкѣ, съ изношеннымъ лицомъ, крашеными усами и заплывшими отъ пьянства глазами, — съ жизнію, прожитою даромъ, нелѣпо, пошло, — какъ далеко отстоитъ онъ отъ Инсарова, нашего современника, любимаго Еленою, съ жизнію, вылившеюся въ страстную, полную любовь къ родинѣ, Инсарова — гражданина, Инсарова — патріота не на словахъ, а на дѣлѣ.

Всякій литературный талантъ подчиненъ общему закону жизни, отъ котораго не уйдетъ ничто живущее — закону развитія. Талантъ Тургенева растеть и развивается; всякое послѣднее его произведеніе необходимо должно быть полнѣе и художественнѣе предшествовавшаго,

глубже и оконченнѣе, какъ по мысли, заключенной въ немъ, такъ и по отдѣлкѣ. До сихъ поръ для Тургенева почти не было исключенія изъ этого историческаго закона. Но художественная полнота созданія зависитъ отъ автора, тогда какъ нравственная полнота лицъ, выводимыхъ имъ, зависитъ ужъ вовсе не отъ него, а отъ жизни, а отъ среды, на которой они выросли и которую не передѣляетъ никакой авторскій талантъ. Если герои и героини Тургенева растутъ, мужаютъ и совершенствуются нравственнымъ и гражданскимъ образомъ, то причину этого роста надобно искать не въ развитіи прекраснаго таланта Тургенева, а въ развитіи самого общества. Нигдѣ такъ наглядно не представляется ростъ общества человѣку мыслящему, какъ въ повѣстяхъ Тургенева; со временемъ, будущій историкъ нашего общества посмотритъ на нихъ, какъ на документы нашего общественнаго сознанія. Да, при всемъ нашемъ глубокомъ уваженіи къ прекрасному таланту Тургенева, мы увѣрены, что нравственное содержаніе его типовъ дается жизнію и не зависитъ отъ его таланта. Талантъ даетъ имъ болѣе или менѣе законченную форму; онъ пересаживаетъ ихъ изъ дѣйствительности въ область фантазіи; онъ окружаетъ ихъ любовью или ненавистью, но не создаетъ ихъ; содержаніе готово, дано, и таланту надобно только воспользоваться имъ. Тургеневъ принадлежитъ къ тѣмъ чуткимъ, къ тѣмъ богато развитымъ людямъ мысли, которые жадно прислушиваются къ жизни дѣйствительной, ловятъ ея неувидимые звуки, какъ поэтъ прислушивается къ ропоту моря, къ шуму лѣса, къ молчанію степи, стараясь поймать разлитую по всей вселенной гармонію, стараясь сознать и изобразить ее. При этомъ живомъ отношеніи къ дѣйствительности, любовь и симпатія, составляющія содержаніе таланта Тургенева, позволяютъ ему улавливать каждый звукъ, каждый образъ, на многое находить отвѣтъ въ себѣ и преимущественно на явленія общественныя. Вотъ поэтому-то Тургеневъ любимецъ русскихъ читающихъ людей, и они давно уже привыкли восторженно встрѣчать каждое новое произведеніе его, полагая найти въ немъ отвѣтъ на завѣтныя думы, надѣясь подстеречь въ немъ художественный образъ того, что волнуетъ и мучитъ душу, что неясно, смутно, неопредѣленно волнуется въ настоящей дѣйствительности и что только въ краскахъ и образахъ художниковъ получаетъ вѣчную форму. Вотъ поэтому-то слухъ о появленіи новаго романа Тургенева заставилъ всѣхъ ожидать его съ нетерпѣніемъ, читать его съ жадностью, задумываться надъ скрытой въ немъ, но неволью выставляющейся мыслию. Самое названіе его, съ новымъ символическимъ намекомъ, которому можно придать очень обширный смыслъ, указывало на мысль повѣсти, заставляло догадываться, что авторъ хотѣлъ сказать что-то больше того, что заключено въ его художественныхъ образахъ. Не мы первые высказываемъ мысль, что русское общество переживаетъ переходную эпоху; явленія нашей общественной жизни, реформы вѣковыхъ учрежденій, это неустановившееся, смутное броженіе въ умахъ, эти силы, этотъ пылъ молодости, часто растрачиваемый на пустяки

и вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствующій о жизни, заключенной въ нихъ, все это указываетъ, что общество должно измѣниться, что ему предстоитъ коренное преобразование, что прежніе идеалы должны вмѣстѣ съ формами замѣниться другими, что старыхъ людей, измученныхъ и дряблыхъ, вынесшихъ на плечахъ своихъ много тяжелаго, людей очень умныхъ, но непрактическихъ, отлично иронизирующихъ, все понимающихъ, но не способныхъ на дѣло, должны смѣнить иные, новые люди, выросшіе совершенно для другой дѣятельности и при другихъ общественныхъ условіяхъ. Человѣкъ, передъ которымъ не напрасно проходятъ явленія жизни, ясно видитъ, что мы живемъ наканунъ этого общественнаго перелома, что если наша дѣятельность неясна, такъ это отъ того, что мы погружены еще въ сумракъ зари, а не освѣщены дѣйствительнымъ и полнымъ солнечнымъ свѣтомъ. Вглядываясь въ черты фізіономій множества лицъ, мастерски написанныхъ Тургеневымъ, черты, въ которыхъ много родственнаго, а между тѣмъ такая страшная градація развитія нравственнаго, мы, хотя и сказали, что въ этомъ развитіи видимъ ростъ самого общества, должны однакожь ограничить нашу мысль. Между сердечными стремленіями Маріи Павловны въ „Затишьи“ (останемся при прежнемъ примѣрѣ) и Елены въ „Наканунѣ“ — цѣлая бездна, но изъ этого мы не станемъ выводить заключенія, что общество наше идетъ въ семимильныхъ сапогахъ. Гораздо вѣрнѣе это колебаніе чертъ, эту неувимую пестроту явленій, не успѣвшихъ вылиться въ ясную форму, отнести на счетъ неопредѣленности, переходности самой, переживаемой нами эпохи. Сравнивая портреты Тургенева, а они по художественной отдѣлкѣ своей допускаютъ это сравненіе, съ портретами великихъ мастеровъ, умѣвшихъ изображать человѣческія лица, съ портретами Тиціана, Гольбейна, Вандейка, Рембрандта, насъ поражаетъ то обстоятельство, что первые похожи на туманные образы, что въ общей массѣ ихъ безконечныя варіаціи, что они не смѣло свидѣлствуютъ о жизни, объ эпохѣ, произведшихъ ихъ, тогда какъ въ послѣднихъ мы видимъ яркое выраженіе эпохъ ихъ создавшихъ, со всѣмъ добромъ и зломъ, окружавшаго ихъ міра. Названные нами великіе портретисты имѣли дѣло съ лицами, конечно, разнообразными, но по которымъ пробѣжала одна мысль, которые выражаютъ одинаковое нравственное содержаніе; у насъ же такая пестрота и разнообразіе, что руки опускаются при желаніи уловить духовный образъ эпохи: но ясно ли, что жизнь переживаетъ трудное, переходное время, что она не опредѣлилась еще вполне, что она волнуется, какъ не остывшая масса, что намъ еще долго дожидаться того времени, когда изъ этихъ волнъ осядутъ правильные кристаллы, вѣчные типы.

Новая повѣсть Тургенева „Наканунѣ“, въ которой авторъ, какъ будто покончивъ съ типами доселѣ имъ любимыми, пытается создать новыхъ людей, ожидаемыхъ обществомъ, встрѣчена была такими разнообразными толками и противорѣчащими сужденіями, какими не сопровождалось ни одно изъ его произведеній, хотя критика не

успѣла еще разработать этотъ типъ — намекъ, представленный Тургеневымъ, не успѣла еще освоиться съ нимъ. Большинство осталось положительно недовольнымъ этимъ болгаромъ Инсаровымъ, увлекшимъ русскую дѣвушку, на которую авторъ потратилъ все богатство своего поэтическаго творчества, для которой не пожалѣлъ ни красокъ ни любви. Одни негодовали на то, что этотъ пришлецъ Инсаровъ лицо очень не поэтическое, что онъ нигдѣ не выказываетъ своей дѣятельности, что дѣятельность эта, насколько она проявляется въ повѣсти, очень пуста и ничтожна, и что напрасно авторъ своимъ Инсаровымъ тычетъ какъ бы въ глаза такимъ развитымъ, богато-одареннымъ натурамъ, каковы художникъ Шубинъ или ученый Берсеневъ. Другіе порицали автора за то, что взявъ своего новаго героя изъ Болгаріи, онъ какъ будто этимъ хотѣлъ сознаться, что земля наша велика и обильна и много производитъ прекрасныхъ личностей, а Инсаровыхъ въ ней покуда еще нѣтъ, такъ что приходится ихъ, какъ нормановъ или литовцевъ выписывать изъ-за моря. Однимъ словомъ, впечатлѣніе, произведенное новою повѣстію Тургенева, было больше неблагоприятно, чѣмъ благопріятно; иные, назойливые люди, доходили до убѣжденія, что авторъ подвергнулся полному fiasco и что только чудная прелесть, дѣвственная поэзія его „Первой любви“, искупаетъ недостатки „Наканунѣ“, повѣсти, написанной съ неудачною тенденціею. Такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Точно ли Тургеневъ заслуживаетъ упрековъ и порицанія, и не виновата ли сама жизнь въ томъ, что первый встрѣчающійся въ нашей литературѣ типъ Инсарова, человѣка цѣльнаго, не раздвоеннаго и не подорваннаго, человѣка, у котораго слово и дѣло сливаются въ одно, у котораго нѣтъ готовыхъ на устахъ, но, никогда не примѣняемыхъ къ дѣлу фразъ, который не задумывается надъ любовью, или ненавистью, надъ долгомъ или страстію, который весь отдался великому дѣлу, совершаемому имъ безъ парада и шума, безъ реторики и кривляній, что типъ Инсарова вышелъ неполнѣе удаченъ и неудовлетворяетъ насъ? Былъ ли онъ въ состояніи сдѣлать изъ этого лица такой полный и опредѣленный образъ, какой представляютъ намъ „Лишніе люди“, Рудины *et tutti quanti*, эти „грызуны, гамлетики, самоѣды“, какъ называетъ ихъ Шубинъ, люди, которыхъ огромное число выкормила и похоронила русская земля, съ которыми сжился талантъ Тургенева? Да, виновата среда, если лицо Инсарова въ русской повѣсти кажется имъ иностраннымъ; авторъ самъ чувствовалъ неловкость своего героя, если бъ онъ родился въ русской кожѣ, и выписалъ его изъ Болгаріи. Намъ горько и больно это обстоятельство, но дѣлать тутъ нечего, и мы покорно клонимъ голову передъ неизбѣжнымъ произволомъ автора, но за то радостно привѣтствуемъ этотъ новый, невиданный дотолѣ въ русской литературѣ, а, слѣдовательно, и жизни, образъ, какъ заждавшіеся, старѣющіе супруги привѣтствуютъ первое дитя свое, ожидаемое съ трепетомъ и молитвою.

Содержаніе „Наканунѣ“ все основано на любви, составляющей паюсъ повѣсти, въ которомъ пробуются разные характеры и гдѣ

побѣдителемъ является болгарь Инсаровъ, подчиняющій себѣ вполне одинъ изъ лучшихъ женскихъ характеровъ, когда-либо созданныхъ Тургеневымъ. До сихъ поръ женщины Тургенева стояли гораздо выше мужчинъ; теперь онъ, повидимому, ставитъ своего новаго героя выше этой Елены. Взглянемъ прежде на эту прекрасную русскую дѣвушку повѣсти, посмотримъ почему ей изъ всѣхъ ее окружающихъ лицъ возможно было полюбить Инсарова и никого другого, почему одинъ этотъ человекъ, натура далеко не талантливая и не поэтическая остался побѣдителемъ между другими.

Удивительная, славная дѣвушка эта Елена, выросшая, подобно героинѣ „Дворянскаго гнѣзда“ Богъ знаетъ на какой почвѣ, въ какомъ семействѣ, уродившаяся ни въ мать ни въ отца. Подобныя явленія только на Руси бывають, и мы не знаемъ какъ и объяснять ихъ. Отецъ — пустѣйшій и вздорный болтунъ, забывающій жену для вдовы нѣмецкаго происхожденія, домъ — для клуба. Мать, всегда склонная къ волненію и грусти, всегда больная и капризная, съ пансіонскими мечтами на старости лѣтъ (Шубинъ называетъ ее курицей) еще меньше отца могла имѣть вліяніе на развитіе дочери. Оставленная на свободѣ, она развернулась роскошнымъ поэтическимъ цвѣткомъ, созданіемъ вольнымъ и полнымъ, и не ея вина, если она охладѣла и къ отцу и къ матери. Впечатлѣнія ложились глубоко къ ней въ душу. „Слабость возмущала ее, глупость сердила, ложь она не прощала, требованія ея ни передъ чѣмъ не отступали, самыя молитвы не разъ мѣшались съ укоромъ. Стоило человеку потерять ея уваженіе, — а судъ произносила она скоро, — и ужъ онъ переставалъ существовать для нея“. Безъ подругъ и безъ этой пошлой обстановки, которая дѣлаетъ русскую дѣвушку „барышней“, нарядной куклой, а жизнь ея мелкою и ничтожною, она жаждала не нарядовъ и праздниковъ, какъ всѣ, а дѣятельнаго добра; нищія, голодные, больные ее занимали, тревожили, мучили. Всѣ притѣсненные животныя находили въ ней покровительство и защиту. На десятомъ году она познакомилась съ нищею дѣвочкой Катей и прислушивалась къ ея рассказамъ, и потомъ хотѣлось ей надѣть сумку, убѣжать съ Катей и скитаться по дорогамъ. Безъ вѣшняго шума, безъ вѣшнихъ волненій, жизнь ея перегорала во внутренней тревогѣ, одиноко, никому не слышною борьбою. „Ея душа и разгоралась и погасала одинокою, она билась, какъ птица въ клеткѣ, а клетки не было; никто не стѣснялъ ее, никто не удерживалъ, а она рвалась и томилась... Все, что окружало ее, казалось ей не то бессмысленнымъ, не то непонятнымъ. Какъ жить безъ любви? а любить нѣкого! думала она и страшно становилось ей отъ этихъ думъ, отъ этихъ ощущеній... Иногда ей приходило въ голову, что она желаетъ чего-то, чего никто не желаетъ, о чемъ никто не мыслить въ цѣлой Россіи“. Елена стоитъ уже ступенью выше Лизаветы Михайловны въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“; она не нашла себѣ выхода въ томъ квіетизмѣ, въ томъ византійскомъ міросозерцаніи, которымъ удовлетворялась героиня „Дворянскаго гнѣзда“; она ждала чего-то,

жаждала, мучилась и страдала, плакала недсумѣвающими, но жгучими слезами. Такою является она передъ нами, когда встрѣча съ Инсаровымъ на дачѣ въ Кунцовѣ рѣшаетъ ея участь и опредѣляетъ окончательно ея жизнь.

Отрывки изъ дневника Елены указываютъ намъ то состояніе ея души, когда она познакомилась съ Инсаровымъ. Состояніе это — дѣвушка, развитой духовно, которой только любовь даетъ послѣднее опредѣленіе. Все окружающее ее такъ пошло и ничтожно; привязаться ей не къ кому. Оттого у ней нѣтъ покоя, оттого ей грустно и тошно такъ, что она завидуетъ пролетающимъ птицамъ. Ей некому протянуть руки; она спрашиваетъ себя, зачѣмъ у ней эта молодость, эта душа, зачѣмъ живетъ она. „Пошла бы куда-нибудь въ служанки, право: мнѣ было бы легче“, пишетъ она. Какъ могла бы она полюбить, какимъ бы могучимъ счастьемъ окружила она человѣка, избраннаго душой ея. Она никогда не мыслила, не чувствовала вполнину. И вотъ наступаетъ для нея этотъ періодъ блаженства, это долгожданная, долго призываемая любовь, и русская литература обогатилась нѣсколькими страницами такого блестящаго описанія страсти, страницами полными роскоши молодого и свѣжаго чувства, полными волшебнаго обаянія любви, какія рѣдко случалось перечитывать намъ доселѣ. Весеннимъ благоуханіемъ вѣетъ со страницъ этихъ, и счастливо общество, въ которомъ посреди нестройныхъ звуковъ и формъ неуяснившейся, полу-дикой дѣйствительности, раздаются подобныя гармоническіе звуки, возникаютъ такіе ясные, роскошные образы.

Кому же отдалась эта дѣвушка, эта чуткая душа, какъ называетъ ее Шубинъ, отдалась вполнѣ и безраздѣльно? Кто этотъ счастливецъ, вырвавшій ее изъ пошлаго міра ее окружающаго? Чѣмъ увлекъ онъ ее, чѣмъ соблазнилъ ее? Четырехъ молодыхъ людей выставляетъ авторъ претендентами сердца Елены. Каждый изъ нихъ и благороденъ, и чистъ, и достоинъ всякаго сердца женскаго, но одинъ изъ нихъ выше остальныхъ трехъ. Чѣмъ же онъ выше? Что это за новый идеалъ, волнующій сердце дѣвушки? Чѣмъ онъ достойнѣе остальныхъ извѣстныхъ и знакомыхъ намъ личностей, которыя не разъ Тургеневъ подвергалъ беспощадному анализу, гдѣ соединялась тонкая иронія съ грустнымъ сожалѣніемъ?

Непосредственная, художественная, блестящая натура представляется намъ въ лицѣ художника-скульптора Шубина. Здоровье и молодость, безпечность, самонадѣянность, избалованность невольно привлекаютъ къ нему. Какъ горячо, какъ страстно говоритъ онъ о любви, которую проситъ молодость, объ этой жаждѣ счастья, которою полна душа его. „Мы молоды, не уроды, не глупы, говоритъ онъ Берсеневу, мы завоюемъ себѣ счастье!“ „Какіе безмолвные восторги пилъ бы я въ этихъ ночныхъ струяхъ, подъ этими звѣздами, подъ этими алмазами, если бъ я зналъ, что меня любятъ“ говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ. Дальше этого счастья, эгоистическаго, но классическаго, дальше этого греческаго идеала наслажденія не идетъ Шубинъ. Онъ какъ-то

художественно, порывисто влюбленъ въ Елену и въ то же время гоняется за красивой горничной Аннушкой и отбиваетъ у отца Елены Августину Христіановну. Это типъ такъ называемой широкой натуры, доведенный здѣсь до изящества, до граціи, освобожденной отъ всего грубаго, дикаго, удалаго, исполненной той сдержанной, законной гармоніей, которая проникаетъ все существо Шубина. Ему хочется свѣта, простора, Италіи, обѣтованной земли художниковъ. Это облагороженный эпикуреецъ, ревниво ограждающій свое счастье отъ всякаго облачка. Онъ не допускаетъ малѣйшей тѣни на этомъ свѣтломъ небѣ изящнаго наслажденія жизнью, и когда Берсеневъ въ ясный вечеръ рассказываетъ Еленѣ исторію отца своего, послѣдователя шеллинговой философіи, онъ проситъ говорить о соловьяхъ, о розахъ, о молодыхъ глазахъ и улыбкахъ. Онъ ничего еще не сдѣлалъ, но въ немъ множество задатковъ; геніальная натура его сказывается въ изящныхъ статуеткахъ, гдѣ мѣтко подмѣчены имъ выраженіе лица и внутренній міръ его знакомыхъ. Онъ и кончаетъ въ повѣсти не дурно. Мы прощаемся съ нимъ въ Римѣ, гдѣ онъ весь отдался своему искусству, работаетъ много и считается однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ ваятелей — Шубинъ — представитель цѣлаго поколѣнія молодыхъ русскихъ людей. къ счастью отживающаго теперь, которые вслѣдствіе независящихъ отъ нихъ обстоятельствъ, выбрали своюо дѣятельностію изящное наслажденіе жизнью, а идеаломъ для подражанія художественную фигуру Вильгельма Мейстера. Въ немъ много обаянія, *шарму*, какъ говоритъ онъ самъ. Такія лица нравятся женщинамъ съ эпикурейскими наклонностями, но на Елену онъ не могъ подѣйствовать. Она пишетъ въ своемъ дневникѣ, что ей не нужно его любви; она прямо говоритъ ему, что не полюбитъ художника. Онъ наряженъ, какъ бабочка, по словамъ ея, да любитъ своимъ нарядомъ, чего бабочки не дѣлаютъ. Кромѣ этой изящной виѣшности, подвижности, блеска, у Шубина прекрасное сердце, прекрасная душа. Въ немъ такъ много любви ко всему окружающему; эту любовь, это человѣческое участіе онъ вноситъ въ домашнія ссоры семейства, гдѣ живетъ; онъ улыбкой прогоняетъ вздохъ, шуткой сглаживаетъ набѣжавшія морщины на лобъ близкаго ему человѣка; онъ шутитъ надъ грубыми выходками и пристыжаетъ; онъ является спасителемъ въ затруднительныя минуты. Онъ красиво уменъ, но ни во что не вѣрится, потому что „въ самого себя вѣрить нельзя“ говоритъ Елена. Въ сравненіи съ Инсаровымъ онъ вовсе не дрянъ, но Елена никогда его не любила, какъ сама признается. Что для ея натуры съ вѣчною жаждою дѣятельнаго добра могла значить эта красивая, блестящая личность съ ея ироніей и эпикурейской бездѣятельностію? Намъ указать на римскія работы Шубина и сказать, что онъ вовсе не бездѣтеленъ, но эти работы были его личнымъ дѣломъ, прихотью его художической души, послѣобѣденнымъ кейфомъ. Играй искусство въ настоящемъ мірѣ ту роль, какую играло оно въ XIV, XV, XVI вѣкахъ, сдѣлайся оно главнымъ содержаніемъ цѣлой эпохи, такъ что художникъ является живымъ сосудомъ цѣлаго

міра общественныхъ идей и стремленій, и будь Шубинъ однимъ изъ такихъ художниковъ, воплотившихъ въ свои созданія современную мысль родины — конечно Елена имѣла бы полное право полюбить его. Но теперь искусство служить *для украшенія жизни*; связи съ народной исторіей оно не имѣетъ никакой и Шубина могла полюбить только лѣнивая, жаждущая наслажденія женщина, а не строгая, дѣятельная Елена.

Теперь другой типъ, который нѣсколько подѣйствовалъ на сердце Елены, такъ что ей казалось одно время, что она любитъ его — Берсенева, человѣкъ хорошо воспитанный, кандидатъ московскаго университета, съ лицомъ, выражающимъ привычку мыслить и доброту. Г-жа Туръ когда-то сдѣлала подобное лицо герою своего большого романа „Племянница“. Это представитель тѣхъ жрецовъ науки, которыми, по словамъ Шубина, справедливо гордится классъ средняго русскаго дворянства, будущій посредникъ между наукой и россійской публикой. Онъ учится много, работаетъ усердно, но въ немъ нѣтъ этой пылкости Шубина, этой возможности отдаться на долго, страстно, съ забвеніемъ самого себя впечатлѣнію. Онъ чувствуетъ, что въ немъ зарождается любовь къ Еленѣ, онъ груститъ и страдаетъ; въ немъ уже есть зародыши той рефлексіи, которая губитъ жизнь, уничтожаетъ наслажденіе, не допускаетъ беззавѣтно отдаться чувству. Всего яснѣе контрасты обѣихъ натуръ выражаются во взглядѣ на природу у Шубина и у Берсенева. Когда первый радостно вдыхаетъ въ себя это дыханіе жизни, разлитой повсюду, Берсенева чувствуетъ безпокойство, тревогу, грусть; онъ силится размышленіемъ объяснить себѣ свое душевное состояніе. Когда подъ вліяніемъ вечера, проведеннаго съ Еленой, онъ возвращается домой и сердце его настроено на любовь, онъ садится за фортепьяно въ своей комнатѣ и подъ аккорды звуковъ, выражающихъ чувство, онъ плачетъ горькими слезами; да онъ умѣетъ плакать. Но тотчасъ же, онъ умѣетъ подавить въ себѣ зародившуюся тревогу, умѣетъ закрыть фортепьяно, заглушить звуки, поющие въ сердцѣ и перейти къ тому, что, по его понятіямъ, составляетъ его призваніе въ жизни. Онъ можетъ раскрыть Раумерову *Исторію Гогенштауфеновъ* именно на той страницѣ, на которой остановился по утру и продолжать свое изученіе дальше, перейти отъ Раумера къ Гроту и т. д. Что-то порядочное, нѣмецкое, въ этомъ подчиненіи себя идеалу долга, призванію. Любимая мечта его, цѣль его жизни — сдѣлаться профессоромъ. „Какое же можетъ быть лучше призваніе, говоритъ онъ Еленѣ, — подумайте, пойти по слѣдамъ Тимооева Николаевича?“ Одна мысль о подобной дѣятельности наполняетъ его радостью и смущеніемъ. Онъ не гордъ и не самоувѣренъ, онъ сознаетъ все, чего недостаетъ ему и мечтаетъ получить позволеніе, съѣздить за границу года на три, четыре и тамъ поучиться въ германскихъ университетахъ. Его идеаль — эта дѣятельность слова въ аудиторіи, этотъ свѣтъ мысли постепенно пробивающій густую тьму, эта просвѣщенная борьба со зломъ, которой онъ хочетъ отдать всю свою жизнь, выбирая ору-

діемъ борьбы — науку. Онъ говоритъ прекрасно, сдержанно, съ сосредоточенною мыслию. Умъ и сердце слышатся въ словахъ его; Шубину объясняетъ онъ красоту, которую понимаетъ какъ эстетически-развитый человѣкъ, а не какъ художникъ, и Елена слушаетъ его со вниманіемъ, не отводя взора отъ его поблѣднѣвшаго лица, отъ глазъ его, дружелюбныхъ и кроткихъ. При разговорѣ съ нимъ „душа ея раскрывалась, и что-то нѣжное, справедливое, хорошее, не то вливалось въ ея сердце, не то выросло въ немъ“. Берсенева не эпикуреецъ. Онъ не жаждетъ счастья, подобно Шубину; онъ смотритъ на счастье, какъ на эгоизмъ; у него есть кой-что повыше этого личнаго счастья. Онъ говоритъ Шубину, что есть на свѣтѣ слова, соединяющія людей, заставляющія ихъ подавать другъ другу руки, что слова эти: искусство, родина, наука, свобода, справедливость — выше счастья, что любовь, которая для Шубина есть наслажденіе, по его понятію должна быть жертвою, что все назначеніе нашей жизни — *поставить себя нумеромъ вторымъ* (въ противоположность эгоизму художника), и съ этой точки зрѣнія подчиненія себя общему благу, забвенія своей личности, онъ смотритъ на будущую свою дѣятельность. Берсенева существо серьезное, но абстрактное, идеалистъ; его цѣль не близка; она далеко; за его словомъ не послѣдуетъ тотчасъ же примѣненія, дѣйствія. Берсенева сознательно добра. Елена въ дневникѣ сравниваетъ его разъ съ Инсаровымъ и говоритъ, что Берсенева можетъ быть ученѣе его, можетъ быть умнѣе, „но я не знаю, прибавляетъ она, *онъ передъ нимъ такой маленький*“. Самоотверженіе его тогда, когда узнаетъ онъ о любви Елены къ Инсарову, когда нейдетъ ему въ голову Раумеръ, — трогательно. Заботы у постели больного Инсарова, роль посредника между имъ и Еленой, которую любилъ онъ, роль, вѣроятно, стоившая ему тяжелыхъ часовъ глухаго страданія, вызываютъ къ нему участіе. Лучше всего выражается его характеръ въ слѣдующихъ словахъ его: „Не даромъ мнѣ говаривалъ отецъ: мы съ тобой, братъ, не сибариты, не аристократы, не баловни судьбы и природы, мы даже не мученики, — мы труженики, труженики и труженики. Надѣвай же свой кожаный фартузь, труженикъ, да становись же за свой рабочій станокъ въ своей темной мастерской! А солнце пусть сіяетъ другимъ! И въ нашей глухой жизни есть своя гордость и свое счастье!“ Люди, подобные Берсенева, носятъ въ груди своей клятву рыцарей Круглаго Стола; это такъ называемые *пionеры будущаго* и, конечно, мы не откажемъ имъ въ нашемъ глубокомъ, полномъ сочувствіи, если только призваніе свое выполняютъ они честно и искренно, если они не сворачиваютъ съ своей дороги и ни съ кѣмъ никогда не дѣлаютъ компромиссовъ. Образецъ, приводимый Берсеневымъ, по слѣдамъ котораго онъ хочетъ идти — Грановскій есть типъ этихъ чистыхъ рыцарей, которымъ ввѣренъ Грааль науки, бережно хранимый ими въ глухомъ лѣсу, среди дикихъ звѣрей. Но время Грановскаго, несмотря на всю близость его къ намъ, не похоже на настоящее время, и мы увѣрены, что Грановскій теперь былъ бы инымъ. Въ этомъ служеніи абстракт-

ному идеалу науки, въ этомъ ожиданіи отдаленныхъ плодовъ ея, въ этой медленной постройкѣ таинственнаго зданія есть что-то масонское, мистическое. Молодая жизнь не терпитъ никакого мистицизма. Ея горячія слезы отираются дѣятельной любовью; ея раны залѣчиваются дѣйствительными хирургами, а не теоретиками съ художественно-изящными фразами на устахъ. *Ars longa vita brevis*—говоритъ опошленная употребленіемъ пословица и жизнь не ждетъ, какъ не дожидалась Елена, можетъ быть сначала чувствовавшая влеченіе къ Берсеневу того времени, когда онъ кончитъ свое ученіе на казенный счетъ въ Парижѣ, Гейдельбергѣ, Берлинѣ и напечатаетъ статьи свои: *О нѣкоторыхъ особенностяхъ древне-германскаго права въ дѣлѣ судебныхъ наказаній* и *О значеніи городского начала въ вопросъ цивилизаціи*, написанныя языкомъ нѣсколько тяжелымъ и испещреннымъ иностранными словами. Эти названія сочиненій Берсенева звучатъ, какъ иронія: такъ далеки они отъ жизни, такъ ясно показываютъ, въ какую отдаленную сферу кинулся авторъ ихъ. А Елена поѣхала туда, гдѣ бьется настоящая жизнь, гдѣ народъ подымается противъ своихъ вѣковыхъ притѣснителей — турокъ, гдѣ у каждаго на устахъ слова: родина, независимость...

У Вотъ два лица-типа, люди прекрасные во многихъ отношеніяхъ, съ которыми дружна Елена, но которыхъ не полюбитъ она, какъ любила Инсарова. Отношенія ея къ нимъ совершенно свободны. Третій молодой человекъ, третій типъ — женихъ, выбранный дочери благо-разумнымъ родителемъ, идеаль родительской власти, идеаль маменекъ, прекрасный мужъ, по понятіямъ нашихъ семействъ. „Образованія отличнаго, правовѣдъ, манеры прекрасныя, тридцать три года, оберъ-секретарь, коллежскій совѣтникъ и Станиславъ на шеѣ.“ Онъ отличный работникъ по канцелярской части, дѣлецъ, — человекъ положительный и честный: когда представилась ему возможность существовать безбѣдно своимъ жалованьемъ, онъ отказался въ пользу своихъ братьевъ отъ ежегодной суммы, назначенной ему отцомъ. Это Паншинъ „Дворянскаго гнѣзда“, поумнѣ его, положительнѣе и не такъ фразистъ. Очевидно, что онъ считаетъ себя выгоднымъ женихомъ для всякой порядочной дѣвушки и рассчитываетъ съ своей стороны также на выгодную женитьбу. Въ немъ много сторонъ и благородныхъ и практическихъ; это человекъ уже нашего времени, воспитанный современными понятіями. Къ петербургскому *comme il faut*, къ этой недостижимой обѣтованной землѣ для нашихъ провинцій, онъ совершенно равнодушенъ и называетъ себя чернорабочимъ, пролетаріемъ. Но — это современная фраза, это хвастовство съ его стороны: чернорабочіе не хвастаются. Какъ и Елена, какъ и Инсаровъ — Курнатовскій ничего не смыслить въ художествѣ, но совсѣмъ по другой причинѣ; тѣ, потому что для нихъ практическое добро выше эгоистическаго наслажденія изящными формами, а этотъ потому что дѣйствительно не смыслить. Лучшій портретъ этого опрятнаго господина заключается въ слѣдующихъ словахъ письма Елены къ Инсарову: „Онъ небольшого роста, меньше

тебя, хорошо сложенъ, черты у него правильны, онъ коротко остриженъ, носить большіе бакенбарды. Глаза у него небольшіе (какъ у тебя), каріе, быстрые, губы плоскія, широкія: на глазахъ и на губахъ постоянная улыбка, *официальная* *какая-то: точно она у него дежуритъ.* Держится онъ очень просто, говоритъ отчетливо и все у него отчетливо: онъ ходитъ, смѣется, ѣсть, словно дѣло дѣлаетъ... Въ немъ есть что-то желѣзное... и тупое и пустое въ то же время — и честное, говорятъ, онъ точно очень честенъ. *Ты у меня тоже желѣзный, да не такъ, какъ этотъ.* Какъ современный практическій человѣкъ, онъ знаетъ толкъ въ коммерческихъ предпріятіяхъ; онъ не разоритъ своего семейства и всегда выйдетъ сухъ изъ воды. Выбери Елена его себѣ въ мужа, и она заслужила бы одобреніе тѣхъ критикъ, которыя казнятъ ее на основаніи придуманной ими ложной нравственности. Но Елену оттолкнуло отъ господина Курнатовскаго то, что лицо это мертвое, что онъ представитель бюрократизма и администраціи, лицо не выработанное жизнью, не живое, что онъ, по словамъ Шубина, „не живой жизнью данный идеаль (какъ Инсаровъ), что здѣсь даже не чувство долга, а просто служебная честность и дѣятельность безъ содержанія“. Подъ влияніемъ этой служебной честности онъ легко можетъ обратиться въ страшнаго деспота и самъ высказываетъ, на основаніи своего принципа, что если человѣкъ, попавшійся въ взятокъ, *и не виноватъ по разнымъ обстоятельствамъ*, но если онъ попался, такъ его *все-таки слѣдуетъ раздавить*. Порядочность и современность не позволяютъ ему открыто вооружиться противъ науки, университетовъ и т. д., но его слова объ этомъ предметѣ приводятъ въ негодованіе Берсенева. Онъ смотритъ на науку какъ на гимнастику. Онъ пойдетъ далеко, будетъ гдѣ-нибудь губернаторомъ, не задумается надъ дѣйствительностію, не сломается ею, но счастья любящей женщины не сдѣлаетъ.

О четвертомъ лицѣ, объ этомъ свистунѣ — Лупояровѣ — говорить нечего. Онъ весь выразился въ томъ трещаніи, которое раздается въ концѣ повѣсти передъ Инсаровыми, посреди венеціанской весны и яркихъ формъ жизни, какъ грустное напоминаніе о далекой родинѣ.

Таковы представители поколѣнія, окружающаго Елену, представители хорошо намъ знакомые и изъ жизни и изъ вѣрныхъ портретовъ, написанныхъ Тургеневымъ. Долго обращался онъ съ этими лицами, то иронически выставляя ихъ на судъ современниковъ, то выражая къ нимъ грустное, полное любви сожалѣніе. Какъ бы сами не виноваты были они въ своей пустотѣ и бездѣятельности, въ недостаткѣ воли, необходимой для дѣятельности, въ своей бесполезности, въ гамлетовскомъ эгоизмѣ и отчасти эпикуреизмѣ, въ недостаткѣ самопожертвованія и вѣры, безъ которыхъ ничто прочное и великое не совершается на землѣ, намъ нельзя огуломъ обвинить ихъ всѣхъ; нельзя отказать имъ въ сожалѣніи и участіи. Въ ихъ бесполезности виновата много и исторія страны, и среда общественная, и разныя обстоятельства. Тутъ безвыходный логическій кругъ; одно явленіе поддерживаетъ другое, одно опирается на другое; причины и слѣдствія связаны.

Обыкновенно эти люди, и мы не раз читали это заявленіе въ нѣкоторыхъ критикахъ, появившихся по поводу „Наканунѣ“, оправдываются въ своемъ бездѣйствіи тѣмъ, что ихъ никто не звалъ на работу, что никому ненужны были ихъ руки... Положимъ, что это такъ, но развѣ эти люди, пусть признаются они, положи руку на сердце, готовы, способны для дѣятельности, еслибъ дѣйствительно призывъ раздался. Въ глухомъ/бездѣйствіи, въ взыщномъ наслажденіи жизни, въ абстрактной наукѣ, въ вѣчномъ холодномъ размышленіи надъ самими собою, убивающемъ жизнь, въ машинальномъ исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей, они разучились дѣйствовать, они потеряли способность и на жертву и на увлеченіе, необходимыя для всякой дѣятельности. Всѣ они очень умные люди, а потому, безъ всякаго сомнѣнія, сами признаются въ своей ненужности. Что дѣлать? Не даромъ Гамлетъ — лицо глубоко трагическое и мы искренно о нихъ сожалѣемъ. Но въ насъ это сожалѣніе понятно. Мы не отвернемся отъ нихъ и дружески протянемъ имъ братскую руку, потому что знаемъ связь общественныхъ явленій между собою, потому что сами сдѣлались жертвами ихъ, потому что и намъ привелось страдать съ ними общимъ страданіемъ, безтолковымъ и глухимъ, какъ болѣзнь съ своею стихійною силою. Но Елена? Развѣ могла въ ней развиться эта критическая, резонирующая точка зрѣнія? Елена является здѣсь символомъ жизни, которая не разсуждаетъ о причинахъ явленій, а принимаетъ ихъ, такъ какъ они есть. Она въ фактахъ жизни, въ лицахъ ее окружающихъ, не доискивается скрытаго историческаго смысла, оправдывающаго ихъ, а беретъ только то, что могутъ они дать ей. Она хладнокровно обходитъ ненужное, не сродное ей и страстно влечется къ тому, что манитъ и зоветъ ея душу, что родственно душѣ ея. Ей ли, съ ея оригинальнымъ развитіемъ, съ ея страстною и порывистою натурою, съ этою жаждою дѣятельнаго добра, постоянно живущею въ ея сердцѣ, удовлетвориться людьми, неспособными ни на положительное добро ни на положительное зло, этими призраками, похожими на тѣ призраки, которые Дантъ помѣстилъ въ предвѣрїи своего ада? Она строго осудила окружавшихъ ея людей; она покончила съ ними совершенно, и когда смыслъ ея жизни, одного порыва, одной привязанности къ человеку, удовлетворившему тайную жажду ея души, былъ разгаданъ, съ какою грустію заключала она письмо свое изъ Венеціи къ роднымъ словами: „А вернуться въ Россію — зачѣмъ? что дѣлать въ Россіи?“ Дѣйствительно, она знала что тамъ нѣтъ другого Инсарова, что единственный Инсаровъ, мужъ ея, былъ не русскій. Для нея въ этомъ лицѣ воплотился идеаль челоуѣка, и она отдалась ему со всѣмъ пыломъ, со всею страстію, со всею граціею, на которыя только способна была ея прекрасная натура. Инсаровъ — это контрастъ всѣмъ остальнымъ мужчинамъ повѣсти Тургенева, это тотъ Донъ-Кихоть, котораго недавно поставилъ онъ въ противоположность Гамлету въ своей рѣчи объ этихъ характерахъ. Мысль рѣчи и мысль повѣсти однѣ и тѣ же. Одновременное появленіе обоихъ произведеній заставляетъ дѣлать невольное

сближеніе между ними. Въ Инсаровѣ должно быть выражено „высокое начало самопожертвованія“. Онъ долженъ былъ воплотить въ себя, по словамъ рѣчи „вѣру прежде всего; вѣру въ нѣчто вѣчное, неизблемое, въ истину, находящуюся *внѣ* отдѣльнаго человѣка, не легко ему дающуюся, требующую служенія и жертвъ, — но доступную постоянству служенія и силѣ жертвы“. Его умъ не блестящъ. „Постоянное стремленіе къ одной и той же цѣли придаетъ нѣкоторое однообразіе его мыслямъ, односторонность его уму; онъ знаетъ мало, да ему и не нужно много знать: *онъ знаетъ съ чѣмъ его дѣло и зачѣмъ онъ живетъ на землѣ, а это главное знаніе*“. Въ чѣмъ же его обаяніе? „Крѣпость его нравственного состава придаетъ особенную силу и величавость всѣмъ его сужденіямъ и рѣчамъ, всей его фигурѣ... Онъ энтузіастъ, служитель идеи, и потому обвѣявъ ея сіяніемъ“. Фигура его комична. Что за дѣло, если его подвиги неудачны, если онъ падаетъ, не достигнувъ желанной цѣли. „Главное дѣло въ искренности и силѣ самого убѣжденія... а результатъ въ рукахъ судьбы. Онѣ однѣ могутъ показать намъ, съ призраками ли мы боролись, съ дѣйствительными ли врагами. Наше дѣло вооружиться и бороться“. За такими личностями и женщины и массы людей идутъ, беззавѣтно вѣруя, страстно отдаваясь имъ. Мы увѣрены, что эти мысли, выписанныя нами изъ рѣчи Тургенева, не разъ приходили въ голову самому автору, когда онъ создавалъ характеръ и типъ Инсарова, и что слова эти или представляются отвлеченіемъ, результатомъ наблюденій его надъ этимъ характеромъ, или что самый характеръ есть воплощеніе этихъ мыслей. Конечно, русское общество должно быть благодарно Тургеневу, что онъ послѣ долгаго обращенія съ болѣзненными личностями, съ неудовлетворяющими начинающейся жизни людьми, обратился къ живому человѣку, составленному изъ жертвы, вѣры, сознательной дѣятельности, которыхъ жаждетъ наша жизнь, какъ знойное поле дождя. Въ теоріи, въ критикѣ, мы давно уже познакомились съ необходимостію подобнаго идеала, нисколько непохожаго на прежніе. И вотъ передъ нами является, наконецъ, этотъ идеаль, давно желанный и жданный, нарисованный рукою художника въ образецъ поколѣніямъ. Кто же онъ? Молодая жизнь, недавнее ли развитіе общественное создало эту личность или это абстракція автора? что за лицо этотъ Инсаровъ, которымъ осуждаются прежнія поколѣнія?

Дмитрій Никаноровичъ Инсаровъ, болгаринъ, студентъ московскаго университета, пріѣхавшій учиться въ Россію, на которую славяне вообще, какъ южныя такъ и западныя, смотрятъ какъ на великое единоплеменное государство, единственно независимое изъ всѣхъ славянскихъ государствъ. У него одна мысль: освобожденіе бѣдной, притѣсненной родины. Самая судьба его необыкновенна. Отецъ его — зажиточный купецъ, родомъ изъ Тырнова, имѣвшій торговыя связи съ Россією. Сестра его, тетка Инсарова, замужемъ въ Кіевѣ за старшимъ учителемъ исторіи въ гимназіи. Въ дѣтствѣ Инсарова мать его была похищена турками; черезъ недѣлю ее нашли зарѣзанною. Отецъ хотѣлъ отомстить турец-

кому агѣ, но его разстрѣляли безъ суда. Сынъ, герой повѣсти, воспитывался въ Россіи и двадцати лѣтъ сдѣлалъ путешествіе по родинѣ, чтобъ выучиться забытому имъ на чужбинѣ родному языку и завести патріотическія связи. Турецкое правительство преслѣдовало его, какъ политическаго агента; онъ подвергался большимъ опасностямъ; на шеѣ у него широкой рубецъ, но онъ не рассказываетъ почему и гдѣ получилъ онъ его; онъ вообще молчаливъ и не любитъ говорить о себѣ. Передъ Еленой онъ является какъ энтузіастъ, служитель идеи, а потому обвѣявъ ея сіяніемъ. — „Освободить свою родину! — говоритъ она. — Эти слова даже выговорить страшно, такъ они велики!“ О своей родинѣ, о Болгаріи, слѣдовательно о томъ, что составляетъ его заветную думу, Инсаровъ охотно говоритъ со всякимъ. При одномъ упоминаніи его родины въ немъ совершалась перемѣна: „не то, чтобы лицо его разгоралось или голосъ возвышался — нѣтъ! но все существо его какъ будто крѣпло и стремилось впередъ, очертаніе губъ обозначалось рѣзче и неумолимѣе, а въ глубинѣ глазъ зажигался какой-то глухой, неугасимый огонь“. Инсаровъ является существомъ очень прозаическимъ, ничего въ немъ нѣтъ геніальнаго. „Необыкновенный онъ индивидуумъ, что ли? спрашиваетъ Шубинъ у Берсенева. — Да. — „Умный? даровитый?“ — Умный?... да. Даровитый?“ ... не знаю, не думаю“. Какъ лицо дѣйствующее, онъ является передъ нами только составителемъ болгарской хрестоматіи, переводчикомъ болгарскихъ пѣсень да примирителемъ двухъ какихъ-то оборванныхъ своихъ соотечественниковъ, мелкихъ купцовъ, поссорившихся изъ-за грошей и пришедшихъ къ нему судиться изъ троицкаго посада. Не станемъ говорить о единственномъ подвигѣ его, состоящемъ въ томъ, что онъ бросилъ пьянаго нѣмца въ царицынскій прудъ... Весь пафосъ его, вся сила его въ любви къ родинѣ. Это одна идея, проникающая все его существованіе.

— Вы очень любите свою родину, спросила его Елена.

— Это еще неизвѣстно, отвѣчалъ онъ. — Вотъ, когда кто-нибудь изъ насъ умретъ за нее, тогда можно будетъ сказать, что онъ ее любитъ. Вы сейчасъ спрашивали, продолжаетъ онъ, — люблю ли я свою родину? Что же другое можно любить на землѣ? Что одно неизмѣнно, что выше всѣхъ сомнѣній, чему нельзя не вѣрить послѣ Бога? И когда эта родина нуждается въ тебѣ... *Замытте, послѣдній мужикъ, послѣдній нищій въ Болгаріи и я, — мы желаемъ одного и того же. У всѣхъ у насъ одна цѣль. Поймите, какую это даетъ увѣренность и силу*“. Эта-то общая цѣль народа, которою проникнуть Инсаровъ, это отданіе всего себя общему дѣлу, великой идеѣ борьбы за родину и дѣлаетъ Инсарова существомъ гораздо высшимъ всѣхъ дѣйствующихъ въ повѣсти молодыхъ людей, у которыхъ цѣли или эгоистическія или далекія. Съ перваго разу понравиться онъ не можетъ. На Елену произвелъ онъ меньше впечатлѣнія, чѣмъ она сама ожидала. Она ждала чего-то болѣе „фатальнаго“, героическаго, а въ немъ и признаковъ героя не было. Онъ не производитъ никакого эффекта. Некрасивый, неловкій, тихій, молчаливый, въ немъ нѣтъ никакихъ внѣшнихъ достоинствъ,

которыя нравятся чувствительнымъ и образованнымъ барышнямъ. Чтобъ полюбить его, надобно быть натурою простою, неиспорченною условными приёмами общества, а такую и была Елена. „Талантовъ никакихъ, говорить о немъ совершенно справедливо Шубинъ (Инсаровъ не умѣетъ пѣть, не занимается музыкой, ничего не понимаетъ въ искусствахъ, плохо говорить по-французски и не стыдится того), поэзіи нема, способностей къ работѣ пропасть, память большая, умъ не разнообразный и не глубокий, но здравый и живой; сушь и сила, и даже даръ слова, когда рѣчь идетъ объ его, между нами сказать, скучнѣйшей Болгаріи“. И при всемъ томъ, художникъ самъ сознаетъ свою ничтожность передъ этимъ лицомъ. „Сушь, сушь, а всѣхъ насъ въ порошокъ стереть можетъ. Онъ съ своею землею связанъ — не то, что наши пустые сосуды, которые ластятся къ народу: влейся, моля, въ насъ, живая вода!“ Но Шубинъ ошибается, что всѣ эти качества не нравятся женщинамъ. Елена полюбила именно только его, и за мотивы любви ея мы, конечно, назовемъ ее лучшею, полнѣйшею, благороднѣйшею женщиною изъ всѣхъ созданныхъ Тургеневымъ. Къ этой любви она приготовлена была всею своею жизнію, своимъ нравственнымъ развитіемъ и въ особенности жаждою добра, желаніемъ дѣлать добро.

Изъ дневника Елены мы видимъ, почему она предпочла его всѣмъ другимъ, почему ея сердце неотразимо было увлечено имъ. Это былъ первый встрѣченный ею въ жизни человекъ, который не лжетъ. Все остальное лгало кругомъ, начиная съ отца и матери, которыхъ двухсмысленныя супружескія отношенія заставляли лгать другъ другу, и кончая маленькой нѣмочкой Зосей. Изъ міра семейной и общественной лжи, изъ міра сплошной лжи, она въ первый разъ увидала истину въ человекѣ. Инсаровъ не только говоритъ, какъ говоритъ Шубинъ съ блестящей граціей, съ мѣткой ироніей, какъ говоритъ Берсенева съ глубокою мыслию, какъ прежде говорилъ Рудинъ, первый ораторъ тургеневскихъ рассказовъ, *Инсаровъ дѣлалъ и будетъ дѣлать*. Этой гармоніи между словомъ и дѣломъ, между фактомъ и фразой нѣтъ ни у кого въ повѣсти, кромѣ него. Но больше всего она полюбила его за то, что у него есть цѣль жизни и цѣль близкая, осязаемая, что все существо его отдано этой цѣли. „Оттого такъ ясно у него на душѣ, что онъ весь отдался своему дѣлу, своей мечтѣ... Кто отдался весь... весь... всему тому горя мало, тотъ ужъ ни за что не отвѣчаетъ“. Чувство, долгъ и жизнь — слились въ этомъ человекѣ въ одно цѣлое. Оттого онъ и взялъ обѣими руками прекрасное сердце. Ко всему этому надобно прибавить и внѣшнія обстоятельства, которыя придали и Болгаріи, родинѣ Инсарова и самому ему особенное значеніе. Дѣйствіе происходитъ наканунѣ восточной войны. Дунайскія княжества заняты; Турція объявила войну Россіи. Славянскія земли, измученныя рабствомъ, казнями, вѣками страданій, волнуются и поднимаются на голосъ Россіи, за свою независимость. Всѣ сердца натянуты, всѣ ждуть мировыхъ событій. „Молодое, славное, смѣлое дѣло! говоритъ Шубинъ. — Смерть, жизнь, борьба, паденіе, торжество, любовь, свобода, родина... Хорошо,

хорошо. Дай Богъ всякому! *Это не то, что сидѣть по горло въ болотѣ, да стараться показывать видъ, что тебѣ все равно, когда тебѣ дѣйствительно въ сущности все равно.* А тамъ — натянута струна, звени на весь міръ или порвись!”

Есть отчего закружиться молодой головѣ, есть отчего вострепнуться молодому сердцу и промѣнять бѣдную, однообразную дѣйствительность на поэтической міръ свободной и смѣлой борьбы за независимость. Какъ весело отдаться человѣку, который принимаетъ участіе въ великомъ дѣлѣ, идетъ на великую борьбу! Любовь Елены такъ просто и естественно является результатомъ всей жизни и всей обстановки ея, что она могла удивить только отца ея Николая Астафьевича, да хладнокровную нѣмку Зою. Какъ весенняя буря охватила эта любовь сердце Елены, и мы нечасто встрѣтимъ въ русской литературѣ такія глубоко-прочувствованныя, поэтическія страницы, какъ тѣ, гдѣ описывается эта любовь. Кому не напомнить погибшую молодость, первыя слезы и первый трепетъ любви эта сцена свиданія въ часовнѣ, это описаніе счастья раздѣленной, сознательной любви въ Еленѣ, *истомы счастья*, окружившей, какъ волны, все существо ея, это свиданіе въ бѣдной комнаткѣ Инсарова и потомъ другое, счастливое, когда онъ выздоровѣлъ. Намъ рѣдко случалось любоваться на такія блестящія картины молодой любви и счастья, оставляющія впечатлѣнія чистыя, дѣвственныя. Только люди цинически настроенные могли подмѣтить цинизмъ и оскорбленіе нравственнаго чувства въ этихъ сценахъ, и осуждать Елену. Намъ досадно, что вслѣдъ за Дараганомъ, критикомъ „Нашего Времени“, даже *Русская женщина* въ томъ же журналѣ позволила себѣ смотрѣть такими же глазами. Великолѣпнымъ финаломъ всей этой поэмы счастья представляется день проведенный молодыми супругами въ Венеціи, похожій на венеціанскій закатъ роскошнаго дня, какихъ нигдѣ въ мірѣ не бываетъ, кромѣ Венеціи... Прогулка по большому каналу, въ залахъ академіи, слушаніе Травіаты въ театрѣ, молодой смѣхъ и молодое счастье, шутки и слезы, близость освобождающейся родины за голубыми волнами Адриатики, солнце Венеціи и море ея — дай Богъ всякому окончить такъ поэму любви своей. Послѣ такого конца и умереть весело и не жаль разстаться съ жизнью...

„Но, пишетъ Елена въ дневникѣ своемъ объ Инсаровѣ: „отчего онъ не русскій? Нѣтъ, онъ не могъ бы быть русскимъ.“ Въ этомъ-то обстоятельствѣ и заключается, по нашему мнѣнію, существенный недостатокъ новой повѣсти Тургенева. Да, Инсаровъ не русскій и онъ не могъ быть русскимъ. Авторъ съ такимъ же точно правомъ, и, можетъ быть, еще съ большимъ, могъ взять въ герои своей повѣсти, итальянца, если принимать въ соображеніе великія современныя событія въ Италіи, дѣлающія изъ каждаго чувствующаго, мыслящаго итальянца героя, за котораго бьется сердце. Въ Инсаровѣ нѣтъ ни одной черты, напоминающей наше отечество. Все чужое, все не наше. вмѣсто неопредѣлившихся чертъ характера, вмѣсто волнующейся, неустановившейся личности, мы видимъ твердый, желѣзный характеръ,

упрямую волю, конечно, проявляющуюся еще въ мелочахъ, но полного ея проявленія, подробнаго дѣйствія вовсе не нужно было для идеи самой повѣсти. Инсаровъ не беретъ никогда ни у кого денегъ займа, не любитъ ни къмъ одолжаться — черта также не русская: „Это желѣзный человѣкъ, опредѣляетъ его Берсенева, въ немъ есть что-то дѣтское, искреннее, при всей его сосредоточенности и искренности. Правда, его искренность — не наша дрянная искренность, искренность людей, которымъ скрывать рѣшительно нечего“... Всѣмъ этимъ онъ стоитъ гораздо выше нашихъ людей, но этимъ онъ и выходитъ изъ ихъ круга, не принадлежитъ землѣ нашей. Въ немъ нѣтъ той сложности, той ухищренности, которыми отличаются наши люди, произведенія болѣзненнаго и долгаго развитія, явившіяся вслѣдствіе непоправимаго разрыва съ народомъ и народностію. Его цѣль и проста и ясна, а попробуйте-ка спросить опредѣленіе цѣли дѣйствія у лучшаго нашего дѣятеля, если это дѣйствіе не происходитъ въ ограниченной, специальной сферѣ, а хочетъ быть народнымъ... Инсаровъ аккуратень, какъ нѣмецъ. Онъ не хочетъ даромъ жить въ комнатахъ дачи Берсенева, предлагаемыхъ ему, потому что онѣ стоятъ пустыя, принуждаетъ его взять деньги за нихъ по расчету. Онъ не хочетъ ѣсть его обѣда, потому что его средства не позволяютъ ему обѣдать такъ, какъ обѣдаетъ Берсенева. Инсаровъ никогда не мѣняетъ своего рѣшенія, никогда не откладываетъ даннаго обѣщанія. На него всегда можно положиться; онъ сдержитъ свое слово. У него нѣтъ этой распущенности, которою щеголяютъ русскіе характеры. Берсенева его незнакомая намъ аккуратность кажется дикою, смѣшною. Въ своемъ странномъ, ушагомъ картузѣ, гуляетъ онъ по Кунцеву, какъ благо-разумный школьникъ въ воскресенье, тогда какъ Шубинъ егозитъ, какъ французъ, а Берсенева восторгается, какъ нѣмецъ. При всемъ сильномъ желаніи нашемъ представить что-нибудь наше родное въ Инсаровѣ, мы не нашли въ немъ ни одной русской черты. Самая политическая обстановка Инсарова далека отъ историческаго положенія нашего отечества. У насъ мы ничего не можемъ вообразить себѣ подобнаго тому, съ чѣмъ приготавливается бороться Инсаровъ, за что хочетъ онъ пожертвовать своею жизнью. Авторъ, очевидно, съ глубокою обдуманностію сдѣлалъ Инсарова не русскимъ, болгаринимъ, выдѣливъ его совершенно изъ русской жизни... А между тѣмъ онъ герой русской повѣсти, онъ вторгается въ русскую жизнь, имѣвшую до его появленія, мирное, хоть и пошлое теченіе. Во имя какихъ принциповъ вторгается онъ въ эту жизнь? Во имя чего ставится онъ за идеаль для подражанія русскимъ людямъ, какимъ, очевидно, хотѣлъ поставить его Тургеневъ? До сихъ поръ Тургеневъ самовластно, деспотически, распоряжался со всѣми русскими характерами, которые дѣйствуютъ въ его рассказахъ, до сихъ поръ онъ становился всегда выше ихъ, смотрѣлъ на нихъ какъ побѣдитель на побѣжденнаго. Одинъ только Инсаровъ — характеръ идеальный, возвышенный, конечно, выше всего его окружающаго, и авторъ не свободно стоитъ передъ

нимъ. Неужели же онъ сдѣлалъ его идеальнымъ изъ уваженія къ чужому, чего нельзя передѣлать, съ чѣмъ нельзя поступить критически? Говорить и доказывать это значило бы оскорблять нашего автора. Цѣль его гораздо выше. Инсаровъ является героемъ въ русской повѣсти, какъ представитель общечеловѣческихъ началъ, того, что придаетъ смыслъ жизни въ современности, что даетъ ей высшую санкцію. Упрекать автора въ томъ, что его повѣсть имѣетъ *направленіе*, что она написана съ задуманною идеею—мы не станемъ, да и критика давно уже не имѣетъ права на подобные упреки. Въ наше время нельзя ничего писать безъ живого отношенія къ современности; это воздухъ, въ которомъ мы всѣ живемъ. Какъ бы могущественъ ни былъ талантъ, жизнь сильнѣе его и, очевидно, что Инсаровъ и его дѣятельность невольно просились въ повѣсть Тургенева. Это стонъ нашей жизни, то, чего жаждетъ она. Понятно, что Тургеневъ, талантъ чрезвычайно чуткій на пониманіе явленій общественныхъ и нашего развитія, томится тою же жаждою *новыхъ людей*, какою томится наше общество. И онъ, какъ и всѣ мыслящіе русскіе люди эпохи нами переживаемой, понимаетъ, чего недостаетъ русской жизни. До сихъ поръ рѣчей и словъ было видимо не видимо; фраза за фразой, одна круглѣе другой, одна блестящѣе другой, лились потокомъ людей и событій. Съ глубокимъ трагическимъ выраженіемъ лучшіе люди наши повторяютъ слова посѣдѣвшаго, скорбленнаго, грустнаго Рудина: „Слова, все слова! дѣлъ не было!“ Потому-то автору легко было наблюдать и создавать русскіе характеры, въ основаніи которыхъ лежала фраза, мыльные пузыри. Не имѣя дѣйствительной почвы, подъ ногами, они носились въ безвоздушномъ пространствѣ, оторванные отъ народной жизни. Рудинъ называетъ себя перекатиполомъ. Пестрыя китайскія тѣни, эти характеры не имѣли рельефности, необходимой для дѣйствительности. Ихъ стоило только посадить на иглы какъ бабочекъ, расправить разноцвѣтныя крылья съ большимъ или меньшимъ искусствомъ авторскимъ и потомъ артистически или критически любоваться ими. Нѣсколько неудачный приѣмъ, незначительная ошибка литературнаго энтомолога не мѣшали самому дѣлу. Экземпляръ все-таки былъ найденъ и сохраненъ въ назиданіе потомству. Но съ дѣйствительно-идеальными характерами, выросшими на народной почвѣ, надобно обращаться иначе. Тутъ уже малѣйшая ошибка въ созданіи бьетъ въ глаза, малѣйшая фальшь въ исполненіи съ болью отзывается въ сердцѣ, ложные тоны оскорбляютъ народное чувство, заставляютъ страдать его. А что если жизнь сама не приготовила еще ни одного идеальнаго характера, такъ что въ самой попыткѣ создать его будетъ уже заключаться ложная тенденція? Тургеневъ все это очень хорошо понималъ и не взялся создать народный идеальный характеръ, вызвавъ его изъ русской дѣйствительности, а между тѣмъ онъ былъ необходимъ по всему ходу его прежняго развитія, по его отношенію къ современности, по любви его къ общественнымъ потребностямъ. Этотъ идеальный характеръ былъ необходимъ, какъ об-

разецъ для подражанія, какъ урокъ поколѣнїямъ, и авторъ поневолѣ долженъ былъ взять его изъ чужбины, поставить его въ контрастъ съ явленїями нашей жизни и принести ему въ жертву лучшїй цвѣтокъ этой жизни.

Но идеальныя характеры, являющїеся въ литературѣ, тогда только неотразимо и могущественно дѣйствуютъ на современное сознанїе, когда они вырастаютъ на народной почвѣ, когда каждая мысль ихъ есть мысль народа, когда каждый нервъ ихъ въ связи съ народною жизнїю, когда въ груди ихъ бьется живое сердце и чувствуетъ все горе и все счастье своего народа. Однимъ словомъ идеальныя характеры должны быть народными, своими типами. А Инсаровъ здѣсь совершенно чужой и, несмотря на обстановку, чрезвычайно умно данную ему авторомъ, многіе посмотрятъ на него хладнокровно и не поймутъ, что это только типъ-намекъ, типъ-упрекъ. Мало ли чего хорошаго нѣтъ въ чужихъ земляхъ, да все это не наше, не свое. Мало ли существуетъ на свѣтѣ идеальныхъ характеровъ? Стоитъ только раскрыть Плутарха, и передъ нами откроется цѣлая галлерей личностей и какихъ личностей! Классическїй профиль и гражданское мужество, военная доблесть и семейныя добродѣтели; лица, прямо просящїеся на пьедесталь, передъ которыми и Инсаровъ будетъ казаться пигмеемъ, несмотря на его геройскїя достоинства по отношенїю къ намъ. А между тѣмъ все это такъ далеко и чуждо, и жизнь не тронется на голосъ, звѣнящїй изъ чужбины. Что же дѣлать автору, когда ему необходимы идеальныя лица, когда идеаловъ проситъ сама общественная жизнь, проситъ, но не въ состоянїи дать ихъ, какъ не взять ихъ въ повѣсть изъ жизни чужого народа и помѣстить ихъ упрекомъ въ ней. Приглядываясь къ жизни окружающей насъ, къ этому пестрому міру явленїй, въ которомъ все волнуется и ничего не установилось, гдѣ ничто не приняло твердыхъ формъ, приглядываясь къ содержанїю переходной дѣйствительности, гдѣ проходятъ люди тѣнями, въ маскарадномъ платьѣ, мы видимъ, что не приспѣло еще время для идеальныхъ характеровъ, для типовъ-образцовъ, что нѣтъ еще почвы для ихъ дѣятельности, что жизнь не сложилась еще для нихъ. Если мы и видимъ, что въ послѣдніе, переживаемые нами годы русской жизни, началось что-то такое, что не похоже на старое, что предвѣщаетъ новую жизнь, гдѣ знакомые намъ характеры будутъ уже отверженцами, то и это новое, начинающееся, назначенїе котораго есть борьба, не создало, да и не въ состоянїи создать еще ни одного типа. Посмотрите куда уходятъ лучшія силы. Въ борьбу, которой конца не видно, въ которой цѣли нѣтъ, ясной и опредѣленной. Инсаровъ знаетъ, за что готовъ сложить онъ свою голову, знаетъ съ чѣмъ и съ кѣмъ онъ идетъ на борьбу, а у насъ, съ болью сердечною признаться надобно, туманъ передъ глазами. Всѣ подвиги наши могутъ покуда ограничиваться шумихою словъ, а на это мы были большіе мастера и прежде, или представляться дѣтскими выходками. Нападаютъ на Инсарова за то, что лицо это не удовлетворяетъ насъ, и

обвиняютъ въ томъ автора. Какъ болгарь, онъ совершенно вѣренъ своему назначенію, своему призванію, но нашъ идеальный характеръ, нашъ дѣятель, долженъ принять иную форму. Совершенно справедливо, что Инсаровъ не удовлетворяетъ насъ русскихъ, но въ этомъ недостаткѣ виноватъ не талантъ Тургенева, а сама жизнь, не успѣвшая или не могшая намъ дать своего Инсарова. Еще спорный вопросъ: молода или стара эта жизнь, но успокоимся на томъ мнѣніи, что жизнь эта еще молода и станемъ ждать, когда она дастъ намъ идеальнаго дѣятеля. Его надобно ждать отъ жизни, а не отъ таланта; талантъ беретъ только у жизни. Не знаю, долго ли намъ придется ждать этотъ будущій идеальный типъ, но, конечно, всякій читатель отъ души пожелаетъ вмѣстѣ съ нами, чтобъ еще Тургеневу суждено было представить намъ его. Тутъ будетъ двойной выигрышъ и для жизни и для насъ...

Разладъ, который вносится въ русскую жизнь, появленіемъ Инсарова въ повѣсти Тургенева, очень естественно долженъ былъ привести нѣкоторыхъ критиковъ къ обвиненію его въ томъ, что онъ сошелъ съ настоящей своей дороги, что онъ въ ущербъ своему таланту, сталъ „увлекаться философскими воззрѣніями на жизнь“, что идея повѣсти „въ состояніи сбить съ толку весьма многихъ, не утвердившихся еще во взглядѣ на личные характеры и общественныя отношенія, который служитъ основаніемъ истинной нравственной философіи“. Таково, по крайней мѣрѣ, содержаніе критики „Нашего Времени“ (№ 9), журнала, такъ неудачно пытавшагося разрушить послѣднюю драму Островскаго. Мы оставляемъ въ сторонѣ упреки той же критики, что повѣсть не имѣетъ строгаго плана, что она задумана неясно и исполнена небрежно. Мы смотримъ на повѣсть не глазами художественнаго критика и не хотимъ сойти съ исторической точки зрѣнія. Критика совершенно справедлива, когда, разбирая Инсарова, она спрашиваетъ: такихъ ли дѣятелей, ради Бога, намъ нужно въ настоящее время? Но она ошибается, она близорука, когда утверждаетъ, что авторъ хотѣлъ навязать русской жизни какъ типъ дѣятеля сервантесова Донъ-Кихота. Конечно, не мечтательная дѣятельность Донъ-Кихота, сражавшагося съ мельницами, нужна намъ, а сердце его, непреклонная воля, нравственность, а главное вѣра, теплая вѣра въ успѣхъ своего дѣла, служеніе идеѣ, неразрывно слившейся съ жизнію, со всѣмъ существомъ человѣка. Инсаровъ Тургенева, по отношенію къ своимъ соплеменникамъ — болгарамъ — вовсе не Донъ-Кихотъ, а лицо дѣйствительное... Намъ не нужно въ повѣсти подробнаго изображенія всего круга его дѣятельности, его сношеній съ болгарскими патріотами, рассказа какъ въ дѣлѣ выражаются его умъ, воля, характеръ. Авторъ пишетъ повѣсть изъ русскаго быта, а вовсе не исторію славянскихъ племенъ. Да если бы Тургеневъ и вздумалъ представить Инсарова гдѣ-нибудь въ Мостарѣ или Тырновѣ, организующимъ патріотическое возстаніе противъ турокъ, а не заставилъ его умереть въ Венеціи, наканунѣ отъѣзда въ Далмацію, то съ

поучительной точки зрѣнія, въ какой обвиняетъ его критикъ, мы все-таки ровно ничего не выиграли бы отъ знакомства съ подобною дѣятельностію Инсарова. Что хорошо въ Болгаріи или Герцеговинѣ, то не годится намъ. Также несправедливо требованіе критика, чтобъ Тургеневъ, для показанія превосходства Инсарова передъ Шубиннымъ и Берсеневымъ, поставилъ бы ихъ рядомъ не въ отношеніи къ Еленѣ, а въ отношеніи къ ихъ политической или, по крайней мѣрѣ, гражданской дѣятельности, поставилъ бы ихъ если не въ борьбѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ соревнованіи другъ къ другу. Критикъ забываетъ, что соревнованіе для нихъ невозможно нигдѣ, ни въ какой другой благородной сферѣ, кромѣ общечеловѣческаго чувства любви (да въ этомъ только и надобно видѣть цѣль автора), потому именно, что у всѣхъ совершенно различны идеалы, что то, къ чему стремится Инсаровъ — незнакомо ни Берсеневу ни Шубину, что общаго между ними нѣтъ ничего, что эти типы разныхъ несхожихъ народностей, что авторъ не думалъ создавать идеаловъ, въ чемъ обвиняетъ его критикъ, что онъ не удался отъ истинной, прямой цѣли художника — изображать людей такими, какими они есть. Реальность лицъ „Наканунѣ“ очевидна для всякаго, кто смотритъ на нихъ не предубѣжденными глазами. Но, выбирая героемъ своей повѣсти иностранца, болгара, Тургеневъ, вѣроятно, не думалъ, и не воображалъ, что женскій критикъ того же журнала, такъ смѣло идущій по слѣдамъ Дарагана, вѣроятно, *очень воспитанная* дама (сущность всѣхъ ея нападеній заключается въ томъ, что Елена дурно воспитанная дѣвушка) обвинить его въ томъ, что онъ „беретъ на себя защиту всѣхъ нашихъ эмигрантовъ, такъ легко переселяющихся за границу, потому, что въ отечествѣ нѣтъ ни достойнаго ихъ поприща, ни пищи для ихъ любви и дѣятельности, ни тѣхъ пріятностей и удобствъ жизни, которыя доставляетъ имъ за границей русское золото. Онъ даже не только вполне оправдываетъ ихъ, но силится внушить намъ смиренное уваженіе и удивленіе къ нимъ. „*Орреръ! Орреръ!*“ остается сказать намъ вслѣдъ за этими строками вмѣстѣ съ этою „дамою пріятною во всѣхъ отношеніяхъ“.

Что касается до несчастной Елены, то она больше всего потерпѣла отъ мужскаго и женскаго критиковъ „Нашего Времени“. Всѣ обвиненія сходятся. Ее называютъ и блѣдной во всѣхъ отношеніяхъ, и бѣлоручкой, и непростительно-дурно воспитанной барышней, и кокеткой, и развратницей. Они непременно хотятъ видѣть въ Еленѣ идеалъ современной русской женщины, который Тургеневъ ставитъ яко бы въ образецъ всѣмъ нашимъ дамамъ. Они говорятъ, что любовь ея нарушаетъ всякія приличія, законы среды, гдѣ она живетъ, забывая, что эта среда смотритъ сквозь пальцы на отношенія Николая Астафьевича и Августины Христіановны и, пожалуй, оправдываетъ ихъ... Не станемъ входить въ споръ съ этими критиками о предметахъ отвлеченной нравственности. Если мы будемъ смотрѣть на художественное произведеніе съ точки извѣстной нравственности, съ

точки временной нравственности, то, конечно, ни одно изъ нихъ не выдержать критики и каждое разрушится. Отсылаемъ ихъ къ слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстному предисловію „Корнелія Непота“, о которомъ они забыли, а, можетъ быть, и не слышали. Намъ только странно показалось желаніе этихъ критиковъ видѣть, усиленно находить цинизмъ тамъ, гдѣ его нѣтъ, гдѣ его никто не видитъ, гдѣ простое, молодое сердце бьется нравственнымъ трепетомъ, гдѣ льются свѣтлыя слезы. Для циническихъ открытій въ произведеніяхъ чело-вѣческой поэзіи необходима обширная начитанность въ сочиненіяхъ „Маркиза де Сада“, „Лакло“, „Мирабо“, пока еще онъ не сдѣлался членомъ національнаго собранія, сочиненій, мало намъ знакомыхъ, но, повидимому, извѣстныхъ и мужскому и женскому критику „Нашего Времени“.

Н. К-ий.

Дѣйствующія лица въ романѣ „Наканунѣ“.

Елена — главное лицо въ романѣ. На ней сосредоточивается интересъ разсказа, къ ней устремляются прочія лица, отъ нея идетъ тонъ дальнѣйшаго повѣствованія. Положеніе ея въ родной семьѣ и обстоятельства ея дѣтства и юности сложились такъ, что и образованіе и воспитаніе ея совершились незауряднымъ, дворянскимъ того времени обычаемъ. Родители ея — люди ограниченные, но не злые, мать даже положительно отличалась добротою и мягкостью сердца. Съ самаго дѣтства Елена не знала надъ собой ни семейнаго деспотизма ни всякаго притупляющаго формализма. Она росла одна, безъ подругъ, совершенно свободно. Ребенокъ впечатлительный и умный, Елена къ тому же была очень рано поставлена въ такія условія жизни, что ей уже въ дѣтствѣ пришлось всматриваться въ домашнее житье-бытье, размышлять, волноваться и воображеніемъ и сердцемъ. Дѣло въ томъ, что Стаховъ женился на Аннѣ Васильевнѣ только ради ея приданого, не питая къ ней никакого чувства, обходился съ нею почти съ пренебреженіемъ и предпочиталъ ей общество „вдовы нѣмецкаго происхожденія“, Августы Христіановны, которая его дурачила и обирала. Анна Васильевна кротко несла свой крестъ, но по болѣзненности и безхарактерности не могла не жаловаться на мужа всѣмъ въ домѣ, и, между прочимъ, даже дочери. Елена сдѣлалась повѣренной горестей своей матери, какъ бы судьбою между ею и отцомъ. Это обстоятельство сообщило особенное направленіе впечатлительному уму Елены и рано приучило ее вдумываться во все окружающее и принимать къ сердцу тоску матери, а потомъ — вообще, всякое существо притѣсненное, страдающее. Боль о чужомъ страданіи давала ей себя чувствовать постоянно, сопровождала ее при каждомъ новомъ шагѣ ея развитія, придавала особенный, задумчиво-серіозный складъ ея мыслямъ, а впослѣдствіи, мало-по-малу, вызвала въ ней

дѣятельныя стремленія и направила ихъ къ страстному исканію добра и счастья — для всѣхъ. Случайное знакомство съ нищею дѣвочкой Катей, дружескіе разговоры съ нею, тайныя свиданія, во время которыхъ нищая передавала ей свои скорби, и какъ она убѣжить отъ своей злой тетки, чтобы жить *на всей Божьей волѣ*, наконецъ, смерть этой самой Кати оставили рѣзкіе слѣды въ характерѣ Елены. Сама воспитанная въ довольствѣ и богатствѣ, Елена, уже 10 лѣтъ отъ роду, узнаетъ, что есть горе на землѣ, что не всѣмъ одинаково хорошо живется. Елена естественно проникается любовью ко всему угнетенному, и не изъ пошлаго нѣжничанья, а прямо по душевной добротѣ, ищетъ удовлетворить свое сострадательное сердце дѣлами милосердія, какія только возможны были тогда для нея. Не только нищіе, голодные, больные занимали ее, и она ихъ видѣла во снѣ, спрашивала о нихъ всѣхъ своихъ знакомыхъ, но даже „всѣ притѣсненныя животныя, худыя дворовыя собаки, осужденныя на смерть котята, выпавшіе изъ гнѣзда воробы, даже насѣкомыя и гады находили въ Еленѣ покровительство и защиту: она сама кормила ихъ, не гнушалась ими“ (стран. 29). Такъ, уже съ дѣтства, опредѣлилась въ Еленѣ потребность сердца — безъ пустыхъ ласкъ и нѣжностей проявить себя дѣломъ. Мать совсѣмъ не занималась этой частью; неудачно выбранная гувернантка, „очень чувствительное, доброе и лживое существо“, не имѣла на Елену замѣтнаго вліянія, только пріохотила ее къ чтенію. И Елена много съ участіемъ читала; но одно чтеніе, безъ правильнаго ученія, не могло удовлетворить ее. Оно только возбудило умственную требовательность. Еленѣ никто не мѣшалъ дѣлать, что она хочетъ, да дѣлать было нечего. Одна готовая дѣйствительность ее не удовлетворяла. Ей нужно было чего-то больше, чего-то выше, но чего именно — она не знала. „А года шли да шли; быстро и неслышно, какъ подснѣжныя воды, протекала молодость Елены, въ бездѣйствіи вѣшнемъ, во внутренней борьбѣ и тревогѣ. Ея душа и разгоралась и погасала одиноко; она билась, какъ птица въ клѣткѣ, а клѣтки не было; никто не стѣснялъ ея, никто не удерживалъ, а она рвалась и томилась“ (стран. 33). Отъ этого и находилась она постоянно въ какомъ-то волненіи, всегда ждала и искала чего-то; и наружность ея приняла такой особенный характеръ. „Во всемъ ея существѣ“, говоритъ авторъ, „въ выраженіи лица, внимательномъ и немного пугливомъ, въ ясномъ, но измѣнчивомъ взорѣ, въ улыбкѣ, какъ будто напряженной, въ голосѣ тихомъ и неровномъ, было что-то нервическое, электрическое, что-то порывистое и торопливое“. — „Двадцатилѣтней дѣвушкѣ иногда приходило въ голову, что она желаетъ чего-то, чего никто не желаетъ, о чемъ никто не мыслить въ цѣлой Россіи. Потомъ она утихала, смѣялась надъ собой, безопасно проводила день за днемъ, но внезапно что-то сильное, безыменное, съ чѣмъ она совладѣть не умѣла, такъ и закипало въ ней, такъ и просилось вырваться наружу. Гроза проходила, опускались усталыя, не взлетѣвшія крылья; но эти порывы не обходились

ей даромъ. Какъ она ни старалась не выдать того, что въ ней происходило, тоска взволнованной души сказывалась въ самомъ наружномъ ея спокойствіи, и родные ея часто были вправѣ пожимать плечами, удивляться и не понимать ея *странностей*. Ключомъ къ этимъ странностямъ служитъ дневникъ Елены. Въ немъ, по волѣ художника-поэта, раскрыта душа Елены, а въ ней можно свободно прочесть быстрый, горячій ходъ дѣятельности ея ума, воображенія и сердца подъ вліяніемъ сближенія сначала съ Берсеневымъ, потомъ съ Инсаровымъ. Сначала Еленѣ нравился Берсенева — своей скромностью, умомъ, порядочностью, теплотою чувства, чистотой его намѣреній; но какъ только началось знакомство съ Инсаровымъ, Берсенева отошелъ на задній планъ. Елена быстро пережила всѣ степени развитія своего новаго чувства — отъ перваго, смутнаго его появленія въ душѣ до послѣдняго, яснаго сознанія, что Инсаровъ ей сталъ ближе и дороже всего на свѣтѣ. Первые замѣтки дневника свидѣтельствуютъ, что Елена упрекаетъ себя въ холодности къ дому, къ семьѣ. „Надо объ этомъ подумать“, пишетъ она, „я мало молюсь; надо молиться... А, кажется, я бы умѣла любить“. Потомъ быстро слѣдуютъ отмѣтки о тѣхъ живѣйшихъ впечатлѣніяхъ, которыя производитъ на нее Инсаровъ тѣми сторонами своего характера, какихъ она не нашла ни въ Шубинѣ ни въ Берсенева. Образъ Инсарова съ каждой минутой правдивенно растетъ въ мнѣніи Елены. „Вотъ, наконецъ, правдивый человекъ; вотъ на кого положиться можно. Этотъ не лжетъ; всѣ другіе лгутъ, все лжетъ“. Елена хочетъ этимъ сказать, что у другихъ слова расходятся съ дѣломъ, а у Инсарова — нѣтъ. Теперь, когда Елена приравниваетъ къ Инсарову прежній предметъ своей привязанности, т. е. Берсенева, сравненіе оказывается для послѣдняго невыгоднымъ: Андрей Петровичъ, можетъ-быть, ученѣе его, можетъ-быть, умнѣе... Но я не знаю, онъ передъ нимъ такой маленькій. Когда *тотъ* говоритъ о своей родинѣ, онъ растетъ, растетъ, и лицо его хорошеетъ, и голосъ какъ сталь, и нѣтъ, кажется, на свѣтѣ такого человека, передъ кѣмъ бы онъ глаза опустилъ. И онъ не только говорить — онъ дѣлалъ, и будетъ дѣлать“ (стр. 82). А въ другомъ мѣстѣ: „Мнѣ кажется, что у Дмитрія оттого такъ ясно на душѣ, что онъ весь отдался своему дѣлу, своей мечтѣ. Изъ чего ему волноваться? Кто отдался весь... весь... тому горя мало, тотъ уже ни за что не отвѣчаетъ. Не я хочу, *то* хочетъ“. Слѣдующія замѣтки дневника показываютъ, что въ Инсаровѣ Елена нашла осуществленіе того идеала, котораго давно желала душа ея. „Мнѣ съ нимъ хорошо, какъ дома. Лучше, чѣмъ дома“. — „И хорошо мнѣ, и почему-то жутко, и Бога благодарить хочется, и слезы недалеко. О, теплые, свѣтлые дни!“ — „Кажется, что вокругъ меня и во мнѣ происходитъ что-то загадочное, что нужно найти слово“... — Наконецъ: „Слово найдено, свѣтъ озарилъ меня! Боже, сжался надо мною... Я влюблена!“ — Во весь остальной путь свой въ романѣ Елена проходитъ передъ читателемъ во всемъ сіяніи своей глубокой, чистой привязанности къ своему

избраннику, — отъ перваго между ними обмѣна признаній до смерти Инсарова и до послѣдняго рѣшенія Елены спѣшить на новую родину, идти въ сестры милосердія, служить больнымъ и раненымъ и такимъ образомъ остаться вѣрною памяти своего мужа, вѣрною „дѣлу всей его жизни“.

Инсаровъ, родомъ болгаринъ, ни наружною, ни умомъ, ни образованіемъ не выдѣляется изъ среды дѣйствующихъ лицъ романа, а при сравненіи съ Шубиннымъ и Берсеневымъ, этими даровитыми и симпатичными русскими личностями, онъ представляется, въ иныхъ мѣстахъ повѣсти, даже нѣсколько сухимъ и педантичнымъ. Къ тому же — и опредѣляется онъ всего болѣе отрицательными качествами: никогда не лжетъ, не измѣняетъ своему долгу, не любитъ разговаривать о своихъ подвигахъ, не откладываетъ принятаго рѣшенія, его слово не расходится съ дѣломъ и т. п. Но авторъ выдѣлилъ его цѣльностью, законченностью его нравственнаго характера. Еще до появленія Инсарова въ домъ Стаховыхъ, Берсенева на вопросъ Елены: „у него, должно-быть, много характера“, рекомендуетъ его такими словами: „Да, это желѣзный человѣкъ. И въ то же время, вы увидите, въ немъ есть что-то дѣтское, искреннее, при всей его сосредоточенности и даже скрытности“. И вотъ такимъ-то желѣзнымъ въ стремленіи къ разъ поставленной своей жизненной цѣли остается Инсаровъ все время. А цѣль его жизни: послужить освобожденію своей угнетенной родины (дѣйствіе повѣсти 1853 г.). Этой мысли онъ преданъ всѣми силами души. Въ стремленіи къ этой цѣли онъ видитъ свое личное спокойствіе, счастье всей своей жизни. Онъ даже никакъ не можетъ понять себя отдѣльно отъ родины. Для него нѣтъ ни довольства, ни отдыха, ни радости, пока его родина поработана. Такимъ образомъ онъ дѣлаетъ свое задушевное дѣло открыто, спокойно, безъ лихорадочнаго увлеченія и безъ натяжекъ. Пока обстоятельства велятъ ждать, онъ учится въ Московскомъ университетѣ, чтобы образоваться вполне и сблизиться съ русскими, переводитъ болгарскія пѣсни на русскій языкъ, составляетъ болгарскую грамматику для русскихъ, русскую — для болгаръ; переписывается со своими земляками и собирается ѣхать на родину — готовить возстаніе, при первой вспышкѣ восточной войны.

А пока онъ живетъ *наканунъ* великаго дня освобожденія родины. Наступитъ этотъ день, — и все существо Инсарова озарится сознаніемъ счастья, жизнь наполнится и станетъ уже настоящею жизнью. Ни о силахъ своихъ, ни о мѣрѣ своего участія въ отечественной войнѣ, ни о степени своихъ заслугъ онъ и не думаетъ: все это опредѣлится потомъ обстоятельствами, и тогда же видно будетъ, гдѣ ему быть, до чего дойти, гдѣ остановиться; но главное — онъ пойдетъ, онъ не можетъ не пойти, не потому, что онъ умеръ бы, если бы ему вдругъ стало нельзя двинуться съ мѣста. У него только одна боязнь, одна тревога: какъ бы что-нибудь не разстроило, не отсрочило желанной минуты. У Инсарова любовь къ родинѣ, потребность видѣть ее

свободно составляет преобладающую, исключительную черту характера. Всѣ прочія мысли, чувства и побужденія подчиняются ей, сливаются съ нею. Вотъ отчего, при заурядныхъ своихъ способностяхъ, при всемъ отсутствіи блеска въ своей натурѣ, Инсаровъ съ самаго начала знакомства производитъ на Елену впечатлѣніе полное, сильное, обаятельное. Передъ нимъ блѣднѣютъ и талантливый, остроумный Шубинъ и умный, образованный Берсенева. „Освободить свою родину! Эти слова даже выговорить страшно, такъ они велики?...“ Такъ выразилась Елена при первомъ разказѣ Берсенева о мысляхъ и намѣреніяхъ Инсарова. Отличительная черта характера придаетъ ему особенное свѣтлое и сильное значеніе во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ романа, гдѣ онъ, въ бесѣдѣ съ своими русскими друзьями, является какъ бы олицетвореніемъ чувствъ и намѣреній, одушевляющихъ весь болгарскій народъ. „Вы сейчасъ спрашивали меня, люблю ли я свою родину?“ говоритъ Инсаровъ Еленѣ. „Что же другое можно любить на землѣ? Что одно неизмѣнно, что выше всѣхъ сомнѣній? Чему нельзя не вѣрить, послѣ Бога? И когда эта родина нуждается въ тебѣ... замѣтите: послѣдній мужикъ, послѣдній нищій въ Болгаріи и я, — мы желаемъ одного и того же. У всѣхъ у насъ одна цѣль. Поймите, какую это даетъ увѣренность и крѣпость!“ (стр. 66). И этой-то патріотической задачѣ своей жизни Инсаровъ остается неизмѣнно-преданнымъ и вѣрнымъ во всѣхъ обстоятельствахъ; даже искреннее, глубокое чувство любви, которымъ онъ отвѣчаетъ Еленѣ, — и то преклоняется подъ власть главнаго жизненнаго его мотива. Не разъ онъ прямо высказываетъ это Еленѣ и не скрываетъ отъ нея, что ей придется разорвать навѣки связь съ родиной и раздѣлить съ нимъ, Инсаровымъ, судьбу трудную, суровую, полную тяжелой работы, лишеній, опасностей, можетъ-быть, униженій. Онъ какъ будто считаетъ своею обязанностью отклонить ее отъ рѣшимости слѣдовать за нимъ. А за двѣ недѣли передъ окончательнымъ выѣздомъ изъ Москвы въ Болгарію онъ еще разъ такъ выразилъ своей невѣстѣ ту же задушевную мысль: „Не грѣшно ли мнѣ, не безумно ли мнѣ, — мнѣ, бездомному, одинокому, увлекать тебя съ собою... и куда же?“ (стр. 112). Такимъ цѣльнымъ, сильнымъ, желѣзнымъ характеромъ изображенъ Инсаровъ въ романѣ. Смерть застигла его у дверей отечества, на порогѣ той самой борьбы, къ которой онъ всѣми силами готовился. Очевидно, авторъ ограничился тѣмъ, чтобы дать понять читателямъ только то, что такое Инсаровъ, какъ личность, какъ идеаль, въ какую среду попалъ онъ, какъ Инсаровъ любить и какъ его любятъ. Изобразить въ немъ подвиги гражданской, общественной доблести — не входило въ задачу автора. Только косвеннымъ образомъ художникъ-поэтъ, устами симпатичнаго и восторженнаго Шубина, произноситъ славу той дѣятельности, въ которую Инсаровъ приготовился вложить и свою жизнь на пользу отечества. Это — восклицаніе Шубина о предстоящей войнѣ за освобожденіе: „Да, молодое, славное, смѣлое дѣло! Смерть, жизнь, борьба, паденіе, торжество, любовь, свобода, родина... Хорошо,

хорошо. Дай Богъ всякому! Это не то, что сидѣть по горло въ болотѣ да стараться показывать видъ, что тебѣ все равно, когда тебѣ, дѣйствительно, въ сущности все равно. А тамъ — натянута струна, звени на весь міръ или порвись!“

Евстаѳіевъ.

Сила и искренность чувства, жажда дѣятельнаго добра, нѣжная и беззавѣтная любовь къ идеалу человѣческой личности — характерныя черты Елены.

Этотъ художественный образъ привлекаетъ насъ къ себѣ тѣмъ болѣе потому, что въ немъ мы чувствуемъ воплощеннымъ то, чего, недоставало Лизѣ.

Представьте себѣ дѣвушку, которой недавно минуло двадцать лѣтъ. Высокаго роста, съ блѣдно-смуглымъ лицомъ, большими сѣрыми глазами, которые обрамляются пушистыми бровями. На высокій прямой лобъ спускаются прядями темнорусые волосы: тонкая шея низко прикрывается сзади роскошной косой. Чистыя, строгія, прямыя линіи лица гармонируютъ съ острымъ подбородкомъ. Во всемъ ея существѣ, въ выраженіи лица, внимательномъ и немного пугливомъ, въ ясномъ, но измѣнчивомъ взорѣ, въ улыбкѣ, какъ будто напряженной, въ голосѣ тихомъ и неровномъ — было что-то нервическое, что-то порывистое и торопливое. Когда она слушала, то ни одна черта не тронется, — только выраженіе взгляда безпрестанно мѣняется, а отъ него мѣняется и вся фигура.

— „Удивительное существо!“ говоритъ про нее Шубинъ. — „Да, она удивительная дѣвушка“, подтверждаетъ Берсенева. И оба они правы: Елена, дѣйствительно, удивительная дѣвушка. Если бы мы хотѣли въ нѣсколькихъ словахъ указать наиболѣе выдающіяся свойства ея души, то для этого мы могли бы воспользоваться слѣдующими словами ея дневника: „Быть доброю, — этого мало; дѣлать добро... да, это главное въ жизни“.

— „Елена съ дѣтства жаждала дѣятельности, дѣятельнаго добра“, говоритъ авторъ. Мы же прибавимъ отъ себя, что она жаждала дѣятельнаго добра не эгоистическаго, не для собственной, личной пользы, не для самой себя или для своихъ близкихъ, — какъ то мы только-что видѣли въ Лизѣ, — а добра альтруистическаго, т.-е. ради другого человѣка. Нашъ авторъ подтверждаетъ это, говоря, что „нищіе, голодные, больные ее не только занимали, но даже тревожили, мучили; она видѣла ихъ во снѣ, спрашивала о нихъ всѣхъ своихъ знакомыхъ. Мало этого, — всѣ притѣсненные животныя, худыя дворовыя собаки, осужденныя на смерть котята, выпавшіе изъ гнѣзда воробьи даже насѣкомыя и гады находили въ Еленѣ защиту и покровительство“.

Елена всѣмъ своимъ существомъ стремилась къ дѣятельному альтруистическому добру, а между тѣмъ ее окружала обыкновенная, эгоистическая среда, которая почти совсѣмъ не волновалась судьбою не только „обреченныхъ на смерть котятъ“, но и обреченныхъ на голодъ, холодъ, безысходное убожество и темноту хотя бы тѣхъ же крѣпостныхъ, простыхъ русскихъ людей. И Елена одинока въ этой средѣ. — „Я одна, все одна, со всѣмъ моимъ добромъ, со всѣмъ моимъ зломъ“. Ея душа разгоралась и погасала одиноко. Она билась, какъ птица въ клѣткѣ, а клѣтки собственно не было: никто не стѣснялъ ее, никто не удерживалъ, а она рвалась и томилась, — конечно, потому, что непосредственно окружающая ее жизнь не давала ей возможности удовлетворить пожирающую ее жажду дѣятельнаго добра, широкой, альтруистической на пользу ближняго дѣятельности. Все, что ее окружало, казалось ей не то бессмысленнымъ, не то непонятнымъ. „Какъ жить безъ любви? а любить некого“, думала она, т.-е. какой же смыслъ имѣеть такая жизнь, когда приходится жить больше чѣмъ на половину только въ себя и для себя, — когда не къ чему привязаться дѣятельной любовью, когда некого полюбить за его дѣятельную любовь къ людямъ. Временемъ ей становилось, просто, страшно отъ своихъ думъ и ощущеній. — „Отчего у меня такъ тяжело на сердцѣ, отчего такъ темно? Отчего я съ завистью гляжу на пролетающихъ птицъ? Кажется, полетѣла бы съ ними, полетѣла, — куда не знаю, только далеко отсюда“. Конечно, Елена полетѣла бы туда, гдѣ она могла бы вполне отдаться настоящей дѣятельной альтруистической любви, настоящему, высокому дѣлу, просвѣтленному настоящей, дѣятельной любовью къ людямъ. — „И не грѣшно ли это желаніе улетѣть отсюда?“ продолжала размышлять Елена: „у меня здѣсь мать, отецъ, семья. Развѣ я не люблю ихъ?... Нѣтъ, я не люблю ихъ такъ, какъ бы хотѣлось любить. Мнѣ страшно вымолвить это, но это правда“. Припомнимъ въ особенности отца Елены, — и мы поймемъ ее, что она не могла его любить, какъ человѣка въ томъ высокомъ смыслѣ, какъ она понимала это слово. И Елена не въ силахъ притвориться: и въ другихъ людяхъ ложь она не прощала во вѣки вѣковъ, а тѣмъ болѣе она сама не могла лгать. — „Не знаю, кто и какъ, но меня какъ будто убиваютъ, и внутренно я кричу и возмущаюсь; я плачу и не могу молчать“, говоритъ Елена. „Боже мой! укроти во мнѣ эти порывы!“ восклицаетъ она. И Творецъ какъ бы внималъ ея мольбамъ: гроза проходила; опускались усталыя, невзлетѣвшія крылья, — и Елена еще болѣе чувствовала себя какъ бы въ тюрьмѣ, нетерпѣливо ожидая, что кто-нибудь ее освободитъ. — „Кого-то она ждетъ“, говоритъ Шубинъ Берсеневу: „понимаешь ли ты силу этихъ словъ: она ждетъ“. И Елена, дѣйствительно, ждала. Она ждала человѣка, который бы своимъ собственнымъ примѣромъ показалъ, къ чему ей дана молодость, къ чему она живетъ, зачѣмъ у нея душа, — который ей сказалъ бы: „Вотъ что ты должна дѣлать, вотъ чему и какъ ты можешь отдаться всею душой“; она ждала человѣка, для котораго

такъ же, какъ и для нея, жить — значитъ: дѣлать добро, — въ самомъ широкомъ и высокомъ смыслѣ этого слова, — и отдаваться этому добру всѣмъ своимъ существомъ, такъ, чтобы человѣкъ могъ про себя сказать: „Не я хочу, — то хочеть“, — и это „то“ есть то самое доброе дѣло, которому онъ посвящаетъ всѣ свои силы, всю свою жизнь. Вотъ какого человѣка ждала Елена, — и она дождалась. Этимъ человѣкомъ былъ Инсаровъ.

Почему? Что Елена нашла въ Инсаровѣ? что полюбила? Первое, что поразило Елену въ Инсаровѣ, когда она еще его не видала, а только слушала разсказъ о немъ Берсенева, это — цѣль, къ которой онъ стремится. — „У него одна мысль“, говоритъ про него Берсеньевъ: „освобожденіе его родины“. И это именно поразило Елену: и слушая и спрашивая Берсенева, она все думала только объ этомъ: „Освободить свою родину!“ промолвила она въ концѣ разговора, задумавшись: „эти слова даже выговорить страшно; такъ они велики“... По однимъ этимъ „страшнымъ, великимъ словамъ“ она почувствовала въ Инсаровѣ настоящаго человѣка, который ей-то на многое можетъ отвѣтить изъ того, что ее волнуетъ. Тѣмъ съ большимъ, конечно, любопытствомъ Елена всматривалась въ Инсарова, когда онъ въ первый разъ пришелъ къ нимъ. Авторъ говоритъ намъ, что ей при этомъ понравилась его прямота и честное выраженіе глазъ. Она, пораженная высокою, даже, — по ея выраженію, — страшною цѣлью его жизни, съ перваго шага какъ бы старается убѣдиться въ томъ, что онъ не можетъ лгать, т.-е. не можетъ играть такими „страшными, великими словами“, — и съ первой же минуты она все болѣе и болѣе въ этомъ убѣждается. Елена говоритъ Инсарову по поводу его неожиданнаго исчезновенія со своими земляками: „Я подумала, что вы всегда знаете, что дѣлаете, и что вы ничего дурного не въ состояніи сдѣлать“. Въ своемъ дневникѣ она замѣчаетъ: „Насколько Инсаровъ лучше меня! у него есть дорога, есть — цѣль... У него оттого такъ ясно на душѣ, что онъ весь отдался своему дѣлу“. Эта ясность и опредѣленность жизненной цѣли, это знаніе того, куда и зачѣмъ нужно итти, и вмѣстѣ съ тѣмъ эта способность искренно, беззавѣтно отдаться своей жизненной цѣли не менѣе привлекаетъ Елену въ Инсаровѣ, нежели и то, что онъ не лжетъ, что онъ не только говоритъ, но онъ дѣлалъ и дѣлать будетъ. Если мы прибавимъ ко всему этому, что Инсаровъ по своей внѣшности далеко не принадлежалъ къ „героямъ романа“, то мы поймемъ, что Елена полюбила въ своемъ Дмитріи именно человѣка, — и не по какимъ-нибудь общимъ, приписаннымъ ею самою достоинствамъ, а потому, что она своими собственными наблюденіями убѣдилась, на самыхъ поступкахъ Инсарова видѣла, что въ немъ дѣйствительно воплощается наиболѣе высокое, съ ея точки зрѣнія, наиболѣе идеальное и притомъ наиболѣе родственное тому, что наполняетъ какъ бы особеннымъ огнемъ ея собственную душу, заставляетъ почувствовать позади себя крылья и страстное стремленіе подняться надъ всѣми обыденными желаніями и стремленіями окружающихъ ее

людей. Въ Инсаровѣ Елена полюбила ту же искреннюю, глубокую жажду дѣятельнаго добра, которою она сама такъ же искренно, такъ же глубоко была переполнена.

А вотъ какъ Елена любитъ. — „Такъ ты пойдешь за мною всюду?“ говорилъ ей Инсаровъ, когда они, послѣ тяжелой внутренней борьбы, сказали, наконецъ, другъ другу роковое слово. „Всюду, на край земли. Гдѣ ты будешь, тамъ я буду“. „Ты знаешь, что я бѣденъ, почти нищій?“ — „Знаю“. — „Ты знаешь также, что я посвятилъ себя дѣлу трудному, неблагоприятному, что мнѣ... что намъ придется подвергаться не однѣмъ опасностямъ, но и лишениямъ, униженію, быть можетъ?“ — „Знаю, все знаю... Я тебя люблю“. — „Что ты должна будешь отстать отъ всѣхъ твоихъ привычекъ, что ты, можетъ быть, принуждена будешь работать?...“ Она положила ему руку на губы: „Я люблю тебя, мой милый...“ А вотъ какова Елена, еще невѣста, во время болѣзни любимаго человѣка. Инсаровъ въ страшномъ жару и бреду лежитъ въ постели. Около него Берсенева. Вдругъ дверь тихо скрипнула и осторожно едвинулась въ комнату голова хозяйской дочери: „Здѣсь“, заговорила она вполголоса, „та барышня...“ Черезъ мгновеніе на порогѣ появилась Елена. Берсенева вскочилъ, какъ ужаленный; но Елена не шевельнулась, не вскрикнула... казалось, она все поняла въ одно мгновеніе. Страшная блѣдность покрыла ее лицо. Она подошла къ ширмамъ, заглянула за нихъ, всплеснула руками и окаменѣла. Еще мгновеніе, и она бы бросилась къ Инсарову, но Берсенева остановилъ ее: „Что вы дѣлаете?“ проговорилъ онъ трепещущимъ шопотомъ: „вы его погубить можете“. Она зашаталась. Берсенева подвелъ ее къ диванчику и посадилъ. „Онъ умираетъ? онъ безъ памяти?“ спрашивала она съ такимъ холоднымъ спокойствіемъ, что Берсенева даже испугался за нее. Онъ отвѣчалъ ей, но она не слышала его отвѣтовъ и только проговорила: „Если онъ умретъ — и я умру“. Инсаровъ въ это мгновеніе простоналъ слегка. Она затрепетала, схватила себя за голову, потомъ стала развязывать ленты шляпы. „Что вы дѣлаете?“ повторилъ онъ. — „Я остаюсь здѣсь“. — „Какъ... надолго?“ — „Не знаю... можетъ быть, на весь день, на ночь, навсегда... не знаю“. — „Ради Бога, Елена Николаевна, придите въ себя... Вы видите... онъ васъ теперь защитить не можетъ“. Она опустила голову, словно задумалась, поднесла платокъ къ губамъ, и судорожныя рыданія съ потрясающей силой внезапно исторглись изъ ея груди... Она вся затрепетала, какъ только-что пойманная птичка. „Клянитесь мнѣ, что вы тотчасъ же пошлете за мною, когда бы то ни было, днемъ, ночью... слышите ли вы? общаетесь ли вы это сдѣлать?“ говорила черезъ нѣсколько времени Елена, уступая уговорамъ Берсенева. „Общаюсь, передъ Богомъ“, отвѣчалъ онъ: „клянусь вамъ!“ Елена вдругъ схватила его за руку и, прежде чѣмъ онъ успѣлъ ее отдернуть, припала къ ней губами. — „Елена Николаевна!... что вы это?“ только могъ пролепетать Берсенева... Восемь дней продолжалась пытка для Елены. Съ виду она казалась покойной, но ничего

не могла ѣсть, не спала по ночамъ. Тупая боль стояла во всѣхъ ея членахъ; какой-то сухой, горячій дымъ, казалось, наполнялъ ея голову. „Наша барышня, какъ свѣчка, таетъ“, говорила о ней ея горничная. Но вотъ является Берсеневъ, и радостная вѣсть: „Онъ спасенъ... онъ черезъ недѣлю будетъ здоровъ...“ разливаетъ алую краску на ея поблѣднѣвшемъ и похудѣвшемъ за эти ужасные девять дней лицѣ. Услышавъ эти слова, Елена протянула руки, какъ будто отклоняя ударъ, и ничего не сказала, только губы ея задрожали... Она ушла къ себѣ, упала на колѣни и стала молиться. Инсаровъ поправился... Елена была счастлива, — „не дни“, какъ она говоритъ, не „недѣли, а цѣлые мѣсяцы“, счастлива такъ, что ей стало страшно своего счастья... но „Онъ, создавшій эту ночь, это небо“, рѣшилъ, — по ея мнѣнію, — наказать ее за то, что она такъ была счастлива, за то, что на нѣкоторыя минуты отдавалась не людямъ, не дѣятельному добру, а самой себѣ, своему чувству, — и Инсарова не стало... — „Я найду себѣ мѣсто: только возьмите насъ, возьмите меня“, уговаривала она капитана корабля черезъ часъ послѣ кончины Дмитрія. Капитанъ не былъ въ состояніи ей отказать. Елена перешла въ сосѣдную комнату, прислонилась къ стѣнѣ и долго стояла, какъ огаменѣлая. Потомъ она опустилась на колѣни, но молиться не могла. На другой день Елена писала матери: „Я навсегда прощаюсь съ вами... Я не знаю, что со мною будетъ, но я и послѣ смерти Дмитрія останусь вѣрна его памяти, дѣлу всей его жизни...“

Въ этомъ же письмѣ Елены къ роднымъ мы находимъ тотъ главный, — можно сказать, единственный упрекъ, который обыкновенно дѣлается ей. Она пишетъ матери: „Мнѣ нѣтъ другой родины, кромѣ родины Дмитрія. Тамъ готовится возстаніе, собираются на войну; я пойду въ сестры милосердія; буду ходить за больными, ранеными... А вернуться въ Россію — зачѣмъ? Что дѣлать въ Россіи?“ „Какъ?!“ восклицаютъ критики: „незачѣмъ возвращаться въ Россію? въ Россіи нечего дѣлать? — и это говорится въ то время, когда Россіи-то и нужны люди, когда „на каждой отдѣльной личности лежитъ долгъ, святая обязанность передъ Богомъ, передъ родиной, передъ самимъ собой?! И послѣ всего этого Елену возводятъ чуть не въ идеаль?!“ Мы и сами, конечно, не забыли тѣхъ словъ Михалевича изъ „Дворянскаго гнѣзда“, которыя только-что привели отъ лица порицателей Елены, и мы не можемъ не согласиться съ критиками, что ставить Еленѣ въ достоинство ея рѣшеніе не возвращаться на родину, конечно, нельзя. Но, вѣдь, дѣло въ томъ, что, во-первыхъ, слова Михалевича, — строго говоря, — не могутъ быть отнесены къ Еленѣ, а во-вторыхъ, несомнѣнная идеальность личности Елены зиждется совсѣмъ на другомъ. Мы прекрасно помнимъ, что Михалевицъ разразился горячимъ упрекомъ противъ „байбачества“ въ Лаврецкомъ, — противъ того, что онъ въ то время, когда въ Россіи такъ много непочатаго дѣла, когда она такъ нуждается въ болѣе или менѣе образованныхъ людяхъ, не стыдится отдаваться своимъ личнымъ, эгоистическимъ интересамъ,

наполнять свою жизнь единственными заботами о личном счастьѣ. Было бы, конечно, по меньшей мѣрѣ несправедливо дѣлать подобный упрекъ Еленѣ: мы знаемъ, что она полюбила въ Инсаровѣ, какъ горячо она отъликала на задачи его жизни, чему, наконецъ, она рѣшилась посвятить себя на родинѣ любимаго человѣка послѣ его смерти. „Все это такъ“, скажутъ намъ: „но развѣ у себя-то, на родинѣ, для Елены не было дѣла? развѣ въ той же самой Москвѣ или даже на дачѣ въ Кунцевѣ не было, можетъ быть, сотенъ своихъ больныхъ, своихъ темныхъ, нуждающихся въ свѣтѣ людей? Вѣдь, Елена не только видѣла ихъ, но, — по увѣренію автора, — даже и помогала имъ. Къ чему же бѣжать на чужой пожаръ, когда свой некому тушить?“ — Да, это все вѣрно; но вотъ что тотъ же самый авторъ говоритъ про Елену: „Иногда ей приходило въ голову, что она желаетъ чего-то, чего никто не желаетъ, о чемъ никто не мыслить въ цѣлой Россіи... Потомъ она утихала, даже смѣялась надъ собою, безопасно проводила день за днемъ, но внезапно что-то сильное безыменное, съ чѣмъ она совладѣть не умѣла, такъ и закипало въ ней, такъ и просилось вырваться наружу“. Было бы несправедливо утверждать, что Елена проводила время въ однѣхъ бесплодныхъ фантазіяхъ: мы знаемъ, какое дѣятельное участіе принимала она во всѣхъ несчастныхъ: „нищіе, голодные, больные ее занимали, тревожили, мучили; она видѣла ихъ во снѣ, спрашивала объ нихъ всѣхъ своихъ знакомыхъ“. Стало быть, не праздныя, несбыточныя фантазіи сказывались въ этихъ глубокихъ душевныхъ волненіяхъ Елены, а неудержимая жажда болѣе широкой, болѣе важной по своему значенію сферы дѣятельнаго добра, нежели та, которая была доступна ей въ родной семьѣ. Семейные и общественные предрасудки, несомнѣнно, становились на пути высокихъ душевныхъ стремленій Елены, и они-то именно составляли собою ту клѣтку, изъ которой она такъ рвалась на свободу. Инсаровъ освободилъ ее изъ этой клѣтки; въ томъ дѣлѣ, которому онъ съ такой любовью, увлеченіемъ и самоотверженіемъ служилъ, она нашла осуществленіе своихъ идеальныхъ порывовъ: „Освободить свою родину! Эти слова даже выговорить страшно: такъ они велики!“ говорила она о жизненной цѣли Инсарова; на его родинѣ, продолжая служить его дѣйствительно великому дѣлу, она, конечно, могла надѣяться быть окруженной людьми, которые поймутъ, оцѣнятъ ея самоотверженіе и, съ своей стороны, еще поддержать ее; наконецъ, не нужно забывать, что Елена серьезно, глубоко любила Дмитрія, и для нея дѣйствительно было вопросомъ жизни остаться вѣрной его памяти, дѣлу всей его жизни...“ Нѣтъ, мы не въ состояніи упрекать Елену въ томъ, что она не вернулась въ Россію: мы сейчасъ видѣли, какъ многое говорить въ пользу ея рѣшенія остаться на родинѣ любимаго человѣка.

Но не въ этомъ, конечно, рѣшеніи мы видимъ идеальность самой личности Елены. Она для насъ безспорно идеальна по той жадѣ дѣятельнаго добра, которой переполнено ея сердце, — по глубинѣ,

силѣ и искренности того чувства, съ которымъ она стремится къ этому добру и отдается ему; самая любовь ея зиждется опять-таки на этомъ стремленіи къ дѣятельному добру: вѣдь, въ любимомъ человѣкѣ она нашла воплощеніе этого высокаго стремленія, и потому именно она такъ самоотверженно рѣшилась соединить съ нимъ свою судьбу: ея любовь къ Дмитрію возвышалась и озарялась высокимъ радостнымъ сознаніемъ, что рука-объ-руку съ нимъ она будетъ служить великому дѣлу, вложить въ это дѣло всѣ свои горячія стремленія, которыя, какъ мы знаемъ, такъ неудержимо вырывались изъ ея души... Елена не уступаетъ Лизѣ въ цѣльности своего нравственного облика, въ высотѣ и твердости своихъ взглядовъ и убѣжденій; но, вмѣстѣ съ этимъ, она несомнѣнно возвышается надъ Лизой страстной жаждой дѣятельнаго добра на пользу ближняго, тѣмъ самоотверженнымъ альтруизмомъ, который мы считаемъ однимъ изъ главнѣйшихъ достоинствъ настоящей человѣческой личности.

Чернышевъ.

Стремленіе къ идеалу и воплощеніе его въ совмѣстной жизни и дѣятельности съ любимымъ человѣкомъ, какъ носителемъ возвышенныхъ идей — составляютъ единственный источникъ счастливой и разумной жизни Елены.

Г. Тургеневъ принадлежитъ къ небольшому числу тѣхъ избранныхъ, чуткихъ натуръ, въ которыхъ находятъ себѣ живой отголосокъ всѣ лучшія стремленія развивающагося русскаго общества и въ которыхъ эти стремленія, даже едва замѣтно пробивающіяся въ дѣйствительности, отражаются болѣе полными, болѣе яркими и послѣдовательными образами. Я не знаю, сдѣлаетъ ли хоть одна изъ нашихъ дѣвицъ именно то, что дѣлаетъ Елена въ романѣ Тургенева, побѣдить ли въ чужую сторону за какимъ-нибудь студентомъ освобождать Болгарію; но мысль, что назначеніе женской любви заключается въ томъ, чтобъ сочувствовать идеямъ любимаго человѣка и служить ему утѣшительной опорой на пути, ведущемъ къ избранной имъ цѣли, эта мысль уже не исключительная фантазія немногихъ горячихъ головъ, но почти общее убѣжденіе всего молодого поколѣнія нашихъ женщинъ. По крайней мѣрѣ, серіозныя женщины не понимаютъ уже любви безъ раздѣленія принциповъ и убѣжденій того, кого любишь. Та ступень общественнаго развитія, на которой для женщины въ будущемъ ея мужъ стояла на первомъ планѣ наружность, мундиръ, чинъ, богатство — уже пережита нами, и теперь осталась достояніемъ однихъ неразвитыхъ женщинъ; да и тѣ уже совѣстятся признаться явно, что онѣ идутъ замужъ за мундиръ, за деньги и т. п. Для того, чтобъ стать подругой человѣка на всю жизнь, сдѣлалось необходимо нрав-

ественное побужденіе, душевное сочувствіе тому, что этотъ человѣкъ дѣлаетъ, для чего онъ живетъ. Но какъ скоро женщина пришла къ тому серіозному взгляду на замужество, она непремѣнно придетъ и къ слѣдующему болѣе общему и еще болѣе серіозному вопросу: *чему же сочувствовать? для чего жить?* Отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается для женщины въ личности того человѣка, котораго она, наконецъ, полюбитъ...

Въ Еленѣ Николаевнѣ Стаховой представляетъ намъ Тургеневъ именно такую дѣвушку, которой нравственныя требованія уже не удовлетворяются тѣмъ, что даетъ русское общество въ его современномъ состояніи... Наука, искусство, жизнь по Гегелю — подвергаютъ себя поочередно къ стопамъ Елены; всѣ несутъ ей дань обожанія въ лицѣ, можно сказать, благороднѣйшихъ своихъ представителей: молодой художникъ Шубинъ, молодой ученый Берсенева, практикъ и юристъ Курнатовскій — одинъ за другимъ влюбляются въ Елену, и каждый изъ нихъ счелъ бы счастливымъ, если бѣ она согласилась быть его спутницей въ жизни. Но ей не нравится ни художникъ Шубинъ, ни ученый Берсенева, ни дѣлецъ Курнатовскій; она понимаетъ и цѣнитъ ихъ достоинства; Шубина и Берсенева даже любитъ, какъ братьевъ, но ни за одного изъ нихъ не пойдетъ: она чувствуетъ, что все это — не то, а между тѣмъ всѣ они изъ лучшихъ, изъ передовыхъ людей нашего образованнаго общества. Шубинъ — скульпторъ, съ положительнымъ талантомъ, будущая извѣстность; Берсенева — скромный, прилежный молодой человѣкъ, будущій профессоръ исторіи; наконецъ, Курнатовскій — дѣльный секретарь въ сенатѣ, усердный, честный чиновникъ. Спрашивается: что же нужно Еленѣ, если ее не удовлетворяютъ ни наше искусство, ни наша наука, ни наша жизнь гражданская, являющіяся передъ ней — замѣтите — въ лучшихъ своихъ представителяхъ или, по крайней мѣрѣ, въ такихъ, которыхъ, авторъ желаетъ, чтобъ мы считали лучшими представителями современнаго общества? и почему все это ее не удовлетворяетъ?

Сначала Елена сама не могла понять, отчего это происходитъ. „Все, что окружало ее, казалось ей не то безсмысленнымъ, не то непонятнымъ“, говоритъ за нее авторъ: „какъ жить безъ любви? а любить некого! думала она. Иногда ей приходило въ голову, что она желаетъ чего-то, чего никто не мыслитъ въ цѣлой Россіи“. Но это смутное желаніе не складывалось въ опредѣленную мысль; ее мысли были ей самой неясны. Нужно, чтобъ явился человѣкъ, который бы удостоился ее сочувствія; тогда само собою сдѣлалось бы яснымъ, почему она не могла сочувствовать всему тому, что не онъ.

Въ Россіи такого человѣка не оказалось. Только иностранецъ могъ показать Еленѣ, каковы должны быть настоящіе люди. Къ счастью, такой иностранецъ нашелся. Все то, что инстинктивно и смутно до сихъ поръ только снилось Еленѣ, представало передъ ней въ лицѣ Инсарова вылитымъ въ положительный образъ, и этотъ образъ приковалъ ее къ себѣ на вѣки. Что жѣ такое *нашла* Елена особен-

наго въ Инсаровѣ — такого, о чемъ никто не мыслить въ цѣлой Россіи?

Ей понравилась *его прямота и непринужденность*; ей понравилась *твердость его воли и упорное преслѣдованіе своей цѣли*; понравилась *самая цѣль — освобожденіе своей умщенной родины, цѣль* простая, ясная; понравилось и то, что это была цѣль, поставленная не личнымъ капризомъ фантазіи, а общая Инсарову съ послѣднимъ мужикомъ, съ послѣднимъ нищимъ въ Болгаріи. Дѣятельность съ такой прекрасной цѣлью и должна была понравиться Еленѣ, потому что въ ней она увидѣла простое исполненіе той мечты, которая постоянно не давала ей покоя. „Съ дѣтскихъ лѣтъ (говоритъ Тургеневъ) она жаждала дѣятельности, дѣятельности добра“. Она воспитывала заброшенныхъ собакъ и кошекъ, подавала щедро милостыню, но все это казалось ей ничтожнымъ. Въ дневникѣ своемъ она писала: „О, еслибъ мнѣ кто-нибудь сказалъ: вотъ что ты должна дѣлать. Быть доброю, этого мало; дѣлать добро... да; это главное въ жизни. Но какъ дѣлать добро?“ Въ Инсаровѣ Елена увидѣла, что надобно дѣлать и какъ. Инсаровъ отнял ее у Шубина, у Берсенева, у Курнатовскаго, у всей Россіи, и увлекъ ее за собой въ Болгарію... Она — центръ, около котораго вертятся всѣ пружины романа. На нее положилъ авторъ всего болѣе труда; ея личность постарался онъ отдѣлать съ наибольшей отчетливостью. Вездѣ она на первомъ планѣ. Мы знаемъ ея жизнь почти съ колыбели; мы видимъ, что было вложено въ нее натурой, что развилось первыми впечатлѣніями ея дѣтства, чему помогло развиться отсутствіе воспитательной ферулы. Любовь къ правдѣ общая всемъ дѣтямъ и заглушаемая только въ послѣдствіи всякими неправдами, сросшимися съ нашей перепорченной жизнью, растетъ въ Еленѣ передъ нашими глазами; тѣсно съ нею связанное отвращеніе ко всякой лжи, не стѣсняемое никакими одуряющими наставленіями; жизнь наединѣ съ собой, и вмѣстѣ съ нею вырабатывающійся серьезный взглядъ на жизнь; жажда жизни со смысломъ и инстинктивное угадыванье этого смысла — сначала только отрицательное, а потомъ, съ появленіемъ Инсарова, положительное, и, наконецъ, радостное успокоеніе въ любви къ человѣку, поставившему себѣ задачей жизни простое, но великое, народное дѣло, къ человѣку, связанному съ своей землей и живущему только ея счастьемъ — вотъ въ короткихъ словахъ рамка той занимательной исторіи, которая составляетъ содержаніе романа.

Въ какомъ отношеніи Елена Стахова находится къ нашей русской дѣятельности? Возможны-ли въ ней теперь такія женщины? Иные говорятъ, что возможность созданія Елены въ поэзіи доказываетъ возможность такихъ женщинъ и въ дѣйствительной жизни. Это что-то хитро. Развѣ мы не видали въ нашей литературѣ идеаловъ, вычитанныхъ въ чужихъ литературахъ или выдуманныхъ разстроеннымъ воображеніемъ? Развѣ Улинька Гоголя мыслима въ дѣйствительности, а, вѣдь, создалась же она у него какъ-то въ фантазіи. Впрочемъ,

для Елены Тургенева не нужно прибѣгать ни къ игрѣ словъ ни къ натяжкамъ. Что идеаль нашего поколѣнія — гражданинъ своей земли, это было высказано не разъ и прежде Тургенева, а такъ какъ среди всякаго поколѣнія мужчинъ непрѣнно есть женщины, настолько развитыя, чтобъ сочувствовать его идеалу, то возможность становится понятна сама собою.

Несомнѣнно то, что такая женщина, какъ Елена, въ первый разъ является въ нашей литературѣ. Любовь Елены — это самое чистое, самое благородное проявленіе чувства любви, какое только мы можемъ себѣ представить. Это — полная, глубокая преданность любимому человѣку, полное раздѣленіе его надеждъ и стремленій, это бракъ въ истинномъ смыслѣ слова...

Проникнуться сознательнымъ уваженіемъ къ идеѣ, потомъ полюбить эту идею сердцемъ, встрѣтивъ ея олицетвореніе въ живомъ человѣкѣ, и, соединивъ свою судьбу съ судьбой этого человѣка, идти во слѣдъ за нимъ, куда поведетъ его эта идея, раздѣляя съ нимъ всѣ бури и невзгоды — да это такъ возвышенно, такъ нравственно, что могло быть поставлено за образецъ и основаніе всякому браку.

Къ сожалѣнію, проявленіе этой высокой любви такъ же мало развито на дѣлѣ, какъ проявленіе патріотическихъ плановъ самого Инсарова. Тургеневъ, какъ будто нарочно избѣгаетъ той минуты, когда его героямъ настаетъ пора дѣйствовать и приводить въ исполненіе то, о чемъ они такъ прекрасно говорятъ. Конечно, Елена дѣлаетъ рѣшительный шагъ, когда высказываетъ готовность бѣжать съ Инсаровымъ, и — если бъ она это сдѣлала — мы, можетъ быть, имѣли бы случай посмотреть, какъ бы она „тамъ между чужими, стала отставать отъ своихъ привычекъ, работать“ и такъ далѣе. Но авторъ улаживаетъ все это проще: родители Елены узнаютъ, что она тайно обвѣнчалась съ Инсаровымъ и, послѣ обычныхъ упрековъ, дѣло оканчивается благополучно. Мать снабжаетъ Елену деньгами, и Инсаровы путешествуютъ въ довольствѣ и спокойствіи, катаются въ гондолѣ, ѣздятъ въ театръ и т. п. Труды, лишенія, борьба — все это осталось на словахъ.

Жизнь — дѣло грубое, а талантъ Тургенева въ высшей степени деликатенъ, и притомъ онъ, по преимуществу, лирический. Его дѣло — внутренний міръ души, тонкій анализъ чувствованій, красоты природы. И Тургеневъ знаетъ, въ чемъ его сила. Уклоненіе отъ всякихъ сценъ, гдѣ должна выйти на арену борьба живыхъ силъ, это намѣренное уклоненіе, замѣчаемое не въ одномъ „Наканунѣ“, но и во всѣхъ другихъ его произведеніяхъ, есть не ошибка съ его стороны, а признакъ глубокаго художественнаго такта.

Басистовъ.

Лиза и Елена. (Сравнительная характеристика.)

Изъ цѣлой галлерей восхитительныхъ художественныхъ женскихъ типовъ, нарисованныхъ мастерскою кистью Тургенева, особенною популярностью пользуются Лиза и Елена, героини двухъ большихъ романовъ „Дворянское гнѣздо“ и „Наканунъ“. Однако я слишкомъ далека отъ мысли утверждать, что только эти женскіе типы привлекательны, высоки и прекрасны. Нѣтъ... Есть много другихъ женскихъ фигуръ въ произведеніяхъ покойнаго писателя, очерченныхъ съ неподражаемымъ искусствомъ.

Возьмите „Вешнія воды“. Что за чудное лицо эта Джемма, это чистое, возвышенное существо, все проникнутое безпредѣльной любовью! Какая самоотверженность у этой дѣвушки, дочери пылкаго и страстнаго итальянца, у этой „революционерки“ въ семьѣ, какой чудный моментъ та сцена, когда католичка Джемма, срывая съ себя гранатовый крестикъ, говоритъ своему жениху: „Если я твоя, такъ и вѣра твоя — моя вѣра!“

А „Живыя мощи“? Какая покорность страданію, какая любовь ко всему Божьему міру у этой простой крестьянки, стоящей уже на рубежѣ между міромъ земнымъ и небеснымъ! Какое смиреніе, какая вѣжная любовь и заботливость о другихъ при полномъ отсутствіи заботы о самой себѣ... „Вамъ бы, баринъ, матушку вашу уговорить, — крестьяне здѣшніе бѣдные, — хоть бы малость оброку съ нихъ она сбавила! Земли у нихъ недостаточно, угодій нѣтъ... Они бы за васъ Богу помолились... А мнѣ ничего не нужно, — всѣмъ довольна“. Какъ не преклониться передъ этой святой личностью простой крестьянки, передъ этой цѣльной, живой натурой, съ такою покорностью несущей свой тяжелый крестъ, забывающей самое себя и думающей только объ облегченіи участи другихъ!

А сколько самоотверженности, сколько истиннаго героизма, не театральнаго, а героизма простаго, но глубокаго и тѣмъ болѣе возвышеннаго, что въ немъ все непосредственно, въ личности Матрены изъ разсказа „Петръ Петровичъ Каратаевъ“! Сердце у нея надрывается, жаль ей „голубчика Петра Петровича“, — и она безъ всякихъ колебаній, по собственной своей волѣ, рѣшается выдать себя на муку за челоуѣка, не слишкомъ-то много сдѣлавшаго для нея лично.

Симпатична и личность Малаши изъ „Дворянскаго гнѣзда“, тихаго и добраго существа, „Богъ знаетъ, зачѣмъ выхваченнаго изъ родной почвы и тотчасъ же брошеннаго, какъ вырванное деревцо, корнями на солнце“. Сколько кротости и смиренія, сколько покорности въ этомъ простомъ и миломъ безотвѣтномъ существѣ!

А вспомните тургеневскую „Асю“. Какая прелестная, поэтическая, хотя нѣсколько капризно-своенравная натура! Сколько симпатичныхъ чертъ въ Маріаннѣ („Новь“), сколько теплоты и сердечности въ нѣсколько туманномъ образѣ Тани („Дымъ“)!

Мы долго бы не кончили, если бы вздумали перебрать всѣ женскіе типы, вызывающіе глубокія симпатіи въ читателѣ Тургеневскихъ произведеній. Тургеневъ, какъ художникъ по преимуществу, съ большою любовью останавливается на изображеніи женскихъ характеровъ. „Сколько ты ни стучись природѣ въ дверь, не отзовется она понятнымъ словомъ, потому что она нѣмая. Будетъ звучать и ныть, какъ струна, а пѣсни отъ нея не жди. Живая душа — та отзовется, и по преимуществу женская душа“, говоритъ Шубинъ. Раздѣлялъ ли Тургеневъ взгляды художника Шубина на природу — это еще вопросъ, но что онъ солидаренъ былъ съ его взглядомъ на женщину — въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Впечатлительная, гибкая и изящная натура женщины привлекаетъ особенное вниманіе художника; чистая красота, физическая и духовная, гармонія, разлитая по всему женскому существу, естественно, не могли не вдохновить Тургенева, который, воспитавшись на классическихъ образцахъ всемірной литературы, съ юныхъ лѣтъ носилъ въ себѣ идею красоты.

Дѣйствительно, если мы сопоставимъ мужскіе и женскіе типы въ произведеніяхъ Тургенева, то неминуемо придемъ къ заключенію, что на женскихъ типахъ художникъ останавливался съ большею любовью, вкладывалъ больше души въ обрисовку ихъ характеровъ. Нерѣдко это происходило помимо воли самого автора. Въ повѣсти „Наканунъ“ главный интересъ сосредоточенъ, какъ въ фокусѣ, въ благородномъ лицѣ Елены; въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“ Лиза стоитъ выше Лаврецакаго; такимъ образомъ для женскихъ типовъ Тургеневъ, по большей части, отмежевывалъ наилучшія мѣста. Можно бы указать на значительное число другихъ примѣровъ, подтверждающихъ нашу мысль, но рамки статьи не позволяютъ намъ разобрать этотъ интересный вопросъ со всею подробностью.

Остановимся пока на двухъ названныхъ нами типахъ — на Лизѣ и Еленѣ.

Который изъ этихъ двухъ типовъ выше, который ближе къ идеалу русской женщины?

Если поставить вопросъ такимъ образомъ, то мы будемъ не въ состояніи дать отвѣтъ на него, потому что оба типа прекрасны, но, по нашему мнѣнію, это двѣ величины не одного порядка. Поэтому лучше разобрать, хотя вкратцѣ, оба типа въ отдѣльности.

Лиза — натура, богато одаренная духовными качествами, но она „не отъ міра сего“. „Вся проникнутая чувствомъ долга, говоритъ о ней авторъ, боязнь оскорбить кого бы то ни было, она любила всѣхъ и никого въ особенности. Она любила одного Бога, восторженно робко и нѣжно. Лаврецкій первый нарушилъ ея тихую внутреннюю жизнь“. Эту восторженность на первыхъ же порахъ подмѣтилъ въ ней Лаврецкій. „Славная дѣвушка! говоритъ онъ... но, кажется, восторженна немножко“. Восторженность Лизы святая, тихая, не нарушающая кристальной чистоты ея ясной души. Все существо Лизы проникнуто необыкновенною небесною ясностью, она

„очень чиста сердцем“, какъ выражается о ней Леммъ; на даромъ же и сравнилъ онъ ее съ чистыми звѣздами и на посвященномъ ей плодѣ своего вдохновенія, окружилъ ея имя и слова: „только праведные правы“ сіяніемъ лучей. Михалевичъ какъ будто предсказалъ Лаврецкому, что его исторгнетъ изъ апатіи какое-нибудь чистое, неземное существо. Какъ разъ этимъ неземнымъ, чистымъ существомъ и явилась для Лаврецкаго Лиза. „Она бы сама воодушевила меня на честный строгій трудъ“, мечтаетъ Лаврецкій, „и мы пошли бы оба впередъ къ прекрасной цѣли“. Лиза полюбила въ Лаврецкомъ его благородную, чистую, почти дѣтскую натуру, но въ одномъ только съ нимъ расходилась, хотя это „одно“ для нея самой стояло на первомъ планѣ: Лиза расходилась съ Лаврецкимъ въ религіозныхъ убѣжденіяхъ, но она „втайнѣ надѣялась привести его къ Богу“. Выросшая подъ сильнымъ вліяніемъ своей няни, Агафьи, женщины богомольной и смиренной, смолоду шумно пожившей, но потомъ сразу покончившей со всѣмъ своимъ бурнымъ прошедшимъ. Лиза съ юныхъ лѣтъ сроднилась съ идеей аскетизма. Нѣсколько суровое и строгое лицо няни, напоминающее лики угодниковъ на древнихъ иконахъ византійскаго письма, ея рассказы о жизни Пресвятой Дѣвы, объ отшельникахъ и мученикахъ, посѣщенія заутрени тайкомъ отъ родителей, — „вся эта смѣсь запрещеннаго, страннаго, святого потрясла дѣвочку, проникла въ самую глубь ея существа“; Христось сталъ для нея „чѣмъ-то близкимъ, знакомымъ, чуть не роднымъ“. Нянюшка кончила тѣмъ, что ушла въ какой-то раскольнической скитъ, а Лиза, не успѣвъ распуститься еще до встрѣчи съ Лаврецкимъ, уже не разъ подумывала о постриженіи. Сердце у нея было любящее, но не для земной, хотя бы и чистой любви было оно создано. Не Лаврецкій и не Паншинъ должны были быть ея женихами, а самъ Христось. Она должна была сдѣлаться и сдѣлалась „Христовою невѣстою“. „...Мнѣ не житье здѣсь“, говоритъ Лиза теткѣ послѣ окончательнаго невольнаго разрыва съ Лаврецкимъ, „я уже со всѣмъ прости-лась, всему въ домѣ поклонилась въ послѣдній разъ: отзываетъ меня что-то: тошно мнѣ, хочется мнѣ запереться навѣкъ“. При послѣднемъ свиданіи съ Лаврецкимъ, послѣ ранней обѣдни, Лиза говоритъ ему: „Федоръ Ивановичъ, вотъ вы теперь идете возлѣ меня... А уже вы такъ далеко, далеко отъ меня. И не вы одни, а...“ — А весь міръ; все земное — должна бы была она прибавить. „Alles ist todt und wir sind todt“, кратко, но выразительно пояснилъ Леммъ. Эта вѣдрившаяся въ нее идея аскетизма, не лишенная, впрочемъ, нѣкотораго поэтическаго колорита (такова идея и первыхъ христіанскихъ аскетовъ), тлѣвшая въ ея душѣ тихо и ровно, не мѣшала ея спокойной, безшумной жизни. Отдавшись всецѣло Богу, Лиза не помышляла ни о чемъ земномъ; ничто земное не тревожило ея ясной и свѣтлой души, ничто мелкое и будничное не возмущало ея внутренняго мира“. Она можетъ любить одно прекрасное“, говоритъ о ней Леммъ. Несмотря на свои юношескіе годы, она постоянно помыш-

ляетъ о смерти; по ея мнѣнію, мысль о смерти заставляетъ насъ быть христіанами. Блѣдный, едва начинающій распускаться цвѣтокъ, Лиза и не предполагаетъ, что она сама и не рождалась для жизни земной, что она и не вынесла бы этой жизни и во всякомъ случаѣ, если бы даже судьба устроила ей бракъ съ Лаврецкимъ, она кончила бы монастыремъ. Это логическій выводъ изъ всей ея жизни. Любовь ко всему прекрасному, но любовь какая-то пассивная, смиреніе, доходящее до готовности пожертвовать собой, безропотно покориться волѣ матери и выйти за нелюбимаго человѣка, отсутствіе стремленія къ свободѣ, столь естественнаго и законнаго въ каждомъ живомъ существѣ, чрезвычайная доброта и ко всему этому жажда собственныхъ страданій, — вотъ что составляетъ жизнь Лизы. „И я могу также быть несчастной“, говоритъ она Лаврецкому, „но тогда надо будетъ покориться“. Въ этихъ словахъ заключается, такъ сказать, исповѣданіе ея вѣры.

Она жила тихой, безмятежной жизнью, вдали отъ всякихъ тревогъ и житейскихъ тревоженій, углубившись въ самое себя, но Лаврецкій своимъ появленіемъ нарушилъ ея внутреннее спокойствіе. Что-то новое, чудное, неожиданное, непонятное для нея самой произошло съ Лизой: „я ничего не знаю; я сама себя не знаю“. Она не знаетъ и не понимаетъ великаго смысла нахлынувшихъ потокомъ новыхъ чувствъ, но невольно отдается ему: у нея, какъ и у Лаврецкаго „сердце росло въ груди, и ничего для нихъ не пропало: для нихъ пѣлъ соловей, и звѣзды горѣли, и деревья тихо шептали, убаюканныя и сномъ, и нѣгой лѣта, и тепломъ. Лаврецкій отдавался весь увлекавшей его волнѣ; но слово не выразить того, что происходило въ чистой душѣ дѣвушки: оно было тайной для нея самой; пусть же оно останется и для всѣхъ тайной. Никто не знаетъ, никто не видѣлъ и не увидитъ никогда, какъ призванное къ жизни и разцвѣтанію, наливается и зрѣетъ зерно въ лонѣ земли“.

И Лиза пробудилась было къ жизни земной, къ чистой и непорочной земной жизни, какъ чиста была и любовь ея къ Лаврецкому. Но и это пробужденіе она уже сочла грѣхомъ. „Я все знаю, и свои грѣхи и чужіе... Все это отмолить, отмолить надо“, говоритъ она теткѣ, собираясь въ монастырь. А что, кажется, могло быть святѣе и чище той любви, которая зажглась въ ея сердцѣ? Эта любовь, вдохновенная и восторженная, какъ импровизація Лемма, могла ли она оскорбить ея религиозное чувство? Вспомните ночное свиданіе! Лаврецкій слушаетъ вдохновенную музыку композитора. Лиза... „Лиза не спала: она молилась“.

Но „счастье на землѣ зависитъ не отъ насъ“ сказала она однажды, и это счастье, которое уже было улыбнулось имъ, исчезло безвозвратно: „точно это... въ наказаніе послано“. И вотъ надо молить о прощеніи. Но за что же? Что они сдѣлали такого, что бы требовало прощенія? Для Лизы достаточно самаго факта возвращенія жены Лаврецкаго, которую они считали умершей, чтобы увѣриться

въ своей виновности. И Лиза какъ бы ищетъ сама страданій; она является въ общество Варвары Павловны, страдаетъ отъ душливой атмосферы этого общества, и не только не пытается избавить себя отъ этихъ бесплодныхъ страданій, но, напротивъ, сама ищетъ ихъ. Жажда страданій доходитъ въ ней до какого-то сладострастія. Въ этомъ видно влияніе ея нянюшки, которая — къ чему скрывать это? — естественно извратила гибкую душу Лизы, воспитавъ въ ней какую-то мученицу. Въ концѣ концовъ Лиза, какъ извѣстно, уходитъ въ монастырь. Многіе упрекали ее за это говоря, что она отправляется туда съ цѣлью вымолить себѣ прощеніе. Нѣтъ, она идетъ туда не съ тѣмъ, чтобы молиться единственно за себя, она всегда охотно молится и за другихъ, она идетъ туда потому, что тамъ ея истинное мѣсто, потому что на землѣ, въ „міру“, она была бы не въ своей сферѣ. На землѣ люди стремятся къ счастію и свободѣ, она же отрицаетъ и то и другое. „На что намъ наша свобода“, спрашиваетъ Лиза. Монастырь, — и именно отдаленный, подобный тому, въ которомъ она постриглась, монастырь съ суровымъ и строгимъ уставомъ — вотъ истинное мѣсто для Лизы. Устрой судьба бракъ ея съ Лаврецькимъ, и она кончила бы тѣмъ же монастыремъ, развѣ только склонила бы и мужа своего къ постриженію. Лиза не отъ міра сего, но при этомъ все-таки лицо живое и къ тому же она — русская. Она даже патріотка: ее оскорбляетъ презрѣніе Паншина къ Россіи: „ей было по душѣ съ русскими людьми, русскій складъ ума ее радовалъ“; но, будучи русской, Лиза не была русской женщиной новѣйшаго времени, какою именно является Елена. Лиза — типъ, который вполне удобно помѣстится въ XV или XVI столѣтіи, и, пожалуй, для того времени будетъ болѣе естественнымъ. Терпѣніе, покорность, всепрощающая любовь, безотвѣтность, жажда мученическаго вѣнца, — всѣ начала пассивности, — вотъ характеристика этого смирнаго типа прельстившаго своею нравственной чистотой Э. М. Достоевскаго; она повторяемъ еще разъ, „не отъ міра“: „Тихій ангелъ пролетѣлъ подумали всѣ, когда вдругъ воцарилось внезапное, глубокое молчанье, послѣ того какъ молодежь рассказала Лаврецькому о Лизѣ въ заключительной сценѣ „Дворянскаго гнѣзда“.

Совершенною противоположностью съ Лизой представляетъ Елена.

Насколько Лизу можно считать аномальнымъ явленіемъ въ жизни русскаго общества XIX столѣтія, хотя это явленіе очень свѣтлое и прекрасное, настолько же Елена естественна и даже законна. Скажемъ болѣе. Если Лизу удобнѣе помѣстить въ XV или XVI столѣтіи, то Елена — женщина послѣднихъ годовъ нашего вѣка. Въ „Наканунѣ“ она еще явленіе исключительное; теперь же Елена — типъ, къ счастію, довольно частый.

Насколько въ Лизѣ сказывается начало пассивное, насколько она является героиней пассивныхъ добродѣтелей, — настолько же въ Еленѣ видно начало активное. Елена ищетъ и жаждетъ „дѣятельнаго“ добра. Елена не удовлетворяется, подобно Лизѣ, собственными страданіями,

но, напротивъ, стремится облегчить страданія другихъ. „Быть доброю — этого мало“, разсуждаетъ она въ своемъ дневникѣ: „дѣлать добро... да; это главное въ жизни. Но какъ дѣлать добро?“ и этотъ вопросъ терзаетъ и умъ ея и ея сердце. Она не можетъ удовлетвориться ничтожной милостынею, подаваемою ею бѣднымъ, не удовлетворяется и принятой на себя ролью благодѣтельницы и покровительницы разныхъ угнетенныхъ животныхъ, собакъ, котятъ, гадовъ. Ей этого мало. Она понимаетъ, что назначеніе человѣка выше, что такого рода дѣятельность не есть еще истинно разумная дѣятельность, достойная человѣка. Лиза отрицаетъ свободу, — Елена бьется въ клѣткѣ, а клѣтки не было. Никто не стѣснялъ ея, никто не удерживалъ, а она рвалась и томила в. Родительская власть никогда не тяготѣла надъ ней, а съ 16-лѣтняго возраста она стала почти совсѣмъ независима. Отецъ и мать какъ бы признали ея превосходство надъ собою. Съ юныхъ лѣтъ ее занимала мысль о свободѣ. Сближеніе съ деревенскою дѣвочкой, нищей Катей, много способствовало развитію въ душѣ Елены, идеи свободы. Слова нищей „жить на всей Божьей волѣ“, глубоко запали въ сердце Елены. Съ тайнымъ уваженіемъ и страхомъ внимала она этимъ невѣдомымъ и новымъ словамъ, — и долго потомъ послѣ свиданія, думала Елена о нищихъ, о Божьей волѣ. Встрѣчала ли она вокругъ себя людей, которые также усвоили бы себѣ идею свободы? Одни были рабы, не смѣющіе и помышлять о свободѣ, другіе притѣснители, не допускающіе и мысли о свободѣ, для этихъ рабовъ, за которыми они даже не признавали человѣческихъ достоинствъ. „Devant les domestiques“ и „un laquais“ въ этомъ сказанъ весь Стаховъ, владѣтель „человѣческихъ душъ“ и въ то же время ораторъ, мечтающій произносить парламентскія рѣчи; въ свою очередь, онъ и ему подобные были рабами или своихъ страстей, или общественныхъ приличій и общественной рутинѣ. Курнатовскій — ходячая прописная мораль, былъ рабомъ „правилъ“ и „долга службы“; Шубинъ, — тотъ, пожалуй, и мечталъ о свободѣ, но мечтаетъ единственно по обязанности „свободнаго художника“. „Вы величаете себя свободнымъ художникомъ“, говоритъ ему Елена, „зачѣмъ же вы посягаете на свободу другихъ?“ Честный и умный Берсеневъ, конечно, могъ бы усвоить себѣ идею свободы, но ему некогда: онъ читаетъ „Исторію Гогенштауфеновъ“ Раумера и, несмотря на это, едва ли не онъ послѣ Кати, совершенно произвольно вызвалъ въ душѣ Елены новыя, свѣтлыя чувства. „Она слушала его рѣчи, и душа ея раскрывалась, и что-то нѣжное, справедливое, хорошее не то вливалось въ ея сердце, не то выростало въ немъ“. Да, именно, выростало, потому что онъ самъ не болѣе, какъ № 2-й, обреченный только на роль „посредника“. Такимъ образомъ Елена остается съ этой мыслью о свободѣ одна: да и вообще она всегда одна. Ея душа разгоралась и погасала одиноко. „Я одна, все одна, со всѣмъ моимъ добромъ, со всѣмъ моимъ зломъ. Некому протянуть руку“, читаемъ мы въ ея дневникѣ. У ней тяжело на сердцѣ, темно. Атмосфера, которая ее

окружаетъ, тяжело давить ее. Она рвется душой за пролетающими птичками, въ туманную даль, — она стремится къ этой „Божьей волѣ“. Этой идеей настолько проникнуто все ея впечатлительное существо, что она не допускаетъ даже слово „цѣпи“, которое однажды, совсѣмъ некстати, употребилъ по отношенію къ себѣ Инсаровъ. „Зачѣмъ говорить о цѣпяхъ?“ возразила Елена. „Мы съ тобой вольные люди“. Жизнь Лизы была ясна и тиха; молодость Елены протекала въ бездѣйствіи внѣшнемъ, во внутренней борьбѣ и тревогѣ. Насколько все существо Лизы проникнуто небесною ясностью, настолько все, смутно и темно въ душѣ Елены. „Мои мысли мнѣ самой не ясны“, говоритъ она Шубину. Она не можетъ даже отдать себѣ отчета въ томъ, чего она хочетъ. „Иногда ей приходило въ голову, что она ждаеть чего-то, чего никто не желаетъ, о чемъ никто не мыслить въ цѣлой Россіи“. По ея мнѣнію, только у того ясно на душѣ, кто весь отдался своему дѣлу, своей мечтѣ... „Кто отдался весь... весь... тому горя мало, тотъ уже ни за что не отвѣчаетъ. Не я хочу, то хочетъ“... При этомъ нужна вѣра въ идею. „Ты вѣришь“, пишетъ она Инсарову о своемъ женихѣ, Курнатовскомъ, „а тотъ нѣтъ, потому что только въ самого себя вѣрить нельзя“. Тиха и невозмутима Лиза; въ Еленѣ же было „что-то нервическое, что-то порывистое и торопливое“. Нерѣдко „что-то сильное, безымянное, съ чѣмъ она совладать не умѣла, такъ и закипало въ ней, такъ и просилось вырваться наружу“. Вся жизнь ея представляетъ рядъ страстныхъ, бурныхъ, но живыхъ и честныхъ порывовъ. Лиза вся отдалась Небу, Елена живетъ земною жизнью. Въ этой земной, хотя вполне чистой и непорочной жизни, думаетъ Елена найти свое назначеніе. И она его находитъ. Идея, увлекшая Инсарова, идея великая, которую и произнести „страшно“, идея освобожденія угнетенной родины, увлекаетъ и Елену: она отдается ей со всей беззаветной страстностью живой русской души. По удачному выраженію Добролюбова, она сама скоро дѣлается эхомъ той идеи, которая одушевляетъ Инсарова. Если ей хотѣлось въ ноги поклониться буфетчику Василю за его мгновенный порывъ самоотверженія, то встрѣтя Инсарова, Елена уже хотѣла не преклоняться передъ нимъ, а дружески подать ему руку, такъ какъ думала, что нашла въ его лицѣ „замѣчательнаго“ человѣка, котораго такъ долго и безплодно искала. Если Лиза не пытается даже вступить въ борьбу съ судьбою и безропотно покоряется ея велѣніямъ, Елена въ борьбѣ видитъ цѣль жизни: „слабость возмущала ее, глупость сердца, ложь она не прощала „во вѣки вѣковъ“; требованія ея ни передъ чѣмъ не отступали; самыя молитвы не разъ мѣшались съ укоромъ... Всѣ впечатлѣнія рѣзко ложились на ея душу: не легко давалась ей жизнь“. Ей нужно дѣло, молодое, славное, смѣлое дѣло. „Смерть, жизнь, борьба, паденіе, торжество, любовь, свобода, родина... Хорошо, хорошо! восклицаетъ Шубинъ. Дай Богъ всякому! Это не то, что сидѣть по горло въ болотѣ, да стараться показывать видъ, что тебѣ все равно, когда тебѣ, дѣйствительно, въ сущности, все равно. А тамъ струны натя-

нуты, звени на весь міръ, или порвись! „Лиза готова была соединить свою жизнь съ „байбакомъ“ Лаврецкимъ, какъ называлъ его Михайловичъ, Елена отдается Инсарову, потому что въ немъ видитъ чело-вѣка, проникнутаго той святой идеей, которая одушевляетъ весь болгарскій народъ, начиная отъ послѣдняго нищаго и послѣдняго мужика. Лиза живетъ болѣе сердцемъ, чувствомъ, Елена — умомъ. Каждый вечеръ она отдавала себѣ отчетъ въ протекшемъ днѣ. Первая послѣ свиданія молится, вторая ведетъ дневникъ и пытается опре-дѣлить свое чувство путемъ рефлексіи. Лиза бѣжитъ, понявъ, что это за чувство, Елена смѣло идетъ къ нему навстрѣчу. Лиза говоритъ Лаврецкому о необходимости прощенія, Елена спрашиваетъ Инсарова, отмстилъ ли онъ за своихъ родителей. Лиза никогда и никого не су-дила, Елена „судъ“ произносила скоро, даже слишкомъ скоро. Стоило чело-вѣку потерять ея уваженіе, и ужъ онъ переставалъ существовать для нея“. Такой рѣзкій и не вполне справедливый приговоръ изрекла она Шубину.

Можно бы продолжать эту параллель еще далѣе, но намъ кажется, что указанныхъ чертъ вполне достаточно для того, чтобы понять, что это два совершенно противоположные типа. Въ одномъ только сходятся Елена и Лиза. И та и другая — обѣ русскія. Елена въ своемъ дневникѣ выражаетъ сожалѣніе, отчего Инсаровъ не русскій. Съ другой стороны, ее заставляетъ покинуть родину (это служить главнымъ пунктомъ обвиненія противъ Елены, будто она не русская) то обстоятельство, что въ Россіи она не надѣется найти возможности приложить во всей своей полнотѣ свои стремленія къ „дѣятельному“ добру. Она боится размѣняться на мелкую монету, боится, что съ ней повторится то же самое, что было до встрѣчи съ Инсаровымъ. Конечно, нельзя отрицать, что она Россіи не знаетъ: она знаетъ только одинъ классъ русскаго общества, тотъ классъ, къ которому она сама при-надлежитъ, но родной земли она не знаетъ. Извѣстный ей классъ не удовлетворяетъ ея. Къ роднымъ она холодна, потому что безъ ложнаго смиренія сознаетъ себя выше ихъ. Другіе... но пусть лучше говоритъ объ этихъ другихъ Шубинъ... „Какая поднимается по Москвѣ туча осужденій, пересудовъ, толковъ! Она ихъ не испугалась... Впро-чемъ, она выше ихъ“... разсуждаетъ онъ съ Уваромъ Ивановичемъ, съ „черноземной силой“ по случаю отъѣзда Елены съ Инсаровымъ въ Болгарію: „Уѣзжаетъ она — и куда? Даже страшно подумать! Въ какую даль, въ какую глушь! Что ждетъ ее тамъ?... Разстается съ родиной, съ семьей; а я ее понимаю. Кого она здѣсь оставляетъ? Кого видѣла? Курнатовскихъ да Берсецевыхъ да нашего брата; и это еще лучше. Чего тутъ жалѣть?“... Вотъ именно то, что она никого не видѣла, кромѣ названныхъ лицъ, и слагаетъ съ нея вину въ томъ, что она покидаетъ Россію, и что, потерявъ Инсарова, она не возвра-щается на родину, а остается вѣрна завѣту своего мужа, указавшаго ей на истинное дѣло и давшаго ей новую родину. Въ такомъ случаѣ намъ будетъ вполне ясенъ и ея вопросъ въ послѣднемъ письмѣ

къ матери: „Вернуться въ Россію. — Зачѣмъ? Что дѣлать въ Россіи?“ Съ ея точки зрѣнія она вполне права. Для нея вернуться въ Россію — значитъ вернуться въ „свѣтъ, въ общество, отъ котораго она бѣжала, вернуться къ своему прошлому, съ которымъ она давно разсталась. Еще послѣ перваго объясненія съ Инсаровымъ, она покончила свой дневникъ, проведя большую черту подъ послѣдней строкой. То было прошедшее, а она всѣми помыслами, всѣмъ существомъ ушла въ будущее“. Теперь же это „будущее“ сдѣлалось для нея настоящимъ. Вправѣ ли она покончить съ этимъ настоящимъ такъ же рѣшительно и быстро, какъ покончила съ прошедшимъ? Нѣтъ, Елена, какъ и другая русская женщина, должна была воскликнуть:

Вернуться? Жить среди клеветъ,
Пустыхъ и темныхъ дѣлъ?...
Тамъ мѣста нѣтъ, тамъ друга нѣтъ
Тому, кто разъ прозрѣлъ.

Еще до отъѣзда изъ Москвы, она чувствовала фальшь своего положенія въ Россіи и задавала себѣ вопросъ „зачѣмъ я здѣсь?“ Одинъ голосъ шепталъ ей: „Ты наша“, но другой твердилъ: „Нѣтъ, это больше не твоя родина, не твоя семья“. Совѣсть ее ни въ чемъ не упрекала, она молчала, но Елена сперва только смутно чувствовала себя виновной передъ родиной и землей; болѣзнь Инсарова она приняла было за наказаніе. Только потомъ на чужбинѣ Елена задала себѣ вопросъ: а за что, если это наказаніе? „Моя совѣсть молчала, она и теперь молчитъ, но развѣ это доказательство невинности“?... „Можетъ быть, совѣсть у меня не такая, какъ у другихъ“... Въ письмѣ къ матери, она пишетъ: „Я искала счастья, и найду, быть можетъ, смерть. Видно, такъ слѣдовало; видно, была вина... Но смерть все прикрываетъ и примиряетъ, — не правда ли? Простите мнѣ всѣ огорченія, которыя я вамъ причинила; это было не въ моей волѣ“... Ей приходитъ въ голову мысль о томъ, что она виновата передъ семьей, передъ родиной, но мы не можемъ винить ее за это; вина должна падать на тѣхъ, кто оставилъ ее въ полномъ невѣдѣніи о томъ, что такое земля, родина. Стало быть, бѣгство Елены изъ Россіи, хотя и доказываетъ оторванность ея отъ почвы, однако ничуть не можетъ служить къ ея обвиненію. Но она русская еще и потому, что сумѣла подмѣтить въ болгаринѣ одну черту: когда тотъ бросилъ въ воду нѣмца, лицо его освѣтилось зловѣщей улыбкой. Ее поразила и испугала эта улыбка. Она долго размышляла и „боялась его“... Къ чему же эта злоба, эти дрожащія губы, этотъ ядъ въ глазахъ? Или, можетъ быть, иначе нельзя? Нельзя быть мужчиной, бойцомъ и остаться кроткимъ и мягкимъ? Жизнь — дѣло грубое, сказалъ онъ мнѣ недавно. Я повторила это слово Андрею Петровичу (Берсеневу); онъ не согласился. Кто изъ нихъ правъ?“ Она инстинктивно чувствуетъ, что правъ Берсеневъ, но боится сознаться въ этомъ. Инсаровъ для нея стоитъ очень высоко; Берсеневъ, по ея выраженію,

хотя, можетъ быть, и умнѣе его, но передъ нимъ „такой маленькій“. Но зловѣщій и жестокой видъ болгарина при расправѣ съ пьянымъ пѣмцемъ поразилъ Елену. Она, по своей русской, глубоко русской натурѣ, внутренно чувствуетъ, что можно быть бойцомъ, оставаясь кроткимъ и мягкимъ.

Въ Инсаровѣ она полюбила не его самого, а ту идею, которою онъ былъ проникнутъ. Она полюбила его въ то время, когда онъ говорилъ о своей родинѣ, когда онъ преображался, когда онъ становился „инымъ“ человѣкомъ. Эта идея была святая идея, и Елена безъ колебаній пошла за нею. Намъ ли осуждать послѣ этого Елену, намъ-ли упрекать ее въ недостаткѣ патріотизма, когда она вышла изъ той среды, для которой слово „патріотизмъ“ звучитъ какъ-то странно? Она не идеаль, какъ считаетъ ее Добролюбовъ, но она новая русская женщина, съ необходимо расширившимся кругозоромъ, она русская потому что, несмотря на свою принадлежность къ той средѣ, для которой слова „родина“ и „земля“ не вполнѣ еще понятны, она уже чувствуетъ, хотя инстинктивно, свою вину передъ Россіей. При этомъ она та женщина, которая вдохновляетъ мужчину на честный и бодрый трудъ, раздѣляя съ нимъ даже опасности. Какъ типъ дѣятельный, она стоитъ во всякомъ случаѣ не ниже прославленной, но пассивной Лизы. Каждой изъ нихъ свое мѣсто, но обѣ онѣ привлекательны, высоки и прекрасны.

Однако нельзя умолчать объ одномъ мнѣніи. (Не помню, было ли оно высказано печатно.)

Нѣкоторые думаютъ, что Елена не живое лицо, и что въ этомъ сказалась великая художественная, творческая натура Тургенева, который сумѣлъ нарисовать образъ, несуществующій въ дѣйствительности, но обманывающій своей жизненностью. Разумѣется, если Елена только плодъ фантазіи художника, она ниже Лизы, такъ какъ Лиза лицо несомнѣнно живое. Въ такомъ случаѣ должно рушиться все то, что говорено о Еленѣ. Однако, это мнѣніе хотя оригинально, но отнюдь несправедливо.

Въ „Наканунѣ“ она, какъ было упомянуто выше, явленіе еще исключительное, рѣдкое. Это чуткая душа, ушедшая отъ насъ потому, что не нашла человѣка, скорбящаго одною съ нею скорбью, человѣка, у котораго горѣлъ бы въ груди такой же огонь, какъ у нея, — знаменательное явленіе: она была близка и понятна и для того времени какъ лицо, по выраженію Добролюбова, составленное изъ лучшихъ элементовъ, развивавшихся въ нашемъ обществѣ. Она знаменовала собою то, что вопросъ о такомъ „дѣятельномъ“ добрѣ стоялъ на очереди, что онъ уже поднимался или долженъ былъ скоро подняться въ сознаніи лучшихъ людей; теперь же дѣйствительная жизнь доказала самымъ неоспоримымъ образомъ, что Елена — лицо живое. Послѣдняя война вызвала въ ту же Болгарію не мало русскихъ Еленъ, но онѣ ушли туда безъ Инсаровыхъ, сумѣли въ самихъ себѣ найти инициативу, такъ долго и бесплодно отыскиваемую русскою женщиной въ другихъ.

Можно ли послѣ такого убѣдительнаго довода, даваемого дѣйствительною жизнью, говорить объ этомъ типѣ, какъ существующемъ только въ фантазіи художника. Впрочемъ, Тургеневъ нарисовалъ намъ и дальнѣйшую судьбу Елены въ одномъ изъ своихъ „стихотвореній въ прозѣ“.

Замѣтимъ, въ заключеніе, что самая близость Елены къ земному ругается за то, что она лицо живое. Тургеневъ вовсе не идеализировалъ ее, какъ Лизу; онъ, напротивъ, надѣлилъ Елену плотью и притомъ настолько, что плоть эта оказываетъ значительное дѣйствіе на чувственную натуру Инсарова. Лежа въ забытіи, въ бреду, болгаринъ вспоминаетъ запахъ „резеды“, оставленный Еленой, вмѣстѣ „съ теплотою и свѣжестью молодого дѣвственнаго тѣла“. Въ этомъ опять отличіе Елены отъ Лизы, которая „не отъ міра сего“ и поэтому не надѣлена плотью. Намъ кажется, что къ этимъ двумъ тургеневскимъ типамъ вполне можетъ быть примѣнено прекрасное стихотвореніе Хомякова:

Одна небесъ не забывала,
Но и земное все познала, —
И пыль земли на ней легла;

Другая, чуть земли коснулась,
И отъ земли ужъ отвернулась,
И для безсмертья сберегла
Всю прелесть юнаго чела.

Карповъ.

Культъ женщины у Тургенева.

Тургеневъ, по преимуществу, пѣвецъ любви. Его женскіе образы достигаютъ неподражаемаго изящества и душевной прелести. Ихъ много; но всѣ они оригинальны: всякая имѣетъ свою собственную фізіономію, по-своему очаровательную. Я думаю, что рѣдкая литература Европы, рѣдкій романистъ Европы обладаетъ такимъ избраннымъ букетомъ прекрасныхъ женскихъ типовъ.

Граціозная легкость Грѣзы и теплая задушевность Ангелики Кауфманнъ соединены въ женскихъ портретахъ Тургенева. Его женщины дѣйствуютъ мало, говорятъ мало, появляются мало; но всякое слово ихъ — глубокая поэзія, трогательная правда. Всякое движеніе ихъ — видится и помнится и доносится въ сердца, какъ очертанія прекрасныхъ статуй Кановы, которыхъ нельзя забыть, увидѣвши разъ. Эта художественная умѣренность въ изображеніи женщины сообщаетъ изображенію еще болѣе благородства и достоинства. Ася, Лиза, Наташа, Зинаида, Вѣра, Елена — вотъ главные цвѣты этого букета.

Сравнивая эти типы съ героями Тургенева, нельзя не видѣть, что у Тургенева женщина всегда стоитъ выше мужчины. Изъ всѣхъ героевъ только Инсаровъ сколько-нибудь равняется съ Еленой стой-

костію характера и серіозностію призванія. Рудинъ — жалкій трусь и пустой болтунъ передъ героинею Наташею; герой Аси — малодушный резонеръ передъ этою пламенною и цѣльною натурою; Лиза постоянно является руководительницею Лаврецкаго, его разумомъ и совѣстію; она тверда и послѣдовательна до послѣдняго предѣла, а онъ мученикъ своей нерѣшительности, своихъ иллюзій. Зинаида — чистая царица, талантливая, могучая, рѣшительная, среди роя своихъ пылкихъ ухаживателей. Ни одна изъ Тургеневскихъ женщинъ не нуждается въ помощи, въ поддержкѣ мужчины; вездѣ онѣ идутъ прямо и самостоятельно. Столкновеніе съ мужчиною губитъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, но никого не спасаетъ.

Сила и искренность женскаго чувства, твердость женскаго долга свѣтятся въ каждомъ произведеніи Тургенева, какъ плодотворящіе и радующіе лучи солнца. Все опозорено, все измѣняетъ... во всемъ извѣриваешься въ произведеніяхъ Тургенева; только чистое и теплое женское сердце остается у него среди развалинъ житейской пошлости, житейскихъ тревоженій во всемъ своемъ величіи и святости, какъ истинное средоточіе жизни. Въ этой оцѣнкѣ женщины, по нашему мнѣнію, много объективной правды. Если есть существо, которымъ можетъ гордиться міръ, то это, конечно, женщина. Если есть на свѣтѣ правда, красота, любовь, добродѣтель, то, прежде всего, это — женщина. Тотъ, кто назвалъ ее вѣнцомъ созданія, говорилъ не фразу, а моральную истину.

Но при всемъ томъ, въ культѣ женщины у Тургенева мы видимъ и историческую причину. Гуманизмъ ни въ чемъ не выражается такъ полно и характерно, какъ во взглядѣ на женщину. Женщина есть символъ утѣшенія, страданія, обдѣленія, отчасти слабости.

Всякое движеніе общественной совѣсти къ равноправію, всякое усиленіе въ обществѣ чувства человѣчности, прежде всего, должно сказаться возстановленіемъ правды относительно обиженнаго и наиболее достойнаго члена человѣческой семьи — женщины. Ничѣмъ такъ вѣрно нельзя измѣрить степень дикости народа, сословія, времени, отдѣльнаго лица, какъ его отношеніемъ къ женщинѣ. Опора общественнаго возрожденія Россіи точно такъ же необходимо должна начаться съ признанія нравственнаго величія, нравственной прелести женщины. Прежде, чѣмъ поднять вопросъ о женскихъ университетахъ и о расширеніи гражданскихъ правъ женщины, необходимо было утвердить въ обществѣ, въ которомъ еще были слишкомъ живы дѣдовскія преданія о плеткѣ попа Сильвестра, сочувственный и уважительный взглядъ на женщину.

Тургеневъ и его общество окружили женщину тѣмъ поэтически-нравственнымъ ореоломъ, которымъ она впоследствии могла смѣлѣе выступить на защиту своихъ погранныхъ правъ.

Марковъ!

Особенность приема Тургенева въ изображеніи женщинъ.

Русская литература не знаетъ писателя, съ такимъ рыцарствомъ, идеально-вдохновеннымъ чувствомъ рисовавшаго женскія фигуры, какъ Тургеневъ. Это не было романтической идеализаціей женщины, восторгомъ нѣмецкихъ поэтовъ предъ „вѣчно женственнымъ“: и въ этой идеализаціи и въ этомъ восторгѣ было гораздо больше обыкновеннаго любовнаго настроенія мужчины, чѣмъ человѣчески-культурнаго отношенія къ женской природѣ.

У Тургенева впервые женщины появились не въ роли обаятельнаго, неотразимо-соблазнительнаго созданія, олицетворяющаго неизбежно особенно цѣнныя на мужской взглядъ добродѣтели — красоту, грацію и невинность.

Въ результатѣ изображенія дѣвушекъ и женщинъ — главныхъ персонажей романовъ и драмъ — выходило у авторовъ лирическимъ отступленіемъ, какимъ-то непрерывнымъ комплиментарнымъ движеніемъ. Авторъ обязательно превращался въ кавалера, лишь только мимоходомъ или нарочно вспоминалъ о внѣшности своей героини и ея неземныхъ душевныхъ сокровищахъ, большею частью характеризовавшихъ скорѣе ребенка, чѣмъ взрослога челоуѣка. Здѣсь на все налапались самыя свѣтлыя краски — и на ручки, и на ножки, и на бюстъ, и особенно на глаза, обязательно ясныя и въ то же время мучительно загадочныя.

Тургеневъ окончательно порвалъ съ этими традиціями. Онъ съ самаго начала усвоиваетъ совершенно необычный способъ — описывать героинь предстоящихъ романическихъ интригъ. Прежде всего — красота, изящество и безупречная грація остаются у него на долю особаго типа женщинъ, или холодныхъ кокетокъ въ родѣ Одинцовой или пошлыхъ и лицемѣрныхъ представительницъ супружескаго долга — въ родѣ Сипягиной. Иное впечатлѣніе должны производить на насъ дѣвушки, одаренныя авторомъ благороднѣйшими инстинктами и искреннимъ мужественнымъ сердцемъ.

Этихъ дѣйствительныхъ героинь Тургеневъ рекомендуетъ почти всегда съ одной и той же оговоркой: онѣ — не блещутъ внѣшней красотой, могутъ даже не понравиться вамъ, далеко не всегда граціозны и женственны — въ смыслѣ авторовъ-женолюбцевъ.

Напомнимъ портреты излюбленныхъ тургеневскихъ женскихъ образовъ. Возьмемъ дѣвушекъ, играющихъ самыя значительныя роли и стяжавшихъ единодушное сочувствіе читателей и читательницъ. Таково было очевидное желаніе автора. Напримѣръ, — характеристика Елены:

„Ей недавно минулъ двадцатый годъ. Росту она была высокаго, лицо имѣла блѣдное и смуглое, большіе сѣрые глаза подъ круглыми бровями, окруженные крошечными веснушками, лобъ и носъ совершенно прямые, сжатый ротъ и довольно острый подбородокъ. Ея темно-

русяя коса спускалась низко на тонкую шею. Во всемъ ея существѣ, въ выраженіи лица, внимательномъ и немного пугливомъ, въ ясномъ, но измѣнчивомъ взорѣ, въ улыбкѣ, какъ будто напряженной, въ голосѣ тихомъ и неровномъ, было что-то нервное, электрическое, что-то порывистое и торопливое, словомъ что-то такое, что не могло всѣмъ нравиться, что даже отталкивало иныхъ. Руки у нея были узкія, розовыя, съ длинными пальцами, ноги тоже узкія; она ходила быстро, почти стремительно, немного наклоняясь впередъ“.

Очевидно, такая фигура — не изъ чарующихъ. Знатокъ и любитель „вѣчно женственнаго“ не найдетъ въ Еленѣ ничего привлекательнаго. Чтобы заинтересоваться этой дѣвушкой, полюбить ее, — надо прежде всего подавить въ себѣ любительскіе порывы, всмотрѣться въ духовную жизнь столь прозаической на видъ героини и путемъ тщательныхъ человѣчески-любовныхъ наблюдений открыть въ ней божественную искру великихъ нравственныхъ силъ, способную разгорѣться въ жгучее пламя...

Другой портретъ:

„Въ сравненіи съ теткой Маріанна могла казаться „дурнушкой“. Лицо она имѣла круглое, носъ большой, длинный, — сѣрые, тоже большіе и очень свѣтлые глаза, тонкія брови, тонкія губы. Она стригла свои русые и густые волосы и смотрѣла букой“.

Опять — нѣчто совсѣмъ неженственное и отнюдь неспособное заставить пылкаго юношу замечаться и обомлѣть. Но авторъ здѣсь же прибавляетъ нѣсколько чертъ, сразу открывающихъ намъ тайну его творческаго замысла, его авторскихъ вкусовъ:

„Но отъ всего ея существа вѣяло чѣмъ-то сильнымъ и смѣлымъ, чѣмъ-то стремительнымъ и страстнымъ“.

По традиціонной теоріи „вѣчно женственнаго“ такія свойства не для женщины. Тургеневъ, напротивъ, даже подчеркиваетъ значеніе этихъ свойствъ. Маріанна становится красивой именно въ минуты страстнаго одушевленія, когда просыпается вся мощь ея благороднаго сердца и смѣлой убѣжденной мысли.

Вотъ картина, въ высшей степени характерная для тургеневского представленія о женской красотѣ и женской силѣ: „Пока она говорила, Неждановъ глядѣлъ на нее внимательно; ея покраснѣвшее лицо, съ слегка разбросанными короткими волосами, съ трепетнымъ подергиваньемъ тонкихъ губъ, показалось ему и угрожающимъ, и рѣшительнымъ, и красивымъ. Солнечный свѣтъ, перехваченный частой сѣткой вѣтвей, лежалъ у нея на лбу косымъ золотымъ пятномъ — и этотъ огненный языкъ шелъ къ возбужденному выраженію всего ея лица, къ широко раскрытымъ, недвижимымъ и блестящимъ глазамъ, къ горячему звуку ея голоса“.

Тургеневу случается изображать и болѣе красивыхъ и изящныхъ героинь, — но вы въ каждой строкѣ чувствуете, — взоръ автора сосредоточенъ не на внѣшнихъ прелестяхъ, и вы здѣсь же непременно находите оговорку, обращающую все ваше вниманіе на сердце, душу,

умственную жизнь дѣвушки. Это — постоянный, очевидно, строго обдуманый пріемъ писателя.

Напримѣръ, — рѣчь идетъ о героинѣ романа „Рудинъ“: „Дочь Дарьи Михайловны, Наталья Алексѣевна, съ перваго взгляда могла не понравиться. Она еще не успѣла развиться, была худа, смугла, держалась немного сутуловато. Но черты ея лица были красивы и правильны, хотя слишкомъ велики для семнадцатилѣтней дѣвушки. Особенно хорошъ былъ ея чистый и ровный лобъ надъ тонкими, какъ бы надломленными по срединѣ бровями. Она говорила мало, слушала и глядѣла внимательно, почти пристально, — точно она себя во всемъ хотѣла дать отчетъ. Она часто оставалась неподвижной, опускала руки и задумывалась; на лицѣ ея выражалась тогда внутренняя работа мысли...“

Въ иномъ родѣ другая героиня, — но и здѣсь на первомъ планѣ та же „внутренняя работа“, оригинальное, независимое отъ внѣшнихъ условій нравственное развитіе. И авторъ въ высшей степени серьезно относится къ этому вопросу, хочетъ строго и безпристрастно оцѣнить *человѣческія* силы дѣвушки, не преувеличивая и не уменьшая ея духовной красоты.

„Училась Лиза хорошо, то-есть усидчиво; особенно блестящими способностями, большимъ умомъ ее Богъ не наградилъ; безъ труда ей ничего не давалось. Она хорошо играла на фортепіано; но одинъ Леммъ зналъ, чего ей это стоило. Читала она немного; у ней не было „своихъ словъ“, но были свои мысли, и шла она своей дорогой. Не даромъ походила она на отца: онъ тоже не спрашивалъ у другихъ, что ему дѣлать. Такъ росла она — покойно, неторопливо, такъ достигла девятнадцатилѣтняго возраста. Она была очень мила, сама того не зная. Въ каждомъ ея движеніи высказывалась невольная, нѣсколько неловкая грація; голосъ ея звучалъ серебромъ нетронутой юности, малѣйшее ощущеніе удовольствія вызывало привлекательную улыбку на ея губы, придавало глубокой блескъ и какую-то тайную ласковость ея засвѣтившимся глазамъ. Вся проникнутая чувствомъ долга, боязнь оскорбить кого бы то ни было, съ сердцемъ добрымъ и кроткимъ, она любила всѣхъ и никого въ особенности; она любила одного Бога восторженно, робко, нѣжно. Лаврецкій первый нарушилъ ея тихую нравственную жизнь“.

И вы уже знаете, — романъ Лизы не будетъ обыкновенной любовной исторіей. Каждый шагъ дѣвушки озаренъ неугасающимъ нравственнымъ свѣтомъ, каждое біеніе ея сердца облагорожено мыслью и сознаньемъ все того же долга. Это — не жалкая игрушка юнаго инстинкта, физиологическаго процесса, всегда по существу грубаго и прозаическаго, въ какіе бы цвѣта ни окрашивала его лицемѣрная фантазія самихъ героевъ и услужливая чувствительность авторовъ.

Чувствомъ Лизы вы заинтересованы не только какъ вообще любопытнымъ приключеніемъ интересной дѣвушки, притомъ мастерски рассказаннымъ: у насъ неминуемо поднимаются общіе вопросы, столь же

насущенные для насъ лично, какъ и для самихъ героевъ романа. Внутренній міръ Лизы до того очеловѣченъ и осложненъ, что при всемъ вашемъ равнодушіи къ романической интригѣ — по прочтеніи романа въ вашемъ сердцѣ окажется множество затронутыхъ струнъ.

Измутителенъ талантъ писателя, умѣвшаго обычную тоску молодости слить съ высшими запросами человѣческой природы, всей силой женской страсти одухотворить идеальныя стремленія къ общему благу. Вы видите, что въ этомъ романѣ любовь достается дѣйствительно избранному, не первому встрѣчному, случайно приковавшему къ себѣ безсознательное влеченіе дѣвушки, стремящейся вообще любить и быть счастливой. Такой „выборъ“ — вопросъ крови, организма, животнаго инстинкта. О тургеневскихъ героиняхъ даже какъ-то странно употреблять эти понятія и притомъ сами герои, большею частью, совершенно не удовлетворяютъ представленію о героизмѣ съ точки зрѣнія крови и инстинкта. Всѣ эти Рудины, Лаврецкіе, Инсаровы, Соломины — или смѣшны или дики на обычный женскій взглядъ: такими они дѣйствительно и представляются всѣмъ, кто лишенъ высшей нравственной чуткости, кто въ мужчинѣ видитъ только любовника или кавалера.

Можно какъ угодно судить о Тургеневѣ и его произведеніяхъ, можно до конца сомнѣваться — въ основательности его идеализма, отрицать даже общее реальное значеніе его народныхъ типовъ и особенно его женскихъ характеровъ. Правда, — такое отрицаніе должно преодолѣть всю силу внутренней правдивости тургеневского творчества, должно на каждомъ шагу бороться съ невольнымъ сознаниемъ, до какой степени жизненны и естественно правдивы образы, созданные писателемъ. Но пусть эта борьба окончится не въ пользу Тургенева. Ни одинъ скептикъ не будетъ въ силахъ отрицать — извѣстнаго міросозерцанія романиста, его опредѣленныхъ взглядовъ на духовный міръ крестьянина и нравственную роль женщины. Нельзя также отрицать и практическаго значенія этихъ взглядовъ въ жизни того, кто ихъ въ состояніи исповѣдовать.

Человѣкъ, открывшій такое богатство внутренней жизни у мужика, какое мы видимъ въ герояхъ „Записокъ охотника“, — будетъ и въ личныхъ отношеніяхъ видѣть въ мужикѣ *человѣка* и притомъ способнаго — къ живой энергической мысли, къ великимъ нравственнымъ усиліямъ, т. е. къ истинно-культурной дѣятельности. Кто могъ написать исторію Елены, тотъ, очевидно, въ совершенно ясномъ направленіи рѣшилъ женскій вопросъ. Можетъ быть, Елены существуютъ единицами среди тысячъ, но все-таки существуютъ, и потому несправедливы препятствія, какія онѣ могутъ встрѣтить въ своихъ стремленіяхъ, — найти отвѣтъ на болѣе высокіе запросы, чѣмъ общепризнанное для нихъ назначеніе — *savoir plaire*. *Ивановъ.*

Общественное значеніе романа „Наканунъ“.

Романъ „Наканунъ“ (1859 г.) служитъ новымъ доказательствомъ отличительной и симпатичной черты творчества Тургенева, а именно — способности быстро угадывать новыя идеи, новыя потребности, лишь только онѣ, еще смутно, начинаютъ волновать общество, и умѣнье отзываться на всякую благородную мысль и честное чувство, какъ только начинаютъ они проникать въ сознаніе лучшихъ людей. По основной своей идеи этотъ романъ непосредственно граничитъ съ „Рудинымъ и съ „Дворянскимъ гнѣздомъ“ и въ то же время служитъ какъ бы слѣдующею ступеню въ ходѣ рѣшенія этой задачи; которую Тургеневъ рѣшаетъ или, по крайней мѣрѣ, послѣдовательно разъясняетъ, цѣлымъ рядомъ романовъ. Рудинъ — представитель высшихъ идей и теоретическихъ стремленій, которыя необходимо внести въ грубую и сонную дѣйствительность, расшевелить ее и подвинуть, къ развитію. Но способы дѣйствія Рудина заключаются только въ словѣ, правда, благородномъ и убѣжденномъ, да еще въ безплодныхъ усиліяхъ приняться за дѣло. Боже мой! въ тридцать пять лѣтъ все еще *собираются* что-нибудь сдѣлать!“ тоскливо восклицалъ онъ въ письмѣ къ Натальѣ. Лаврецкій идетъ дальше, даетъ больше: онъ не пропагандируетъ только, не пьитися отъ дѣйствительной жизни, напротивъ, борется съ ея тяжелыми понятіями и нравами, а главное, подъ конецъ своей борьбы и своихъ разочарованій, убѣждается въ томъ, что нѣтъ счастья въ эгоистической мечтѣ о личномъ своемъ благополучіи. Этою идеей „Дворянское гнѣздо“ кончается, этою же идеей „Наканунъ“ начинается.

Общественное значеніе этого романа рукою художника замкнуто въ самомъ названіи его — „Наканунъ“. Въ идеяхъ и стремленіяхъ, которыя одушевляютъ главныхъ дѣйствующихъ въ романѣ лицъ, поэтъ отразилъ то недавнее, *передразсвѣтное* наше прошлое, когда свѣтлая заря новой жизни уже начала подыматься на горизонтъ нашей общестственности, при напорѣ свѣта стали раздвигаться густыя потемки отъ старыхъ временъ и обычаевъ, виднѣе сдѣлались задачи жизни, яснѣе обрисовались правильные идеалы семьянина, гражданина, матери-воспитательницы, художника, ученаго и патріота, и потребность женскаго труда и женскаго образованія вошла въ сознаніе лучшихъ людей, принята обществомъ съ сочувствіемъ. Правда, Елена — пока лицо идеальное; но черты этого идеала уже и 20 лѣтъ назадъ стали намъ понятны и симпатичны. Желаніе дѣятельнаго добра, томительное исканіе того, кто бы показалъ, какъ дѣлать добро, — все это уже и тогда почувствовалось въ лучшей части общества и стало близиться къ осуществленію въ живыхъ русскихъ дѣятеляхъ семейной и общественной жизни. Когда пройдетъ канунъ, тогда настанетъ день.

Евстаѣевъ.

Природа въ произведеніяхъ Тургенева.

Пейзажистомъ по преимуществу, между нашими романистами, безъ сомнѣнія, долженъ быть названъ Тургеневъ. Ни у кого описанія природы не играетъ такой выдающейся роли, ни у кого не отличаются они такимъ разнообразіемъ, такою жизненностью, такою безукоризненностью формы. Все соединилось для того, чтобы сдѣлать Тургенева мастеромъ описательнаго жанра. Сроднившись еще въ дѣтствѣ съ великорусской деревней, горячо полюбивъ великорусскій пейзажъ, онъ рано познакомился съ другой природой, болѣе изящной, болѣе величественной и могучей; первое путешествіе его по Германіи, Швейцаріи и Италіи было для него тѣмъ, чѣмъ житъе на югѣ Россіи — для Пушкина, пребываніе на Кавказѣ — для Лермонтова. Подобно тому какъ погруженіе съ головою въ „Нѣмецкое море“ (см. предисловіе Тургенева къ полному собранію его сочиненій) сдѣлало его западникомъ, оставивъ его вмѣстѣ съ тѣмъ истинно русскимъ — красоты Рейна и Альповъ, расширивъ его художественный кругозоръ, не затмили въ его глазахъ скромной прелести тульскихъ полей или орловскаго полѣся. Не забылъ онъ ея и тогда, когда почти совсѣмъ разстался съ Россіей; „старческія“ (senilia, какъ называлъ ихъ самъ Тургеневъ) „стихотворенія въ прозѣ“ (напр. „Деревня“) проникнуты такимъ же пониманіемъ русской природы, такимъ же сочувствіемъ къ ней, какъ и первыя страницы юношеской поэмы „Параша“. „Я шель домой, ни о чемъ не размышляя, — говоритъ герой „Аси“, — какъ вдругъ меня поразилъ сильный, знакомый, но въ Германіи рѣдкій запахъ. Я остановился и увидалъ возлѣ дороги небольшую грядку конопли. Ея стенной запахъ мгновенно напомнилъ мнѣ родину и возбудилъ въ душѣ страстную тоску по ней. Мнѣ захотѣлось дышать русскимъ воздухомъ, ходить по русской землѣ“. Устами рассказчика говоритъ здѣсь, очевидно, самъ Тургеневъ; самимъ Тургеневымъ пережиты, очевидно, и тѣ ощущенія, которыя испытываетъ Лаврецкій при возвращеніи въ родную деревню, „Лаврецкій глядѣлъ... и эта свѣжая, степная, тучная голь и глушь, эта зелень, эти длинные холмы, овраги съ приземистыми дубовыми кустами, сѣрыя деревеньки, жидкіе березы — вся эта, давно имъ не виданная, русская картина навѣвала на его душу сладкое и въ то же время почти скорбное чувство, давило грудь его какимъ-то пріятнымъ давленіемъ... Какая сила кругомъ, какое здоровье въ этой бездѣйственной тиши! Вотъ тутъ, надъ окномъ коренастый лопухъ лѣзетъ изъ густой травы; надъ нимъ вытягиваетъ зоря свой сочный стебель; богородицыны слезки еще выше выкидываютъ свои розовые кудри; а тамъ, дальше въ поляхъ лоснится рожь, и овесъ уже пошелъ въ трубочку, и ширится во всю ширину свою каждый листъ на каждомъ деревѣ, каждая травка на своемъ стеблѣ... Жизнь текла здѣсь неслышно, какъ вода по болотнымъ травамъ; до самаго вечера Лаврецкій не могъ оторваться отъ созерцанія этой уходящей, утекающей жизни — и никогда не было въ немъ такъ

глубоко и сильно чувство родины“. Нигдѣ, можетъ быть, любовь Тургенева къ родной природѣ не чувствуется такъ живо, какъ въ „Дневникѣ лишняго человѣка“. Это именно „любовь, вѣрная до смерти“. Я бы хотѣлъ еще разъ надышаться горькою свѣжестью полыни, сладкимъ запахомъ сжатой гречихи на поляхъ моей родины; я бы хотѣлъ еще разъ услышать издали скромное тыпанье надтреснутаго колокола въ приходской нашей церкви; еще разъ полежать въ прохладной тѣни подъ дубовымъ кустомъ на скатѣ знакомаго оврага; еще разъ проводить глазами подвижный слѣдъ вѣтра, темною струею бѣгущаго по золотистой травѣ нашего луга“. Прощаясь съ жизнью, „лишний человѣкъ“ прощается, въ то же время, съ своимъ садомъ, съ своими липами; ему утѣшительно думать, что наслажденье, миновавшее для него, будетъ испытываться другими. „Пусть хорошо будетъ людямъ лежать въ вашей пахучей тѣни, на свѣжей травѣ, подъ лепечущій говоръ вашихъ листьевъ, слегка возмущенныхъ вѣтромъ“. Чтобы вложить такой завѣтъ въ уста умирающаго, нужно было глубоко сжиться съ природой, извѣдать всю полноту наслажденій, источникомъ которыхъ она служить.

„Природа, — читаемъ мы въ „Асѣ“, — дѣйствовала на меня чрезвычайно, но я не любилъ такъ называемыхъ ея красотъ, необыкновенныхъ горъ, утесовъ, водопадовъ; я не любилъ, чтобы она навязывалась мнѣ, чтобы она мнѣ мѣшала“. Буквально примѣнять эти слова къ автору „Аси“, разумѣется, нельзя; говоря о Сорренто или Неаполѣ, о Римѣ или Лаго-Маджоре, Тургеневъ достаточно доказалъ свою способность наслаждаться „такъ называемыми красотами природы“, но въ приведенной нами тирадѣ ясно слышится насмѣшка надъ тѣми, для которыхъ внѣ экстраординарныхъ, всѣмъ міромъ признанныхъ красотъ природы какъ бы не существуетъ... Изучить и оцѣнить русскую природу, привязаться всѣмъ сердцемъ къ роднымъ, часто „невеселымъ“, но часто и мирнымъ, успокоительнымъ картинамъ, много помогла Тургеневу „благородная страсть“ къ охотѣ. „Охота, — говоритъ онъ въ драгоценной для насъ критической статьѣ о „Замѣткахъ ружейнаго охотника Оренбургской губерніи“, С. А.—ва (С. Т. Аксакова), — сближаетъ насъ съ природой; одинъ охотникъ видитъ ее во всякое время дня и ночи, во всѣхъ ея красотахъ, во всѣхъ ея ужасахъ“. Способный отдаться всецѣло обаянію природы, наслаждаться ею наивно и безотчетно, Тургеневъ могъ смотрѣть на нее и глазами художника, анализирующаго впечатлѣнія, подмѣчающаго отдѣльныя черты пейзажа, останавливающагося на томъ, чего вовсе не видитъ масса. „Гагинъ, — читаемъ мы въ „Асѣ“, — обратилъ мое вниманіе на нѣкоторыя счастливо освѣщенные мѣста; въ словахъ его слышался если не живописецъ, то ужъ навѣрное художникъ“. То же самое часто можно сказать о словахъ Тургенева; прочувствовать ихъ въ состояніи всякій, но далеко не всякому они пришли бы въ голову. Тонкое пониманіе пейзажа въ живописи, такъ ясно, выразившееся, напримѣръ, въ напечатанныхъ недавно письмахъ Тургенева къ Я. П. Полонскому, непременно должно было итти рука объ руку съ такимъ же

пониманіемъ пейзажа въ литературѣ. Въ довершеніе всего Тургеневъ не даромъ началъ свою творческую дѣятельность съ стихотвореній; постигнувъ „тайную гармонію стиха“ (собственное выраженіе Тургенева, въ одной изъ раннихъ критическихъ его статей — о переводѣ „Фауста“ Вронченко), онъ перенесъ ее, насколько это возможно, въ прозу, музыкальность которой особенно замѣтна — и особенно эффектна — именно въ описаніяхъ природы. Первообразъ поэтическихъ описаній, которыми такъ богата тургеневская проза, можно найти въ самой ранней поэмѣ Тургенева — въ „Парашѣ“.

Лишь изрѣдка промчится легкій трепеть
 Въ березахъ, тамъ за рѣчкой соловей
 Поетъ себѣ — и слышенъ долгіи лепеть,
 Немолчный шопотъ дремлющихъ степеней.
 И въ комнату, какъ вздохъ земли безсонной,
 Влетаетъ робко вѣтеръ благовонный...
 ...Ночь прекрасна была,
 Ночь лѣтняя, спокойная, нѣмая;
 Не свѣтла луна, хотъ и взошла;
 Рѣка, во тьмѣ таинственно сверкая,
 Текла вдаль. Дорожка къ ней вела;
 А листья въ вышинѣ толпой незримой
 Лепечуть. Вотъ — они сошли въ оврагъ,
 И словно ихъ движеніемъ гонимый,
 Предъ ними разступился мягкій мракъ...

И здѣсь, и въ другихъ поэмахъ, и въ небольшихъ лирическихъ стихотвореніяхъ источникомъ вдохновенія служитъ для поэта заурядный великорусскій пейзажъ; близкія, знакомыя картины воспроизводятся имъ то шутя, то серьезно, но всегда съ одинаковой любовью.

Въ повѣстяхъ Тургенева, относящихся къ половинѣ сороковыхъ годовъ („Андрей Колосовъ“, „Бреттеръ“, „Три портрета“), описанія природы встрѣчаются рѣдко; на первый планъ они выступаютъ въ его прозѣ только тогда, когда онъ перестаетъ писать стихи и весь отдается новому дѣлу — „Запискамъ охотника“. Здѣсь ничто не связывало его свободы; описанія могли соединяться съ рассказомъ въ какихъ угодно сочетаніяхъ, могли преобладать надъ нимъ, могли даже совершенно замѣнять его („Лѣсъ и степь“). Для той крайней сдержанности, образцы которой завѣщаны были пушкинской прозой, не было здѣсь никакого повода: работа, предпринятая художникомъ, допускала безконечныя разнообразіе пріемовъ. И дѣйствительно, картины природы разливаются по „Запискамъ охотника“ широкою волной, то поднимающеюся, то отступающею передъ нимъ, то поглащающею его. Иногда передъ нами точно лежитъ рисунокъ, лишь кой-гдѣ слегка тронутый красками (старинный садъ въ рассказѣ „Мой сосѣдъ Радилловъ“); иногда художникъ даетъ намъ небольшую акварель, не блещущую яркостью цвѣтовъ, но проникнутую задумчивою красотой скромнаго пейзажа (начало разказа: „Татьяна Борисовна и ея племянникъ“); иногда описаніе разрастается въ цѣлую картину, писанною могучею кистью,

поражающую чудесами колорита (лѣсъ въ „Касьянъ съ Красивой Мечи“). Останавливается ли Тургеневъ на маленькомъ уголкѣ природы (ключъ въ „Малиновой водѣ“), или на безпредѣльномъ ея просторѣ („Лѣсъ и степь“), подмѣчаетъ ли онъ одинъ короткій моментъ (закатъ солнца въ концѣ „Льгова“), или рисуетъ цѣлый рядъ послѣдовательныхъ явленій (ясный іюльскій день въ началѣ „Бѣжина луга“), смотритъ ли онъ на пейзажъ сквозь призму минутнаго личнаго настроенія („Касьянъ съ Красивой мечи“, стр. 120—121 стереотипнаго изданія) или глазами челоуѣка, забывшаго о самомъ себѣ и всецѣло погружившагося въ созерцаніе (первыя строки „Ермолая и мельничихи“) — вездѣ и всегда онъ увлекаетъ насъ за собою и дѣлаетъ насъ участниками своихъ впечатлѣній. Необыкновенное богатство матеріала затрудняетъ выборъ цитатъ, да онѣ и почти излишни: немного найдется у насъ читателей, для которыхъ „Записки охотника“ не были бы настольной книгой. Ограничимся двумя небольшими выписками, которыя понадобятся намъ для заключительныхъ выводовъ. „Съ самаго ранняго утра небо ясно; утренняя заря не пылаетъ пожаромъ: она разливается кроткимъ румянцемъ. Солнце — не огнистое, не раскаленное, какъ во время знойной засухи, не тускло-багровое, какъ передъ бурей, но свѣтлое и привѣтно-лучезарное — мирно всплываетъ надъ узкой и длинной тучкой, свѣжо просіяетъ и погрузится въ лиловый ея туманъ. Верхній тонкій край растянутаго облачка засверкаетъ змѣйками; блескъ ихъ подобенъ блеску кованнаго серебра. Но вотъ опять хлынули играющіе лучи — и весело и величаво, словно взлетая, поднимается могучее свѣтило. Около полудня обыкновенно появляется множество круглыхъ высокихъ облаковъ, золотисто-сѣрыхъ, съ нѣжными бѣлыми краями. Подобно островамъ, разбросаннымъ по безконечно разлившейся рѣкѣ, обтекающей ихъ глубоко прозрачными рукавами ровной синевы, они почти не трогаются съ мѣста; далѣе къ небосклону они сдвигаются, тѣснятся, синевы между ними не видать; но сами они такъ же лазурны, какъ небо; они всѣ насквозь проникнуты свѣтомъ и теплотой... Къ вечеру облака исчезаютъ; послѣднія изъ нихъ, черноватая и неопредѣленная, какъ дымъ, ложатся розовыми клубами напротивъ заходящаго солнца; на мѣстѣ, гдѣ оно закатилось такъ же спокойно, какъ взошло на небо, алое сіянье стоитъ недолгое время надъ потемнѣвшею землею, и тихо мигая, какъ бережно несомая свѣчка, затеплится на немъ вечерняя звѣзда“ („Бѣжинъ лугъ“). „Листья чуть шумѣли надъ моей головой; по одному ихъ шуму можно было узнать какое тогда стояло время года. То былъ не веселый, смѣющийся трепетъ весны, не мягкое шушуканье, не долгій говоръ лѣта, не робкое и холодное лепетанье поздней осени, а едва слышная, дремотная болтовня... Внутренность рощи то озарялась вся, словно вдругъ въ ней все улыбнулось; тонкіе стволы не слишкомъ частыхъ березъ внезапно принимали нѣжный отблескъ бѣлаго шелка, лежавшіе на землѣ мелкіе листья вдругъ цестрѣли и загорались червоннымъ золотомъ; то вдругъ опять все

синѣло: яркія краски мгновенно гасли, березы стояли всѣ бѣлыя, — бѣлыя, какъ только что выпавшій снѣгъ, до котораго еще не коснулся холодно играющій лучъ зимняго солнца — и украдкой, лукаво начиналъ сѣяться и шептать по лѣсу мельчайшій дождь“ („Свиданіе“).

Дальше и выше той ступени, на которой стоятъ въ „Запискахъ охотника“ описаніе природы, Тургеневу некуда было итти; во многомъ другомъ позднѣйшія его произведенія знаменуютъ собою громадный шагъ впередъ — съ занимающей насъ точки зрѣнія они остаются на томъ же уровнѣ, и лучшей для нихъ похвалы нельзя и придумать. Всего больше мѣста отводится описаніямъ въ тѣхъ очеркахъ или разсказахъ, которые, по своему характеру, всего ближе подходятъ къ „Запискамъ охотника“; сюда принадлежатъ въ особенности „Три встрѣчи“ и „Поѣздка въ Полѣсье“. Описаніе сада въ „Въ трехъ встрѣчахъ“ — одна изъ лучшихъ картинъ, написанныхъ Тургеневымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ одна изъ самыхъ характеристическихъ для его описательной манеры. „Неподвижно лежалъ передо мною небольшой садъ, весь озаренный и какъ бы успокоенный серебрянными лучами луны, весь благовонный и влажный... Молодые яблоки кой-гдѣ возвышались надъ поляной; сквозь жидкія вѣтки кротко синѣло ночное небо, лился дремотный свѣтъ луны... Съ одной стороны сада липы смутно зеленѣли, облитыя неподвижнымъ, блѣдно-яркимъ свѣтомъ: съ другой — онѣ стояли всѣ черныя и не прозрачныя; странный, сдержанный шорохъ возникалъ по временамъ въ ихъ сплошной листвѣ; онѣ какъ будто звали на пропадавшія подъ ними дорожки, какъ будто манили подъ свою глухую сѣнь. Все небо было испещрено звѣздами; таинственно струилось съ вышины ихъ голубое, мягкое мерцанье; онѣ, казалось, съ тихимъ вниманіемъ глядѣли на далекую землю... Все дремало, все нѣжилось вокругъ; все какъ будто глядѣла вверхъ, вытянувшись, не шевелясь и выжидая... Чего ждала эта теплая, эта незаснувшая ночь? Звука ждала она; живого голоса ждала эта чуткая тишина — но все молчало. Соловьи давно перестали пѣть... а внезапное гудѣніе мимолетнаго жука, легкое чмоканье мелкой рыбы въ сажалкѣ за липами на концѣ сада, сонливый свистъ встрепенувшейся птички, далекій крикъ въ полѣ, до того далекій, что ухо не могло различить, человѣкъ ли то прокричалъ, или звѣрь, или птица, короткій, быстрый шорохъ по дорогѣ — всѣ эти слабые звуки, эти шелесты только усугубляли тишину“... Понятно впечатлѣніе, производимое, при такой обстановкѣ, внезапно раздавшимся звукомъ знакомой пѣсни... „Поѣздка въ Полѣсье“ заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ лѣсныхъ пейзажей, то удручающихъ своимъ суровымъ мракомъ, то убаюкивающихъ своей мирной тишиной. Природа здѣсь точно говорить съ человѣкомъ; ея жизнь столь различная съ нашей и вмѣстѣ съ тѣмъ столь близкая къ ней, наводитъ на мысль о смерти — но самый образъ смерти является то грознымъ, то спокойнымъ. „Поѣздка въ Полѣсье“ не даромъ стоитъ на рубежѣ между двумя періодами въ жизни и творчествѣ Тургенева, къ наслажденію природой здѣсь

присоединяется въ первый разъ мучительное сознаніе ея безучастія, ея равнодушія, съ наибольшей ясностью и силой выразившееся четверть вѣка спустя въ „Стихотвореніяхъ въ прозѣ“.

Въ романахъ и повѣстяхъ Тургенева описаніе природы встрѣчаются сравнительно рѣдко — и еще рѣже достигаютъ большихъ размѣровъ, выдвигаются изъ рамки разсказа. Иногда къ нимъ примѣнимо выраженіе, употребленное нами по отношенію къ описанію графа Толстого — они точно брошены „мимоходомъ“, слегка, немногими штрихами намѣчая обстановку дѣйствія, иногда они проникнуты субъективнымъ элементомъ, неразрывно связаны съ настроеніемъ дѣйствующаго лица. Описанія перваго рода всегда коротки и предпосылаются далеко не каждой сценѣ, не каждому моменту дѣйствія; въ большинствѣ случаевъ они необходимы для полноты впечатлѣнія, незамѣтно сливаясь въ одно цѣлое съ разсказомъ. „Владимиръ Сергѣевичъ подошелъ къ окну и приложился лбомъ къ холодному стеклу. Словно въ черную завѣсу уперлись его глаза, и только спустя немного времени могъ онъ различить на беззвѣздномъ небѣ вѣтки деревьевъ, порывисто крутившіяся среди мрака“ („Затишье“). Этими немногими словами заранѣе обрисована передъ нами та темная, бурная ночь, которую Марья Павловна избрала для самоубійства... Версеньевъ („Наканунъ“) выходитъ изъ дома Стаховыхъ послѣ первой продолжительной бесѣды съ Еленой. „Уже совсѣмъ стемнѣло, неполный мѣсяць стоялъ высоко на небѣ, млечный путь заблѣлъ, и звѣзды заперстрѣли... Ночь была тепла и какъ-то особенно безмолвна, точно все кругомъ прислушивалось и караулило“. Такихъ примѣровъ можно было бы привести еще много; укажемъ на вступленіе къ „Рудину“, къ „Дворянскому гнѣзду“ и къ „Бригадиру“, на картину утра передъ дуэлью въ „Отцахъ и дѣтяхъ“, на описаніе сипягинскаго сада въ „Нови“, на обстановку, среди которой убиваетъ себя Неждановъ.

Съ большею еще силой дарованіе Тургенева выражается въ тѣхъ описаніяхъ, которыя мы соединяемъ подъ общимъ именемъ субъективныхъ. Неопредѣленное ожиданіе, первое предчувствіе первой любви, пробужденіе долго спавшаго сердца, стремленіе навстрѣчу жизни, успокоеніе тревожныхъ думъ, воспоминаніе о погибшемъ счастьѣ — всѣ чувства, дремлющія, торжествующія или замирающія, всѣ душевныя состоянія, начиная съ смутнаго водненія до страстнаго эффекта, находятъ отголосокъ въ природѣ, становятся, если можно такъ выразиться, между природой и человѣкомъ. Ни одна сторона этого взаимодѣйствія не осталась тайной для Тургенева. Кто не помнитъ той сцены въ „Дневникѣ лишняго человѣка“, когда великолѣпный солнечный закатъ вызываетъ или довершаетъ переломъ въ сердцѣ Лизы, или той страницы въ „Перепискѣ“, когда Алексѣй Петровичъ вспоминаетъ о „безмолвныхъ вечернихъ прогулкахъ вчетверомъ, послѣ какого-нибудь долгаго, теплаго, живого разговора“? Кто не помнитъ Лемма, точно воскресающаго подъ дыханіемъ тихой, теплой ночи, или Николая Петровича („Отцы и дѣти“), погружаемаго лѣтнимъ вечеромъ въ „горе-

стную и отрадную игру одиноких думъ? Герой „Аси“ переѣзжаетъ черезъ рѣку, весь охваченный новымъ, едва сознаваемымъ еще чувствомъ. „Я поднялъ глаза къ небу — но и въ небѣ не было покоя; испещренное звѣздами, оно все шевелилось, двигалось, содрогалось; я склонился къ рѣкѣ... но и тамъ, и въ этой темной, холодной глубинѣ, тоже колыхались, дрожали звѣзды; тревожное оживленіе мнѣ чудилось повсюду, и тревога росла во мнѣ самомъ. Шопотъ вѣтра въ моихъ ушахъ, тихое журчанье воды за кормою меня раздражали, и свѣжее дыханіе волны не охлаждало меня... Слезы закапали у меня на глазахъ, но то не были слезы безпредметнаго восторга. Нѣтъ! во мнѣ зажглась жажда счастья“. Лаврецкій ѣдетъ домой, проводивъ посѣтившихъ его Марью Дмитріевну и Лизу. „Обаяніе лѣтней ночи охватило его; все вокругъ казалось такъ неожиданно-странно, и въ то же время такъ давно и такъ сладко знакомо; вблизи и вдали все покоилось; молодая, расцвѣтающая жизнь сказывалась въ самомъ этомъ покоѣ. Лошадь Лаврецкаго бдро шла, раскачиваясь направо и налево; было что-то таинственно-пріятное въ крикѣ перепеловъ. Звѣзды исчезали въ какомъ-то свѣтломъ дымѣ; неполный мѣсяць блестѣлъ твердымъ блескомъ: свѣтъ его разливался голубымъ потокомъ по небу и падалъ пятномъ дымчатаго золота на проходившія близко тонкія тучки; свѣжесть воздуха охватывала всѣ члены, лилась вольною струею въ грудь“. Ощущеніе тревоги, испытываемое героемъ „Аси“, зависитъ, очевидно, не отъ окружающей его природы, хотя и поддерживается, усиливается ею; то же самое слѣдуетъ сказать объ ощущеніи блаженнаго покоя, наполняющемъ душу Лаврецкаго. Перенесите героя „Аси“ въ русскую деревню, поставьте Лаврецкаго на берегу Рейна — впечатлѣнія того и другого останутся почти безъ перемѣны, потому что не будетъ тронуть главный ихъ источникъ. Этотъ источникъ — приближеніе любви, чуть замѣтно вкрадывающейся въ сердце; но на человѣка, многое пережившаго и выстрадавшаго, оно дѣйствуетъ иначе, чѣмъ на юношу, любившаго до сихъ поръ только головою. Лаврецкому не нужно страсти, онъ былъ уже разъ обмануть ею, да и въ Лизѣ нѣтъ ничего, чѣмъ вызывалось бы бурное, жгучее чувство; герой „Аси“, наоборотъ жаждетъ страсти, — страсти, которая таится, готовая вспыхнуть, во всемъ существѣ Аси. Каждому изъ нихъ природа даетъ именно то, чего онъ въ ней безсознательно ищетъ, что онъ въ нее невольно вноситъ.

Мы далеко не исчерпали всего разнообразія тургеневскихъ описаній; мы могли бы указать, какъ они принимаютъ фантастическій оттѣнокъ (въ „Призракахъ“), какъ они обращаются въ художественную монографію отдѣльнаго растенія (осина въ „Свиданіи“), какъ они служатъ иллюстраціей глубокой мысли („Довольно“), какъ они дышатъ наивностью или педантизмомъ, смотря по тому, въ чьи уста они вкладываются авторомъ (разсказчикъ въ „Собакахъ“, описывающій лунную ночь, Клюберъ — въ „Вешнихъ водахъ“, — снисходительно ободряющій или строго критикующій природу). Предметъ такъ привлекателенъ, что отъ него трудно оторваться — но мы боимся утомить читателей.

Арсеньевъ.

Творчество Тургенева.

Художественное творчество, по своему внутреннему „механизму“ или характеру, можетъ быть двойное: *объективное* и *субъективное*. *Объективнымъ* я называю такое творчество, которое преимущественно (въ своихъ лучшихъ созданіяхъ) направлено на воспроизведеніе типовъ, натуръ, характеровъ, умовъ и т. д., болѣе или менѣе чуждыхъ или даже противоположныхъ личности художника. Создавая такіе образы, художникъ отправляется *не отъ себя*. *Субъективнымъ* я называю такое творчество, которое преимущественно (въ своихъ лучшихъ созданіяхъ) направлено на воспроизведеніе типовъ, натуръ, характеровъ, умовъ и т. д., болѣе или менѣе близкихъ, родственныхъ или даже тождественныхъ личности самого художника. Создавая такіе образы, художникъ отправляется *отъ себя*. Геніальнымъ представителемъ такого *субъективнаго* творчества служитъ *Левъ Толстой*. Однимъ же изъ величайшихъ представителей творчества *объективнаго* является Тургеневъ.

Пользуясь біографическими данными, воспоминаніями лицъ, близко знавшихъ Тургенева, основываясь также на нѣкоторыхъ его произведеніяхъ, завѣдомо субъективнаго происхожденія, наконецъ, матеріаловъ, представляемыхъ его письмами, мы можемъ составить себѣ довольно вѣрное понятіе о натурѣ, характерѣ, складѣ ума покойнаго романиста. Это понятіе въ общихъ чертахъ сводится къ слѣдующему. Тургеневъ прежде всего былъ человѣкъ *необыкновеннаго ума* — очень широкаго и глубокаго, очень вдумчиваго и созерцательнаго. По складу ума, по типу мышленія, Тургеневъ принадлежалъ къ числу тѣхъ избранниковъ, которые съ серіозностью и глубиной, съ широтою умственнаго захвата соединяютъ необыкновенную тонкость, чуткость и изящество мысли. Это тотъ типъ умовъ, къ которому относятся, напр., Ренанъ, Тэнъ, Герценъ. Изучая такихъ писателей, мы сосредоточиваемъ свое заинтересованное вниманіе не столько на положительныхъ результатахъ ихъ мысли, сколько на самомъ ея процессѣ, дѣйствующемъ на насъ обаятельно. Мы можемъ не соглашаться съ ихъ выводами, не раздѣлять тѣхъ или другихъ идей, проводимыхъ ими, но мы невольно подчиняемся обаянію ихъ глубокаго анализа, ихъ тонкой критики, ихъ изящнаго синтеза. Конечно, умы человѣческіе, въ особенности большіе, крайне разнообразны и часто представляютъ самую причудливую смѣсь противоположныхъ качествъ, разнообразныхъ даровъ, сильныхъ и слабыхъ сторонъ, такъ что едва ли возможно довести ихъ подѣ опредѣленные, строго разграниченныя рубрики. Но все-таки мы, кажется, не ошибемся, если скажемъ, что умы, о которыхъ идетъ рѣчь, суть умы, по преимуществу, созерцательные, съ сильно выраженнымъ даромъ анализа, въ большей или меньшей мѣрѣ скептическіе, но безъ грустной прони и въ общемъ — уравновѣшенные, очень гармоническіе. Въ нихъ также нѣтъ

или мало того, что можно назвать „дѣловымъ“ направленіемъ мысли. Не думаю, чтобы такой умъ былъ свойственъ, на примѣръ, изобрѣтателямъ; да и въ самой теоретической наукѣ рѣдко дѣятели этого типа совершаютъ крупныя и — если можно такъ выразиться — осязательныя открытія. Было бы крайне затруднительно отвѣтить категорически на въ упоръ поставленный вопросъ: что собственно *открылъ* Ренанъ или Тэнъ? Да и ставить его не слѣдуетъ. И вопросъ и вполне категорическій отвѣтъ на него возможны по отношенію къ умамъ другого рода, для которыхъ не умѣю подобрать лучшаго термина, какъ „дѣловые“ съ большимъ или меньшимъ даромъ „геніальной отгадки“. Таковы, напр., Ньютонъ, Лейбницъ, Кантъ, Дарвинъ, Гельмгольцъ, Лобачевскій, Боппъ, Потенія и много другихъ, съ именами которыхъ связаны положительныя открытія, формулировка новыхъ законовъ, установленіе новыхъ точекъ зрѣнія, созданіе новыхъ методовъ. Это умы — въ сферѣ научной или философской — прогрессивныя, завоевательныя, революціонныя, смѣлыя. Умы перваго типа скорѣе консервативны (въ смыслѣ научномъ и философскомъ). Само собой разумѣется, дары тонкаго анализа, изящества мысли и т. д. могутъ быть не чужды и умамъ „дѣловымъ“ и прогрессивнымъ (въ большинствѣ случаевъ такъ и бываетъ), но не въ томъ пунктѣ сосредоточена ихъ главная сила.

Что Тургеневъ, какъ умъ, принадлежалъ къ первому — типу, съ этимъ, полагаю, согласится всякій, кто хорошо знакомъ съ его творчествомъ, въ доступенъ обаянію его генія. Ниже намъ придется не разъ останавливаться на тѣхъ мѣстахъ въ произведеніяхъ Тургенева, которыя характеризуютъ его умъ съ указанной стороны.

Какъ человѣкъ, Тургеневъ — это извѣстно — отличался большою добротою сердца, мягкостью души, доброжелательностью къ людямъ. Это былъ очень добрый, очень гуманный, хорошій человѣкъ. Какъ характеръ, это былъ человѣкъ довольно слабый, съ малымъ развитіемъ дѣйствующей воли, лишенный всякихъ качествъ и стремленій авторитетности и инициативы, неспособный къ дѣятельности, напр., публициста, человѣка партіи, организатора. Это была натура пассивная, недѣятельная.

Отмѣтимъ еще одну очень важную для пониманія Тургенева и его творчества черту, въ которой намъ придется неоднократно возвращаться въ этихъ этюдахъ. Это именно стремленіе и что особенно важно, *способность къ внутренней свободѣ*. Въ чемъ она состоитъ, это не трудно уразумѣть изъ слѣдующаго. Въ „литературныхъ воспоминаніяхъ“ Тургеневъ, обращаясь къ молодымъ беллетристамъ, напоминаетъ имъ извѣстные стихи Гёте:

Greift nur hinein in's volle Menschenleben!
Ein jeder lebt's — nicht vielen ist's bekannt,
Und wo ihr's pakt — da ist's interessant!

И затѣмъ даетъ такіе совѣты и поясненія: „Силу этого *схватыванія*, этого *уловленія* жизни даетъ только талантъ, а талантъ дать

себѣ нельзя; но и одного таланта недостаточно. Нужно постоянное общеніе съ средою, которую берешься воспроизводить; нужна правдивость, неумолимая въ отношеніи къ собственнымъ ощущеніямъ; *нужна свобода, полная свобода возрѣній и понятій*, и, наконецъ, нужна образовательность, нужно знаніе... *Ничто такъ не освобождаетъ человека, какъ знаніе*, — и *нигдѣ такъ свобода не нужна, какъ въ дѣлѣ художества, поэзіи*... Можетъ ли человѣкъ „схватывать“, „уловлять“ то, что его окружаетъ, если онъ связанъ внутри себя? Пушкинъ это глубоко чувствовалъ; не даромъ въ своемъ безсмертномъ сонетѣ онъ сказалъ:

. дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ...

Признаки такой внутренней свободы въ себѣ самомъ Тургеневъ отмѣчаетъ въ письмѣ къ Милютиной (1875 г.): „ . . . скажу вкратцѣ, что я преимущественно реалистъ, и болѣе всего интересуюсь живою правдою людской фізіономіи; ко всему сверхъестественному отношусь равнодушно, ни въ какіе абсолюты и системы не вѣрю, люблю больше всего свободу и, сколько могутъ судить, — доступенъ поэзіи. Все человѣческое мнѣ дорого, славянофильство чуждо, такъ же какъ и всякая ортодоксія...“

Чтобы понять Тургенева, какъ поэта-художника, чтобы проникнуть въ психологію его творчества, необходимо постоянно имѣть въ виду только что указанное, основное свойство его натуры. Постараемся прежде всего показать, въ какихъ отношеніяхъ находится эта „внутренняя свобода“ къ преобладающему у Тургенева *объективному* направленію творчества. Сперва прочтемъ первыя строки изъ письма Тургенева къ г. Кингу (1876 г.); „... Если васъ изученіе человѣческой фізіономіи, чужой жизни, интересуетъ *больше*, чѣмъ изложеніе собственныхъ чувствъ и мыслей; если, напр., вамъ *пріятнѣе* вѣрно и точно передать наружный видъ не только человѣка, но простой вещи, чѣмъ красиво и горячо высказать то, что вы ощущаете при видѣ этой вещи или этого человѣка, значитъ вы объективный писатель, и можете взяться за повѣсть или романъ...“

Едва ли нужно доказывать, что можно писать превосходныя повѣсти и романы, и не будучи писателемъ въ строгомъ смыслѣ объективнымъ. Романъ можетъ быть продуктомъ творчества субъективнаго не меньше любого лирическаго стихотворенія, воспроизводящаго личныя чувства и мысли автора. За вычетомъ этого пункта, мы не находимъ препятствій принять опредѣленіе объективнаго творчества, данное Тургеневымъ въ приведенномъ отрывкѣ. Да, объективно то творчество, при которомъ писатель, насколько возможно, забываетъ себя и прежде всего обращаетъ взоръ на вещи, лица, характеры не только посторонніе, внѣшніе, но, что еще важнѣе, въ большей или меньшей степени противорѣчащіе тому, что онъ находитъ въ самомъ себѣ. Объективенъ тотъ, кто способенъ заинтересоваться, понять, оцѣнить, полюбить натуру, совершенно противоположную себѣ самому.

Въ этомъ *объективизмъ* я усматриваю дѣйствіе особаго психическаго *ритма*.

Присматриваясь къ проявленіямъ — весьма нерѣдкимъ — такой объективности въ самой жизни, въ отношеніяхъ между людьми, не трудно уловить въ нихъ дѣйствіе той душевной пружины, которую можно назвать стремленіемъ къ *ритму контрастовъ*. Усматривая въ другомъ извѣстныя черты, противоположныя своимъ, человѣкъ невольно тяготѣетъ къ этому другому, ища восполненія того, чего ему самому недостаетъ, но такого восполненія, которое въ результатѣ давало бы гармоническое цѣлое. Оттуда нерѣдко, напр., тяготѣніе людей съ слабымъ характеромъ къ людямъ съ сильнымъ характеромъ и наоборотъ. Но, развивая эту мысль, слѣдуетъ быть осторожнымъ: тутъ легко дойти до абсурда и утверждать, напр., что дураки должны любить умныхъ, и умные тяготѣть къ дуракамъ. Вся суть дѣла сводится къ стремленію достигъ гармоніи, но, вѣдь, далеко не всѣ контрасты ритмуютъ между собою, и умъ не нуждается въ глупости для своего ритмическаго восполненія. Гармоническій эффектъ осуществляется въ процессѣ общенія умовъ различнаго типа, натуръ съ противоположными темпераментами, характеровъ съ различно выраженнымъ волевымъ началомъ.

Принимая съ этими оговорками теорію контрастовъ и сводя ее къ стремленію осуществить гармонію духа, я въ этомъ именно явленіи и ищу источника того, что выше я назвалъ *объективизмомъ* въ отношеніяхъ между людьми. Стремясь дополнить себя, человѣкъ пріучается интересоваться другими, сперва тѣми, которые могутъ его дополнить, а потомъ и иными: онъ съ любопытствомъ всматривается въ чужія лица, и (говоря словами Тургенева) „изученіе человѣческой фizioноміи, чужой жизни“ привлекаетъ его въ большой степени, чѣмъ „изложеніе собственныхъ чувствъ и мыслей“. Это человѣкъ *объективнаго* склада или направленія. Но есть люди иного рода, которые интересуются другими постольку, поскольку они могутъ изложить передъ послѣдними „свои собственные чувства и мысли“, т.-е. обнаружить *свое* душевное содержаніе, и вы, встрѣтя такого человѣка, сейчасъ же замѣчаете, что онъ не ищетъ „дополненія“ себѣ, и живъ собственнымъ своимъ нутромъ. Это человѣкъ *субъективнаго* склада или направленія. Различны могутъ быть причины, обуславливающія такой субъективизмъ, но въ числѣ ихъ бросается въ глаза одна: это именно отсутствіе того, что Тургеневъ называетъ „внутреннею свободою“. Человѣкъ, находящійся подъ властью какой-нибудь *idée fixe*, фанатикъ, доктринеръ, сектантъ, утопистъ — всѣ они слишкомъ исключительно заняты своими мыслями, чувствами, стремленіями, слишкомъ переполнены собою, чтобы интересоваться „живою правдою человѣческой фizioноміи“, и общеніе съ людьми иныхъ мыслей, чувствъ, стремленій производитъ въ ихъ душѣ эффектъ не гармоніи, а диссонанса. Наоборотъ, люди внутренне свободные, не поработанные излюбленной идеей или мечтой, ищутъ дополненія, рады встрѣтить

контрасты, — ихъ душа открыта для объективнаго отношенія къ вещамъ и людямъ.

Таковъ именно и былъ Тургеневъ, какъ въ жизни, такъ и въ творествѣ. Художникъ (если онъ въ самомъ дѣлѣ художникъ, а не сочинитель) остается въ сферѣ творчества самимъ собою, творя, онъ продолжаетъ жить, вступаетъ въ такое же живое общеніе съ создаваемыми имъ образами, какое ему свойственно въ отношеніи къ живымъ людямъ. Онъ будетъ объективенъ или субъективенъ въ творествѣ, смотря по тому и въ той же мѣрѣ, какимъ онъ является въ своей личной жизни.

Овсянко-Куликовскій.

Творчество Тургенева, его процессъ и приемы.

На что была обращена пытливая наблюдательность Тургенева, какъ писателя, какъ историка своего времени, съ полной ясностью указано имъ самимъ: „Я стремился, насколько хватило силъ и умѣнья, добросовѣстно и безпристрастно изобразить и воплотить въ надлежащія типы — и то, что Шекспиръ называетъ: the body and pressure of time (самый образъ и давленіе времени), и ту быстро измѣняющуюся фizioномію русскихъ людей культурнаго слоя, который преимущественно служилъ предметомъ моихъ наблюденій“ ... Какія ступени проходили впечатлѣнія, получаемыя романистомъ извнѣ, чтобы воплотиться въ образы, поражающіе насъ своею правдивостью и тщательностью художественной обработки; съ помощью какихъ приемовъ достигались эти результаты, — вотъ вопросы, рѣшеніе которыхъ является цѣлью настоящаго очерка. Спѣшимъ, однако, оговориться съ самаго начала, что эстетическая и психологическая стороны творчества Тургенева нами затрагиваться не будутъ.

Первый фазисъ, который проходило у Ивана Сергѣевича поэтическое произведеніе, — это „вынашивание“ авторомъ въ своей душѣ главныхъ типовъ и элементовъ романа или разсказа безъ потребности закрѣпить возникающіе образы словомъ. Въ разговорѣ съ Половцовымъ Тургеневъ такъ характеризовалъ эту стадію творчества: „Сперва начинаетъ носиться въ воображеніи одно изъ будущихъ дѣйствующихъ лицъ, въ основѣ которыхъ у меня почти всегда лежатъ реальныя лица. Часто лицо, которое занимаетъ васъ, — не главное, а одно изъ второстепенныхъ, безъ котораго, однако, не было бы и главнаго. Задумываешься надъ характеромъ, его происхожденіемъ, образованіемъ; около перваго лица группируются мало-по-малу остальные. Это время, когда въ воображеніи носятся, всячески переплетаясь, туманныя образы, — самое пріятное для художника. Затѣмъ чувствуешь потребность закрѣпить эти образы, придать имъ болѣе опредѣленности“¹⁾. Въ другой

¹⁾ Календарь „Царь Колоколь“ на 1887 г., стран. 77 (Воспомин. о Тургеневѣ).

разъ Иванъ Сергѣевичъ такъ пояснял эту ступень своего творчества: „Я не столько не хочу, но я совершенно не могу, не въ состояніи написать что-нибудь съ предвзятою мыслью и цѣлью, чтобы провести ту или другую идею. У меня выходитъ произведеніе литературное такъ, какъ растетъ трава. Я встрѣчаю, напримѣръ, въ жизни какую-нибудь Оеклу Андреевну, какого-нибудь Петра, какого-нибудь Ивана, и представьте, что вдругъ въ этой Оеклѣ Андреевнѣ, въ этомъ Петрѣ, въ этомъ Иванѣ поражаетъ меня нѣчто особенное, то, чего я не видѣлъ и не слыхалъ отъ другихъ. Я въ него вглядываюсь, на меня онъ или она производитъ особенное впечатлѣніе; вдумываюсь, и затѣмъ эта Оекла, этотъ Петръ, этотъ Иванъ удаляются, пропадаютъ неизвѣстно куда, но впечатлѣніе, ими произведенное, остается, зрѣеть. Я сопоставляю эти лица съ другими лицами, ввожу ихъ въ сферу различныхъ дѣйствій, и вотъ создается у меня цѣлѣй особый мірокъ... Затѣмъ, неожиданно, негаданно является потребность изобразить этотъ мірокъ...¹⁾ Изложенную мысль, но уже на отдѣльномъ конкретномъ примѣрѣ развиваетъ Иванъ Сергѣевичъ въ своей статьѣ: „По поводу *Отцовъ и Дѣтей*“. Въ ней же онъ подтверждаетъ и то, „что никогда не покушался „создавать образъ“, если не имѣлъ исходною точкою не идею, а живое лицо, къ которому постепенно примѣшивались и прикладывались подходящіе элементы.

Дѣйствительно, въ основу Рудина положенъ Бакунинъ (какимъ онъ былъ до 1842 года); врачъ Дмитріевъ далъ матеріалъ для типа Базарова; главныя черты Варвары Павловны Лаврецкой списаны съ А. Я. Головачевой-Панаевой и съ первой жены Н. П. Огарева — урожденной Рославлевой; основой для Ирины Ратмировой послужила Альбединская; безъ Михаила Алексѣевича Тургенева, двоюроднаго брата Ивана Сергѣевича, не было бы „Отчаяннаго“, и т. д. Имѣемъ типы, первообразами которыхъ являлись лица, извѣстныя Тургеневу лишь изъ вторыхъ рукъ Болгарина Катранова (Инсаровъ), артистку Кадмину (Клара Миличъ) онъ, напримѣръ, лично не зналъ; не говоримъ уже о его предкахъ, фигурирующихъ въ „Трехъ портретахъ“ и нѣкоторыхъ другихъ разсказахъ.

Какъ долго продолжался у Тургенева первый періодъ творческой работы, можно опредѣлить лишь очень приблизительно, и то относительно немногихъ его произведеній. „Наканунъ“ начало складываться еще до „Рудина“ и „Дворянскаго гнѣзда“²⁾, хотя къ настойчивому обдумыванью приступилъ онъ послѣ окончанія послѣдняго романа. Въ письмѣ къ Леонтьеву отъ 30 марта 1859 года онъ сообщаетъ: „Теперь у меня другой сюжетъ въ головѣ („Наканунъ“), съ которымъ я вожусь уже мѣсяца два, и только теперь надѣюсь сладить; на исполненіе нуженъ будетъ, по крайней мѣрѣ, годъ. Вслѣдствіе этой внутренней работы, мнѣ какъ будто непріятно и неловко возвращаться мыслью къ преж-

¹⁾ „Русская Старина“, 1883 г., октябрь, 214—215.

²⁾ См. предисловіе Тургенева къ собранію его романовъ 1880 года.

нимъ трудамъ¹⁾). Очевидно, эти строки были написаны въ самомъ концѣ періода „внутренней работы“. „Отцы и Дѣти“ обдумывались мѣсяца полтора; „Дымъ“ — значительно дольше: съ самаго переселенія въ Бадень (май 1863 года) и до (приблизительно) середины октября 1865 года, т.-е. около двухъ съ половиною лѣтъ²⁾). Объ этомъ періодѣ творчества, пока онъ не переживалъ его, Иванъ Сергѣевичъ вообще говорилъ очень мало и то случайно. Когда онъ прочелъ въ 1850 году друзьямъ наивно и неумѣло написанный рассказъ своего сосѣда по имѣнію Каратаева, давшій нѣкоторый матеріалъ для „Наканунѣ“, слушатели и не заподозрили, что Тургеневъ занятъ былъ въ это время обдумываніемъ новаго романа³⁾). Тѣ же придуманные, созданные воображеніемъ рассказы, которыми Тургеневъ нерѣдко интересовывалъ друзей, вовсе не являлись зерномъ литературныхъ произведеній, хотя бы въ однихъ проектахъ, какъ это полагали его пріятели⁴⁾). „Поэтъ мыслить образами“ — вотъ что приходится отвѣчать на ихъ предположеніе.

Второй моментъ творчества Ивана Сергѣевича — это подготовительная (но не черновая) работа, вызванная, однако, уже потребностью закрѣпить тѣ образы, которые складывались въ воображеніи, придать имъ болѣе опредѣленности. „Я всѣ эти лица („Отцовъ и Дѣтей“) рисовалъ, какъ бы я рисовалъ грибы, листья, деревья; намозолили мнѣ глаза, я принялся чертить“, — писалъ Тургеневъ Фету, 6 апрѣля 1862 года: Значитъ, когда неясные прежде образы получали, наконецъ, въ головѣ автора объективный характеръ и начинали ему „мозолить глаза“, они списывались какъ бы съ натуры. Для выполненія этого Иванъ Сергѣевичъ сначала набрасывалъ подробную біографію каждого дѣйствующаго лица и даже ближайшихъ предковъ главныхъ героев. Далѣе слагалась имъ самая фабула рассказа или романа, составлялся краткій конспектъ его или, вѣрнѣе, излагался весь рассказъ на двухъ трехъ страницахъ коротко и просто, какъ пишутъ для дѣтей. Послѣ этого уже Тургеневъ приступалъ къ связанному черновому сочиненію⁵⁾).

Пишущему эти строки пришлось имѣть въ рукахъ небольшую тетрадку, сшитую изъ нѣсколькихъ листовъ обыкновенной почтовой бумаги, на заглавной страницѣ которой стояло: „Формулярные списки дѣйствующихъ лицъ новой повѣсти „Наканунѣ“. Эти формулярные списки и были тѣми біографіями, о которыхъ говорилъ Иванъ Сергѣевичъ⁶⁾). Кромѣ сухихъ фактовъ, въ нихъ приводились краткія характеристики дѣйствующихъ лицъ съ подчеркиваніемъ основныхъ нравственныхъ

¹⁾ „Русская Мысль“ 1886 г., декабрь, 80.

²⁾ „Русскій Вѣстникъ“ 1890 г., VIII, 7 (Письма къ Щербаню), и Феть, „Мои воспоминанія“ II, 91 (Письма В. Боткина).

³⁾ „Вѣстникъ Европы“, 1885 г., мартъ, 25—26. (Воспоминанія Анненкова).

⁴⁾ См. Воспоминанія Полонскаго, „Нива“ 1884 г., стр. 90, 182—183; воспоминаніе Луканиной, „Сѣв. Вѣстн.“, 1887 г., II, 47, и др.

⁵⁾ См. указанныя мѣста воспоминаній Половцова и Луканиной.

⁶⁾ Къ сожалѣнію, эта тетрадь, равно какъ и другія черновыя и бѣловыя рукописи „Наканунѣ“, сохранившіяся лѣтъ пятнадцать назадъ у А. А. Тютчева (мышкинского, ярославской губерній, предводителя дворянства) должны считаться погибшими, какъ это обнаружилось изъ наведенныхъ недавно сираровъ.

качество героевъ. Такъ Тургеневъ, въ письмѣ къ М. М. Стасюлевичу отъ 25 ноября (ст. с.) 1876 года, говоритъ, что въ формулярѣ Соломина („Новъ“) „главнымъ эпитетомъ, характеризующимъ его, выставлено наверху большими буквами слово: *трезвый*“¹⁾. Хотя во время самаго писанья разсказа или романа отъ біографій оставалось мало, а инныя лица даже измѣнялись по характеру²⁾, но Иванъ Сергѣевичъ не раньше приступалъ къ связному изложенію, какъ только послѣ выясненія и закрѣпленія на бумагѣ каждаго изъ дѣйствующихъ лицъ съ полной тщательностью и добросовѣстностью. Интересно въ этомъ случаѣ слѣдующее признаніе Тургенева въ письмѣ къ С. К. Брюлловой (Кавелиной), отъ 21 декабря (ст. с.) 1872 года: „Я самъ понимаю и чувствую, что мнѣ слѣдуетъ произвести нѣчто болѣе крупное и современное (чѣмъ „Конецъ Чертопханова“), и скажу вамъ даже, что у меня готовъ сюжетъ и планъ романа — ибо я вовсе не думаю, что въ нашу эпоху перевелись типы, и описывать нечего — но изъ двѣнадцати лицъ, составляющихъ мой персональ, два лица не довольно изучены на мѣстѣ — не взяты живьемъ; а *сочинять* въ извѣстномъ смыслѣ я не хочу, да и пользы отъ этого нѣтъ никакой, ибо никого обмануть нельзя. Слѣдовательно, нужно набратъся матеріалу... И выходитъ изъ всего этого, что мнѣ надо стараться помочь горю хоть временными пребываніями на Руси; что я и намѣренъ привести въ исполненіе. Но достаточны ли будутъ эти наѣзды? Это скажетъ мнѣ моя литературная совѣсть. Коли — да, напишу мой романъ; коли — нѣтъ, ну и аминь!“³⁾. Въ этихъ строкахъ рѣчь идетъ о „Новѣ“, за черновую работу которой онъ принялся лишь съ начала 1875 года. Но, конечно, для большинства его работъ время составленія формулярныхъ списковъ и плана произведенія было значительно короче, во всякомъ случаѣ короче предварительнаго обдумыванія. Біографіи и планъ для „Наканунъ“ потребовали мѣсяца два, а для „Отцовъ и Дѣтей“ — менѣе мѣсяца.

Что касается собственно плана произведенія, то онъ только отчасти подсказывался судьбою тѣхъ лицъ, которыя служили первообразами героевъ разсказа. Вообще же здѣсь требовалась значительная доля изобрѣтательности, внутренней работы особаго рода. И тутъ-то вотъ Иванъ Сергѣевичъ и чувствовалъ себя недостаточно сильнымъ. Онъ неоднократно признавался, что „постройка повѣстей, архитектурная сторона ихъ“ — самая непріятная для него часть литературной работы, и что на сочиненіе романа съ замысловатымъ сюжетомъ, со сложной интригой, ему не достало бы воображенія. „Одни англичане“, говорилъ Тургеневъ по этому поводу въ 1878 году Н. Я. Стецькину: „овладѣли этимъ секретомъ, а мы... Ну, возьмите графа Льва Толстого. Онъ

1) „Сборникъ Общества любителей россійской словесности“ 1891 г., стр. 73.

2) Есть основаніе, напримѣръ, полагать, что для „Наканунъ“ вмѣсто Зои „формулярные списки“ заключали въ себѣ образъ *сестры Елены*. (См. письмо Гончарова къ Тургеневу въ „Русск. Стар.“, 1900 г., январь 13 и слѣд.).

3) „Русская Мысль“, 1897 г., июнь, стр. 26—27.

теперь первый писатель, не только въ Россіи, но и во всемъ мірѣ. Нѣкоторыя его страницы, напримѣръ, свиданіе Анны Карениной съ сыномъ, — какое совершенство! Когда я прочиталъ эту сцену, у меня книга изъ рукъ выпала. „Да неужели — говорилъ я мысленно — можно такъ хорошо писать?“ А что же: ни „Война и Миръ“ ни „Анна Каренина“, при всемъ гениі Толстого, не оставляютъ цѣльнаго впечатлѣнія отъ цѣльной вещи¹⁾. Тѣ повѣсти, которыя въ весьма значительной степени являются воспоминаніями („Три встрѣчи“, „Муму“, „Первая любовь“, „Бригадиръ“, „Несчастная“, „Степной король Лиръ“, „Вешнія воды“, „Пунинъ и Бабуринъ“, „Старые портреты“, „Отчаянный“) сводили всѣ предварительныя записи къ наиболѣе простымъ эскизамъ.

Третьимъ, самымъ важнымъ и самымъ интереснымъ періодомъ творческаго процесса являлось у Тургенева связанное изложеніе задуманнаго и закрѣпленнаго конспектами и біографіями. „Засѣсть бываетъ ужасно трудно“, — жаловался Иванъ Сергѣевичъ Половцову: — „иной разъ сидишь надъ первой страницей битый часъ — и ничего не выходитъ. Перечтешь, — все кажется вялымъ, сшитымъ бѣлыми нитками“... Такія затрудненія приходилось испытывать ему и надъ послѣдующими страницами, но только рѣже, и преодолевалъ онъ ихъ быстрѣе. „Тургеневъ сознавался намъ“, — рассказываетъ Полонскій въ своихъ воспоминаніяхъ, — „что онъ не можетъ продолжать писать, если не доволенъ фразой или мѣстомъ, которое не удалось ему. Другіе на это не обращаютъ никакого вниманія, пишутъ все, съ начала до конца, вчернѣ, потомъ постепенно отдѣлываютъ по частямъ, иногда съ начала, иногда съ конца. Такъ писалъ Диккенсъ. Они пишутъ отрывками и потомъ сводятъ ихъ. Другіе сами не знаютъ, что выйдетъ изъ лица, неожиданно появившагося въ романѣ или повѣсти; иногда лицо это вдругъ такъ ярко обрисовуется въ воображеніи, что, заслоняя другія лица, дѣлается первенствующимъ. Такъ часто случалось съ Григоровичемъ, по его собственному признанію“.

Иванъ Сергѣевичъ не писалъ отрывками, чтобы потомъ сводить ихъ въ одно цѣлое, но онъ при черновой работѣ пользовался набросками и замѣтками, составленными въ разное время и по поводу различныхъ случаевъ. „Призраки“ и „Стихотворенія въ прозѣ“ даже цѣликомъ и создались изъ такихъ набросковъ. „Призраки“ произошли случайно, — говорилъ Тургеневъ Половцову: — „У меня набрался рядъ картинъ, эскизовъ, пейзажей. Сперва я хотѣлъ сдѣлать картинную галерею, по которой проходитъ художникъ, разсматривая отдѣльныя картины, но выходило сухо. Поэтому я выбралъ ту форму, въ которой и появились „Призраки“. Въ предисловіи къ „Стихотвореніямъ въ прозѣ“ М. М. Стасюлевичъ писалъ: „Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, уступая нашей просьбѣ, далъ намъ свое согласіе подѣлиться съ читателями журнала теперь же, не откладывая, — тѣми мимолет-

¹⁾ Воспомин. Н. Я. Стечкина, 8.

ными замѣтками, мыслями, образами, которые отмѣчались у него на листкахъ, подѣ тѣмъ или другимъ впечатлѣніемъ текущей жизни, какъ его личной, такъ и общественной, за послѣднія пять лѣтъ. Они не нашли себѣ мѣста, подобно многимъ другимъ, въ тѣхъ же законченныхъ произведеніяхъ автора, которыя успѣли появиться въ свѣтъ и образовали изъ себя цѣлую коллекцію; авторъ выбралъ изъ нихъ пока до пятидесяти отрывковъ¹⁾. Замѣтки эти писались на клочкахъ бумаги различнаго формата и цвѣта и складывались въ особый портфель. „Это нѣчто въ родѣ того, что художники называютъ эскизами, этюдами съ натуры, которыми они потомъ пользуются, когда пишутъ большую картину“ — пояснялъ Тургеневъ Стасюлевичу¹⁾.

Въ тотъ же портфель эскизовъ попадали и второстепенныя вводныя лица крупныхъ произведеній, выброшенныя изъ послѣднихъ при окончательной ихъ отдѣлкѣ. Такъ необходимо заключить изъ писемъ Ивана Сергѣевича къ Стечкиной, отъ 25-го апрѣля и 30-го сентября (ст. с.) 1878 года²⁾. Сюда же откладывались счастливыя мѣста и даже отдѣльныя выраженія интимной его переписки съ друзьями. Въ письмѣ С. Т. Аксакову, отъ 12-го мая 1853 года, мы читаемъ, между прочимъ: „Вчера мы ходили вдоль осиноваго лѣса, со стороны тѣни, вечеромъ. Солнечные лучи забирались съ своей стороны въ глубь лѣса и обливали стволы осинъ такимъ теплымъ свѣтомъ, что они становились похожи на стволы сосенъ, а листва ихъ почти синѣла, и надъ нею поднималось блѣдно-голубое небо, чуть обрумяненное зарей“³⁾. Все это описаніе, за исключеніемъ первой фразы, находимъ въ началѣ XI главы „Отцовъ и дѣтей“. Въ этомъ романѣ, въ VII главѣ, имѣемъ слѣдующія строки: „Въ 1848 году это различіе (между стариками Кирсановыми) уменьшилось: Николай Петровичъ потерялъ жену, Павель Петровичъ потерялъ свои воспоминанія; послѣ смерти княгини онъ старался не думать о ней. Но у Николая оставалось чувство правильно проведенной жизни, сынъ вырасталъ на его глазахъ; Павель, напротивъ, одинокій холостякъ *вступалъ въ то смутное, сумеречное время, время сожалѣній, похожихъ на надежды, надеждъ, похожихъ на сожалѣнія, когда молодость прошла, а старость еще не настала*“. Подчеркнутыя выраженія употреблены были Тургеневымъ по отношенію къ своему душевному состоянію въ письмѣ къ Фету отъ 16-го іюля 1860 года т.-е. когда онъ не думалъ еще объ „Отцахъ и дѣтяхъ“. Подобныхъ примѣровъ можно найти нѣсколько десятковъ, пользуясь только напечатанными письмами Ивана Сергѣевича. Какіе съ перваго взгляда пустяки попадали иной разъ въ заветный порт-

¹⁾ Совершенно невѣрно заявленіе г. Сергѣенко („Какъ живетъ и работаетъ гр. Л. Н. Толстой“), будто мысль о такихъ эскизахъ, какъ „Стихотворенія въ прозѣ“, подавъ Тургеневу авторъ „Войны и Мира“. Иванъ Сергѣевичъ еще до знакомства своего съ гр. Толстымъ началъ набрасывать такого рода этюды. Это видно, между прочимъ, изъ отрывка приведеннаго дальше письма Тургенева къ Аксакову и изъ того, что матеріалъ для „Призраковъ“ былъ уже готовъ до первыхъ встрѣчъ Тургенева съ гр. Толстымъ.

²⁾ Изд. Одесской городской бібліотеки. 1903 г.

³⁾ „Вѣстн. Европы“ 1894 г., февр., 473.

фель, можно видѣть изъ слѣдующаго разсказа Тургенева, приведеннаго въ воспоминаніяхъ Луканиной. Въ отвѣтъ на жалобу послѣдней на одну причененную ей непріятность Иванъ Сергѣевичъ сказалъ: „А чѣмъ грубѣе были съ вами, тѣмъ съ литературной точки зрѣнія лучше... Вы бы все записывали... Вотъ видите ли, фхаль я разъ въ фіакрѣ. Кучеръ везъ скверно. Пріѣзжаю домой и рѣшилъ не дать ему „roug-boire“. Онъ началъ браниться и называлъ меня: „Vieux pot de chambre“, а я себѣ думалъ: „пятьдесятъ сантимовъ я тебѣ все-таки не дамъ!“ И смотрѣлъ, какой у него былъ красный носъ, и какъ лицо его подергивалось отъ злости, — и все записалъ“.

Какъ извѣстно, Тургеневъ часто влагаетъ въ уста дѣйствующихъ лицъ свои собственные мысли и взгляды. Эти послѣдніе не нуждались въ особой записи для внесенія при удобномъ случаѣ въ романъ или разсказъ, чего нельзя, однако, сказать про разсыпанныя въ его произведеніяхъ лирическія отступленія, какъ требующія не только твердой и ясной мысли, но и художественной отдѣлки.

При работѣ надъ повѣстями Тургеневъ не забывалъ и даже считалъ безусловно необходимымъ дѣлать точныя справки по поводу самыхъ незначительныхъ специальныхъ вопросовъ, разъ послѣдніе затрагивались въ его трудѣ, хотя бы мимоходомъ. Прекраснымъ примѣромъ, среди многихъ другихъ, можетъ служить слѣдующее его письмо къ управляющему Кишинскому, отъ 27-го февраля (ст. с.) 1869 года, написанное въ періодъ работъ надъ „Степнымъ королемъ Лиромъ“.

„Я началъ повѣсть, въ которой главное дѣйствующее лицо, старикъ-помѣщикъ, задумалъ при жизни своей передать свое родовое имѣніе двумъ своимъ дочерямъ. (Дѣло происходитъ въ 40-мъ году). Мнѣ нужно знать *въ подробности*, какъ это дѣлается или дѣлалось, кому, въ какое мѣсто подавалась просьба, какъ составлялся актъ, какъ онъ приводился въ исполненіе, кто при этомъ долженъ былъ присутствовать въ качествѣ свидѣтелей, какія полицейскія или административныя лица (исправникъ, дворянскій предводитель (?) и т. д.). Все это потрудитесь написать мнѣ самымъ обстоятельнымъ, дѣловымъ образомъ. Даже, если это васъ не затруднитъ, приложите образчики просьбы, акта (дарственной записи) и т. д. Отца, положимъ, зовутъ Мартынъ Петровичъ Харловъ, старшая дочь, Анна, — замужемъ за неслужащимъ дворяниномъ Васильемъ Васильевымъ Слеткинымъ, вторая дочь, Евлампія, — дѣвица. Старшей 23, второй 21 годъ. Все это вы помѣстите. Имѣніе, положимъ, — 52 души и 400 десятинъ земли съ усадьбой. Очень я вамъ буду благодаренъ за аккуратное и скорое исполненіе моей просьбы“¹⁾.

Къ третьему періоду творчества, къ связному изложенію задуманнаго произведенія, обыкновенно и относятся указанія писемъ Ивана Сергѣевича, что онъ принялся за то-то, пишетъ такой-то разсказъ. Сохранившіяся хронологическія данныя о началѣ и окончаніи той или

1) „Отчетъ Импер. Публичн. Библиот. за 1894 годъ“.

другой вещи обнимаютъ одинъ этотъ періодъ, рѣдко касаясь предыдущихъ или послѣдующаго. Какъ продолжителенъ онъ былъ, видно изъ слѣдующихъ данныхъ, извлекаемыхъ нами изъ корреспонденціи Тургенева и его рукописей (числа по старому стилю): „Постоялый дворъ“ написанъ въ теченіе ноября 1852 года; „Рудинъ“ — отъ 5 іюня до 24 іюля 1855 года; „Наканунъ“ — отъ 16 іюня до 25 октября 1859 года (въ рукописи обозначенъ и часъ окончанія: половина перваго пополудни); „Первая любовь“ — съ первыхъ чиселъ января до 10 марта (въ рукописи прибавлено: три часа утра) 1860 года; „Отцы и Дѣти“ — съ середины октября 1860 года до 30 іюля 1861 г.¹⁾; „Дымъ“ — съ конца 1865 года до конца 1866 года, „Степной король Лиръ“ — съ февраля 1869 года — до 10 марта (приблизительно) 1870 года; „Стукъ... Стукъ... Стукъ...“ написано въ теченіе августа 1870 года; „Новъ“ — съ начала 1875 года до конца іюня 1876 года.

Работа надъ нѣкоторыми повѣстями вначалѣ шла очень медленно, съ перерывами, потомъ она такъ захватывала автора, что онъ, по его выраженію, терялъ возможность думать о чемъ-либо другомъ. О „Нови“, на примѣръ, Тургеневъ писалъ Полонскому: „Я нѣсколько разъ принимался за исполненіе, но, наконецъ, написалъ всю штуку, какъ говорится, съ плеча“ (въ три мѣсяца)²⁾. Перерывъ въ трудѣ бывалъ иногда настолько продолжителенъ, что Иванъ Сергѣевичъ во время его иной разъ успѣвалъ написать рассказъ небольшого размѣра. „Часы“ вышли въ періодъ работъ надъ „Новью“; „Странная исторія“ явилась во время занятій надъ „Королемъ Лиромъ“. Небольшія статьи, замѣтки, предисловія писались имъ когда угодно, какъ простыя письма. Бывали и болѣе продолжительныя остановки въ работѣ. „Довольно“, начатое еще до появленія „Отцовъ и дѣтей“, кончено было лишь въ февралѣ 1865 года; „Поѣздка въ полѣсье“, начатая въ маѣ 1853 г., кончена въ февралѣ 1857 года; „Призраки“, начатыя осенью 1856 г., кончены 20 мая 1863 года. Но подобные факты составляютъ исключеніе. Тургеневъ предпочиталъ писать „не пимши, не ѣмши“, какъ онъ шуточно выразился о своей работѣ надъ „Собакой“, хотя это удавалось ему рѣдко.

Какіе часы предпочиталъ Иванъ Сергѣевичъ для своихъ занятій литературнымъ трудомъ? Половцовъ въ своихъ воспоминаніяхъ пишетъ: „Лѣтомъ 1876 года Тургеневъ оканчивалъ въ деревнѣ романъ „Новъ“. Работалъ онъ очень усердно. Писалъ обыкновенно по ночамъ, съ восьми часовъ вечера до трехъ, четырехъ ночи, днемъ же отдыхалъ, хлопоталъ по хозяйству или прогуливался. Иные писатели работаютъ ночью, находя, что это время наиболѣе благопріятно для умственнаго труда, требующаго участія воображенія; Тургеневъ же выбиралъ ночное время для писанія лишь по чисто практическимъ соображеніямъ: ночью со-

¹⁾ Хронологія всѣхъ работъ надъ этимъ романомъ выясняется изъ сопоставленія данныхъ статьи „По поводу „Отцовъ и Дѣтей“, съ указаніями писемъ Ивана Сергѣевича къ Фету и К. Н. Леонтьеву за октябрь 1860 г.

²⁾ Письма, стран. 311.

вершено тихо и мухъ нѣтъ“. Полонскій, однако, свидѣтельствуешь нѣсколько иначе; указываетъ на обычное для занятій время — или часы между утренней прогулкой и завтракомъ, или время послѣ вечерняго чая.

У письменнаго стола своего Иванъ Сергѣевичъ иногда такъ сильно и глубоко переживалъ все то, о чемъ писалъ, что волненія его замѣчались окружающими. Въ воспоминаніяхъ Пича мы читаемъ, напримѣръ: „Часто слышалъ я, какъ онъ во время рабочихъ часовъ, подъ влияніемъ непреодолимой потребности, запирался въ своей комнатѣ и, подобно льву въ клѣткѣ, шагаль и стоналъ тамъ. Въ эти дни, еще за утреннимъ чаемъ, мы слышали отъ него трагикомическое восклицаніе: „охъ, сегодня я долженъ работать!“ Разъ усѣвшись за работу, онъ даже физически переживалъ все то, о чемъ писалъ. Когда онъ однажды писалъ небольшой безотрадный романъ „Несчастливая“, изъ воспоминаній его студенческихъ лѣтъ, сюжетъ котораго развивался почти помимо его воли, при описаніи особенно запечатлѣвшейся въ его памяти фигуры покинутой дѣвушки, стоящей у окна, онъ былъ въ теченіе цѣлаго дня совершенно боленъ: „Что съ вами, Тургеневъ? Что случилось?“ — „Ахъ, она должна была отравиться! Ея тѣло выставлено въ открытомъ гробу въ церкви — и, какъ это у насъ принято въ Россіи, каждый родственникъ долженъ цѣловать мертвую. Я разъ присутствовалъ при такомъ прощаньи, а сегодня я долженъ былъ описать это, и вотъ у меня весь день испорченъ“¹⁾.

Кончивъ вчернѣ всю работу, выставивъ подъ нею годъ, число, день недѣли и даже иногда часъ, когда поставлена точка послѣ „блаженнаго послѣдняго слова“, Тургеневъ приступалъ къ перепискѣ набѣло, что совершалъ собственноручно. Съ этого момента начинается новый періодъ творческаго процесса — окончательное усовершенствованіе и отдѣлка произведенія, что, въ свою очередь, опять проходило три ступени: исправленіе при перепискѣ, послѣдующее исправленіе уже бѣловой рукописи до сдачи ея въ типографскій станокъ и — исправленіе при переизданіи сочиненія.

Въ письмѣ Ивана Сергѣевича къ Щербаню, 1 (13) іюля 1863 года, читаемъ между прочимъ: „Ваше предложеніе переписать „Призраки“ очень любезно; но, переписывая, я *исправляю*, что нѣсколько облегчаетъ эту противную работу, или, по крайней мѣрѣ, даетъ ей смыслъ“. Эти строки Щербань поясняетъ такимъ примѣчаніемъ: „О своей привычкѣ переписывать самому, не уклоняясь отъ этого „несноснаго, но полезнаго занятія“, Иванъ Сергѣевичъ говаривалъ и лично: „Переписывая — видишь себя иначе, чѣмъ въ черновой рукописи; иное не понимаешь, откуда тамъ и взялось, какъ написалось; другое, напротивъ, само собою наворачивается, тогда какъ прежде и не снилось. Вдохновеніе — слишкомъ большое слово, не каждому по плечу; но романистомъ положительно владѣеть что-то внѣ его, и вдругъ толкаетъ внезапно.

¹⁾ „Иностранная критика о Тургеневѣ“, 163 — 164.

А для рукописей идеаль бы непременно самому держать корректуру — въ печати еще виднѣе — да гдѣ же скитальцу!¹⁾ Какое важное значеніе придавалъ Иванъ Сергѣевичъ собственноручной перепискѣ — видно и изъ того, что нѣкоторыя вещи переписывались имъ дважды. Это „несносное, но полезное занятіе“, хотя требовало немало усилій, однако выполнялось сравнительно быстро. Даже такой большой романъ, какъ „Новь“, взялъ лишь два мѣсяца.

Переписанное набѣло произведеніе не тотчасъ поступало въ типографію. Проходило время отъ одного мѣсяца до полугода и болѣе, въ теченіе котораго новый романъ или разсказъ внимательно просматривался авторомъ и, за рѣдкимъ исключеніемъ, прочитывался друзьями, сообщавшими ему затѣмъ свои замѣчанія. Нѣкоторыми изъ послѣднихъ онъ пользовался и вносилъ соотвѣтствующія поправки и дополненія. Первый романъ Тургенева остался даже неоконченнымъ подѣ влияніемъ неблагоприятныхъ отзывовъ друзей о первой части произведенія. Въ письмѣ къ Брюлловой (Кавелиной) отъ 16 (28) января 1872 г., онъ сообщаетъ: „Скажу вамъ безъ обиняковъ, что я совершенно согласенъ съ вами и чувствую нѣчто въ родѣ отвращенія къ собственному дѣтищу („Вешнія воды“)... Мнѣ кажется, что если бы мнѣ пришлось прочесть кому-нибудь вслухъ эту вещь до печатанья — я во всякомъ случаѣ передѣлалъ бы конецъ и заставилъ бы г-на Санина бѣжать отъ г-жи Полозовой, еще разъ свидѣться съ Джеммой, которая бы ему отказала и т. д. Но теперь все это въ воду упало, и я не прикоснусь до моего уродца“. Есть основаніе, однако предположить, что передѣлка повѣсти не могла быть столь радикальной. Къ г-жѣ Комманвиль Иванъ Сергѣевичъ, по крайней мѣрѣ, писалъ (19 (31) августа 1873 года): „Ваше сужденіе о „Вешнихъ водахъ“ совершенно справедливо; что же касается второй части, которая ни достаточно мотивирована, ни особенно нужна, то я въ ней увлекся воспоминаніями“²⁾. Покоясь на такой твердой основѣ, какъ дѣйствительныя событія, повѣсть нуждалась бы развѣ во второстепенныхъ поправкахъ. Вообще, въ дѣлѣ творчества Тургеневъ проявлялъ полную самостоятельность, и, деликатно относясь къ дружескимъ замѣчаніямъ, принималъ къ свѣдѣнію немногія изъ нихъ. Значительно больше поправокъ появилось въ тотъ же періодъ — отъ окончанія переписки до типографскаго набора — совершенно самостоятельно. О такихъ исправленіяхъ въ бѣловой рукописи „Отцовъ и дѣтей“ мы имѣемъ слѣдующее любопытное свидѣтельство Щербаня: По мѣрѣ того, какъ варианты вносились въ длинную рукопись, Иванъ Сергѣевичъ отмѣчалъ ихъ и отдѣльно. Мало-по-малу составила цѣлая тетрадка загадочнаго для непосвященныхъ содержанія: *глава такая-то*. Въ строкѣ такой-то выкинуть слово „.....“; въ такой-то прибавить слово „.....“; въ такой-то зачеркнуть слова „.....“ и вмѣсто нихъ поставить „.....“; такую-то строчку вы-

1) Русскій Вѣстникъ“ 1890 г. VIII, 9.

2) Письма Тургенева, изд. Гальперинъ-Каминскаго, стран. 216.

черкнуть; вмѣсто такой-то вписать то-то, и т. д. Наконецъ, мѣсяца въ два, поправки исчерпались. Тогда Тургеневъ переписалъ тетрадку, сличая ее съ подлинною рукописью и еще кое-гдѣ поизмѣнивъ; потомъ я перебѣлилъ его работу. Одинъ экземпляръ этой послѣдней редакціи „ne varietur“ былъ отданъ мнѣ, для личной передачи „Русскому Вѣстнику“ (я уѣзжалъ тогда въ Москву) и для личнаго наблюденія за корректурой; другой — на случай дорожныхъ съ первымъ приключеній — посланъ по почтѣ въ Петербургъ П. В. Анненкову“. Но къ такимъ тетрадкамъ Ивану Сергѣевичу приходилось прибѣгать лишь въ видѣ исключенія. Обыкновенно варианты сообщались въ простомъ письмѣ. Насколько иной разъ неожиданны бывали эти поправки, можно видѣть изъ слѣдующей просьбы Тургенева къ Анненкову (26 ноября (ст. с.) 1867 года): „въ „Бригадирѣ“ мнѣ вздумалось прибавить еще штришка два, а именно: Въ концѣ II главы, послѣ словъ: „нависшія брови“ помѣстить: „которыя онъ безпрестанно то надвигалъ, то поднималъ“, а послѣ словъ: „опрятный сюртукъ“ прибавить: и „сапоги до колѣнъ съ вырѣзанными въ видѣ сердца голенищами“. Въ началѣ III главы, послѣ словъ: „остановился въ дверяхъ и пристально посмотрѣлъ на меня“ прибавить: „и поигралъ бровями“. Въ концѣ III главы, послѣ словъ: „Наркизь улыбнулся молча“ прибавить: „но во весь ротъ, потомъ вдругъ надвинулъ брови“. Въ серединѣ IX главы, послѣ словъ: „вмѣстѣ съ нимъ перепеловъ лавливалъ, да благочинный до безконечности его затиранилъ“ прибавить: „а что до Наркиза Семеныча, — промолвилъ онъ нараспѣвъ, — такъ ежели я по ихнему понятію необстоятельный человѣкъ на семь свѣтѣ есть, и я на то доложу: отростили они себѣ брови не хуже тетерева да и полагають, что всѣ науки произошли“¹⁾. Всѣ эти дополненія читатель легко найдетъ въ собраніяхъ сочиненій Тургенева въ указанныхъ мѣстахъ. Въ виду неизбежности исправленій въ бѣловой Иванъ Сергѣевичъ и дѣлалъ въ ней иногда большія поля, ровно въ полстраницы, да еще оставляя всю обратную сторону чистой. Текстъ такимъ образомъ, занималъ лишь четверть всей рукописи²⁾. Черновыя же, какъ это можно видѣть изъ хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, писались безъ какихъ-либо особыхъ уклоненій отъ обычнаго типа ихъ.

Послѣ появленія въ печати новаго произведенія, для послѣдняго наступалъ третій и уже окончательный періодъ усовершенствованій и поправокъ. Вызывались они: 1) желаніемъ возстановить попорченное общей цензурой журнальныхъ редакторовъ; 2) дальнѣйшими отзывами друзей, а также критическими статьями и 3) самостоятельно возникшимъ въ душѣ автора недовольствомъ тѣми или другими частями произведенія.

Общая цензура была довольно милостива къ Тургеневу, если сравнить отношеніе ея къ нему съ отношеніемъ къ другимъ писате-

1) „Русское Обозрѣніе“ 1894 г. I, 26 — 27.

2) Такую бѣловую намъ пришлось видѣть въ томъ же собраніи рукописей Тургенева, сохранившихся у А. А. Тютчева.

лямъ; обижала она и его чувствительно только въ Николаевское время (ссылку въ деревню Ивана Сергѣевича, какъ чисто административную, а не цензурную мѣру, считать не будемъ). Всего болѣе чувствовалъ онъ ея работу въ своихъ драматическихъ произведеніяхъ. Не всѣ, однако, цензурные пропуски позже возстановлялись авторомъ въ печати. Нѣкоторые онъ не отыскивалъ въ необходимый моментъ среди рукописей, что случилось, напримѣръ, съ мѣстами, выброшенными изъ его рецензіи на „Записки ружейнаго охотника“ С. Аксакова, напечатанными лишь послѣ смерти автора въ „Вѣстникѣ Европы“ (1894 г., января).

Тургеневъ жаловался иногда на цензуру журнальныхъ редакторовъ,—Некрасова¹⁾ и особенно Каткова. Какова была цензура послѣдняго — можно видѣть изъ измѣненій въ текстѣ „Отцовъ и дѣтей“, сдѣланныхъ редакторомъ „Русскаго Вѣстника“. Приводимъ наиболѣе крупныя. Во второй главѣ романа авторъ говоритъ, что у Базарова лицо было „длинное и худое, съ широкимъ лбомъ“; Катковъ передѣлываетъ: „съ широкимъ *угреватымъ* лбомъ“ (стр. 477). Въ седьмой главѣ Базаровъ говоритъ у автора: „Человѣкъ, который всю свою жизнь поставилъ на карту женской любви, и когда ему эту карту убили, раскисъ и опустился до того, что ни на что не сталъ способенъ, — этакой человѣкъ не мужчина, но самецъ“. Катковъ слово „но“ въ послѣдней строкѣ замѣнилъ словомъ „не“ (стр. 501), отчего вся фраза получила грубый односторонній смыслъ. Въ двадцатой главѣ Базаровъ замѣчаетъ по поводу радостныхъ хлопотъ своего отца: „Вотъ тебѣ на! Презабавный старикашка и добрѣйшій“; редакторъ „Русскаго Вѣстника“ послѣднее слово вычеркиваетъ (стр. 579). Въ двадцать четвертой главѣ авторъ, описывая отъѣздъ Базарова изъ усадьбы Кирсановыхъ послѣ дуэли, оканчиваетъ сцены разставанья героя съ Петромъ и Дуняшей — такими словами: „Виновникъ всего этого горя (Базаровъ) взобрался на телѣгу, закурилъ сигару, и когда на четвертой верстѣ, при поворотѣ дороги въ послѣдній разъ предстала его глазамъ развернутая въ одну линію Кирсановская усадьба съ своимъ новымъ господскимъ домомъ, онъ только сплюнулъ и, пробормотавъ: „барчуки проклятые“, плотнѣе завернулся въ шинель“. Катковъ пишетъ вслѣдъ за этимъ отъ имени Тургенева: „Ему и въ голову не пришло, что онъ въ этомъ самомъ домѣ нарушилъ всѣ права гостепрѣимства“ (стр. 623). Въ двадцать шестой главѣ авторъ заставляетъ Базарова говорить Кирсанову: „Для нашей горькой, терпкой, бобыльной жизни ты не созданъ. Въ тебѣ нѣтъ ни дерзости ни злости, а есть молодая смѣлость да молодой задоръ; для нашего дѣла это не годится. *Вашъ, братъ, дворянинъ, дальше благороднаго смиренія или благороднаго киченья зайтти не можетъ. Вы взятки, напримѣръ, не берете и ужъ воображаете себя молодцами, — а мы драться хотимъ. Да что! Наша пыль тебѣ*

¹⁾ См. Воспоминанія Гаршина: „Истор. Вѣстн.“ 1883 г., кн. 11, и письмо Тургенева къ Анненкову 14 (26) ноября 1867 г.

глаза выѣсть, наша грязь тебя замазает“ и т. д. Подчеркнутыя слова были выпущены Катковымъ (стр. 643). Возстановивъ это мѣсто въ послѣдующемъ изданіи, Иванъ Сергѣевичъ, однако, слова: „Вы взятки, напимѣрь, не берете“ замѣнилъ словами: „Вы, напимѣрь, не деретесь“. Точно также издателемъ „Русскаго Вѣстника“ была вычеркнута (стр. 658) слѣдующая просьба умирающаго Базарова, обращенная къ Одинцовой: „И мать приласкайте. Вѣдь такихъ людей, какъ она, въ вашемъ большомъ свѣтѣ днемъ съ огнемъ не сыскать“. Легко замѣтить, что всѣ эти измѣненія и урѣзки¹⁾ направлены были на то, чтобы посильнѣе развѣнчать Базарова въ глазахъ читателя. „Довольно усѣченной“, какъ выразился Тургеневъ, оказалось и въ текстѣ „Дыма“ на страницахъ того же журнала. Такъ, напимѣрь, изъ біографіи Ратмирова Катковъ выкинулъ много характерныхъ мѣстъ, не пожелавъ, чтобы Валеріанъ Владимировичъ ѣздилъ ординарцемъ на чужихъ лошадяхъ, чтобы онъ „поролъ“ крестьянъ, а лишь „отечески посѣкалъ“ ихъ, и т. д.

Дальнѣйшая обработка произведенія послѣ появленія его въ печати вызывалась еще, какъ мы говорили, и отзывами друзей. Достаточно было одного замѣчанія о неумѣстности сравненія Хоря и Калиныча съ Гёте и Шиллеромъ, чтобы сравненіе это осталось только на страницахъ „Современника“²⁾. Точно также не повторилось въ печати мѣсто II главы „Рудина“, вызвавшее откровенное осужденіе старика Аксакова въ письмѣ къ Ивану Сергѣевичу, отъ 7 февраля 1856 года³⁾. Мѣсто это (въ 12 строкъ)—нѣсколько циничный разговоръ Пигасова о смерти племянника Чепузовой, помѣщенный на стр. 19 первой книги „Современника“ 1856 года, послѣ словъ того же Пигасова: „Зачѣмъ мнѣ на нее клеветать?“⁴⁾ Но опять должны повторить, что далеко не многія замѣчанія друзей вызывали поправки Ивана Сергѣевича. Какъ ни настаивалъ, напимѣрь, Анненковъ, чтобы Тургеневъ выбросилъ изъ „Вешнихъ водъ“, „омерзительную грушу, которую Санинъ очищаетъ для мужа любовницы своей“, она такъ и осталась на своемъ мѣстѣ въ XLIII главѣ повѣсти.

Суду журнальной критики Тургеневъ придавалъ гораздо меньше значенія, чѣмъ отзывамъ друзей. Поэтому рѣдкія измѣненія, вызываемыя ею, шли, если можно такъ выразиться, въ обратную сторону: Иванъ Сергѣевичъ усиливалъ и разъяснял то мѣсто, которое вызвало нападки, а не вычеркивалъ или измѣнялъ его. Это особенно сказалось при отдѣльномъ изданіи „Дыма“, въ предисловіи къ которому Тургеневъ писалъ между прочимъ: „Никакіе доводы не убѣдятъ тѣхъ изъ его (автора) читателей, которые не захотятъ или не сумѣютъ

¹⁾ Мы приводимъ ихъ, основываясь на сравненіи текстовъ: 1) „Русскаго Вѣстника“ (1862 г., февраль), 2) листовъ романа, вырѣзанныхъ отсюда же, съ поправками Ивана Сергѣевича (хранятся перелетенными въ Импер. Публич. Библіотекѣ) и 3) II-го тома послѣдняго изданія („Нивы“) сочиненій Тургенева.

²⁾ „Вѣстн. Европы“ 1902 г., февраль (стат. Анненкова).

³⁾ „Русск. Обозрѣн.“, 1894 г. XII, 578.

⁴⁾ По изданію „Нивы“, IV, 317.

признать мысль, положенную въ основаніе характеру Потугина, лица, повидимому, болѣе всѣхъ другихъ оскорбившаго патріотическое чувство публики; пускай же это лицо само говоритъ за себя, — авторъ ограничился тѣмъ, что придавъ ему нѣсколько новыхъ чертъ, еще опредѣленнѣе выказывающихъ его значеніе, сущность и смыслъ¹⁾. И дѣйствительно, Тургеневъ прибавилъ къ рѣчамъ Потугина въ общей сложности не менѣе трехъ печатныхъ страницъ.

Измѣненія и поправки, предпринимаемыя Иваномъ Сергѣевичемъ при послѣдующихъ изданіяхъ сочиненій по собственному, такъ сказать, почину, заключались главнымъ образомъ въ болѣе тщательной отдѣлкѣ языка, но не столько съ внѣшней, сколько съ внутренней стороны его. Тургеневъ много заботился о благозвучіи, плавности и чистотѣ рѣчи, но еще болѣе прилагалъ усилій къ тому, чтобы удачнымъ, *настоящимъ* словомъ закрѣпить каждый оттѣнокъ и всякую характерную особенность описываемаго факта, движенія, момента. Такъ, вмѣсто „нѣсколько мгновеній спустя“, онъ ставитъ „нѣсколько спустя“; вмѣсто: „тотчасъ началъ кричать“ — „тотчасъ принялся кричать“, вмѣсто: „дама едва намекнула“ — „дама едва рѣшилась намекнуть“, и т. д.²⁾ Но Иванъ Сергѣевичъ не ограничивался этимъ. Иной разъ онъ вставлялъ пѣлые эпизоды. Конца „Рудина“, со словъ: „Въ знойный полдень 26 іюля 1848 года, въ Парижѣ“ — мы не найдемъ въ первыхъ изданіяхъ романа. Въ концѣ разсказа „Два пріятели“, вмѣсто эпизода дуэли Вязовнина съ Лебефомъ, начинающагося словами: „Изъ Штеттина онъ, по множеству хлопотъ и новыхъ впечатлѣній, не успѣлъ написать Вѣрочкѣ“ (изд. „Нивы“, IV, 62) и кончая словами: „несчастный случай съ пріѣзжимъ русскимъ черезъ два дня уже стоялъ во всѣхъ газетахъ“ (изд. „Нивы“, VI, 67), — вмѣсто этихъ страницъ, появившихся только съ изданія 1869 года (Салаева), ранѣе стояли слѣдующія строки: „Пароходъ уже приближался къ Штеттину, яркое сіявшее солнце освѣщало чужеземный берегъ; Борисъ Андреевичъ стоялъ, прислонясь къ периламъ, и задумчиво глядѣлъ, какъ блестящая темнозеленая влага внезапно закипала буграми бѣлой пѣны подъ рѣзкими ударами глухо топотаваго колеса, — вдругъ у него закружилась голова, и онъ упалъ въ море. Пароходъ тотчасъ остановили, спустили лодку, но Вязовнинъ исчезъ на вѣки“. Точно такъ же съ изданія 1856 года „Затишье“ и „Яковъ Пасынковъ“, а съ 1874 года — „Пунинь и Бабуринъ“ являются передъ нами съ различными не безынтересными дополненіями.

Въ заключеніе намъ остается сказать нѣсколько словъ о корректурныхъ хлопотахъ Тургенева. Изъ его писемъ легко замѣтить, какія муки причиняли ему опечатки, и какъ близка ему была забота о „хорошей и честной“ корректурѣ. Самъ онъ очень рѣдко могъ держать ее, хотя никогда не уклонялся отъ этой утомительной работы.

1) См. предисловіе къ „Дыму“, изданіе Салаевыхъ. М. 1868.

2) Варіанты эти принадлежатъ тексту „Дыма“.

Для корректуръ „Наканунѣ“ онъ даже нарочно приѣзжалъ изъ Петербурга въ Москву на нѣсколько дней въ концѣ января и началѣ февраля 1860 года¹⁾. Но, кромѣ этого романа да „Нови“, Ивану Сергѣевичу, кажется, не удалось просмотрѣть въ корректурѣ ни одной значительной своей вещи. Просматривая листы „съ великимъ вниманіемъ“, Тургеневъ не „отвѣчалъ только за знаки препинанія, особенно за тире“, какъ онъ не разъ признавался. И дѣйствительно, въ подлинныхъ рукописяхъ эта сторона у него довольно своеобразна. Знакомъ же тире Тургеневъ настолько злоупотреблялъ, что ставилъ его почти при всякомъ затрудненіи, часто замѣнялъ имъ и запятую, и точку съ запятой, и даже точку. Иванъ Сергѣевичъ утверждалъ, какъ мы видѣли, что въ корректурѣ еще виднѣе промахи и недостатки работы, чѣмъ при перепискѣ набѣло. Письма его къ М. М. Стасюлевичу, относящіяся къ печатанію „Нови“, подтверждаютъ это. Только съ корректурой въ рукахъ онъ замѣтилъ, что Калломѣйцевъ два или три раза названъ въ рукописи Степаномъ Петровичемъ, тогда какъ настоящее имя его — Семень. Двадцать-шестого ноября (ст. с.) Тургеневъ сообщаетъ тому же М. М. Стасюлевичу: „У меня не въ корректурѣ, а въ самомъ текстѣ проскочила слѣдующая небрежность. Въ самомъ началѣ первой главы я, говоря о Машуриной, упоминаю о „широкой темной блузѣ“ да и тутъ же сейчасъ говорю объ ея *широкой* рукѣ; а въ концѣ пятой главы у меня опять является „широкая темная блуза“ — на Маріаннѣ. На Маріаннѣ такъ и слѣдуетъ ей сидѣть, а на Машуриной — нѣтъ“. Авторъ просилъ поэтому слова первой главы „въ темной широкой блузѣ“ замѣнить словами: „въ черномъ шерстяномъ платьѣ“²⁾. Въ текстѣ полученныхъ затѣмъ оттисковъ или книжекъ журналовъ Иванъ Сергѣевичъ снова старался „поймать какую-нибудь блоху-опечатку“ и, отмѣтивъ нѣсколько таковыхъ въ особомъ списочкѣ, посылалъ его для помѣщенія въ ближайшемъ номерѣ журнала, или хранилъ до слѣдующаго изданія своихъ сочиненій, гдѣ этотъ списокъ и находилъ себѣ необходимое примѣненіе.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ Тургеневу пришлось какъ-то услышать замѣчаніе, что Гоголь рекомендовалъ такой способъ литературной работы: „перепишите (черновую), и пусть полежитъ; тамъ опять, исправивъ, перепишите — и пусть опять полежитъ“. — „Ну, куда намъ до Гоголевскихъ приемовъ“, — отвѣчалъ Иванъ Сергѣевичъ: — „то — вѣчное — могло вылеживаться; наше дѣло — уловить современность въ ея переходящихъ образахъ; слишкомъ запаздывать нельзя“³⁾.

Тургеневскіе приемы оказались, однако, не хуже Гоголевскихъ: Иванъ Сергѣевичъ съ помощью ихъ давалъ „вылеживаться“ сочиненію и въ то же время не запаздывалъ имъ, „улавливалъ современность“ и создавалъ „вѣчное“.

Н. Гутъяръ.

1) „Русск. Стар.“ 1900 г., янв., 21.

2) „Сборн. Общ. любит. рос. слов. 1891 г.“, стр. 73 — 74.

3) „Русскій Вѣстн.“, 1890 г. VIII, 9.

Истинность изображенія въ сочиненіяхъ Тургенева.

Необходимо понимать по-русски и глубоко посвятить себя въ исторію русскаго общества и литературы, чтобы вполне оцѣнить Тургенева. Но чтобы охватить его величину и преклониться предъ нею — этого недостаточно. Все, что образованные классы въ странахъ германскихъ и романскихъ знаютъ въ наше время о внутренней жизни славянскаго племени, — всёмъ этимъ они обязаны почти исключительно одному этому человѣку. Никто изъ прежнихъ русскихъ писателей не читался въ Европѣ, подобно ему; на него смотрѣли какъ на международнаго, нежели русскаго писателя. Онъ открылъ намъ новый міръ образовъ, но онъ вовсе не нуждался въ этомъ побочномъ интересѣ для увеличенія достоинства своихъ произведеній, ибо Европа восхищалась въ немъ художникомъ, а не бытописателемъ.

Несмотря на то, что за предѣлами своего отечества онъ едва ли былъ читаемъ на его родномъ языкѣ, тѣмъ не менѣе прозорливая критика повсюду, даже въ странахъ, въ художественномъ отношеніи далеко ушедшихъ впередъ, поставила его въ одинъ рядъ съ лучшими своими писателями. Его читали въ переводахъ, которые, само собою разумѣется, затемняли и уменьшали силу впечатлѣнія, но совершенство оригинала такъ очевидно сказывалось въ болѣе или менѣе удачно переданныхъ образахъ, что по этому можно было видѣть, сколько потерялъ онъ въ отношеніи изящества и остроумія. Великіе поэты, обыкновенно, дѣйствуютъ глубже своимъ слогомъ, потому что посредствомъ его они лично идутъ навстрѣчу читателю. Тургеневъ въ этомъ отношеніи дѣйствовалъ такъ глубоко, какъ едва ли кто другой, хотя нерусскій читатель зналъ только болѣе бьющее въ глаза въ его слогѣ, едва понималъ, выражался ли онъ рѣзко, или изящно, едва угадывалъ свойственныя языку особенности его остроумія и также былъ далекъ отъ пониманія его намековъ, какъ и отъ возможности сравнивать его уподобленія и характеристики личностей и образа мыслей въ Россіи съ воспроизведенною дѣйствительностью. Тургеневъ побѣдилъ на художественномъ пути, хотя шаги его были скованы; онъ восторжествовалъ на великой аренѣ, хотя сражался притупленнымъ мечомъ.

Онъ населилъ для насъ великое восточное государство. Ему мы обязаны знаніемъ духовнаго склада и мужчинъ и женщинъ этой страны. Хотя онъ, лишь тридцати лѣтъ отъ роду, покинулъ Россію, чтобы никогда не возвращаться туда въ качествѣ постояннаго гражданина своей родины, тѣмъ не менѣе онъ никогда не изображалъ никого другого, кромѣ людей этой страны, а нѣмцевъ и французовъ — только какъ полубрусѣвшихъ или въ соприкосновеніи съ русскими. Онъ хотѣлъ изображать только тѣ личности, съ свойствами которыхъ онъ былъ знакомъ съ юныхъ лѣтъ. Мы оставляемъ безъ вниманія мнѣніе

извѣстныхъ кружковъ, которые, подъ вліяніемъ споровъ между славянофилами и сторонниками Европы, отрицали въ Тургеневѣ знаніе отчизны и считали его самого какимъ-то западникомъ. Будь онъ хотя немного болѣе космополитъ, едва ли произведенія обошли бы весь цивилизованный свѣтъ, какъ это случилось на самомъ дѣлѣ.

Онъ далъ намъ картины степи и лѣса, весны и осени, всѣхъ состояній и классовъ общества, всѣхъ степеней умственного развитія въ Россіи; онъ нарисовалъ ихъ всѣхъ, крѣпостного и княгиню, крестьянина, помѣщика и студента, молодыхъ дѣвушекъ, чистыхъ душою, надѣленныхъ самой нѣжной славянской прелестью, и холодныхъ, прекрасныхъ, эгоистическихъ кокетокъ, которыя въ Россіи, кажется, еще безразличнѣе въ ихъ безсердечіи, чѣмъ гдѣ-либо. Онъ далъ намъ богатую психологію цѣлой человѣческой расы, правда, глубоко проникнутый чувствомъ, но никогда не омрачая душевной тревогой прозрачной ясности изображенія. Черезъ всѣ произведенія Тургенева несется широкая, захватывающая волна меланхоліи. Какъ бы правдивы и объективны ни были воспроизведенные имъ образы, и хотя онъ никогда не влагаетъ лиризма въ свои повѣсти и романы, тѣмъ не менѣе въ совокупности его произведенія оставляютъ лирическое впечатлѣніе: въ нихъ сказалось столько чувства, и это чувство — постоянная печаль, личная, необычайная печаль, безъ капли чувствительности. Тургеневъ никогда не отдается весь чувству, онъ обнаруживаетъ его постепенно, но ни одинъ изъ западно-европейскихъ рассказчиковъ не проникнуть въ такой степени печалью, какъ онъ. Великіе меланхолики латинской расы, какъ Леопарди и Флоберъ, отличаются рѣзкими, опредѣленными контурами своего стиля, нѣмецкая грусть ярко юмористична, или патетична, или сентиментальна. Меланхолія Тургенева — всецѣло меланхолія славянскаго племени съ его недугами и печальми; она происходитъ по прямой линіи отъ меланхоліи славянскихъ народныхъ пѣсенъ.

Точнѣ эту печаль можно опредѣлить, назвавъ ее печалью мыслителя. Тургеневъ глубоко заглянулъ въ сущность вселенной и понялъ, что всѣ идеалы человѣчества, — справедливость, разумъ, абсолютное благо, всеобщее счастье для природы безразличны и присущей ей божественной силой никогда не проявляются. Въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ произведеній, въ сборникѣ „Стихотвореній въ прозѣ“ онъ глубоко проникательный мудрецъ, высказалъ свое credo въ формѣ видѣнія.

„Среди подземной храмины, глубоко задумавшись, сидитъ женщина въ волнистой одеждѣ зеленаго цвѣта.

„Я тотчасъ понялъ, что эта женщина — сама природа, и мгновеннымъ холодомъ вибрировалъ въ мою душу благоговѣнный страхъ.

„Я приблизился къ сидящей женщинѣ и, отдавъ почтительный поклонъ: „О, наша общая мать!“ восликинулъ я. — „О чемъ твоя дума? Не о будущихъ ли судьбахъ человѣчества размышляешь ты? Не о томъ ли, какъ ему дойти до возможнаго совершенства и счастья?“

„Женщина медленно обратила на меня свои темные, грозные глаза. Губы ея шевельнулись — и раздался зычный голос, подобный лязгу желѣза:

— „Я думаю о томъ, какъ бы придать большую силу мышцамъ ногъ блохи, чтобы ей удобнѣе было спастись отъ враговъ своихъ. Равновѣсіе паденія и отпора нарушено... Надо его возстановить.

— „Какъ? пролепеталъ я въ отвѣтъ. — Ты вотъ о чемъ думаешь! Но развѣ мы, люди, — не любимыя твои дѣти?

„Женщина чуть-чуть наморщила брови: „Всѣ твари — мои дѣти, — промолвила она. — Я одинаково о нихъ забочусь — и одинаково ихъ истребляю“.

Печаль Тургенева одновременно печаль патріота, пессимиста и друга человечества. Несмотря на весь свой кажущійся космополитизмъ, онъ былъ патріотъ, но патріотъ, скорбѣвшій о своей родинѣ и сомнѣвавшійся въ ней. На него многократно нападали за это и даже издѣвались надъ нимъ. Достоевскій въ своемъ романѣ „Бѣсы“ въ образѣ Кармазина пытался выставить его въ смѣшномъ видѣ.

Тургеневъ не раздѣлялъ преклоненія своихъ наивныхъ и малообразованныхъ соотечественниковъ передъ русскимъ народомъ, какъ таковымъ.

Молодымъ писателемъ онъ началъ съ того, что въ формахъ, допуславшихся цензурою, выразилъ свое негодѣваніе противъ крѣпостничества. Цензура, по всей вѣроятности, имѣла благотѣльное вліяніе на его талантъ и силой необходимости развивала въ немъ важность, аристократизмъ и сдержанность. Если въ немъ и была когда-либо въ ранней молодости склонность къ непосредственному паѳосу, къ декламации и рѣзкимъ эффектамъ — эта склонность ни въ какомъ случаѣ не могла быть въ немъ сильна: требованія цензуры убили бы ее. Чтобы возбудить состраданіе къ крѣпостнымъ, показать безправіе, среди котораго они проводили свою жизнь, и дать картину жестокости, даже помимо побоевъ и оковъ истязавшей ихъ до смерти, онъ рассказалъ отрывки изъ своего охотничьяго дневника, визиты къ помѣщикамъ или къ доктору и, между прочимъ, то здѣсь, то тамъ маленькую исторію, — исторію той мельничихи, которая, въ дѣвушкахъ, провинилась въ черной неблагодарности, пожелавъ выйти замужъ, несмотря на то, что ея барыня, ангельски добрая дама, не выносила замужней прислуги, и которая, за желанія скрыть свои отношенія къ милому, была въ наказаніе выдана противъ воли за другого, послѣ того какъ ея Петрушка былъ сданъ въ солдаты; или исторію глухонѣмого, исполински сильнаго двороваго Герасима, возлюбленную котораго госпожа ради потѣхи выдала за какого-то пьяницу, того Герасима, который долженъ былъ утопить свою собаку, маленькую тощую собаченку Муму, свое единственное утѣшеніе и единственную подругу въ этомъ мѣрѣ, потому только, что Муму своимъ твяканьемъ беспокоила по временамъ барыню, когда та послѣ слишкомъ плотнаго ужина страдала бессонницей. Обѣ исторіи рассказаны безъ всякой задней

мысли, безъ всякаго вывода. Скорбь, вызванная этой жестокостью, обнаруживается только въ видѣ ироніи, и эта иронія, въ свою очередь, исчезаетъ въ общемъ печальномъ колоритѣ.

Причина, дѣлающая основное настроеніе Тургенева столь сильнымъ и исключительнымъ, лежитъ, какъ было уже сказано, въ томъ, что онъ былъ одновременно и пессимистомъ и другомъ человечества, въ его любви къ людямъ, о которыхъ онъ такъ невысоко думалъ и которымъ такъ мало довѣрялъ.

Тургеневъ не только принадлежалъ къ дворянской семьѣ, но и къ знаменитому роду, который насчитываетъ въ своихъ рядахъ много заслуженныхъ и славныхъ мужей; и, какъ писатель, онъ обнаруживаетъ слѣды благороднаго происхожденія. Не то, чтобы онъ самъ, какъ лордъ Байронъ и князь Покклеръ, придавалъ своимъ сочиненіямъ этотъ отбѣнокъ, наподобіе внѣшняго отличія, напротивъ того, въ его книгахъ не найдется ничего, что бы непосредственно напоминало о знатности автора, и тѣмъ не менѣе, читая его, чувствуешь, что ему отъ природы свойственно изящество и что онъ всегда вращался въ лучшемъ обществѣ. Онъ былъ свѣтскій человѣкъ, и въ его произведеніяхъ проглядываетъ то знаніе жизни свѣтскаго человѣка, котораго, обыкновенно, недостаетъ нѣмецкимъ поэтамъ. Но это знаніе не сдѣлало его, подобно нѣкоторымъ писателямъ Франціи, холоднымъ или циничнымъ. Хотя въ своихъ произведеніяхъ онъ никогда не оскорбляетъ хорошаго тона, тѣмъ не менѣе его тонъ не свѣтскій тонъ. Самое презрѣніе его, вовсе не холодное презрѣніе. Въ его голосѣ всегда слышится душа.

Трудно ясно и опредѣленно сказать, что дѣлаетъ Тургенева художникомъ перваго ранга. Говоря кратко, это лежитъ въ *истинности* его изображенія. Но и это слово требуетъ не совсѣмъ краткаго поясненія.

Прежде всего ему въ высшей степени свойственна особенность истинныхъ поэтовъ воспроизводить людей, которые дѣйствительно живутъ. Жизнь его образовъ не только болѣе рельефно очерченная внѣшняя жизнь — они жизненны до кончиковъ пальцевъ — это въ то же время до такой степени внутренняя, изо дня въ день таинственно совершающаяся душевная жизнь, что мы можемъ вполне и всесторонне изучить ее. Но что дѣлаетъ его художественное превосходство столь осязательнымъ, такъ это ощущаемое читателемъ соответствіе отношенія самого поэта къ изображеннымъ имъ личностямъ или его приговора надъ рассказаннымъ съ впечатлѣніемъ, которое получается отъ того же самымъ читателемъ.

Дѣло въ томъ, что отношеніе поэта къ его собственнымъ образамъ таково, что оно тотчасъ же должно обнаружить его слабости, какъ человѣка или какъ художника. Поэтъ можетъ обладать многими рѣдкими дарованіями; но если онъ требуетъ отъ насъ удивленія предъ тѣмъ, что вовсе не заслуживаетъ удивленія, если онъ силится вызвать въ насъ сочувствіе къ какому-нибудь мужчине, или состраданіе

къ какойнибудь женщинѣ, или восторгъ предъ какимъ-нибудь дѣяніемъ, когда мы сами не чувствуемъ ничего подобнаго, въ такомъ случаѣ онъ самъ себя ослабляетъ и вредитъ себѣ. Если романистъ, за которымъ мы долго слѣдили, оказывается вдругъ менѣе критикомъ и болѣе чувствительнымъ, чѣмъ мы, тогда его произведеніе кажется намъ неудавшимся. Если онъ выводитъ личность неотразимо покоряющею сердца въ то время, какъ мы не находимъ ее обаятельной, или изображаетъ ее талантливой и остроумной, когда она не кажется намъ такою, или когда онъ заставляетъ ее совершать подвигъ болѣе смѣлый, чѣмъ мы можемъ ожидать отъ нея, или объясняетъ ея поступки великодушіемъ, котораго мы никогда не встрѣчали и въ которое не вѣримъ въ данномъ случаѣ; если онъ произвольно требуетъ отъ насъ незаслуженнаго почтенія, или возмущаетъ насъ холодною, или раздражаетъ моралью, — тогда, часто или по временамъ, у читателя возникаетъ мысль, что художнику измѣнило искусство; мы словно слышимъ тогда какой-то фальшивый звукъ, и, если даже впоследствии онъ будетъ измѣненъ, въ насъ все-таки остается смутное воспоминаніе о чемъ-то непріятномъ. Кому изъ читателей Бальзака, Диккенса или Ауэрбаха — говоря только о великихъ покойникахъ — не знакомо это непріятное чувство? Когда Бальзакъ впадаетъ въ неуклюжій восторгъ, или Диккенсъ притворяется дѣтски трогательнымъ, или Ауэрбахъ наивнымъ, — эта дѣланность и фальшь возбуждаютъ въ читателѣ отталкивающее чувство. Никто никогда не встрѣчаетъ у Тургенева этихъ промаховъ художника.

Задачи, которыя онъ поставилъ себѣ, — самыя трудныя задачи. Онъ считаетъ постыднымъ для себя увлекать читателя романтическими характерами и необыкновенными приключеніями, и не менѣе того постыднымъ — прельщеніе чѣмъ-нибудь безнравственнымъ.

Рѣдко или никогда въ его повѣстяхъ или романахъ происходитъ что-нибудь необычайное — катастрофа, подобная разрушенію дома въ концѣ „Степного короля Лира“, представляетъ полное исключеніе, — и, хотя онъ не избѣгаетъ низкихъ и грязныхъ характеровъ и рассказываетъ романтическія происшествія, какихъ не могъ бы рассказать ни одинъ англійскій новеллистъ, онъ никогда не коснется при этомъ ничего непристойнаго, чѣмъ грѣшатъ художники, разъ навсегда отказавшіеся отъ всего условнаго. Какъ художникъ, онъ былъ рѣшительный, но стыдливый реалистъ.

Его главная задача, какъ писателя, — изображеніе убогихъ, слабыхъ, скитальцевъ, непостоянныхъ, лишнихъ и покинутыхъ. Онъ — поэтъ смирившихся въ своемъ несчастіи. Онъ рисовалъ внутреннюю, безмолвную жизнь несчастія.

Пусть прочтеть кто-нибудь его краткія сцены или эскизы изъ русской жизни, напримѣръ „Переписку“. Здѣсь мы постепенно знакомимся съ молодой дѣвушкой, которая одинокая, непонятая и осмѣянная своею глупою средою, живетъ въ маленькой деревушкѣ, наканунѣ того, чтобы остаться старою дѣвой. Она уже примирилась съ этимъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ ее покинулъ женихъ. Она ничего не требуетъ отъ жизни. У нея одно только желаніе, — желаніе покоя, и она на пути къ достиженію его. И вотъ вдругъ къ ней начинается писать одинъ изъ друзей дѣтства, можетъ-быть, изъ желанія подѣлиться мыслями, или отъ нечего дѣлать, можетъ-быть, вслѣдствіе одиночества, или изъ участія къ ней. Сначала она отвѣтила сдержанно. Получивъ новыя посланія, она уступаетъ его просьбамъ продолжать переписку. Онъ пишетъ. Теперь она отвѣчаетъ ему, не краткими, а длинными краснорѣчивыми письмами. Такимъ образомъ въ ея сердцѣ зарождается чувство дружбы, и немного спустя это чувство переходитъ въ чувство любви. Одно мгновеніе они любятъ оба. Онъ тоскуетъ по ней и мечтаетъ о ней. День его отъѣзда и пріѣзда къ ней уже назначенъ. И вдругъ переписка прекращается. Прельщенный какою-то танцовщицей и подъ вліяніемъ ея вульгарныхъ прелестей онъ забываетъ все, она же снова погружается въ свое ужасное одиночество, и на этотъ разъ еще глубже.

Или прочтемъ „Дневникъ лишняго человѣка“, самое заглавіе котораго говоритъ о его содержаніи. Смертельно больной, доживая послѣдніе дни, рассказываетъ рядъ самыхъ обыкновенныхъ приключеній, составляющихъ его жизнь, какъ лишняго человѣка. Разъ только онъ полюбилъ, и то только для того, чтобы испытать всѣ муки ревности и всякаго рода униженія, какъ существо, которое презирали. Елизавета любить не его, а блестящаго молодого петербургскаго князя, который проѣздомъ останавливается по сосѣдству съ нею. Онъ вызываетъ князя, пощажень имъ на дуэли, и ничего отъ этого не выигрываетъ, кромѣ того, что его начинаютъ считать дурнымъ человѣкомъ, а его возлюбленная къ тому же и убійцею. Князь соблазнилъ и покинулъ Елизавету, а онъ, несмотря на это, снова предлагаетъ ей руку, но съ презрѣніемъ отвергается. Она отдаетъ свою руку другому, столь же благородному другу, опередившему его. Даже и въ этомъ случаѣ онъ является лишнимъ, пятымъ колесомъ въ телѣгѣ. И въ то же время можно прочесть между строками, сколько въ немъ сердечности, благородства и честности. Послѣднія страницы „Дневника“ содержатъ прощальныя слова, съ которыми покинутый довторомъ больной разстается съ жизнью.

„Львовъ Пасынковъ“ — рассказъ въ такомъ же родѣ. Пасынковъ — типъ русскихъ людей, которыхъ Тургеневъ такъ любитъ изображать. Высокій, худощавый, плоскогрудый и даже нѣсколько красноносый, онъ не представителенъ наружностью, но его лобъ прекрасно очерченъ, голосъ нѣженъ и тихъ, и о немъ говорится такъ: „въ устахъ его слова: „добро“, „истина“, „жизнь“, „наука“, „любовь“, какъ бы восторженно они ни произносились, никогда не звучали ложнымъ звукомъ“. Въ его исторіи вдвойнѣ обнаруживается основная идея Тургенева. Онъ любитъ молодую дѣвушку, которая нимало о немъ не думаетъ. Когда въ уединеніи, забытый всѣми, онъ умеръ въ какомъ-то захолустыи Сибири, на его груди нашли два сувенира о ней. Для

того, чтобы она полюбила его, ему не доставало нѣкоторой доли порочности, немного болѣе самолюбія и легкомыслія. И между тѣмъ, въ то время какъ онъ изнывалъ въ этой безнадежной страсти, онъ и не подозрѣвалъ, что другая дѣвушка, некрасивая, нѣсколько неловкая — сестра первой — любила его такъ горячо, что никогда не измѣняла его памяти и ради него ни за кого не выходила замужъ.

Но изъ всѣхъ этихъ простыхъ и столь же законченныхъ монографій несчастія, самымъ выдающимся является, безъ сомнѣнія, позднѣйшій рассказъ „Живыя мощи“. Въ цѣломъ это почти одинъ монологъ, рассказанный автору молодою и нѣкогда прелестной, теперь же исхудавшей на подобіе скелета русской крестьянской дѣвушкой. Онъ находитъ ее лежащею на полу въ уединенномъ домикѣ. Тамъ лежала она на спинѣ семь лѣтъ со времени своего рокового паденія. Ея изсохшая голова была бронзоваго цвѣта, носъ заострился, какъ лезвее ножа, губы сморщились, и только зубы да бѣлки глазъ блестѣли; нѣсколько прядей жидкихъ свѣтло-желтыхъ волосъ ниспадали на лобъ. На одѣялѣ покоились ея руки: темные маленькіе пальцы медленно двигались туда и сюда. Когда-то она была самая сильная, веселая и красивая дѣвушка въ округѣ; постоянно смѣялась, пѣла и танцевала. Она рассказываетъ, какъ ей жилось послѣ паденія. Ее свело, она почернѣла, потеряла силы, не могла ни стоять ни ходить, потеряла охоту къ ѣдѣ и питью: напрасно прижигали ей спину раскаленнымъ желѣзомъ, напрасно сажали ее въ колотый ледъ. И обо всемъ этомъ она ведетъ рассказъ почти въ веселомъ тонѣ, не стараясь вызвать состраданія слушателя. Женихъ оставилъ ее и взялъ другую. Онъ, какъ говоритъ она, слава Богу, счастливъ въ своемъ супружествѣ. Его поступокъ съ нею она считаетъ совершенно естественнымъ и правильнымъ. Она благодарна всѣмъ, кто не оставляетъ ея, особенно одной маленькой дѣвочкѣ, которая приносить ей цвѣты. Она не скучаетъ, не жалуется, — бывають гораздо болѣе несчастные — слѣпые, глухіе, она же прекрасно видитъ и слышитъ; слышитъ, какъ роется кротъ подъ землю и чувствуетъ всякій запахъ, даже слабый запахъ гречихи, когда она зацвѣтетъ въ далекихъ поляхъ, даже запахъ липъ, что цвѣтутъ тамъ, въ концѣ сада. Къ важнымъ событіямъ своей жизни она причисляетъ и то, когда курица, или воробей, или бабочка залетятъ къ ней черезъ окно или дверь. Съ большимъ удовольствіемъ вспоминаетъ она, какъ однажды забрался къ ней въ гости заяцъ. Лукерья вспоминаетъ Тургеневу и былое время, когда она пѣвала пѣсни. По временамъ она и теперь еще поетъ. Мысль, что это полуживое существо готовится запыть, возбуждаетъ въ немъ нѣчто въ родѣ ужаса. И вотъ, колеблясь, какъ тонкая струйка дыма, звенитъ ея маленькій, тонкій голосокъ, едва слышными, но чистыми и вѣрными звуками. Она рассказываетъ свои знаменательные сны, что снятся ей, когда среди страданій изрѣдка удается ей заснуть. Въ одномъ видитъ она Христа, будто Онъ идетъ къ ней навстрѣчу и протягиваетъ ей руку; въ другомъ снится ей, что какая-то женщина приближается къ ней — это ея смерть — и

сожалѣть, что не можетъ еще взять ее съ собой. Когда Тургеневъ удивился ея терпѣнію, она возражаетъ: Чему тутъ удивляться? Что особенно сдѣлала она? Нѣтъ, вотъ та дѣвственница, что гдѣ-то въ далекой странѣ, прогнавъ за море враговъ мечомъ своимъ, сказала: „Теперь вы меня сожгите, потому что такое было мое общаніе, чтобы мнѣ огненною смертью за свой народъ помереть“, вотъ она, дѣйствительно, совершила удивительный подвигъ. На прощанье Лукерья проситъ Тургенева замолвить его матери словечко за крестьянъ, — у нихъ такіе тяжелые оброки. Ей же самой ничего не надо, у ней нѣтъ никакихъ желаній.

Брандесъ.

Правдивость, изящество содержанія и чувство мѣры въ изображеніи дѣйствительности — какъ отличительныя свойства таланта Тургенева.

Все, что Тургеневъ даетъ, не поддѣльно, — ни одной дѣланной черты, ни одного пустого или фальшиваго слова. Онъ никогда не вызываетъ призрачныхъ видѣній; все, что онъ думаетъ и чувствуетъ, является съ полной реальностью передъ его умственными очами, переживается имъ внутренно. Изъ этой правдивости проистекаетъ сила его образовъ; въ тѣхъ даже случаяхъ, когда мы не знаемъ оригинала, мы чувствуемъ, что портретъ удаченъ. Онъ умѣетъ сдѣлать невѣроятное доступнымъ пониманію, касаясь той именно струны, которая находится отголосокъ и въ нашей душѣ.

Обыкновенно Тургенева причисляютъ къ реалистической школѣ, и одинъ изъ парижскихъ такъ называемыхъ реалистовъ посвятилъ ему томъ своихъ разсказовъ съ надписью: *salve, frater!* Тургеневъ, конечно, реалистъ въ томъ смыслѣ, что онъ не рубитъ съ плеча, но изображаетъ типы и картины на основаніи глубокаго изученія природы; у него наблюдательный, опытный глазъ, отъ котораго ничто не ускользаетъ; тамъ, гдѣ онъ пожелаетъ, онъ можетъ воспроизвести видѣнное съ виртуозностью, поражающей своимъ совершенствомъ. Но этого онъ не считаетъ съ задачей искусства: онъ, такъ сказать, не натираетъ своихъ красокъ передъ зрителемъ, не записываетъ подъ рядъ все, что видитъ или что можетъ увидѣть; онъ изображаетъ только то, что считаетъ цѣлесообразнымъ для созданія гармоничной общей картины. Тургеневъ чуждается безобразнаго и старается его избѣгать; но гдѣ приходится изображать его, онъ поступаетъ съ необыкновенной осторожностью, онъ поклонникъ прекраснаго, даже тамъ, гдѣ рисуетъ безобразное.

Его искусство напоминаетъ живописца, а не ваятеля: его образы нельзя осязать, — ихъ надо видѣть, и видѣть именно въ томъ свѣтѣ, который онъ выбралъ. Иногда онъ повѣствуетъ отрывками, связь можно только угадывать: поэту важно общее, полное, идеальное впечатлѣніе.

Ни одинъ романистъ не обладалъ еще такимъ вѣрнымъ чутьемъ относительно красокъ, ни одинъ не дѣйствовалъ такъ пріятно на всякій просвѣщенный глазъ; краски удивительно гармонируютъ у него между собою, при чемъ смягчается все грубое и рѣзкое.

Эта гармонія красокъ звучитъ словно мелодія: читая его романы, такъ и кажется, будто слышишь легкій аккомпанементъ пѣнія. Эта мелодія минорная, какъ вся почти русская музыка; она выражаетъ глубокую грусть, непонятную для насъ, какъ загадка, но тѣмъ не менѣе привлекательную.

Тургеневъ вовсе не эпическій поэтъ въ строгомъ смыслѣ этого слова. Онъ не старается изобразить какое-нибудь событіе во всѣхъ подробностяхъ по законамъ эпической рутинѣ и непременно выяснитъ тѣ нравственныя обстоятельства, которыя обуславливаютъ его. Въ руководящихъ мотивахъ его главнѣйшихъ характеровъ преобладаетъ извѣстное однообразіе: часто повторяется одинъ и тотъ же типичный мотивъ, хотя бы въ разныхъ, поражающихъ новизной варіаціяхъ.

Несравненный художникъ въ изображеніи мимолетныхъ движеній, Тургеневъ рѣдко дѣлалъ попытки прослѣдить какое-либо настроеніе въ продолжительное время, въ постепенномъ его развитіи. Онъ показываетъ страсти въ извѣстномъ отдаленіи и лишь отъ времени до времени открываетъ ихъ взору, и такъ, чтобы зелень передняго плана нѣсколько смягчала впечатлѣніе. Онъ почти никогда не пускается въ анализъ характеровъ: они проходятъ мимо насъ, какъ художественные образы.

Основное направленіе его таланта опредѣляется тѣмъ, что онъ въ началѣ выступилъ жанровымъ поэтомъ. Особенность жанроваго поэта заключается въ томъ, что ему и будничное кажется поразительнымъ, новымъ и страннымъ, что онъ, самъ того не думая, останавливается на каждой сколько-нибудь оригинальной чертѣ, что все оставляетъ у него впечатлѣніе, и что по аналогіи съ подмѣченными чертами онъ быстро схватываетъ новыя. У Тургенева, какъ и у Диккенса, каждую выставленную фигуру мы мысленно видимъ передъ собой, слышимъ, какъ она говоритъ, чувствуемъ ея дыханіе; рѣчи и мысли автора невольно приспособляются къ духу изображаемыхъ, часто совершенно второстепенныхъ лицъ. Но у Тургенева то преимущество, что онъ обладаетъ чувствомъ мѣры. У Диккенса наблюденія скоро превращаются въ галлюцинаціи, которыми писатель играетъ и которыя играютъ писателемъ. Тургеневъ болѣе бережливъ на свои матеріальныя средства: онъ изображаетъ рѣшающій моментъ, въ которомъ личность проявляется такой, какою она есть въ дѣйствительности; на этотъ моментъ онъ наводитъ яркій лучъ свѣта, между тѣмъ какъ все остальное отодвигается въ тѣнь. Онъ не прибѣгаетъ къ микроскопу, глазъ его остается на надлежащемъ разстояніи; такимъ образомъ не нарушаются пропорціи. Его фигуры никогда не позируютъ. Когда въ его картинахъ группируются странные образы, комическіе или трогательные, и задаютъ загадку какъ читателю, такъ и самому автору, глазъ, которымъ смотреть на нихъ писатель, подходитъ къ нашей точкѣ зрѣнія: мы

дышимъ той же атмосферой, въ его нравственныхъ взглядахъ ничю намъ не чуждо, и часто за странной ви́шностью (напоминаю о родителяхъ Базарова) мы открываемъ глубину чувства, которая намъ проникаетъ въ душу.

Тургеневъ всюду подмѣчалъ художественные образы; но самый богатый матеріалъ доставлялъ ему лѣсъ, который онъ, какъ страстный охотникъ, изучилъ во всѣхъ его типахъ. Тургеневъ не былъ пейзажистомъ по профессіи; во время своихъ путешествій, онъ много видѣлъ красоту природы, но истинно чувствовалъ онъ только родную природу. Онъ рисуетъ намъ тишину дремучаго лѣса, необозримую степь, непроглядную метель; онъ не старается скрасить природу, но изображаетъ ее рѣзкими чертами. Онъ изучалъ ее не какъ праздный фланеръ, а какъ охотникъ. Каждый звукъ въ природѣ долженъ быть понятенъ охотнику; малѣйшее дрожаніе вѣтки, дуновеніе вѣтерка, каждая мимолетная тѣнь можетъ выдать присутствіе добычи. Охотникъ долженъ привыкнуть къ напряженности всѣхъ чувствъ: онъ обязанъ одинаково внимательно слушать, видѣть, обонять. Голосъ каждой птицы знакомъ ему; онъ чувствуетъ къ каждой изъ нихъ искренній интересъ, что, однако, не мѣшаетъ ему убивать ихъ. Охотничьи картины Тургенева возбуждаютъ безусловное довѣріе; всѣ чувства его дѣйствуютъ одновременно, и изображаемый имъ ландшафтъ перестаетъ быть простой картиной: отъ него вѣетъ живой дѣйствительностью. А какъ чудно хороши бываютъ иногда эти мимолетныя свѣтотыя, воздушныя картины!

О веселомъ, шумномъ оживленіи, изображаемомъ Вальтеръ-Скоттомъ въ его картинахъ охоты, у Тургенева нѣтъ и рѣчи: русскій лѣсъ требуетъ иныхъ красокъ. Охотникъ наединѣ съ самимъ собой и природой, и въ этомъ уединеніи заключается своеобразная, чарующая прелесть. Все описано до того реально, что чувствуешь себя словно въ волшебномъ лѣсу.

Главное содержаніе романовъ и повѣстей Тургенева составляетъ любовь: я знаю немногихъ писателей, которые такъ нѣжно, и вмѣстѣ съ тѣмъ съ такой глѣбиной и силой, передавали движенія сердца. Если сущность любви одинакова повсюду, тѣмъ не менѣ русская любовь, въ томъ видѣ, какъ описалъ ее Тургеневъ, имѣетъ нѣчто своеобразное. Почти вездѣ у Тургенева въ любви инициатива принадлежитъ женщинѣ; ея воля сильнѣе, ея кровь горячѣе, ея чувства искреннѣе, преданнѣе, нежели у образованныхъ молодыхъ людей, у которыхъ врожденная рѣшительность ослабляется философскими размышленіями. Русская женщина всегда ищетъ героевъ; когда ея фантазія возбуждена любопытствомъ и показываетъ ей воображаемаго героя, она повелительно требуетъ подчиненія силѣ страсти. Сама она чувствуетъ себя готовой къ жертвѣ и требуетъ ея отъ другого; когда ея иллюзія насчетъ героя исчезаетъ, ей не остается ничего иного какъ быть героиней, страдать, дѣйствовать. Герои Тургенева, по своей мускульной слабости и покорности судьбѣ, отличаются нѣкоторымъ однообразіемъ; но зато какой писатель располагаетъ такимъ богатымъ

сокровищемъ интересныхъ, обаятельныхъ женскихъ типовъ? Съ ними читателю такъ и хочется сблизиться, хотя и не слишкомъ: въ ихъ пылкой крови всегда таится расположеніе къ насилію. Кто углубится хорошенько въ сочиненія Тургенева, тотъ при каждомъ серьезномъ политическомъ дѣлѣ непременно спроситъ: où est la femme?

Любовь — главная область Тургенева. На политическіе вопросы наталкивали его развѣ удручающія обстоятельства, грубо затрогивавшія его нѣжную душу. Но вѣрность, съ которой онъ изобразилъ эти столкновенія, обезпечила за нимъ и въ этомъ отношеніи положеніе исключительное въ Европѣ. Долго мы будемъ по его романамъ изучать русскую исторію. Поэтъ всегда лучше историка умѣетъ выяснитъ историческую жизнь чуждаго намъ народа, и, хотя мы сами этого не замѣчаемъ, наши историческія представленія образуются при помощи поэтическихъ произведеній. При этомъ трудно избѣгнуть ошибокъ и недоразумѣній. Даже, если писатель самымъ добросовѣстнымъ образомъ стремится къ истинѣ, все же онъ зависитъ отъ субъективности своихъ впечатлѣній. Онъ видитъ вещи такими, какими онъ коснулся его внутренней жизни. Контролировать его въ этомъ очень не легко, въ особенности на далекомъ разстояніи.

Шмидтъ.

Простота фабулы, реальность изображенія и личный элементъ въ сочиненіяхъ Тургенева.

„Тургеневъ не принадлежитъ ни къ какой школѣ; онъ слѣдуетъ своимъ собственнымъ вдохновеніямъ. Какъ всѣ лучшіе романисты, онъ изучаетъ человѣческое сердце, эту неисчерпаемую мину, хотя уже эксплуатируемую съ давняго времени. Наблюдатель тонкій, точный, иногда до мелочности, онъ пишетъ свои персонажи, какъ художникъ и поэтъ. Ихъ страсти и черты ихъ лица ему знакомы одинаково и близко. Онъ знаетъ ихъ привычки, ихъ жесты, онъ слушаетъ, какъ говорятъ они, и стенографируетъ ихъ бесѣду. Съ такимъ искусствомъ обдѣлываетъ онъ изъ всѣхъ эпизодовъ ансамбль физической и моральной, что читатель видитъ портретъ вмѣсто фантастической картины. Благодаря своему умѣнию въ нѣкоторомъ родѣ сгущать свои наблюдения и придавать имъ точную форму, Тургеневъ шокируетъ насъ не болѣе, чѣмъ сама природа, представляя намъ какое-нибудь необычайное и аномальное явленіе. Это безпристрастіе, эта любовь къ правдѣ, составляющая выдающуюся черту въ талантѣ Тургенева, не покидаютъ его никогда. Онъ изгоняетъ въ своихъ произведеніяхъ крупныя преступленія, и въ нихъ нельзя искать трагическихъ сценъ. Немного и крупныхъ событій въ его романахъ. Ничего нѣтъ проще ихъ фабулы, ничего, что не походило бы на обыденную жизнь, и это еще одно изъ слѣдствій его любви къ правдѣ. Иногда онъ слишкомъ вдается въ описанія, безъ сомнѣнія, весьма правдивыя, но ихъ

можно бы сократить. Онъ любитъ и мастерски умѣетъ отмѣчать изящныя оттѣнки, но въ этой части своей работы, достоинства и трудности которой я не отрицаю, онъ рискуетъ иногда ослабить ею интересъ самаго дѣйствія. Тургеневъ, глубокий знатокъ человѣческаго сердца, обладаетъ талантомъ наблюденія и изображенія явленій и эффектовъ природы. Всегда точный и простой, онъ нерѣдко возвышается невольно до поэзіи, по живости своихъ впечатлѣній и мастерству, съ какимъ онъ рельефно оттѣняетъ характеристическія черты своихъ описаній. Его главные недостатки заключаются въ нѣкоторомъ замедленіи развитія интриги и въ изобиліи подробностей. Хотя никто не схватываетъ и не изображаетъ съ большой живостью уродливыя и смѣшныя стороны, пороки своей эпохи, нельзя, однако, сказать, что Тургеневъ писалъ сатиры. Онъ не ощущаетъ того злораднаго удовольствія, какое испытываютъ иные изъ критиковъ, встрѣчаясь со слабостями и плоскостями человѣческими. Не впадая въ банальную филантропію, онъ является безпристрастнымъ защитникомъ слабыхъ и обиженныхъ; онъ любитъ находить и какую-нибудь черту, которая ихъ возвышаетъ. Нерѣдко напоминаетъ онъ мнѣ Шекспира. Онъ питаетъ его любовь къ правдѣ; подобно англійскому поэту, онъ умѣетъ создавать образы изумительной реальности; но, несмотря на искусство, съ какимъ авторъ скрываетъ свою личность подъ персонажами своей изобрѣтательности, его характеръ все-таки можно отгадать, и въ этомъ, быть можетъ, заключается его не малое право на нашу симпатію.

Меримѣ.

Воспитательное значеніе сочиненій Тургенева.

Богато одаренный отъ природы, И. С. Тургеневъ имѣлъ счастье получить превосходное образованіе, — то образованіе, которое не только надѣляетъ умъ свѣдѣніями, развиваетъ его силы, но которое пробуждаетъ въ душѣ и страстную любовь къ истинѣ, и жажду къ знанію и даетъ средства утолять ее. Европейскими языками И. С. владѣлъ въ совершенствѣ, и сокровища богатѣйшихъ европейскихъ литературъ были ему вполне доступны. Судьба благопріятствовала ему и съ другой стороны: онъ былъ богатъ; онъ не зналъ той тяжелой нужды, которая часто пригнетаетъ талантливыхъ людей, порою злобитъ ихъ, глушитъ ихъ дарованія; ему не приходилось трудиться ради заработка, — трудиться порывисто неровно, торопясь и томясь сознаніемъ, что работа далеко ниже того, чѣмъ должна бы и могла бы быть. И время, когда Тургеневу пришлось вступить на литературное поприще, было въ высшей степени благопріятно для его таланта: только что не стало Пушкина, который поднялъ русскую поэзію и русскую рѣчь до небывалой еще художественной высоты; только что замолкъ Гоголь, глубоко копнувшій русскую жизнь, проливавшій надъ ней сквозь видимый міру смѣхъ невидимыя ему слезы; критическій анализъ чуткаго Бѣлинскаго еще указывалъ настоящіе пути начинающимъ писателямъ.

Словомъ, обстоятельства для развитія таланта Тургенева были очень благопріятны. Всѣ природные задатки, всѣ дарованія его могли развиваться правильно, стройно, гармонично. Говорю это для того, чтобы объяснить, почему Тургеневъ болѣе, чѣмъ кто-либо изъ знаменитыхъ нашихъ писателей, способенъ былъ подарить русскую литературу цѣлымъ рядомъ высокохудожественныхъ, вполне обработанныхъ, прелестныхъ по формѣ и богатыхъ по содержанію произведеній.

Тургеневъ, подобно Пушкину, страстно любилъ жизнь, искалъ въ ней всего того, что даетъ силу душѣ, вливаетъ въ нее свѣтъ и радость. Онъ самъ хотѣлъ наслаждаться жизнью въ благородномъ смыслѣ этого слова, какъ можетъ наслаждаться ею высокоодаренный чуткій артистъ, хотѣлъ, такъ сказать, полной грудью вдыхать ароматы жизни. Повсюду онъ, изображая жизнь, ищетъ красоты, добра, истины, особенно любитъ останавливаться на свѣтлыхъ проявленіяхъ жизни. Всякія уродства, ложь, зло глубоко оскорбляютъ его. Они возбуждаютъ въ немъ не ѣдкую насмѣшку, не гнѣвъ сатирика, а глубокую грусть, отъ которой порою онъ словно ищетъ успокоенія въ картинахъ природы. Онъ по духу своему и чудному, прелестному языку прямой наслѣдникъ Пушкина въ нашей литературѣ, — не даромъ самъ онъ считалъ себя его ученикомъ.

И вотъ почти въ теченіе сорока лѣтъ изъ-подъ пера его выходило одно высокохудожественное произведеніе за другимъ, одно другого выше, одно другого краше; сорокъ лѣтъ чудная рѣчь его волновала русскія сердца, наполняя ихъ высокимъ наслажденіемъ, направляя ихъ къ добру...

Первыя произведенія, обратившія вниманіе и вызвавшія сильную симпатію къ Тургеневу, были его „Записки охотника“ — эти прелестные, простые, но высоко поэтическіе очерки, отъ которыхъ, кажется, такъ и вѣетъ и лѣсной свѣжей прохладой и запахомъ полей. Но отъ этихъ рассказовъ не разъ болѣзненно сожмется сердце при видѣ картинъ изъ жизни крѣпостныхъ крестьянъ. За „Записками охотника“ послѣдовалъ цѣлый рядъ романовъ и повѣстей, гдѣ Тургеневъ чутко прислушивается, какъ говорится, къ біенію общественнаго пульса, т.-е. ко всему тому, что волновало лучшихъ русскихъ людей; всѣ хорошія вѣянія онъ радостно привѣтствовалъ, глубоко скорбѣлъ при видѣ болѣзненныхъ явленій, тѣмъ и другимъ, благодаря таланту, давалъ опредѣленный осязательный образъ, озарялъ ихъ яснымъ свѣтомъ, благодаря своему уму. „Рудинъ“, „Наканунъ“, „Дворянское гнѣздо“, „Отцы и дѣти“ — вотъ важнѣйшіе изъ этихъ романовъ, которые для будущаго историка послужатъ художественной лѣтописью, покажутъ, чѣмъ жило, чѣмъ волновалось русское общество 50-хъ и 60-хъ годовъ. У Тургенева до самаго послѣдняго времени, пока злой недугъ не приковалъ его къ постели, высокое поэтическое творчество было живымъ ключомъ. Еще въ прошломъ году появились его „Стихотворенія въ прозѣ“, — эти жемчужины, словно невзначай оброненныя изъ души поэта. Читая ихъ, не знаешь, чему больше удивляться — необычайной ли

прекрасной формѣ, или глубинѣ мысли и чувствъ, выраженныхъ во многихъ изъ нихъ...

Безконечной вереницей проносятся предъ нами жизненные явленія. Масса впечатлѣній одно за другимъ ложится на наши души. Но много ли среди насъ такихъ людей, которые глубоко задумываются надъ ними, проникаютъ въ смыслъ ихъ? Только высокіе умы могутъ разобраться въ сумятицѣ жизненныхъ явленій, оцѣнить ихъ по достоинству. Только у высоко-одаренныхъ художественнымъ творчествомъ писателей туманные слѣды отъ мимолетныхъ впечатлѣній сгущаются въ опредѣленные, осязательные образы, воплощаются въ такія яркія формы, которыя доступны всякому сколько-нибудь разсуждающему человѣку. Жизнь, путающаяся въ безконечной массѣ мелкихъ повседневныхъ явленій, темна для насъ; но та же жизнь, прошедшая сквозь душу великаго художника писателя, очищенная отъ мелочныхъ подробностей, выраженная въ яркихъ, выпуклыхъ образахъ, становится ясна и понятна для всякаго сколько-нибудь мыслящаго человѣка. Вотъ почему такъ высоко и цѣнится крупный талантъ художника, этотъ въ полномъ смыслѣ слова даръ Божій, этотъ свѣточъ, освѣщающій жизненный путь для простыхъ смертныхъ. Рѣдкими, до крайности рѣдкими гостями на землѣ бываютъ великіе таланты, — вотъ почему такъ высоко и цѣнятся ихъ, такъ чествуютъ, такъ гордятся ими... Огромное значеніе въ нашей жизни имѣетъ великій писатель, если онъ при громадномъ талантѣ обладаетъ просвѣщеннымъ умомъ, а также чистымъ и любящимъ сердцемъ, когда онъ своимъ вдохновеннымъ словомъ направляетъ умы и сердца людей къ добру и правдѣ. Такой писатель не даетъ обществу заснуть, погрязнуть въ мелочныхъ повседневныхъ заботахъ; онъ раскрываетъ предъ ними смыслъ современной жизни, указываетъ цѣли и идеалы. Словомъ, онъ становится для общества наставникомъ въ самомъ высокомъ и благородномъ значеніи, этого слова. Такимъ великимъ наставникомъ былъ и Тургеневъ

Надо ли подтвердить примѣромъ, — довольно развернуть любое изъ его лучшихъ произведеній. Обратимся къ болѣе извѣстнымъ рассказамъ изъ „Записокъ охотника“.

Всѣмъ извѣстенъ прекрасный рассказъ „Бѣжинъ лугъ“. Помните, какъ авторъ, заблудившись, случайно попалъ въ общество крестьянскихъ ребятишекъ, стерегшихъ ночью табунъ. Мальчики рассказываютъ о домовыхъ, лѣшихъ, русалкахъ... Что же во всемъ этомъ рассказѣ особеннаго? Сотни, тысячи людей слышали эти суевѣрные рассказы: одни, болѣе, разсудочные, называли ихъ пустымъ вздоромъ, другіе, болѣе чуткіе находили въ нихъ поэзію — и только. Посмотрите же, что сдѣлалъ съ ними художникъ-поэтъ... Чудная, лѣтняя темная ночь. Подъ обаяніемъ непроглядной тьмы мальчуганы расположены къ страху, они и говорятъ о страшномъ, о тѣхъ невѣдомыхъ имъ силахъ природы, которыя народная фантазія облекла въ страшныя формы лѣшихъ, водяныхъ, русалокъ и пр. Сколько поэзіи въ этихъ рассказахъ, вложенныхъ въ уста дѣтей, которыя среди непроглядной тьмы жмутся

къ костру!... Вотъ первая мысль, которая является при чтеніи этого разсказа. Но вотъ вы узнаете изъ разсказовъ мальчиковъ, что Гаврила-плотникъ постоянно невеселый ходитъ, потому что ему, когда онъ перекрестился при встрѣчѣ съ русалкой, она сказала: „Плачу я, убиваюсь оттого, что ты перекрестился; да не я одна убиваться буду: убивайся же и ты до конца дней“. Узнаете объ Ульянѣ, которая исчахла вся, такъ что едва душа въ тѣлѣ держится, оттого, что ей почудилось, будто она самоё себя встрѣтила. Узнаете о Оеклиствѣ, у которой водяной сына утопилъ, и она по временамъ останавливается на берегу и кличетъ своего сына: „Вернись, мой свѣтикъ! Охъ, вернись, соколикъ!“ Узнаете объ Акулинѣ, дурочкѣ, которая съ тѣхъ поръ рехнулась, какъ ей почудилось, что она побывала въ рукахъ водяного, и вотъ она, „покрытая лохмотьями, страшно худая, съ чернымъ, какъ уголь, лицомъ, помутившимся взоромъ и вѣчно оскаленными зубами, топчется по цѣлымъ часамъ на одномъ мѣстѣ“... Узнаете все это, и страшно вамъ станетъ, — страшно, конечно, не передъ лѣшими, водяными, русалками и прочими созданіями народныхъ суевѣрій и поэзіи, а страшно передъ тѣмъ, какъ дорого обходится народу эта поэзія суевѣрій. Вы пожалѣете этотъ народъ, у васъ невольно явится мысль о томъ, какъ важно, какъ необходимо позаботиться, чтобы просвѣтить его, разогнать эту страшную тьму, въ какой живетъ онъ, направить его поэтическія способности въ другую сторону, хотя бы на ту же природу. А сколько въ ней прелестей, сколько высокихъ вдохновеній можетъ найти просвѣщенный поэтъ, не населяя ее русалками и лѣшими, — это показываетъ самъ Тургеневъ. Его „Записки охотника“ почти наполовину состоятъ изъ прелестныхъ описаній природы... Повторяю, тысячи людей сталкивались съ народными суевѣріями; но только у великаго художника сложился чудный разсказъ, гдѣ они явились во всей своей страшной поэзіи, только онъ заставилъ насъ глубоко почувствовать и задуматься надъ ними и притти къ тому заключенію, какое я указалъ. Развѣ это не высокій, не плодотворный урокъ?

Вспомните другой разсказъ „Малиновая вода“. Припомните странное существо — Степушку, этого затеряннаго человѣчка; у него, что называется, ни кола ни двора, ни дѣла ни хлѣба. Приютился гдѣ-то въ клѣтѣ, за курятникомъ у садовника. Его привыкли видѣть, иногда даже давали ему пинка, но никто съ нимъ не разговаривалъ, и онъ самъ, кажется, отъ роду рта не разинулъ. И вотъ этотъ-то затерянный человѣкъ тоже способенъ еще думать о другихъ, жалѣть ихъ... Онъ видите ли, пожалѣлъ мужика Власа, который доведенъ до отчаянія непомѣрнымъ оброкомъ, наваленнымъ на него управляющимъ, — онъ, никогда рта не разинувшій, разинулъ его, чтобы подать совѣтъ: „Да ты бы... ты бы... того!“ заговорилъ внезапно Степушка, смѣшался и замолчалъ. Плохой, положимъ, совѣтъ; но душа-то, видно, у этого загнаннаго, забитаго Степушки не застыла, — теплилась въ ней искра Божія, — любовь къ ближнему.

Припомните еще Сучка изъ разсказа „Льговъ“, этого „господскаго рыболова“ при болотцѣ, въ которомъ никакой рыбы нѣтъ, этого

рыболова, который былъ то кучеромъ, то поваромъ, то актеромъ, то сапожникомъ, смотря по прихоти своихъ господъ. И вотъ эта игрушка барскаго каприза, переходившая изъ рукъ въ руки, говоритъ о своей судьбѣ: „А я, батюшка, не жалюсь!“ — Не жалуется онъ потому, что бываетъ и хуже.

Припомните еще Лукерью изъ разсказа „Живыя мощи“, эту дѣвушку, семь годовъ лежащую неподвижно, изсохшую, обратившуюся въ мумію, но полную высокаго религіознаго чувства.

И вотъ это существо, эти „живыя мощи“, какъ прозвали ее въ деревнѣ, на вопросъ барина: не нужно ли ей чего? говорить: „Ничего мнѣ не нужно; всѣмъ довольна, слава Богу. Дай Богъ всѣмъ здоровья! А вотъ вамъ бы, баринъ, матушку вашу уговорить — крестьяне здѣшніе бѣдные — хоть бы малость оброку съ нихъ она сбавила! Земли у нихъ недостаточно, угодій нѣтъ... Они бы за васъ Богу помолились... А мнѣ ничего не нужно, — всѣмъ довольна“.

Припомните все это, — и вы поймете, какіе великіе уроки всѣмъ читающимъ даетъ высокоталантливый писатель. Онъ заставляетъ глубоко заглянуть въ народную жизнь, онъ совершаетъ открытія, и какія открытія! Онъ въ этихъ затерянныхъ, забытыхъ существахъ, въ этихъ полуидіотахъ, которыхъ многіе умники изъ насъ, быть можетъ, едва ли удостоили бы снисходительнаго взгляда, открываетъ золотое сердце, исполненное такой любви, такого всепрощенія и всепримиренія, что невольно преклонишься, какъ предъ святыней, предъ этимъ сердцемъ... Не даромъ этимъ людямъ сняты чудные сны, — чудится, что Самъ Христосъ протягиваетъ имъ руки, что звонъ „сверху“ призываетъ ихъ. Вы помните, что Тургеневъ далеко не всегда указываетъ на хорошія стороны крестьянъ, указываетъ и дурныя, точно такъ же какъ и помѣщики являются у него и дурные и хорошіе. Но когда вы внимательно прочтете большую часть „Записокъ Охотника“, вы ясно почувствуете, какимъ зломъ было крѣпостное право. Оно было темнымъ фономъ картины, на которомъ только изрѣдка рисовались свѣтлые образы изъ крестьянской и помѣщичьей среды. Поэтъ правдиво воспроизводилъ дѣйствительность, она сама ясно въ его произведеніяхъ говорила противъ возмутительнаго рабства, — говорила уму и сердцу каждаго человѣка, способнаго размышлять и чувствовать. Припомните, что „Записки охотника“ явились въ 1852 году, стало-быть, до освобожденія крестьянъ.

Ситовскій.

Тургеневъ, какъ художникъ-гражданинъ.

О Тургеневѣ часто говорятъ, что онъ прежде всего художникъ. Но художники, если они живые люди, неразрывно связанные съ родною землею, являются непременно и гражданами. Первый рядъ произведеній Тургенева, сразу обратившихъ на себя общее вниманіе, едва ли не останется навсегда и лучшимъ въ числѣ его произведеній. Таково,

по крайней мѣрѣ, наше мнѣніе. „Записки Охотника“ — рядъ очерковъ въ высшей степени художественныхъ и въ самомъ чистомъ, самомъ святомъ смыслѣ слова, гражданственныхъ. И. С. Тургеневъ принадлежалъ къ тому славному *меньшинству* русскаго дворянства, которое никогда не могло помириться съ крѣпостнымъ правомъ. Это достославное меньшинство (очень немногочисленное) имѣло всегда своихъ представителей и въ нашей литературѣ. Ихъ громкій и честный голосъ раздавался еще въ XVIII столѣтіи. Тургеневъ, вслѣдъ за своими предшественниками, по справедливости, можетъ быть названъ однимъ изъ глубоко убѣжденныхъ провозвѣстниковъ великой не только въ нашей, но и въ міровой исторіи, крестьянской реформы. Когда пришло извѣстіе о его смерти, на страницахъ „Русской Старины“ появилось его дотолѣ незнакомое обществу не художественное, а публицистическое произведеніе: записка, составленная въ 1858 г. въ Римѣ, послѣ неоднократныхъ бесѣдъ о крестьянскомъ вопросѣ съ кн. В. А. Черкасскимъ, В. П. Боткинымъ и другими соотечественниками.

Не впадая во вредную идеализацію, Иванъ Сергѣевичъ прямо признаетъ здѣсь, что великое дѣло освобожденія крестьянъ будетъ принято съ сочувствіемъ лишь меньшинствомъ дворянства; большинство же будетъ противъ освобожденія: „одно лишь привычное нежеланіе смотрѣть правдѣ въ глаза, — говоритъ онъ, — можетъ сомнѣваться въ истинѣ этого сопротивленія“. Причину его авторъ видитъ въ низкомъ уровнѣ дворянства. „Малая образованность нашего дворянскаго сословія, — говоритъ онъ, — будетъ едва ли не главнымъ препятствіемъ къ приведенію въ исполненіе предполагаемыхъ мѣръ“. Это заявленіе заслуживаетъ особеннаго вниманія, какъ заявленіе дѣйствительно просвѣщеннаго дворянина о своемъ классѣ. А намъ такъ громко и усиленно твердятъ о великихъ заслугахъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ дворянскаго класса, какъ самаго образованнаго и передового, тогда какъ народу такъ бы и не дожидаться свободы, если бы верховная воля государя Александра Николаевича не согласилась съ *меньшинствомъ*.

При всемъ своемъ гражданскомъ духѣ, „Записка“ Тургенева стоитъ ниже „Записокъ Охотника“. Въ своемъ публицистическомъ произведеніи Тургеневъ сводитъ все къ изданію журнала, гдѣ бы можно было безпрепятственно печатать заявленія и мнѣнія по крестьянскому вопросу. „Правительство, — говоритъ авторъ, — не рѣшаетъ этого вопроса указомъ или манифестомъ: оно обращается къ самой землѣ, къ русскому дворянству“. Здѣсь не совсѣмъ вѣрная тавтологія: земля и дворянство — не одно и то же. Тургеневъ, видимо, былъ тутъ озабоченъ именно дворянствомъ. Оно, по его справедливымъ словамъ, „не подготовлено, недоброжелательно, предубѣждено, запугано; оно понесетъ свои предубѣжденія, свой страхъ въ самые комитеты; оно воспользуется всѣми средствами, которыя найдетъ подъ рукою, для того чтобы затруднить и замедлить дѣло. А между тѣмъ, *не разоренія же дворянства ищетъ правительство, не зла оно ему желаетъ*; напротивъ, — оно

желаетъ предотвратить возможность будущихъ бѣдствій, упрочить, увѣковѣчить его благосостояніе; въ то же время правительство чувствуетъ государственную необходимость, неотлагаемость начатой реформы, слѣдовательно — въ упорствѣ дворянъ есть или недоразумѣніе или незнаніе, непониманіе своего собственнаго положенія. Для устранения этого недоразумѣнія, для того чтобы показать дворянамъ, что правительство не рановременно подняло вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, существуетъ только одинъ способъ — гласность“.

Такимъ образомъ, предполагаемый журналъ долженъ былъ имѣть цѣлью растолкованіе дворянамъ цѣлесообразности и своевременности предстоящей реформы. Но авторъ забывалъ, что дѣло, вѣдь, не въ одномъ дворянствѣ, что не мѣшало бы обратиться къ землѣ, къ міру — народу. Впрочемъ, Тургеневъ раздѣлялъ здѣсь прадѣдовскую ошибку: со временъ Посошкова не вспоминали у насъ о томъ, что Богъ не обидѣлъ разсудкомъ и простого мужика, что онъ лучше всѣхъ знаетъ свои нужды, а тутъ дѣло именно въ *его* нуждахъ. Но недостатки публицистическаго произведенія съ избыткомъ восполнены въ томъ рядѣ художественныхъ очерковъ, который называется „Записками Охотника“. Здѣсь мы становимся лицомъ къ лицу съ самимъ народомъ. Передъ нами проходитъ цѣлый рядъ типовъ, выхваченныхъ изъ крестьянской жизни. Тургеневъ является здѣсь безошаднымъ прокуроромъ крѣпостнаго права, вдохновеннымъ адвокатомъ народныхъ нуждъ и — не скажу панегиристомъ, это было бы невѣрно, — а смѣлымъ провозвѣстникомъ народныхъ доблестей. Въ этомъ его незабвенная гражданская заслуга! Онъ представилъ намъ въ лицѣ нашихъ крестьянъ *людей* въ истинномъ смыслѣ слова. Въ каждомъ выведенномъ имъ типѣ — живая человѣческая душа, сознающая, чувствующая, мыслящая. Грязь, накопившаяся на народномъ тѣлѣ отъ крѣпостнаго права, не скрыта, а выставлена на показъ, но при этомъ такъ и сквозитъ неизглаженная красота народной души! Конечно, Тургеневъ имѣлъ тутъ предшественника въ своемъ учителѣ — Пушкинѣ, но въ этомъ онъ опередилъ учителя.

Между тѣмъ, нѣкоторые поклонники Тургенева, ставшіе съ извѣстныхъ поръ и поклонниками Пушкина, слишкомъ часто еще готовы видѣть въ народѣ то, что называютъ „святою скотиной“. Они забываютъ, что совсѣмъ не такъ отнесся къ народу Тургеневъ въ „Запискахъ Охотника“. Трудно было пожелать лучшей защитительной рѣчи въ лицахъ. Здѣсь ни къ чему нельзя было придратъся. Нельзя было попрекнуть автора въ дѣланности, предвзятости, какъ когда-то упрекали Радищева. Дворяне въ разсказахъ являли изъ себя вовсе не изверговъ или злодѣевъ; Тургеневъ и не думалъ нагромождать только „ужасы“ крѣпостной поры, — онъ выставилъ ея ординарную, заурядную сторону, но читателю тѣмъ болѣе лишь приходится удивляться, какъ при *такой заурядности* уцѣлѣла въ народѣ душа, и невольно возникаетъ вопросъ: — до какого высокаго подъема она могла бы достигнуть при иныхъ условіяхъ?

Къ цѣлой серіи разказовъ изъ крестьянской жизни прибавилось впоследствии еще нѣсколько; одинъ изъ нихъ — едва ли не самый чудный изъ всѣхъ, способный уже самъ по себѣ обезсмертить имя Тургенева, если бы онъ даже ничего больше не написалъ. Я разумѣю „Живыя мощи“.

Дѣло, какъ извѣстно, тутъ въ томъ, что молодая крестьянка вдругъ слегла и уже всю жизнь не могла подняться съ одра болѣзни. Была она дѣвушкой красивой, веселой, первой затѣйницей на все село, а теперь лежитъ себѣ „живыми мощами“. „Привыкла, — говоритъ она, — обтерпѣлась — ничего; инымъ еще хуже бываетъ“... Въ своей простотѣ она, конечно, не можетъ сама объяснить, *почему* ей лучше. Казалось бы, какъ бѣденъ долженъ быть внутренній міръ этой крестьянки, которая хотя и училась когда-то грамотѣ, но теперь и книгъ-то почти не имѣетъ (развѣ иногда дастъ священникъ). Но оказывается, что ея внутренній міръ широко и глубоко развивался помимо книгъ. Даже то, что вынесено ею изъ молитвъ, крайне скудно. „Да и на что я стану Господу Богу наскучать? — говоритъ она. — Послалъ Онъ мнѣ крестъ, — значитъ меня Онъ любитъ“. Это смиреніе, это умаленіе себя доведено до того, что, когда передъ смертью ей въ воображеніи чудится звонъ колоколовъ отъ далекой церкви, она говоритъ, что звонъ идетъ не отъ церкви, а „сверху“.. „Вѣроятно, она не посмѣла сказать — съ неба“, замѣчаетъ Тургеневъ. Она ставитъ себя почти ни во что среди этого безпредѣльнаго міра, который чутко сознаетъ вокругъ себя, — сознаетъ въ безчисленномъ множествѣ жизней, ее окружающихъ.

Иногда ее навѣщаютъ: то дѣвушка изъ деревни забѣжитъ провѣдать, что творится у нихъ, то странница забредетъ, расскажетъ про Кіевъ, про Іерусалимъ, про то, что терпятъ христіане на востокѣ, про безчисленные челоуѣческія бѣды, разсѣянные по матери сырой землѣ. Когда охотникъ удивлялся ея терпѣнію, она отвѣчала: „Вотъ Симеона Столпника терпѣніе было точно великое: 30 лѣтъ на столбу простоялъ!... А вотъ, еще мнѣ сказывалъ одинъ начетчикъ: была нѣкая страна, и ту страну агаряне завоевали... и что ни дѣлали жители, освободить себя никакъ не могли. И проявилась тутъ между жителями святая дѣвственница; взяла она мечъ великій, латы на себя возложила двухпудовыя, пошла на агарянъ, и всѣхъ ихъ прогнала за море. И агаряне взяли ее и сожгли, а народъ съ той поры навсегда освободился. Вотъ это подвигъ, — а я что?“ Дивится охотникъ, какъ запала въ эту глушь чужеземная повѣсть; но еще дивнѣе, конечно, какъ воспринята она и пересоздана этимъ живымъ мертвецомъ, въ устахъ котораго самая смерть Орлеанской дѣвы обратилась въ излюбленный ею и вѣнчающій ея дѣло подвигъ. Она окончательно умалываетъ себя передъ этой невѣдомой ей по имени дѣвой и, такъ сказать, окончательно заражается отъ нея жаждою подвига.

Но если народъ такъ хорошъ, то отчего бы не жить съ нимъ вѣчно, не любоваться всю жизнь его душевной красотой? Отвѣтъ,

конечно, возможный, что народъ-то *вездѣ* хорошъ въ своихъ основныхъ чертахъ, хотя и много на немъ виѣшней грязи, и хорошъ именно потому, что остался чуждъ *привилегіи*, которой глубокий развращающій отпечатокъ не сглаживается никакою цивилизаціею. Говорятъ, что Жоржъ Зандъ восхищалась „Живыми мощами“. Тургеневъ могъ точно такъ же, конечно, восхищаться ея народными типами, могъ и въ натурѣ восхищаться народомъ во Франціи. Но къ чему же было уходить къ народу за море, если онъ такъ хорошъ и у себя дома? Да вѣдь Тургеневъ ушелъ за море не къ народу, а къ интеллигенціи, т. е. къ тому, что именно и отравлено привилегіею, но зато обладаетъ такою богатой культурой. Мы вовсе не собираемся свести все сказанное на попреки покойному. Намъ, напротивъ, припоминаются слова Пушкина о другомъ совершенно лицѣ:

Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутить урокомъ
Его... тоскующую тѣнь!

Мы позволили себѣ замѣнить словомъ „тоскующая“ слово „развѣнчанная“. Тѣнь Тургенева *никогда не будетъ развѣнчана*, но я думаю, что она не можетъ не *тосковать*. Не будемъ тенденціозно истолковывать то, что онъ въ 1852 году за статью о Гоголѣ посидѣлъ подъ арестомъ и былъ высланъ въ деревню. Это, конечно, не имѣло вліянія на его удаленіе изъ Россіи. При государѣ Освободителѣ онъ смѣло могъ жить на родинѣ и писать безпренятственно. Чисто частныя, сердечныя отношенія, своего рода узелъ такихъ отношеній, распутать который бываетъ иногда не по силамъ и людямъ съ могучей волей, — вотъ что увлекало нашего поэта на чужбину. Входить въ объясненія этихъ обстоятельствъ мы пока не имѣемъ права. Конечно, тутъ помогло и отвлеченное тяготѣніе къ „странѣ святыхъ чудесъ“ (какъ величается Западъ у самого Хомякова). Но какъ бы то ни было, а сдается, что это внесло разладъ въ душу Тургенева, что съ тѣхъ поръ зазвучала трагическая нота въ его жизни. Это видно даже изъ тѣхъ, такъ сказать, извинительныхъ объясненій, которые приводилъ онъ по поводу „Записокъ Охотника“ (такъ посмотрѣлъ на положеніе Тургенева и иностранецъ — Юліанъ Шмидтъ). „Я не думаю, — говорилъ Тургеневъ, — чтобы мое западничество лишило меня всякаго сочувствія къ русской жизни, всякаго пониманія ея особенностей и нуждъ. „Записки Охотника“ были написаны мною за границей; нѣкоторыя изъ нихъ въ тяжелыя минуты раздумья о томъ, вернуться ли мнѣ на родину, или нѣтъ? Мнѣ могутъ возразить, что та частичка русскаго духа, которая въ нихъ замѣчается, уцѣлѣла не по милости моихъ западныхъ убѣжденій, но, несмотря на эти убѣжденія и помимо моей воли. Трудно спорить о подобномъ предметѣ; знаю только, что я, конечно, не написалъ бы „Записокъ Охотника“, если бы остался въ Россіи“. Авторъ воспоминаній о Тургеневѣ въ „Daily News“ увѣряетъ, будто Турге-

невѣ ему говорилъ: „вѣроятно, что если бы М. Эджворсъ не написала о бѣдныхъ ирландцахъ, то я бы не нашелъ образчика литературной формы для своихъ впечатлѣній, вынесенныхъ мною изъ наблюденія аналогическаго быта въ Россіи“. Но вѣдь тотъ же Тургеневъ въ тѣхъ же своихъ воспоминаніяхъ говоритъ: „Все къ лучшему! Пребываніе подъ арестомъ, а потомъ въ деревнѣ, принесло мнѣ несомнѣнную пользу: оно сблизило меня съ такими сторонами русскаго быта, которыя при обыкновенномъ ходѣ вещей, вѣроятно, ускользнули бы отъ моего вниманія“.

И всѣ его послѣдующія произведенія могли явиться только вслѣдствіе непосредственнаго соприкосновенія съ родной землей, которую онъ все-таки же посѣщалъ, за которою внимательно слѣдилъ издали. Чутье художника-гражданина нерѣдко заставляло его воспроизводить то, что, въ силу своихъ отвлеченныхъ убѣжденій, онъ долженъ бы былъ отрицать. Возьмемъ ли Рудина, — развѣ это не обличеніе въ лицахъ нашего беспочвеннаго, не органически развившагося образования? Возьмемъ ли „Дворянское гнѣздо“, — тутъ въ первыхъ главахъ цѣлая исторія нашего *просвѣтительнаго* вѣка, — исторія, какой до сихъ поръ не даютъ намъ историки. Тутъ весь, какъ на ладони, нашъ XVIII вѣкъ, со всею его мишурою, со всею его бесплодностью для народнаго блага. Но тутъ же, въ лицѣ Лизы, этой не даромъ, конечно, прославленной Лизы, Тургеневъ указалъ на тлетворность болѣе старой прививки исчужа къ нашей исторической жизни. Лиза — это едва распустившаяся роза, благоуханіе которой пропадаетъ для Божьяго міра, потому что на нее вдругъ пахнуло „мертвымъ духомъ“ съ византійскаго кладбища.

Въ „Наканунѣ“, опять-таки помимо своихъ собственныхъ взглядовъ, Тургеневъ какъ бы заранѣе угадалъ — предсказалъ то стремленіе на помощь къ совсѣмъ его не занимавшему славянскому міру, которое создало у насъ потомъ на самомъ дѣлѣ цѣлое множество *Еленъ*, ушедшихъ къ болгарамъ уже безъ Инсаровыхъ. А „Отцы и Дѣти“! По поводу этого романа Тургеневъ намъ пояснялъ: „Я бралъ морскія ванны въ Вентнорѣ (на о. Уайтѣ) — дѣло было въ августѣ 1860 г., когда мнѣ пришла въ голову первая мысль „Отцовъ и Дѣтей“. Въ основаніе главной фигуры Базарова легла одна поразившая меня личность молодого провинціального врача; онъ умеръ незадолго до 1860 г. Въ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ воплотилось — на мои глаза — то, едва народившееся, еще бродившее начало, которое потомъ получило названіе нигилизма... Ни въ одномъ произведеніи нашей литературы я даже намека не встрѣчалъ на то, что мнѣ чудилось повсюду“. Дѣло въ томъ, что и на англійскомъ островѣ онъ жилъ душою въ Россіи — чуткимъ окомъ художника-гражданина слѣдилъ за нею. И сколько бы озлобленные нападки на Базарова ни вызвали у него потомъ пояснительныхъ извиненій на этотъ типъ, онъ несокрушимо изваялъ художникомъ, какъ новый видъ того же, противнаго Базарову *рудинства* — какъ новый видъ той же *беспочвенности*, при которой мужикъ нашъ

остаётся для Базарова „таинственнымъ незнакомцемъ“, а самъ Базаровъ остаётся для народа „чѣмъ-то въ родѣ шута горохового“.

Въ „Дымѣ“, слѣдующемъ крупномъ произведеніи Тургенева, выставлена другая сторона „нигилизма“. Эту повѣсть онъ могъ, конечно, написать и не заглядывая въ Россію, а наблюдая въ Баденъ-Баденѣ за тѣми болѣе или менѣе крупными особами, которыя тогда фрондировали изъ-за отѣны крѣпостного права и которыхъ Ю. Ѡ. Самаринъ считалъ представителями „генеральскаго нигилизма“. Наконецъ въ послѣднемъ художественно-гражданскомъ произведеніи Тургенева — въ „Нови“ — ему пришлось имѣть дѣло съ переходнымъ типомъ, — типомъ, явившимся на смѣну Базарову въ видѣ своеобразно возродившагося романтизма съ его самоотверженными, но безплодными порывами. Вѣрно подмѣтилъ Тургеневъ появленіе этого типа, уже не высокомерно холоднаго къ мужику, какъ базаровщина, а страстно порывающагося на грудь къ этому самому мужику, съ своей стороны остающемуся недовѣрчивымъ и отталкивающимъ. Но Тургеневъ не выяснилъ дѣла окончательно, не проникъ въ самую *душу* этого, опять народившагося, молодого поколѣнія. А заключается причина въ томъ, что авторъ былъ уже слишкомъ далекъ отъ родной почвы. „Одного таланта недостаточно. Нужно постоянное общеніе съ средой, которую берешься воспроизводить“, заявилъ самъ Тургеневъ. И онъ же сказалъ: „Литературные ветераны, подобно военнымъ, почти всегда инвалиды, и благо тѣмъ, которые во-время умѣютъ сами подать въ отставку“. Какъ грустны эти слова, сказанныя, конечно, *про себя!* А вѣдь тамъ, на Западѣ, люди не считаютъ себя ветеранами, не подаютъ въ отставку, когда имъ перевалить за шестьдесятъ! Они сильны тѣмъ, что постоянно набираются новыхъ силъ отъ родной своей почвы. Если же посмотрѣть въ самомъ дѣлѣ на произведенія, писанныя послѣ „Нови“, то невольно увидишь тутъ же перо ветерана. Можетъ-быть, это обычное свойство моей природы, что я не могу понять и оцѣнить такія отвлеченно-художественныя вещи, какъ „Пѣснь торжествующей любви“, какъ „Клара Миличъ“. Но всякій, я думаю, согласится, что эти произведенія — все же не то, что прежнія.

Блестящій періодъ заканчивается если еще не „Дымомъ“, то „Новью“, а тамъ... тамъ слышится утомленіе — слѣдствіе той давящей тоски, которой Тургеневъ не могъ не носить въ себѣ, все болѣе и болѣе удалясь отъ пониманія своей родины. „Странное дѣло! — говоритъ онъ: — Бѣлинскій изнывалъ за границей отъ скуки, его такъ и тянуло назадъ въ Россію. Ужъ очень онъ былъ русскій человекъ, и внѣ Россіи замиралъ какъ рыба на воздухѣ!“.

И такая участь, я думаю, выпадаетъ на долю многихъ, хотя бы они и не рѣшались громко говорить съ Некрасовымъ:

Какъ ни тепло чужое море,
Какъ ни красна чужая даль,
Не ей поправить наше горе,
Размыкать русскую печаль!

Всѣ наши дѣятели за предѣлами родной земли, одни явно, сознательно, другіе затаенно отъ другихъ и даже отъ самихъ себя, тосковали. Далекю не счастлива, думается, была также и жизнь въ „прекрасномъ далекѣ“ Ивана Сергѣевича Тургенева. Последнее время онъ часто помышлялъ о Россіи, рвался на родину.

„Если бы невозможное совершилось, и я бы выздоровѣлъ, то, конечно, я бы ни одной минуты лишней здѣсь не остался“, писалъ онъ дру Бертенсону. — „Меня не только *танетъ*, меня *рветъ* въ Россію, — а ты все-таки сиди“ — вырвалось у него въ другомъ письмѣ къ тому же лицу. Чувствуя близкую кончину, онъ пожелалъ, хотя мертвымъ, возвратиться къ намъ. И родная земля его приняла съ любовью. *Миллеръ*.

Тургеневъ, какъ писатель и человекъ.

Тургеневъ былъ любимцемъ публики въ продолженіе двадцати-пяти лѣтъ. Двадцать-пять лѣтъ онъ считался первымъ русскимъ писателемъ, прямымъ и достойнымъ преемникомъ Пушкина, Лермонгова и Гоголя. Никто изъ его современниковъ не имѣлъ такой свѣтлой, общественной и широкой славы. Чѣмъ же объясняется это первенство, это долгое и живое обаяніе?

Художественнымъ мастерствомъ, отвѣчаютъ тѣ цѣнители, которыхъ можно назвать въ одно время и хвалителями и хулителями Тургенева. Но это вполнѣ невѣрно. По художественности, то-есть по жизненности, яркости и глубинѣ образовъ, Тургеневъ уступитъ не только Л. Н. Толстому, не только Гончарову или Островскому, но и Достоевскому и Писемскому. Настоящаго художества, то-есть творчества въ полномъ смыслѣ этого слова, мало у Тургенева. Его фигуры, обыкновенно, представляютъ довольно блѣдныя очерки; черты ихъ вѣрны, проведены осторожно, изящно; композиція проста и опрятна; но выжлности, плоти, душевной глубины нѣтъ въ этихъ аквареляхъ, какъ остроумно назвалъ кто-то писанія Тургенева. Во множествѣ случаевъ даже просто намѣчено нѣсколько отдѣльныхъ штриховъ, и нѣтъ полнаго рисунка, тогда какъ у настоящаго творческаго писателя фигура всегда является разомъ во всей полнотѣ жизни, и съ десяти стрекъ читатель чувствуетъ, съ какимъ существомъ онъ встрѣтился. Было бы очень жаль, если бы пониманіе художества у насъ стояло такъ низко, что мы Тургенева признавали бы за великаго художника и серьезно сравнивали бы его произведенія съ Пушкинымъ или Гоголемъ. Но, несмотря на то, сочиненія Тургенева въ продолженіе двадцати-пяти лѣтъ представляли для публики такую занимательность, такую прелесть, что онъ бралъ верхъ надъ самыми доровитыми изъ своихъ совмѣстниковъ по литературѣ. Часто указываютъ на то, что онъ всегда держался современныхъ вопросовъ, выводилъ героевъ дня. Но кто же не пытался дѣлать то же самое? Сколько было усилій схватить самую современность! Давно уже художество заражено тою идеею, которою теперь все заражено, — идеею политическою; давно

уже вѣра въ прогрессъ, въ развитіе, почти вытѣснила вѣру въ вѣчныя истины и замѣнила собою самое исканіе этихъ истинъ. Тургеневъ вовсе не составляетъ исключенія въ этой общей погонѣ за современностью, въ стремленіи отзываться на вопросы минуты. Его отличительная черта состоитъ не въ выборѣ предметовъ, а въ томъ, какъ онъ относится къ предметамъ. Это отношеніе было полное *подчиненіе*, — подчиненіе искреннее, естественное, вытекающее не изъ расчета или увлеченія, а прямо изъ мягкой природы писателя. Тургеневъ шелъ постоянно рядомъ и вмѣстѣ съ самою большою толпою публики, съ главною массою нашихъ образованныхъ людей. Онъ не хотѣлъ отдѣляться отъ этой массы (то-есть и не могъ отдѣляться), онъ ни въ чемъ не расходился съ ея вкусами и мыслями, и потому никогда не противорѣчилъ этимъ вкусамъ и мыслямъ. Такого отношенія не выдерживалъ и не могъ выдерживать никто изъ другихъ писателей. Всякій изъ нихъ, въ томъ или другомъ пунктѣ, становился въ сторонѣ отъ толпы, бралъ себѣ другія точки зрѣнія, подымался на высоты, съ которыхъ объективнѣе и крупнѣе являлась картина. Одинъ Тургеневъ не дѣлалъ ничего подобнаго.

Возьмемъ дѣло съ внѣшней стороны, самой ясной. Возьмемъ языкъ. Сверстники Тургенева, нисколько не задумываясь, писали такимъ языкомъ, какимъ каждому вздумается. Оригинальность языка считалась достоинствомъ, заслугою. Одинъ Тургеневъ писалъ общелитературнымъ языкомъ, избѣгая всякой шероховатости и особенности. Онъ писалъ языкомъ образованнаго русскаго общества и, естественно, былъ за то милъ этому обществу. Точно такъ — одинъ Тургеневъ соблюдалъ то изящество, ту граціозность, къ какой стремится нашъ образованный классъ. Вы не найдете у него грубыхъ образовъ, дикихъ нравовъ, рѣзкихъ выраженій. Все опрятно и умѣренно; скорѣе встрѣтятся жеманство, чѣмъ отступленіе отъ приличія. Но и это лишь внѣшность. По внутреннему содержанію своихъ произведеній Тургеневъ долженъ былъ имѣть главную и несравненную привлекательность для нашихъ образованныхъ людей. Кого онъ выводилъ на сцену? Онъ изображалъ представителей нашей образованности, „современныхъ героев“, и онъ одинъ умѣлъ это дѣлать, потому что стоялъ наравнѣ съ этими героями, нисколько не думалъ отъ нихъ отдѣляться. Ни у какаго другого писателя русскій образованный человѣкъ не встрѣчалъ себя самого или людей, стоящихъ съ нимъ на одной доскѣ, ягодъ съ того же поля. И *мишии люди*, и Рудины, и Базаровы, Литвиновы и т. д., все это — люди, представляющіе нашу образованность. Если иные изъ нихъ недовольно типичны, то зато весь кругъ ихъ понятій, нравовъ и интересовъ былъ именно кругъ передоваго слоя, та самая атмосфера, въ которой вращались наши образованные люди.

Подумайте, какъ это должно было привлекать и занимать! Послѣ великаго переворота, произведеннаго Гоголемъ, наша литература потеряла вѣру въ *прекраснаго человѣка*; она оторвалась отъ общества и смотрѣла на все съ идеальной высоты, съ которой реальныя явленія

или обнаруживают свое безобразіе, или составляют типы живые и крѣпкіе, но объективируемые художествомъ холодно и, такъ сказать, высокоумѣнно. Въ одномъ Тургеневѣ не было этого высокоумѣрія. Онъ одинъ продолжалъ старыя преданія. Какъ Пушкинъ писалъ Онѣгина, Лермонтовъ Печорина, такъ и Тургеневъ писалъ своихъ героевъ, то-есть почти переносясь въ нихъ душою, не пытаясь даже выходить въ другія сферы мысли, въ которыя подъ конецъ подымались его предшественники.

Рисуя задачи и стремленія нашего образованнаго класса, возводя въ перлъ созданія его радости и горести, Тургеневъ никогда не впадалъ въ противорѣчіе съ духомъ того общественнаго слоя, которому служилъ. Если бы онъ увлекся религіозностью или патриотизмомъ, или славянствомъ или задался бы чисто нравственными стремленіями, то онъ сталъ бы въ разрѣзъ съ общепринятыми понятіями, съ ходячими вкусами. Русскій образованный слой, заимствуя свое просвѣщеніе отъ Европы, естественно, расположенъ не придавать вѣса различію народности, расположенъ къ общимъ мѣстамъ, къ неопредѣленности или, если позволительно такъ выразиться, ко *всаядности* мнѣній и вкусовъ, и всегда инстинктивно уклоняется отъ строгой и рѣшительной постановки вопросовъ¹⁾. Вотъ гдѣ источникъ и того единственнаго случая, когда Тургеневъ попалъ въ разладъ съ западной литературой. Нигилисты, въ жару своей проповѣди и первыхъ успѣховъ, вознегодовали на него, вѣрно понявъ, что онъ отъ нихъ отдѣлился. Эта единственная неудача на литературномъ поприщѣ больно поразила Тургенева. Но грубая и фанатическая односторонность была рѣшительно противна всѣмъ его умственнымъ и эстетическимъ привычкамъ; хотя онъ готовъ былъ въ этомъ случаѣ даже насиловать себя, онъ не успѣлъ найти твердой почвы для примиренія, и остался неопредѣленнымъ, общимъ западникомъ. Неудачная „Новь“ представляетъ лишь отвлеченное и холодное преклоненіе передъ нигилизмомъ.

Таковъ былъ Тургеневъ. Съ удивительною мягкостью, съ женственной отзывчивостью онъ подчинялся всѣмъ лучшимъ стремленіямъ, господствовавшимъ въ нашемъ просвѣщеніи. Поэтому онъ былъ самымъ чистымъ, полнымъ и искреннимъ представителемъ этого просвѣщенія. Въ немъ не было ничего оригинальнаго, никакой упорной послѣдовательности, никакой глубокой задачи; но при этомъ было столько ума, образованности, вкуса и художественнаго таланта, сколько можетъ совмѣститься съ настроеніемъ и умственной жизнью нашихъ просвѣщенныхъ людей. Какъ же было имъ не любить его? Какъ не любить писателя, до такой степени имъ сочувственнаго и однороднаго?

¹⁾ Неопредѣленность мнѣній Тургенева видна всего болѣе изъ той важности, которую онъ придавалъ своему протесту противъ крѣпостнаго права. Роль такого протеста сыграли какъ извѣстно, „Записки Охотника“, — не станемъ разбирать, основательно или ошибочно, намѣренно или случайно имъ досталась эта роль. Интересно то, что Тургеневъ очень крѣпко держался за такую свою услугу прогрессу; между тѣмъ, противъ крѣпостнаго права стояли лучшіе люди всякаго рода мнѣній, никакъ не одни западники. Явный знакъ скудости катихизиса людей, мечтающихъ, что они черпаютъ изъ самой сокровищности просвѣщенія.

Поэтому понятно, что никакой другой писатель не могъ имѣть столько поклонниковъ; поэтому странно было бы винить все это множество въ какомъ-нибудь преувеличеніи, въ какихъ-нибудь заднихъ мысляхъ. Развѣ они не идутъ по главному руслу нашего просвѣщенія, нашего умственного движенія? Развѣ до сихъ поръ не съ Запада почерпается нами образованіе? Большинство у насъ слѣдуетъ вкусу, образу мыслей и примѣру образованныхъ странъ, и потому Тургеневъ, какъ самый европейскій изъ русскихъ писателей, долженъ пользоваться наибольшими симпатіями этого большинства. Развѣ есть другое такое же широкое русло? Развѣ можно указать другое направленіе, столь же распространенное, столь же правильно вытекающее изъ положенія вещей, столь же неизбѣжно увлекательное?

Нельзя упрекать людей за то, что они не обладаютъ самостоятельностью въ мысляхъ и твердостью въ чувствахъ. По существу дѣла, людямъ всегда нуженъ авторитетъ, нужна опора и руководство. Если нѣтъ вполне достойной того опоры, они хватаются за менѣе достойную, лишь бы она была близка и ясна. Нужно имѣть снисхожденіе къ жаждущимъ авторитета, а плакать развѣ о томъ, что мы не успѣли до сихъ поръ создать для нихъ авторитетъ болѣе высокой и твердой, чѣмъ тотъ, за который они хватаются.

Очень поразительно и характерно для Тургенева, что онъ до конца такъ и не вернулся духовно къ своей родинѣ. Онъ, очевидно, искалъ, но такъ и не нашелъ пути къ этому возвращенію. Внутреннія силы, которыми живетъ Россія, оставались ему чуждыми, и онъ съ какимъ-то отчаяніемъ хватался за одно лишь понятное ему проявленіе народной души — за нашъ языкъ. Восхищеніе отъ русскаго языка не могло мѣшать никакому западничеству, и Тургеневъ настойчиво предавался этому восхищенію, считая, конечно, и себя самого большимъ мастеромъ языка. Но намъ кажется, есть иныя, болѣе значительныя черты, въ которыхъ сказывалась въ Тургеневѣ родственная любовь къ духовной жизни Россіи. Его симпатіи въ отношеніи къ людямъ были чисто русскія. Простота, хрустальная ясность души, золотое сердце — вотъ что добрый и мягкій Тургеневъ ставитъ, очевидно, выше всякихъ другихъ достоинствъ, на чемъ любовно останавливается, какіе бы высокоумные герои ни играли главную роль въ рассказѣ. Иностранцы всегда изображаются если не съ враждебностью, то съ тѣмъ отчужденіемъ, которое такъ трудно побѣдимо въ русскомъ человѣкѣ, которое очень часто составляетъ нашъ недостатокъ, но которое въ чистой формѣ есть черта самаго тонкаго патріотизма. Религіозная жизнь, такъ глубоко проникающая духъ нашего народа, отразилась у Тургенева въ нѣсколькихъ рассказахъ, имѣющихъ и типичность и прелесть, хотя отношеніе автора къ предмету иногда переходитъ въ простое изумленіе.

Вообще, Тургеневъ до конца любовно обращался къ русской природѣ, къ русскому быту, къ тѣмъ преданіямъ, случаямъ, правамъ, которыми окружена была его юность. Позволю себѣ сослаться на

нѣчто личное: въ разсказахъ Тургенева, особенно въ небольшихъ, безпритязательныхъ, меня часто поражали мелкія частности, живо напоминавшія что-то давно знакомое, слышанное или видѣнное въ дѣтствѣ. Мнѣ трудно было бы точно и прямо указать эти черты, но онѣ вдругъ переносили меня въ среднюю полосу Россіи, въ атмосферу такихъ привычекъ, такого склада жизни, который свойственъ только этой мѣстности. Еще сильнѣе дѣйствовали на меня въ этомъ отношеніи разказы г-жи Кохановской. Это сохраненіе въ душѣ мѣстной умственной и бытовой, пожалуй, исторической атмосферы возможно только у писателей, обладающихъ живою *памятью сердца*, неизмѣнно любящихъ то, что ихъ нѣкогда окружало, чѣмъ питалась ихъ душа.

При всемъ этомъ, Тургенева нельзя назвать писателемъ, выражающимъ духъ своего народа или нѣкоторыя стороны этого духа. Тургеневъ есть пѣвецъ только нашего культурнаго слоя, только послѣднихъ формаций этого слоя. Если бы въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ не было неподобающаго образа Татьяны, не было той черты смиренія, скорби и чистоты, которая составляетъ смыслъ этой поэмы, то приключенія самого Онѣгина едва ли бы имѣли для насъ особенно высокій интересъ. Тургеневъ повторилъ, отчасти, этотъ мотивъ въ своей Лизѣ, въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“, — повторилъ слабѣе и лишь въ очеркѣ; но „Дворянское гнѣздо“ именно поэтому, по общей широтѣ точки зрѣнія, и остается лучшимъ его произведеніемъ. Но въ другихъ разсказахъ, несмотря на то, что и въ нихъ фигуры дѣвушекъ изображены съ тонкимъ пониманіемъ (эти фигуры нужно признать, вѣроятно, лучшею стороною его писаній), интересъ движущихъ мотивовъ, источникъ коллизій и контрастовъ, вообще говоря, не имѣетъ большой глубины и серьезности или, по крайней мѣрѣ, не захватывается авторомъ во всей глубинѣ. Вѣчные разказы о томъ, какъ молодой человекъ хотѣлъ жениться и почему-то оплошалъ, былъ отвергнутъ или же самъ измѣнилъ невѣстѣ, — эти разказы не возведены на ту высоту, которой можно желать отъ поэтическаго озаренія жизни. Самое лучшее въ нихъ, конечно, — встрѣчающееся иногда яркое изображеніе слѣпой страсти, покоряющей героевъ противъ ихъ воли. Другія пружины состоятъ въ мелкихъ чувствахъ самолюбія, тщеславія, упадка духа, въ слабыхъ зачаткахъ любви и вражды, но не въ развитыхъ до конца чувствахъ. Тургеневъ знаменитъ своими изображеніями *слабыхъ* людей, но едва ли гдѣ достигаетъ вполне яркаго ихъ освѣщенія. Можетъ-быть, лучшее въ этомъ отношеніи представляютъ тѣ жалобные стоны, которые онъ влагаетъ инымъ изъ этихъ героевъ, вообще та струна меланхоліи, которая звучитъ у него довольно часто и не даромъ замѣчена иностранцами. Этотъ полубольной, жидкій и шаткій міръ, эти дѣтища и герои нашего культурнаго слоя невольны сами обличаютъ свою несостоятельность. Они не стоятъ на твердой землѣ, они рѣютъ по воздуху, они похожи на *дымъ*, какъ выразился одинъ изъ нихъ въ минуту тоски. Брандесъ очень хорошо понималъ этотъ смыслъ тургеневскихъ писаній и излагаетъ его такъ:

„Тургеневъ глубоко убѣжденъ, что въ Россіи все какъ-то идетъ вкривь и вкосъ; никакая любовная исторія не кажется ему чисто русской, если она не имѣетъ несчастнаго исхода, благодаря непостоянству мужчины или безсердечности женщины; никакое стремленіе не кажется ему чисто русскимъ, если оно не превышаетъ силъ людей или не погибаетъ, встрѣтивъ равнодушіе. Въ его глазахъ современная Россія — это страна, гдѣ все не удается, страна всеобщихъ крушеній“.

„Онъ былъ патріотъ, грустящій о своемъ отечествѣ и сомнѣвающійся въ его усадьбахъ. Онъ не раздѣлялъ энтузіазма своихъ болѣе наивныхъ и менѣе знающихъ соотечественниковъ къ русскому народу. Онъ находилъ, что у него (т.-е. у этого народа) нѣтъ великаго прошлаго. Когда авторъ этихъ строкъ стоялъ однажды на римскомъ форумѣ, ему пришла въ голову мысль, что тамъ у cadaго фута земли есть болѣе богатая исторія, чѣмъ у всей русской имперіи. Хотя и русской человѣкъ, Тургеневъ думалъ почти такъ же. Онъ описываетъ гдѣ-то печаль, охватившую его на всемірной выставкѣ, при видѣ ничтожности вклада Россіи въ общую сумму промышленныхъ изобрѣтеній человѣчества“.

Такіе взгляды и мнѣнія, конечно, очень по душѣ иностранцамъ, и дѣлаютъ изъ Тургенева одного изъ самыхъ ясныхъ представителей западничества. Ослѣпленіе почти невѣроятное, но оно существовало и существуетъ, къ нашему стыду и поученію. Онъ не вѣрилъ во внутреннюю силу Россіи и думалъ, что это страшно-громадное тѣло выросло безъ души, не развивалось, а какъ-то случайно скопилось. Это море народа, этотъ океанъ людей, глубоко и спокойно растущій, будто бы не имѣетъ исторіи, будто бы еще не живетъ могущественною нравственною жизнью, а только еще ищетъ себѣ души, есть только безформенная стихія, которую долженъ со временемъ оживить духъ, откуда-то имѣющій явиться. Есть, однако, иностранцы, которые понимаютъ насъ болѣе правильно; такъ Юліанъ Шмидтъ, какъ нѣмецъ, которому вполне привычны философскіе приемы, дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія. Указавъ сперва на ужасы нигилизма, онъ затѣмъ обобщаетъ свои сужденія и, съ тою проникающею, въ которой, можетъ-быть, участвуетъ страхъ и ненависть, пишетъ: „Русскій народъ, какъ это теперь доказано, способенъ отдаться великой страсти. Если эта страсть возвысится на степень культа, — чего-то въ родѣ релігіознаго изступленія, — то она можетъ сдѣлаться опасною для Европы. Здѣсь, по-моему, Тургеневу, какъ и прочимъ европейски-образованнымъ русскимъ, недостаетъ надлежащаго общенія съ душою народа. Въ народѣ словно дремлютъ силы, совершенно чуждыя европейской цивилизаціи и непонятныя ей. Тургеневъ въ своихъ рассказахъ неоднократно описываетъ странные феномены русской релігіи: какъ молодая нѣжная барышня скитается по деревнямъ, прислуживая юродивому; какъ сынъ попа, человѣкъ неглупый и способный, страдаетъ отъ дьявольскаго навожденія... Писатель повѣствуетъ все это съ чарующимъ реализмомъ, но замѣтно, что ему самому становится страшно“.

Затѣмъ Ю. Шмидтъ старается показать, почему европейцы, будто бы, ближе стоятъ къ религіи и лучше могутъ ее понимать, чѣмъ образованные русскіе. Причина состоитъ въ самомъ ходѣ нѣмецкой образованности, въ Лейбницѣ, Лессингѣ, Кантѣ, Гердерѣ и т. д., которые не давали произойти полному раздвоенію въ духовной жизни Германіи. У русскихъ не то. „Русскій идеалистъ“, говоритъ критикъ, „ничего не знаетъ о религіи народа, потому что она никогда не преподавалась ему въ просвѣщенной формѣ; идеализмъ, заимствованный имъ изъ-за границы, не вполне усваивается имъ, не растворяется въ его крови, ибо онъ не самъ выработалъ его. Поэтому, образованный русскій, почерпающій свои идеалы изъ чужбины, находится въ извѣстной изолированности. Быть можетъ, это смѣлое мнѣніе, но я нахожу связь между этой полной отчужденностью отъ всякихъ религіозныхъ преданій и безнадежной меланхоліей, которая проявляется у нашего поэта внезапно тамъ, гдѣ ее менѣе всего ожидаешь; она придаетъ его картинамъ своеобразную прелесть, но она поражаетъ насъ: какъ могъ такъ чувствовать писатель, обладавшій такимъ свободнымъ, такимъ богатымъ, такимъ любовнымъ пониманіемъ всего прекраснаго?“

Для Ю. Шмидта, какъ для протестанта и питомца высокой нѣмецкой культуры, очевидно, наша религія и душа нашего народа суть нѣчто хотя и могущественное, но дикое и темное; тѣмъ не менѣе, главныя черты тургеневскаго настроенія замѣчены имъ вѣрно и поставлены правильно. Нельзя не чувствовать себя потеряннымъ, оторвавшись отъ родной почвы и не найдя для себя другой твердой опоры. И таковъ былъ Тургеневъ, слишкомъ слабый для того, чтобы выйти изъ того неправильнаго положенія, въ которое ставитъ насъ наше отношеніе къ Европѣ.

Западники должны вполне гордиться Тургеневымъ и съ великимъ почетомъ вписать его имя въ исторію нашей литературы. Изъ всѣхъ значительныхъ писателей онъ одинъ остался почти вовсе чуждъ того, что въ нашемъ обществѣ принято называть элементами „славянофильства“. Онъ первый не подходитъ подъ общій законъ, по которому наши писатели сперва подчиняются вліянію Запада, но, по мѣрѣ созрѣванія своихъ силъ, начинаютъ обнаруживать стремленія, вытекающія изъ самобытнаго духовнаго строя ихъ родины. Причины такого исключенія довольно ясны. Во-первыхъ, Тургеневъ *сознательно* держался своихъ мыслей. Въ его время различіе и противоположеніе западничества и славянофильства вполне опредѣлилось и высказалось. Каждый писатель, если имѣлъ желаніе и силу быть послѣдовательнымъ, былъ *обязанъ* стать на ту или на другую сторону, не могъ уйти отъ этой дилеммы. И Тургеневъ даже хвалился тѣмъ, что „не измѣнилъ убѣжденіямъ своей молодости“, т.-е. западничеству 40-хъ годовъ. Во-вторыхъ, Тургеневъ и вообще не имѣлъ столько силы и оригинальности, чтобы быть самостоятельнымъ. Аполлонъ Григорьевъ любилъ говорить, что Тургеневъ есть *повтореніе Пушкина*, разумѣется, не полное, а отчасти. И въ самомъ дѣлѣ, и языкъ и всѣ художественныя приемы Тургенева — пушкинскіе. Эта прелестная форма,

отличающаяся простотою и ясностью, трезвостью реализма и одушевлением творчества, эта форма, приводившая въ такое восхищеніе иностранцевъ, которые сами всегда черезчуръ плодиты и рѣдко не злоупотребляютъ художествомъ, — она завѣщена намъ Пушкинымъ, она составляетъ привычный и неизмѣнный образецъ для нашихъ художниковъ слова.

Затѣмъ, ни яркаго своеобразія языка и быта, какъ, на примѣръ, у Островскаго, ни постоянно господствующей мысли, какъ, положимъ, у Достоевскаго, — нельзя найти у Тургенева. Можетъ-быть, высшее мѣрило жизни для его дѣйствующихъ лицъ есть мечта о какомъ-то счастьи, обыкновенно съ любимымъ существомъ, — счастьи иногда, какъ будто, близко стоящемъ передъ глазами, но, большею частью, только мелькающемъ издали, вѣчно манящемъ и вѣчно исчезающемъ, такъ что подъ конецъ у нихъ остается лишь тоска ненаполненной или разбитой жизни и страхъ смерти. Да и этотъ мотивъ, сказывающійся довольно часто, не выступаетъ съ полной силой, не воплощенъ съ художественною яркостью, а звучитъ какъ-то робко и жалобно.

Тургеневъ до конца дней не обладалъ никакимъ авторитетомъ. Его очень любили и жадно читали; всякая мысль, всякое чувство, которое онъ вздумалъ бы вложить въ свое созданіе, были бы приняты публикою съ отверстыми душами. Но ему нечего было сказать; не было въ немъ струны, которая, издавая господствующій звукъ, вносила бы ясность и гармонию во все его звуки. Понятно, что Западъ, передъ которымъ онъ такъ преклонялся, не могъ дать ему какого-нибудь руководящаго начала; Западъ внушилъ ему только вѣру въ прогрессъ, заставлявшую вѣчно оглядываться на другихъ и ждать чего-то впереди, но для насъ всего прискорбнѣе должно быть то, что такой добросовѣстный, талантливый и мягкій душою человекъ равно не нашелъ себѣ твердыхъ опоръ и среди того хаоса, въ которомъ ему явился нашъ русскій нравственный міръ. Мудрено винить такихъ людей, какъ Тургеневъ; они — дѣти своего времени, но, очевидно, изъ тѣхъ дѣтей, которыя способны были бы примкнуть къ самымъ высокимъ стремленіямъ времени.

Страховъ.

Въ современной русской литературѣ нѣтъ имени, которое пользовалось бы такимъ почетомъ, какъ имя Тургенева. У него нѣтъ партіи, и самъ онъ не принадлежитъ исключительно ни къ какой партіи. Его партія — вся образованная, вся читающая и пишущая Россія. Достаточно его подписи подъ самую коротенькую статейку, чтобъ общій интересъ былъ возбужденъ, чтобъ она вызвала разговоры, сужденія, въ которыхъ, если не всегда высказывается согласіе съ мнѣніемъ автора или безусловная похвала написанному имъ, все-таки выражается дань уваженія къ его таланту, все-таки признается его право на понужденіе самой лѣнивой мысли вникнуть въ новое произведеніе, прослѣдить то, что въ немъ хотѣлъ сказать любимѣйшій изъ нашихъ современныхъ писателей. Имя Тургенева безъ преувеличенія можно назвать какимъ-то литературнымъ талисманомъ. Мы не нару-

шимъ никакихъ литературныхъ тайнъ, если скажемъ, что оно не только употребляется какъ приманка для читателей и подписчиковъ, но и служить лучшимъ залогомъ успѣха всякаго литературнаго предпріятія, публичнаго чтенія и т. п.; что симпатія и довѣренность къ нему таковы, что на судъ Тургенева полагаются лучшіе и извѣстнѣйшіе писатели, а всѣ новички, дебютанты идутъ прямо къ нему за совѣтомъ и поддержкой, въ которыхъ никогда не встрѣчаютъ отказа, если обличаютъ какое-либо дарованіе. Последнее часто должно быть тяжкою обузой: сколько разъ приходится судѣе терять время и входить въ непріятныя даже объясненія! Но не вознаграждается ли это мыслию о пріобрѣтеніи такого общаго сочувствія, сознаниемъ, что оно завоевано первокласснымъ талантомъ, служащимъ много лѣтъ честную службу литературѣ и истинному просвѣщенію?

Намъ кажется, что завидная роль, которая такъ законно выпала на долю Тургенева въ нашей литературѣ, основана не только на неотъемлемо-высокой степени его таланта, но еще болѣе на самомъ его качествѣ. Въ этомъ талантѣ столько искренности, столько гуманности, такое отсутствіе всякихъ сдѣлокъ, противныхъ хоть сколько-нибудь его натурѣ, что, читая произведенія Тургенева, чувствуешь въ умѣ и на сердцѣ ту полную гармонію впечатлѣній, которой не испытываешь при чтеніи многихъ даровитыхъ писателей, грѣшащихъ хоть сколько-нибудь и хотя иногда отсутствіемъ этихъ драгоценныхъ достоинствъ. Писатель и человекъ такъ удивительно сливаются въ Тургеневѣ! Отъ этого сліянія самъ онъ не можетъ безнаказанно отказаться. Онъ способенъ въ высшей степени къ этому рѣдкому сочетанію, и тамъ, гдѣ онъ не измѣняетъ такому прекрасному призванію, тамъ долженъ онъ ожидать наибольшаго успѣха. Онъ смѣло можетъ предаться вдохновенію своего генія, не избирая темы, не сочиняя на предвзятую мысль, которая можетъ только повредить цѣльности того, что напишетъ его (увлекательное перо. За примѣромъ того, какъ малѣйшее отклоненіе отъ природы его таланта заставляетъ Тургенева становиться ниже того, чего отъ него можно ожидать, ходить недалеко. Пусть самъ онъ сравнитъ впечатлѣніе, произведенное въ 1859 году „Дворянскимъ гнѣздомъ“ съ тѣмъ, которое сдѣлалъ въ прошломъ году романъ его „Наканунъ“, несмотря на всѣ его достоинства. Мы увѣрены, что авторъ самъ сознаетъ значительную разницу, отдѣляющую другъ отъ друга эти два произведенія.

Лоншиновъ.

Отношеніе Тургенева къ искусству, наукѣ, народности и русскому языку.

Были предметы, до которыхъ не могла касаться иронія Тургенева и къ которымъ онъ относился съ глубокимъ и непритворнымъ уваженіемъ и сочувствіемъ.

Идеальный міръ искусствъ былъ для Тургенева обѣтованною страпою. Онъ говоритъ: „Развѣ нѣтъ великихъ представленій, великихъ утѣ-

шительныхъ словъ: право, свобода, человѣчество, искусство! Искусство, пожалуй, сильнѣе другихъ, мною упомянутыхъ словъ. Венера милосская, пожалуй, несомнѣннѣ римскаго права или принциповъ 89-го года“.

Тургеневъ высоко цѣнилъ науку, и говорилъ о ней съ тѣмъ искреннимъ одушевленіемъ, которое вполне достойно просвѣщеннаго писателя: „Нужна образованность, нужно знаніе. Ученіе не только свѣтъ, по народной пословицѣ, оно также и свобода... Не поощряйте, ради Бога, у насъ на Руси мысли, что можно чего-нибудь добиться безъ ученія. Нѣтъ, будь ты хоть семи пядей во лбу, а учись и учись“ и т. п.

Любовь къ родинѣ присуща душѣ каждаго человѣка. Кого же и любить, какъ не родину: „что выше всѣхъ сомнѣній, чему нельзя не вѣрить послѣ Бога“, говоритъ одинъ изъ героевъ Тургенева. Любовь къ родинѣ и вѣра въ нее проявляется различнымъ образомъ. У Тургенева, какъ у художника слова, она выразилась всего ярче въ благоговѣйной любви къ самому художественному произведенію русскаго народа—къ русскому языку. „Россія—говоритъ Тургеневъ—безъ каждаго изъ насъ обойтись можетъ, но никто изъ насъ безъ нея не можетъ обойтись. Горе тому, кто думаетъ обойтись безъ нея; двойное горе тому, кто, дѣйствительно, безъ нея обходится!“

Тургеневъ, и по своему чувству художественной мѣры и по своему взгляду на народность, тщательно избѣгалъ восторженныхъ отзыовъ о русскомъ народѣ, которые можно бы принять за самовосхваленіе. Тѣмъ замѣчательнѣе, что, при такой строгой сдержанности, всякій разъ, когда заходила рѣчь о русскомъ народѣ, Тургеневъ говорилъ такія вещи, которыя западаютъ въ душу читателя, пробуждая въ ней сочувствіе къ русскому народу. Беру примѣры изъ произведеній, отличающихся особенною искренностью и задушевностію.

Когда русскія войска находились за границею, одинъ изъ нашихъ солдатъ погибъ ни въ чемъ неповинною жертвою тогдашнихъ строгостей. Хозяйка, у которой жилъ солдатъ, обвиняла его въ томъ, что онъ обокралъ ее. Обвиненіе было совершенно несправедливое, да и украдены всего двѣ курицы, но, по военному времени и по приказу главнокомандующаго, солдата велѣно повѣсить. Когда его привели къ висѣлицѣ, хозяйка, неожиданная такого страшнаго рѣшенія, стала горько плакать; а русскій солдатъ, котораго священникъ исповѣдалъ и причастилъ, обратился къ стоявшему подлѣ него: „Скажите ей, чтобъ она не убивалась: вѣдь я ей простилъ“... Свидѣтель казни воскликнулъ: „праведникъ“! и слезы закапали по его щекамъ.

А сколько теплаго чувства, сколько истины и любви, въ небольшомъ „стихотвореніи въ прозѣ“, названномъ: „Два богача“. „Когда при мнѣ—говоритъ авторъ—превозносятъ богача Ротшильда, который изъ громаднхъ своихъ доходовъ удѣляетъ цѣлыя тысячи на воспитаніе дѣтей, на лѣченіе больныхъ, на призрѣніе старыхъ,—я хвалю и умиляюсь. Но, и хваля и умиляясь, не могу я не вспомнить объ одномъ убогомъ крестьянскомъ семействѣ, принявшемъ сироту-племянницу въ свой разоренный домишко. — Возьмемъ мы Катьку,—говорила баба,—

послѣдніе наши гроши на нее пойдутъ: не на что будетъ соли добыть, похлебку посолить. — А мы ее и несоленую, — отвѣтилъ мужикъ... Далекъ Ротшильдъ до этого мужика!“

Одинъ изъ героевъ Тургенева, мучимый сомнѣніемъ, готовый отвергнуть всѣ авторитеты, склоняется передъ однимъ изъ нихъ, обращаясь къ нему съ такою мольбою: „А ты, невѣдомый намъ, но любимый нами всѣмъ нашимъ существомъ, всею кровью нашего сердца, русскій народъ, прими насъ не слишкомъ безучастно, и научи насъ, чего мы должны ждать отъ тебя“.

Между этимъ, во многихъ отношеніяхъ еще „невѣдомымъ“ міромъ и русскими писателями и учеными, составляющими неотъемлемую и необходимую часть великаго цѣлаго, называемаго русскимъ народомъ, — существуетъ и должна существовать неразрывная связь. Этимъ связующимъ началомъ, въ которомъ исчезаетъ всякая рознь, служитъ драгоценнѣйшее достояніе всего русскаго народа — могучій и прекрасный русскій языкъ. Говоря и думая на родномъ языкѣ, гениальный русскій ученый или писатель видитъ въ простомъ русскомъ человѣкѣ своего родного брата, „своего соотчича, русскую косточку“. Тургеневъ считалъ священнѣйшею обязанностью русскихъ писателей дорожить русскимъ языкомъ, какъ своимъ роднымъ сокровищемъ. „Одна, послѣдняя просьба: — говоритъ Тургеневъ, обращаясь къ писателямъ — берегите нашъ языкъ, нашъ прекрасный русскій языкъ, этотъ кладъ, это достояніе, переданное намъ нашими предшественниками, въ числѣ которыхъ блистаетъ опять таки Пушкинъ! Обращайтесь почтительно съ этимъ могущественнымъ орудіемъ; въ рукахъ умѣлыхъ оно въ состояніи совершать чудеса! Даже тѣмъ, которымъ не по вкусу „философскія отвлеченности“ и „поэтическія нѣжности“, людямъ практическимъ, въ глазахъ которыхъ языкъ не что иное, какъ средство къ выраженію мысли, какъ простой рычагъ, — даже имъ скажу я: уважайте, по крайней мѣрѣ, законы механики, извлекайте изъ каждой вещи всю возможную пользу. А то, право, пробѣгая инья, вялыя, смутныя, безильно-пространныя разглагольствованія въ журналахъ, читатель невольно долженъ думать, что именно рычагъ-то вы замѣняете первобытными подпорками, — что вы возвращаетесь къ младенчеству самой механики“...

Тургеневъ поучалъ молодыхъ русскихъ писателей не только словомъ, но и дѣломъ — своими произведеніями, представляющими превосходные образцы русскаго литературнаго языка. Какъ въ своей поэзіи, такъ и въ своемъ языкѣ — въ своемъ замѣчательномъ умѣніи пользоваться сокровищницею родного языка Тургеневъ является достойнымъ ученикомъ Пушкина. Подобно Пушкину, онъ чрезвычайно строго относился къ своимъ произведеніямъ и ревностно занимался обработкою ихъ со стороны языка. Увлекательная, живая, художественная рѣчь Тургенева заключаетъ въ себѣ — если внимательно вникнуть въ нее — несомнѣнные признаки работы писателя, взвѣшивающаго каждое слово, каждое выраженіе. И не видавъ черновыхъ рукописей Тургенева, можно, въ иныхъ случаяхъ, полагать, что такое-то слово замѣнено другимъ; что поря-

докъ словъ измѣненъ вслѣдствіе такихъ-то соображеній, вытекающихъ изъ требованій языка, и т. п.

О какомъ бы русскомъ писателѣ ни говорилъ Тургеневъ, какую бы русскую книгу ни читалъ онъ, отъ его пытливаго взора не укрывалась ни одна черта, заслуживающая вниманія въ отношеніи языка. Описывая литературный вечеръ у П. А. Плетнева, Тургеневъ дѣлаетъ такое замѣчаніе о Плетневѣ: „Онъ вполне выразился въ своихъ малочисленныхъ сочиненіяхъ, написанныхъ языкомъ образцовымъ, хотя немного блѣднымъ“. Въ воспоминаніяхъ своихъ о Бѣлинскомъ, упомянувъ о повѣсти Д. В. Григоровича: „Деревня“, Тургеневъ сейчасъ же прибавляетъ: „написана она языкомъ нѣсколько изысканнымъ, не безъ сентиментальности; но стремленіе къ реальному воспроизведенію крестьянскаго быта было несомнѣнно“. Даже о лицѣ вымышленномъ, въ романѣ: „Наканунъ“, Тургеневъ говоритъ, „Берсенева не теряетъ даромъ времени; изъ него выйдетъ дѣльный профессоръ; ученая публика обратила вниманіе на его двѣ статьи. Жаль только, что обѣ статьи написаны языкомъ нѣсколько тяжелымъ, и испещрены иностранными словами“, и т. п.

Независимо отъ свойствъ, которыя дороги въ русскомъ языкѣ каждому русскому писателю и ученому, Тургеневъ, въ глубинѣ души своей, придавалъ русскому языку еще особенное, высокое значеніе, неподходящее подъ уровень обыкновенной любви къ нему. Для внутренняго міра Тургенева, для его ума и сердца, русскій языкъ былъ не только заветною святынею, но и великою нравственною силою, спасавшею его отъ колебаній и сомнѣній, отъ убійственныхъ тревогъ и отчаянія. Прямо изъ души вылились слова Тургенева, которыя можно назвать его лебединою пѣснью: „Во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ моей родины, ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ. Нельзя вѣрять, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу!“ *Сухомлиновъ.*

И. С. Тургеневъ и народное образованіе.

Въ 1879 году Оксфордскій университетъ поднесъ Тургеневу дипломъ на званіе доктора обычнаго права въ награду за услугу, оказанную знаменитымъ романистомъ великому дѣлу освобожденія русскихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Эта историческая заслуга Тургенева связана съ тѣми его произведеніями, въ которыхъ онъ изобразилъ русскій народъ вполне достойнымъ величайшаго изъ земныхъ благъ — свободы. Первое мѣсто въ ряду этихъ произведеній занимаютъ „Записки охотника“, въ которыхъ Тургеневъ „безъ всякаго партійнаго задора, безъ чувствительныхъ изліяній, безъ преднамѣреннаго подбора фактовъ и лицъ... показалъ, что крѣпостные мужики не только люди, но что имъ доступны такіе же самые душевные процессы, такая же многосторонняя нравственная жизнь, какъ и всѣмъ лучшимъ представителямъ культурнаго общества“. „Неумирающее значеніе „Записокъ охотника“, — по словамъ другого кри-

тика, — состоитъ въ томъ, что онѣ даютъ намъ здоровые народныя типы, прямо выхваченные изъ жизни и не созданные въ угоду какой бы то ни было тенденціи... Вы видите долготерпѣніе русскаго народа, его пассивное геройство, его угрюмое добродушіе и мягко-сердечіе. Всматриваясь внимательнѣе, вы увидите тогда, какой богатѣйшій рудникъ задатковъ самаго высокаго культурнаго состоянія заключаетъ въ себѣ русскій народъ, задатковъ стать наравнѣ съ другими европейскими народами“. Такимъ же „смѣлымъ провозвѣстникомъ народныхъ доблестей“ явился Тургеневъ въ своихъ повѣстяхъ: „Муму“ и „Постоялый дворъ“. Гуманизирующее вліяніе названныхъ произведеній, появившихся въ свѣтъ въ самую мрачную для Россіи эпоху, когда крѣпостное право, по выраженію Тургенева, „стояло, какъ скала“, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Народъ, въ которомъ были открыты „и сердце, и умъ, и даже высшій цвѣтъ человѣческой жизни — поэзія“, вполне достоинъ свободы. Такой неизбѣжный выводъ дѣлали безпристрастные читатели полвѣка тому назадъ, и этотъ выводъ впоследствии вдохновлялъ лучшихъ дѣятелей крестьянской реформы.

Но не однѣ доблести подмѣчены Тургеневымъ въ закрѣпощенномъ народѣ, и глубоко неправы критики и публицисты, относившіе „Записки охотника“ къ произведеніямъ, въ которыхъ „и характеры, и обычаи, и понятія (народа) сильно идеализируются“, при чемъ „всѣ недостатки (его) прячутся, затушевываются, замазываются“. Тургеневъ обрисовалъ крѣпостныхъ не только со всѣми ихъ хорошими, но также и съ дурными особенностями и свойствами. Хорошій человѣкъ Хорь, но „бабъ“ онъ презираетъ отъ глубины души, а въ веселый часъ тѣшилъ и издѣвался надъ ними. Славный человѣкъ охотникъ Ермолай, онъ умѣетъ любить мельничиху Арину платонически, но съ своей женой онъ „обходился жестоко и грубо, принималъ у себя дома грозный и суровый видъ, — и бѣдная его жена не знала, чѣмъ угодить ему, трепетала отъ его взгляда; на послѣднюю копейку покупала ему вина и подобострастно покрывала его своимъ тулупомъ, когда онъ, величественно развалился на печи, засыпалъ богатырскимъ сномъ“. Добрый человѣкъ Бирюкъ, но подъ какой суровой оболочкой скрыта его доброта, и какъ рѣдко она проявляется, не даромъ окрестные мужики боялись его, какъ огня, и не разъ собирались сжечь его со свѣта! Прелестна сцена артистическаго состязанія въ Притынномъ кабацѣ, но авторъ не умолчалъ и о томъ, что скоро „все было пьяно — все начиная съ Якова“.

Это темныя стороны наиболѣе „идеализированныхъ“ представителей народа. Если мы взглянемъ на народную массу, поскольку она выведена въ „Запискахъ охотника“, впечатлѣніе получится еще менѣе отрадное. Особенно рѣзко подчеркнута въ „Запискахъ охотника“ суевѣріе русскаго народа. Достаточно прочесть одинъ только „Бѣжинъ лугъ“, чтобы составить себѣ представленіе о той тѣмѣ, которая окутала свѣтлый народный умъ. Случилось затменіе — и крестьяне ждуть свѣтопреставленія и антихриста — баба-стряпуха бьетъ горшки, изъ

которыхъ некому будетъ ѣсть; напуганный народъ принимаетъ за антихриста мужика, надѣвшаго на голову новый жбанъ, купленный на базарѣ. „Всѣ какъ крикнуть: „ой, Тришка идетъ! ой, Тришка идетъ! да кто куда! Староста въ канаву залѣзъ; старостиха въ подворотнѣ застряла, благимъ матомъ кричить, свою же дворовую собаку такъ запужала, что та съ цѣпи долой да черезъ плетень да въ лѣсъ; а Кузькинъ отецъ, Дорофенчъ, вскочилъ въ овесъ, присѣлъ, да и давай кричать перепеломъ: авось, молъ, хоть птицу-то врагъ, душегубецъ, пожалѣть“. Положимъ, затменіе рѣдкое явленіе природы, способное нагнать суевѣрный страхъ и на интеллигентнаго человѣка: самъ баринъ, предвидѣвшій затменіе, „какъ затемнѣло, такъ перетрусился, что на-поди“. Но русскаго мужика вездѣ и со всѣхъ сторонъ преслѣдовала всякая „погань“ и „нечисть“: дома пугаль его домовой, въ лѣсу преслѣдовалъ лѣшій, заманивали въ свои сѣти русалки, въ водѣ поджидаль водяной, на кладбищѣ и на всякой могилѣ чудились ему привидѣнія и мертвецы, всякій ночной звукъ заставлялъ его вздрагивать отъ суевѣрнаго страха. Прислушайтесь къ рассказамъ мальчиковъ, стерегущихъ лошадей, и вамъ станетъ жалко этихъ малышей, способныхъ безъ хворостины броситься на волка, но въ то же время съ дѣтства пропитанныхъ страхомъ передъ созданіями народной фантазіи и задающихся тревожнымъ вопросомъ: „и зачѣмъ эта погань въ свѣтѣ развелась?“

Такимъ образомъ „Записки охотника“ доказывали необходимость освобожденія русскаго народа не только отъ матеріальнаго ига въ лицѣ крѣпостнаго права, но и отъ нравственной и умственной тьмы невѣжества.

Какъ жадно стремился русскій народъ къ политической свободѣ, этого Тургеневъ не могъ показать въ своихъ безсмертныхъ очеркахъ; не могъ онъ также показать и того, какъ воспользуются освобожденныя массы предоставленной имъ свободой. Что касается рабства невѣжества, то Тургеневъ уже въ „Запискахъ охотника“ показалъ стремленіе закрѣпощеннаго народа къ просвѣщенію и благодѣтельное воздѣйствіе даже элементарнаго образованія на нравственный строй простолюдина. Лучшіе представители крѣпостнаго населенія въ „Запискахъ охотника“ являются грамотными и цѣнятъ образованіе. Грамотными оказываются такіе идеалисты, какъ Калинычъ и Касьянъ съ Красивой Мечи. Хорь неграмотенъ, но цѣнитъ образованіе, готовъ поучиться всему полезному даже у нѣмцевъ. Онъ не безъ досады говорить по адресу своего друга Калиныча: „этому шалопаю грамота далась“. Одного изъ своихъ сыновей онъ выучилъ грамотѣ и, повидимому, жалѣеть, что остальные остались безграмотными.

На что же нужна была крѣпостному крестьянину грамота? Не было ли это знаніе для него мертвымъ капиталомъ? Отвѣты на эти вопросы читатель можетъ найти въ тѣхъ же „Запискахъ охотника“. „Рационалистъ“ Хорь, по всей вѣроятности, цѣнитъ грамотность съ практической точки зрѣнія, какъ человѣкъ, ведущій торговые обороты. Также практически смотритъ на дѣло и мужъ „мельничихи“

Арины, выкупившей ее у барина, потому что нуждался въ грамотной женѣ.

Но если неграмотные крестьяне цѣнятъ грамотность исключительно съ практической точки зрѣнія, то для грамотныхъ она является могучимъ орудіемъ къ нравственному самоусовершенствованію. Грамотный Калинычъ, по заявленію Тургенева, „принадлежалъ къ числу идеалистовъ, романтиковъ, людей восторженныхъ и мечтательныхъ“. Грамотный Касьянъ съ Красивой Мечи живетъ съ природой одной жизнью и тоскуетъ по высшей справедливости ¹⁾). Самое удивительное созданіе крѣпостной Россіи въ „Запискахъ охотника“ — Лукерья въ „Живыхъ мощахъ“ была бы для насъ непонятна, если бы мы не знали, что она была грамотная и любила читать книги, по всей вѣроятности, духовнаго содержанія. „Послалъ Онъ мнѣ крестъ — значитъ, меня Онъ любить. Такъ намъ вѣдно это понимать. Прочту Отче Нашъ, Богородицу, акаѣистъ Всѣмъ Скорбящимъ, — да и опять полеживая себѣ безо всякой думочки. И ничего!“ Такъ объясняетъ Лукерья Тургеневу свое удивительное терпѣніе и трогательную покорность судьбѣ.

Дать крѣпостнымъ свободу, обезпечить ихъ въ матеріальномъ отношеніи и позаботиться о ихъ нравственномъ и умственномъ просвѣщеніи — такова была народническая программа Тургенева, выработанная имъ еще въ сороковыхъ годахъ подъ сильнымъ вліяніемъ Станкевича и Бѣлинскаго. Невѣровъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Тургеневѣ рассказываетъ, что однажды въ Берлинѣ Станкевичъ сказалъ, что въ Россіи „прежде всего надлежитъ желать избавленія народа отъ крѣпостной зависимости и распространенія въ средѣ его умственного развитія... а потому кто любитъ Россію, тотъ прежде всего долженъ желать распространенія въ ней образованія“. „При этомъ — продолжаетъ Невѣровъ — Станкевичъ взялъ съ насъ (то-есть съ Невѣрова, Тургенева и Грановскаго) торжественное обѣщаніе, что мы всѣ наши силы и всю нашу дѣятельность посвятимъ этой высокой цѣли“. Подъ вліяніемъ этого обѣщанія, Тургеневъ, по возвращеніи изъ-за границы, „собирался сдѣлаться *педагогомъ*, профессоромъ, ученымъ, какъ онъ самъ выразился въ разговорѣ съ покойнымъ Семевскимъ въ 1880 году. Желанію этому не суждено было осуществиться; но, и выступивъ на просвѣтительное поприще въ качествѣ писателя, Тургеневъ не могъ забыть вопросовъ народнаго образованія, хотя бы уже вслѣдствіе одного того обстоятельства, что Бѣлинскій, его ближайшій другъ и, въ значительной степени, учитель, считалъ освобожденіе крестьянъ и распространеніе среди нихъ образованія самыми живыми и національными вопросами въ Россіи.

Съ особенною силою проявился у Тургенева интересъ къ народному образованію наканунѣ освобожденія крестьянъ. Зорко и внимательно слѣдя за ходомъ крестьянскаго вопроса изъ-за границы, Тургеневъ въ 1860 году, во время пребыванія на островѣ Уайтѣ,

¹⁾ Грамотный Акимъ въ „Постояломъ дворѣ“ прогоняетъ грѣшныя мысли „чтеніемъ разныхъ священныхъ книгъ, къ которымъ питалъ великое уваженіе“.

задался мыслью основать „общество для распространения грамотности и первоначального образования“ съ помощью имущихъ и развитыхъ классовъ всего государства. Тургеневъ самъ наскоро составилъ краткую программу задуманнаго общества и представилъ ее на обсужденіе русской колоніи на Уайтѣ. Программа эта, по свидѣтельству Анненкова, „подробно разбиралась по вечерамъ, въ домикѣ Тургенева, измѣнялась, передѣлывалась, и послѣ многихъ преній, поправокъ и дополненій принята была комитетомъ изъ выборныхъ лицъ кружка“. Авторъ проекта не удовлетворился мнѣніями русскихъ людей, случайно собравшихся на Уайтѣ; онъ захотѣлъ знать „мнѣніе всей Россіи“ о своемъ планѣ и съ этой цѣлью составилъ циркуляръ, съ которымъ предполагалось разослать проектъ программы задуманнаго общества“ всѣмъ выдающимся лицамъ обѣихъ столицъ — художникамъ, литераторамъ, ревнителямъ просвѣщенія и вліятельнымъ особамъ, проживающимъ дома и за границей“. „Большинство изъ тѣхъ, — говоритъ Анненковъ — которые получили этотъ циркуляръ, изъявили согласіе вступить въ члены общества, но нѣкоторые замѣтили при этомъ, что программу слѣдовало-бы начертить съ большею ясностью, подробностью и съ большимъ знаніемъ особыхъ условій русской жизни“. Эти „особыя условія“ заставили Тургенева отказаться отъ задуманнаго имъ плана: его проектъ не былъ даже представленъ на утвержденіе.

Какъ ни неудачно кончилась эта попытка Тургенева выступить на поприще *педагога*, указанный проектъ остается интереснымъ документомъ для ознакомленія съ педагогическими взглядами знаменитаго романиста. „Есть факты, — говоритъ Тургеневъ въ своемъ проектѣ, — очевидная полезность которыхъ до того несомнѣнна, что не нуждается ни въ какихъ доказательствахъ. Къ такимъ фактамъ принадлежитъ необходимость распространения грамотности и элементарныхъ общепользныхъ свѣдѣній въ Россіи. Эта необходимость чувствуется всѣми: и правительствомъ, которое, между прочими заботами, клонящимися къ просвѣщенію нашего отечества, печется также о распространеніи грамотности въ полкахъ, и частными людьми, заводящими школы — воскресныя, городскія и сельскія, и другими лицами, занимающимися изданіемъ дешевыхъ книгъ и сборниковъ для народа“. Для объединенія всѣхъ этихъ „благотворительныхъ и достойныхъ полнаго сочувствія“ стремленій и проектировалось новое общество, чтобы внести „въ это благое дѣло могущество единокоренныхъ дружныхъ усилій и свѣтосознательной мысли“. Выражая надежду на поддержку со стороны правительства, Тургеневъ говоритъ: „обучая грамотности тѣхъ самыхъ людей, которыхъ оно освобождаетъ, мы продолжаемъ его дѣло, мы такъ-же освобождаемъ ихъ отъ другого рабства — отъ рабства невѣжества“. О главной цѣли будущаго общества въ проектѣ говорится въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Заводить какъ можно больше школъ — пропускать какъ можно больше лицъ сквозь эти школы — и, въ наивозможно кратчайшее время (что, ко-

нечно, никакъ не должно мѣшать основательности получаемыхъ свѣдѣній) — вотъ въ чемъ должна состоять задача нашего общества. Другими словами: мы должны стараться развести какъ можно болѣе лицъ, умѣющихъ читать, писать, знающихъ Законъ Божій, первыя правила ариѳметики и имѣющихъ самыя первоначальныя свѣдѣнія въ исторіи и географіи“. Для достиженія указанной цѣли предполагалось учреждать школы, помогать устроителямъ школъ совѣтами и деньгами, издавать учебныя книги и руководства, „заводить дешевые кабинеты для чтенія“ и, кромѣ того, издавать спеціальныи органъ общества. Далѣе въ проектѣ говорилось, что „устройство школъ будетъ, по мѣрѣ возможности, просто, несложно, дешево; что все въ нихъ будетъ доступно контролю гласности, общества, правительства“, и что „составленіе изданій общества будетъ поручено нашимъ лучшимъ дѣятелямъ и подвергнуто возможно строгой оцѣнкѣ“. Кромѣ того, изданія общества должны были отличаться общедоступностью, какъ по цѣнѣ, такъ по содержанию и изложенію. Какой кругъ знаній считалъ Тургеневъ необходимымъ для освобожденнаго народа, можно видѣть изъ перечня предметовъ, которымъ должны были быть посвящены изданія общества. „Перечень ихъ слѣдующій: азбука, грамота (въ смыслѣ писанія), элементарныя начертанія законодательства русскаго относительно правъ и обязанностей состоянній, ариѳметики, географіи, естественныхъ наукъ, технологіи по всѣмъ ея отраслямъ, земледѣлія и скотоводства, вообще хозяйства въ обширномъ смыслѣ. Беллетристика допускается только съ величайшей осторожностью и не иначе, какъ съ общепользною, обучающею цѣлью; сочиненія, имѣющія предметомъ одинъ интересъ вымысла, не допускаются вовсе; избранныя біографіи, хорошія описанія путешествій получаютъ почти исключительно предпочтеніе“. Интересно и мнѣніе Тургенева о языкѣ народныхъ изданій. „Едва ли слѣдуетъ упоминать — говоритъ онъ — о совершенной неумѣстности въ нихъ всякаго прибауточнаго и сказочнаго тона: *съ народомъ должно обращаться искренно, честно и съ полнымъ уваженіемъ*“.

И послѣ неудачи, постигшей разсмотрѣнный проектъ, Тургеневъ не пересталъ интересоваться вопросомъ о народномъ образованіи. Фетъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что Тургеневъ „представлялъ Россію какимъ-то параличнымъ тѣломъ, которое нужно гальванизировать всѣми возможными средствами, стараясь (употребляя собственное его выраженіе) *буравить* это тѣло всяческими буравами, въ томъ числѣ и грамотностью“. Между Фетомъ и Тургеневымъ происходили и въ Россіи и за границей „шумныя“ споры о пользѣ грамотности для русскаго народа, и изъ бѣглыхъ указаній Фета можно усмотрѣть, что знаменитый романистъ, въ противоположность своему оппоненту, считалъ необходимымъ самое широкое распространеніе грамотности и не останавливался даже передъ закономъ объ обязательномъ обученіи.

Не только въ упомянутомъ выше проектѣ, не только въ спорахъ съ друзьями и знакомыми развивалъ Тургеневъ свои взгляды о

необходимости самаго широкаго образованія народныхъ массъ. И въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ онъ показывалъ, что научить неграмотнаго читать и писать — первая и священная обязанность всякаго образованнаго человѣка, ставшаго въ болѣе или менѣе близкія отношенія къ народу. Тургеневъ отмѣтилъ подобные факты еще въ эпоху существованія крѣпостнаго права. Такъ закадычный другъ Петра Петровича Каратаева, Пантелей Горностаевъ, „выучилъ писать“ убѣжавшую къ его другу отъ жестокой барыни дворовую дѣвушку Матрену. Тетка Лаврецакаго Мароа Тимошеевна „выучила грамотѣ“ его мать, бывшую крѣпостную дѣвушку. Яковъ Пасынковъ выучилъ читать и писать простую дѣвушку, съ которой сблизила его судьба. Въ разсказѣ „Часы“ выведены юные мечтатели, которые еще въ самомъ началѣ XIX вѣка собираются „переселиться въ Москву и строить тамъ большія училища для бѣдныхъ людей“. Бабуринъ, сосланный въ Сибирь по дѣлу петрашевцевъ, вмѣстѣ съ своею женою переходитъ отъ мечтаній къ дѣлу и заводитъ нѣсколько школъ.

Просвѣтительная дѣятельность интеллигенціи дѣлается особенно замѣтною послѣ паденія крѣпостнаго права, и Тургеневъ спѣшитъ упомянуть, хотя и мимоходомъ, что герои его произведеній также принимаютъ посильное участіе въ этой культурной работѣ. Аркадій Кирсановъ изучаетъ „механизмъ воскресныхъ школъ“. Татьяна („Дымъ“) устроила въ своемъ имѣніи школу для крестьянскихъ дѣтей. Маріанна („Новь“) даетъ уроки въ народной школѣ. Соломинъ нанимаетъ учителя для жены своего помощника и учреждаетъ при фабрикѣ школу и т. д. Тургеневу было небезызвѣстно, что не весь русскій народъ тяготѣлъ въ школѣ. Въ „Дымѣ“ онъ выводитъ крестьянина, который сообщаетъ Литвинову о томъ, что Татьяна завела школу, и вслѣдъ за этимъ сообщеніемъ прибавляетъ: „ну, да это статья пустая!“ Но подобные отзывы не смущали Тургенева: не всѣ представители только что освобожденнаго народа считали школы и грамотность пустымъ дѣломъ; лучшіе изъ нихъ смотрѣли на просвѣтительную дѣятельность интеллигенціи, какъ на лучшій способъ служенія народу. „Вы думаете, что мы хотимъ учить народъ; нѣтъ, мы служить ему хотимъ“ — говоритъ Маріанна Татьянѣ. „Какъ такъ служить?“ удивленно спрашиваетъ эта грамотная крестьянка. — *Учите его: вотъ вамъ и служба.*

Будучи глубоко убѣжденъ въ томъ, что просвѣщеніе народа — высочайшая задача русскаго образованнаго общества, Тургеневъ не только заставилъ лучшихъ изъ дѣйствующихъ лицъ своихъ романовъ принять участіе въ этой святой миссіи, но и заклеилъ ироніей и сарказмами лицъ, настроенныхъ къ народной школѣ враждебно. Кто вооружается въ сочиненіяхъ Тургенева противъ народнаго образованія? Прежде всего, это выведенные въ „Дымѣ“ „баденскіе генералы“, эти представители, „генераль-адъютанскаго нигилизма“, по счастливому выраженію Юрія Самарина. Къ нимъ присоединяется и такая ничтожная въ нравственномъ отношеніи личность, какъ Калломѣйцевъ („Новь“). Мнѣніями этого господина о народномъ образованіи Тургеневъ очень

удачно дорисовываетъ портретъ типичнаго ретрограда, признававшаго единственными своими принципами „кнутъ и Редереръ“, Калломѣйцевъ не идетъ такъ далеко, какъ баденскій генераль: онъ не говоритъ, что народныя школы „надо остановить“; онъ запрещаетъ только „даже думать о школахъ „нигилистамъ“, придавая, конечно, этому слову самое обширное значеніе; заводить школы, по его мнѣнію, должно только *подъ руководствомъ духовенства — и съ надзоромъ за духовенствомъ*. Посѣтивши народную школу, Калломѣйцевъ спрашиваетъ: „Что есть строфокамилъ? Что есть пнѣикъ?“ и удивляется, что не только ученики, но даже самъ учитель, не могли отвѣтить на эти вопросы. Когда такого ископаемаго экзаминатора спрашиваютъ, зачѣмъ это нужно знать народу, онъ даетъ отвѣтъ, достойный щедринскихъ героевъ. „А для того, что ему лучше знать пнѣика или строфокамилъ, — чѣмъ какого-нибудь Прудона — или даже Адама Смита“.

Какъ близко было сердцу Тургенева образованіе родного ему народа, всего лучше можно видѣть изъ его заботъ о сельской школѣ, учрежденной имъ въ своемъ имѣніи, селѣ Спасскомъ. Въ письмѣ изъ Веймара отъ 2 февраля 1870 года Тургеневъ благодаритъ своего управляющаго Кишинскаго за учрежденіе Спасскаго сельскаго училища¹⁾, опредѣляетъ на его содержаніе 150 рублей и выражаетъ желаніе, чтобы это заведеніе дѣйствительно *процвѣтало* (курсивъ Тургенева), а не лопнуло бы, какъ множество подобныхъ заведеній на Руси. „Невозможно допустить, — пишетъ Тургеневъ почти два года спустя, — чтобы въ моемъ имѣніи человѣка, который обязанъ всѣмъ своимъ значеніемъ перу, — существовала плохая и неудовлетворительная школа“. „Школа въ Спасскомъ — пишетъ Тургеневъ черезъ годъ — не должна быть только подобіемъ школы — надлежитъ поставить ее на высокую точку“. Тургеневъ изъ-за границы внимательно слѣдилъ за своей школой, за ходомъ занятій, за методами преподаванія и т. д. Узнавъ, что въ его школѣ учатъ грамотъ старымъ методомъ, онъ пишетъ управляющему: „Теперь такъ много развелось хорошихъ руководствъ, азбукъ и т. д., что придерживаться старинной, столь неудобной и бесплодной, системы — грѣшно“. Указанія Тургенева не всегда достигали цѣли: въ журналѣ „Школьная жизнь“ появилось даже далеко нелестное описаніе Спасской школы и тамошней методы преподаванія“. Посылая это описаніе Кишинскому, Тургеневъ пишетъ изъ Баденъ-Бадена въ маѣ 1874 года: „Примите это къ свѣдѣнію. Мнѣ особенно непріятно узнать, что въ школѣ, находящейся въ моемъ имѣніи, употребляются тѣлесныя наказанія“.

Особенно много хлопотъ доставили Тургеневу учителя, въ чемъ онъ до нѣкоторой степени былъ виноватъ самъ, назначивъ слишкомъ

1) Правильнѣе было бы сказать „возстановленіе“, потому что еще мать Тургенева основала школу для обученія крестьянскихъ дѣтей грамотѣ и церковному пѣнію. Послѣ смерти старой барыни школа, а также больница и богадѣльня были закрыты, и только спустя значительное время опять были возстановлены И. С. Тургеневымъ. Школа была возстановлена задолго до 1870 года, но была заброшена во время управленія Спасскимъ Н. Н. Тургенева, дяди писателя.

незначительное содержаніе для учителя (200 руб. въ годъ). „Я побиваюсь недоучившихся студентовъ, — писалъ онъ въ январѣ 1872 года, — познаній у нихъ хватаетъ, но характеръ — вотъ гдѣ бѣда!“ Опасенія Тургенева оправдались: учитель запивалъ, и его уволили. „Радуюсь тому, — читаемъ въ письмѣ отъ 15-го октября того же года, — что вы нашли порядочнаго преподавателя для школы; дай Богъ, чтобы его не сманили или чтобы онъ самъ не запилъ!“ Но этотъ хорошій учитель скоро самъ ушелъ, хотя Тургеневъ и уполномочилъ управляющаго прибавить ему жалованья, если это удержитъ его на мѣстѣ. „Жаль мнѣ — пишетъ Тургеневъ въ началѣ 1873 года, — что школа потеряла хорошаго учителя; будемъ надѣяться, что новый до нѣкоторой степени его замѣнитъ“. Черезъ годъ учителемъ въ Спасской школѣ оказывается діаконъ, и Тургеневъ пишетъ: „если отецъ діаконъ окажется усерднымъ и дѣльнымъ преподавателемъ, то уполномочиваю васъ поощрять его разными льготами и пособіями отъ моего имени“¹⁾ — Частая переменна учителей и отсутствіе надлежащаго руководства не могли не отражаться на успѣхахъ школы, и незадолго до своей кончины Тургеневу съ глубокою грустью пришлось констатировать „фіаско“ и „очевидный упадокъ“ своей школы. Прикованный къ одру болѣзни, онъ думаетъ „принять какія-нибудь энергическія мѣры „для поднятія своего любимаго дѣтища; и только смерть прекращаетъ заботы Тургенева о Спасской школѣ.

Внимательно слѣдя за всѣми выдающимися событіями въ жизни Спасской школы, Тургеневъ интересовался и судьбою отдѣльныхъ учениковъ ея, выдававшихся своими способностями. „Что сдѣлалось спрашиваетъ онъ изъ Парижа въ 1876 году — съ умнымъ мальчикомъ Никитой, котораго я видѣлъ третьяго года въ школѣ, и который такіе дѣлалъ успѣхи? Живъ ли онъ и продолжаетъ ли хорошо учиться?“ Получивъ благопріятное извѣстіе, Тургеневъ черезъ мѣсяць пишетъ: „Мнѣ пріятно слышать, что Никита Герасимовъ продолжаетъ хорошо учиться и вести себя, прошу наблюдать за нимъ и оказывать ему всякое вспомошествованіе“. Такимъ способнымъ крестьянскимъ мальчикомъ Тургеневъ доставлялъ возможность къ дальнѣйшему образованію, назначая имъ стипендіи. Съ какимъ истинно отеческимъ вниманіемъ относился Тургеневъ къ своимъ стипендіатамъ, можно судить по воспоминаніямъ одного изъ нихъ, напечатаннымъ въ январской книгѣ „Русскаго Вѣстника“ за 1885 годъ. Отправляя его еще до освобожденія крестьянъ въ Горыгорѣцкую земледѣльческую школу, Тургеневъ сказалъ ему слѣдующія напутственныя слова: „Учись хорошенько. Готовится реформа положенія крестьянъ. Богъ дастъ она осуществится, и тогда твое знаніе агрономіи пригодится землевладѣльцамъ, нуждающимся въ просвѣщенныхъ управляющихъ. Только будь всегда честенъ и достоинъ, по прежнему, моего вниманія. Послѣ освобожденія крестьянъ тому же самому лицу Тургеневъ писалъ слѣдующія строки: „Я всегда съ участіемъ слѣдилъ за ходомъ твоего воспитанія и радовался

¹⁾ Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1894 годъ.

твоимъ успѣхамъ. Надѣюсь, что теперь, когда ты вступишь на поприще дѣйствительной жизни, ты по прежнему оправдаешь мое довѣріе. Времена, слава Богу, наступили теперь другія, и всякій человѣкъ съ головой и съ поведеніемъ можетъ проложить себѣ дорогу. Будь увѣренъ, что ты найдешь всегда во мнѣ готовность быть тебѣ полезнымъ. Помни, что первые шаги особенно важны и трудны, но они облегчены для тебя тѣми познаніями, которыя ты приобрѣлъ“.

Разъясняя пользу образованія своимъ стипендіатамъ, Тургеневъ старался подѣйствовать „горячимъ словомъ убѣжденія“ и на темную крестьянскую массу, еще не вполнѣ сознавшую пользу грамотности. „Жалѣю, что ваши дѣти мало посѣщаютъ школу“ — писалъ Тургеневъ изъ Буживаля крестьянамъ села Спасскаго 4 сентября 1882 года. „Помните, что въ наше время безграмотный человѣкъ то же, что слѣпой или безрукій“. Эти золотыя слова, написанныя за годъ до смерти Тургенева, являются и его завѣщаніемъ русскому образованному обществу, напоминающимъ, что великое дѣло освобожденія народа еще не закончено.

Ашевскій.

Тургеневъ — любимецъ крестьянъ своего села.

Замѣчательно, что настоящія и лучшія качества сердца обнаруживались у него съ наибольшей силой въ деревнѣ или семьѣ. Всякій разъ, какъ онъ отрывался отъ Петербурга, отъ его искушеній и того возбуждающаго чувства, которое распространяетъ большой центръ населенія, Тургеневъ успокаивался. Не передъ кѣмъ было блестѣть тогда, не для кого было изобрѣтать сцены и думать о театральной постановкѣ ихъ. Деревня играла въ его жизни ту самую роль, которую потомъ исполняли частыя его отлучки за границу — она съ точностью опредѣляла, что онъ долженъ думать и дѣлать. Питая врожденное отвращеніе къ насилію, получивъ отъ природы ненависть къ попранію человѣческихъ правъ, которое тогда встрѣчалось чуть ли не ежедневно, Тургеневъ мстилъ господству крѣпостничества въ нравахъ и понятіяхъ тѣмъ, что объявлялъ себя противникомъ, безъ разбора, всѣхъ коренныхъ, такъ называемыхъ, основъ русскаго быта. Онъ потѣшался благоговѣйными отношеніями Москвы къ нѣкоторымъ, излюбленнымъ quasi-началамъ русской исторіи, но такой дальній, бесполезный протестъ былъ уже не у мѣста въ помѣщицкѣй деревнѣ. Тутъ онъ безпрестанно наталкивался на конкретные случаи произвола и беззаконія, которые затрогивали его душу и требовали, если не скорой помощи, часто и невозможной, — то участія и пониманія страданій.

Варвара Петровна Тургенева, мать его, обладала въ одной Орловской губерніи состояніемъ, равнымъ, по тогдашнему счету, силѣ 5.000 душъ крѣпостныхъ работниковъ. Это была женщина далеко не дюжинная и по-своему образованная: она говорила, большею частью, и вела свой дневникъ по-французски. Воспитаніе, которое она дала обоимъ сыновьямъ, показываетъ, что она понимала цѣну образованія,

но понимала очень своеобразно. Ей казалось, что знакомство съ литературами Европы и сближеніе съ передовыми людьми всѣхъ странъ не можетъ измѣнить коренныхъ понятій русскаго дворянина, и притомъ такихъ, какія господствовали въ ея семействѣ изъ рода въ родъ. Она изумилась, увидавъ разрушеніе, произведенное университетскимъ образованіемъ въ одномъ изъ ея сыновей, который полагалъ за честь и долгъ отрицаніе именно тѣхъ коренныхъ началъ, какія казались ей непоколебимыми. При врожденномъ властолюбіи, вспыльчивость и быстрота рѣшеній развились у нея отъ противорѣчій. Она не могла простить своимъ дѣтямъ, что они не обмѣнивали полученнаго ими воспитанія на успѣхи въ обществѣ, на служебныя отличія, на житейскія выгоды разныхъ видовъ, въ чемъ тогда и заключались для многихъ цѣли образованія. Такъ какъ нашъ Тургеневъ не измѣнялъ ни своего образа мыслей ни своего поведенія въ угоду ей, то между ними воцарился непримиримый, сознательный, постоянный разладъ, чему еще способствовали и подробности ея управленія имѣніемъ. Какъ женщина развитая, она не унижалась до личныхъ расправъ, но подверженная гоненіямъ и оскорбленіямъ въ молодости, озлобившимъ ея характеръ, она была совсѣмъ не прочь отъ домашнихъ радикальныхъ мѣръ исправленія непокорныхъ или нелюбимыхъ ею подвластныхъ. Сама она, по изобрѣтательности и дальновидному расчету злобы, была гораздо опаснѣе, чѣмъ ненавидимые фавориты ея, исполнявшіе ея повелѣнія. Никто не могъ равняться съ нею въ искусствѣ оскорблять, унижать, сдѣлать несчастнымъ человѣка, сохраняя приличіе, спокойствіе и свое достоинство. Она не затруднилась произнести смертный приговоръ несчастной собаченкѣ своего дворника Герасима, зная, что приговоромъ своимъ наноситъ смертельную рану сердцу ея хозяина. И что же? — одно появленіе Тургенева въ деревнѣ водворяло тишину, вселяло увѣренность въ наступленіи спокойной години существованія, облегчало всѣмъ жизнь — и это несмотря на его натянутыя отношенія къ маери, и въ силу только нравственнаго его вліянія, которому подчинялась даже и необузданная, увѣренная въ себѣ власть. Приводимъ здѣсь въ подтвержденіе нашихъ словъ выдержки изъ письма В. Н. Житовой, которая воспитывалась въ домѣ Тургеневой и видѣла съ малолѣтства все, что происходило въ немъ. Свидѣтельство ея тѣмъ цѣннѣе, что написано съ одушевленіемъ, которое даетъ отчасти понятіе о впечатлѣніи, порождаемомъ каждымъ наѣздомъ нашего поэта въ деревню, или въ московскій домъ, — между ихъ обитателями.

„Какъ себя помню, такъ помню свое и всеобщее, въ домѣ матери, обожане къ нему. Рѣдко онъ бывалъ у насъ; но когда его ждали, всѣ крестились, всѣ радовались: „Нашъ ангелъ ѣдетъ! Теперь у насъ все будетъ хорошо, теперь *ничего* не будетъ!“ Вотъ что слышалось со всѣхъ сторонъ. И дѣйствительно, велика была сила его кротости и доброты. Она все побѣждала, все укрощала... Около него ничто лживое и злое не имѣло мѣста. Настолько обаятеленъ онъ былъ, настолько самъ хрощъ, что его нравственная, такъ сказать, красота разливалась

на все окружающее его. Да — его доброты боялись! Читала я отзывъ Рольстона о „Муму“. Не то бы я сказала. Я во очію присутствовала при всей этой драмѣ, я была единственная, допущенная въ каморку Герасима, я ласкала, я кормила Муму, когда мнѣ удавалось ускользнуть отъ зоркихъ глазъ приставленныхъ ко мнѣ французенокъ и англичанокъ — и часто, очень часто дитятей прогуливалась на могучихъ рукахъ Герасима... Я 18 лѣтъ даю уроки. Проходя исторію русской литературы съ моими ученицами, я сама читаю образцовыя сочиненія. Могу читать самыя драматическія мѣста, но послѣднихъ страницъ „Муму“ никогда не могла дочитать громко: меня всегда душили слезы. И прежде, и теперь послѣдовательно затѣмъ мысли переносятся къ тому нашему Освободителю, который далъ намъ 19-е февраля и избавилъ навѣки нашу родину отъ того гнета, при которомъ нашъ простолюдинъ не смѣлъ ни любить ни чувствовать“...—Октябрь 1883.

Краснорѣчивыя строки хорошо передаютъ то, чѣмъ сдѣлался Тургеневъ для своего села Спасскаго, доставшагося ему по наслѣдству, и послѣ раздѣла съ братомъ; но уже недалеко было время, когда онъ сдѣлается любимцемъ не только своихъ спасовцевъ, какъ называлъ жителей деревни, но и любимцемъ читающей Россіи вообще и русскихъ женщинъ въ особенности. Произошло это вскорѣ послѣ кончины Варвары Петровны Тургеневой и послѣ извѣстнаго его ареста въ 1852 г., сообщившаго большую популярность его имени. Кругъ его знакомства еще не раздвигался до тѣхъ огромныхъ размѣровъ, какъ впоследствии, и литературная дѣятельность еще не имѣла за себя голоса всей Европы. На виду стояли „Записки охотника“, а за ними теплились малыя, мелькающими огоньками повѣсти, гдѣ уже сказывались первые проблески возрѣвнй Тургенева на русскую женщину, какъ на представительницу нравственной силы въ обществѣ. Гораздо позже замѣтили, что между этими повѣстями есть маленькіе шедѣвры, въ родѣ „Дневника лишняго человѣка“. Современникамъ его трудно было усмотрѣть также, что онъ въ теченіе 10 лѣтъ занимался обработкой одного и того же типа — благороднаго, но неумѣлаго человѣка, — начиная съ 1846 года, когда написаны были „Три портрета, и вплоть до „Рудина“, появившагося въ 1856 году, гдѣ самый образъ такого человѣка нашель полное свое воплощеніе. Съ Рудинымъ кончается и молодость Ивана Сергѣевича — ему было уже 38 лѣтъ. Ни кому и въ голову не приходило тогда заниматься разборомъ теоріи, весьма важной въ біографическомъ отношеніи, и въ силу которой русская жизнь распадалась на два элемента — мужественную, очаровательную по любви и простотѣ женщину, и очень развитого, но запутаннаго и слабого по природѣ своей мужчину. Въ авторѣ этой теоріи всего болѣе интересовало мастерство кисти, приемы творчества. вѣрныя картины жизни, а разоблачающій внутренній смыслъ его твореній закрывался для многихъ яркой мозаикой внѣшнихъ его походовъ между людьми.

Анненковъ.